

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

АЛЕКСАНДР БЛОК

ИССЛЕДОВАНИЯ
И МАТЕРИАЛЫ

С.-ПЕТЕРБУРГ

1998

Редакционная коллегия:

В. Н. БЫСТРОВ, Ю. К. ГЕРАСИМОВ, Н. Ю. ГРЯКАЛОВА, А. В. ЛАВРОВ

Рецензенты:

М. Ю. КОРЕНЕВА, К. Г. ИСУПОВ

ISBN 5-86007-118-3

© Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) Российской
Академии наук, 1998 г.
© Издательство "Дмитрий Буланин",
1998 г.

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящий сборник, посвященный страницам биографии и творческому наследию А. Блока, подготовлен в Институте русской литературы РАН при участии ряда исследователей из Петербурга и Москвы. Он является третьим по счету (первый вышел в 1987 г., второй — в 1992 г.). Структура его осталась прежней: 1. Статьи; 2. Сообщения. Заметки; 3. Публикации. Отдельный раздел отведен словарю рифм А. Блока, составленному Т. Ю. Максимовой (с предисловием академика М. Л. Гаспарова).

Диапазон материалов, представленных в сборнике, достаточно широк. Это и попытка проследить влияние античных философов на раннее творчество поэта (статья В. Н. Быстрова), и обоснование значительной роли аллюзий, реминисценций в лирике молодого А. Блока (статья С. Ю. Ясенского), и интерпретация помет художника, сделанных им при чтении знаменитого “Письма” В. Г. Белинского к Н. В. Гоголю (статья Е. Р. Обатниной), и анализ восприятия зрелым А. Блоком старообрядчества и сектантства (статья О. Е. Любимовой), и наблюдения над тем, как жизненные реалии отразились в творчестве А. Блока 1918—1921 гг. (сообщение А. Е. Заболоцкой), и разыскания в области блоковской текстологии (сообщение В. Н. Быстрова об истории формирования цикла “Ante Lucem”).

Как обычно, немало внимания уделено обширной сфере взаимоотношений А. Блока с современниками (публикации А. В. Лаврова), проблеме влияния его на творчество других художников (статьи О. Л. Фетисенко, Н. Ю. Грякаловой, сообщения А. М. Грачевой, Л. Ф. Алексеевой). В сообщениях и публикациях содержится малоизвестный и совершенно новый фактический материал, который заинтересует блоковедов.

Материалы сборника касаются различных аспектов творчества художника, охватывают практически все периоды его жизни и де-

тельности. Данное издание, как и два предыдущих, в известной мере дополняет большой контекст Полного (академического) собрания сочинений А. Блока, первые тома которого, подготовленные сотрудниками Пушкинского Дома, наконец увидели свет.

Тексты А. Блока, кроме особо оговоренных случаев, цитируются по изданию: *Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1960—1963* (с указанием в скобках тома римской цифрой и страниц — арабской).

СТАТЬИ

В. Н. БЫСТРОВ

РАННЕЕ ТВОРЧЕСТВО А. БЛОКА И АНТИЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Неоспоримо влияние античной философии на раннее творчество Блока. Она существенно определяла его умонастроения и мировосприятие. О том, какое важное значение имели для молодого Блока идеи Платона и пифагорейцев, писали и пишут все, кто пытается воссоздать духовную биографию и творческую эволюцию поэта; это стало уже общим местом (главным образом имеются в виду идеи “двоемирия”, “переселения душ”, “вечного возвращения”, прапамяти, “числа” как значимого элемента мира и т. д.). Но как нередко случается, очевидное быстро перестает интересовать, привлекать внимание, поле исследования суживается, повторяются одни и те же очевидные постулаты. Между тем, вопрос о воздействии античной философии на поэтическое сознание и лирику Блока далеко еще не исчерпан¹. Особенно ощутим недостаток конкретного анализа, который помог бы выявить, как-то обозначить круг навеянных античностью тем, идей, образов, которые прямо или опосредованно отразились в творчестве Блока периода “Ante Lucem” и “Стихов о Прекрасной Даме”.

Далеко не всегда удается легко обнаружить этот философский “пласт”, подтекст в ранней лирике Блока, осложненной причудливой многозначностью, эзотеричностью, загадочностью мотивов и образов. Иногда встречаются какие-то внешние знаки, приметы (заглавие, эпиграф, прозрачный намек, узнаваемые черты далекой эпохи и т. п.), облегчающие задачу исследователя-интерпретатора, но в целом многие поэтические реалии, связанные с углубленным чтением античных мыслителей, выявляются в стихах Блока с трудом (нередко, за неимением веских доказательств, о влиянии “древних авторов” в том или ином случае приходится говорить лишь предположительно). Этому есть свое объяснение: Блок переживал философские факты, идеи, догадки как лирик, и они,

будучи пропущены сквозь призму его души и взволнованного сознания, во многом видоизменялись, утрачивая конкретику исконного смысла и связь с первоисточником, они как бы поглощались другим творческим контекстом и иной, эмоциональной, стихией; древняя мысль в новом, изошренном сознании перерождалась, делалась более зыбкой и сложной. И все-таки есть необходимость и возможность установить (пусть порой приблизительно) источники целого ряда блоковских мотивов, символов, аллюзий, восходящих, так или иначе, к сочинениям античных философов. Как известно, в стихах Блока запечатлелись не только чувства и раздумья, дарованные или подсказанные жизнью, но и то, что было извлечено из книг. Попытки учесть многостороннее духовное воздействие древних мыслителей на раннее творчество Блока помогут в чем-то прояснить некоторые “темные”, загадочные тексты.

Конечно же, наблюдения эти (имеющие значение для анализа конкретного текста) могут стать тем весомее, чем убедительнее и достовернее они соотнесены с контекстом “не только поэтических, но и жизненных духовных поисков” Блока². Как справедливо отметила Д. Магомедова, античность была для молодого Блока “одним из средств войти в духовную жизнь современной эпохи...”³. Добавим к этому, что она была для Блока также средством самопознания, самоопределения, одной из опор его юного мирозерцания...

1

Живой, глубокий и целенаправленный интерес к истории античной философии появился у Блока шахматовским летом 1900 г. Характеризуя позднее это время, он в мемуарной дневниковой записи от 30 (17) августа 1918 г., в частности, отметил: “Начинается чтение книг; история философии. Мистика начинается. < ... > Начинается покорность богу и Платон” (VII, 342). По напряженности духовных поисков, насыщенных метафизическими переживаниями, эти месяцы были своего рода преддверием “мистического лета” 1901 г. Существенно, что Блок фиксирует хронологическое совпадение трех, определенным образом взаимосвязанных, “начал”: начало изучения философии, углубленное знакомство с творениями Платона, зарождение мистического мироощущения.

В одном из стихотворений той поры Блок так выразил борения разума и души (“мудреца” и “певца”), вызванные погружением в мир древности:

В седую древность я ушел, мудрец.
Эллада холодна. Безмолвствует певец.

Эллада умерла, стяжав золотой венец
И мудрости, и силы, и свободы.

Ту мудрость я передаю уму.
Ту силу я провижу и пойму.
Но жизнь души свободной не уйму —
Затем, что я — певец природы.

В холодном мраке эллинских могил
Я ум блуждающий напрасно укрепил.
Но пролил в сердце жар глубокий.
И первый зов души мне будет приговор.
Седеющих веков меня покинет взор,
И в мир вернусь один — для песни одинокой .

(27 августа 1900; I, 457 — 458).

Это важное свидетельство. Подобное восприятие истории философии было характерно для Блока. Многие, почерпнутое из сочинений древнегреческих мыслителей, становилось частью его сознания, интеллекта, способствуя рациональному познанию мира, укреплению “блуждающего ума”. Но, вместе с тем, буйная лирическая натура поэта, “певца природы”, как бы устанавливала предел умственному постижению, подчиняясь силам душевных стихий. И где-то на грани рассудочного познания и безрассудной жизни души и рождался первый мистический опыт. Блоку с юности чудилось присутствие в окружающем, в природе, во вселенной некоего сокровенного смысла, и ему хотелось приблизиться к разгадке тайны. Процесс постижения носил двоякий характер: знакомство с философией древних, с одной стороны, помогало проникнуть в суть метафизических явлений, но с другой — служило подоплекой мистических идей и переживаний, верований и откровений. Поэтому восприятие книжной древности Блоком имело ярко выраженную лирическую окрашенность и мотивацию. Его поэтический дух всегда готов был отлететь от страниц научной книги в мир фантазий, грез, чаяний, собственных образов. Он штудировал философию древних, “вложив безумство вдохновений в холодный разум мудреца” (I, 458)⁴.

Достаточно определенно мы можем говорить как о характере занятий Блока философией, так и об основных источниках, с которыми он в то время ознакомился. Так, в письме к отцу от 26 сентября 1900 г. он, в частности, сообщал: “... кроме специально университетских юридических наук я занимаюсь теперь историей философии вообще (которую слушаю у Введенского⁵ 3 часа в неделю) и специально Платоном по Льюису и переводу подлинника

Вл.С. и Мих.С.Соловьевых...”⁶. Через несколько месяцев, 1 декабря 1900 г., он писал ему же: “Философские занятия, по преимуществу Платон, подвигаются не очень быстро. Все еще я читаю и перечитываю первый том его творений в соловьевском переводе — Сократические диалоги, причем прихожу часто в скверное настроение, потому что все это (и многое другое, касающееся самой жизни во всех ее проявлениях) представляется очень туманным и неясным. Иногда совершенно наоборот (реже, конечно), и это главным образом после известного периода целесообразных занятий, когда все приходит в некоторую логическую систему” (VIII, 13 — 14).

Имеются в виду книга Д.Г.Льюиса “История философии от начала ее в Греции до настоящих времен: Древняя история философии” (Спб., 1865)⁷ и книга “Платон. Творения” (Т. I. М., 1899; перев. с греч. Вл.Соловьева)⁸. Оба эти тома из блоковской библиотеки ценны тем, что в них имеются многочисленные пометы Блока — свидетельство его вдумчивой, кропотливой работы. Большая часть из них сделана, вероятно, из сугубо практических соображений: выделить, как-то отметить наиболее важные сведения, идеи, относящиеся к тому или иному мыслителю, к той или иной философской школе, системе и т.д. Существенные, содержательные, с точки зрения Блока, фрагменты чаще всего подчеркнуты им карандашом. В некоторых случаях он отмечает выделенные строки знаками на полях (как правило, это знаки “плюс” и “NB”)⁹. Совершенно очевидно при этом, что целый ряд блоковских маргиналий имеет особую степень значимости, являясь непосредственным откликом поэта на ту или иную поразившую или взволновавшую его мысль. На них следует обратить особое внимание.

2

Свое изложение истории древней философии Льюис начинает с представителей Милетской школы. В главе, посвященной Фалесу, Блок выделил следующие строки: “*Фалес считал все сущее живущим, а мир полагал исполненным демонов или богов...*” (с.5; здесь и далее курсивом отмечены строки, подчеркнутые Блоком). Нельзя, конечно, сказать, что политеизм и пантеистические настроения юного Блока были непосредственно навеяны философскими воззрениями Фалеса, но, во всяком случае, воззрения эти, пленив сознание и воображение поэта, помогали ему постичь природу, истоки своих собственных переживаний. “Мистическим летом” 1901 г. Блок писал А.В.Гиппиусу, передавая присущее ему в то время мироощущение: “Ужасно все мне кажется “наполненным

богами” (как у Фалеса)” (VIII, 22). О том же он сообщал в письме к отцу от 16 октября 1901 г., процитировав здесь же строчки Вл.Соловьева, в которых улавливал, видимо, сходную мысль: “и под личиной вещества бесстрастной везде огонь божественный горит” (VIII, 26)¹⁰.

Там, где Льюис говорит об Анаксимандре, которого называли “первым метафизиком”, Блок отметил центральную в его учении мысль о единстве мира: “начало всех вещей” — “*безграничное все*” (с. 12); “*Первичное бытие, по мнению Анаксимандра, есть бесспорно единое. Оно единица и между тем всё*” (с. 13; весь этот фрагмент отчеркнут также на полях). Идея изначального единства мироздания была чрезвычайно близка Блоку. “Всё бытие и сущее согласно...” — так поэтически сформулировал он ее в одном из стихотворений, написанных летом 1901 г. Эта философская мысль могла принимать разные оттенки, но она, так или иначе, связывалась в сознании Блока с кардинальной проблемой смысла мирового и индивидуального бытия. Вполне закономерно поэтому, что Блок неизменно отмечал в книге Льюиса те строки, где чувствовался хотя бы намек на идею единства мироздания¹¹.

Вызывает некоторое удивление тот факт, что почти отсутствуют блоковские пометы в главе, посвященной Пифагору. Возможно, Блок знакомился с его учением по каким-то другим источникам. Не исключено также, что его не вполне удовлетворяла трактовка Льюисом идей, восходящих к Пифагору. Так, например, ученый предпослал этой главе следующее примечание: “Вся эта глава должна быть просмотрена теми, которые верят в символизм цифр” (с. 28). По мнению Льюиса, “истинный смысл Пифагорова учения прямо противоположен символическому. Символы суть произвольные знаки, несколько не похожие на представляемые ими вещи...” (с. 29). Вряд ли Блок, иначе понимавший сущность символов, согласился с подобным утверждением. Он верил в символику цифр, “число” было для него значимым, смыслодержающим и смыслообразующим элементом мира. Ему была близка приписываемая Пифагору мысль о том, что “мир устраивается посредством числовых отношений...” (с. 32)¹². Льюис подтверждал это положение выдержками из I-й книги “Метафизики” Аристотеля, где излагались основы пифагоровых теорий: “Таким образом, известное сочетание чисел составляет справедливость, другое сочетание чисел есть разум и понимание, еще другое — случай и т.д.” (с. 34); “... десять казалось им <пифагорейцам — В.Б.> совершенным числом, заключающим в себе все числа...” (с. 34); “Элементы... чисел суть чет и нечет. Нечет — конечен, чет — бесконечен” (с. 34) и др. Там же приводятся десять “начал”, или координат пифагорейцев,

среди которых можно выделить “конечное и бесконечное”, “нечет и чет”, “единое и многое”, “свет и тьма”, “добро и зло” (с. 34 — 35).

Как отметил современный исследователь, с числовой философией связаны, во-первых, вера в то, что “все в мире устроено в согласии с числовым принципом”, а во-вторых, обнаружение в природе “конкретных числовых закономерностей”¹³. И то, и другое было, судя по всему, характерно для Блока.

Одним из проявлений блоковской метафизики было то, что он на своем языке называл “числением”. Понятие это не однозначное. В самом общем виде, “числить”, согласно Блоку, — значит активно созерцать, мыслить, постигать внутренним взором глубинные сущности мира и бытия, погружаться в особое мистическое состояние¹⁴.

Но нередко Блок вкладывал в это понятие и сугубо числовую конкретику (уже непосредственно в духе пифагорейцев), когда размышлял именно над сочетаниями цифр. Для юного Блока все вокруг было не только “полно богов”, но и полно каких-то знаков, намеков, символов. Он ожидал свершения неких событий вселенского масштаба и в то же время томился неотступной думой о перипетиях своей страстной “неземной” любви к Л.Д. Менделеевой. Настроение напряженного ожидания исхода “мистического романа” — одно из главнейших в период “*Ante Lucem*” и “Стихов о Прекрасной Даме”. Об этом он откровенно писал А.В. Гиппиусу в августе 1901 г.: “Большой для меня вопрос личный, когда наконец осуществятся мои ожидания и верования” (VIII, 22). Сокровенные числа, казалось Блоку, могли, наряду с другими приметами, помочь в разгадке сроков и тайн долгожданных свершений.

В мае 1900 г., перед отъездом из Петербурга в Шахматово, Блок с тоской и тревогой думал о том, что на этот раз ожидает его там, где неминуем “новый натиск бурь и бед” (I, 344). Стихотворение “Пусть я покину этот град...” (16 мая 1900) отразило гамму суеверных гаданий поэта, в которых “числа” играли не последнюю роль:

Иль в муке и тревоге тайной
И в сочетаньях строгих числ
Таился тот — необычайный,
Тот радостный, великий смысл? (I, 344).

Это походило на своеобразную ворожбу с цифрами в руках... “Числа” помогали постичь непостижимое. Они по природе своей тяготели к определенности, порядку, гармонии, космосу (в противоположность хаосу)¹⁵.

Наиболее отчетливо мистическое “числение” воплотилось в необычном стихотворении “Пять изгибов сокровенных...” (10 марта 1901). Об истории создания стихотворения Блок позднее

писал: “В таком (мистическом, “особом”) состоянии я встретил Любовь Дмитриевну на Васильевском острове (куда я ходил покупать таксу, названную скоро Краббом). Она вышла из саней на Андреевской площади и шла на курсы по 6-й линии, Среднему проспекту — до 10-й линии, я же, не замеченный Ею, следовал позади... Отсюда появились “пять изгибов” <...>. Тогда же мне хотелось ЗАПЕЧАТАТЬ мою тайну, вследствие чего я написал зашифрованное стихотворение, где пять изгибов линий означали те улицы, по которым она проходила, когда я следил за ней, не замеченный ею (Васильевский остров, 7-я линия — Средний проспект — 8 — 9-я линии — Средний проспект — 10-я линия)” (VII, 343, 348).

Один из исследователей высказал вполне обоснованную догадку о ключевом смысле этого “зашифрованного стихотворения”, в котором “повторяются как заклинание числа пять, семь и восемь”: “Влюбленный Блок, тайно преследуя девушку, считал (мистически числил) каждый уличный поворот ее пути. Поворотов (“изгибов”) оказалось пять. Это число Блок истолковал в значении, которое оно имело у Пифагора и его учеников — цифровой символ бракосочетания”¹⁶. Имеют, вероятно, какое-то значение и другие фигурирующие в стихотворении числа, а также их сочетания (например, суммы пар цифр — шесть и девять, десять и девять, восемь и девять — дают нечетное число, что, согласно пифагорейской мудрости, — символ конечности, завершения, итога...). Цифровая последовательность могла отражать в сознании Блока борьбу и надежду, удачу и неудачу, препятствия и преодоления их и т.д. В целом текст все-таки не перестает быть загадочным, но ведь он не случайно создавался автором как зашифрованный, предельно эзотерический, сокровенно-личностный...

Числовые выкладки получали в воображении Блока магическую силу, подчиняя порой даже свободный, стихийный дух поэта. Они были связаны с рациональным, догматическим способом постижения мира и собственной судьбы; “числение” служило одним из средств укрепления “блуждающего ума”.

Однако дух поэта, стремящегося к идеальным сущностям, к “горним” высотам, то и дело порывался за пределы “числового” мышления и постижения мира и судьбы. В ноябре 1900 г., в разгар интенсивных занятий древней философией, Блок пишет стихотворение “В те целомудренные годы...” (оно вошло в раздел “Ante Lucem”), где “свобода” явно противопоставлена фатализму “строгих числ”:

В те целомудренные годы
Я понял тайный жизни смысл,

Поклонник твой, дитя свободы,
Как ты, далекий строгих числ.

Иль эти годы миновали,
Что я, свободу разлюбя,
Смотрю в грядущие печали
И число, число без тебя?

Что ж! Пусть прошедшему забвеньё —
Не в настоящем жизни смысл!
Я не достигну примиренья,
Ты не поймешь проклятых числ! (I, 66).

Когда всем существом Блока овладели мечты о желанной встрече с воплощенной Женственной тенью, он признал ее высшую власть над всем миром, и “строгие числа” оказывались бессильными и ненужными; они говорили о вечной обусловленности, замкнутости, предопределенности бытия, ввергая человека в “вечный плен”. “Строгие числа” ничего не могли сказать о Ней; Она, Душа Мира, — выше “мистической арифметики”. Эта мысль отчетливо звучит в стихотворении “Я и мир — снега, ручьи...” (10 мая 1902):

Возлюбить, возненавидеть
Мирозданья скрытый смысл,
Чет и нечет мертвых числ, —
И вверху — Тебя увидеть! (I, 193)¹⁷.

“Холодные числа” не вписываются в иерархию высших ценностей, служа опорой уму в земной повседневности...

В стихотворении “Царица смотрела заставки...” (1902) образы Царицы и Царевны строго противопоставлены друг другу как приобщенные к совершенно разным сферам бытия и познания: одна — к миру змеиной, “исчисленной” мудрости, “глубинности древней”, другая — к Вечноженственному началу, “непостижному уму”:

Царевна румяней царицы —
Царицы, ищущей смысла.
В книге на каждой странице
Золотые да красные числа (I, 249).

Превосходство кроткой Царевны над многомудрой Царицей — для поэта вне сомнения:

Поклонись, царица, Царевне,
Царевне золотокудрой:
От твоей глубинности древней —
Голубиной кротости мудрой.

Ты сильна, царица, глубинностью,
В твоей книге раззолочены страницы.
А Невеста одной невинностью

Несомненно, что в учении Пифагора Блок воспринял его идеи единства мира и “метемпсихоза”. Они так излагались в популярном очерке о древнегреческой философии в одной из учебных книг: “Исходную точку Пифагорова учения составляет идея центрального единства <...> Центральный огонь составляет средоточие вселенной: <...> он есть существо, освещающее и одушевляющее весь мир; из него происходят души людей и животных. Тело умирает, душа, будучи бессмертной, переходит после смерти в другое тело...”¹⁸ Об идее “переселения душ” речь пойдет ниже... Здесь отметим, что пифагорова идея происхождения людских душ из некоего мирового огня могла стать одним из источников мифопоэтического образа в стихотворении “Отзвучала гармония дня...” (19 марта (?) 1901):

Ты, душа, порождение огня,
В наступающем мраке воскресни (I, 470).

Нельзя не упомянуть в связи с Пифагором об общине, образованной им и названной его именем. Пифагорейцы привлекали внимание Блока своим особым отношением к миру, внутренним укладом жизни, традициями “братства”, но главное — стремлением воплотить высокие духовные идеалы и ценности. В частности, он не раз подчеркивал ту особенность, что в пифагорейской общине все считали друг друга “равными блаженным богам”¹⁹. Подобная степень самосознания достигалась посредством упорного движения к нравственному совершенству. В стихотворении “Через песчаные пустыни...” (20 — 21 мая 1901) Блок в иносказательной форме выразил устремленность лирического героя к высокому идеалу, к “святыне”, и не случайно, видимо, в финале возникает образ некоего “белого храма”, где герой в воображении видит себя “в ряду с богами и сопричисленным богам” (I, 472). При этом если герою, чтобы достичь желанного совершенства, нужно преодолеть пустыни и тернии, то героиня “Стихов о Прекрасной Даме” изначально, благодаря своей идеальной природе, “сопричислена богам”: “Иль ты, сливаясь со звездой, / Сама богиня — и с богами / Гордишься равной красотой...” (“Какому богу служишь ты?..”, 1901; I, 101).

В натурфилософии Гераклита Эфесского Блок могли привлечь, прежде всего, диалектические идеи вечной изменчивости, превращения одних форм бытия в другие, исконной борьбы противоположностей²⁰. Льюис так излагал суть его учения: “Гераклит объяснял явления жизни столкновением противоположных стремлений и усилий вечного, движущего огня, которые дают в результате прекраснейшую гармонию. Все состоит из противополо-

ложностей, так что добро есть в то же время зло, жизнь — смерть и т.д. Гармония мира складывается из борьбы сталкивающихся направлений, подобно столкновению лиры и смычка. Борьба противоположных стремлений есть праматерь всех вещей <...>. Жизнь есть изменение, а изменение — борьба” (с. 71).

Сохранилось мало конкретных свидетельств об отношении Блока к Сократу, учителю Платона. Между тем, блоковские пометы в книге Льюиса позволяют предположить, что на молодого Блока оказала определенное влияние сама незаурядная личность Сократа, которого отличало мужественное отношение к миру и к смерти. Сократ, отмечал Льюис, “дал новый толчок человеческому уму и завещал человечеству великий пример героической жизни, посвященной истине и увенчанной мученичеством <...>. Он проторил новую стезю, доискиваясь решения вопроса о сущности мира, он стремился... найти свет, озаряющий его путь по миру” (с. 128 — 129, 130). Льюис охарактеризовал Сократа как “человека храбрейшего, самого искреннего, самого простого и самого мудрого, который когда-либо жил между людьми” (с. 167; фрагмент отчеркнут на полях). Особо выделил Блок те строки, где говорится о поведении Сократа перед лицом смерти, на которую он был осужден своими согражданами: “Никто спокойнее не смотрел в глаза смерти; никто не приветствовал ее с большею верою в то, что она есть перерождение в высшую степень бытия” (с. 145)²¹. И дело здесь не только в ярком примере личного бесстрашия философа, но и в факте восприятия им смерти как приобщения к высшим “мирам иным”. У молодого Блока (да и у зрелого тоже) отношение к смерти было именно таким — трагичным, исключаящим мысль об абсолютном конце²².

Вероятно, немаловажное значение имели для Блока сократовские идеи о самопознании. Он выделил те фрагменты, где Льюис затрагивает эту сторону учения Сократа: “Цель и задача Сократа состояла в сознательном отвлечении ума от созерцания явлений природы и в обращении его внимания на происходящие в нем самом явления: истину нужно искать внутри себя, а не во внешних предметах” (с. 152). Мысль о познании духовных глубин через познание самого себя, своей души была далеко не чужда Блоку. Но тут важна и другая, скрытая в подтексте, мысль: о равноценности мира человеческой личности (“я”) и объективной реальности, окружающей действительности. Она также была близка Блоку. Очевидное свидетельство тому — стихотворение “Все бытие и сущее согласо...” (1901):

Мне все равно — вселенная во мне.
Я чувствую, и верую, и знаю,
Сочувствием провидца не прельстишь.

Я сам в себе с избытком заключаю
Все те огни, какими ты горишь (I, 88).

Излагая далее сократовские идеи, Льюис писал: “Каждый человек должен добывать истину для себя посредством упорной борьбы с самим собою <...> Его философия была осуществлением дельфийской надписи: “*Познай самого себя*” (с. 157; отмечено на полях знаком “NB”). Философия давала возможность проникнуть в область умопостигаемых истин, и борьба с самим собой, самоуглубленность и самопознание могли судить важные открытия, не приближая, правда, при этом к постижению Вечноженственной субстанции вселенной. Вероятно, такой смысл, наряду с другими возможными, содержится в стихотворении “Была и страсть, но ум холодный...” (9 декабря 1900)²³:

О, я стремлюсь к борьбе с собою,
К бесплодной, может быть, борьбе...
Когда-то полная тобою
Душа тоскует — о тебе! (I, 461).

Отметим попутно, что в главе о Сократе Блок пристальное внимание уделил той мысли, которую Льюис высказал, размышляя о судьбе и наследии провидца, духовного учителя, каким был Сократ: “*Современники не в состоянии понять великого человека. Он может быть понят только равными себе, а равных ему весьма немного. Слава великого человека растет в потомстве, потому что является много других великих людей, способных ценить его*” (с. 140; фрагмент отмечен также на полях знаком “NB”). Мог ли Блок тогда, в юности, воспринимать эту мысль не как общее, отвлеченное соображение, а и лично, применительно к самому себе, пусть втайне? Не исключено, что мог... Во-первых, он рано познал и взлелеял в себе романтическое ощущение избранности, отмеченности, высокого предназначения; ведь уже в то время он считал себя носителем некоего сверхзнания, сокровенной Тайны²⁴. Во-вторых, в раннем творчестве Блока очень часты мотивы отъединенности, отчуждения от “толпы”, которая не способна в настоящем постичь его откровений и чаяний²⁵.

3

Не будет, видимо, преувеличением сказать, что вторая половина 1900 г. и начало 1901 г. во многом прошли для автора “Стихов о Прекрасной Даме” под знаком Платона. Это было, пожалуй, время его наибольшего интереса к личности и творениям великого философа-идеалиста, который как бы подготовил душу и

сознание Блока к встрече с мистической поэзией Вл.Соловьева. С именем и идеями Платона связано большинство ранних произведений Блока, навеянных в той или иной степени древней философией.

Как явствует из цитированного выше письма к отцу от 1 декабря 1900 г., Блок в своих занятиях греческой философией основное внимание уделял учению Платона. Причем это было не просто усвоение, а глубинное постижение, переживание мира платоновых идей, “вживание” в него и творческое переосмысление в поэтических образах.

А.Н.Блок (родственница поэта по линии Александра Львовича) в письме к отцу Блока от 18 октября 1900 г. сообщала: “Это время он < Блок — В.Б. > увлекается Платоном, всем зачитывается, стихи сочиняет (он нам декламировал свое), видимо, навеянные им же”²⁶. Сам Блок в позднейшей дневниковой записи от 30 (17) августа 1918 г., вспоминая об основных событиях осени 1900 г., между прочим, отметил: “Тут я хвастаюсь у Качаловых своим Платоном” (VII, 343).

О каких стихах, созданных под воздействием Платона, могла тогда идти речь? Безусловно, прежде всего это “Аурафа Доумата” (“Я видел мрак дневной и свет ночной...”, 22 августа 1900; вошло в состав цикла “Ante Lucem”) и “Вложив безумство вдохновений...” (14 сентября 1900). Смысл обоих текстов не может быть понят более или менее адекватно без обращения к тем древнеклассическим реалиям, которые отразились в стихотворениях и которые непосредственно связаны с Платоном. В своих примечаниях ко второму изданию “Стихов о Прекрасной Даме” (1911) Блок, касаясь названия первого стихотворения, пояснял: “Аурафа Доумата” — “неписанные догматы” — выражение Аристотеля о Платоне; некоторые разумеют под ним сокровенное учение Платона”²⁷. Происхождение и значение термина Льюис в своей книге (откуда Блок, скорее всего, и почерпнул эти сведения) выводит из следующего фрагмента диалога Платона “Федр”:

“Письмо походит на живопись; создания этой последней очень похожи на живые существа; но когда вы задаете им вопрос, они хранят торжественное молчание. То же самое и писанные речи: читая их, воображаешь, что в них есть какой-нибудь смысл; но если захочешь поучиться и станешь вопрошать, то на все вопросы они могут дать только свой первый ответ <...> Есть другой род речи, гораздо лучший, гораздо более действительный... Тот, который написан научным образом в уме учащего. Эта речь способна защищать себя, говорить за себя или молчать, как найдет удобней” (с. 198). В связи с платоновыми словами о несовершенстве письменных произведений, считал Льюис, “находится один

отрывок у Аристотеля, где Аристотель говорит об *αγραφα δογματα*, или “неписанных мнениях”, отрывок, намекающий, по мнению некоторых, на существование эзотерического учения” (с. 200). Далее Льюис подчеркивал, что “неписанные догматы” означали, скорее всего, лекции Платона или записи, составлявшиеся его учениками на этих лекциях²⁸, что “нет никакого основания считать их эзотерическими догматами” (с. 201). Из контекста блоковского стихотворения явствует, что поэту была близка и желанна догадка (или предположение) об эзотерической подоплеке платоновых “неписанных мнений”. Именно в этом значении и нужно понимать заглавие стихотворения. Не исключено, что Блок вкладывал в это понятие ту сокровенную, потаенную, неявную для других сущность учения Платона, которая помогла ему открыть, познать идеальные “миры иные”, постичь природу своих смутных мистических переживаний, развеять “ужас вечного сомненья” (I, 56). Воспринятые у Платона идеи стали как бы его собственными “неписанными догматами”. Финал стихотворения звучит как апология Платона:

Из мрака вышел разум мудреца,
И в горной высоте — без страха и усилья —
Мерцающих идей ему разыграли крылья (I, 56).

Стихотворение это, как многие из ранних у Блока, загадочно, с трудом поддается толкованию. Но заложенная в нем мысль о том, что учение Платона явилось для мира (и для самого поэта) откровением, чем-то эпохальным по своему значению, не подлежит сомнению. С точки зрения молодого Блока, картина мира до Платона (какой, в частности, она рисовалась другим философам) — это “холодный мрак”, не озаренный светом вечной истины и божественной мудрости. Такая картина мироздания, объясняющая многие явления жизни, мало говорила душе о смысле всего сущего. Можно было укрепить “блуждающий ум”, но нельзя было развеять тоску, вызванную опущением зыбкости, непрочности, неверности, случайности бытия. Платон же давал возможность всем чутким и томимым “духовной жадой” обрести вечные, нетленные ценности...

Мало сказать, что Блок пережил увлечение Платоном. Нет, это было одно из тех соприкосновений в глубинах духа, которое посеяло в Блоке незыблемую, пронесенную сквозь годы утрат и сомнений убежденность в том, что он еще в юности приобщился к некоей мировой Истине, “великое познал”. Платон стоял у истоков блоковского мистицизма, блоковского ощущения Души Мира, блоковской веры в “миры иные”. В коротком стихотворении, послу-

жившем одним из эпитафий к “Поэме философской”(1900), Блок, безусловно подразумевая Платона, писал:

Мне сердце светом озарил
Ты, мой задумчивый учитель²⁹,
Ты темный разум просветил,
Эллады мощный вдохновитель³⁰ (I, 461).

Момент приобщения к заветным идеям Платона получает своеобразное поэтическое выражение в стихотворении “Вложив безумство вдохновений...”. Лирический герой его “видит” себя в далеком прошлом бесстрашным мудрецом, глубоко познавшим таинства миров:

Вложив безумство вдохновений
В холодный разум мудреца,
Я шел в толпе, бесстрашный гений,
Миры познавший до конца (I, 458).

Черты Платона распознаются в этом образе почти однозначно. Таким он представлялся Блоку: вдохновенным и наделенным мощным и бесстрастным умом философа, жреца Истины³¹.

Упомянутые во второй строфе стихотворения оливковые сады и рощи с “влажными плодами” — очевидный намек на публичный сад в окрестностях Афин, где Платон основал свою школу. У Льюиса отмечено: “Мысли потомства часто обращались к этому месту и делали его средоточием бесчисленных сочетаний. Его воспевали поэты, об нем мечтали философы: “Смотри: вот роща из олив, уединение Платона”...” (с. 191).

Теперь, в настоящем, герой припоминает то время “иного бытия”, когда разум его был ясен и всесильен:

И вновь рожденный смертным — ныне
Я смутно помню блеск венца
В моей тюрьме, в моей пустыне,
В моем бессильи — до конца (I, 459).

Образы-метафоры “тюрьмы”, “пустыни” являются здесь синонимами земной жизни, где брэнное тело сковывает вещей дух. Льюис прямо использует именно эту метафору, излагая суть мироощущения Платона: “Он созерцал жизнь с точки зрения бессмертной души, жаждущей высвободиться из своей земной темницы и стремящейся предвосхитить слабый проблеск сияния той вечной истины, которая будет некогда составлять ее постоянную обитель. Платон знал, что мимолетные явления сего света пройдут и исчезнут, но он был слишком умен, чтобы оставлять их без внимания. Как бы ни были они мимолетны и несовершенны, во всяком случае

они служили *указаниями вечной истины*, к которой он стремился...” (с. 211). И еще: “Он сказал, что душа была и есть бессмертная. В состояниях, предшествовавших настоящему <т.е. земному --- В.Б.> бытию, она имела ясные понятия о вечной истине. Она видела лицом к лицу бытие. Сойдя на землю, поселившись в теле и подвергшись всем неудобствам этой темницы тела, она не стоит более лицом к лицу с бытием...” (с. 223). Миф о подлинном бытии в надмирных, божественных, сферах, которое противостоит земному существованию, стал одним из тех ярких откровений, которые подарило Блоку приобщение к творениям Платона.

В сознании Платона так рисовалась эта “область над небом”, названная им в диалоге “Федр” “жилищем богов”, “полем истины” (фрагмент приводится в книге Льюиса): “Эта область есть место-пребывание самого бытия, настоящего бытия, *без цвета, без образа, бытия неосязаемого, видимого только уму, возникшему души, и составляющего предмет настоящего знания*” (с. 219). В поэтическом воображении Блока эта область истинного бытия могла быть одним из страстно чаемых им других миров, куда безотчетно стремилась его душа.

Согласно Платону, к обители богов душа (если она не обременена грехами) может вознестись на неких крыльях. Льюис цитирует отрывок из диалога “Федр”, где Сократ говорит: “Если душа совершенна и окрылена, то она парит в вышине и полагает управлять вселенною <...> В природе крыльев лежит поднимать тяжелые тела вверх, к обители богов. Крылья более всех членов тела причастны божеству. Божественное вмещает в себя прекрасное, мудрое, доброе и все тому подобное. Этим-то и питаются и растут крылья души, разрушаются же они от предметов, противоположных названному” (с. 218). Образ крыльев, возносящих душу в высь, к небу, нередко встречается в ранней лирике Блока. И влияние образных идей Платона здесь более чем вероятно. Пожалуй, наиболее ощутимо это влияние платоновых размышлений об “окрыленной душе” сказалось в стихотворении “Новый блеск излило небо...” (25 июля 1900):

Вознесясь стезею бледной
В золотое *без конца*³²,
Стану , сын покорно-бедный,
В осиянности творца.

Вознесусь душой нетленной
На неведомых крылах.
Сердцем чистые блаженны ---
Узрят бога в небесах ³³ (1,456).

Идея “двоемирия” овладела сознанием Блока настолько, что стала одной из ключевых в его поэтическом творчестве. В стихах 1900 — 1902 гг. противопоставление сфер “здесь” (земная действительность) и “там” (запредельный мир идеальных сущностей, вечной красоты, гармонии, света) является вполне установившимся. Необходимо подчеркнуть при этом, что понятие символизированных “миров иных” было для Блока многозначно и вмещало в себя элементы самых разных представлений о “горних”, потусторонних сферах (влияние сходных мотивов лирики поэтов-романтиков, прежде всего Жуковского³⁴, мифопоэтические представления разных народов, религиозные верования, учения о космосе и т.д.). В связи с этим необходимо принять во внимание также и воздействие на молодого Блока платоновых идей и образов. И здесь существенна не только конкретизация в сознании довольно отвлеченных, интуитивно постигаемых субстанций, но и личностное отношение к ним; переживание своей таинственной связанности с ними. Одно дело сказать: “Есть миры иные” (императив веры), другое — улавливать, искать их приметы в окружающем, ощущать их отсветы в своем сознании, в своей душе. И тут заветы Платона были для молодого Блока бесценны. Уже тогда они приучали его душу “к вздрагиваньям медленного хлада”, “чтоб было *здесь* ей ничего не надо, когда *оттуда* ринутся лучи”. Блок особо выделил в книге Льюиса то место, где автор излагал “*единственный, постоянный догмат*” Платона: “Открывайте неизменное, необходимое среди меняющегося, случайного, открывайте единое во многом, тогда вы проникните в самую тайну бытия” (с. 212). Естественное следование этому завету было одним из истоков блоковской символизации мира. Более того: подобный тип мироощущения способствовал зарождению и укреплению культа Вечно-Женственного начала, “Девы, Зари, Купины” как вселенской субстанции, придающей единство всему сущему — многоликому, раздробленному и случайному. Вполне закономерно, что Блок отметил в книге Льюиса то место, где речь идет о принципиальных особенностях восприятия Платоном идеальных сущностей: “*Объективное направление состоит в склонности превращать наши понятия в представления, давать внешнее существование нашим идеям и смотреть потом на них как на образы, или на существа*” (с. 215). Это одна из центральных посылок учения Платона. В сущности, в ней содержится зерно того “практического мистицизма”, который проповедовал и пытался воплотить Вл. Соловьев. Блок, как известно, стал его преемником и последователем. Действительно, Блок прошел эти стадии: сначала было мистическое предчувствие, потом идея о едином начале (Бог, Душа Мира, Вечно-Женственное) и, наконец, представление и

образ (Прекрасная Дама, Российская Венера, Подруга Светлая, “темного хаоса светлая дочь” и т.д.). Очевидно поэтому, что воздействие идей Платона касалось каких-то глубинных основ мировоззрения Блока, его духовной и творческой жизни...

Следует подчеркнуть, что серьезное влияние на молодого Блока оказали соловьевские представления о личности и философских взглядах Платона. Это знаменательный факт: Блок узнал Вл.Соловьева прежде как интерпретатора и популяризатора платоновой философии, а затем уже близко познакомился с его лирикой, оставившей в его душе неизгладимый след; идеи Платона, в оригинальном толковании их Вл.Соловьевым, стали как бы первым откровением, предварившим второе — соловьевские стихи о “вечно-женственном”, о нетленной красоте высшего Духа, о мирах истинных и ложных.

В очерке Вл.Соловьева, которым открывается книга “Творения Платона”, Блок отметил (отчеркиванием на полях) то место, где говорится о двух мирозерцаниях Платона. Первое Вл.Соловьев обозначил как “идеализм отрешенный и пессимистический”, основывающийся на том, что *“мир весь во зле лежит”*: “Для нормального человека, то есть мудрого и справедливого, сама жизнь есть зло, а смерть — благо; истинный философ должен внутренне умереть для этого мира прежде физической смерти: он должен отказаться от всяких практических интересов и замкнуться в себе, отнюдь не касаясь дел общественных... <...> Такому безусловному дуализму между правдой и действительной жизнью соответствует здесь такое же окончательное раздвоение между духом и телом, разумным мышлением и чувственным восприятием, между истинно-сущим и явлением: тело, чувственность, явление суть нечто вполне дурное, недостойное, недолжное; тело есть гроб и темница духа, чувственность — обман, явление — призрак”³⁵.

Второй тип мирозерцания (во многом как способ преодоления первого), названный Вл.Соловьевым “идеализмом положительным и оптимистическим”, основывается на посылке, что *“мир весь в добре лежит”*: “он есть произведение верховной благодати, второй бог, образ первого; все телесные и чувственные предметы образованы высшими духовными (“умными”) силами, запечатлевшими в них идеальные нормы бытия...” (Творения Платона, с. 18 — 19).

Возникновение подобного дуалистического мировоззрения Платона Вл.Соловьев объяснял так: “Смертный приговор Сократу за его решимость держаться одного чистого добра и правды обнаруживал в человеческой природе и жизни такую глубину зла, какую нельзя было объяснить одним незнанием и нелогичностью <...> Характерный для него <Платона --- В.Б.> теоретический

дуализм между истинно-сущим и призрачно-бывающим или являющимся есть прежде всего ответ философского ума на нравственный вопрос, поставленный фактом закономерного убийства праведника за простое исповедание им правды. Спрашивается: как это возможно? И вот ответ: это возможно и естественно потому, что *тот мир, в котором это бывает, не есть настоящий...* <...> *понятно, что в неистинном происходит недолжное*" (Творения Платона, с. 21 — 22, курсив Вл.Соловьева). Такова одна из главных посылок, лежащих в основе неприятия человеком окружающего мира. Блоку, безусловно, было свойственно романтическое отрицание действительности; при этом реакция его души и разума на нелепости и уродства жизни была сходна во многом с платоновым идеализмом, как его толковал Вл.Соловьев. Абсурдное и нелепое является доказательством неистинности земного бытия, которому противостоит высшее, подлинное бытие; приметы идеального начала вселенной есть и в этом мире.

В диалоге "Фэдон", писал Вл.Соловьев, "мы находим уже вполне определившуюся философию двух миров: настоящее отечество для мудреца не этот ложный мир явлений, а тот идеальный космос истинно-сущих и умопостигаемых благ, к которому философская душа принадлежала до рождения и будет всецело принадлежать по смерти <...> Реальному миру приписывалось здесь только кажущееся, а не настоящее бытие: это есть нечто непрерывно рождающееся и погибающее (т.е. возникающее и исчезающее), по существу же никогда не сущее... <...> Этот мир в основе своей есть прямо небытие... Так и называет его Платон — и неизбежно должен называть, ибо то, что только *кажется* как бы *сущим*, очевидно, тем самым *есть не сущее*" (Творения Платона, с. 23, 24; курсив Вл.Соловьева).

Философская подоплека блоковского мистицизма, романтического идеализма периода "Стихов о Прекрасной Даме" — это именно представление о кажимости, призрачности мира явлений, феноменов, за которым скрывается ("сквозит", "мерцает") ноуменальный мир истинно-сущего. И тут влияние Платона следует признать одним из определяющих, решающих. Вера в существование подлинного бытия примиряла поэта с реальностью, преходящие, изменчивые лики которой не угнетали его, взыскательный дух своею хаотичностью и бессмысленностью, поскольку получали "вторичное", относительное значение перед лицом вечной Истины, нетленных ценностей.

Когда сознанию Блока открылось, что существует некая метафизическая "глубина", то поверхностные, обыденные явления окружающей действительности все более превращались в своеобразную "ширму", сквозь которую как бы просвечивают иные, ноуменаль-

ные, сферы. Подобное мировосприятие отчетливо выразилось в стихотворении “Внемля зову жизни смутной...” (1901) :

Внемля зову жизни смутной,
Тайно плещущей во мне,
Мысли ложной и минутной
Не отдамся и во сне.
Жду волны — волны попутной
К лучезарной глубине (I, 106).

Вл.Соловьев обращал особое внимание на проблему соединения, совмещения двух миров: идеального, “незримого очами”, и видимого, чувственного³⁶. Очевидно, что эта же проблема совмещения (хотя бы в собственном сознании) земной жизни и “иного” мира неизбежно должна было встать перед Блоком. От решения ее во многом зависела вера в тот “практический мистицизм” (заметим, отличный от созерцательного, “сказочного”), к которому все более тяготел молодой Блок. Установить живую связь с надмирными сферами, соприкоснуться с ними душой и разумом — в этом и видел юный Блок свое предназначение как мистического поэта.

По мнению Вл.Соловьева, проявлением платонова дуализма было “безусловное противоположение души и тела” (Творения Платона, с. 23). В качестве соединяющей разные миры субстанции выступает у Платона Эрос, который, по словам Вл.Соловьева, “есть переход, посредство и связь между двумя мирами, он совмещает в себе идеальную природу с чувственной <...> Эрос не бог, но нечто божественное, посредине между вечной и смертной природой, могучий демон, связывающий небо и землю” (с. 26). Вл.Соловьев подчеркивал также, что Эрос (который есть, по сути, то же, что и пифагорейская “Душа Мира”), согласно воззрениям позднего Платона, “производит вещественные стихии и тела сообразно идеям, и мир истинно-сущего оказывается не противоположностью, а первообразом нашей действительности” (Творения Платона, с. 28).

О том, какое значение придавал этой проблематике молодой Блок, свидетельствует его “Поэма философская” (1900), состоящая из четырех частей (последняя часть написана чуть позднее, в феврале 1901 г.). Первая “посылка” имеет самый отвлеченный характер, выражая распространенное философское воззрение о единстве духа и плоти, сотворенных всеобъемлющим Богом:

Здесь, на земле, одиноцельны,
И дух, и плоть путем одним
Бегут, в стремленьи нераздельны,
И Бог — одно начало им (I, 461).

Льюис в своей книге писал об одном из догматов философии Платона: "... Бог является единым существом, объемлющим в себе все другие существа, <...> причину всех вещей, небесных и земных. Бог есть верховная идея" (с. 231)³⁷.

Вторая и третья "посылки" заключают, с небольшими вариациями, мысль о природной власти духа и души над телом:

Вечен дух — и преходящим телом
Правит, сам подвластный божеству... (I, 462).

.....

Так-то объемлемый дух его же обнявшему телу
Властно законы дает, тело наполнив собой.
Тело же точно и вмиг души исполняет законы,
В жизненной связи с душой, вечно подвластно душе (I, 463).

Строки эти могли быть навеяны диалогом "Фэдон", который не вошел в первый том "Творений Платона", но который был наверняка известен Блоку: "... телу природа указывает повиноваться и находиться под управлением, а душе начальствовать и повелевать"³⁸. Дм.Лебедев, подготовивший издание "Фэдона", так прокомментировал эти строки: "Почему? Ответ на это находим в "Тимее": "Душа есть ранее явившееся и высшее начало, а потому и господствующее; душа сотворена раньше, а тело позже; вследствие этого тело по естественному закону должно подчиняться душе"³⁹.

В "Последней части философской поэмы" возникают образы богини мудрости Афины Паллады и Эроса. Видимо, они также призваны были олицетворять идею соединения духа и плоти, идею Любви-Мудрости. И здесь значимым для Блока было платоновое понимание Эроса, которое Вл.Соловьев выразил в другом месте следующим образом: "Как смешанное произведение полноты вечно-сущего и материальной скудости, он < Эрос — В.Б. > есть начало деятельное и страдательное вместе, нуждающееся в совершенной форме и вместе с тем принимающее ее и сообщающее другому. Эрос — не бог, но нечто божественное, посредник между вечною и смертною природой..."⁴⁰. Главное призвание Эроса в мире заключается, по словам Вл.Соловьева, в том, чтобы побуждать к рождению, "но не в смертном "бывании", а в красоте и бессмертии" души добродетельные и истинно-философские⁴¹.

Любопытно позднейшее свидетельство Блока, что его поэтические раздумья о синтезе первородных начал, единстве бытия, животворящей силе духа помогали ему бороться как с хаосом душевным, так и внешним; это было как раз в то время, когда начиналась, как он писал, "борьба с адом": На помощь призывается: 1) всемогущая сила бога и 2) "умо-сердечное" — Афина и

Эрос (завершение мысли, возникшей в 1900 году, едва ли не предвестие той адской провокации с двойниками внутри, которая потом погубит), то есть соединение сил духовных с телесными” (VII, 347). С другой стороны, это несколько неожиданное признание Блока наводит на мысль о том, как идея “двоемирия” могла способствовать возникновению “двойственного” сознания личности, “двоящихся” мыслей; такое мирозерцание, в свою очередь, могло порождать “двойников внутри”. И тогда порой очень трудно было понять, какие части многосоставной души принадлежат сфере идеальных сущностей, а какие — миру земных страстей и забот, что относится к подлинному бытию, а что — к призрачному, суетному существованию... Более того, имеет ли человек какое-то значение в данном своем земном “бывании”, воплощении, или он есть лишь некоторое “вместилище”, средоточие духовных ценностей прошлого, о котором смутно помнит бессмертная летучая душа? Неразрешимость до конца этой дилеммы являлась, видимо, одной из глубинных причин блоковского скептицизма, который был присущ ему и в молодые годы⁴². Сохраняя веру в “миры иные” и подлинное бытие, нужно было примириться с бесконечностью повторений событий и явлений здесь на земле. “Одна и та же нить / Связует здесь и там...” — так сформулировал Блок эту мысль в стихотворении “Никто не умирал. Никто не кончил жить...” (1903; в рукописи озаглавлено “Метемпсихоз”). Идея “переселения душ”, восходящая к пифагорейцам и Платону, была, видимо, для Блока одним из тех дорогих мифов, которые “повествуют о тайном сочетании здешнего и нездешнего, земного и небесного...” (VII, 49)⁴³. Миф этот близко соприкасался с идеей “вечного возвращения”, повторения прежних жизней и судеб, идеей, в которой содержался не только утешительный смысл. Об этом, по сути, Блок намекал в финале стихотворения “Никто не умирал. Никто не кончил жить...”:

Внимательно следи. Разбей души тайник:
Быть может, там мелькнет твое же повторенье...
Признаешь ли его, скептический двойник? (I, 527).

И здесь важное значение приобретает учение Платона о “припоминании”, идея “анамнезиса”. Существенно, как оно изложено у Льюиса: “Такое понимание есть не более не менее как *припоминание того, что душа прежде уже видела во время своего пребывания с богами, когда она, пренебрегая тем, что мы называем существующим, воспринимала то, что действительно существует*” (с. 221). Это не историческая память, не почерпнутые из разных источников знания о прошедшей жизни людей и даже не интуиция,

помогающая воссоздать образы былых времен, воскресить дух старых культур. Это — именно сверхзнание об идеальных сущностях мира, мистическое постижение подлинного бытия. Поэтому вызывает сомнение такое, например, утверждение исследователя: “Для Блока в платоновском анамнезисе раскрыта возможность прорыва памяти человечества в личную память...”⁴⁴. Вероятно, подобная трактовка идеи “анамнезиса” ближе к пифагорейской традиции, но представления Платона, отразившиеся в диалоге “Федр”, имеют весьма существенные отличия от воззрений пифагорейцев. У Платона, прежде всего, идея “припоминания” тесно связана с идеей “двоемирия”. Исходя из этого, он выстраивал своеобразную “иерархию душ” в “Федре”: “По неизменному закону всякая душа, которая вступает в дружину богов и, путешествуя с ними, достигает лицезрения чего-либо истинного, избавляется от всякого зла...<...> Но если она неспособна подняться на надлежащую высоту, то ей не удается увидеть ничего; пороки и заблуждения тянут ее вниз; она теряет крылья, падает на землю...<...> души, видевшие больше других, входят в тела людей, которые полюбят истину или красоту или будут предаваться музыке или любви” (с. 220). Лишь тот, чья душа когда-то возносилась к сонмищу богов, мог “припоминать” мерцание сияющих истин, тайные откровения.

Поэтому вряд ли можно говорить о влиянии платоновой идеи анамнезиса на образную структуру, например, раннего стихотворения Блока “На небе зарево. Глухая ночь мертва...” (1900)⁴⁵. Да, пылкий ум может возродить “гул погибших городов / И бытия возвратное движенье” (I, 49), но это совсем другое “припоминание”: скорее, плод игры воображения...

Завершая разговор о воздействии на молодого Блока идей Платона, еще раз отметим: платоновский дуализм укреплял поэта в мысли, что земной мир есть своего рода “овеществленная фикция”, некая несовершенная “изнанка”, “тень” подлинных миров. Мир идеальных сущностей вечен, прекрасен, брэнная же реальность — разнолика, уродлива и случайна в своих проявлениях, а следовательно, и бессмысленна. Но мир обретает смысл, проглядывающийся и пробивающийся “сквозь одержавшее его бессмыслие” (Вл.Соловьев), если верить в невидимую силу, которая “сглаживает разрозненные черты вселенной в стройные образы” (Вл.Соловьев). Платон, а затем Вл.Соловьев помогли молодому Блоку уверовать в существование такой гармонизирующей силы, сочетающей земное и небесное. В процессе поисков Блоком безусловных мировых ценностей приобщение к идеям Платона было важной вехой...

В довольно обширном разделе книги Д.Г.Льюиса, посвященном Аристотелю, Блок отметил всего несколько маленьких фрагментов, главным образом те, в которых излагаются мысли, воспринятые философом у Платона: *“Чувства менее достоверны, нежели идеи”* (с. 261); *“Мы начинаем с чувственного знания, чтобы дойти до идеального. Таким образом, от мира опыта мы восходим к другому, высшему миру познания”* (с. 262; отрывок отчеркнут на полях). Также внимание Блока привлекли суждения, касающиеся позиции философов-скептиков в вопросе о возможностях идеального знания: *“Скептики утверждают — и притом основательно — что так как наше знание есть только знание феноменов, а не нуменов (т.е. что мы знаем вещи такими, какими они нам кажутся, а не какими они суть на самом деле), то все старания проникнуть в таинства бытия тщетны...”* (с. 274; фрагмент отмечен на полях знаками “плюс” и “NB”). Этот постулат мог вызвать интерес Блока в связи с раздумьями о природе собственного скептицизма, который время от времени (и в юности, и в зрелые годы) одолевал его⁴⁶. Поэт не сомневался в существовании и приоритете идеальной основы мира, но в нем порой могла угасать вера в способность познать, почувствовать, уловить ноуменальные сферы бытия. Силы его мистических прозрений были не безграничны...

Безусловно, пристальное внимание Блока вызвали страницы книги, посвященные философии Плотина. Д.М.Магомедова, затрагивая вопрос об отражении идей Плотина в сознании Блока, в частности, писала: *“Говоря о Плотине, поэт обычно вспоминает его учение о “божественном экстазе”... и об открытых Плотинем путях “к самопоглощению в боге”, путях “философии, музыки и любви”...* Определить, насколько серьезно Блок знал Плотина, не представляется возможным: указанные моменты в учении Плотина можно найти в любом популярном его изложении. Возможно, Блок познакомился с философией Плотина по одному из таких изложений, в частности Вл.Соловьева, написавшего статью о Плотине для Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона⁴⁷. Есть основания утверждать, что Блок достаточно серьезно знал Плотина и что одним из главных источников его познаний об этом мыслителе-неоплатонике послужила книга Льюиса...

Плотин, воскресивший учение Платона, естественно, многое воспринял от него. Блок тщательно зафиксировал эту философскую преемственность, отметив коренные идеи, связывавшие Плотина с его учителем: *“Плотин соглашался с Платоном, что может быть только одна наука универсалов.*

Каждая отдельная вещь есть только *скоропреходящее явление*, лишенное *действительного бытия* и поэтому *не могущее* служить предметом философии. Только *одни универсалы, идеи, имеют реальное бытие* <данная фраза отмечена на полях знаком “NB” — В.Б.>... Иными словами, *видимый мир есть только внешний вид идеального мира*, а идеальный мир, в свою очередь, есть только *один из видов (тело) божественного бытия*” (с. 321; фрагмент отчеркнут на полях и отмечен знаком “NB”); ... *нам доступны проблески мира идеального посредством воспоминаний* (с. 321).

Живой интерес у Блока вызвало учение Плотина о трех ипостасях (субстанциях) божества: “Первая есть *единство*; не одно существо и даже не бытие, а просто *единство*. Вторая есть *ум, тождественный с бытием*. Третья есть *всемирная* <выше рукой Блока вписано — “вселенская”> *душа*, причина всякой деятельности и жизни” (с. 326); “Итак, три ипостаси божества суть: 1) *совершенное, безусловное единство*, 2) *первый ум*, 3) *душа мира* (с. 330 — 331). Очевидно, что и идея “всеединства”, и идея Мировой души, важнейшее в философии Платона и Плотина, были очень близки молодому Блоку. Он, к примеру, раздумывал о глубинной связи этих начал: субстанции “вездесущего единства” и Души мира, являющихся ипостасями божества. Поэтическим выражением этих блоковских размышлений стало стихотворение “Я понял смысл твоей печали...” (1901):

Я понял смысл твоей печали,
Когда моря из глубины
Светила ночи возвращали
В их неземные вышины.

Когда внезапным отраженьем
Небесных тел в земных морях
Я был повержен в изумленье, —
Я понял твой заветный страх.

Ты опечалена природой —
Общеньем моря и светил,
И, без надежды на свободу,
Устрашена согласьем сил” (I, 467).

“Согласье сил” здесь вполне можно воспринимать в качестве метафоры, обозначающей “всеединство” вселенной, которое, как порой казалось Блоку, страшит Ее, Душу мира. Какова природа этого “страха”? В чем тут дело? В позднейшей дневниковой записи от 11 сентября (29 августа) 1918 г. Блок так комментировал содержание стихотворения, отразившего одну из существенных сторон его мистических переживаний и умонастроений начала 1901 г. : “Тогда же смысл ее печали... ищется в природе: согласие сил (моря

и отраженных в нем звезд) страшит ее и лишает надежды на свободу. В этой мысли, как я узнал впоследствии, оказалось родство с мыслью о плененной Мировой Душе <...> которую лелеял последний — Вл.Соловьев (см. IX, 19 и многие другие места). Я этого всего еще не знал, но чуял Платона. При этом сам я был лишь изумлен... отражением небесных тел в земных морях, очевидно, как древний философ-художник (язычник)” (VII, 347). Блок имел в виду следующие строки из статьи Вл.Соловьева “Мировая душа”, написанной для энциклопедического словаря: “Многие философские учения, выводившие единство мира из вечной области бытия идеального или умопостигаемого, признавали, однако, и живущую во всех явлениях мировую душу, как подчиненное начало, воспринимающее и осуществляющее в чувственной области и во временном процессе высшее идеальное единство, вечно пребывающее в абсолютном начале. Такой взгляд на мировую душу был изложен в “Тимее” Платона и затем стал одним из основных пунктов философии Плотина и новоплатоников” (слова, выделенные курсивом, подчеркнуты Блоком в принадлежавшем ему экземпляре книги)⁴⁸.

Так же как Платон, Плотин считал, что познать идеальный мир способна лишь свободная душа человека. При этом, полагал он, душа должна находиться в совершенном особом состоянии, чтобы достичь божественных пределов. Это особенное состояние, когда личность человека, уничтожаясь, как бы поглощается божеством, он назвал “экстазом” (с. 319). Признавая значение и силу диалектики, Плотин отдавал явное предпочтение внерациональным способам познания идеального мира. Он утверждал, как пишет Льюис: *“...Пытаться знать бесконечное посредством разума есть напрасное усилие: оно может быть узнаваемо только непосредственным присутствием, <на полях напротив надпись Блока: “Экстаз”>. Способность, посредством которой душа отрешается от своей личности, есть восторг (экстаз). В этом восторге душа освобождается из материальной своей темницы, лишается индивидуального сознания и утопает в бесконечном уме, от которого она исходит. В этом восторге она созерцает реальное бытие: она отождествляется с предметом своего созерцания”* (с. 323).

Заметим, что образ души, возносящейся к Богу, утопающей в “бесконечном”, не раз возникает в ранней лирике Блока. Например, в стихотворении “Преображение” (“Разверзаются туманы...”, 1901):

В светлый день Преображенья
Дух безумца поражен:
Из неволи, из смятенья

Голос Твой услышал он.

Ныне скорбный, ныне бедный,
В лоне Вечного Отца
Близ Тебя в лазури бледной
Жаждет нового конца...

Лишь одна страна в тумане
(Буревестник на волне) —
Беспокойное желанье
Вместе с Богом — в вышине⁴⁹ (I, 475).

Можно предположить, что эти, и подобные им, строки были навеяны отчасти философскими идеями Плотина о душе, стремящейся познать “реальное бытие” в лоне Творца.

“Энтузиазм, на котором основан этот восторг, — учил Плотин, — не есть постоянно присущая нам способность...<...> Это мгновенный блеск молнии, переменяющей воспоминание в интуицию, ибо в эту минуту плененная душа отдается своему родителю-Богу” (с. 323)⁵⁰.

Очевидно, что кульминацией освобождения души из земной “темницы” следует признать момент смерти. Поэтому вполне закономерно, что для Плотина (как и для Платона) смерть не только не является абсолютным концом, небытием, а, напротив, означает переход в некое высшее качество бытия, когда происходит полное освобождение души и слияние ее с “бесконечным”: “Умереть значит жить настоящею жизнью; умереть значит потерять ощущение, страсти, интересы, освободиться от условий времени и пространства, потерять личность; но вместе с тем покинуть этот мир и снова возродиться в Боге, покинуть эту хрупкую и жалкую индивидуальность и погрузиться в бытие бесконечное” (с. 335; фрагмент отмечен на полях отчеркиванием, знаками “плюс” и “NB”).

О том, какую власть над молодым Блоком имели подобного рода идеи, можно судить по одной из записей в его дневнике (на первый взгляд странной и загадочной), сделанной в 1902 г. Известно, что в то время Блок вынашивал тайную мысль о самоубийстве в случае, если Л.Д.Менделеева отвергнет его любовь, не захочет связать с ним свою судьбу. Поэту казалось, что он не сможет (а с мистической точки зрения — даже не должен) пережить крушение своих сокровенных надежд на соединение с той, которая была для него земным воплощением Вечной Женственности. Но помимо этого романтического (во многом личного) мотива существовали и другие, менее очевидные и гораздо более отвлеченные, но имевшие тогда для Блока серьезное значение. В частности, он так представлял себе философскую подоплеку добровольного “шага” навстречу смерти: “Наступит время (мо-

мент), когда я *твердо* узнаю, что моя смерть нужна для известного момента...<...> Этот момент будет *отличаться* от других моментов тем, что будет содержать в себе особенно интенсивное накопление твердой уверенности в необходимости прекратить его — притом: не непременно в силу отчаянья... а СКОРЕЕ в силу большого присутствия *силы*, энергии потенциальной, желающей перейти в кинетический восторг...<...> Вместе с этим — высшая цель человека — стремление вперед — и притом скорейшее (наибольшими шагами). Очевидно (ясно), что выражение самого скорого стремления будет самым большим шагом (*summus passus*). Это скачок из того состояния, которое в настоящее время поглощает в себе все остальные его состояния, — в другое <...> *summus passus* в смерть будет выражением самого напряженного стремления — осуществлением высшей цели путем приложения своей высшей способности” (VII, 53 — 54)⁵¹.

Согласно представлениям Плотина, умереть — значит обрести подлинное, реальное “бесконечное бытие”, то есть достигнуть высшей цели. На земле человеку доступны лишь редкие мгновения этого идеального состояния (“короткие моменты восторга”).

В системе ценностей молодого Блока стремление оказаться “за гранью” земной жизни также было связано с идеей резкого перехода из одного состояния бытия в другое, такое, которому на земле могут предшествовать лишь мгновения “кинетического восторга”. Это стремление тоже являлось в сознании Блока выражением некоей высшей цели. Кстати сказать, во многом именно поэтому он никогда не воспринимал смерть как трагедию конца, обрыва, небытия...

Мистико-философские идеи Плотина не однажды возникают в наброске статьи Блока о русской поэзии (декабрь 1901 г. — январь 1902 г.), особенно в тех частях, где речь идет о точках соприкосновения “глубинной” религии с “глубинным” искусством (то есть, в сущности, с творчеством поэтов-символистов и их ближайших предшественников — Тютчева, Фета, Полонского, Вл. Соловьева). “Стихи, — формулировал Блок, — это молитвы. Сначала вдохновенный поэт-апостол слагает ее в божественном экстазе. И все, чему он слагает ее, — в том кроется его настоящий бог” (VII, 22). Жрецы “нового искусства”, в представлении раннего Блока, — это те избранные, кому дано ощущать присутствие божества, улавливать чуткой душой таинственные глубины бытия, скрытые от “непосвященных”: “Толпа может лишь бесноваться перед глухой стеной, скрывающей вечное и неумолимое божество; это божество всегда было далеко от невежд, никогда они не могли ни проникнуть в его тайну, ни познать его; непроницаемые покровы,

открывавшиеся только мудрости или вдохновению, всегда безнадежно опускались перед грубостью умов и сердец” (VII, 26).

Поэты, “апостолы” божества, “уготованы на жертву” (VII, 27). “Но дальше, — писал Блок, — ждет их то великое и непостижимое слияние с прежним источником и страданий и просветлений, которым теперь лишь изредка и бледно тревожат их боги “в пророческих снах”; и все-таки — тревожат — “в предвестие, иль в помощь, иль в награду”. Здесь уже все равно — залетит ли в их “сумрак” “с зеленеющих полей” Психея или сойдет на них божественный “экстаз” Плотина и Соловьева” (VII, 27)⁵².

Какая творчества Фета и Вл. Соловьева, Блок высказал предположение, что оба эти поэта, глубоко чувствовавшие Вечно-женственное начало мира, способны были постичь тайны божества: “А может быть, они все узнали, все свершили и действительно замешались теперь в ту “мировую игру”, которую “затеяли боги”, как некогда смертный Геракл был причислен к сонму бессмертных олимпийцев. Ибо недаром же открывал Плотин пути к самопоглощению в боге — пути философии, музыки и любви <...> Эта любовь так таинственна, что мы познаем ее лишь в личном творчестве, когда, в часы экстаза, начинают проходить перед нами дрожание, непостижимые, странные призраки — “холодные струи нездешних тайн”” (VII, 37).

“Путь философии” может возвысить душу человека и помочь ей прозреть божественные сферы, но для поэта предпочтительнее пути музыки, творческого восторга и любви. Истинный “поэт-апостол”, согласно воззрениям молодого Блока, достигает совершенства не столько силой разума, сколько благодаря мистическому экстазу, наитию, божественному вдохновению, открывающему высшую истину бытия, недоступную подавляющему большинству смертных⁵³.

Неслучайно Блок особо выделил те строки Льюиса о философии Плотина, где характеризуются пути восхождения к божеству, к таинственным первоосновам бытия: “Дойти до вершины и снять покрывало с божества можно, пройдя все науки и с трудом взбираясь по всем ступеням диалектики; но можно также вместо медленного восхождения *очутиться одним прыжком на этой высоте силою добродетели или силою любви. Источник откровения будет всегда один и тот же. Поэт, пророк и философ отличаются только своими точками отправления*” (с. 324; отмечено на полях двумя знаками “NB”, они — напротив слов “силою любви”, которые подчеркнуты с нажимом); “... *переход от простого ощущения или воспоминания к восторгу может совершиться тройко: посредством музыки (в древнем, обширном значении этого слова), посредством диалектики и посредством любви или молитвы.*”

Результат всегда один и тот же — победа всеобщего над индивидуальным” (с. 324).

Трудно, почти невозможно, идти сразу тремя путями. И примечательно, что в поэтическом сознании молодого Блока “бесстрашный гений, миры познавший до конца”, — это человек, который идет к цели, “вложив безумство вдохновений в холодный разум мудреца” (I, 458). Видимо, такими представлялись Блоку Платон и Владимир Соловьев. Сам он уповал прежде всего на поэтическое вдохновение и силу любви⁵⁴. И это понятно: его нетерпеливая, максималистская натура требовала чуда скорейшего “восхождения”, внутреннего преобразования, приобщения к мировым Тайнам.

Очень важно учитывать, что в то время (1901 — 1903 гг.) Блок переживал сравнительно короткий период религиозных исканий, связанных с восходящими к Вл.Соловьеву идеями “теургизма”, “богочеловеческого дела”⁵⁵. Именно тогда он глубоко задумывался о возможностях соединения “глубинной” религии с “глубинным” искусством. Ему, как и Вл.Соловьеву, было мало только созерцания и отвлеченной мудрости, которой нет дела до земной жизни. Он хотел большего: обрести магическую силу “теурга”, чтобы оказывать благотворное влияние на действительность, приближая Царство Духа. Для этого-то, казалось ему, и необходимо вплотную приблизиться к мировой Тайне, прикоснуться к Истине, к первоначалам бытия, к Божеству. “Восхождение” к высшим сферам духа, к “вечному бытию”, согласно воззрениям Платона и Плотина, невозможно без полного отречения от бренной личности. Между тем, теургия как раз предполагала активное участие личности (поэта, пророка, творца) в мистерии преобразования мира. Быть бессознательным орудием, “голосом” Бога или “раствориться” в Боге на гребне экстаза — это одно (таково предназначение поэта в представлении Платона и Плотина)⁵⁶. Быть магом-теургом, т.е., в сущности, богочеловеком, преображающим мир, — это другое. Здесь неизбежно сталкиваются личное и вне личное, индивидуальное и надиндивидуальное. Проблема эта приобретала для молодого Блока тем более принципиальное значение, что ему хотелось определиться в вопросе личного участия в деле преобразования мира. “Мне кажется, — записал он в дневнике 2 июня 1902 г., — что для деятельности, особенно же мистической, необходимо единство, т.е. так или иначе — известный синтез” (VII, 47). Мечтая о единстве мировоззрения и бытия, Блок размышлял о синтезе “реальном” и о синтезе “апокалипсическом”, окончательном, кардинальное различие которых было для него очевидно. Своими мыслями на сей счет он

делился в письме к З.Н.Гиппиус от <14 июня 1902 г.>, где речь шла о путях соединения эстетики и этики, язычества и христианства, духа и плоти и т.д.: “Вы, если я понял до конца, считаете эти пути доступными нашему логическому сознанию даже настолько, что мы можем двигаться по ним, не нарушая и (более того) — поддерживая связь с жизнью, не отталкивая преднамеренно “шумы” жизни, дабы они не заглушали Великого шороха. Мне иногда кажется, что рядом с этим более “реальным” синтезом, но еще дальше и еще желаннее его, существует и уже теперь дает о себе знать во внутреннем откровении (подобном приблизительно Платиновскому и Соловьевскому), но отнюдь не логически, иной — и уже окончательный “апокалипсический” — синтез... <...> Кажется же мне это не на одном основании “беспредметности” (которая, впрочем, играет здесь некоторую роль), а также и на следующих основаниях: во-первых — к тому единству <т.е. “реальному синтезу” — В.Б.> мы можем деятельно стремиться, это же явится “помимо” воли <...> А во-вторых (и главное), всякий сколько-нибудь реальный синтез есть “человеческий” угол зрения. Мы видим только образ грядущего, как видим только образ божий, а не самого бога; а потому — не заключены ли мы по самой природе своей в рамки одного ожидания и относительного (по отношению к последнему) бездействия?” (VIII, 29 — 30).

Вполне вероятно, что Блок воспринимал платиновские “откровения” о путях превращения, “восхождения” к неземному идеалу, к “вечному бытию” главным образом в контексте своих напряженных раздумий о “высшем синтезе”, о вселенском преображении. Долгий путь познания и медленного “делания”, достижение “реального” синтеза — или мгновенный переход из одного состояния бытия в другое посредством “божественного экстаза”, полного отречения души от личности, “шага” в смерть, за которым следует возрождение в Бога? Блок, вслед за Платином, отдавал предпочтение второму пути, условно названному им “апокалипсическим” синтезом; именно этот путь, по его мнению, мог привести к “горним сферам”, “мирам иным”, запредельным, желанным, о которых смутно догадывается вещая душа “поэта-апостола”... ⁵⁷

* * *

В дневнике 1902 г. Блок оставил одно важное свидетельство: Собирая “мифологические” материалы, давно уже хочу я положить основание мистической философии моего духа. Установившимся наиболее началом смело могу назвать только одно: женственное. Обоснование женственного начала в философии, теологии, изящ-

ной литературе, религиях” (VII, 48). Несомненно, многие идеи античных философов (особенно Платона и Плотина) послужили Блоку своего рода “мифологическими” материалами для основания мистической философии его духа, прямо или опосредованно отразившейся в его раннем творчестве.

¹ По сути, есть лишь одна специальная работа, посвященная данной теме: Магомедова Д.М. Блок и античность (К постановке вопроса) // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. 1980. № 6. С. 42 — 49. Некоторые фактические сведения об изучении Блоком античных философов в гимназические годы можно почерпнуть в статьях: Кумпан К.А., Конечный А.М. Александр Блок во Введенской гимназии // Лит. наследство. М., 1987. Т. 92. Кн. 4. С. 605 — 606; Кумпан К.А. О преподавании “древних языков” во Введенской гимназии (Еще раз к вопросу “Блок и античность”) // Александр Блок. Исследования материалы. Л., 1991. С. 151 — 157. Среди известных Блоку-гимназисту учебных книг (они указаны в приложении к данному сообщению К.А.Кумпан) особо отметим следующие: Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. Кн. I. 2-е изд. СПб., 1893. Ч. 1-2; Платон. Апология Сократа. 3-е изд. Царское Село, 1891; Георгиевский М.А. Древнеклассические реалии: Справочная книга и предварительный курс для учеников старших классов гимназии. СПб., 1893. Хронология и содержание университетских занятий Блока древней философией отражены в статье Л.А.Иезуитовой и Н.В.Скворцовой “Александр Блок в Петербургском университете” (В кн.: Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1982. Вып. 4. С. 52 — 86).

См. также дополняющую эту статью работу К.А.Кумпан “Александр Блок — выпускник университета” (Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1983. Т. 61. № 2. С. 165 — 167).

² Магомедова Д.М. Указ. статья. С. 47.

³ Там же. С. 49.

⁴ История философии как нечто оформленное, сформулированное, вероятно, могла противостоять в сознании Блока живой жизни, творчеству и религии. Ср. высказывание А.Ф.Лосева о соотношении этих разных начал: “Наука статична и холодна; она послушествует законченному и механическому, пространственно-временному миру; она — его отвлеченная копия и аналитически продуманная картина. И в этом ее отличие от жизни, которая не отражает косную картину мира, но есть творчество нового, самостоятельного по отношению к природе мира. Религия есть творческое преобразование косного материального мира, жертвенное его спасение и претворение, жизнью и подвигом данное общение с Тайной. И в этом ее отличие от философии, которая есть не встреча с Тайною в плоти и крови жизненного подвига и дела, но встреча с Нею в *понятии*, в творчески растущем Понятии” (Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М., 1930. Т. I. С. 101 — 102).

⁵ А.И.Введенский читал в Петербургском университете курс древней философии.

⁶ Блок А. Письма к родным. М., 1927. Т. 1. С. 55.

⁷ См.: Библиотека А.А.Блока: Описание / сост. О.В.Миллер, Н.А.Колобова, С.Я.Вовина. Под ред. К.П.Лукирской. Л., 1985. Кн. 2. С. 92 — 111 (№ 571).

⁸ Там же. С. 191 — 194 (№ 702).

⁹ Книга Д.Г.Льюиса сначала принадлежала бабушке Блока Е.Г.Бекетовой. Возможно, некоторые пометы сделаны в ней ее рукой. Однако можно утверждать, что число их очень незначительно.

¹⁰ Как подчеркивал А.Ф.Лосев, в знаменитом изречении Фалеса “все полно богов” заложена как идея “всеобщего одушевления”, так и мысль о “всеобщей божественности” (Указ. соч. С. 105).

¹¹ Блоку было присуще жадное стремление разглядеть в хаосе мира и жизни нечто первозданно-неуничтожимое, “единое”. Ср. в его письме к Андрею Белому от 12 декабря 1903 г.: “Все валится в одну грудку, в которой ищешь того, чего никогда еще не находил <...> Должно же что-то треснуть и разбиться, чтобы под этим “что-то” оказалось единое” (Блок и Белый. С. 72).

¹² Ср. о взглядах пифагорейцев в известных Блоку гимназических пособиях: “... пифагорейцы учили, что... все в мире устроено по числовым отношениям, и, следовательно, число есть выразитель природы всех вещей” (Древнеклассические реалии. Спб., 1893. С. 30); “Число есть начало всех вещей, все по своему существу есть число, ничто не может быть мыслимо и познаваемо без числа” (Платон. Апология Сократа. Ч. 2. Комментарий. Изд. 3-е. Царское Село, 1891. С. 4). Примечательно высказывание Блока о “числах мира” и магии чисел в письме к Андрею Белому от 3 февраля 1903 г.: “Не даны ли нам числа как намек на исход, как символы того, что за ними? Они — не средство ли? “Счесть” число — не значит ли преодолеть его? <...> Счесть свое число значит познать себя, а познав, перестать предаваться вечному здесь самоутверждению” (Блок и Белый. С. 18).

¹³ Жмудь Л.Я. Пифагор и его школа. Л., 1990. С. 172.

¹⁴ Именно в таком значении Блок употребляет этот глагол в письме к отцу от 1 декабря 1900 г.: “Летом можно больше углубляться в самого себя и числить” (VIII, 14). Ср. также стих. “В посланьях к земным владыкам...” (1903): “Пусть думаю — я в пустыне / Блуждаю, томлюсь и числою” (I, 261).

¹⁵ А.Ф.Лосев привел высказывание Шпенглера о сущности “числа” в античной математике, в котором “заключено все мироощущение души, страстно обращенной к *настоящему* и *здешнему*. Измерять в этом смысле значит измерять что-либо близкое и телесное” (Лосев А.Ф. Указ. соч. С. 41).

¹⁶ Александров А. А. Блок в Петербурге-Петрограде. Л., 1987. С. 56 — 57.

¹⁷ Следует отметить при этом, что во втором стихотворении раздела “Распутья”, созданном вскоре после решительного объяснения Блока и Л.Д.Менделеевой, когда она дала согласие стать его женой, вновь возникает мотив “числения” в прежнем значении — как средство разгадать будущее в связи с жизненно важным поворотом в личной судьбе:

И, многовластный, число, как встарь,
Ворожу и гадаю вновь,
Как с жизнью страстной я, мудрый царь,
Сочетаю Тебя, Любовь?

(“Стою у власти, душой одинок...”, 14 ноября 1902; I, 240)

¹⁸ Платон. Апология Сократа. Ч.2. Комментарий. С. 7.

¹⁹ Ср. в письме Блока к Л.Д.Менделеевой от 16 декабря 1902 г.: “Одна женщина, принадлежавшая к Пифагорейской общине, в VI веке до Р.Х. (заметь, заметь!) написала между прочим вот что: “Когда женщина победит низшие

побуждения и овладеет гневной силою духа, тогда родится в ней божественная гармония". И все эти Пифагоровы братья и сестры считали себя "равными блаженным богам" (Лит. наследство. М., 1978. Т. 89. С. 85).

²⁰ См.: Магомедова Д.М. Указ. статья. С. 47.

²¹ Героический образ Сократа, возможно, подразумевался Блоком в стихотворении "Вложив безумство вдохновений..." (14 сентября 1900), где лирический герой, смутно припоминающий свое давнее инобытие на земле, предстает в облике "мудреца", "бесстрашного гения", до конца познавшего мира (I, 458).

²² Подобное отношение отразилось в целом ряде стихотворений раннего периода: "Мне снилась смерть любимого создання..." (1898), "Смерть" ("Прислушайся к земле в родных полях...", 1900), "На смерть деда" ("Мы вместе ждали смерти или сна...", 1902), "Не бойся умереть в пути..." (1902) и др.

²³ Нужно учесть, что стихотворение это создано как раз в те дни, когда Блок завершал работу над "Поэмой философской", целиком навеянной изучением древней философии.

²⁴ Ср., например: "Сама судьба мне завещала / С благоговением святым / Светить в преддверьи Идеала / Туманным факелом моим" ("Сама судьба мне завещала...", 1899; I, 21); "Пусть одинок, но радостен мой век <...> Да, я, как ни один великий человек, / Свидетель гибели вселенной" ("Увижу я, как будет погигать...", 1900; I, 51); "Лишь изредка приносит серафимы / Священный сон избранныкам миров" ("Небесное умом не измеримо...", 1901; I, 91); "Но во мне — потаенное знание / О любви к Тебе без конца" ("Я к людям не выйду навстречу...", 1903; I, 260) и др.

²⁵ Ср.: "Все, духом сильные, — одни / Толпы нестройной убегают..." ("Не доверяй своих дорог...", 1900; I, 50); "Кто ощутит хоть краткий миг / Мой бесконечный в тайном лоне, / Мой гармонический язык" ("Они звучат, они ликуют...", 1901; I, 92); "Я к людям не выйду навстречу, / Испугаюсь хулы и похвал" ("Я к людям не выйду навстречу...", 1903, I, 260); "В посланьях к земным владыкам / Говорил я о Вечной Надежде, / Они не поверили крикам, / И я не такой, как прежде" ("В посланьях к земным владыкам...", 1903; I, 261) и др.

²⁶ Лит. наследство. М., 1980. Т. 92. Кн. 1. С. 288.

²⁷ Блок А.А. Собрание стихотворений. Кн. 1. Стихи о Прекрасной Даме (1898 — 1904). 2-е изд. М., 1911. С. 212.

²⁸ Предположение Льюиса о записях учеников вряд ли оправдано, поскольку речь явно идет о каком-то ином способе передачи мыслей учителем.

²⁹ Льюис специально отмечает эту характерную черту философа: "Платон отличался постоянной задумчивостью. Большое, широкое чело, от которого он получил свое прозвище, было постоянно нахмурено. Мощные плечи его сгибались под тяжестью дум, как могут сгибаться только плечи мыслителей" (С.194).

³⁰ Не исключено, кстати, что и эти строки, и какие-то фрагменты самой "Поэмы философской" Блок, в принципе, также мог читать у Качаловых осенью 1900 г.; блокковская дата в рукописи (9 — 10 декабря 1900) отражает срок завершения работы над текстом "Поэмы".

³¹ Вместе с тем, это было и довольно традиционное, расхожее представление. Ср. в цитированном уже выше очерке древнегреческой философии: "Платон был ума тонкого и пронизательного и обладал необыкновенною силою воображения; возвышенный, поэтический дух его, паривший в сфере идеального, видел в философии единственный путь к самопознанию, к познанию бога и к человеческому счастью" (Платон. Апология Сократа. Ч.2. Комментарий. С. 39).

³² Этот загадочный метафорический образ может быть соотнесен с приведенным выше описанием платонова “жилища богов”, области неосязаемого бытия “без цвета”, “без образа”; это предположение, однако, — одно из нескольких возможных.

³³ Последнее двуступище восходит к Евангелию (Мф., 5, 8). Переплетение мотивов здесь характерно, если вспомнить позднейшую дневниковую запись Блока об этом времени: “Начинается покорность богу и Платон” (VII, 342). Образ “крыльев”, поднимающих ввысь, к небу, встречается во многих ранних стихотворениях: “Я укрыт до времени в приделе, / Но растут великие крыла. / Час придет — исчезнет мысль о теле, / Станет высь прозрачна и светла” (“Я укрыт до времени в приделе...”, 1902; I, 161); “О, если крылами взмахнешь, / С тобой навсегда улечу!..” (“На темном пороге тайком...”, 1902; I, 180); “Полетим в беззаконную высь, / В вышине, вздыхая, замрем... / Только ужас рождается здесь, / Там — лишь нежная память о нем” (“Все огни загораются здесь...”, 1902; I, 520); “Но сверкнул мои белые крылья...” (“Я надел разноцветные перья...”, 1902; I, 242) и др.

³⁴ См. об этом: Авраменко А.П. А.Блок и русские поэты XIX века. М., 1990. С. 19 — 22 (в главе “А.Блок и В.Жуковский”, где в интересующем нас аспекте справедливо выделено стихотворение Жуковского “Путешественник”, высоко оцененное Блоком).

³⁵ Творения Платона. М., 1899. С. 18. Далее ссылки на это издание даются в тексте, с указанием в скобках страницы.

³⁶ Ср. один из постулатов его личной веры: “На темной основе разлада и хаоса невидимая сила выводит светлые нити всеобщей жизни и слаживает разрозненные черты вселенной в стройные образы. Мир не пустое слово; есть в мире смысл, и он всюду проглядывает и пробивается сквозь одержавшее его бессмыслие” (Соловьев В. Духовные основы жизни. 3-е изд. СПб., 1897. С. 85).

³⁷ Ср., между прочим, в воспоминаниях Андрея Белого о философских представлениях его и Блока на рубеже веков: “С точки зрения нашего тогдашнего мировоззрения, противоположение души и материи сливается в Духе, обнимающем и материю и душу в действительности, воплощаемой вечностью” (Андрей Белый. Воспоминания об Александре Блоке. — Записки мечтателей. 1992. № 6. С. 23).

³⁸ Фэдон. Разговор Платона. 2-е изд. М., 1896. С. 54.

³⁹ Там же. С. 146.

⁴⁰ Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева. СПб., 1907. Т. IX (дополнительный). С. 215 — 216 (перепечатка статьи из словаря Брокгауза и Ефрона).

⁴¹ Там же. С. 216.

⁴² Ср., например, в письме Блока к Андрею Белому от 18 июня 1903 г.: “Два преобладающие настроения (может быть и у Вас, как у меня) — мистическое и скептическое (равнодушное) <...> Скептицизм (принадлежность рассудка) лежит камнем на дороге и объехать его нельзя” (Блок и Белый. С. 34).

⁴³ См. об этом в статье К.Г.Исупова “Историзм Блока и символистская мифология истории (Введение в проблему). // Александр Блок. Исследования и материалы. Л., 1991. С. 8 — 12.

⁴⁴ Исупов К.Г. Указ. статья. С. 8 — 9.

⁴⁵ Мысль о возможности такого влияния вызывают, вероятно, слова Блока о “возвратном движении”. См., например: Магомедова Д.М. Блок и античность. С. 46. Сам Блок указывал, что в стихотворении отразились его впечатления от картины, которую он наблюдал в окрестностях Шахматова: деревья березовой

рощи и облака, освещенные лучами заходящего солнца, показались ему видением средневекового города.

⁴⁶ Ср. запись Блока в дневнике, относящуюся к 1902 г.: “Мой скепсис — суть моей жизни” (VII, 53).

⁴⁷ Магомедова Д.М. Указ. статья. С. 47.

⁴⁸ Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева. Спб., 1907. Т. IX (дополнительный). С. 19.

⁴⁹ Ср. также в стихотворении “Новый блеск излило небо...” (1900): “Вознесая стезею бледной / В золотое *без конца*, / Стану, сын покорно-бедный, / В осянности творца” (I, 456).

⁵⁰ Ср. примечательную запись Блока в дневнике от 2 апреля 1902 г.: “Что ж, расплывусь в божге, разольюсь в мире и буду во всем тревожить Ее сны” (VII, 45).

⁵¹ Характерно, что о самоубийстве студента Лапина Блок написал, что оно произошло “от избытка жизненной силы” (ЗК. С. 42).

⁵² Льюис, излагая учение Плотина, так писал о приобщении души к “бесконечному бытию”, к вечной жизни в лучах божества: “Какие-то слабые проблески этой жизни, какие-то задатки невыносимого для смертных чувств сияния, проявляются в короткие моменты восторга, когда душа поглощена бесконечным, хотя и не может надолго пребывать в нем. Эти чудные, короткие мгновения открывают нам божество и показывают нам, что в глубине нашей личности кроется луч божественного источника света, луч, постоянно стремящийся высвободиться и возвратиться к своему источнику” (с. 335); фрагмент отмечен на полях знаками “плюс” и “NB”). Ср. высказывание Блока в дневнике о “минутном постижении тайны”: “Такое испытание “мига” доступно нам, как явствует из жизни учений и пророчеств древних и новых “богоискателей”” (VII, 51 — 52).

⁵³ Существенно, что понятие “божественного экстаза” Плотина в чем-то близко платоновским представлениям о вдохновении, которое нисходит, как благодать, на пророков и поэтов. Ср. в диалоге Платона “Ион”: “... Легкое существо поэт и крылатое и священное, и творить он способен не прежде, чем станет боговдохновенным и иступленным и потеряет присутствие ума; а пока владеет умом, никакой человек не способен творить и прорицать” (Творения Платона. С. 165).

⁵⁴ Ср. в стихотворении “Наступает пора небывалая...” (1901): “Вижу — к высшему небу возносится / Безначальная дума Любви” (I, 475).

⁵⁵ Вл. Соловьев “рассматривал все творчество как теургическое, связывая... теургическую силу непосредственно с религиозным таинством” (Юрьева З.О. Андрей Белый: преображение жизни и теургия. — Русская литература. 1992. № 1. С. 59).

⁵⁶ Льюис, излагая взгляды Плотина, в частности, писал: “Индивидуальное исчезает, потому что оно индивидуально; только всеобщее длится. Индивидуальное, конечно, разруσιμο; всеобщее бесконечно, бессмертно. Бог есть единственное бытие; он есть реальное бытие, которому как мы, так и другие вещи, служим временными только проявлениями” (с. 335; отмечено отчеркиванием на полях).

⁵⁷ Ср. в письме Блока к А.В. Гиппиусу от 23 июня 1902 г.: “Изредка открываю древние и современные Апокалипсисы, считываю давно ожидаемые и знакомые откровения, дроблю и опять чеканю в горнилах и логики и мистики <...> Милый и дорогой мой, бодрствуйте только чаще, ведь мы не бедны, а богаты. И что стоит нам открыть в себе бога?” (VIII, 32, 33).

С. Ю. ЯСЕНСКИЙ

ПОЭТИКА РЕМИНИСЦЕНЦИЙ В РАННЕЙ ЛИРИКЕ А. БЛОКА

Поэтика реминисценций и аллюзий, которая включена в художественную систему Блока, ставит перед исследователем сложную эстетическую проблему соотношения литературы и действительности. В какой степени тексты Блока отражают современную ему “текущую” социально-историческую и духовную действительность, в какой мере они являются продолжением и преломлением “материальности” культуры, отражением предшествовавших текстов, являющихся выражением “второй” действительности — действительности литературы и искусства? Как сочетаются между собой эти эстетические принципы в поэтической практике Блока и что является творческим результатом их взаимодействия? От выяснения этих вопросов зависит определение и уточнение самой позиции, с которой делается возможным актуальное восприятие текста, обретение ключа к нему.

Данная работа предлагает аналитический материал, способствующий рассмотрению вопроса о значении литературного “книжного” подтекста — или “обертонов” текста — некоторых ранних стихотворений Блока, что в свою очередь может способствовать как уточнению проблемы эстетической специфики данных произведений, так и более адекватному их прочтению.

* * *

4 июня 1899 года Блок создал стихотворение “Отрывок” (“Непонятною тоскою...”). Это стихотворение в известной степени представляет собой — в плане поэтической техники — композиционный монтаж реминисценций из русской лирики XIX века, выступающих здесь в качестве элементов стихотворной структуры.

Приведем это стихотворение полностью.

Непонятною тоскою
Дышит ночь. Приди, мой друг!
Вот стезя: ночной порою
Мы войдем в волшебный круг!
5 Ночь темна и непонятна,
Все от нас сокрыто мглой,
Где чиста и благодатна
Говорит звезда с звездой.
Эти звезды, эти тайны
10 Не пойдем до смерти мы
К нам доносятся случайно
Звуки горней глубины.
Но волшебной ночью звездной
Мне, поэту, круг открыт.
15 И, паря над страшной бездной,
Слышу, что звезда твердит (I, 412).

Текст не разбит на строфы, однако фразеологически он воспринимается именно по четверостишиям. И вот что выясняется: каждое четверостишие включает в себя реминисценцию, причем в первых трех — реминисцентными являются опорные заключительные строки, а в финале реминисценция — это перекрестная рифма, скрепляющая композиционно “строфу”. Вот указанные реминисценции:

(4) Мы войдем в волшебный круг! — Ср. в стихотворении А.А.Фета “Прости! Во мгле воспоминанья...”: “Волшебный круг меня томил”.

(8) Говорит звезда с звездой. — Ср. в стихотворении М.Ю.Лермонтова “Выхожу один я на дорогу...”: “И звезда с звездой говорит”.

(11—12) К нам доносятся случайно / Звуки горней глубины. — Ср. в стихотворении В.А.Жуковского “Лалла Рук”: “Лишь порой он навещает / Нас с небесной высоты”.

(13—15) Но волшебной ночью звездной <...> И, паря над страшной бездной... — Ср. в стихотворении А.А.Фета “Море и звезды”: “Под нами скала обрывалась бездной <...> И ночь красотой одевалась звездной” и в его же стихотворении “Как нежишь ты, серебряная ночь...”: “Признал родство с нетленной жизнью звездной <...> Готов лететь над этой темной бездной”.

Стихотворение не просто насыщено реминисценциями: оно построено на них. И независимо от того, сделано ли это Блоком сознательно или же — неосознанно, по прихоти вдохновения и поэтической памяти, мы, имея перед собой готовый текст, вправе

рассматривать его строго телеологически, в духе творческого целеполагания, ориентированного на определенную реакцию в читательском восприятии. Подбор поэтов, к текстам которых Блок в данном случае прибегает, оказывается не случайным: Жуковский, Лермонтов, Фет — все это художники, которых объединяет не только общая стилистическая традиция, но и — особенно важно для Блока — метафизическая проблематика, обращение к вечным запредельным вопросам бытия. Подключаясь через реминисцентный ряд к данной традиции, актуализируя культурную память читателя, Блок создает для своего стихотворения тот необходимый подтекст, который косвенным путем, через обертональное звучание философской поэзии XIX века выявляет решающую мысль стихотворения о соприкосновении обретающего слух и понимание поэта со “страшной бездной”. Реминисценции здесь как губка, пропитанная старым вином классической поэзии — они насыщают текст дополнительным, не видным “непосвященному” смыслом, что создает еще особый художественный эффект интимного “тайного” разговора поэта с истинным читателем.

Близкие к Блоку люди так и воспринимали стихотворение, входя с поэтом в мгновенный контакт, порождающий не только согласное понимание, но и полемику. О.М.Соловьева писала А.А.Кублицкой-Пиотгух: “Стихи Саши “Непонятною тоскою” мне нравятся, — хотя не так, как тебе, и меньше, чем другие <...> “Волшебный круг” мне кажется чем-то искусственным, хотя это выражение есть у Фета, но там оно иначе употреблено. Мне кажется, нельзя нарочно войти в волшебный круг: в нем то и волшебно, что в него попадают, совсем этого не сознавая и не понимая”¹.

Отмеченные принципы поэтики реминисценций, воплощенные Блоком в стихотворении “Непонятною тоскою...”, характерны и для многих других его ранних текстов. Вот стихотворение “Молодость” (“Вспоминанье жизни сонной...” (8 мая 1899 г.): развитие лирического сюжета в нем все подкреплено “подводным” течением реминисценций, создающих своего рода второй — аллюзионный — “сюжет” стихотворения. Оно начинается так:

Вспоминанье жизни сонной
Меня влечет под сень аллея,
Где ночи сумрак благовоный
Тревожит милый соловей (I, 408).

Эти строки явно перекликаются со стихотворением Я.П.Полонского “Диссонанс” (“Мотив из признания Ады Кристен”): “Пахнет липовым цветом в прохладе аллея; / За прудом, где-то в

роше урчит соловей...”. В свою очередь строка “Где ночи сумрак благовонный” восходит к стихотворению А.А.Фета “В темноте, на треножнике ярком...”: “... дышала нам в лицо благовонная ночь” и его же стихотворению: “Благовонная ночь, благодатная ночь...”.

Образная структура последующих строк стихотворения также построена на реминисценции:

Туда, где мы молились жарко,
Где милый профиль серых глаз
Зарница, вспыхивая ярко,
Мне выдавала всякий раз... (I, 408).

Образ заимствован из стихотворения А.А.Фета: “Ты вся в огнях. Твоих зарниц / И я сверканьями украшен”.

Наконец, “центральный” образ стихотворения носит также насквозь книжный, заимствованный характер:

Туда, где мы, в годы былые
Любили песни напевать
И эти песни молодые
Ночному небу напевать... (I, 408).

В реакции “провиденциального” читателя здесь возникает словно вольтова дуга, пронизывающая минувший век русской поэзии от его начала до конца: ср. в стихотворении А.С.Пушкина “Чем чаще празднует лицей...”: “Товарищ песен молодых”, ср. в стихотворении Д.С.Мережковского “Все грезы юности и все мои желанья...” (1884): “И смеха, и вина, и песен молодых”.

Стихотворение, как мы видим, вновь оказывается насыщено реминисценциями, которые сообщают ему смысловую перспективу, выстраивают объемную структуру на плоскости. Так обретается искомая многозначность и многоаспектность стиха — те его качества, что бесконечно разовьются в дальнейшем блоковском творчестве.

Характерно то — и это заслуживает специального рассмотрения и прояснения — что ранний Блок не чуждается и “банальных” расхожих реминисценций из хрестоматийных текстов. В этой связи особенно любопытны многие пушкинские реминисценции, которые как будто бы делают текст ученическим, подражательным. Таковы реминисценции из Пушкина в стих. “Счастливая пора, дни юности мятежной...” (1 апреля 1899): “Твоя печаль светла, а грусть твоя бледно...” (I, 405) — ср. у А.С.Пушкина в стих. “На холмах Грузии лежит ночная мгла...”: “Мне грустно и легко. Печаль моя светла”; строки Блока “Не знаю, как широк сердитый океан.. <...> Глядится жизнь сквозь пасмурный туман...” (I, 405) в свою очередь корреспондируют с пушкинским

стихотворением “Погасло дневное светило...”: “... вечерний пал туман <...> Волнуйся подо мной, угрюмый океан”. Узнаваемость этих аллюзий настолько очевидна, что здесь не идет речь о какой-то интеллектуальной игре с читателем, о “тайном” знании посвященных. Это прямая “любовая” отсылка читателя к определенному канону, в качестве которого выступает Пушкин.

Наиболее простое и естественное объяснение этому явлению заключается в том, что ранний Блок не только начинающий поэт, но и страстный любитель поэзии, в сознании которого царит огромное количество цитатного материала. Этот материал он и воплощает — быть может, невольно — в своем творчестве. Все — так, однако это касается, главным образом, самого творческого процесса, но не его результата. Ведь перечитывая готовый текст, Блок, например, не мог не узнать, что его строка “До слуха чуткого небесные глаголы” (I, 407) в стих. “Взлетая к вышням, орел покинул доли...” (28 апреля 1899) прямо соотносится с очень близкой строкой из пушкинского стихотворения “Поэт” (“Пока не требует поэта...”)². Если бы он хотел избежать упреков в эпигонстве и отстоять свою поэтическую самостоятельность он обязательно заменил бы строку. Однако этого он не делает, следовательно, сознательно идет на данный художественный результат. Причин такого выбора, по-видимому, несколько, и они связаны между собой. Во-первых, в поэтическом языке Блока выделяются три уровня: обыденная, нейтральная лексика; стилистически отмеченная (поэтизмы, архаизмы и т.д.) и лексика, заимствованная из чужой поэтической практики, маркированная (“готовые” образы, “кочующие” словесные и фразеологические модули). Использование последнего языкового уровня для Блока принципиально важно, так как заимствование несет в свернутом виде емкую художественную информацию. Поэт предельно лаконичными средствами создает по сути дела “метатекст”.

Попытка “подложить” под текст пушкинские строки выглядит, если вдуматься, не столь наивной и ученической: это стремление к иконизации текста, к освящению его мощной поэтической традицией, прямая апелляция к эталону, хотя, конечно, надо отметить, что выполнено это в данном случае — в художественном плане — несколько прямолинейными средствами.

Своеобразная ритуализация прослеживается в том, как Блок использует пушкинские образы. Они выступают в качестве канона, а следование ему есть известного рода поэтический ритуал, служение, послушание. Блоку в начале его поэтического пути как будто тесно в пределах собственного автономного художественного мира, он во что бы то ни стало стремится к

контакту с другими художественными мирами, ему необходимо сразу же вписать себя в широкий контекст русской поэзии, ощутить переключку своего — еще не окрепшего — голоса с мощной разноголосицей поэтов прошлого.

Аналогичную вышеотмеченной роль играют многие другие реминисценции в творчестве раннего Блока. Среди очевидных реминисценций выделяются следующие. В стихотворении “Спите, больные и духом мятежные...” (март — апрель 1899) нашла отражение строка из известнейшего стихотворения Беранже “Безумцы”. У Блока: “Ангел навеет рукой белоснежную / Сон золотой” (I, 405), у Беранже (в переводе В.Курочкина): “Честь безумцу, который навеет человечеству сон золотой”. Блок подвергает данную цитату легкому переосмыслению: не безумец, но Ангел “навеет... сон золотой”. Но еще важнее для него сама опора на хрестоматийный текст, не просто имевший хождение в широких читательских кругах, но и вошедший в историю русской общественной мысли. В стихотворении “Истомленный дыханьем весны...” (10 — 11 апреля 1899) Блок использует популярнейшее стих. К.Р. (К.К.Романова) “Растворил я окно, — стало грустно невмочь”. Ср. в блоковском стихотворении: “Истомленный дыханьем весны <...> Распахнул я окно...” (I, 405) — в стихотворении К.Р.: “Растворил я окно <...> И в лицо мне пахнула весенняя ночь / Благовонным дыханьем сирени”. Здесь Блоку важна сама романсовая стихия, воплощенная в строках К.Р., которая, в свою очередь, наполняет блоковское стихотворение особой атмосферой.

В стихотворении “Стоит ли вечно томиться...” (11 мая 1899) Блок перефразирует знаменитую строку из стихотворения Пушкина “Если жизнь тебя обманет...”: у Блока — “Все, что прошло, то прекрасно...” (I, 400); у Пушкина — “Все, что мило, то пройдет, / Что пройдет, то будет мило”. Пушкинская поэтическая формула живет в сознании читателя на правах пословицы; интегрированная в блоковский текст она сообщает ему особого рода традиционность; текст весь — в кругу устойчивых тем, мотивов, образов и пушкинская формула — это словно эпитафия к стихотворению, только эпитафия, внедренная в сам текст.

Порою Блок сам обнажает источник той или иной реминисценции, непосредственно адресуя текст поэту прошлого. Так в стихотворении “Дельвигу” (8 февраля 1899) звучит полемика с сонетом А.А.Дельвига “Вдохновение”, в котором есть строки “Не часто к нам слетает вдохновение, / И краткий миг в душе оно царит”. Блок в своем стихотворении “оспаривает” Дельвига:

Ты, Дельвиг, говоришь, минута --- вдохновенье,
Оно пройдет... А я тебе скажу:

В данном случае диалог с художником прошлого заявлен прямо, однако и в тех случаях, когда непосредственный адресат отсутствует, перед нами по сути дела то же самое явление: творческий контакт с произведениями культуры, структурирование текста на основе готовых художественных образцов.

Поэтическая мысль Блока настойчиво ищет плодотворных импульсов в произведениях классической и современной ему поэзии. И образная система, и само движение лирического сюжета сплошь и рядом подсказаны образами и поэтическими ходами из стихотворений Лермонтова, Фета, Тютчева, Полонского, Случевского, Вл.Соловьева. Влияние этих поэтов служит источником творческого обогащения стиха: художественная энергия классики насыщает собою блоковскую лирику, аккумулируется ею. Ранняя лирика Блока сильна тем, что она входит в общую "нервную систему" русской поэзии: "случайная", как обмолвка", цитата резонирует и сообщает стиху дополнительное звучание.

В стихотворении "И жизнь, и смерть, я знаю, мне равны..." (14 июля 1899) развязка лирического сюжета навеяна стих. К.К.Случевского "Бежит по краю неба пламя...", в котором имеется следующий пассаж: "Душа и небо — единеньем / Объяты — некий гимн поют, / Служа друг другу дополненьем... / Всего на несколько минут". Блок импровизирует на основе данного мотива: "... Моя душа тогда лишь гимн поет <...> / Моя душа вся тает в песнях дальних, / И я могу тогда прочесть в ночных звездах / Мою. судьбу и повесть дней печальных..." (I, 419).

Финальный образ стихотворения "Люблю. Начертаны святые письма..." (12 июля 1899): "Пока в душе горит огнями храм..." (I, 418) заимствованы Блоком из Лермонтова и Фета; у Лермонтова в стихотворении "Как дух отчаянья и злобы...": "Моя душа твой вечный храм"; у Фета в стихотворении "В душе, измученной годами...": "В душе, измученной годами, / Есть неприступный чистый храм". Аналогичная переключка отмечается в стих. "Догорай, не узнавая..." (апрель 1902), здесь в одной -- центральной -- строфе три строки из четырех являются реминисценциями, близкими или более отдаленными по отношению к источнику. "Но к чему огонь вечерний..." (I, 498) ср. в стихотворении К.М.Фофанова "Предчувствие" ("Я знаю, кто за мной следит беззвучной тенью..."): "Я знаю, почему, когда огонь вечерний / Нам зажигать пора..." и название сборников А.А.Фета "Вечерние огни". "Сердцу ль бояться суеверий..." (I, 498) ср. у А.А.Фета "Речи отрывистой, сердце опять суеверней..." ("Месяц зеркальный

плышет по лазурной пустыне...”), а также в стихотворении К.М.Фофанова “Не мигают зарницы вечерние...”: “Только сердце мое суевернее”. Наконец, “В час последних похорон...” (I, 498) – ср. в стих отворении Я.П.Полонского “Вечерний звон” (I-й вариант): “И будет мир иных явлений / Иных торжеств и похорон”.

Первая строка стихотворения “Проходят сны и женственные тени...” (май 1902) составлена из двух реминисценций. Во-первых, это стих. Вл.Гиппиуса “Проходят дни и сны земные...”, опубликованное в “Северных цветах” на 1901 год. Во-вторых, это стихи английского поэта Шелли в пер. К.Бальмонта. Они приведены Вл.Соловьевым в статье “Поэзия Полонского”, ставшей известной Блоку к концу 1901 г.: “Есть Существо, есть женственная Тень. / Желанная в видениях печальных. / На утре дней моих первоначальных / Она ко мне являлась каждый день”³.

Изображение любовной сцены во время грозы в стихотворении А.А.Фета “Ныне первый мы слушали гром...”: “... и вдруг / Разразился весенний недуг, / И, забывши о грозных словах, / Ты растаяла в жарких слезах”, транспонировано Блоком в стихотворении “Я помню вечер. Шли мы розно...” (24 мая 1899): “И с первым блеском молнии яркой, / С ударом первым громовым, / Ты мне в любви призналась жаркой, / А я... упал к ногам твоим” (I, 411). У Фета же и Случевского заимствовано изображение цветов в стихотворении Блока “После дождя” (“Сирени бледные дождем к земле прибиты...” (1 июля 1899): “Цветы поднимут влажный лик” (I, 411); ср. в стих. Фета “Георгины”: “Как много пылких, или томных, / С наклоном бархатных ресниц, / Веселых, грустных и нескромных / Отвсюду улыбалось лиц”, а также в стихотворении Случевского “К портрету девочки”: “Сами цветы, чуть успели поутру раскрыться, / Каждый, что личико блещут под ласкою мая”.

В стихотворении “Весна несла свои дары...” (13 января 1899) представлены реминисценции из стихотворений Я.П.Полонского и К.М.Фофанова. Строка “Вдали от бездны зла земного...” (I,398) опирается на стихотворение Полонского “Мой ум подавлен был тоской...”: “Мне виделось так мало, мало / Лучей любви над бездной зла”. Строка “Полны неведомых созвучий” (I, 398) восходит к стихотворению Фофанова “Летние грозы” (“Смеется солнце с высоты...”): “Полны таинственных созвучий”. Совпадение в обоих случаях почти буквальное.

Аналогичная переключка с классической традицией в стихотворении “Поэту” (“Я встретил вновь тебя, поэт...”) (8 июня 1899), “Две души” (“...Напомнив призраки былого...”) (17 июня 1899) и “Меня бессонница томила...” (23 июня 1899). Ср. Блок: “Твои стихи — живые грезы” (I, 413) — Тютчев (“Первый лист”): “И вот живые эти грезы”; Блок: “Поэт, взгляни: в моих глазах /

Зарниц ты видишь отраженье?” (I,413) — Полонский (“Воспоминание”): “Зловещая заря свой пламень отражала в зрачках твоих глубоко-темных глаз”; Блок: “... обелиски, Осеребренные луной” — Лермонтов (“Завещание”): “... туманы, осеребренные луной”; Блок: “Блаженство ночи в сад манило, / Где пахло скошенной травой” (I,416) — Фет (“Ночь лазурная смотрит на скошенный луг...”): “Запах роз под балконом и сена вокруг”. В стихотворении “Распаленная зноем июльская ночь” (“(26 мая 1899) отразились стихи Тютчева и Лермонтова. Ср. “Распаленная зноем июльская ночь” (I, 411) — Тютчев (“Не остывшая от зною, / Ночь июльская блистала”; “Не смыкайтесь, усталые вежды мои!” (I, 411) — Лермонтов (“Звезда”): “Усталых вежд я не смыкал”.

Наконец в ранних стихах Блока мы находим ряд реминисценций из Вл.Соловьева, духовное родство с которым было для поэта особенно дорого. Эти реминисценции продиктованы тем пиететом, который Блок питал к личности и творчеству Соловьева. В стих. “Всю ночь дышала злобой вьюга...” (22 февраля 1899) строки “Моя желанная подруга, / Я чуял, гибла в эту ночь!” (I, 403) перекликаются со стих. Вл.Соловьева “Под чуждой властью знойной вьюги...”: “Я вновь таинственной подруги / Услышал гаснущий призыв”.

Мировоззренческая философская подоплека обусловила соловьевскую реминисценцию в стихотворении “Хоронил я тебя, и, тоскуя...” (июнь 1902): “Но когда я рыдал и молился, / Звонкий смех твой ко мне долетел” (I, 506) — у Соловьева в стихотворении “Посвящение к неизданной комедии” (“Не жди ты песен стройных и прекрасных...”): “Из смеха звонкого и из глухих рыданий / Созвучие вселенной создано”. В стих. “Я зол и слаб. Земное море...” (15 июня 1899) Блок заимствует у Соловьева один из образов: “По молодой весне добра” (I, 414) — у Соловьева (“У царицы моей есть высокий дворец...”): “И под мрачной зимой молодая весна”. Строка “Из бледноватого далека железный возникает гул” (I, 497) из стихотворения “Я тишиною очарован...” (18 апреля 1902) корреспондирует со стих. Соловьева “Там, где семьей столпились ивы...”: “А вдалеке неслось движенье / И гул железного пути”.

Отмеченные реминисценции в их довольно широком спектре складываются в некую систему, одним из компонентов которой является прием аллюзии — прямой или косвенной отсылки к тексту-источнику. Эта отсылка является частью художественного замысла стихотворения, она определенным образом ориентирует читателя, обращая его от текста к контексту а именно, контексту русской поэзии XIX в., в ореоле которого должно восприниматься стихотворение. По сути дела каждый (или почти

каждый) ранний текст Блока является столько же автономным, сколько и частью “большого текста” классической литературы. Стихотворения зачастую не вполне самостоятельны, не оригинальны в полном смысле слова, но это издержка стремления автора вписаться в канву великих произведений, стать их спутником, обогатиться их опытом. Конечно, если бы Блок написал только эти стихотворения, его место в ряду поэтов прошлого было бы более чем скромным, и не случайно большинство отмеченных стихотворений не были включены в “первый” том, поскольку сам поэт считал их, по-видимому, ученическими. Однако в объеме всего творчества Блока его ранние опыты послужили необходимой школой, в которой поэт учился соизмерять свое творчество с истинной выверенной поэзией, соответствовать ей, чтобы затем внести в нее много свежего, нового, необычного. Блок “пропустил” русскую поэзию через собственные юношеские стихи, он был в юности поэтом-подмастерьем, но без этого, вероятно, никогда бы не вырос в искусственного мастера.

* * *

Другой характерной чертой ранней лирики Блока является использование поэтом автореминисценций: цитат из собственных текстов, их парафразов, переходящих из стихотворения в стихотворение. Блок охотно повторяет сам себя, возвращается к разобритым образам, и эти самоповторы образуют в его творчестве лейтмотивы, сплетающие отдельные тексты в единую ткань, на которой прочитывается некий целостный узор. Поэт стремится утвердить свой поэтический мир как единство, как целостность, и словно композитор, многократно варьирующий одну музыкальную тему, он часто импровизирует вариации одних и тех же или очень близких художественных структур. Не ставя перед собой целью описать всю картину сквозных лейтмотивов ранней лирики Блока, отметим здесь некоторые из них в качестве показательного примера.

Мотив трагических надрывных устремлений к идеалу характерен для цикла “Ante Lucem”. Он отражен в таких стихотворениях, как “Я стар душой. Какой-то жребий черный...” (6 июня 1899), “Зачем, зачем во мрак небытия...” (29 июня 1899), “Dolor ante Lucem” (“Каждый вечер, лишь только погаснет заря...”) (3 декабря 1899), “Поэт в изгнании и в сомненьи...” (31 марта 1900); “Хоть все по-прежнему *певец*...” (5 апреля 1900). Наиболее близкое текстуальное соответствие находит воплощение этого мотива в

стихотворении цикла “Когда толпа вокруг кумирам рукоплещет...” (23 февраля 1899) и в невошедшем в основное собрание стихотворений — “Я зол и слаб. Земное море...” (15 июля 1899); в первом случае это: “И для меня, слепого, где-то блещет / Святой огонь и младости восход! / К нему стремлюсь болезненной душою, / Стремлюсь и рвусь, насколько хватит сил... / Но видно я тяжелою тоскою / Корабль надежды потопил.” (I, 18); во втором — “Я зол и слаб. Ищу напрасно... / В надежде вяну, — злобно рвусь, — / Но рваться трудно... гасну, гасну / И быстро к смерти вниз качусь...” (I, 414). По сути дела, это прямые вариации одного и того же мотива, вырастающего на основе настойчивого повторения в сквозную лирическую тему.

Группа “храмовых” стихотворений 1902 г., навеянных свиданиями с Л.Д.Менделеевой в Казанском и Исаакиевском соборах, реализует сложную тему мистического поклонения поэта возлюбленной, встречи двух “бездн”, противостояния и слияния неба и земли в сакральном чувстве любви предстояния перед вечностью. Эта тема воплощается у Блока зачастую на основе автореминисценций. Заглавная строка стих. “Мы в храме с тобою — одни смущены...” (март 1902) раскладывается на две автореминисценции; ср. в стихотворении “Мы преклонились у завета...” (18 января 1902): “Молчаньем храма смущены” (I, 160); ср. в стих. “На темном пороге тайком...” (март 1902): “Я знаю: мы в храме вдвоем” (I, 180). Стихотворение “Я помню тихий мрак и холод высоты...” (29 июня 1902) своей заглавной строкой восходит к стихотворению “Сгущался мрак церковного порога...” (4 января 1902). Строка “Там своды мрачные задумчиво чернели...” (I, 505) корреспондирует со стихотворением “Там, в полусумраке собора...” (14 января 1902): “Там в сводах — сумрак неизвестный”. Тесное единство тематики и “невыразимость” совершающегося таинства, видимо заставляют Блока не выходить из очерченного предела “ритуальных” поэтических формул.

Повторяемость отдельных мотивов характеризует ряд стихотворений Блока. Так мотив задувания свечи, имеющий у поэта значение ужасного кощунственного действия, представлен в стихотворении “У окна не ветер бродит...” (март 1902): “Задувается свеча” (I, 495); “Гадай и жди. Среди полночи...” (15 марта 1902): “И мимо, задувая свечи, / Как некий Дух, закрыв лицо” (I, 177); “Мы всюду. Мы нигде. Идем...” (5 декабря 1902): “Теперь не может быть и речи <...> Что Кто-то задувает свечи” (I, 247); “Зимний ветер играет терновником...” (20 февраля 1903): “Задувает в окне свечу” (I, 266).

Мотив “опрокидывания” человека и мира, символизирующий собой гибель и апокалиптическое преображение, повторяется в стихотворении “Мы истомились в безмерности...” (21 июня 1902): “Мы над землей опрокинулись, / Нам промечтались века” (I, 503); “Когда святого забвения...” (май 1902): “Тогда мой путь опрокинется” (I, 190) и в стихотворении “Ты придешь и обнищешь...” (24 января 1906): “Мне лицо опрокинешь / Встречу новой земле” (II, 93).

Фольклорный образ двух берегов реки как разлученных возлюбленных представлен в стихотворениях “Сумерки, сумерки вешние...” (16 августа 1901): “Плачет душа одинокая / Там, на другом берегу” (I, 119); “Как любовно сплетал я тончайшую нить...” (1 мая 1902): “Но одна на другом берегу...” (I, 498); “Я, отрок, зажигаю свечи...” (7 июля 1902): “Она без мысли и без речи / На том смеется берегу” (I, 204) и в стихотворении “Мой любимый, мой князь, мой жених...” (26 марта 1904): “Завилась я на том берегу” (I, 315).

В целом образная система раннего Блока подчеркнута однородна, и эта однородность поддерживается в том числе и повторением одних и тех же сходных образов.

Библейская символика лилии как знака чистоты, праведности и невинности, представленная в стихотворении “Верю в Солнце завета...” (22 февраля 1902), отразилась также в стихотворении “Загадай и скройся в ночь...” (2 июня 1902) и “Тебя скрывали туманы...” (май 1902). Ср. в первом стих.: “Ах, в объятиях у ней Сонмы девственных лилий...” (I, 501); во втором — “И лилий полны объятия” (I, 195). Стихотворении “Загадай и скройся в ночь...” отличает мотив лилий как отдаленная аллюзия на сюжет Благовещения (Ангел — здесь херувим — вручает Деве Марии лилии как знак благой вести). Это придает стихотворению отчетливую специфику, но в плане поэтической лексики Блок воспроизводит в обоих случаях текстуально близкие строки.

Аналогичным образом Блок повторяет себя во многих своих ранних стихотворениях. Ср. в стихотворении “Исчезла, отлетела в высь...” (11 июля 1902): “Проснулся дремлющий орел / И к солнцу обратил зеницы” (I, 508) — заглавная строка стихотворения “Взлетая к вышинам, орел покинул доли...” (28 апреля 1899) или один и тот же образ: “Стезей лазурной поднимись” (I, 507) — стих. “Шли мы стезею лазурною...” (28 февраля 1900).

Единая образность связывает стихотворения “В дрожащем эфире...” (13 июля 1902) и “Поздно. В окошко закрытое...” (май 1902): “В дрожащем эфире / Светила купались чудесно...” (I, 508) “В небе купаться устанешь ты” (I, 500). Заглавная строка

стихотворения “Фиолетовый запад гнетет...” (14 мая 1904) является вариацией строки из стихотворения “Как сон, уходит летний день...” (27 июля 1902): “Кровавый запад так чудесен...” (I, 511).

Порою Блок вступает в сложные контрапунктные отношения со своими текстами. Так в стихотворении “Ты, отчаянье жизни моей...” (1 апреля 1902) образ лирической героини дан в контрастной связи с образом Офелии как он воплощен в предшествующих стихотворениях Блока. Ср.: “Ты, отчаянье жизни моей, / Без цветов предо мной и без слез” (I, 495), тогда как в стих. “Есть в дикой роще, у оврага...” (3 ноября 1898): “Питая вечными слезами, / Офелия, цветы твои”, ср. также стихотворение “Мне снилась снова ты, в цветах, на шумной сцене...” (23 декабря 1898). По-видимому, отдельно взятое — стихотворение Блока зачастую не поддается адекватному прочтению, оно требует погружения в контекст хронологически близкой лирики, выявлению смысловых связей с ней.

Много в стихах Блока буквальных совпадений строк и образов, или их очень близких соответствий. Ср. ряд таких соответствий: стихотворение “Сегодня в ночь одной тропею...” (1900): “В тенях сплетенные случайно / С листьями чуждые листы” (I, 41) — стихотворение “В минутном взрыве откровений...” (3 февраля 1898): “Слились в блаженном упоеньи / Случайно сплетшихся ветвей” (I, 401); стихотворение “Счастливая пора, дни юности мятежной...” (1 апреля 1899): “Твоя печаль светла, а грусть твоя бледна...” (I, 405) — стихотворение “Ночь теплая одела острова...” (11 марта 1900): “Печаль светла, душа моя жива” (I, 340); стихотворение “Истомленный дыханьем весны...” (10 — 11 апреля 1899): “Вдохновенья не в силах сдержать...” (I, 405) — стихотворение “Измучен бурей вдохновенья” (1900); стихотворение “Помните день безотрадный и серый...” (21 апреля 1898); стихотворение “День был нежно-серый, серый, как тоска...” (1903); стихотворение “Усни, пока для новой жизни...” (3 мая 1899): “И на моей печальной тризне...” (I, 407) — стихотворение “Увижу я, как будет погибать...” (26 июня 1900): “Над бытия ужасной тризной”; стихотворение “Мерцали звезды. Ночь курилась...” (4 июня 1899): “Но все, к чему стремился пламень / Моей души, — разбито вновь... / На дне речном я встретил камень...” (I, 413) — стихотворение “Я долго ждал — ты вышла поздно...” (27 ноября 1901): “Когда же первый вспыхнул пламень, / И слово к небу понеслось, / Разбился лед, последний камень...” (I, 143); стих. “Поэту” (“Я встретил вновь тебя, поэт...” (8 июня 1899): “Поэт, взгляни: в моих глазах / Зарниц ты видишь отраженье?” — стихотворение “Рожь вокруг волновалась... и шелест стеблей...” (29 января 1898): “... и отблески

дальних зарниц / Зажигали огонь из-под темных ресниц” (I, 370); стихотворение “Проходишь ты в другие дали...” (март 1902): “Когда алеют небеса” (I, 493) — стихотворение “Прозрачные неведомые тени...” (3 июля 1901): “Встает туман, алеют небеса” (I, 107); “Ты в бесконечном отдалении...” (I, 403) — стихотворение “Мой вечер близок и безволен...” (27 марта 1902): “И в бесконечном отдалении” (I, 179).

Выше перечисленные “соответствия” складываются в картину устойчивых поэтических доминант, присутствовавших в творческом сознании Блока и воплощавшихся им в художественной практике. Цвета блоковской поэзии есть составные части единого спектра, совокупности специфических авторских художественных “образов”, которые присутствуют неотъемлемо и явственно и, “перетряхиваемые” автором, как стекляшки в калейдоскопе, складываются каждый раз в новый узор. Важно выявить и подчеркнуть существенно близкие элементы художественных структур раннего Блока, образующие специфическое единство создаваемого им поэтического мира.

* * *

Возвращаясь к вопросу, поставленному в начале данной работы, следует отметить, что проделанный анализ, как представляется, выявляет некоторую условность заявленной эстетической проблемы для художественной практики Блока. Что было вначале для поэта: слово или дело, искусство или действительность, первая реальность или вторая? Едва ли так поставленный вопрос может найти адекватный для художественного метода Блока ответ. Блок — быть может, как всякий истинный художник — имел по преимуществу дело с одухотворенной действительностью, художественное слово для него пронизало каждый факт — будь то событие общественной или частной жизни; флер искусства и реальная предрассветная дымка были для Блока явлениями одной реальности, высшей в своем единстве реальности одухотворенного в слове и в непосредственном жизненном впечатлении человеческого бытия. Конкретный опыт существования и книжные изыски были для поэта в определенном смысле слова равноценны, так как прямо продолжали друг друга. Творческие позиции Блока были глубоко историчны в том плане, что поэт здесь выступал как органичный и очень характерный представитель художественного направления, к которому он принадлежал. З.Г. Минц дала следующую интерпретацию этого явления:

“Вторичность, с мистико-символистской точки зрения, “этой” жизни уравнивала реальность и язык в их замещающей функции знака и модели. Она позволяла рассматривать как некие законченные, имеющие самостоятельную структуру “тексты” и систему явлений реальной действительности, и системы естественных языков, и системы культуры. Соответственно любые отдельные события жизни или любые факты культуры, оказывались “цитатами” из какого-то из этих текстов”⁴.

Блок в плане своего поэтического метода начинал как представитель глубоко традиционной культуры. Раннее творчество поэта отличает, прежде всего, глубокая укорененность в культурной почве. В то же время на основе автореминисценций и внутренних аллюзий Блок настойчиво подчеркивал единство, последовательность и самоценность выбранного им художественного пути. Противоречивое сплетение двух этих нитей — стремление к разомкнутости, открытости художественного мира, вплоть до прямого слияния с чужими поэтическими системами — и бережного поддержания самобытности, доходящей порой до герметизма — стало основой и для последующего развития блоковской поэтики.

¹ Лит. наследство. М., 1982. Т. 92. Кн. 3. С. 170 — 171.

² Реминисценция, как это неоднократно бывает у Блока, оказывается двойной: строка восходит еще к стихотворению К.М.Фофанова “Вдохновенье”: “Еще к земле прикован чуткий слух, / Но к небесам уже подняты крылья”.

³ Соловьев В.С. Сочинения. Спб., 19 Т.6. С. 619.

⁴ Минц З.Г. Функция реминисценции в поэтике А.Блока. --- Уч. зап. Тарт. Гос. ун-та. Тарту, 1973. Вып. 308. Труды по знаковым системам. VI. С. 388.

Е. Р. ОБАТНИНА

ПОМЕТЫ А. БЛОКА НА “ПИСЬМЕ” БЕЛИНСКОГО К ГОГОЛЮ

По материалам критических статей А. Блока можно судить о том, что отношение поэта к В. Г. Белинскому формировалось на протяжении многих лет. Если в 1907—1908 гг. Белинский в сознании Блока являет собой некий авторитет как носитель “огня бескорыстной любви и бескорыстного гнева” (V, 335) революционно-демократического движения России, то с 1915 года, т. е. со времени написания статьи “Судьба Аполлона Григорьева”, наблюдается явный перелом в оценке роли критика, и прежний созидательный огонь любви и гнева, казавшийся неотъемлемым от его образа, трансформируется в огонь губительный. Можно сказать, что слова Блока из этой статьи: “русское возрождение успело расшатать некоторые догматы интеллигентской религии, и Белинский уже не совсем кажется лицом неприкосновенным” (V, 448) — ознаменовали начало открытых выступлений поэта против “отца русской интеллигенции”, Это постепенное отвержение прежних кумиров совпадает со временем оформления поэтической философии Блока, призванной осмыслить конфликт культуры и цивилизации. Поэтому поток отрицательных отзывов поэта о Белинском был направлен конкретно против того, чьими стараниями пушкинская, самостоятельная эпоха России была подменена эпохой, подстраивающейся под стереотипы западноевропейской цивилизации.

Д. Е. Максимов отмечал, что в критическом творчестве Блока имена Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Белинского приобретают символическое звучание — это “имена-мысли”, “имена-идеи”¹. Действительно, за именами этих писателей для Блока стояли основные категории его философии, когда упоминая Пушкина, он прежде всего подразумевал эпоху “Культуры” с целым набором необходимых свойств-категорий (музыка, синтез, стихийность, художник-артист), имя же Белинского так или иначе становилось символом “Цивилизации”, обреченной на дисгармонию, механи-

тичность и раздвоенность. Характерно, что многие категории положительного или, наоборот, отрицательного семантического значения у Блока меняют свой плюс на минус². И подобно тому, как понятие антигуманизма в философской системе поэта наделяется положительным смыслом, “Неистовый Виссарион” превращается в лубочного “белого генерала русской интеллигенции” (V, 488), в знамение распада культуры. Одновременно с этим и все, что ранним Блоком воспринимается в культуре 1840 — 1860-х годов с пафосом восхищения, постепенно наполнялось негативным содержанием: “Их юношеское волнение и кипение было той цветущей могилой, в которой погибла великая культура пушкинской эпохи <...>. В их же время, как это ни ужасно, могильщиками этой культуры были, сами о том не ведая, их учителя, высоко ценимые, как ими, так и нами, русские писатели — с Белинским во главе” (VI, 117).

Известно, что в 1916 году Блок получает в подарок от Иванова-Разумника книгу — том его историко-литературных статей “Пушкин и Белинский” с дарственной надписью: “Дорогому Александру Александровичу Блоку, другу Пушкина и врагу Белинского”³. Противопоставление Пушкин — Белинский тогда для Блока уже четко соотносилось с его культурно-философской концепцией, нашедшей свое окончательное выражение в статье 1919 года “Крушение гуманизма”.

Если Пушкин в этой концепции есть символ торжества культуры истинной, жизнедеятельной, ее немеркнущий эталон, то имя другого писателя — Н.В.Гоголя, которое поэт всегда ставил в один ряд вместе со святым именем Пушкина, — все же было исполнено иного значения. На взгляд Блока, Гоголь, а также целая плеяда русских и европейских художников (Достоевский, Грибоедов, Диккенс, Стриндберг, Гейне) являются “живыми катакомбами культуры” (VI, 107). С Гоголем для Блока неразрывно связаны понятия музыки, трагических прозрений, но важнее всего то, что Гоголь в сознании поэта объединен с Россией будущей, той, что виделась, по словам Гоголя, только “духовными очами”. Очевидно, именно параллельно формированию концепции кризиса гуманистической культуры имени Гоголя и Белинского обрели в критическом творчестве Блока значения сигнатур противоположающихся тенденций в искусстве и оказались соединены друг с другом “напряженными антитетическими”, по определению Максимова, отношениями⁴. Данная диада (Гоголь — Белинский) периодически возникает на страницах не только статей, но и дневников, писем и записных книжек, при этом упоминание Гоголя чаще всего связано с увеличением в его творчестве накала гражданского пафоса. В письме В.В.Розанову 1909 года он пишет: “Нам завещана

в фрагментах русской литературы от Пушкина и Гоголя до Толстого <...> огромная <...> концепция живой, могучей и юной России” (VIII, 277). К одному такому “завещанию” — “Выбранным местам из переписки с друзьями” Блок обращался и осмысливал его как в 1907 — 1909 годах, так и в послереволюционное время. А.М.Ремизову запомнилась примечательная деталь блоковского кабинета: одна из музыкальнейших русских книг “Переписка” Гоголя “лежала у него на столе”⁵.

Влияние этой книги на формирование мировоззрения поэта подробно исследовано З.Г.Минц⁶. Сам Гоголь и многие положения его произведения были восприняты Блоком в качестве духовно-нравственных ориентиров. При этом поэт выделяет для себя, помимо внутреннего нравственного импульса, присущего Гоголю, вполне конкретные призывы, например: “нужно любить Россию, ступайте подвизаться в ней” (V, 325 — 326).

“Переписка с друзьями”, как известно, вызвала к жизни ответное произведение, ставшее литературным памятником русской гражданской публицистики, — обличительное зальцбрунское письмо В.Г.Белинского. Этот неотступный спутник книги Гоголя в истории нашей литературы, конечно, не мог остаться без внимания А.Блока⁷. Отношение к письму однозначно высказано в статье 1918 года “Что надо запомнить об Аполлоне Григорьеве”: “Я не могу простить Белинского; я кричу: Позор Белинскому!” (VI, 28).

Закономерно, что дневники, письма и записные книжки поэта содержат “подготовительные” мысли, появляющиеся в своем завершенном виде в критических статьях. Но пожалуй, только такой источник информации, как пометы на книгах, позволяет проникнуть в глубь творческой лаборатории Блока, подчас раскрывая очень конкретную, нюансную картину формирования тех или иных тенденций творчества и мировоззрения. Так, отчеркивания 1907 года в рецензии Эллиса на книгу Венгерова, содержащую статью о Белинском, несомненно указывают на то, что уже у раннего Блока, который не раз сочувственно цитирует Белинского, возникает двойственное отношение к демократической критике 1840-х — 1860-х годов. В названной статье Блок отмечает следующие строки: “В сущности все наши “критики”, “праведники”, “начальники”, “соборники” были и суть просто путаники, всегда создававшие с давно уже известным на Западе наивным и самоуверенно-трогательным, однако в существе дела всегда эфемерным, доктринерством свои доморощенные рецептики и патентики”⁸. И сопровождает данный текст пояснением: “Это Белинский и Добролюбов”⁹. Возможно, что именно из этого “зерна” прорастет в статье 1915 года “Судьба Аполлона Григорьева” заключение

Блока: “Белинский, служака исправный, торопливо клеймил все, что являлось на свет божий” (V, 488).

Такие же примеры имеются и в отношении Гоголя, который в сознании поэта преобразился из угрюмого колдуна в художника-патриота, мечтавшего о “великих трудах” и звавшего “пободрствовать своего гения” (V, 377). Залог этого преобразования усматривается в помете 1913 года на полях статьи Городецкого об акмеизме, где в контексте: “У акмеистов роза опять стала хороша сама по себе, тройка удала и хороша своими бубенцами, ямщиками и конями”, — подчеркнуты следующие слова — “а не притянутой под ее покров политикой”¹⁰. А напротив этой фразы Блок оставляет ироническое замечание: “вините Гоголя!”¹¹. Мысль, запечатленная в этой помете, получит развитие, когда в дневнике 1919 года поэт напишет: “Мы уже знаем, что значит быть вне политики: это значит стыдливо закрывать глаза на гоголевскую “Переписку с друзьями...”” (VII, 359).

К числу подобных бесценных источников знания о формировании блоковского мировоззрения относится и книга, обнаруженная в библиотеке В.Н.Орлова, унаследованной музеем-квартирой А.А.Блока. Это “Письмо к Гоголю” Белинского с предисловием С.А.Венгерова (СПб.: Светоч, 1905).

Необычно сложилась ее судьба: являясь собственностью А.А.Блока и храня на своих полях свидетельство его вдумчивого прочтения, она попала в библиотеку Орлова, а после его смерти вернулась в дом поэта.

Блоковские пометы, которыми снабжен текст настоящей книги, являют собой документ, требующий внимательного изучения, т.к. несомненно, они указывают на точки отсчета многих суждений поэта, касающихся не только темы “Белинский — Гоголь”, но и моментов его личного творчества. Если из критических статей ясно, что Белинский и Гоголь для Блока суть символы определенных этапов развития русской культуры, во многом предопределившие современность, то маргиналии на полях этой книги свидетельствуют, как его умозрение перерастает рамки историко-литературного восприятия и впрямую соотносит этих “героев” литературного процесса минувшего столетия с конкретными событиями современной поэту эпохи.

Принадлежность книги Александру Блоку подтверждается следующим: прежде всего, она значилась в алфавитном каталоге, составленном поэтом на его коллекцию книг, и в справочнике “Описание библиотеки А.Блока” о ней есть указание в разделе “Книги, местонахождение которых неизвестно”¹².

Затем, как на многих книгах из этой библиотеки, на ее обложке имеется чернильная надпись почерком поэта: “Александр

Блок". Среди помет есть записи с характерным для Блока написанием цифр.

И, наконец, самое главное, — эти пометы имеют прямое отношение к творческому наследию поэта.

Среди помет преобладают отчеркивания красным и простым карандашом, кроме того, встречаются два значка "NB", один "!", и две пояснительные надписи.

Ввиду того, что за исключением цвета карандаша и значка "!", отчеркивания не снабжены какими-либо четкими оценочными характеристиками, не представляется возможным определить суть отношения Блока к выделенным им фрагментам, минуя сопоставительный анализ маргиналий и текстов самого поэта.

Время прочтения можно приблизительно установить, отталкиваясь от пометы с указанием на 1918 год. Следовательно, возможно, что к этой книге Блок обращался в 1918-ом либо в последующие за ним годы.

Факт использования двух цветов карандаша не исключает двух прочтений книги, относящихся к разному времени, но по характеру распределения отчеркиваний думается, что здесь запечатлелось одно чтение с использованием двух карандашей. Строгой классификации пометы красным и черным цветом не поддаются, но, принимая во внимание вообще относительную строгость всякого отчеркивания, отражающего живой мыслительный процесс, можно предположить, что красный карандаш выделяет в тексте факты, связанные с тем общественным резонансом, который возник в связи с появлением письма Белинского. Нужно заметить, что настоящее издание предваряется вступительной статьей С.А.Венгерова, которая также местами подчеркнута исключительно красным карандашом. Думается, что не случайно вступление не обойдено вниманием Блока, так как еще в 1907 году на страницах журнала "Золотое руно", подводя литературные итоги этого года, он с почтением отзывался о книге Венгерова "Очерки по истории русской литературы", которая содержала отдельные статьи как о Белинском, так и о Гоголе, рекомендуя их следующим образом: "несмотря на краткость и некую ортону библиографичность, эти очерки очень полезны и сравнительно объективно написаны" (V, 218). В предисловии Венгерова целиком отчеркнуто красным карандашом письмо Ивана Аксакова к отцу с характеристикой роли Белинского в формировании общественных взглядов его современников, когда "не было ни одного учителя гимназии губернских городов, который не знал наизусть письма Белинского к Гоголю". И вслед за этим отчеркнуты без разрыва линии два абзаца, посвященные

роковому воздействию этой публицистики на судьбу Достоевского и Плещеева.

Принцип использования в пометах красного цвета, вероятно, связан с образом Белинского, сложившимся в либеральных кругах академического толка. Этот образ почти всегда иллюстрируется набором постоянно встречающихся высказываний из письма, обращенного к Гоголю, которые вполне могут цитироваться без указания имени критика. Именно такие фрагменты текста, как нам представляется, и были выделены Блоком. Вот некоторые из них: “нельзя молчать, когда под покровом религии и защитой кнута проповедуют ложь и безнравственность, как истину и добродетель”¹³ (с. 9). Или пламенная филиппика, обрушенная на Россию, как на страну, “где, наконец, нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка, а есть только огромная корпорация разных служебных воров и грабителей!” (с. 11).

Красный карандаш последовательно отмечает проявления эмоционального стиля обвинений Белинского. Например: “Или вы больны: и вам надо лечиться; или ... не смею досказать моей мысли! Проповедник кнута, апостол невежества, поборник обскурантизма и мракобесия, панегирист татарских нравов — что вы делаете. Взгляните себе под ноги, ведь вы стоите над бездною...” (с. 13). В предисловии выделено: “Статья о гнусной книге Гоголя, — писал Белинский своему другу Вас.Боткину, — могла бы выйти замечательно хорошо, если бы я в ней мог, зажмурив глаза, отдаться моему негодованию и бешенству” (с. 5). Несомненно, что эти отчеркивания наполняются особым смыслом, если обратиться к критической прозе Блока, в которой стиль Белинского называется “истерическим бранным криком, которым кричал на Гоголя Белинский” (V, 325).

Понять смысл употребления простого карандаша в сравнении с красным отчасти помогает маргиналия на первой странице текста письма — “!”, поставленная напротив фразы: “И вы имели основательную причину хоть на минуту выйти из спокойного состояния духа,” — далее подчеркнуты слова — “потерявши право на такую любовь” (с. 9). В этом абзаце Белинский сокрушается, что обманулся в Гоголе, которого любил так, как можно любить “надежду, честь, славу России”.

Очевидно, что подчеркивая слова о праве на любовь и отмечая их значком “!”, Блок выражает личное отношение к этой самоуверенности критика, дарящего своей благосклонностью художника, либо карающего его своим осуждением.

Таким образом можно допустить: если красный карандаш помет связан с общепринятыми оценками Белинского и его

публицистики, а также с ее стилистикой, то черный цвет фиксирует самостоятельный взгляд Блока, его индивидуальное восприятие. Подобное “свидетельство” личного отношения Блока к тексту открывает возможность интерполировать смысл данного “Письма” из сферы отстраненного изучения темы “Белинский и Гоголь” на известные реалии послереволюционной жизни Блока и его мировоззрение этого времени.

Так, некоторые маргиналии простым карандашом прямо соотносятся с культурно-философскими взглядами поэта, окончательно сформировавшимися в послеоктябрьские годы. В тексте письма Белинского отчеркнуто предложение: “Поэтому вы не заметили, что Россия видит свое спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пиетизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности” (с. 10 — 11).

Обратившись к статье “Крушение гуманизма” или к дневниковым записям, запечатлевшим процесс работы над ней, и сопоставив с пометой, нетрудно заметить, что отчеркивание несет в себе явно полемический смысл. К указанной фразе примыкает подчеркнутое в тексте слово “прогресс”: “Я любил вас, как одного из вождей на пути созидания, развития и прогресса” (с. 9).

Оба выделенных фрагмента содержат ключевые понятия блоковской концепции истории, основанной на сменяющих друг друга эпохах культуры и цивилизации; целостного просвещения и популяризации знаний; гуманизма и эпохи, сохранившей лишь эпитет “гуманной”; трагизма и оптимизма.

При этом, как уже было отмечено, в концепции Блока все эти понятия переосмысляются и то, что в тексте Белинского исполнено самого положительного смысла, воспринимается как негативное. Поэтому и слово “прогресс” для Блока безусловно связано с Гоголем, но только не в том значении, какое в него вкладывал автор “Письма”¹⁴.

Таким образом, внимание Блока к приведенным фрагментам может быть истолковано по-разному: поиск подтверждения идей, заложенных в его философии или как свидетельство формирования этих идей.

Гоголь в статье “Крушение гуманизма” назван в числе тех писателей, которые “вели битву” за “артиста”, то есть за возрождение типа художника, способного “жадно жить и действовать в открывшейся эпохе вихрей и бурь”, “это не этический, не политический, не гуманный человек, а человек-артист” (VI, 115).

В связи с этим открывается смысл подчеркнутых Блоком слов в следующем предложении: “Я думаю, что это оттого, что вы глубоко знаете Россию”, — далее подчеркнуто — “только как художник, а не как мыслящий человек” (с. 10). Думается, что и за

этим подчеркиванием вовсе не стоит согласие поэта, скорее напротив, здесь заложено неприятие столь прямого и даже оскорбительного противопоставления: художник — мыслящий человек, а значит, и иное, отличное понимание роли и назначения писателя в культуре, в частности в культуре России¹⁵.

Если подчеркивание в названном случае отсылает нас в область в достаточной степени отвлеченных размышлений поэта, то блоковское пояснение напротив строки текста: “вот откуда пошло” — проясняет ситуацию, открывая возможность проанализировать отношение поэта к противопоставлению “художник — мыслящий человек” в конкретных исторических условиях послеоктябрьской России, а также может помочь подробно выяснению того, как складывались взаимоотношения самого поэта с властью большевиков, становясь важным источником для пополнения темы “Блок и революция”. В связи с этим показательны отклики деятелей революции о Блоке, говорящие о том, что при всех приветствиях в адрес поэта — автора “Двенадцати”, существовало и недоверие к нему. Л.Троцкий: “Конечно, Блок не наш. Но он рванулся к нам. Рванувшись, надорвался”¹⁶. Яркой иллюстрацией является и стихотворение А.В.Луначарского, написанное в ответ на “Двенадцать”:

“Так идут державным шагом,
А поодаль ты, поэт,
За кроваво-красным стягом,
Подпевая их куплет.
Их жестокого романа
Подкупил тебя трагизм.
На победу мало шанса,
Чужд тебе социализм, —
Но объят ты ихней дрожью
Их тревогой заражен,
И идешь по бездорожью,
Тронут, слаб, заморожен”¹⁷.

Заметим, что помета “вот откуда пошло” осуществляет, таким образом, связь между Белинским, то есть тем, кто породил противопоставление “художник — мыслящий человек”, и современной Блоку эпохой, в которой высокое, отличное от всех остальных, назначение художника по-прежнему недооценивается. И это не единственный пример, встречающийся среди помет на “Письме” Белинского.

Наиболее яркое доказательство присутствия внутренней проекции выделенных фрагментов текста Белинского на время октябрьской революции и после нее с очевидностью проступает в подчеркнутом построчно предложении: “Вы видите сами, что от вашей книги отступились даже люди, по-видимому, одного духа с

ее духом” (с. 10), которое сопровождается блоковским комментарием на полях: “Как от русской революции 1918 года”. В данном случае, объективно, Белинский констатирует атмосферу, сложившуюся вокруг “Переписки” — после ее выхода в свет. Блок же рассматривает эту ситуацию как явную аналогию тому времени, очевидцем которого стал он сам.

Кроме того, перед нами маргиналия, позволяющая конкретизировать время прочтения книги. Представляется, что возможно сделать это несколько точнее, чем просто ограничиться рамками 1918 года, указанного в помете, и годом смерти поэта. Из общего смысла надписи и контекста явствует, что Блок видит перелом в отношении к революции даже среди тех, кто ее изначально приветствовал. У нас нет материалов, позволяющих говорить о том, кого именно подразумевает Блок, но, думается, не будет прегрешением против правды, если за объект наших предположений мы примем самого поэта и его отношение к революции после января 1918 года, то есть после поэмы “Двенадцать”.

Сведения о настроениях Блока этого времени можно почерпнуть из записи в записной книжке от 4 апреля 1918 года: “После январских восторгов — у меня подлая склеротическая вялость и тупость” (IX, 332). В последующие годы в записях поэта будет повторяться мысль о завершении, конце революции. В мае 1919 года в записной книжке он задается вопросом: “Кто погубил революцию” и в скобках уточняет “дух музыки” (IX, 458). А в лекции 1920 года прозвучит: “... В России два года назад закончилась революция” (VI, 485).

Итак, после января 1918 года в сознании поэта укореняется мысль о том, что “дух музыки”, которым был насыщен октябрьский переворот, дух, который должен был преобразить цивилизацию в культуру, — постепенно исчезает.

Немаловажно, что Блок, анализируя развитие революции, различает несколько этапов: когда бурное движение сменяется замедлением и становится заметной “убыль творческого хмеля, той музыки, которая звучала в конце 1917-го и в первой половине 1918 года” (VI, 390). Поэтому нам кажется, что вторая половина 1918-го — 1919 год включительно — это самый вероятный период времени, когда Блока могло живо интересовать “Письмо” Белинского к Гоголю.

Тема “Блок и революция” сквозит еще в одной помете — в построчном отчеркивании предложения: “Что вы подобное учение опираете на православную церковь, это я еще понимаю: она всегда была опорой кнута и угодницей деспотизма; но Христа-то зачем вы примешали тут?” (с. 13).

Нет сомнения, что этот упрек звучал для Блока современно и прямо был применим к его поэме “Двенадцать”. Известно, что вопрос, содержащийся в инвективе Белинского, обращенной к Гоголю, почти дословно повторяется и в адрес поэта. Заключительный образ поэмы практически не был воспринят ни по одну сторону баррикад. Кошунственную ложь увидели в соединении идей революции с образом Иисуса Христа З.Гиппиус, М.Волошин, Н.Гумилев, Ю.Айхенвальд, К.Мочульский, С.Булгаков; непонимание возникло и в стане большевиков: известен отзыв В.Ленина и О.Каменевой¹⁸.

О том, какую позицию занял Блок по отношению к критике, доносившейся с разных сторон, свидетельствуют воспоминания Анны Радловой: “В ту зиму <1918-19 года> был у меня с Ал.Ал. разговор о “Двенадцати” <...> Ал.Ал. говорил о том, как встретила Россия его “Двенадцать”, какие нелепые обвинения посыпались на его голову со стороны даже тех людей, которые, казалось, должны были что-то смыслить. “Бог с ними, — прибавил он со своей немного насмешливой и доброй улыбкой, — они еще не понимают. А вот другие говорят, что в конце Иисус Христос ни к чему, не ладно приделан. Но даже если это так, я никогда не откажусь от него и не смогу выкинуть его из “Двенадцати”¹⁹.”

Надо заметить, что рассматриваемая помета является первым проявлением тенденции, которая еще будет иметь место в маргиналиях данной книги — тенденция к примирению с мнением Белинского, одновременно уживающаяся с отрицанием. В некотором смысле Блок мог согласиться с первой частью вопроса критика, где одновременно с обвинениями, направленными лично Гоголю, есть осуждение Церкви — “поборницы кнута и угодницы деспотизма”.

Тема Церкви самим Блоком почти всегда воспринималась в свете революционно-демократической традиции, в основе которой и было заложено отступничество от Церкви как от лживого, продажного отростка государства. Достаточно вспомнить набросок стихотворения “Русский бред” или из статьи “Интеллигенция и революция” (1918): “Сто лет здесь ожиревший поп, икая, брал взятки и торговал водкой” (VI, 15).

Итак, вопрос, заданный Белинским, был актуален для Блока и, может быть, он подчас сам у себя требовал на него ответ, проводя параллель между собой и Гоголем, начиная жить с автором “Переписки” в одной системе измерений. Об этом есть в записи, сделанной Александром Блоком в день завершения “Двенадцати”: “Война прекращена, мир подписан. — Страшный шум, возрастающий во мне и вокруг. Этот шум слышал Гоголь (чтобы заглушить его — призывы к порядку семейному и православию)” (IX, 387).

Последняя догадка о причинах феноменального возникновения “Переписки” Гоголя обусловила неоднозначный подход к личности этого писателя, когда поэт, тем не менее, имеет отличный от него взгляд на официальную Церковь. И поэтому в статье того же года (1918) “Что надо запомнить об Аполлоне Григорьеве” Блок наравне с восхищением перед гением Гоголя, благодаря которому главное в “Переписке” — это “правда, человек, восторг, Россия”, — констатирует и второстепенное, но немаловажное: “Гоголевская книга написана “в миноре”, ее диктовали соблазны православия, болезнь, страх смерти” (VI, 27).

Таким образом, Блок, подчеркивая слова Белинского о приверженности Гоголя Церкви — “угоднице деспотизма”, в отличие от прежних рассмотренных случаев, выражает с ним солидарность.

Тем не менее, существует немало свидетельств, показывающих, что отношение поэта к официальной Церкви вовсе не было идентичным его взглядам на вопрос внутренней веры, Бога в душе. Спустя почти месяц после приведенной записи, совпадавшей по времени с окончанием поэмы “Двенадцать”, в дневнике появляется следующее суждение: “Марксисты — самые умные критики, и большевики правы, опасаясь “Двенадцати”. Но... “трагедия художника остается трагедией. Кроме того: если бы в России существовало действительное духовенство, а не только сословие нравственно тупых людей духовного звания, оно давно бы “учло” то обстоятельство, что “Христос с красногвардейцами”. Едва ли можно оспорить эту истину, простую для людей, читавших Евангелие и думавших о нем” (VII, 329). Безусловно, еще одним подтверждением правомерности темы “Блок и христианская вера” являются его многочисленные пометы на Евангелии.

Среди отчеркнутых Блоком фрагментов “Письма” обращают на себя внимание и те, что, примыкая по своему смыслу к теме официального православия, поднимаются на более высокий уровень размышлений о пути России, о формах наилучшего устройства государства (два из них отмечены: “NB”). Особенно интересна помета, выделяющая мысль Белинского о специфике психологии русского человека, у которого всегда религиозность тесно сопряжена с государственностью. И если Белинский утверждает это с презрением и иронией, то, вероятно, для Блока послереволюционных лет вопрос о государстве — предмет тревожных размышлений²⁰. Поэтому, должно быть, соглашаясь с Белинским, он все же считает, что в отношении “Переписки” Гоголя это не столь важно.

Такая интерпретация блоковской пометы возможна, если отталкиваться от его статьи 1918 года “Размышления о скудости нашего репертуара”, где поэт определяет роль самодержавия и

православия в России как ее “политическую и религиозную скорлупу”. Вследствие чего Блок не стремится вникнуть в суть конкретной “программы”, заключенной в “Переписке” Гоголя, видя в книге отражение самого главного, что было в этом художнике, наделенном трагическими прозрениями и причастном, помимо “скорлупы” России, к ее ядру, сердцевине, а значит — к душе России. Этим объясняется неизменный магнетизм книги Гоголя для Блока, интуитивно сознающего, что в ней заложен огромный творческий потенциал, способный вернуть музыку миру. Так, в статьях 1918 — 1919 годов он писал: “надо переоценить многое, прежде всего — “Переписку с друзьями” Гоголя, вырвав из нее временное и свято сохранив вечное” (VI, 139 — 140); “Мы опять стоим перед этой книгой: она *скоро пойдет в жизнь и в дело*” (VI, 27).

Утверждая актуальность “Переписки” в 1918 году, Блок проникается особым отношением к Гоголю, как к пророческой фигуре, предвестнику Октября²¹. Эта точка зрения Блока и дает право рассматривать его пометы на “Письме” Белинского в свете темы “Блок и революция”, находя точки пересечений в истории создания и восприятия книги Гоголя и поэмы “Двенадцать”.

Несомненно, что Блок, отозвавшийся на различные негативные оценки “Двенадцати” словами: “Они еще не понимают”, — говорил как человек, переживший опыт прозрения в будущее (подобно Гоголю), которое ничего не имело общего с реальным воплощением идей революции. Последние годы жизни поэта сопровождаются трагическими несовпадениями мечты и реальности, что накладывает отпечаток на его личное отношение к своей поэме. На этот счет есть немало свидетельств. Одно из них принадлежит заведующему Гослитиздатом в Петрограде И.И.Ионову: по его словам Блок требовал в предсмертной агонии уничтожить все экземпляры поэмы²². Несмотря на внешнюю убедительность, эти воспоминания нуждаются в доказательствах. А вот последнее отчеркивание Блока в тексте “Письма” Белинского, думается, имеет право на статус объективного материала, который, если и не дает ответов, то позволяет очертить круг вопросов, волновавших Блока в послереволюционные годы:

1. Позиция Блока как человека, по определению М.Горького, “бесстрашной искренности” в послеоктябрьские годы.

2. Блок и его отношение к России реальной на фоне мечты о России, которая виделась, как писал Гоголь, только “духовными очами”.

3. Отношение поэта к “Двенадцати” в годы спада его революционных настроений.

4. Решение Блоком проблемы творчества после января 1918 года.

Все эти вопросы, должно быть, присутствуют внутренне в выделенном Блоком заключительном абзаце “Письма к Гоголю”: “Я не умею говорить вполнину, не умею хитрить; это не в моей натуре. Пусть вы или само время докажет, что я заблуждался в моих о вас заключениях. Я первый порадуюсь этому; но не расскаюсь в том, что сказал вам. Тут дело идет не о моей или вашей личности, но о предмете, который гораздо выше не только меня, но даже и вас; тут дело идет об истине, о русском обществе, о России. — И вот мое последнее заключительное слово: если вы имели несчастье с гордым смирением отречься от ваших истинно великих произведений, то теперь вам должно с искренним смирением отречься от последней вашей книги, и тяжкий грех ее издания в свете искупить новыми творениями, которые напомнили ваши прежние” (с. 21 — 22).

Завершая описание блоковских помет на “Письме” Белинского к Гоголю, надо признать, что это уникальный материал, высвечивающий многое в творческой лаборатории поэта; документ, поднимающий огромные пласты творческого наследия Блока и соединивший в себе темы Белинского, Гоголя, их соотношение в сознании Блока, а также проекции этих тем на его позднее критическое творчество.

¹ Максимов Д. Поэзия и проза Ал.Блока. Л., 1981. С. 347.

² Максимов Д. Указ. соч. С. 298.

³ Миллер О.В. Пометы Блока на книгах по истории русской литературы XIX в. // Александр Блок. Новые материалы и исследования. М., 1987. Кн. 4. С. 71.

⁴ Максимов Д. Указ. соч. С. 347.

⁵ Ремизов А. К звездам // Ремизов Алексей. АХРУ. Повесть петербургская. Берлин — Пб. — Москва. Изд. З.И.Гржебина. 1922. С. 25.

⁶ Минц З.Г. Блок и Гоголь // Блоковский сборник. Тарту, 1972. вып. II. С. 122 — 206.

⁷ От откликах Блока на критическое наследие Белинского см.: Цинговатов А. Белинский в сознании А.Блока // Венок Белинскому. М., 1924; Крук И.Т. Пометки Блока на сочинениях Белинского // Вопросы русской литературы: межвузовский сборник. Львов, 1966. Вып. 1: Блок и Белинский // Там же. Львов, 1967. Вып. 2 (5); Минц З.Г. Лирика Александра Блока. Вып. 3: Александр Блок и традиции русской демократической литературы XIX века. Тарту, 1973.

⁸ Эллис Л.Л.(Кобылинский). С.А.Венгеров. Очерки по истории русской литературы (Рецензия) // Весы. 1907. № 7. С. 56.

⁹ Библиотека А.А.Блока. Описание. Кн. 3. Л., 1986. С. 170.

¹⁰ Городецкий С. Некоторые течения в современной русской поэзии // Аполлон. 1913. № 1. С. 48.

¹¹ Библиотека А.А.Блока. Описание. Кн. 3. С. 167.

¹² Там же. С. 209.

¹³ Здесь и далее в скобках указаны страницы “Письма к Гоголю” в соответствии с изданием, с которым работал А.Блок (СПб: “Светоч”. 1905).

¹⁴ В понимании Блока категория “прогресса” наполняется мнимым содержанием в эпоху смены Культуры Цивилизацией. Ложное ощущение “вечного прогресса” свойственно интеллигенции. См. ст. “Стихия и Культура” (V, 353).

К вопросу о расхождении Блока с Белинским в оценке гоголевской “Переписки”, добавим, что авторитет Белинского как критика резко падает для поэта уже в 1913 году, когда в его дневнике появляется запись о Белинском, не понимающем творчество Гоголя в целом: “Сатира: такой не бывает. Это — Белинские о — и <предположительно: обманщики — Е.О.>. До того о — и, что после них художники вплоть до меня способны обманываться, думать о “бичевании нравов” <...> Гоголь любил Хлестакова и Чичикова. Чичикова особенно. Пришли Белинские и сказали, что Грибоедов и Гоголь “осмеяли” (VII, 218).

¹⁵ Кредо художника декларировано Блоком в ст. “Ответ Мережковскому” (1910), а также в ст. “Интеллигенция и революция” 1918: “... мы систематизируем явления и не призваны их схематизировать. Мы также не государственные люди <...> Мы люди по преимуществу и, значит, — прежде всего обязаны уловить дыхание жизни” (V, 443); “Дело художника, обязанность художника — видеть то, что задумано, слушать ту музыку, которой гремит “разорванный ветром воздух” (VI, 12).

¹⁶ Троцкий Л. Литература и революция. М., 1991. С. 102. См. также доклад Н.И.Бухарина на 1 съезде сов. писателей // Первый Всесоюзный съезд советских писателей. 1934. Стенографический отчет. М., 1990. С. 488.

¹⁷ Два стихотворения А.В.Луначарского // Вопросы литературы. 1961. № 1. С. 202.

¹⁸ Орлов Вл. Поэма Александра Блока “Двенадцать”. М., 1962. С. 152, 140 — 156; об отзыве Каменевой — в дневниках и записных книжках поэта (VII, 330); (VI, 394).

¹⁹ Анна Радлова о Блоке // Публикация А.В.Лаврова // Книги и рукописи в собрании М.С.Лесмана. М., 1989. С. 356.

²⁰ Не случайно именно эта тема разрабатывается Блоком в “исторических картинах”, которые стали последней творческой попыткой осмыслить действительность.

²¹ Минц З.Г. Александр Блок и русская реалистическая литература XIX века. Автореферат докт. дисс. Тарту., 1972.

²² Иванов Г. Блок и Гумилев. Цит по ст.: Липина Б. Бунин и “Двенадцать” // Литератор. 1990. № 36 (41). С. 4.

О. Е. ЛЮБИМОВА

БЛОК И СЕКТАНТСТВО: “ПЕСНЯ СУДЬБЫ”, “РОЗА И КРЕСТ”

“Тревожную поэзию его что-то сближает с русским сектанством”¹, — писал о Блоке Андрей Белый в 1909 г. Для Белого, как и для многих близких символизму его современников, “сектантство” означало почти исключительно хлыстовство. В хлыстовской мистике и тайных обрядах — плясках-кружениях, не всегда понятных словах распевцев, в экстатических пророчествах, “свальном грехе” и предполагаемой кровавой жертве — им слышался отзвук оргиастических культов древности, чудом достигший Замоскворечья и рязанских деревень². Близость поэтического мира Блока и “мира хлыстовского”³ неоднократно отмечалась современниками поэта, и прежде всего теми, кто готов был осудить его за отказ от прежних идеалов, за причастность к “мистическому анархизму”, за кощунство. Судили Блока так, как и полагается судить сектанта, — с точки зрения отхода от христианства, правда, очень поразному понимаемого самими обвинителями. Белый, по наблюдению Н. Г. Пустыгиной, трактовал хлыстовство, в том числе и блоковское, как “распыление, опошление идей соловьевства”⁴, которые были для него подлинно религиозными. В “подмене истинно-христианских начал радением, хлыстовством” обвинял Блока Д. С. Мережковский⁵. О “люцифер-хлыстовском происхождении” поэзии Блока писал М. М. Пришвин⁶. “Хлыстовский строй мыслей” увидел у Блока “петроградский священник” (вероятно, о П. Флоренский)⁷, и сан и пафос доклада которого не вызывают сомнений в отношении к хлыстовству. Темная хлыстовская мистика каждый раз противопоставлялась подлинной религии. Но “мистику” и “религию” противопоставлял и сам Блок.

Заметка поэта “Религия и мистика” не часто привлекала внимание исследователей. Из нее обычно вычитывается концептуально важное, прежде всего слова о “*мистицизме в повседневности*” (IX, 73), в которых видят определение Блоком своего художествен-

ного метода в 1903—1906 гг., обозначение реалистических тенденций, возникающих в его творчестве⁸. Более пристальное внимание к содержанию заметки приводило к интересным наблюдениям, но к вызывающим сомнения выводам. “Противопоставление мистики и религии Блок связывает в этой записи с противоположностью реализма и романтизма (“Религия есть то (о том), что будет, мистика — что было и есть”), — писал И. Т. Крук. — В этой антиномии Блок предпочитает мистику, которая, по логике высказывания, соотносится с реализмом, религия — с романтизмом”⁹. Трудно согласиться с мнением, что Блок предпочитал “что было и есть” тому, “что будет”. Другие слова заметки подтверждают наши сомнения: вряд ли возможно отдать предпочтение “косности и пустоте” перед “полнотой” (“Крайний вывод религии — полнота, мистики — косность и пустота” — IX, 73)¹⁰. О том, что чему-то все же должно быть отдано предпочтение, свидетельствует начало записи: мистика и религия “не имеют общего между собой” (IX, 72). Такое утверждение настораживает своей полемичностью: очевидно, что с ним не согласились бы ни Андрей Белый, ни Вячеслав Иванов, ни другие близкие Блоку “мистики”. Примечательно оно и на фоне недавнего блоковского “соловьевства”: по наблюдению А. Введенского, возможно, известному Блоку, для В. Соловьева понятия “мистический” и “религиозный” были синонимами¹¹. Блок, впрочем, тоже не отвергает возможной близости этих понятий, но это всего лишь возможность: “*религия может освятить и мистику*” (IX, 73).

“Мистика — богема души, религия — стояние на страже” (IX, 72). Формулу “стояние на страже” Блок повторит еще несколько раз. Она появится в рецензии на сборник “Свободная совесть”, развивающей мысли заметки о религии и мистике, и пояснит отношение самого Блока к тому, что обычно называют мистицизмом в “Стихах о Прекрасной Даме”: “Поклоннику Мистической Розы должно излечиться от нервов: поклонение есть *стояние на страже*, а не «богема» души. Нервный мистицизм и «Вечная Женственность» не имеют общего между собой” (V, 610). Через полтора года ту же формулу Блок использует в письме Андрею Белому: “Если я кощунствую, то кощунства мои с *избытком* покрываются *стоянием на страже*. Так было, так есть и так будет. Душа моя — часовой несменяемый, она сторожит свое и не покинет поста. По ночам же — сомнения и страхи находят и на часового” (VIII, 200). Слова о кощунстве, о ночных “сомнениях и страхах” можно рассматривать как авторский комментарий к “Снежной Маске” (о ней Блок говорит чуть ниже) — циклу, в котором, как и в продолжающем его цикле “Фаина”, ощутимы мистицизм в предельных проявлениях — дионисийство, хлыстовские темы и мотивы.¹² “...но и

ЗДЕСЬ кощунство тонет в ином — высоком”, — добавляет Блок (Там же).

Вывод о том, что в противопоставлении “религия—мистика” Блок отдает безусловное предпочтение религии и отвергает мистику, все же будет упрощением. Существует исключительно ценная для поэта область, которая “не дает места религии” (IX, 73). Это — творчество, искусство, которое, по Блоку, “позитивно или мистично” (Там же). Вспомним, однако, что “мистика *может стать одним из путей к религии*” (IX, 72). Думается, этот путь и испытывает, примеряет, проживает поэт, погружаясь в стихии в “Снежной Маске” и “Фаине”; его же он подвергает анализу в своих последних драмах — в пьесах “Песня Судьбы” и “Роза и Крест”. В этих отдаленных друг от друга по времени написания и по месту их действий произведениях нам видится сходный сюжет. Сходство выступает на поверхность, если учесть, что в обеих пьесах звучит тема, до сих пор редко обращавшая на себя внимание исследователей: она связана с увлечением Блока “русским расколом” (VIII, 208).

Расколо-сектантское начало — важная составляющая образа Фаины, героини драмы “Песня Судьбы”. Старообрядческие корни Фаины, ее бегство из горящего раскольничьего скита — единственное, что Блок считает необходимым сообщить о прошлом своей героини. Очевидно, что такое прошлое должно в какой-то мере объяснять настоящее, происходящее в пьесе. Ощутим в Фаине и “сектантский уклон”: она, как и героиня “Снежной Маски” и цикла “Фаина”, связана с холодом, мраком, она пускалась в пляс, водила хороводы, ее душу “захлестывало хмелем” (IV, 116). Так же, как в “Снежной Маске”, она крестит героя “вторым крещеньем” (IV, 159), требует от него забвенья прошлого, погружает его в родную ей стихию. “Второе крещенье”, как и в “Снежной Маске”, связано для героя со смертью, причем смертью, принимаемой под воздействием Фаины с равнодушием и даже желанием:

...да будет
И жизнь, и смерть — единый снежный вихрь! —
(IV, 160)

воскликает Герман. И далее: “Может быть, я умру в снегу. Все равно: могу и умереть” (IV, 161)¹³.

Таким образом, вполне обоснован взгляд на Фаину “Песни Судьбы” как на героиню с чертами хлыстовской богородицы¹⁴. Однако традиционно этот образ трактуется исследователями как символ России, и для такой трактовки в драме имеются достаточно веские основания. Закономерен вопрос о том, в какой мере мистическое, стихийно-экстатическое начало, воплощенное в рели-

гиозных стремлениях и духовном строе русского старообрядчества и сектантства, связано для Блока с представлениями о России, ее “тайне”, настоящем и будущем. С другой стороны, очевидно, что центральная тема пьесы — это внутренний путь Германа, персонажа, предельно близкого лирическому герою Блока той поры, и достаточно важно прояснить, насколько прочно этот путь сплетен с сектантством, хлыстовством.

Прежде всего, обратим внимание, что именно “хлыстовское” в Фаине переосмысливается Германом к концу пьесы. Поначалу приветствующий разрушение Фаиной “заветного”, Герман теперь, пусть слабо, но все же пытается защитить от нее дорогое для себя: “Не топчи цветов души. Они — голубые, ранние. Что тебе до них?” (IV, 161); “Не вспоминай, Фаина” (о покинутой Елене — IV, 162); “За что ты так сурова?” (IV, 163). Характерно, что в момент расставания, подспудно спровоцированного Германом, “забывшим” Фаину, перед ним мелькает виденье Елены, “ангела в белой одежде” (IV, 164), здесь наиболее резко противопоставленной “раскольнице с демоническим” (IX, 103). Показательно и саморазоблачение Фаины: “Очнись — все будет по-новому: взмахну узорным рукавом, запою удалую песню, полетим на тройке...” (IV, 163). Полеты на тройке не новы, однако уже в самой пьесе (см. конец пятой картины) и приобретают прямо противоположный оттенок, если выйти за ее пределы. Цикл “Фаина”, связанный с “Песней Судьбы” и характером, и прототипом, и именем героини, заканчивается стихотворением, эту героиню развенчивающим:

Теперь проходит предо мною
Твоя *развенчанная* тень...
С благоволеньем? Иль с укором?
Иль ненавядя, мстя, скорбя?
Иль хочешь быть мне приговором? —
Не знаю: я забыл тебя.

(II, 294)

В этом композиционно значимом для цикла последнем, итоговом стихотворении полеты на тройке занимают немаловажное место, но менее всего они связаны с надеждой на обновление:

И стало все равно, какие
Лобзать уста, ласкать плеча,
В какие улицы глухие
Гнать удалого лихача...

И все равно, чей вздох, чей шопот,—
Быть может, здесь уже не ты...
Лишь скакуна неровный топот,
Как бы с далекой высоты...

(II, 293)

В дальнейшем в лирике Блока мотив полетов на тройке уже и вовсе превратится в один из знаков движения по кругу, “вечного повторения”:

Вновь оснежённые колонны,
Елагин мост и два огня.
И голос женщины влюбленный.
И хруст песка и храп коня.
.....

Нет, с постоянством геометра
Я число каждый раз без слов
Мосты, часовню, резкость ветра,
Безлюдность низких островов.

Я чту обряд: легко заправить
Медвежьё полость на лету,
И, тонкий стан обняв, лукавить,
И мчаться в снег и темноту...
.....

Чем ночь прошедшая сияла,
Чем настоящая зовет,
Всё только — продолженьё бала,
Из света в сумрак переход...
(III, 20—21)

Роль в “Песне Судьбы” другой героини, Елены, осталась не замеченной современниками Блока (IX, 106) и лишь в последнее время обратила на себя внимание литературоведов. Эта роль проясняется при сопоставлении “Песни Судьбы” с близкими по времени написания стихотворениями, в основе сюжета которых, как и в драме, — жизнь в “тихом белом доме” (IV, 110) и уход из него героя: “Нет имени тебе, мой дальний” (1906), “Так открыленно, так напевно” (1906), “В густой траве пропадешь с головой” (1907). Последнее стихотворение будет включено Блоком в цикл “Родина”. В этом цикле снова мерцает образ Фаины (“разбойная краса”, “плат узорный до бровей” — характерная черта одеяний раскольниц, история горящих “дедов” в стихотворении “Задебренные лесом кручи”), причем в контексте, вновь позволяющем символически отождествить ее с Россией. Но едва ли не чаще героиня цикла “Родина” гораздо более напоминает Елену из “Песни Судьбы” (“Осенний день”, “Посещение”, “Приближается звук”, “Сны”, “Последнее напутствие”). В цикле же “На поле Куликовом”, наиболее тесно из всех стихотворений “Родины” связанном с драмой (IV, 582), обе героини сосуществуют: с одной стороны, возникает “Ты”, соотношенное с ангельским видением и даже с явлением Богоматери (“В темном поле были мы с Тобою...”, “Был в щите Твой лик нерукотворный Светел навсегда...” — III, 250, 251), с другой — появляется “ты”, связанное с “дикими страстями”, “ветром”, “мглистой ночной вышиной” (“Не знаю, что делать с собою, Куда мне лететь за тобой!” — III, 252). Героини “Песни Судьбы”

противопоставлены по тем же признакам: светлое—темное, божественное—демоническое. Елена — “ангел в белой одежде”, у нее “золотые пряди волос”, “крылья за плечами”, “в руках — лилия”, один из цветков, связанных с Богородицею, Фаина — “раскольница с демоническим”, носящая “темное имя” (IV, 109), зовущая “в метель и во мрак” (IV, 166). Показательно, что в цикле лирический герой желает победы светлого начала:

Явись, мое дивное диво!
Быть светлым меня научи!
(III, 252)

Он не принимает “темного огня”, как это было, например, в “Снежной Маске” (стихотворение “Прочь!” и др.).

За пределами “Поля Куликова”, в других стихотворениях цикла “Родина”, несомненно, более полно, чем “Песня Судьбы”, отражающего размышления Блока о России, часто возникает традиционный, насыщенный православными реалиями пейзаж, с которым лирический герой цикла соотносит свое состояние:

Идем по жнивью, не спеша,
С тобою, друг мой скромный,
И изливается душа,
Как в сельской церкви темной.
(III, 257)

Глас молитвенный, звон колокольный,
За крестами — кресты, да кресты...
(III, 268)

Славой золотеет заревую
Монастырский крест издалика.
Не свернуть ли к вечному покою?
Да и что за жизнь без клобука?..
(III, 271)

Подобное соотнесение невозможно для погруженного в стихию, принявшего “второе крещение” и тем самым отвергшего храмы, колокола, церковнослужителей, крест героя “Снежной Маски” и “Фаины”. В блоковедении были попытки наделить лирического героя цикла “Родина” представлениями, близкими к сектантским. Например, Д. Е. Максимов усматривал влияние хилиастических идей, распространенных в русских сектах различных толков, в заключительных строках стихотворения “Рожденные в года глухие”¹⁵:

И пусть над нашим смертным ложем
Взовьется с криком воронье —
Те, кто достойней, Боже, Боже,
Да узрят царствие Твое!
(III, 278)

На наш взгляд, в данном случае очевидно лишь то, что перед нами реминисценция строк из Апокалипсиса: “И я увидел... души обезглавленных за свидетельство Иисуса и за слово Божие, которые не поклонились зверю, ни образу его, и не приняли начертания на чело свое и на руку свою. Они ожили и царствовали со Христом тысячу лет. Прочие же из умерших не ожили, доколе не окончится тысяча лет” (Откр. 20: 4—5). Давно замечено, что этот текст ничего не говорит о земном тысячелетнем царствовании, о котором мечтали хилиасты¹⁶. Кроме того, хилиастическое учение основывалось вовсе не на Апокалипсисе, а на пророчествах Ветхого Завета (Ис. 26: 19; Иер. 23: 7—8; Иез. 37: 12—14 и др.). В другом стихотворении цикла “Родина” “сектантский уклон” обнаружил еще Андрей Белый. Говоря о близости поэтического мира Блока к миру хлыстовскому, он обратил внимание на то, что Блок называет себя “невоскресшим Христом”¹⁷. Нам представляется, что такое прочтение крайне упрощает глубокий и трагичный образ из вступления к циклу “Родина” (III, 246). Кроме того, многочисленные “христы” сектантов, по их представлениям, довольно легко и часто неоднократно воскресали — как, например, хлыстовский “христос” Иван Тимофеевич Суслов, окончательно умерший, точнее, “оставивший на земле свое тело”, лишь на третий раз, после двух воскресений¹⁸. Да и это не была смерть — сектантские вожди перевоплощались в новых “христов”, т. е. опять же воскресали, только в другой плоти. Думается, лирический герой цикла “Родина” воспринимает мир не как старовер или хлыст, и в облике России для него важны не только раскольничьи или сектантские черты. Предвосхищение целостного постижения России, не затемненного приятием лишь одной из ее сторон, отражено, на наш взгляд, уже в “Песне Судьбы”.

Нам трудно согласиться с А. Эткиндоном, утверждавшим, что в драме “Песня Судьбы” “Блок указывал на перспективы русского хлыстовства, в которые глубоко верил”, и что хлыстовское начало в Фаине позволило поэту сделать из нее “всеобъемлющий символ России”¹⁹. Прежде всего, преданность героя драмы “раскольнице с демоническим” весьма относительна: Герман обещает найти Фаину в будущем, но при этом “душа Германа” (IV, 158) символическим предсказанием обещана Елене. Еще П. П. Громов заметил, что Фаина и Елена не столько противостоят друг другу, сколько вовлекаются в “сложные двойниковые связи”²⁰. И. С. Приходько раскрыла смысл такого двойничества, проследив связь сюжета драмы с гностическим мифом “о низведении Софии Елены Симоном магом с небес на землю и пленении ее тьмою”²¹. Елена и Фаина в свете этого мифа оказываются вечным и временным ликом одной — Ее, Вечной Женственности. Сюжетные пери-

петии драмы наглядно демонстрируют неполноту мира, стоящего за каждой отдельно взятой героиней: Герман уходит от Елены и связанной с ней неподвижной, светлой жизни к метелям и мраку Фаины, но начинает тосковать о Елене; расстается с Фаиной, устремляясь на огонек венчальной свечи Елены, но обещает “найти” (IV, 165) Фаину. Кроме того, каждой из героинь обещана новая встреча с Германом в будущем, и Герману, таким образом, предстоит обрести обеих. Очевидно, что будущая встреча мыслится бесконфликтной, а это возможно лишь в том случае, если миры обеих героинь сольются, будет обретена гармония, синтез, целостность Лица. Фаина в настоящем — лишь одна из сторон целого, и потому для отождествления ее с Россией, а пути России — с хлыстовством, которое несет в себе эта героиня, оснований все же недостаточно.

Вполне наглядно демонстрирует сомнения Блока в истинности мистического — в данном случае связанного с сектантством — способа постижения мира путь героя “Песни Судьбы”. “Перелом, полный краха мистических путей” увидел в драме Евгений Иванов (VIII, 599), которому были очевидны и ее хлыстовские мотивы. Блок согласился со словами Е. Иванова о “Песне Судьбы”. Хлыстовское стремление слиться со стихией — лишь одна из стадий пути Германа, стадия, возможно, необходимая, но не последняя. В драме она прослежена полностью: от причин, заставивших героя покинуть “светлый дом”, до итога — нового распутья. Уход Германа соотносился исследователями с подобными уходами современников Блока, в частности с уходом Александра Добролюбова²². Интересно, что, “уйдя”, Герман выполняет все требования, изложенные в возможно ориентированном на личность и творчество Добролюбова стихотворении “Вот Он — Христос — в цепях и розах”.

В связи с этим стихотворением интересно привести строки из сочинения А. Добролюбова “Псалом — первый день заключения”, вошедшего в его сборник “Из Книги Невидимой” (раздел “Дела и дни. Дневник заключенного”):

Ты подарил мне тихую радость,
Непостижимую всем другим.
Ты воссиял мне сквозь окна темницы,
Гаснут, как свечи пред солнцем, слова.

Ты пришел, как всегда, незаметный
В духовной, но нищей одежде любви.
Непостижимый Всевидный, Всесильный,
О дай весь мир душе моей.
.....

Ты воссиял мне сквозь окна темницы.
Гаснут пред Словом земные Слова²³.

Несмотря на всю разницу жанров, ситуативное сходство в обоих стихотворениях очевидно. И у Добролюбова, и у Блока Христос появляется в окне, “за решеткой моей тюрьмы” (II, 84). Он в “духовной” (символистский цветовой аналог — белый) одежде — “в белых ризах”. Звучит мотив нищеты:

Пока такой же нищий не будешь,
Не ляжешь, истоптан, в глухой овраг,
Обо всем не забудешь, и всего не разлюбишь,
И не поблекнешь, как мертвый злак.

(II, 84)

В добролюбовской “Книге Невидимой” есть и удивительная параллель к этим словам Блока о невозможности постичь Христа, “пока не станешь сам, как стезя...”: “В уединении я отделился от людей и долго лежал как мертвый на жесткой земле прошлогоднего жнива — и суслики в ближайшей гречихе недоумевали, не мертвый ли я или какая-нибудь еще новая неизвестная тварь”²⁴. Наконец, и у Добролюбова в процитированном “Псалме”, и в черновом наброске рассматриваемого стихотворения Блока (II, 402) возникают слова о “тихой радости”.

Трудно сказать, насколько случайны эти совпадения. Известно, что Блок получил книгу Добролюбова от И. М. Брюсовой в феврале 1906 г. (VIII, 150). Сведений о более раннем знакомстве с нею (вышла летом 1905 г.) нет. Но отметим, что блоковское стихотворение рождается на фоне бесед поэта с Е. Ивановым, о которых последний записал: “Говорил ему о Демоне и Марии и о Христе в городе и в полях грядущем. В полях среди колосющихся злаков, и сам колос как колосющийся Христос волнуется в полях. И вот город с заключенными и больными...”²⁵. Упомянутая здесь Мария — Мария Добролюбова, родная сестра Александра Добролюбова, благоговевшая перед братом и всячески пропагандировавшая его образ жизни и творчество²⁶. В рассказе Иванова, несомненно, мелькает образ брата — это его после “полей” ждал “город с заключенными и больными”, среди которых — в психиатрической больнице под полицейским надзором — пришлось ему побывать²⁷. “Книга Невидимая” широко обсуждалась сразу по выходе, достаточно раннее знакомство с ней Е. Иванова более чем вероятно: он был влюблен в Марию. С некоторыми произведениями из этой книги Иванов мог познакомить и Блока²⁸.

Александр Добролюбов не принимал участия в издании своей книги: он к тому времени уже несколько лет проповедовал среди крестьян, главным образом среди сектантов. Его идеи одни считали близкими к духоборческим, другие слышали в его проповедях отзвук хлыстовства²⁹. Его последователей известный сектовед А. С. Пругавин позднее назовет сектой “добролюбовцев”³⁰. О ха-

рактуре проповедававшихся Добролюбовым истин можно отчасти судить по “Книге Невидимой”: собранные здесь притчи, проповеди, псалмы, послания, с одной стороны, подчеркнута эклектичны, с другой — концентрированно выражают особенности народного, прежде всего сектантского, взгляда на мир, Бога, человека.

Ряд специфически сектантских идей просматривается и в стихотворении Блока “Вот он — Христос — в цепях и розах”. Мысль о невозможности постичь истину, “пока не станешь сам как стезя”, возможно, отсылает нас не только к католическому трактату “О подражании Христу”³¹, но и к идеям русских сектантов, к их стремлениям к сораспятию, к “страданью плоть”, к символическому (белые одежды у белоризцев, определенные позы во время радений в некоторых сектах хлыстовского толка) и реальному (образ жизни) уподоблению божественному Учителю. Хлыстовско-скопческое требование забыть и разлюбить прежнее, “тайнственно умереть” ради будущего “тайнственного воскресения”³² — постижения истины можно расслышать в последних строках стихотворения. Даже указание на нестеровский пейзаж, которым, по словам Блока, навеяно стихотворение (II, 402), привносит в него оттенок народной религиозности, для художника не всегда связанной с официальной церковностью (в ряде полотен Нестерова — “На Волге”, “На горах”, “В скиту”³³ отчетливы, например, старообрядческие мотивы).

Возможная ориентированность стихотворения “Вот он — Христос — в цепях и розах” на личность и творчество А. Добролюбова позволяет по-новому оценить итог пути, пройденного одним из литературных двойников поэта-проповедника — Германом. Герман почти буквально исполнил все, что должно было бы позволить ему постичь “синее око”. Он в конце пьесы ощущает себя “нищим” (IV, 166) — ср. “Пока такой же нищий не будешь”; он ложится под холмом “на снег, лицом к небу” (IV, 161) — ср. “Не ляжешь истоптан в глухой овраг”; он твердит: “...ничего не помню... ничего...” и “ничего терять — нет ничего заветного...” (IV, 160) — ср. “Обо всем не забудешь и всего не разлюбишь”; наконец, Фаина сравнивает его с мертвым (IV, 161) — “И не поблекнешь, как мертвый знак”. Результатом пути стало, в сущности, постижение Истины (“синего ока”): “Все знаю. Все знаю теперь”, — говорит прежде сметенный, растерянный Герман (IV, 163). Но Истина оказалась далекой, погружение в стихию, нисхождение с оттенком мистическо-сектантского “подражания Христу” лишь показали ее, не указав направления дальнейшего к ней пути. Драма заканчивается сразу двумя важными свидетельствами: о знании цели и незнании дороги к ней:

Коробейник

А куда тебе надо-то?

Цель — “грядущий синтез”, обретение Фаины—Елены — проясняется благодаря намеченной в драме перспективе развития ее сюжета. Одним из центральных мотивов дальнейшего творчества Блока будет поиск “нового человека”, способного деятельно участвовать в осуществлении этого синтеза.

В драме “Роза и Крест” внешне ничто не напоминает о России, тем более о таких специфически национальных ее проблемах, как церковный раскол и русские еретические течения. Но Блок неоднократно подчеркивал, что «“Роза и Крест» — не историческая драма” (IV, 527, 530), считая главным в ней отображение нравов, характеров и конфликтов, присущих любому веку и любому народу. “История и эпоха пришли на помощь только во второй период работы над драмой”, — писал он (IV, 527). Тем не менее уже из самых первых сохранившихся набросков будущей пьесы ясно, что в задуманном произведении речь пойдет о французском средневековье, и даже уже — об эпохе трубадуров, в окончательном же тексте время и место действия конкретизированы предельно, а исторические факты воспроизведены с детальной точностью. Такое сочетание заявленной “внеисторичности” с тщательно выписанными историческими реалиями позволяет предположить, что выбор именно 1208 г. — времени начала крестовых походов против альбигойцев — позволил автору высветить некоторые важные для него коллизии пьесы.

В литературе о “Розе и Кресте” обычно утверждается, что введение в драму темы восстания альбигойцев — свидетельство социальных симпатий Блока³⁴. Об этом говорит отношение к восставшим положительным героев пьесы: им сочувствуют и Бертран, и Гаэтан; более того, в Бертрane “течет... кровь еретика” (IV, 534), а Гаэтан в одном из черновых набросков даже становится вождем альбигойцев. “Низкое” происхождение Изоры и выделенность ее из всех остальных обитателей замка позволяют предположить в ней те же симпатии в том случае, если бы проблема ее затронула. Однако следует отметить, что альбигойские войны, при всей их социальной направленности, — это войны религиозные. Восстания альбигойцев были спровоцированы гонениями на них за их веру. Социальные требования еретиков во многом были лишь реакцией на нарушение, по их мнению, христианских заповедей католиками. И хотя в основном сектантами были ремесленники и крестьяне, сторонники учения довольно часто встречались и среди высшей знати, как, например, граф Раймунд Тулузский, упоминаемый в “Розе и Кресте” (IV, 512—513). Религиозная сторона конфликта

между еретиками и сторонниками папской власти была достаточно очевидна Блоку: она подробно анализировалась в известной ему литературе об альбигойцах³⁵. Много места в этих источниках уделено и описанию основных положений альбигойской ереси, и ее происхождению³⁶. Приведем несколько существенных, на наш взгляд, сведений, очевидно, известных поэту, гордившемуся тщательностью проработки материалов для драмы “Роза и Крест”.

Альбигойцы — общее название приблизительно сорока религиозных сект, в которых существовали всевозможные отклонения от ортодоксального христианства, но имелась при этом общая основа — дуалистический взгляд на мироустройство. Историки XIX—начала XX в. видели в альбигойской ереси две ветви, имеющие между собой мало общего, но сошедшиеся вместе на благоприятной почве Лангедока (Южная Франция, место действия “Розы и Креста”). Это катары и вальденсы. Существенно, что Блок, говоря о еретиках в своей драме, имел в виду не отвлеченно сектантов-альбигойцев (а в мятежах добровольно или вынужденно участвовали практически все секты), а именно катаров — эту разновидность альбигойской ереси он называет в примечаниях к пьесе (IV, 513), а в “Объяснительной записке для Художественного театра” считает необходимым уточнить, говоря о Бертроне: “...в жилах его течет народная кровь, кровь еретика, [альбигойца,] кафара” (IV, 534).

Говоря о происхождении ереси катаров (или кафаров, от греч. “чистый”), исследователи этого вопроса обычно рассматривали историю развития дуалистической догмы. Эта история виделась им так.

I этап: зороастризм персов, каббала евреев, неоплатонизм александрийских греков и, наконец, гностицизм. “Непрерывная традиция связывает первых гностиков с теми катарами, против которых в XIII столетии Рим поднял свои громы”, — писал крупнейший исследователь альбигойской ереси в России того времени Н. Осокин³⁷. Особенно близко к ереси катаров стоит развившееся из гностицизма манихейство. Н. Осокин писал, что Мани “был, может быть, первый альбигоец”³⁸.

II этап: дуалистическая догма приняла греческие формы (павликиане, эвхиты) и, что особенно важно, славянские — главным образом в ереси богомилов. Именно богомилы называли себе катарами. Считается, что они непосредственно повлияли на возникновение, представления, обряды одноименной ветви альбигойцев.

III этап: развитие богомильской ереси в Провансе и превращение ее в самостоятельное учение.

Итак, привлекая внимание Блока ветвь альбигойской ереси произросла из глубоко интересовавшего его гностицизма. Н. Осо-

кин, труды которого были известны поэту, проводит многочисленные параллели между взглядами известных гностиков и верованиями катаров³⁹. С другой стороны, общемистическая традиция, одним из звеньев которой стала философия катаров (а исследователи говорят именно об их строгой философской системе)⁴⁰, породила и русские ереси. В литературе об альбигойцах, а также о русских сектах постоянно подчеркиваются совпадения в обрядах, религиозных представлениях, нравственных правилах и общественных требованиях между средневековыми катарами и нашими духоборами, хлыстами, скопцами. Существенно и наличие общего, по представлениям тогдашних ученых, посредника — богомилов, связь которых и с русскими сектантами, и с катарами также широко обсуждалась в специальной литературе⁴¹. Несомненно, что Блоку была ясна глубокая родственность французского и русского еретических течений. Вследствие этого естественно предположить, что тема альбигойского восстания в драме “Роза и Крест”, звучащая почти что за сценой, оттеняет некоторые неповерхностные смыслы произведения, делая его звеном в цепи непрерывных размышлений над наиболее важными для Блока проблемами.

Напоминание о нравственно-религиозной (а не только социальной) стороне ереси катаров ощущается в “Розе и Кресте” — прежде всего, в характеристике героев, сочувствующих альбигойцам. Так, Газтан предстает перед нами как “рыцарь в лохмотьях” — альбигойцы проповедовали нищее, апостольское христианство. Кроме того, он “странник” (IV, 204—205), а традиции странничества очень важны для катаров. Один из истоков этих традиций в богомильстве, о чем Блоку было хорошо известно, например, по знакомой ему статье А. Н. Веселовского “Калики переходные и богомильские странники”⁴². Бертран, подобно аскетам-альбигойцам, разгневан праздностью окружающей его жизни (IV, 464); Газтан называет Бертрана “добрый мой гость” (IV, 198); сам же Бертран говорит о своем “темном имени” (Там же); “добрыми людьми”, но при этом “людьми темными” долгое время называли альбигойцев (название по месту особого распространения, Альби, довольно позднее). В связи с нравственными представлениями еретиков интересно обратить внимание на образ капеллана. Этот образ почти карикатурен, персонаж состоит из сплошь отрицательных качеств. Капеллан развратен, лжив, продажен — а это именно те черты, против которых альбигойцы выступали в папских церковно-служителях, и эти выступления стали поводом для гонений на еретиков.

На наш взгляд, некоторых аспекты учения катаров могут прояснить достаточно сложные для трактовки сюжетно-смысловые ходы драмы “Роза и Крест”. Так, для Блока в попытке объяснить

сущность уклада жизни в замке графа Арчимбаута и его обитателей оказывается важен мотив формы. Главное в этом укладе и во внутреннем мире жителей поэт называет “квадратностью” (IV, 531—535). “Без всякой квадратности” (IV, 532) лишь Изора, но у нее своя форма — более живая, но все же не человеческая — “звериная”. Она “хищная”, “ее движения быстры” и смягчаются “природной грацией”, “она всегда обречена бросаться от ястребиной зоркости в кошачью мягкостью” (Там же). Не лишен “квадратности” и Бертран: у него “квадратная внешность и не квадратная душа” (IV, 534—535). Важно, что форма может измениться: под давлением “большой силы событий” Бертран к концу драмы меняется “даже внешне” (IV, 535). Указывает Блок также и на возможность преображения Изоры (IV, 529—530, 538). В учении катаров мотив “формы” занимает особое место. “Форма”, “видимое” — единственное, что в их дуалистической системе полностью создано Сатаной. Все доброе, в том числе и элементы материи, создал Всеблагой Бог⁴³. Конфликт внешнего и внутреннего, таким образом, закономерен. Поэтому “квадратность” или “звериность” вполне могут не отражать главного, если им что-то противостоит — даже не на духовном, а на материальном уровне, как у Изоры, которая “создана из такого беспримесно-чистого и восприимчивого металла, что самый отдаленный зов отзывается в ней” (IV, 532). Отметим, что другие обитатели замка “квадратны” отнюдь не внешне или не только внешне, поэтому конфликта и победы над “формой” здесь ожидать бессмысленно. Важно, что преобразование “формы”, по учению катаров, вовсе не обязательно связано с переходом в иной мир. Оно может начаться еще при жизни. У сектантов это происходит во время таинства рукоположения, буквально называемого “утешением”: душа воссоединяется со своим небесным “утешителем”, которого имела до грехопадения. Именно утешением называет Блок то, что произошло в конце драмы с Бертраном и отчего он преобразился “даже внешне”: “Бедный Разум хотел примирить Розу красоты и бессмертия с Крестом страдания. Разум искал примирения с Сердцем, а нашло его одно только Сердце. Утешение же Бертрана оказалось в Смерти” (IV, 530). “Утешение” (смерть) Бертрана происходит в дни празднования мая — языческая обрядовость этого праздника уже сосуществовала с христианской; в майских песнях, в том числе и в приведенной Блоком, христианские мотивы звучат довольно отчетливо. Праздник начала мая слился с Троицей, для катаров же день Троицы очень важен: это день духовного соединения с “утешителем”⁴⁴. Это соединение предполагает прозрение, и именно прозрение, постижение смысла песни Гаэтана, обретение Радости произошло с Бертраном за мгновение до смерти. Подобное прозрение, возможно, приведет к

одухотворению (изменению “формы”) Изору, если Бертрану удалось открыть “для нее своей смертью новые пути” (IV, 535).

Третий главный герой драмы “Роза и Крест” — Гаэтан “формы”, в сущности, не имеет. “Прозрачность”, “призрачность” Гаэтана — то качество, которое установилось сразу, при первом появлении Рыцаря-Грядущее в набросках будущей драмы. “Он — неизвестное, туманен, как грозное будущее, и, принимая временами образы человека, вновь и вновь расплывается и становится туманом, волной, стихией”, — пишет Блок в “Соображениях и догадках о пьесе” 14 мая 1912 г. (IV, 458—459).

Ты плоть и кровь,
Или бледная утра прозрачность? —

вопросает Бертран в первой редакции драмы (IV, 488).

Не рыцарем — небом ты кажешься мне! —

воскликает Изора в следующей редакции (IV, 498).

Или ты призрак? —

спрашивает рыбак в окончательном тексте (IV, 194).

Особенно полно Блок охарактеризовал “чужеродное начало” (IV, 535) в природе Гаэтана, давая разъяснения артистам Художественного театра к предполагавшейся постановке пьесы в 1916 г.: “За его человеческим обликом сквозит все время нечто другое, он, так сказать, прозрачен, и даже внешность его — немного призрачна. Весь он — серо-синий, шатаемый ветром” (Там же). Эта “потусторонность” героя и первоначальной версии имела демонический оттенок. “Дьяволом в рыцарской маске” называл Гаэтана Бертран (IV, 488). Позднее гораздо отчетливее стали другие параллели. Так, И. Приходько видит в образе Гаэтана ряд черт, позволяющих сопоставить его с Христом⁴⁵. Добавим другие: он является рыбаку (IV, 192—195), “пасет свое стадо” (IV, 195). Эта потусторонность в довольно частом для Блока амбивалентном варианте особенно важна в связи с намерением в одном из замыслов сделать Гаэтана вождем восставших альбигойцев. Катары, подобно другим близким им по воззрениям мистическим сектантам (богомилам, хлыстам), вполне могли видеть в своем вожде Иисуса Христа, очередное его земное воплощение. Призрачность, прозрачность заставляют вспомнить о гностических представлениях о Христе (докетизм), разделяемых многими сектами, демонизм — о восприятии подобных “христов” людьми, ортодоксально верующими. И другие черты образа Гаэтана сближают его с вождями и пророками мистических сект. Он — инструмент Бога, как характеризует его Блок, “некая сила, действующая помимо своей воли” (IV, 535). Этот момент важен для Блока, он не раз повторяет, что Гаэтан “воли не имеет” (Там же) — мотив “уничтоженной воли”, как ука-

зывалось выше, имеет аналог в хлыстовстве⁴⁶. Важно, что, будучи лишь “инструментом”, Гаэтан, подобно сектантским пророкам, не понимает своих пророчеств: он не может объяснить смысл песни о Радости-Страданье. Наконец, не исключено, что уже во время написания драмы “Роза и Крест” Блоку были близки мысли о родственности творческого вдохновения с мистико-религиозными озарениями сектантов хлыстовского типа (ср. более позднюю дневниковую запись: “Старообрядчество — связано с текучими сектами (и с хлыстовством). Отсюда — о творчестве (опять ответ на мои мысли — о потоке)” — VII, 313)⁴⁷. Тогда существенно подчеркивание поэтом очевидного: “Это — художник”, — говорит он о Гаэтане (IV, 535). Заметим, что художник Гаэтан слагает песню о затонувшем городе, звон колоколов которого слышат иногда рыбаки. Точно так же, по одной (самой распространенной) версии легенды, ушел на дно озера Светлый Яр, особенно любимый русскими раскольниками и сектантами град Китеж⁴⁸. Французская легенда, однако, отличается от русской: Кер-Ис ушел на дно за грехи, Китеж — вследствие своей праведности.

Если допустить, что образ Гаэтана в драме воплощает христианство мистическо-сектантского типа, то противопоставленность его Бертрану приобретает особую значимость. Христианское начало в Бертране едва ли не самая главная особенность его личности, — Блок подчеркивает это многократно. Исследователи с полным основанием сравнивают Бертрана с христианнейшими персонажами мировой литературы: с “рыцарем бедным” Пушкина⁴⁹, с Дон Кихотом⁵⁰, с князем Мышкиным⁵¹. Религиозность Бертрана глубока и подлинна, этот образ как бы демонстрирует важную для Блока формулу: “Религия — стояние на страже” (IX, 72). Стоять на страже — главная обязанность Бертрана в драме, стоя на страже, он умирает. Его обязанность определила строй его души, и в нужный момент он стоит на страже истины.

Враги нам эти люди,
Но все же чтут евангелie они
И рыцарей чужих не убивают
Исподтишка..., —

говорит он графу, защищая еретиков (IV, 179). Такой отзыв о еретиках свидетельствует о том, что религиозность Бертрана гораздо глубже “церковности”: католическим властителям того времени не было дела не только до чтущих Евангелie сектантов, но и до оказавшихся рядом с сектантами католиков:

Они теперь в Безье,
Жгут, избивают жителей: “Всех режьте! —
Сказал легат: — Господь Своих узнает!”.
(IV, 207)

Тем не менее Бертран религиозен предельно ортодоксально. т. е., в сущности, антимиристически, схоластично. Особенно это очевидно из Записок Бертрана, написанных им за несколько часов до смерти. В них отражена полная покорность Богу, нет даже намек на возможность демонического протеста. Бертран упоминает о своих усердных молитвах, постоянно пересказывает слова Святого Писания (“если бы могла в те дни исполниться мера моего унижения”, “не страшны те, кто убивает тело, души же не может убить” и др. — IV, 523, 527). Еще более показательно в этом отношении то, что Бертран видит в песне Газтана зло для Изоры: Рыцарь-Грядущее “наслал на нее какие-то туманные и страшные сны, от которых она томится, не находя исхода” (IV, 526). Именно Газтан, по мнению Бертрана, тот, кто убивает душу, ему он предпочитает убивающего тело Алискана. О схоластическом мышлении свидетельствуют также слова “я не пытался проникнуть в чудо” — ср. слова Блока о церковном догмате, “который требует слепой веры и запрещает испытывать тайну” (V, 44). В полном соответствии со схоластически-христианским взглядом на мир Бертран видит в нем прежде всего несовершенство:

На охоту поедет граф,
И будет все как всегда:
За охотой — турнир,
За турниром — пиры и охоты,
И с высокого вала увидим,
Как идет нам в замок жонглер
Свой пустой кошель набивать.
(IV, 464)

Ненависть к “вечному празднику” этой пустой и “безумной” жизни сочетается с ощущением обязанности нести бремя — жить “на свете проклятом (IV, 464—465). И хотя эти слова Бертрана не вошли в окончательный текст “Розы и Креста”, по пояснениям к драме, сделанным в 1916 г., видно, что Блок не отбросил этой черты в мироощущении своего героя: Бертран — “тяжелый человек”, он “неумолимо честен, трудно честен, а с такой честностью жить на свете почти невозможно” (IV, 533—534). “Христианская”, по определению Блока (IV, 530) любовь Бертрана к Изоре оказывается для него только страданием:

О, любовь, тяжела ты, как шит!
Одно страданье несешь ты,
Радости нет в тебе никакой!
(IV, 171)

Безропотно несущий свое страдание, обостренно воспринимающий несовершенство жизни, Рыцарь-Несчастье ощущает между тем, что не постиг “мира единую сущность” (IV, 493). Путем “бед-

ного рыцаря” в драме становится стремление понять единство Радости и Страдания, обрести полноту.

Между тем полнотой не обладает и автор песни о Радости-Страдании. “Певец, сам не знающий, о чем поет”, — пишет о нем Блок (IV, 529). Гаэтан — “чистый зов, художник, старое дитя — и только” (IV, 460—461). Воспринимая жизнь как “трижды прекрасную” (IV, 202), он укоренен в ней, лишен “цепей земных” (IV, 201), тревог (“Никем не тронется сердце твое”, — пророчит ему фея — IV, 203). В целостности Радость-Страдание ему неизвестно Страдание.

Блок неоднократно настаивает на том, что Бертран — “человек” (IV, 530), Гаэтан же “художник” (IV, 535), подчеркивая несоответствие этих начал. И. Приходько отмечает в связи с этим, что поэт в драме “как бы проводит эксперимент, создавая отдельно образы художника и человека, перед тем как объединить их на новом, высшем уровне в образ «человека-артиста»”⁵². Добавим, что и художник, и человек в “Розе и Кресте” стремятся к такому объединению, мучась своей неполнотой — причем “человек” в большей степени. И только “человек” в драме эту полноту обретает, пусть даже за мгновение до смерти. Более благодарным материалом для “синтеза” оказывается Бертран.

“Крах мистических путей” и одновременно осознание неполноты “религии” без “мистики” — мотив, объединяющий две последние драмы Блока. Нетрудно заметить, что в основе их сюжета лежит, в сущности, одна и та же схема. Существуют пары персонажей, являющихся одновременно и антиподами, и двойниками: в “Песне Судьбы” это Елена и Фаина, в “Розе и Кресте” — Бертран и Гаэтан. Один из компонентов каждой пары связан со стихиями, с творчеством, причем эта связь лежит на поверхности. Параллель между Фаиной и Гаэтаном подчеркивается присущим им обоим демоническим началом, их ускользанием, неуловимостью, бездомностью. Их антиподы — Елена и Бертран — непричастны творчеству, бушующим стихиям, подчеркнута антидемоничны, прочно связаны с твердынями (Елена — с домом, Бертран — с замком). Каждая из этих пар оказывает схожее воздействие на третий персонаж своей драмы — Германа или Изору. Фаина и Гаэтан “случайно” вовлекают их в свой мир, заставляя страдать, томиться, прозревать, Елена и Бертран, напротив, прилагают усилия, чтобы их спасти от подобных даров, причем показательно, что в обеих пьесах речь идет о спасении души: за “душой Германа” отправляется в путь Елена, злом, губящим душу Изору, считает Бертран песни Гаэтана. Легко увидеть, что водораздел внутри каждой пары проходит по религиозному аспекту мироу-

ствования. Если Фаина и Гаэтан демонстрируют собой мистическое отношение к миру, что подчеркивается их “сектантским уклоном”, то Елена и Бертран “стоят на страже”, они антимистичны — догматичны. Но следует учитывать, что и в основе догмата всегда лежит тот же мистический опыт — только прошлый или чужой, отвердевший, закрепленный (или затемненный) временем, традицией. Именно этот мистический опыт требует охраны, памяти о нем, верности ему, “стояния на страже”, и, думается, верность раз открывшимся ценностям “первого тома” вкладывал Блок в эту формулу, определяющую для него сущность “религиозного” отношения к миру. Заметим, что “религиозные”, противопоставленные сектантству блоковские герои в большей степени оказываются открытыми полноте мира: Елена покидает “светлый дом”, встревоженная рассказом о своей противоположности — “темной” Фаине, Фаина же движется по кругу, возвращаясь к тому, от кого ушла: “Мой старый, мой властный, мой печальный пришел за мной” (IV, 166). Статичен, лишен внутреннего развития Гаэтан: пропав в толпе (IV, 233), он, ничем не обогащенный, возвращается под власть феи (IV, 203). Бертран же настойчиво стремится постичь то, что ему не было дано. Мистический путь с его хлыстовским оттенком, несомненно, внутренне пережит Блоком — но и подвергнут анализу, оценен. Для Блока, в отличие от его прежних и нынешних обличителей³, была очевидна несомненная ценность даров, преподносившихся на этом пути. Думается, не менее отчетливо, чем его оппоненты, поэт видел подстерегающие там соблазны, наваждения, тупики. Во всяком случае, анализ последних блоковских драм показывает, что все-таки “религиозное” начало, а не мистико-сектантский “уклон”, признается основой будущей полноты, синтеза, строительным материалом “нового человека”, “человека-артиста”. Знаменательно, что в “Розе и Кресте” (1912—1916) это явлено гораздо отчетливее, чем в более ранней “Песне Судьбы”: Гаэтан, “аналог” Фаины, несомненного поэтического центра драмы 1908 г., не становится стержнем последней пьесы Блока. “Разум и сердце драмы” (IV, 529, 530), как неоднократно подчеркивал поэт, — Бертран.

¹ Бельй А. Настоящее и будущее русской литературы // Весы. 1909. № 3. С. 79.

² См., напр.: Мережковский Д. С. Антихрист (Петр и Алексей) // Собр. соч.: В 4 т. М., 1990. Т. 2. С. 734.

³ Бельй А. Настоящее и будущее русской литературы. С. 79.

⁴ Пустыгина Н. Г. “Трагедия творчества” (А. Блок и роман А. Белого “Серебряный голубь”) // Блоковский сборник. Тарту, 1993. № 12. С. 82.

⁵ См. об этом: Бельй А. Начало века. М., 1990. С. 160.

⁶ Пришвин о Розанове // Контекст-90. М., 1991. С. 199.

⁷ О Блоке. // Лит. учеба. 1990. № 6. С. 95.

⁸ См.: Минц З. Г. 1) Символ у А. Блока // В мире Блока. М., 1981. С. 191; 2) Лика Александра Блока. Тарту, 1965. Вып. 1. С. 64; Юлова А. П. Идеал и "повседневность" в лирике А. Блока периода первой русской революции (мифопоэтические аспекты): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тарту, 1987.

⁹ Крук И. Т. К вопросу о мистицизме и "фантастическом реализме" А. Блока // Русская литература XX века. Дооктябрьский период. Сб. 2. Калуга, 1970. С. 233.

¹⁰ К. Мочульский, считавший, что сравнительная характеристика религии и мистики "принадлежит к самому значительному, что было написано Блоком", так решал вопрос о предпочтении: "В его заметке — тоска по религиозной жизни, стремление вырваться из косности мистики к полноте религии и покорная безнадежность: он знает, что обречен томиться в «монастыре искусства», где «религии нет места»" (Мочульский К. Александр Блок. Париж, 1948. С. 127—128). Такое прочтение заметки, за исключением слов о "покорной безнадежности", представляется нам более глубоким.

¹¹ Введенский А. Философские очерки. СПб., 1901. Вып. 1. С. 48—49.

¹² См.: Лит. наследство. М., 1976. Т. 85. С. 496—497 (письмо Вяч. Иванова Брюсову); Эткинд А. Русская мистика в прозе Александра Блока // *Studia Slavica Finlandensia*. 1994. Т. 11. С. 47.

¹³ О возможной связи мотивов пляски, хмеля, забвения, бесстрастия и термина "второе крещение" с хлыстовством см. нашу статью: Блок и хлыстовство: "Снежная Маска", "Файна" // Вестник СПбГУ. 1998. Сер. 2. № 1. С. 91—96.

¹⁴ Эткинд А. 1) Русская мистика в прозе Александра Блока. С. 47; 2) Содом и Психея: Очерки интеллектуальной истории Серебряного века. М., 1996. С. 40—41, 96—98.

¹⁵ Максимов Д. Е. Поэзия и проза Ал. Блока. Л., 1981. С. 132.

¹⁶ См.: Толковая Библия, или Комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета. Пб., 1913. Т. 11. С. 599—600.

¹⁷ Белый А. Настоящее и будущее русской литературы. С. 79.

¹⁸ См.: Мельников П. И. Белые голуби // Русский вестник. 1869. Т. 80. С. 320—321.

¹⁹ Эткинд А. Содом и Психея. С. 97—98.

²⁰ Громов И. П. Александр Блок, его предшественники и современники. 2-е изд. Л., 1986. С. 575.

²¹ Приходько И. С. Мифопоэтика "Песни Судьбы" А. Блока // Изв. АН СССР. Сер. лит.-ры и языка. 1993. Т. 52, № 6. С. 45.

²² Там же. С. 39. См. также: *Kichilov Ann. Alexandre Dobrolyubov et Blok // Revue des Etudes Slaves*. Paris, 1982. Vol. 54. N 4. P. 165.

²³ Добролюбов А. Из Книги Невидимой. М., 1905. С. 116.

²⁴ Там же. С. 93.

²⁵ Воспоминания и записи Евгения Иванова о Блоке // Блоковский сборник. Тарту, 1964. [№ 1]. С. 396.

²⁶ О Марии Добролюбовой см.: Азадовский К. М. Блок и Мария Добролюбова // Блоковский сборник Тарту, 1988. № 8. (Учен. зап. Тарт. ун-та. Вып. 813); Семенов Л. Д. Записки // Учен. зап. Тарт. ун-та. Тарту, 1977. Вып. 414.

²⁷ Об Александре Добролюбове см.: Азадовский К. М. 1) Блок и А. М. Добролюбов // Тезисы I Всесоюзной (III) конференции "Творчество А. А. Блока и русская культура XX века". Тарту, 1975. С. 98—102; 2) Путь А. Добролюбова // Блоковский сборник. Тарту, 1979. № 3. С. 121—146. (Учен. зап. Тарт. ин-та. Вып. 459); Иванова Е. Один из "темных" визитеров // Прометей. М., 1980. Т. 12. С. 303—313.

²⁸ О других возможных для Блока источниках сведений о жизни и творчества А. М. Добролюбова см.: Азадовский К. М. Блок и А. М. Добролюбов. С. 96—102.

²⁹ См.: Брюсов В. Я. Дневники. М., 1927. С. 129—130; Эткинд А. Русская мистика в прозе Александра Блока. С. 32.

- ³⁰ См.: Русские ведомости. 1912. 7 и 13 дек.
- ³¹ Блок А. Изборник / Примеч. К. М. Азадовского, Н. В. Котрелева. М., 1989. С. 264.
- ³² Мельников П. И. Белые голуби. С. 334—336.
- ³³ Старообрядческий колорит ощутим и в названиях, и в некоторых деталях этих нестеровских полотен. Так, “На горах” — название одного из известных романов П. И. Мельникова (Андрея Печерского) о староверах, живущих на берегах Волги; “скитами” обычно называют старообрядческие монастыри.
- ³⁴ См.: Жирмунский В. М. Драма Александра Блока “Роза и Крест”: Литературные источники // Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977. С. 311; Родина Т. М. Александр Блок и русский театр начала XX века. М., 1972. С. 232; Минц З. Г. Блок и символизм // Лит. наследство. М., 1980. Т. 92. кн. 1. С. 147.
- ³⁵ См.: Жирмунский В. М. Драма Александра Блока... С. 311—319.
- ³⁶ См.: Осокин Н. 1) История альбигойцев до кончины папы Иннокентия III. Казань, 1869. Т. 3. С. 109—204; 2) История средних веков. Казань, 1889. Т. 2, ч. 1 С. 97—186. 282—285.
- ³⁷ Осокин Н. История альбигойцев... С. 112—113.
- ³⁸ Там же. С. 118.
- ³⁹ Там же. С. 149. 159.
- ⁴⁰ Там же. С. 224.
- ⁴¹ См.: Иванцов-Платонов А. Н. Ереси и расколы первых трех веков христианства. М., 1877. С. 9; Новицкий О. Духоборцы: Их история и вероучения. Киев, 1882. С. 8; Мельников П. Тайные секты // Русский вестник. 1868. Т. 75. С. 16; Веселовский А. Н. Калики перехожие и богомильские странники // Вестник Европы. 1872. № 4. С. 685—689; Аничков Е. В. Христианские легенды в народной передаче // История русской литературы. Народная словесность. М., 1908. Т. 1. С. 112.
- ⁴² См.: Веселовский А. Н. Калики перехожие... С. 685—722.
- ⁴³ См.: Катары // Энциклопедический словарь. СПб., 1895. Т. 14а. С. 832—835.
- ⁴⁴ Осокин Н. История альбигойцев... С. 219.
- ⁴⁵ Приходько И. С. Скрытые смыслы драмы А. Блока “Роза и Крест” // Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и языка. 1994. Т. 53, № 6. С. 45.
- ⁴⁶ См. примеч. 12.
- ⁴⁷ О связи ереси и художественного творчества см. реплику капеллана: “А вы знаете, что романы сочиняют враги святой церкви?” в “Розе и Кресте” (IV, 181).
- ⁴⁸ См.: Жирмунский В. М. Драма Александра Блока “Роза и Крест”. С. 400.
- ⁴⁹ Там же. С. 285; Родина Т. М. Александр Блок и русский театр... С. 235.
- ⁵⁰ Приходько И. С. Скрытые смыслы драмы А. Блока “Роза и Крест”. С. 38.
- ⁵¹ Федоров А. В. Ал. Блок — драматург. Л., 1980. С. 152.
- ⁵² Приходько И. С. Скрытые смыслы драмы А. Блока “Роза и Крест”. С. 42.
- ⁵³ Тон статей и упомянутой выше книги А. Эткинды, несомненно, обличительный. Блок, с точки зрения исследователя, имел интерес к хлыстам, „проходящий через всю его творческую жизнь” (см.: Эткинд А. Содом и Психея. С. 41), а внутренняя эволюция поэта сводится лишь к перерастанию хлыстовской идеи в скопческую — столь же закономерному, как возникновение скопчества из хлыстовства — и увенчивается попыткой навязать России скопческую утопию. С другой стороны, о “внутреннем хлыстовстве” Блока, солидаризуясь в оценках с о. П. Флоренским и Андреем Белым, пишет такой тонкий исследователь, как В. Н. Топоров. См.: Топоров В. Н. О “блоковском слое” в романе Андрея Белого “Серебряный голубь” // Russian Literature. 1996. Vol. 40, N 2. P. 128—135.

О. Л. ФЕТИСЕНКО

А. БЛОК И Г. АДАМОВИЧ

(О возможном прочтении одного стихотворения Г. Адамовича)

Может возникнуть вопрос — почему же будет праздноваться <...> его смерть, а не день его рождения? Ответ достаточно прост. Да потому, что рождение не создает никакого определенного образа <...> смерть рисует поэта, смерть подводит ему известный итог <...> заканчивает его существование и звучит как последний аккорд...

А. Ф. Кони (1921)

...Мы его потеряли, как... Пушкина; он, как и Пушкин, искал себе смерти: и мы не могли уберечь это сердце...

А. Белый (1921)

Стихотворение Г. В. Адамовича “По широким мостам...”, написанное в 1921 г., было впервые опубликовано в 1922 г., входило в книгу “Чистилище” (1922), во второй редакции — в сборники “На Западе” (1939) и “Единство” (1967). Здесь речь пойдет о “петербургском” варианте, который и приводится ниже по первой публикации.

По широким мостам... Но ведь мы все равно не успеем,
Эта вьюга мешает, ведь мы заблудились в пути.
По безлюдным мостам, по широким и черным аллеям
Добежать хоть к рассвету, и остановить, и спасти.

Просыпаясь, дымит и вздыхает тревожно столица,
Рестораны распахнуты, стынет дыханье в груди,
Отчего нам так страшно? иль, может быть, все это снится?
Ничего нет в прошедшем и нет ничего впереди?

Море близко. Светает. Шаги уже меряют где-то,
Но как скошены ноги, я больше бежать не могу.
О, еще хоть минуту!.. И щелкнул курок пистолета,
Все погубило, все кончено... Видишь ты, кровь на снегу.

Тишина. Тишина. Поднимается солнце. Ни слова.
Тридцать градусов холода. Тускло сияет гранит.
И под черным вуалем у гроба стоит Гончарова,
Улыбается жалко и вдаль равнодушно глядит¹.

1921

Имя Пушкина отсутствует в этом стихотворении, но с первых строк ясно, кого необходимо “остановить и спасти”. Читатель Адамовича ставится в ситуацию “припоминания”, в данном случае — припоминания своего, возможно, еще детского ощущения страха, жалости к гибнущему поэту и к себе, желания чем-то помочь, вмешаться, все исправить. “... Тревога совести — индивидуальной и коллективной, — писал П.М.Бицилли в рецензии на книгу Адамовича “На Западе”, — тревога бл.Августина, ужас перед однажды совершившимся и непоправимым злом <...> Есть вещи, с которыми примириться, которых *понять* — не “разумом”, а всем существом, *нельзя* <...> нельзя примириться со смертью Пушкина. Стихотворение об этом (“По широким мостам...”), самое волнующее и самое значительное из всего помещенного в сборнике, выражает то, что, должно быть, каждый испытал, перечитывая биографию Пушкина <...> *знаем наверно*, чем кончится, а все-таки — до последнего момента *не верим*. Переживание, из которого вышла вся философия Шестова с ее постулатом, обращенным к Богу: “сделать бывшее небывшим”².

“Узнаванию” или “припоминанию” не мешают даже некоторые “неточности” в этом тексте. Так, например, любому петербуржцу известно, что дуэль Пушкина произошла не перед рассветом, а в пятом часу пополудни, однако более традиционным временем дуэлей всегда были предрассветные часы; очевидная “неточность”, к тому же, становится одним из признаков того, что стихотворение “По широким мостам...” — не очередное поэтическое переложение событий января 1837 года, а, возможно, “запись” сна или видения, часть “петербургского мифа” в широком его понимании.

Итак, стихотворение — одно из многих в русской поэзии — посвящено Пушкину, создателю и одновременно герою “петербургского предания”. Во второй книге стихов Адамовича “Чистилище” есть и другие тексты, с Пушкиным связанные — “Тридцатые годы, и тени в Версале...” (1921), “Проходит жизнь. И тишина пройдет...” с эпиграфом “Я влюблен, я очарован”. В последнем стихотворении — то же неприятие Гончаровой и ее “роковой” роли в жизни поэта:

Так он не вскрикнул и не поднял глаз,

Веселого не молвил слова,
Когда комета встала в первый раз
В шелку багровом — Гончарова.
Но рокот арф, ночь, и огни, и бал, —
Все говорило: нет спасенья...³

“Пушкинская тема” стихотворения “По широким мостам...”, на мой взгляд, это лишь первый, “поверхностный” слой. Дата создания произведения — 1921 год — позволяет увидеть его “второй план”, дает право на иное прочтение знакомого всем текста.

1921-й — год смерти Александра Блока. Сергей Горный (А.А.Оцуп) писал в январе 1922 года: “Чем всегда поминать будем отошедший, 1921-й <...> “В том году Александр Блок умер”. Странные, неприемлемые слова. Словно умерла наша душа, умерли мы сами. Видим свою душу в гробу”⁴.

Смерть Александра Блока вызвала множество откликов в прессе России и русского зарубежья, воспринималась она совершенно по-разному, но все противоречия первых заметок и статей, этому событию посвященных, сглаживались общим чувством: совершившееся есть трагедия, катастрофа. По воспоминаниям В.В.Вейдле, петербургская интеллигенция, хоронившая Блока, ощущала, что хоронит не его одного. Для многих день 7 августа стал последним свидетельством конца старой России, России пушкинской. Блок — единственный в истории России поэт, смерть которого по значению, по силе трагедии можно сравнить со смертью Пушкина. Очерк В.Вейдле “Похороны Блока” (1961) заканчивается словами: “Во всей истории нашей не было таких похорон. Пушкина тоже не уберегли. Пушкина любили. Но прощаясь с Пушкиным, прощались все же только с ним. Тут было другое прощание; оно продолжается по сей день <...> прощание это еще не кончилось”⁵.

К сожалению, пока не удалось выявить, до или после 7 августа было написано стихотворение Адамовича. Возможно, окажется, что “По широким мостам...” появилось, к примеру, в феврале 1921 года, в дни пушкинских торжеств, когда Блок три раза читал свою речь “О назначении поэта” (которая, кстати, и дает повод к сопоставлению его смерти с кончиной Пушкина). В таком случае, версия о скрытом посвящении не подтвердится, но очень многое позволяет уже сейчас рассмотреть это стихотворение именно в контексте первых откликов на смерть Блока.

До выхода в свет книги “Чистилище”⁶ Адамович напечатал “По широким мостам...” рядом с произведением, непосредственно обращенным к памяти умершего поэта, заметкой “Смерть Блока”,

первая же фраза которой звучит следующим образом: “7-ое августа 1921 года многим напомнило другую дату — 29 января 1837 года”⁷. Эти слова подводят итог тому, что было пережито, прочувствовано в 1921 году. Заметка войдет и в новый альманах Цеха Поэтов (II — III. Берлин, 1923), там же вновь будут напечатаны три стихотворения, открывающие “Чистилище”: “Где ты теперь? За утесами плещет море...”, “За миллионы долгих лет...” и “По широким мостам... Но ведь мы все равно не успеем...”. Выбор текстов, безусловно, не случаен.

Отношение Адамовича к Блоку, как и у Ахматовой и Мандельштама, это отношение “притяжения-отталкивания”. Мысль об ориентации Адамовича-поэта на Блока стала в современном литературоведении привычной, очевиден “блоковский подтекст” многих его стихотворений, однако темы “Блок и Адамович”, “Блоковский текст у Адамовича” остаются до сих пор неисследованными.

Блок для Адамовича навсегда в русской поэзии XX века первый, но в статье “Смерть Блока” сказано: “Русская поэзия сейчас во всем, что есть в ней живого, наследства Блока не принимает”⁸. Дело в том, что Блок кажется Адамовичу отступником от пушкинской традиции. “Если Россия на вызов Петра ответила Пушкиным, то Блоком она отказалась от своего ответа, попыталась зачеркнуть его и потянуться опять в старые азиатские дебри, в азиатскую одурь. Это что-то похожее на измену и никаким личным очарованием искупить этого нельзя”⁹. “Смыслом и жизнью” новой “молодой поэзии” Адамович считает “приятие” Европы и ученичество у нее (для сравнения можно привести строки из его рецензии на статью К.Чуковского “Ахматова и Маяковский”: “...Пренебрежение и глухота к “Парижу” на три четверти погубило Блока и всю русскую поэзию”¹⁰). Для Блока, по мнению Адамовича, жизнь — призрак, тюрьма; именно это, а не “спор о том, как писать стихи”, отделяет его от акмеистов. Дважды (в “Смерти Блока”, а затем в очерке “Трое (Поплавский, Штейгер, Фельзен)”, вошедшем в книгу “Одиночество и свобода”) Адамович сравнивает Блока с Ульрихом Бренделем, героем драмы Г.Ибсена “Росмерсхольм”, написанной в 1886 г. и поставленной в России в 1905 г. в театре В.Ф.Комиссаржевской¹¹. Блок напоминает Адамовичу странника-философа, просящего у своего бывшего ученика “парочку подержанных идеалов”. Возможно, об отношении Адамовича к Блоку свидетельствует одно из “загадочных” стихотворений “Чистилища” “О мертвом царевиче Дмитрие...” (1920):

Помяни же и человека,

Который в Угличе не был
.....
Но уже семнадцатой ночью,
Не дыша и не двигаясь, в доме,
Занесенном до крыши снегом,
Смотрит на тихий месяц,
И пересохшими губами
Повторяет имя Александра¹².

Сборник “Чистилище” составлен из стихотворений 1916 — 1922 годов, объединенных темами смерти и воспоминания. Понятия “чистилище” в Православной Церкви нет, по католическим представлениям, закрепленным в догмате, провозглашенном в 1254 году, Чистилище — это место, где души умерших огнем очищаются от семи смертных грехов перед тем, как войти в Рай. Читателю название книги Адамовича, конечно, должно было напоминать “Божественную Комедию” Данте. Но первым названием сборника было — “Возвращение Орфея”. Здесь вспоминается уже не Данте, а Овидий и миф об Орфее, певце, изобретшем гекзаметр, укрощавшем природу своим чудным пением, участнике похода аргонавтов за золотым руном. Возвращение Орфея — это возвращение из Аида, куда певец спускался, чтобы спасти свою жену Эвридику. Но Аид, где побывал Орфей, и Чистилище — в европейской поэтической традиции понятия очень близкие, означающие одно: преисподняя Земли, царство смерти¹³. Возвращение оттуда — победа над смертью. Схождение в ад — опыт смерти, и опыт этот может быть пережит во сне, аналоге смерти, когда душа, согласно архаическим представлениям, “путешествует” в “загробный мир”. Стихотворение “По широким мостам...”, по многим признакам входящее в единый “петербургский текст” русской культуры, может быть рассмотрено как запись такого “путешествия в царство смерти”¹⁴.

С античными и средневековыми мифологическими мотивами соединяется в книге “Чистилище” образ из “новой мифологии” (XVIII — XIX вв.): сборник посвящен “Памяти Андрея Шенье”. Революционный переворот 1917 года вновь “вызвал к жизни” в сознании поэтов и их современников образ поэта, революцией убитого¹⁵. Слова “Памяти Андрея Шенье” могли звучать тогда как зашифрованное посвящение Николаю Гумилеву, но, возможно, книга посвящена памяти сразу двух поэтов, погибших в августе 1921 г., — не только Николая Гумилева, но и Александра Блока. Ю.И. Айхенвальд писал в статье “Памяти Блока”: “Может быть, каждая революция должна иметь своего Андрея Шенье. Александр Блок погиб не так, как его французский собрат; но ни для кого не

тайна, что ужасная фантастика нашей действительности усердно поддержала его болезнь, ускорила ее течение и приготовила ему безвременную могилу”¹⁶.

Теперь, наконец, необходимо сказать о “блоковском тексте” в стихотворении Адамовича. Город в этом произведении напоминает не пушкинский, а именно блоковский Петербург. Мосты, аллеи, рестораны, — все это признаки петербургского пейзажа второго и третьего томов лирики Блока (в основном стихов 1909 — 1910 гг.), “дешифрующим” текстом становится драма “Незнакомка” (ее “второе видение”): “... Конец улицы на краю города <...> темный пустынный мост через большую реку <...> за мостом тянется бесконечная, прямая, как стрела, аллея, обрамленная цепочками фонарей и белыми от инея деревьями...” (IV, 82).

Где же обрывается эта линия, куда ведут эти мосты и аллеи? Пространство в текстах Блока и Адамовича расширено, как это бывает во сне, а конца нет: мосты, за ними аллея, “море близко”. Не напоминает ли это “Петербург” Андрея Белого? “Есть бесконечность в бесконечности бегущих проспектов с бесконечностью в бесконечность бегущих пересекающихся теней. Весь Петербург — бесконечность проспекта, возведенного в энную степень.

За Петербургом же — ничего нет”¹⁷.

Город пуст и безлюден не только потому, что все происходит ночью. Эта пустота кажется неестественной, пугающей; может быть, город всеми оставлен (“рестораны распахнуты” — ср. с отрывком из статьи Блока “Безвременье” (1906): “Мы живем в эпоху распахнувшихся на площадь дверей, отпылавших очагов, потухших окон <...> хищно воеет вьюга <...> Чуть мигают фонари, пустыня и безлюдье” (V, 71). На таком огромном пространстве — ни одного человека, как и в стихах Блока. “По безлюдным мостам”, возможно — скрытая цитата из стихотворения “На островах”:

Нет, с постоянством геометра
Я число каждый раз без слов
Мосты, часовню, резкость ветра,
Безлюдность низких островов... (III, 20).

Очень важна вторая строка: “Эта вьюга мешает, ведь мы заблудились в пути...”. Нельзя не вспомнить здесь пушкинской “Метели”, но все-таки за словом “вьюга” в XX веке — поэзия Александра Блока, “Снежная маска”, “Заклятие огнем и мраком”, “Двенадцать”...

Стихия Александра Блока —
Метель, взвывающая снег...¹⁸

У Адамовича “вьюга мешает” спасти поэта. Темная сила, стихия, в свою власть поэта принявшая, затрудняет путь к нему — это, конечно, о Блоке, а не о Пушкине. Путь здесь — и реальная дорога к месту трагедии, и путь духовный (и один из распространенных мотивов сна — заблудился, не найти дороги, не выбраться: ср. название статьи Б.Энгельгардта о Блоке — “В пути погибший”, 1921). В “Снежной маске” Блока метель — стихия, уводящая с пути или ведущая в смерть.

Оставь тревоги,
Метель в дороге
Тебя настигла.
Ласкают вьюги,
Ты в лунном круге,
Тебя пронзили снежные иглы!.. (II, 232).

И на этот путь оснеженный
Если встанешь — не сойдешь... (II, 214).

И опять, опять снега
Замели следы... (II, 230).

Нет исхода из вьюг;
И погибнуть мне весело.
Завела в очарованный круг,
Серебром своих вьюг занавесила... (II, 250).

В таком контексте даже “простые” слова “стынет дыханье в груди” звучат особенно. Дыханье (душа, жизнь) стынет от “дыханья” вьюги, веянья смерти. Так “застывает” сердце в стихах Блока.

И неслись опустошающие
Непомерные года,
Словно сердце застывающее
Закатилось навсегда (II, 218).

Прости, отчизна!
Здравствуй, холод!
.....
Остыло сердце!
Где ты, солнце: (II, 233 — 234).

“Иль, может быть, все это снится” (2 строфа) — цитата сразу из двух произведений Блока — “Незнакомки” (“Иль это только снится мне?” — II, 185) и “Соловьиного сада” (“Или все еще это во сне?” — III, 244).

Снится и сам город-призрак, и, следовательно, все, что в нем совершается¹⁹.

В таком случае даже смерть поэта — часть этого сна (следующая строка: “Ничего нет в прошедшем и нет ничего впереди”). Во сне соединяются, связываются события и люди, разделенные в “земном” времени и пространстве. Так и в этом тексте-сне все двоится, может быть отнесено к двум эпохам или к двум “фрагментам” “петербургского мифа”. Показать это можно на примере нескольких деталей.

1. “Пространство” стихотворения. “Море близко” к месту дуэли Пушкина на Черной речке (Лахтинский залив), но, кажется, еще ближе оно — не только “географически” — к дому на Офицерской, где умер Блок. То, что здесь “море близко”, ощущали все, кто бывал “в доме сером и высоком у морских ворот Невы”.

2. Тишина и холод (4 строфа). “Тридцать градусов холода, / Тускло сияет гранит...” — примета январского дня 1837 года; “сияние” гранита набережной — часть “кода” пушкинского Петербурга²⁰. Но и здесь “блоковское”: “Поэтом холода и тишины” назвал Блока Эрих Голлербах²¹.

Все, что в этом стихотворении относится к чувствам тех, кто пытается и не может спасти поэта, представляется на столько ощущением из “сна” о Пушкине, сколько связывается с событиями августа 1921 года. 1 строфа: “Мы все равно не успеем <...> и остановить, и спасти...”. Блока, как и Пушкина, “не успели” спасти, поэтому и осталось у многих его современников чувство вины, личной ответственности за эту смерть.

“Пал рыцарь, кто повинен в его смерти? Все мы без исключения”²².

“Помню: ужас, боль, гнев — на все, на всех, на себя. Это мы виноваты — все. Мы писали, говорили — надо было орать, надо было бить кулаками, чтобы спасти Блока.

Помню, не выдержал и позвонил Горькому:

— Блок умер. Этого нельзя нам всем — простить”²³.

После смерти Блока ощутили многие и чувство покинутости, “сиротства”, боли за себя, за свое поколение, за Россию²⁴. Как отзвук такого настроения звучат слова “отчего нам так страшно” и “все погибает, все кончено”. Ясно, что “все погибло, все кончено” не для погибающего поэта. “О себе, только о себе мы плачем,” — писал М.Кузмин в некрологе, который, возможно, был известен Адамовичу²⁵.

У стихотворения “По широким мостам...” есть и ритмический “подтекст”. Достаточно редкий размер — пятистопный анапест — вызывает в памяти стихотворения из “Tristia” О.Мандельштама: “Золотистого меда струя из бутылки текла..” (1917) и “Сестры — тяжесть и нежность — одинаковы ваши приметы...” (1920). Со

вторым текстом совпадает у Адамовича и система рифмовки. В 1921 — 1922 годах это сходство не могло не входить в намеренье автора и легко “прочитывалось”.

Строки Мандельштама:

Человек умирает. Песок остывает согретый.

И вчерашнее солнце на черных носилках несут... 26

особенно тесно связаны с “петербургским преданием” Адамовича. Во “вчерашнем солнце”, а также в образе солнца в других стихах “Tristia”, видят иногда Пушкина (впервые Ахматова, затем Элен Анри, С.Кузьмина и др.). И эта грань петербургского мифа о поэте еще больше расширяет контекст стихотворения Адамовича.

“Солнцем нашей Поэзии” назвал Пушкина В.Одоевский (Литературные прибавления к газ. “Русский инвалид. 1837. 29 янв.). Известно, что образ этот (“солнце нашей Поэзии закатилось”) восходит к фольклору или к словам, произнесенным митрополитом Кириллом над почившим святым благоверным великим князем Александром Невским: “Дети мои, знайте, что уже зашло солнце земли Суздальской”. Св. Александр Невский — небесный покровитель Пушкина и Блока, что еще раз объединяет двух поэтов. Не случайно в стихотворении Ахматовой, безусловно, хорошо известном Адамовичу, вновь поэт назван “солнцем”, на этот раз не Пушкин, а Блок:

Принесли мы к Смоленской заступнице,
Принесли Пресвятой Богородице
На руках во гробе серебряном
Наше солнце, в муке погасшее, —
Александра, лебедя чистого²⁷.

В отличие от стихотворения Ахматовой, где о смерти поэта говорится в апокалипсических тонах (“солнце погасшее”²⁸), “По широким мостам..” заканчивается восходом солнца, всегда смерти противостоящим, пробуждением от страшного сна и новым смещением сна и яви (“У гроба стоит Гончарова”). Появление Гончаровой на первый взгляд снимает двоение “Пушкин-Блок”, и стихотворение становится только “пушкинским”²⁹. Интересно, тем не менее, было бы указать на воспоминания Ирины Куниной “Встреча с Блоком” (Литературное обозрение. 1991. № 9), где в рассказе о 1918 году с Натальей Гончаровой сравнивается Любовь Дмитриевна Блок и отношение к обеим почти такое же, как у Адамовича к Гончаровой.

В стихах 1921 — 1922 годов, Блоку посвященных, как и в статьях того времени, смерть его часто сопоставляется со смертью Пушкина (см. “Памяти Александра Блока” М.Волошина или “На смерть Блока” Э.Германа). Но Блок и Пушкин всегда “разделены”, не соединяются в один образ. Примером такого восприятия смерти поэта может послужить стихотворение Константина Липскерова (1921):

Владеет бытием мучительным поэта
Внимательный Господь. Его Он знает срок.
И Пушкин наземь пал, когда он жить не мог,
Чтоб воспарить среди певучего расцвета.

Но горько мне звучит: он умер, снежный Блок.
К чему о нем печаль? Зачем возникла эта
Тень малодушия? Душа его согрета,
Как прежде, музыкой полувоздушных строк...³⁰

Смерть Пушкина и до начала XX века входила в “петербургское предание”, осмысливалась как часть того, что назовут “петербургским текстом”. Адамович писал об этом в статье “Пушкин” (1937): “Ни на минуту нельзя усомниться, читая записи о страшных последних годах пушкинской жизни, что это рассказ о событиях какого-то глубочайшего, величайшего значения <...> Факты, мелочи, случайные свидетельства, а любая трагедия бледнеет рядом с ними.

Что можно с ними сравнить? Пожалуй, только те события, из которых складывались в былые времена религии, легенды, мифы... В ослабленном, искаженном, в “грешном” виде гибель Пушкина — явление того же внутреннего порядка”³¹.

В XX веке мифом и легендой стали жизнь и смерть Блока. Имена двух поэтов соединились в стихотворении, где Блок “узнаваем”, но может остаться и неузнанным.

¹ Цех Поэтов. Книга третья. Пг., 1922. С. 6.

² Современные записки. 1939. Т. 69. С. 384.

³ Адамович Г. Чистилище. Пг., 1922. С. 41. См. также: Адамович Г. Пушкин // Последние новости. 1937. 10 февр. № 5801. Адамович Г. О книгах и авторах. Заметки из литературного дневника. Париж, 1967. С. 26.

⁴ Горный Сергей (А.А.Оцун). Урна (Памяти А.Блока) // Рувль. 1922, 13 янв. № 352. С. 3.

⁵ Вейдле В. О поэтах и поэзии. Париж, 1973. С. 15.

⁶ “Чистилище” выходит в марте 1922 г., о чем свидетельствуют надписи Г.Адамовича на авантюлах двух экземпляров сборника, подаренных В.А.Пясту и Б.Е.Рапгофу (см.: Книги и рукописи в собрании М.С.Лесмана. Аннотированный каталог. Публикации. М., 1988. С. 23 --- 24). Альманах “Цех

Поэтов. Книга третья” появился тоже в марте 1922 г., но несколько ранее (на экземпляре, хранящемся в библиотеке В.Н.Орлова (музей-квартира А.Блока), есть помета на титульном листе: “III — 1922”); в этом сборнике сообщается о готовящейся к печати книге Г.Адамовича “Возвращение Орфея” (первое название нового сборника стихов, измененное затем на “Чистилище”).

⁷ Цех Поэтов. Книга третья. С. 48. (Ср.: Современные записки. 1931. Т. 47. С. 283 — 305).

⁸ Там же. С. 49.

⁹ Там же. С. 50.

¹⁰ Там же. С. 65.

¹¹ Там же. С. 49. Адамович Г. Одиночество и свобода. Нью-Йорк, 1955. С. 278. См.: Ибсен Г. Собр. соч.: В 4 т. М., 1957. Т. 3. С. 820. В книгу “Чистилище” входит стихотворение “Росмергсгольм”, написанное в 1916 г.

¹² Адамович Г. Чистилище. С. 16 — 17.

¹³ О Петербурге как о “царстве смерти” см., напр.: Топоров В.Н. Петербург и петербургский текст русской литературы (Введение в тему) // Семиотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам. XVIII. Уч. зап. Тарт. гос. ун-та. В. 664. Тарту, 1984. С. 4 — 29.

¹⁴ Следует вспомнить здесь работу Р.Д.Тименчика, В.Н.Топорова и Т.В.Цивьян. “Сны Блока и “петербургский текст” начала XX века”: “Особая роль снов в “петербургском тексте” русской литературы несомненна. Так или иначе, это связано с самим объектом подобного текста — Петербургом. “Умышленность”, ирреальность, фантастичность Петербурга <...> требуют описания особого типа, способного уловить ирреальную (сродни сну) природу этого города <...> сон как жанр есть принадлежность и признак “петербургского текста”...” (Тезисы I Всесоюзной (III) конференции “Творчество А.А.Блока и русская культура начала XX века”. Тарту, 1975. С. 130 — 131).

¹⁵ Можно напомнить хотя бы стихотворение Марины Цветаевой “Андрей Шеньев вззошел на эшафот...”, написанное в 1918 году.

¹⁶ Культура театра. 1921. № 7/8. С. 19.

¹⁷ Белый А. Петербург. Л., 1981. С. 22.

¹⁸ Сологуб Ф. Собр. соч. Спб., 1914. Т. 17. С. 211.

¹⁹ Ср. с видением Аркадия Долгорукого из “Подростка”: “Вот они все кидаются и мечутся, а почему знать, может быть, все это чей-нибудь сон, и ни одного-то человека здесь нет настоящего, истинного, ни одного поступка действительного? Кто-нибудь вдруг проснется, кому все это грезится, — и все вдруг исчезнет” (Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 30 т. Л., Т. 13. С. 113).

²⁰ “Петербург, будто всегда морозный, его царственный “строгий стройный вид” с льдистыми отблесками на невском граните” (Адамович Г. Пушкин // Последние новости. 1937. 10 фев. № 5801).

²¹ Голлербах Э. Образ Блока // Звезда. 1990. № 11. С. 158.

²² Чулков Г.И. Наши спутники. М., 1922. С. 80.

²³ Замятин Е. Воспоминания о Блоке // Русский современник. 1924. № 3. С. 194.

²⁴ См.: Иванов-Разумник. Памяти Александра Блока // Иванов-Разумник. Вершины. Александр Блок. Андрей Белый. Пб., 1923. С. 54 — 63.; Пяст В. Памяти А.А.Блока // Вестник литературы. 1921. № 8 (32). С. 9.; Пяст В. Умер Блок // Жизнь искусства. 1921. 16-21 авг. № 804. С. 6.; Смирнов Н. Великий искус (Памяти Александра Блока) // Начало. 1922. № 2/3. С. 72 — 83.

²⁵ Жизнь искусства. 1921. 16-21 авг. № 804. С. 5. “Дополнительные признаки” для сопоставления смерти Блока со смертью Пушкина: 1) Блок, как когда-то Пушкин, сам искал смерти. Дуэль — одновременно убийство и самоубийство. Так и в последних годах жизни Блока можно увидеть не только продолжение “подвига поэта”, но и начало саморазрушения; 2) смерть обоих поэтов есть жертва. См., напр.: Зоргенфрей В. Блок // Записки мечтателей. № 5. Пб., 1922. С. 23 — 27.; Рахманов Н. Кончина Александра Блока // Воля России. 1921. 17 авг. № 281. С.2; Яблоновский А. Александр Блок // Общее дело. 1921. 13 авг. № 392. С.3.

²⁶ Мандельштам О. Соч.: В 4 т. М., 1991. Т. 1. С. 76.

²⁷ Ахматова А. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 161.

²⁸ Ср. с ее стихотворением, посвященным Мандельштаму (“И город весь стоит оледенелый...”, 1936) и заканчивающимся строками: “И ночь идет, / Которая не ведает рассвета” (Там же. С. 179).

²⁹ Во второй редакции стихотворения остается “блоковский” пейзаж, цитаты, но говорить о посвящении Блоку здесь уже почти невозможно. См.: Адамович Г. Единство. Стихи разных лет. Нью-Йорк, 1967. С. 11.

³⁰ Литературное наследство. М., 1982. Т. 92. Кн. 3. С. 580.

³¹ Последние новости. 1937. 10 февр. № 5801.

Н. Ю. ГРЯКАЛОВА

**ТРАВЕСТИЯ И ТРАГЕДИЯ
МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА СИМВОЛИЗМА
В РОМАНАХ БОРИСА ПОПЛАВСКОГО**

Судьба и творчество Бориса Поплавского были исполнены тайны для его современников, таковыми они остаются и по сей день. Благодаря впервые полностью изданной по рукописи “дилогии” Поплавского “Домой с небес” (состоящей из романов “Аполлон Безобразов” (1926—1932) и “Домой с небес” (1934—1935), заключительная часть задуманного писателем триптиха — “Апокалипсис Терезы” осталась незавершенной, поэтому принятый публикатором термин “дилогия” достаточно условен)¹ и собранным под одной обложкой воспоминаниям и отзывам современников², а также отдельным новым публикациям³, появилась наконец необходимая основа для расширения пределов понимания и интерпретации творчества “неизвестного солдата русской мистики”, одного из самых талантливых выразителей трагической “парижской ноты” в литературе русского зарубежья.

В романах Бориса Поплавского в онтологической и метафизической полноте поставлена проблема самоидентификации писательской личности в условиях эмиграции. При этом тематизация проблемы неотрывна от авторской рефлексии по поводу собственной причастности к национальной традиции, в том числе и такой недавней, как символизм. Более того, сама символистская традиция в ее живой актуальности получает у Поплавского итоговое “разрешение”: в его творчестве трансформируется (вплоть до трагедии) и находит свое завершение (вплоть до трагедии “развоплощения”) метафизическая проблематика символизма — проблема “воплощения” духовного начала.

Проблема воплощения Абсолюта в формах реальности встает для символистов как великая тайна и трагедия. Известна роль статьи Соловьева “Смысл любви” в духовном становлении младших символистов. Ею философ определил для своих последователей

путь поиска форм воплощения Вечно-Женственного начала в мире. Ведь, согласно Соловьеву, “вечная Женственность <...> не есть только бездейственный образ в уме Божиим, а живое духовное существо, обладающее всею полнотою сил и действий. Весь мировой и исторический процесс есть процесс ее реализации и воплощения в великом многообразии форм и степеней”⁴. Задача истинной любви — не только в поклонении Вечной Женственности, но и в воплощении Ее “в другом, низшем существе той же женской формы, но земной природы...”⁵. Перед избравшим этот путь возникало множество вопросов, ответы на которые с трудом поддавались верификации или же были принципиально неразрешимы, так как относились к сфере Несказанного. И здесь символистская метафизика любви теснейшим образом соприкасается с проблемой личностной самоидентификации, ибо для символистского сознания вопрос “кто есть я: бесплотный призрак или человек «во плоти»?” приобретает онтологический статус.

Путь поэта-символиста разворачивается как путь познания (точнее — “угадывания”) идеальной сущности мира (Вечной Женственности) в ее земных воплощениях (например, период “антитезы” у А. Блока) и предстает как *постоянное* “восхождение—нисхождение” по ступеням “превращений”. Подобно рыцарю из баллады В. А. Жуковского “Ундина”, которого вспоминает Блок в статье “О реалистах”, поэт-символист “все ищет вечную женственность, а она все рассыпается перед ним в серебристых струйках потока” (V, 128). Углубление в гнозис соловьевской софиологии предполагало признание связи Ее (Души мира, Вечной Женственности, Софии) с Христом (Логосом). Без этого спасительного импульса Она неизменно ввергается в хаос, “изменяя облик” и превращаясь в Софию тварную, Астарту, Блудницу. Эта гностическая мифологема и была развернута в нарративной структуре блоковской “лирической трилогии”. Во “втором томе”, который осмыслился поэтом в его индивидуальной мифологии “пути” как этап прохождения “через необходимый болотистый лес” (VIII, 344), т. е. как демонический аспект пути художника, образ *чаемой* Жены, облеченной в солнце, Вечной Женственности, Девы, Зари, Купины начинает расплываться, двоиться и смешиваться с *явленными* образами блудниц, демониц, inferнальниц. И хотя вопрос лирического героя, добровольно принявшего на себя жертву “сораспятия миру”, обращенный к Христу: “И челн Твой будет ли причален // К моей распятой высоте?”, звучащий в финале стихотворения “Когда в листе сырой и ржавой...”, как заметила Л. Силард, свидетельствует о том, что “верховная значимость трансценденции в мире Блока не подвергается сомнению”, однако “подвергается вопрошанию ее статус и подвергается сомнению должная угаданность пути-

распятия поэта”⁶. Такого рода сомнения, свойственные устремлениям гнозиса, в опыте самопознания ставящего на первое место “знание”, а не “веру”, давали основания упрекать Блока в “демонизме” как православным священникам о. Павлу Флоренскому, прот. Георгию Флоровскому⁷, так и членам “соловьевского братства” Андрею Белому, С. Соловьеву⁸, отнюдь не чуждым гностико-герметическим традициям (позже к этой критике присоединится Д. Андреев⁹). Все они предупреждали об опасностях, таящихся в безбожественной мистике и ведущих к утрате критерия для “испытания духов”, к смешению сфер “духовного” и “плотского” и невозможности их “примирения” все духовного опыта христианской традиции.

Ощущение иллюзорности существования, недосказанности, “недовоплощенности” выступает не просто смысловой и стилистической доминантой творчества Блока периода “антитезы”. “Тоска по воплощению” становится двигателем его творческих усилий и причиной личной психологической драмы¹⁰. Гиппиус, чутко улавливавшая вибрации духовной жизни личности, отметила производимое Блоком впечатление трагической незащищенности “от самого себя, от других людей — от жизни и от смерти”, имея в виду то марево “несказанности”, которым поэт был заслонен от жизни. “Блок, я думаю, и сам хотел «вплотиться», — отмечала она в посвященной поэту мемуарной статье «Мой лунный друг». — Он подходил, принимал к жизни, но когда думал, что входит в нее, соединяется с нею, она отвечала ему гримасами”¹¹. И М. Волошин не случайно определил лирику Блока как “поэзию сонного сознания”, с полным основанием связав истоки его мироощущения с платоновским учением о действительности как отражении мира идей¹².

Скитальчества в “тоске небытия” призрака — невоплощенного или полувоплощенного “духа” — и гибель лишенного благодати бездуховного “тела” — вот та неизбывная тема, которая придает ничем не снимаемый трагизм блоковской “трилогии вочеловечения”. Трагизм этот усилен осознанием феномена “невоплощенности” как глубинной сущностной черты русской души (“всю плоть свою она подарила миру...” — V, 74), что тематизируется в символах-мифах *сна, дремоты, бесцельного круженья*. Добровольная обреченность на путь вечных скитаний в поисках ускользающего и в своем пределе недостижимого содержания предопределена, как кажется поэту, даже особенностями русского ландшафта: “И сини дали, и низки тучи, и круты овраги, и сведены леса, застилавшие равнины, — и уже нечему умирать и нечему воскресать <...> Вот русская действительность — всюду, куда ни оглянешься, — даль, синева и щемящая тоска неисполнимых желаний. Когда же наступит вечер и туманы оде-

нут окрестность, — даль станет еще прекраснее и еще недостижимее. Думается, все, чему в этой дали суждено было сбыться, — уже сбылось. Не к чему стремиться, потому что все уже достигнуто; на всем лежит печать свершений. Крест поставлен и на душе, которая, вечно стремясь, каждый миг знает пределы свои” (V, 75). Так пишет Блок в статье “Безвременье”, осмысляя онтологические истоки переживаемого им антиномизма.

Возможность преодоления метафизической бездны между “духом” и “телом” поэт видит в необходимости не просто осознания *идеи* (соловьевской) “целостного человека”, но и в его *строительстве*. Пережив, “ценою утраты части души”, демонические соблазны смешения искусства и жизни, он начинает ценить в себе “уменье быть человеком” (VIII, 197), и стремление к постижению *человеческого* становится вектором его дальнейшего пути — “к рождению человека «общественного»” (т. е. способного осознать личность в единстве «я» и «мы»). Мысль Блока начинает занимать «обыкновенный человек», который «прекрасней и выше самого прозрачного, самого бесплотного видения», и его подлинное *лицо*, скрытое за политическими, общественными, религиозными, художественными *личинами* (V, 381). 30 октября 1911 г. он запишет в дневнике свои мысли, свидетельствующие о происходящем процессе «переоценки ценностей»: “...мы ругали «психологию» оттого, что переживали «бесхарактерную» эпоху <...> Эпоха прошла, и, следовательно, нам опять нужна *вся* душа, все житейское, весь человек. Нельзя любить цыганские сны, ими можно только сгарать. Безумно люблю жизнь, с каждым днем больше, все житейское, простое и сложное, и бескрылое и цыганское.<...> Назад к душе, не только к «человеку», но ко «всему человеку» — с духом, душой и телом, с житейским — трижды так” (VII, 79).

Обращает на себя внимание тот факт, что в приоритете ценностных характеристик человека “телесная культура” для Блока отнюдь не уступает место духовной, более того, ей теперь отводится формотворческая роль, причем не только в метафизическом смысле, но и в антропологическом. Очень показательно в новом жизнестроительном аспекте письмо Блока к матери от 21 февраля 1911 г., где речь идет о занятиях “телесным” самоусовершенствованием (массаж, гимнастика, французская борьба): “Меня очень увлекает борьба и всякое укрепление мускулов, и эти интересы уже заняли определенное место в моей жизни; довольно неожиданно для меня (год назад я был от этого очень далеко) — с этим связалось художественное творчество. <...> форма — плоть идеи; в мировом оркестре искусств не последнее место занимает искусство «легкой атлетики» и та самая «французская борьба», которая есть точный сколок с древней борьбы в Греции и Риме” (VIII, 331).

Новый для поэта “опыт тела” особенным образом повлиял и на характер его творчества (это время работы над поэмой “Возмездие”), определив его трансформации как на содержательном уровне (эпичность) — “расширение” круга жизни взамен ее прежнего постоянного “углубления” (VIII, 332), так и на формальном (ритм, пластика, фактура), что было отрефлектировано Блоком в предисловии к поэме с помощью таких “телесных” характеристик “письма”, как “упругая волна” ямба, “мускульное сознание”, “нарастание мускулов” поэмы и т. д. (ср.: “... о мускульном сознании я говорю недаром, потому что в то время все движение и развитие поэмы для меня тесно соединилось с развитием мускульной системы. <...> ритмическое и постепенное нарастание мускулов должно было составлять ритм всей поэмы. С этим связана и ее основная идея, и тема” — III, 297). Таким образом, открытие новой формы, адекватной изменившему “чувству мира” и себя-в-мире, было для Блока неотрывно соединено с новыми попытками “воплощения” (отнюдь не метафорическими) на путях утверждения связи с миром. Безусловно, что смысл глагола “жить” раскрывался для него в духовном подвиге религиозного преображения: “О, я хочу безумно жить: // Все сущее — увековечить, // Безличное — вочеловечить, // Несбывшееся — воплотить!” (III, 85)¹³. Другое дело, что на путях жизненной реализации соловьевского наследия (не случайно Андрей Белый назвал Блока “первым конкретизатором философии Соловьева”¹⁴), при том, что из концепции Соловьева был усвоен метафизический дуализм и исключено ее важнейшее звено, а именно: связь Мировой души со сверхличным началом — Божественным Логосом, благодаря которому происходит воссоединение разделенного и раздробленного мирового бытия, Блока ожидала трагедия “невоплощенности”. В разделенности “земного” и “небесного”, абстрактного и чувственного, духовного и телесного и невозможности их “сведения” (т. е. преодоления антиномизма, осуществления “синтеза”, достижения катарсиса, духовного преображения) заключалась суть переживаемой поэтом религиозно-мистической трагедии.

Данное вступление не покажется избыточным, если вспомнить, что Г. Адамович в своей статье о Борисе Поплавском назвал Блока его “предшественником и отчасти учителем” и даже более того — определил некую трагическую цепь наследования, заметив: “Поплавский начинает с того, чем Блок кончил, прямо с «пятого акта» духовной драмы. Надежд не осталось и следа. Все рассеялось и обмануло. «Что наша жизнь? Игра», и незачем насчет этого обольщаться” (Воспоминания. С. 15). Ни у кого не вызывала сомнения идущая от Блока линия поэтической преемственности Поплавского. И обнаженный лиризм его творчества, когда стирается

грань между литературой и дневником, и трагизм самих тем, с неизменным налетом разъедающей иронии, и “одурманивающая” музыкальная стихия, господствующая в его лирике, и поэтика “недосказанности”, “туманности”, и даже веяние “нездешней радости”, позволившее, в частности, Г. Иванову сравнить первый сборник Поплавского “Флаги” (1931) с впечатлениями от “Стихов о Прекрасной Даме” (Воспоминания. С. 159), — все свидетельствовало в пользу ученичества Поплавского. Ну а вышедшая уже после гибели поэта книга стихов “Снежный час” (1936) своим заглавием эмблематизировала творческое родство (ср. названия стихотворных сборников Блока “Снежная маска”, “Снежная ночь”, “Ночные часы”). К перечню преднамеренных / непреднамеренных сходжений можно добавить, например, использование Поплавским в статье “О мистической атмосфере молодой литературы в эмиграции” блоковского образа-символа “дух музыки” в полном “согласии” с источником (“...только погибающий согласуется с духом музыки”; “Я чувствую в этой эмиграции (представителях “парижской ноты”. — Н. Г.) согласие с духом музыки”) и цитаты из стихотворения Блока “Болотный попик”¹⁵. Все эти наблюдения дают представление только о внешних параметрах развертывающегося диалога с символистской традицией (в лице ее крупнейшего поэта), в то время как его глубинные слои остаются скрытыми. Что в данном случае имеется в виду?

Вероятно, психологический портрет Поплавского, нарисованный его современниками, поможет прояснить ситуацию. Предоставим им слово.

Г. Адамович: “Он все схватывал на лету, все с полуслова понимал, но был как-то беззащитен перед воздействием внешнего мира... Оттого трудно было определить: кто он? Что он? Чего он хочет? Куда идет? К чему придет? Его душа была как бы затоплена теми «волнами музыки», о которых любил говорить Блок. Он был, бесспорно, умен — в каждом отдельном разговоре. Но в целом ум его представлял собой какую-то песчинку на этих «волнах», несших его неизвестно в каком направлении. <...> Все несло, все стремительно летело куда-то в этом измученном и женственном создании...” (Воспоминания. С. 20).

Н. Берберова: “В нем была «божественная невнятица», чудесная образность видимого и слышимого, но какая-то необъяснимая жалость всегда вырастала во мне, когда я говорила с ним: человек без взгляда, человек без жеста, человек без голоса. Его видение мира было туманно, его видение себя было расплывчато. В стихах и — позже — в прозе он был свободнее, чем в жизни, хотя все же не свободен” (Там же. С. 31).

Н. Бердяев: “«Кто же я подлинный?» — восклицает он. <...> Он чувствует в себе борьбу жалости и строгости, любви к жизни и любви к смерти. <...> Он переживает двойную трагедию, трагедию внутреннюю, независимую от времени, и трагедию внешнего положения, связанную с временем, с несчастной жизнью в эмиграции <...> Б. Поплавский находится во власти вне его находящих сил, во власти рока. <...> Он вне обыденной жизни, вне земли с ее тяжелыми обязанностями и, в сущности,

вне духа, он остается как бы в промежуточной астральной сфере. <...> Тот, кто лишен зоркости в отношении к реальности или смешивает ее с астральными снами, тот не способен к акту” (Там же. С. 152, 153).

Г. Газданов: “Смерть Поплавского — это не только то, что он ушел из жизни. Вместе с ним умолкла та последняя волна музыки, которую из всех своих современников слышал только он один. И еще: смерть Поплавского связана с неразрешимым вопросом последнего человеческого одиночества на земле. <...> В последние годы он иначе писал, чем раньше, как-то менее уверенно: он чувствовал, как глухнет вокруг него воздух. <...> И его литературная обреченность стала еще очевиднее, еще трагичнее: у него в жизни не было ничего, кроме искусства и холодного, невысказанного понимания того, что это никому не нужно. И вне искусства он не мог жить. И когда оно стало окончательно бессмысленно и невозможно, он умер” (Там же. С. 59, 60).

Созданному образу не противоречат дневниковые записи самого Поплавского, представляющие собой “человеческий документ” предельной искренности. Со страниц новой “исповеди сына века” встает образ человека, находящегося в непрекращающемся процессе самопознания, для которого проблема самоидентификации, усиленная положением поэта-эмигранта и возведенная в квадрат чувством отчужденности в самой эмигрантской среде, была связана с борьбой за жизнь “среди астральных снов”, с необходимостью обретения “формы” как единственного выхода из непросветленного хаоса. Развевать сновидческий кошмар и приблизить чудо пробуждения (т. е. “воплощения”) должен был духовный опыт интроспекции, соединенный с мистической практикой “восхождения” (молитвы, медитации, видения, открытие новых уровней реальности).

“Жизнь буквально остановилась. Сажу на диване и ни с места, тоска такая, что снова нужно будет лечь, часами бороться за жизнь среди астральных снов. Все сейчас невозможно, ни роман, ни чтение. Глубокий, основной протест всего существа: куда Ты меня завел? Лучше умереть” (Там же. С. 16).

“Странное дело! Целый день спал, то просыпаясь, то опять засыпая, в странном огненном оцепенении, среди духоты. Долгая бесплодная молитва, наполовину наяву, наполовину во сне” (Там же. С. 17).

“Долгие, белые дни без храбрости, без счастья, без сил, совершенно без благодати над недостроенными развалинами потерянной, недооцененной, небрежением проигранной, недоигранной внешней жизни, проклятие раскаленной дороги, свинец в руках и в сердце — аскеза <...> И вдруг страшно ослепительно, до страха внезапно раскрываются двери в глубине сердца, с той стороны двойной воронки и нестерпимая, невыносимая слава, оглушительные слезы счастья, присутствия, физического присутствия Бога, принадлежности, преданности, проданности, обреченности Богу...” (Там же. С. 45).

“Мучение безформенности, разносторонности, то самонадеяния, то самопрезрения. Но ведь иным форму дала жизнь <...>, а я по-прежнему киплю под страшным давлением, без темы, без аудитории, без жены, без страны, без друзей. И снова жизнь моя собирается куда-то в дорогу, возвращается в себя, отходит от реализации” (Там же. С. 97).

Ощущение пребывания между сном и явью (ср. блоковское: “ни сон, ни явь”, “ни здесь, ни там”, “...те сны и туманы, с которыми борется душа, чтобы получить право на жизнь”), отвращение от жизни, сменяемое неутоляемой жадной жить всем существом вплоть до изнурительных занятий спортом (“Занимаюсь метафизикой и боксом”) (ср. у Блока: “И отвращение от жизни, // И к ней безумная любовь...”, а также его увлечение гимнастикой и борьбой), оценка собственного творчества — “словесного рая” (у Блока: “рай моих словесных песен”) — как “бесплотного труда” (ср. блоковскую характеристику “второго тома” лирики: “полувоплощенные сны”) и субъективной лирики как “яда”, “отравы” (ср. рассуждения Блока о разъедающих душу “лирических ядах”), “метафизическая одержимость” в поисках возможности соединения с последней Реальностью (“роман с Богом”, отрицающий формы исторического христианства — Церковь) и сменяющие ее волны сомнения и скептицизма¹⁶, размышления о “нищете духа” как единственном пути к Богу¹⁷, наконец, понимание обреченности своей борьбы за благодать (“Бог звал меня, но я не отвечал...”) — вот та гамма чувств и переживаний Поплавского, которая дает понять близость умонастроения двух поэтов (важно отметить и сходство словесных формул, в которых запечатлевается поток переживаний). Близость эта рождена не столько общими психологическими и историческими предпосылками, формирующими определенный тип личности, сколько внутренним родством душ в глубинах их “тонкого” слоя.

Неудивительно, исходя из изложенных выше метафизических оснований, что Поплавским проблематизируются те же темы, над которыми неустанно размышлял Блок и стремился осуществить в акте утопического жизнотворчества. Такой проблемный статус приобретает у Поплавского развернутая Блоком в его “лирической трилогии” тема познания мира как пути “восхождения” по ступеням платоновского (точнее, “соловьевского”) Эроса (ср. запись разговора с Поплавским, приведенную его ближайшим другом Н. Татищевым: “Тайна, которую душа должна ежедневно открывать по-новому, можно выразить приблизительно так: истина и любовь это одно и то же” — Воспоминания. С. 112). В свое время на этот принцип, который можно было бы назвать “эротизацией наррации”, обратил внимание В. М. Жирмунский. “Путь поэта, — писал он о блоковской «трилогии вочеловечения», — намечается перед нами как путь познания жизни через любовь. Его крайние вехи — религиозная лирика «Стихов о Прекрасной Даме» и цыганские мотивы последних лет. <...> В смене символических образов возлюбленной в поэзии Блока запечатлены различные ступени этого внутреннего опыта”¹⁸.

В избранной перспективе исследования особое значение приобретает тот факт, что характерный для поэтов-символистов принцип выстраивания траектории своего духовного пути на собственных произведениях¹⁹ восходит в своих мифопоэтических истоках к тому типу биографической формы, которая известна как “платоновская” и в основе которой лежит архетип “жизненный путь ищущего истинного познания”²⁰. Путь этот есть эротическое восхождение к постижению трансцендентного. Судьба платоновского Эроса в символистской традиции известна. Наследуя эротико-эстетическую утопию Соловьева, символисты разделяют вместе с ней и его “жизненную драму” — драму эротики, связанной с платонизмом. Ибо платоновский Эрос, не зная личности, поклоняется лишь ее Образу (Вечной Женственности, Софии, Душе мира). “На этом пути, — как замечает Бердяев в работе «О рабстве и свободе человека (Опыт персоналистической философии)», — эротические иллюзии непреодолимы. Не иллюзией оказывается лишь божественная красота”²¹.

В незавершенной трилогии Поплавского представлен еще один вариант решения темы, связанной, с одной стороны, с толкованиями архетипа посвятельного нисхождения—восхождения, определившего мотивы европейского романа-фаустовианы, с другой — с метаморфозами символистского Эроса.

Метафизический роман Поплавского, повествующий о пути самопознающей души, соотносим с жанром “мистического путешествия”. Две части романа объединены образом героя (Васенька—Олег), который в сопровождении своего alter ego, люциферического двойника — Аполлона Безобразова (имя-оксюморон подчеркивает его двойственную демоническую природу) проходит путь становления и самопознания. Поскольку в своем замысле роман имел трехчастное построение, то можно предположить, опираясь на предшествующее изложение, что путь лирического героя мыслился автором в категориях “тезы—антитезы—синтеза”, тем более что заключительная часть “триптиха” своим названием “Апокалипсис Терезы” манифестировала как возможную тему мистического синтеза. Однако тот факт, что роман был не завершен “из-за смерти автора”, придает произведению Поплавского глубоко трагический личностный смысл, переключая его из пространства “творчества” в пространство “жизни”. Помня о духовных поисках автора — о его “романе с Богом” — и автобиографических коннотациях “диалогии” (ср. отзывы критики: “человеческий документ”, “документ современной души, русской молодой души в эмиграции”, “грань между искусством и личным документом, между литературой и дневником начинала стираться” — Воспоминания. С. 150, 15), можно сказать, что мы имеем дело с тра-

гическим финалом символистской практики жизнестроения, когда чаяние “воплощения” на путях абсолютизации индивидуального мистического опыта оборачивается трагедией “развоплощения” — смертью автора и “концом романа” отнюдь не метафорическими...

Первая глава “дилогии” — “предшествующая искушению” — знакомит с ее героем — молодым человеком, попавшим в “парижское лето” и влачащим тоскливую жизнь нищего эмигранта. Он носит “детское” имя Васенька и не имеет в “чужом” мире (который предстает как “взрослый”, “грязный”, “сумеречный”) ориентиров для самоидентификации. Более того — он лишен “формы”, и эта аморфность заявляет о себе в специфических ощущениях собственного тела, в сознании неподлинности, “вторичности” своего бытового и интеллектуального существования, наконец, в избираемом типе поведения — имитации чужих форм, примеривании “масок”.

Обливаясь потом, вниз головой, почти без сознания, спускался я по огромной реке парижского лета.

Я разгружал вагоны, следил за мчащимися шестернями станков, истерическим движением опускал в кипящую воду сотни и сотни грязных ресторанных тарелок. <...> После этого я просто спал на скамейках и днем, когда знакомые уходили на работу, на их смятых отельных кроватях <...>

Я тщательно брился и причёсывался, как все нищие. В библиотеках я читал научные книги в дешевых изданиях, с идиотическими подчеркиваниями и замечаниями на полях. <...>

Я недавно приехал и только что расстался с семьей. Я сутулился, и вся моя внешность носила выражение какой-то трансцендентальной униженности, которую я не мог сбросить с себя, как кожную болезнь.

Я странствовал по городу и по знакомым. <...>

Волоча ноги, я ушел от родных; волоча мысли, я ушел от Бога, от достоинства и от свободы; волоча дни, я дождал до двадцати четырех лет.

В те годы платье не мне само мялось и оседало, пепел и крошки табаку покрывали его. Я редко мылся и любил спать не раздеваясь. Я жил в сумерках. В сумерках я просыпался на чужой перемятой кровати. Пил воду из отакана, пахнущего мылом, и долго смотрел на улицу, затягиваясь окурком брошенной хозяином папиросы.

<...> Я ел хлеб прямо на улице, не стряхивая даже с себя крошек.

Я читал подобранные с пола газеты.

Я гордо выступал с широко расстегнутою узкою и безволосою грудью и смотрел на проходящих отсутствующим и сонливым взглядом, похожим на превосходство. <...>

Я начинал принимать античные позы, то есть позы слабых и узкоплечих философов-стоиков, поразительные, вероятно, по своей откровенности благодаря особенностям римской одежды, не скрывающей телосложения... <...>

Душа моя искала чьего-то присутствия, которое окончательно освободит меня от стыда, от надежды и от страха... (С. 22, 24, 25).

Наконец, Васенькина “слабая душа” находит желаемую “защиту” — это Аполлон Безобразов, человек из “бездны”, для которого не было прошлого и будущего, а лишь метаисторическая бесконечность (*А он был где-то далеко-далеко, по ту сторону рассветов и закатов, где и время и вечность, и день и ночь. Озирис и Сет, и*

все живые, и все умершие, и все грядущие, и все надежды, и все голоса присутствуют вместе и никогда не расстаются и никогда не смолкают и откуда со слезами на глазах нисходят в жизнь — С. 25—26), человек со взглядом Джоконды²² и медузы Горгоны, “шутя воплощавшийся в своих грезах” и порождавший своих собственных воплощенных двойников. Он и становится проводником Васеньки (и его ищущей “формы” души) по аду современного города — расплавленному солнцем Парижу. Текст романа эксплицирует это сравнение, тематизируя тем самым архетип посвяtitельного пути героя (аналогичную функцию выполняют эпитафьи, предпосланные главам романа и образующие его особый паратекстуальный уровень).

Огромным, раскаленным, каменным пейзажем казался мир, одним из тех пейзажей Атласских гор, напоминающих ад, над которыми по воздуху проносился Симон-волхв. <...> подобно Дон Кихоту и Санчо Пансе, подобно Данте и Вергилию, подобно двум врагам, подобно двум приятелям, подобно двум банальным прохожим, или мы по безлюдным площадям и бульварам... (С. 25, 31).

Кульминацией блужданий по вечернему городу — посещение кафе, иллюзиона, спортивного зала, кинематографа, которые, являя дробящийся, мерцающий, эротизированный мир, предстают как демонические обсланы современности (ср. эпитафья к главе из книги “Зогар”: “Эта любовь к разнообразию и была причиной смерти Адама и всех его потомков” — С. 43), — становится оргийная сцена бала, описанная как дионисийское действо²³. Мотивы ритуального опьянения, экстатического танца, эротического возбуждения, наконец, мистического “преображения” как слияния двух разобренных в дольнем мире мужской и женской “половин” и возвращения в довременный музыкальный космос пронизывают соответствующие фрагменты текста. Ср.: *бал, как лирическая гроза: охваченные дионисийским нетерпением, все толкаются и пьют, проливая вакховы дары; как раненные в оргическом сражении; странную глухотой разливается оккультная влага по отравленному организму; как бы из отдаления слышны пульсации музыкальной машины, ритмирующей танец; танцующие <...> имитируют цитерино действо; всеобщее танцевально-телесное братство охватывает добродушных; телесно-музыкальное согласие <...> динамического андрогината. О танец, <...> как любезно созерцать двух тобою преобразенных, двух самозабвенных, двух оторванных от антимузыкального хаоса окружающего, двух возвратившихся в ритм из цивилизации, в музыку действия из безмузыкального мышления, ибо в начале мира была музыка (С. 58).*

В атмосфере всеобщего экстаза и происходит “явление” Терезы. Ее образ символизирует духовный аспект исканий героя (период “тезы”) и сознательно ориентирован на исторический прототип — св. Терезу Лизьскую (св. Тереза имени Младенца Иисуса) (1873—

1897), монахиню Кармелитского ордена, канонизированную католической церковью 17 мая 1925 г. Автобиография св. Терезы “Повесть об одной душе”²⁴, в которой она рассказывает о своем пути к Богу через опыт интуитивной веры — через Любовь к Иисусу, вдохновила Д. С. Мережковского на создание романа “Маленькая Тереза” (начало 1930-х—1941)²⁵, а для Гиппиус образ св. Терезы, к которому она не раз обращалась²⁶, был связан с темой Вечноженственного (ср. ее стихотворения “Тереза”, “Вечноженственное”, а также “Тереза, Тереза, Тереза, Тереза...”) и с концепцией мистической любви-влюбленности. Маленькую Терезу Мережковские почитали как провозвестницу будущего Царства Третьего Завета — Царство Святого Духа, когда в лоне Новой Вселенской Церкви благодать единения с Богом достигнет “Богосупружества”. Маленькая Тереза была для них земным воплощением Любви.

Поплавский, посетитель парижского салона “Зеленая лампа”, безусловно, знакомый с идеями Мережковских, предлагает свою интерпретацию мистического “делания” св. Терезы и свою “версию” ее жития (главы 6—9), весьма далекую от источника. Однако анализ этого семантического слоя не входит в задачу настоящей работы: он должен стать предметом самостоятельного исследования. Цель данного раздела статьи — выявление блоковского интертекста как смыслообразующего компонента “диалогии”.

Сцена появления Терезы на балу, структурно выделенная в отдельный фрагмент, буквально соткана из блоковских реминисценций. Интертекстом выступают стихотворение “Незнакомка” и лирическая драма под тем же названием. Им сопутствуют аллюзии и на другие произведения Блока, что в совокупности создает впечатление “рассеянности” символистского прототекста по всему текстуальному пространству романа. Уже на первых страницах, при описании парижского лета — хронотопа начальных глав романа — задан реминисцентный ряд, отсылающий к первым строфам “Незнакомки”: лето *величественно раскрывается над флагами общественных зданий, над мясистой зеленью бульваров и над пылью и тропательным безвкусием загородных дач* (С. 21, 22; здесь и далее выделено мною. — Н. Г.) (ср.: *Вдали, над пылью переулочной, // Над скукой загородных дач* и повторение предлога *над* в 1-й, 2-й и 4-й строфах). Анализируемый фрагмент начинается со слов *в этот час* (у Блока: *И каждый вечер в час назначенный*), которые трижды повторены на протяжении одного периода, рефрен маркирован глаголом *повторяю* в функции метаописания (принцип повтора, питаемый мифопоэтической энергией “припоминания”, лежит в основе композиционной структуры стихотворения Блока и даже перерастает границы текста: известен “вариант” “Незнакомки” — стихотворение “Там дамы щеголяют модами...”). Лексико-

семантическое пространство периода составляют слова, отсылающие к лирической ситуации блоковской “Незнакомки”:

В этот час, когда алкогольные пары смутили самые ясные головы, развеселили самых молчаливых и мгновенно пьяною грустью окутали сердца <...> в этот час, когда никто уже не разбирается ни в стаканах, ни в пластинках, но важно <...>, чтобы сон бала не прерывался, хотя он становился все тяжелее и темнее, в час этот, повторяю, когда никто, кроме случайных пьяниц, не встречал проходящих <...> появилось новое лицо и смущенно, но вместе с тем естественно <...> уселось на диван (С. 69, 70).

После описания внешности Терезы — *русской девушки с французским именем*, в которой подчеркнуты черты необычайности, странности, смутности (*смутные глаза незнакомки*), тексту постепенно задается травестийная парадигма: Тереза неумело закуривает брошенную кем-то сигарету, кашляя от дыма, Васенька “в пьяном энтузиазме” “бросается” на освободившееся рядом с Терезой место, “больно отбив себе ягодицы” и “алкоголически неучтиво” уставившись на нее. Начало диалога вновь маркируется метаописанием: *Что вы смеетесь, — сказал я, пародируя что-то* (С. 71). А пародируется не только ставшая хрестоматийной реплика из гоголевского “Ревизора”, но и сцены-“видения” (в кабачке, в гостиной) из драмы “Незнакомка”, главные персонажи которой — захмелевший поэт, поклоняющийся Прекрасной Даме (явная автопародия), и Незнакомка, которая зовет себя Марией, а Хозяйка гостиной — Мэри — и в которой, по мнению последней, “есть некоторая эксцентричность”. Да и, собственно, сама символистская идея “нисхождения” Вечной Женственности в мир карнавализуется, причем переживание “утраты” передается со всеми эффектами оплакивания и самоуничужения. Теперь мир, в который “сходит” Она, — это мир нищей эмигрантской богемы. У парижского поэта Васеньки небритое лицо, он допивает вино из чужого стакана, его пьяное нутро содрогается в конвульсиях, и, придя в себя в ватерклозете, он рыдает, прижавшись к черной шубе из жеребенка, в которую не по сезону одета Тереза. И Тереза, вовлеченная в стихию безудержного разгула, *падает, но не в обморок, <...> а так, на колени, без сил и смертельно пьяная, дошедшая до предела опустошения...* (С. 75).

Однако при всей травестийной смещенности сцены главный символистский принцип взаимообращенности двух миров не утрачивается: он находит для себя опору — “сквозит” — в цитатно-реминисцентном слое текста, что и задает ту самую “вертикаль”, которая определяет путь “восхождения”. В активном контексте блоковских реминисценций очевидно, что образ Терезы соотнесен с миром Вечно-Женственного, сохраняющим для окружающих свою бессознательно-притягательную силу. Ее полное имя — *Вера-Тереза*, она поет *что-то на неведомом языке, <...> дивно журуя свои*

туманные глаза. Все рвутся к ней, как к Сольвейг, спустившейся с гор, подземные гномы, не знающие солнечного пути. Далее, после сравнения с героиней драматической поэмы Ибсена “Пер Гюнт”, образом которой были навеяны два стихотворения Блока (“Сольвейг” и “Сольвейг! О, Сольвейг! О, Солнечный Путь!..”) и который стоял в ряду образных номинаций Прекрасной Дамы, Тереза уже непосредственно именуется Сольвейг, затем Ингрид, Вера, Весна, что настойчиво отсылает как к соответствующим текстам Блока, так и к самому приему символического обозначения лирической героини и актуализации переносных значений в именах собственных.

О Сольвейг! Ты к узкой и слабой груди прижимала случайного друга, что въюга отнимет, что минет, как въюга. О Ингрид! О Сольвейг! О Вера, Тереза, Весна (С. 73).

Ср. у Блока помимо уже отмеченного “текста Сольвейг” стихотворение “На смерть Коммиссаржевской”, его заключенную строфу: *Пускай хоть в небе — Вера с нами. // <...> там она — // Развернутое ветром знамя, // Обетованная весна, а также стихотворение Гиппиус “Вечноженственное”: О, ведомы мне земные // Все твои имена: // Сольвейг, Тереза, Мария... // Все они — ты Одна²⁷.*

Блоковская атмосфера во вставном драматизированном фрагменте-интермедии создается перемежающимися голосами-партиями (голос Веры, голос Аполлона Безобразова и Голос из музыки, ср. “Голос из хора” и “наплывы” голосов в лирических драмах Блока), употреблением концептов *въюга, сумрак, сияние, неизбежно, снег, тень, кружится, лучи, мир Твой, свет Твой, день последний, холодный и серый* и других, влекущих за собой целый ряд мифопоэтических ассоциаций и уподоблений. Кульминацией данного фрагмента становится видение Ингрид (Веры-Терезы), проходящей *то далеко, то близко <...> по сферам и временам (С. 74)*, манифестирующее идею Вечной Женственности как всеобъемлющего космического начала (ср. в драме “Незнакомка” описание камеи и слова Поэта: *Вечная сказка. Это — Она — Мироправительница. Она держит жезл и повелевает миром. Все мы очарованы ею. <...> Вечное возвращение. Снова Она объемлет шар земной. И снова мы подвластны Ее очарованию. Вот она кружит свой процветающий жезл. Вот Она кружит меня... И я кружусь с Нею... — IV, 78, 79)²⁸.*

Повествование вновь возвращается к “реальной” картине бала, к его трагическому финалу, когда Тереза, опьянев, *валится на колени* и Аполлон Безобразов *подымает ее с земли и, окруженный ошалелыми, советующими, икающими и кричащими наперебой, уносит из зала.* Характерно, что “граница” сцены бала четко означена прямой аллюзией на “Незнакомку”: после исчезновения Терезы в зале слышен шум начинающейся драки и *дикий, пьяный, женский визг...*

Помимо репрезентации самого цитатного пласта в романе Поплавского содержится и автометаописание принципов работы с “чужим словом”. Особо значим тот факт, что слово это — блоковское.

...не весь ли Пруст заключен в одной своей бесконечной фразе со множеством придаточных предложений, и не вся ли душа писателя — в известной перестановке прилагательного, в одном описании единого сумрачного утра? (С. 132).

Энигматический фрагмент без особого труда поддается дешифровке, стоит только воспользоваться соответствующим ключом. *Душа писателя* — это название статьи Блока 1909 г., в которой сформулированы такие основополагающие для его поэтической идеологии концепты, как *чувство пути, знание своего ритма, музыка мирового оркестра*. Описание сумрачного утра отсылает к стихотворению “Седое утро”, эпиграфом к которому Блок взял первую строку из известного романса на слова И. С. Тургенева “Утро туманное, утро седое...”, а инверсия — *перестановка прилагательного* — не требует комментариев по причине своей очевидности. Кстати, этим же приемом воспользовался сам Поплавский, заставив Веру-Терезу говорить блоковским аллюзиями с характерной инверсией: *Мы говорим в преисподнем огне. День последний, холодный и серый, скоро встанет в разбитом окне* (С. 73; ср. названия стихотворений у Блока: “Последний день” и “Холодный день”).

Анализ блоковского интертекста (“чужого слова”) открывает возможность движения в область авторского понимания художественного творчества как платоновского анамнезиса — памяти-припоминания, что тематизируется в контексте размышлений (характерно, что уже от первого лица) о богатстве интуитивного дара Терезы, которой, казалось, было *тысячу лет: Читала ли она книги? Не знаю, ибо я не запомнил ее с книгой. Хотя она все знала, все понимала, думаю, все предчувствовала с чужих слов, со слов о чужих словах* (С. 132). Таким образом, индивидуальное творческое сознание оказывается соприродно чувству интуиции и, так же как оно, живет энергией априорного знания и “повторения”.

Вовлеченный в круг сверхчувственного влияния Терезы и переживая спиритуализированную влюбленность в нее, герой романа вместе с Аполлоном Безобразовым оказывается среди членов “мистического братства”, где знакомится с Тихоном Богомиловым, шофером такси (“водителем”), сыном сектантского начетчика, любителем старинной мистической литературы, и со знатоком средневековой философии, не случайно прозванным Аверроэсом, занимающимся опытами по трансмутации растений в своей алхимической лаборатории. В романе каждому из этих персонажей отведена своя особая символично-ознаменованная роль: каждый раскрывает перед “испытуемым” свой образ духовного пути. Выбор героя кажется неожиданным, однако он намечает векторы

дальнейшего процесса самоидентификации — путь “домой с небес”. После ухода Терезы в кармелитский монастырь — поступка, воспринятого Васенькой как “метафизическая измена”, единственным спасением от губительного шага отчаяния становится для него “земляная вера” Тихона Богомилова, прочувствованная в “крестьянской умудренности” исполняемой им на губной гармонике мелодии “бесконечно-незлобивой православной песни” “Во субботу, день ненастный...”. Под звуки этой мелодии герой и пробуждается к жизни, готовый к “нисхождению” в мир, о котором Аполлон Безобразов говорил как о *греховном сне Бога*.

Следующая часть “дилогии” — “Домой с небес” — разворачивается как “антитеза” духовного пути героя, который после прохождения “испытания” в мистическом “раю друзей” получает в свои тридцать лет новое, “взрослое” имя Олег (не случайно это имя, лишенное “уменьшительных” дериватов). Спиритуализированная чувственность и непроявленный душевный Эрос “тезы” (любовь к “неземной” Терезе) сменяются познанием духовного в своем инобытии — в телесном. При этом, как подчеркнуто автором повествователем, этот путь “нисхождения” не есть реализация гностической мифологии “падения в материю”, а “откровение о воплощении, об объективном раскрытии духа” (С. 207—208). Гегелевская формула не однажды повторяется в романе, приобретая для героя, “изголодавшегося по золотой реальности в богословской печали Лафорга и Пруста”, провиденциальный смысл в его движении от мистической созерцательности к реабилитации телесного в разных его проявлениях.

Когда-то Олег чуть не задохнулся от удивления-благодарности, прочтя у Гегеля, что тело есть воплощенная, явная, реализованная душа: значит, не обуза, не завеса, а совершенство и роскошь творения <...> тело плывущее, тело танцующее, тело любящее, со сжатými зубами, уже не хранящее, не берегущее себя, счастливо, злобно хранящее, борющееся, побеждающее... (С. 242).

Первое прикосновение к жизни происходит на морском берегу в Лаванду, куда удалился Олег вместе с Аполлоном Безобразовым. Этот отъезд становится для героя символическим жестом разрыва с прошлым и с тем незрелым невротическим “я”, которое не давало ему “ни принять жизнь, ни вступить в нее”. Олег *вдруг открыл в себе другое существо — земное, телесное*, которое настойчиво звало его “прочь от этой теплой, дождливой, городской боли <...> к дикому, грубому, горячему морю, к диким, грубым, горячим, безысходно красивым женщинам на песке...”. В плане осмысления текстуальной стратегии романа следует отметить, что эта часть “дилогии” с самого начала манифестирует тему “телесности”. В фокус зрения повествователя настойчиво попадают тела — спящие, любящие, кричащие; появляется зеркало, в котором герой рассматривает собственное отражение, фиксируя внимание на своем “мускульном” облике (здесь

вполне уместно вспомнить выделенную Ж. Лаканом “стадию зеркала”, которая появляется в инфантильном опыте как знак того, что ребенок начинает опознавать себя в качестве отдельно существующего в мире тела). Более того, сам текст репродуцирует “телесную” парадигму понимания, будучи насыщен соответствующими тропами: *солнце освещало спящие тела, оттопыренные губы <...> отдавленные руки, раскоряченные тела; солнце размножалось на улице: дыхание универсального моря телесно сексуальной музыки: чудовище подавленной сексуальности* (Аполлон Безобразов о себе); *запах разлитой жизненной силы* и т. д.

В жажде раскрытия тайны “воплощения” Олег начинает пристально вглядываться в формы мира, осязая поверхность предметов, ощущать их вес и тепло, т. е. делать их существующими. Процесс становления “я” раскрывается в первую очередь как осознание пространственности собственного тела, его тактильной поверхности — *кожи*, которая есть граница жизни, отделяющая внутреннее от внешнего и хранящая их единство, где внутреннее измерение человеческого существования соединяется с внешним.

И снова постигаешь ты, что сущность всех вещей находится на самой их поверхности, не за вещами <...> Раскрой ладонь и поцелуй ее. Не внутри между костями и кровью раскрывается тело, а в золотой откровенности своей, в коже. Кожа есть откровение тела, усталости, счастья, здоровья, страха, порока, возжелания, и нет ничего глубже кожи. Целуй горячую кожу земли, гладь ее, нюхай и пробуй на вкус, не под кожей, а в ее обязанности раскрывается, дышит душа земли, и нет ничего глубже поверхности (С. 209).

Возвращение “домой с небес” (это выражение становится ключевым в опыте рефлексивного самоанализа героя и проходит рефреном через всю вторую часть “диалогии”) неотделимо от осознания радости физического бытия, от счастья обладания собственным телом, ибо через него переживается ощущение близости с собой и с миром.

О счастье чистого физического бытия, вырвавшегося на свободу, счастье усилия, счастье зеленого шума, счастье податливости водной стихии <...> О счастье руки <...> дерущейся с водой <...> О счастье ступни, уставшей делать чехетку и как попало гребущей воду... О счастье лица и смешное несчастье глаз, которые ест соль... (С. 205).

Такой почти первобытный гимн природным стихиям и человеческому телу звучит во второй главе романа. Теперь Олегу, вовлеченному в процесс познания мира и себя-в-мире, перестает быть нужен Аполлон Безобразов, он становится скучен и неинтересен, этот метафизик, “самый поверхностный человек в мироздании, потому что жажда и боль — его глубина” (С. 209), а он лишен ощущения боли.

Выбор героем (не следует забывать, что это герой автобиографический) именно такой программы жизненного существования можно объяснить, во-первых, утратой знаков социальной и лич-

ностной идентификации в ситуации вынужденной эмиграции, во-вторых, — особенностями его душевно-духовного склада, не дающими личности возможности до конца “воплотиться” и выйти из пребывания в “междумирии”, прервав “сон бытия” (о чем говорилось выше в связи с психологической характеристикой автора романа). В таком случае проблема телесного опыта обретает двойную актуализацию: как путь к “вочеловечению”, “воплощению” и как сохранение единственного знака “самости”, последнего прибежища “я” для человека, утратившего родину, социальный статус, язык, личностные связи.

Один, один, о́дин. Свободен, как лев в пустыне, лев-вегетарианец, но кто он... Студент... Нет, Олег провалился на первом же экзамене <...> Писатель... Да, в мечтах, в дневниках, в отрывках <...> Монах с грязными ногами и наодоколоненной головой. Пролетарий, нет, безработный, буржуй, нет, нищий идеолог буржуазии... Бездельник... Нет, Олег целый день занят чем-то... Философ... Но ведь он ни единой книги не дочитал до конца... Дурак... Нет, потому что ему всегда казалось, что это он сам мог написать... Никто... Ничто... Никакого народа... Никакого социального происхождения, политической партии, вероисповедания... И вместе с тем какая неповторимо русская морда с бесформенным носом, одутловатыми щеками, толстыми губами... Но вдруг нос становится тоньше, губы уже, и саркастический, спокойный, презрительный аполлон-безобразовский свет падает на лицо. Что-то дьявольское, дальше, монастырское, небожительское просвечивает сквозь него (С. 269).

Оторвавшись от семьи, народа, истории, Олег стремительно полетел в то чистое отсутствие, из которого Бог пытался вначале сотворить небо и землю, но не смог окончательно преодолеть его в его средоточии, и вот сперва от боли, а потом сатанинским ослепительным мужеством аскезы оно сбросило с себя, проснулось вдруг от всех форм неба и земли... Олег теперь чувствует, видит телом, мимирует всю музыку творения, все горы, спящие на солнце, как складки на его лице... (С. 249).

Следующей ступенью в познании мира героем романа и в открытии им новых возможностей для самоидентификации становится телесный Эрос. В хронотопе романа его женские персонажи (Таня и Катя) призваны символизировать разные формы эротического познания и, будучи антитетически противопоставлены “миру Терезы”, включены в поток переживаний героем своего телесного опыта. Этот опыт постоянно соотносится им с опытом духовным (не случайно образ Терезы “сквозит” почти во всех эротических эпизодах романа). Ведь в конечном счете рефлексия героя направлена на осмысление тех духовных превращений, которые претерпевают чувственные импульсы человеческого опыта в своем движении от внешнего к внутреннему.

Символическое и телесное находятся в состоянии постоянного взаимопроникновения, создавая напряжение как на уровне экзистенциального содержания романа, так и на уровне языка романного повествования. Что в данном случае имеется в виду? В первых, буквальная проекция символического в телесное — позиция, приятие которой вызвано абсолютным недоверием к любым идеологическим конструкциям, чему способствовал такой со-

циальный ожог, как революция, и ее “метафизические” последствия (в том числе и метания между разными мистическими школами и религиозными учениями). В такой ситуации “мое тело” оказывается единственным достоверным свидетелем о мире и о его духовной наполненности.

...никакого локального возбуждения Олегово тело вообще не слушалось. “Странный человек, — когда-то писала Тая в своем дневнике, — возбуждается от смеха, от счастья, от разговоров и даже от собственных слез”. И действительно, желание поцеловать, погладить, оцупать, совокупиться рождалось у Олега вокруг какой-то таинственной игры счастливого музыкального сговора <...> Так, удачно сказанная фраза, какое-нибудь правильно, реально, выпукло выраженное, отвлеченное ощущение вызывали мгновенную благодарность, и вспышка восхищения, следующая за ней, вдруг мгновенно перерождалась в дикое желание поцелуев и физического обладания, утренняя же грубость вдруг отчуждала физически (С. 316).

Во-вторых, тело, телесное приобретают символический характер как средоточие национального и в процессе поиска героем собственной идентичности вырастают в навязчивый кошмар. Женское тело вызывает у Олега целый поток ассоциаций с русским пейзажем (Танино тело пахнет чуть уловимым женским запахом, похожим на запах сена, которым пахла она вся, кусок высокохолмной и горькой от своего здоровья русской почвы среди ледяного ада мертвых, вымученных и трупоподобных белых тел) и ностальгические воспоминания (*...Катя лежала у него на коленях, сама устроившись, сама уткнувшись лицом в его черный свитер собачьим, русским, родным жестом, который так любил Олег, и снова ему захотелось в Россию <...> и он чувствовал себя русским всклокоченным студентом с противоречивыми убеждениями. И было что-то в их молчаливом сидении в чужом гостиничном номере чуждой страны от сивевы русского леса, от несказанной грусти позднего вечера в Сокольниках и т. д.*), женские слезы — чувство метафизической вины перед родиной (*Какая-то страшная, абсолютно наивная его неправота перед жизнью, Катей и Россией раскрылась вдруг в стихийном, чавкающем дачном шуме ее слез...*). Этот российский фантазм проецируется на все окружающее, вырастая в **фантазм ландшафтной телесности** (не случайно этот психологический феномен связан именно с Катей, олицетворяющей “земное”, “нутряное” начало).

Ах, Катя, Катя, домой с небес, из раскаленного ада святости, жестокости, спорта и книг — на землю, в смирение труда, усталости и физической любви... Ах, Катя, как скучает дьявол-подвижник на своих Вавилонских горах о земле, о траве и о белой круглой тяжелой груди своей родины (С. 245).

Чувственный Эрос разлит в мире, он заявляет о себе “голосами” (Камни, Катя во сне, Олег во сне, восковая фигура Айседоры Дункан в паноптикуме, Боги древних мистерий), и ситуация человеческого непонимания рождается из разного восприятия телесности, точнее, из той меры чувственного и духовного, какая нужна

личности для раскрытия своего “я” в опыте тела. Для Олега, очень тонко ощущающего грань между этими сферами, процесс эротического познания разворачивается в постоянном восхождении—нисхождении.

...помнил он, как его поразили изумительные стихи Льва Савинкова “Под ногами шумела солома, ты, смесь, повернулась ко мне. Мы построим себе два дома, здесь один, другой в вышине”. Олег в точности никогда не знал, какой из них строится раньше, но оба были ему необходимы, когда, как атлетический ангел, пробуящий новые крылья, жизнь его с головокружительной быстротой путешествовали с неба на землю и с земли на небо <...> Хотя он как бы сделан был природой нарочно для этого, ему почти никогда не удавалось жить физически с человеком, не омрачаясь сердцем <...> Едва равновесие нарушалось, едва физического становилось хоть на копейку больше, чем морального, боль с умопомрачительной аптекарской точностью, как нож, поворачивалась в сердце (С. 316).

Наконец, нужно заметить, что и сам текст организован по принципу восхождения—нисхождения: стихи и проза перетекают друг в друга, проза вдруг обретает стихотворный размер и ритм, цыганская романсная стихия, вновь напоминающая о лирике Блока²⁹, органично сменяет метафизические размышления и напряженную интроспекцию внутренних монологов, французская речь, переданная с ошибками, врывается как цитата, напоминая о своей “чужести” (ср. с. 244, 316, 324, 312, 328 и др.).

Однако при всей важности для героя романа обретения опыта тела в процессе осознания собственной идентичности и при всем его стремлении одухотворить чувственное он не может выйти за пределы онтологического антиномизма духовного и телесного и обрести чаемое “воплощение” через переживание—обретение “нераздельности” и “неслиянности” духовно-телесного. С Катей, постигая полноту чувственного Эроса, Олег, оказывается, лишь “тщательно притворялся человеком” (С. 289), с Таней, “физически” ее “обожая” и, казалось бы, уже предчувствуя претворение тела в плоть (С. 295), вдруг становился одержим ненавистью к “сексуальному бытию”, воспринимаемому как “метафизическое унижение”. И в том, и в другом случае финал эротических встреч одинаков:

Овладев Катей, он как бы освободился от нее, ее тяжелое прекрасное молодое тело лежало где-то далеко, как мраморное на снегу. Его и Танино тело были для него как два трупа в анатомическом театре...

Его презревшая тело душа жаждет мистической любви к Терезе. И снова Тереза, широкоплечая, худая, с огромными совыими серыми глазами, прошла перед ним, ах, если бы хоть поцеловать эти глаза, отдал бы и Катю, и Таню, и едва ли не жизнь в придачу (С. 279).

Чем же завершается для героя романа его путь “домой с небес”? В заключительной главе повествования саморефлексия героя сосредоточена на перипетиях его “романа с Богом”, под знаком которого он осмысливает свой эротический опыт. Не умея, по его собственному признанию, “вносить Бога в любовь”, умея “любить

только в отпадении от Бога” и свое “бегство от Бога в любовь” оценивая как измену, Олег в конце концов выбирает путь аскетической, “ангельской любви”, любви—обреченности Богу. Окружающий мир вновь предстает как “сон бытия”, бесконечное колесо бывания, и пережитый опыт личностной идентификации в этой принципиально аперсоналистской картине мира аннигилируется — он растворяется в потоке вечного становления. Изменяются и сами знаки идентичности, точнее, они исчезают, ибо речь опять идет о бытии “получеловека”, и этот удел принимается героем как судьба.

...ты не католик и не художник, не поэт и не писатель, ибо все это для тебя суррогаты твоей аскезы; ты религиозный уникум, но религиозность твоя демонична и неблагоприятна, tu es un damné, un monstre, un hors-la-loi, grandiose et archaïque, mais prends ton parti de toi-même et gravis ton chemin avec une folle obstination de semihumain [ты проклят, ты чудовище, ты человек вне закона, величественный и старомодный, но смиришься с самим собой и иди своим путем с отчаянным упорством получеловека (франц.)] (С. 336).

Характерно, что выбор новой стратегии существования осознается героем как результат личностной (социальной, творческой, духовной и прочей) не востребованности в условиях эмиграции, а последняя — как “испытание”, уготованное духу.

Подумай только... Выдержал ли бы твой дух иную судьбу, иную жизнь, построенную не на сплошном отказе от воплощения, проявления—реализации, не на шомаже, непечатности, нищете, эмиграции, а на знаменитости, счастье, деньгах и власти.. <...> Если бы революции не случилось, ты был бы сейчас, в тридцать один год, старый, растраченный, исписавшийся человек, и ничего не было бы в тебе напряженного, аскетического, электрического, удобного Богу... Дух, как электрическая туча, вечно не реял бы над твоей пустыней... (С. 338).

“Звезда самоубийства и звезда подвижничества” — такие путеводные знаки, знаки великих мистиков-аскетов — “ослепительных девственников неподкупности” — открываются теперь герою, отрекающемуся от земли, от тела, от Эроса, от жизни. И на вопрос искусствителя Аполлона Безобразова, который вновь появляется в финале романа, удалось ли путешествие “домой с небес”, Олег отвечает: “Земля не приняла меня”. И в то же время обратного пути на “небо” для познавшего “землю” нет, ибо для героя нет теперь “ни неба, ни земли, а великая нищета, полная тишина абсолютной ночи...” (С. 339). Отказ от телесного и от жизни в полноте ее духовно-телесных проявлений есть отказ от “воплощения”, а значит — “развоплощение”, небытие. Однако в общем смысловом контексте романа может найти свое место и другой интерпретационный ход: “развоплощение” и спиритуализация как снятие законов тела и выход в иные измерения реальности.

Темною ночью, о счастье, о радость, никем не замеченная душа вышла из дому, о счастье, о радость, навстречу своему жениху... (С. 339).

¹ *Поплавский Б.* Домой с небес: Романы / Вступит. статья, подгот. текста и примеч. Л. Аллена. СПб.: Логос; Дюссельдорф: Голубой всадник, 1993. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы.

² Борис Поплавский в оценках и воспоминаниях современников / Предисл. Л. Аллена; Сост. Л. Аллена, О. Гриз. СПб.: Логос; Дюссельдорф: Голубой всадник, 1993. Далее в тексте: Воспоминания, с указанием страницы.

³ *Поплавский Б.* 1) Неизданное: Дневники, статьи, стихи, письма. М.: Христианское изд-во, 1996; 2) Покушение с негодными средствами: Неизвестные стихотворения, письма к И. М. Зданевичу / Сост. и предисл. Р. Гейро. М.: Гилея; Дюссельдорф: Голубой всадник, 1997.

⁴ *Соловьев Вл.* Смысл любви // *Соловьев Вл.* Соч.: В 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 534.

⁵ Там же. С. 535.

⁶ *Szilárd L.* Блок, Ахматова и другие (к диалогу поколений) // *Russica Romana*. 1996. Vol. 3. P. 253.

⁷ См., например: *Флоренский П.* О Блоке // Лит. учеба. 1990. № 6. С. 93—103; *Прот. Георгий Флоровский.* Пути русского богословия. Paris, 1983. С. 469.

⁸ О полемике в символистских кругах в связи с выходом книги Блока "Нечаянная Радость" см.: *Лавров А. В., Мицк З. Г.* О втором томе лирики Блока // *Блок А.* Полное собр. соч. и писем: В 20 т. М.: Наука, 1997. Т. 2. С. 538—541. Ср. замечание Вяч. Иванова, высказанное им в письме к Блоку: "Опять чувствую <...> опасность, прозревая и страстно влюбляясь в женскую стихию темной русской души, отдать ей свое мужское, не осверхличив его светом Христовым <...> Но Вы, как всегда, едва ли поймете меня до конца" (Из переписки А. Блока с Вяч. Ивановым / Публ. Н. В. Котрелева // Известия АН СССР. Сер. лит-ры и языка. 1982. Т. 41, № 2. С. 168).

⁹ *Андреев Д.* Роза мира: Метафилософия истории. М., 1991. Глава 5. Падение вестника.

¹⁰ Ср., например, признание Блока в письме к Андрею Белому от 15—17 августа 1907 г.: "Драма моего мирозозерцания (до трагедии я не дорос) состоит в том, что я — лирик. Быть лириком — жутко и весело. За жутью и весельем таятся бездна. Куда можно полететь — и ничего не останется. Веселье и жуть — сонное покрывало. Если бы я не носил на глазах этого сонного покрывала, не был бы руководим Неведомо Страшным, от которого меня бережет только моя душа, — я не написал бы ни одного стихотворения из тех, которым Вы придавали значение" (VIII. 199).

¹¹ *Гиппиус З.* Мой лунный друг // Воспоминания о серебряном веке. М., 1993. С. 143.

¹² *Волошин М.* Лики творчества. Л., 1988. С. 488—489.

¹³ Об идее преображения мира у Блока см. серию статей В. Н. Быстрова в сб.: Литература и история. СПб., 1992. Вып. 1: СПб., 1997. Вып. 2. С. 217—250 (продолжение).

¹⁴ См.: Речь Андрея Белого на вечере памяти Блока 26 сентября 1921 г.: Лит. наследство. М., 1987. Т. 92, кн. 4. С. 766.

¹⁵ Числа. 1930. № 2/3. С. 310, 311.

¹⁶ О скептицизме Блока см.: *Грякалова Н. Ю.* "Мой скепсис — суть моей жизни..." (О стихотворении А. Блока "Никто не умирал. Никто не кончил жить...") // Рус. литература. 1994. № 2. С. 124—135.

¹⁷ Ср., например, финал стихотворения Блока "Вот Он — Христос, в цепях и розах...": *И не постигнешь синего Ока, // Пока не станешь сам, как стезя... // Пока такой же нищий не будешь, // Не ляжешь, истоптан, в глухой овраг, // Обо всем не забудешь, и всего не разлюбишь, // И не поблекнешь, как мертвый знак,* рассуждения о "нищих духом" в статье "Безвременье".

¹⁸ *Жирмунский В. М.* Поэзия Александра Блока // *Жирмунский В. М.* Вопросы теории литературы. Л., 1928. С. 195.

¹⁹ Ср. в этой связи замечание Андрея Белого в предисловии к сборнику стихотворений 1923 г.: “Я постарался объединить стихи в циклы и расположить эти циклы в их взаимной последовательности, так, чтобы все, здесь собранное, явило вид стройного древа: поэмы души, поэтической идеологии. Все, мной написанное, роман в стихах: содержание же романа — *мое искание правды*, с его достижениями и падениями. Пусть читатель откроет сам содержание моего романа” (*Белый Андрей*. Стихотворения. Берлин; Пб.; М., 1923. С. 9).

²⁰ *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 281.

²¹ Цит. по: *Бердяев Н. А.* Эрос и личность: Философия пола и любви. М., 1989. С. 122.

²² О двойственности образа Джоконды в восприятии символистов см.: *Грякалова Н. Ю.* Об одной реминисценции у А. Блока (“Мона Лиза” Леонардо да Винчи) // Рус. литература. 1987. № 2. С. 212—216.

²³ Описанный Поплавским бал имеет и реальные коннотации: в 1929 г. им был написан “сценарий” “Бала Жюль Верна” для задуманного И. Зданевичем авангардистского “перформенса” в честь столетия со дня рождения писателя-фантаста. Текст опубликован Р. Гейро в кн.: *Поплавский Б.* Покушение с негодными средствами. С. 22—23.

²⁴ *Св. Тереза имени Младенца Иисуса.* Повесть об одной душе. Брюссель, б. г.

²⁵ *Мережковский Д. С.* Испанские мистики. Маленькая Тереза / Под ред. Т. Пахмусс. Брюссель, 1988.

²⁶ См. предисловие Т. Пахмусс к публикации текста “Маленькая Тереза”: Там же. С. 299—311.

²⁷ *Гиппиус З.* Соч.: Стихотворения. Проза. Л., 1991. С. 231.

²⁸ См.: *Безродный М. В.* Образ камеи у Блока (из комментария к драме “Незнакомка”) // Александр Блок: Исследования и материалы. Л., 1987. С. 165—166.

²⁹ Ср., например, следующий фрагмент романа “Домой с небес”: *Темно; огней не зажигали, а над туманною водой цыганский голос пел: “Едва ль мы снова встретимся с тобой! Как быстро тяжестью счастливой вино по жилам разлилось, глухим цыганским переливом мгновенье счастья пронеслось”. “В скольженьи танца, в ритме спешном печаль забывши до утра, кто ты, случайный друг и нежный? Как холодны твои уста! Еще не смея, не решаясь, над неподвижною рекой лицо склоняется, касаясь виска горячею щекой. И снова вместе жизни холод вином тяжелым победив, плывет душа в волнах тяжелых вина, печали и любви”. <...> Олег и Катя плыли в одно мгновение, отчалив от берега жизни в темное море цыганской музыки. Мчались печальные дни, как несчетные снежные тени, снова встретились в бездне они, в бездне холода сна и забот. В шуме, музыка, мчишь и звени, воздух полнится сумрачным пением...* (С. 324).

СООБЩЕНИЯ. ЗАМЕТКИ

В. Н. БЫСТРОВ

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЦИКЛА СТИХОТВОРЕНИЙ А. БЛОКА “ANTE LUCEM”

Андрей Белый в статье, посвященной творчеству Блока, заметил, что поэзия обычного типа — это поэзия “многообразий единства”, которая “выявляет мозаичный портрет своей музыки, слагаемый из отдельных мозаик стихотворений”¹. Однако в некоем идеальном выражении поэзия, по его мнению, должна быть “единством многообразий”². Именно с такой меркой символисты подходили к своему поэтическому творчеству.

“Единство” можно выявить, возводя разнородные мысли, настроения, чувства поэта к каким-то ключевым символам, идеям-образам. Так чаще всего и делается. Но ничто, пожалуй, не дает такого отчетливого представления о “единстве многообразий” (если оно достигнуто художником), как структура поэтического сборника. Не случайно символисты уделяли столько внимания проблеме формирования своих книг, продумывая мельчайшие детали. “Книга стихов должна быть не случайным *сборником* разнородных стихотворений, — подчеркивал В. Брюсов, — а именно *книгой*, замкнутым целым, объединенным единой мыслью. Как роман, как трактат, книга стихов раскрывает свое содержание последовательно от первой страницы к последней. Стихотворение, выхваченное из общей связи, теряет столько же, как отдельная страница из связного рассуждения. Отделы в книге стихов — не более как главы, поясняющие одна другую, которых нельзя переставлять произвольно”³. Особый интерес представляют те случаи, когда книга поэта-символиста при переизданиях существенно изменяется автором, который по прошествии лет воспринимает ее иначе. Тогда каждая “глава” принимает другой облик, более соответствующий новому замыслу: меняется строение, состав отделов, вносятся коррективы в тексты... Лирический сюжет (“единство многообразий”, “замкнутое целое”) обретает иную структуру.

Весьма характерна с этой точки зрения история формирования блоковского цикла “Ante Lucem”, открывающего “первую книгу” “лирической трилогии”.

* * *

Обдумывая состав своей первой книги, Блок в записной книжке № 7 отметил: “Проект моей 1-й книги. 1 часть — до мистическо-го лета”⁴ (имеется в виду лето 1901 г.). Принципы формирования сборника “Стихи о Прекрасной Даме” (1905) несколько раз менялись, но в результате в нем оказалось представлено всего одно стихотворение из будущего цикла “Ante Lucem”: “В полночь глухую рожденная...” (1900). Это стихотворение, конечно же, было не единственным из ранних произведений, которые так или иначе могли связываться с поэтическим мифом о “Вечно-Женственном”, о Прекрасной Даме. Однако Блок, видимо, в то время не придавал им серьезного значения.

Картина резко изменилась к концу 1900-х гг., когда Блок задумал издать в “Мусажете” “Собрание стихотворений”. Первый из трех томов он также назвал “Стихи о Прекрасной Даме” (1911). В него вошли 304 стихотворения 1898—1904 гг. В примечаниях Блок счел нужным пояснить: “Эта книга, в противоположность двум следующим, написана в одиночестве; здесь деревенское преобладает над городским; все внимание направлено на знаки, которые природа щедро давала слушающим ее с верой; такая «однострунность» души позволила мне расположить все стихотворения первой книги в строго хронологическом порядке; здесь главы определяются годами, в следующих книгах — понятиями; но эти числа и слова для меня одинаково живые и законченные образы. Четвертая глава (1901 год) имеет первенствующее значение, как для первой книги, так и для всей трилогии; она впервые освещает смутные искания трех вступительных глав...”⁵

Принципы формирования этих книг максимально близки тем, о которых писал В. Брюсов. Трилогия задумывалась именно как “роман в стихах”, как развернутая история души, рассказанная посредством образов и символов. Если в первом сборнике Блок сузил временные рамки до нескольких лет начала века, то в первой книге трилогии они были расширены за счет трех последних лет предыдущего столетия. Почему? Как верно отметил исследователь, “поэт, выстраивая для собрания первый том, смотрел на него как бы из будущего. При таком взгляде становилось значительным и то, что было ранее опущено... <...> И первый том в издании 1905 г.

по сравнению с 1911 г. кажется больше «результатом», чем «процессом»...»⁶.

Действительно, по прошествии лет все тончайшие перипетии “мистического романа”, послужившего основой первого сборника, стали восприниматься поэтом иначе — более сложно, но и более структурно. Блок осознал, что у этого мистического сюжета есть как бы завязка (предыстория), кульминация и развязка (или — открытый финал). Очевидно, что “три вступительные главы” и являются своеобразной экспозицией книги.

В “Предисловии” к “Собранию стихотворений” Блок писал: “Тем, кто сочувствует моей поэзии, не покажется лишним включение в эту и следующие книги полудетских или слабых по форме стихотворений; многие из них, взятые отдельно, не имеют цены; но каждое стихотворение необходимо для образования главы; из нескольких глав составляется книга...”. Первые три главы (“1898», “1899” и “1900”) появились не столько из эстетических соображений, сколько из желания поэта представить более полную и целостную картину душевной жизни, в которой “смутные искания” ранних лет играли не последнюю роль. О своеобразной грани, разделившей чувства и настроения художников на стыке двух веков, говорил позднее Андрей Белый: “Кто сознательно и глубоко переживал перелом в душевном и отчасти общественном настроении между 98—99 и 900—901 гг., тот знает: весь стиль жизни изменился тогда, изменился и стиль исканий, стиль красок полотен художников, стиль слова, каким поэты старались конкретизировать свои переживания”⁷. По отношению к Блоку можно, обобщая, сказать, что высоким переживаниям и чаяниям эпохи “Стихов о Прекрасной Даме” предшествовала пора преддверия...

В состав первых трех глав книги вошли 70 стихотворений:

“1898”: “Пусть светит месяц — ночь темна...”, “Полный месяц встал над лугом...”, “Я шел во тьме к заботам и веселью...”,* “Я стремлюсь к роскошной воле...”, “Мне снилась смерть любимого творенья...” (в окончательной редакции — “Мне снилась смерть любимого создання...”), “Луна проснулась. Город шумный...”, “Мне снилась снова ты, в цветах, на шумной сцене...”;

“1899”: “В минутном взрыве откровений...”, “Милый друг, ты юною душою...”, “Песня Офелии” (“Разлучаясь с девою милой...”), “Между страданиями земными...”, “Когда мы любим безотчетно...”, “Гамаюн, птица вещая” (“На глазах бесконечных вод...”), “Когда толпа вокруг кумирам рукоплещет...”, “Темнеет небо. Туч грядет...”, “Я шел к блаженству. Путь блестел...”, “Сама судьба мне

* Здесь и далее курсивом выделены стихотворения, не вошедшие в окончательный состав цикла.

завещала...”, “Я стар душой. Какой-то жребий черный...”, “Не проливай горячих слез...”, “Зачем, зачем во мрак небытия...”, “Готов ли ты на путь далекий...”, “Сомкни уста. Твой голос полн...”, “Сомненья нет: мои печали...”, “Дышит утро в окошко твое...”, “Тяжелый занавес упал...”, “Помнишь ли город тревожный...”, “Город спит, окутан мглою...”, “Кошмар” (“Я проснулся внезапно в ночной тишине...”), “Неведомому Богу” (“Не ты ли душу оживишь?..”), “Ты не научишь меня проклинать...”, “Не легли еще тени вечерние...”, “Servus-Reginae” (“Не призывай. И без призыва...”), “Моей матери” (“Спустилась мгла, туманами чревата...”), “Ты много жил. Негодованье...”, “Пока спокойною стопою...”, “Dolor ingens ante lucem” (“Каждый вечер, лишь только погаснет заря...”), “Как сон молитвенно бесстрастный...”, “Когда с безжалостным страданьем...”;

“1900”: “Медлительной чредой нисходит день осенний...”, “Я умирал. Ты расцветала...”, “Ярким солнцем, синей далью...”, “Восходишь ты, что строгий день...”, “Я шел во тьме дождливой ночи...”, “Сегодня в ночь одной тропою...”, “До новых бурь, до новых молний...”, “Теряет берег очертанья...”, “Звезда полночная скатилась...”, “Прошедших дней немеркнущим сияньем...”, “Не призывай и не сули...”, “На небе зарево. Глухая ночь мертва...”, “Погибло все. Палящее светило...”, “То сон предутренний сошел...” (в окончательной редакции — “То отголосок юных дней...”), “Последний пурпур догорал...”, ““Αυραφα δόρυατα” (“Я видел мрак дневной и свет ночной...”), “Аметист” (“Порою в воздухе, согретом...”), “Твой образ чудится неволью...”, “Ночь грозой бушевала, и молний огни...”, “Курятся алтари, дымят паникадила...”, “Ты была у окна...”, “Поклонник Эллинов — я лиру забывал...”, “Orate, fratres” (“Отрекись от любимых творений...”), “Пора вернуться к прежней битве...”, “В те целомудренные годы...”, “Мой монастырь, где я томлюсь безбожно...”, “Ищу спасенья...”, “Медленно, тяжело и верно...”, “Отрывок из поэмы” (“Здесь на земле единозельны...”), “В полночь глухую рожденная...”, “Ты не обманешь, призрак бледный...”, “Прощание с 1900 годом” (“И ты, мой юный, мой печальный...”; в окончательной редакции — “31 декабря 1900 года”).

Существенно, что в период подготовки издания Блок в записной книжке № 31 (Л. 46 об.) перед данными о количестве стихотворений в каждом из семи отделов книги пометил: “Ante Lucem?”. В этом контексте выражение могло обозначать определенный период творчества или группу текстов, к нему относящихся, и в таком качестве оно возникло впервые.

Латинскому выражению “ante lucem” (“до света”, “перед рассветом”) Блок уже в раннем творчестве придавал некий символи-

ческий смысл. Во второй тетради беловых автографов,⁸ в первых из сохранившихся записных книжек нередко встречаются пометы “ante lucem”, “post lucem” (“после света”). Этими пометами в принципе Блок мог в каких-то случаях просто отмечать время суток (ср. аналогичную помету “ante noctem” — “перед ночью”), что само по себе было для него значимо. И все-таки в большинстве случаев более вероятен эзотерический подтекст этих маргиналий. Существует предположение, что таким образом Блок обозначал время до и после встреч с Л. Д. Менделеевой. Не исключено также, что эти “формулы” могли быть связаны с особыми событиями внутренней жизни поэта, с его творческими и мистическими настроениями (приобщение к таинству “зорь”, состояние экстаза, душевного подъема, просветления, или то, что он называл “видениями”, и т. д.). Примечательно, что в рукописи стихотворения “Вступление” (“Отдых напрасен. Дорога крута...”), открывающего сборник “Стихи о Прекрасной Даме”, Блок приписал в качестве варианта заглавия: “Ante Lucem”. Здесь уже слово, обозначающее “Свет”, написано с заглавной буквы, что придает выражению особую смысловую нагрузку (“Свет” как знак озарения, приближения “Ее”, “Души мира”, “Прекрасной Дамы”). Кстати сказать, в названии важного стихотворения, вошедшего во втором издании в отдел “1899”, это выражение имеет более локальное значение (“Dolor ingens ante lucem” — “великая предрассветная тоска”).

При подготовке издания 1911 г. эта формула возникла уже в качестве возможного заглавия отдела книги. Вероятно, Блока привлекала мысль объединить произведения 1898—1900 гг. в единое целое. Все эти годы — преддверие мистических переживаний и озарений 1901 г., нового века, обещающего какие-то великие свершения, эпоха смутных надежд. Однако замысел не был реализован в данном издании, где сквозным стал принцип выделения разделов по годам. Потенциально единая “глава” распалась на три самостоятельные части. Как бы то ни было, эти три раздела (“1898”, “1899”, “1900”) явились прообразом будущего цикла “Ante Lucem”. Заметим, что по объему они составляют чуть менее четверти объема книги.

Следует подчеркнуть, что близкие Блоку критики признали “органичность” построения книги, целесообразность введения большого количества ранних текстов. В. Брюсов в своей рецензии писал: “Сборник «Стихов о Прекрасной Даме» в новом издании значительно увеличен; в него включено около 200 стихотворений, которых в первом издании не было. С точки зрения чисто художественной это, может быть, и ошибка, так как многие впервые напечатанные стихотворения довольно слабы по технике, испорчены неудачными стихами, шаблонными образами. Но зато книга

приобрела новый психологический интерес, стала откровенной исповедью юного мечтателя-мистика, знакомит теперь с душой ее автора более полно. Ранние стихи в этой исповеди оказываются наиболее характерными”⁹. С. Городецкий в статье “Юность Блока”, высоко оценив книгу, отметил, что “исправленное и дополненное” издание ранее выпущенной книги оправдано тогда, “когда все дополнения и изменения, вносимые автором, имеют целью дать более полную картину органического развития его поэзии”, когда в “ранних интуициях” есть “постижение всей сложности будущей художественной идеологии”¹⁰.

Следующий важный этап в формировании цикла — подготовка “первого тома” в составе “лирической трилогии” для издательства “Сириус” (1913—1914 гг.). Замысел этот не удалось реализовать; от него пришлось отказаться, когда уже шла работа над корректурами книги. До нас дошли лишь фрагменты этих корректур¹¹. Они, однако, позволяют предполагать, что принцип построения книги и ее состав были иными, нежели в издании 1911 г. Блок отказался от сквозной нумерации текстов, сохранив ее в пределах отдельных “глав”. Принцип деления на “главы” по годам остался, но количество разделов было сокращено. Судя по сохранившейся части корректуры-верстки, тексты 1898—1900 гг. имели свою единую нумерацию. Из них здесь представлено 15 стихотворений: “*Есть много песен в светлых тайниках...*” (XXXI), “*Прошедших дней немеркнущим сияньем...*” (XXXII), “*Не призывай и не сули...*” (XXXIII), “*В часы вечернего тумана...*” (XXXIV), “*На небе зарево. Глухая ночь мертва...*” (XXXV), “*Увижу я, как будет погибать...*” (XXXVI), “*То сон предутренний сошел...*” (XXXVII), “*Последний пурпур догорал...*” (XXXVIII), “*“Αυραφα σβυματα”* (“Я видел мрак дневной и свет ночной...”) (XXXIX), “*Твой образ чудится невольно...*” (XL), “*Ночь грозой бушевала, и молний огни...*” (XLI), “*Курятся алтари, дымят паникадила...*” (XLII), “*Напрасно я боролся с Богом...*” (XLIII), “*Ты была у окна...*” (XLIV), “*В те целомудренные годы...*” (XLV). Таким образом, эти тексты, относятся к маю—ноябрю 1900 г. Не дошедший до нас конец раздела включал в себя стихотворения ноября—декабря 1900 г. Можно предполагать, что количество стихотворений в цикле было чуть больше 50.

Весьма вероятно, что Блок вернулся к замыслу, не реализованному в “мусагетовском” издании 1911 г. Возможно, у раздела было и заглавие — “*Ante Lucem*”. Если сравнить синхронные фрагменты (май—ноябрь 1900 г.), то увидим, что Блок исключил 5 стихотворений (“*Погибло все. Палящее светило...*”, “*Аметист*” (“*Порою в воздухе, согретом...*”), “*Поклонник Эллинов — я лиру забывал...*”, “*Отрекись от любимых творений...*”, “*Пора вернуться к прежней битве...*”) и ввел 4 новых (“*Есть много песен в светлых тайни-*

ках...”, “В часы вечернего тумана...”, “Увижу я, как будет погибать...”, “*Напрасно я боролся с Богом...*”). По такому небольшому фрагменту трудно проследить логику изменений. Разве что обращает на себя внимание замена одного “эсхатологического” стихотворения (“Погибло все. Палящее светило...”) на другое (“Увижу я, как будет погибать...”).

Впервые цикл как таковой появился и получил название в третьем издании “первой книги” (*Блок А. Стихотворения. Кн. 1. (1898—1904). М.: “Мусагет”, 1916*), где определилась композиция тома с его делением на три раздела. По-прежнему придерживаясь хронологии, Блок отказался и от сквозной нумерации текстов, и от нумерации внутри “глав”. В этом издании он решил сохранить в названиях отделов одинаково важные для него “понятия” и “числа” (хронологические рамки); те и другие он воспринимал, напомним, как “живые и законченные образы”. Так появилось каноническое заглавие первого раздела книги: “*Ante Lucem (1898—1900)*”. Когда сложилась композиция тома, где центральным стал раздел “Стихи о Прекрасной Даме (1901—1902)”, сделался очевидным предваряющий характер первой “главы”. Книга выстраивалась таким образом, чтобы, с одной стороны, передать многообразие и сложность переживаний лирического героя, но с другой — показать этапы его душевной эволюции: “смутные искания” ранней юности, предчувствие перемен (“*Ante Lucem*”) — ожидание чуда всемирного преображения, нисхождения Вечной Женственности, “мгновение яркого Света” (“Стихи о Прекрасной Даме”) — постепенный спад мистических чаяний, приступы скепсиса, попытки обретения новых ценностей (“Распутья”). Так достигалось единство разветвленного лирического сюжета.

Блок значительно сократил количество произведений в томе по сравнению с предыдущим изданием: 242 (против 304). Из них в цикл “*Ante Lucem*” вошло 48 стихотворений. Это — 1/5 общего объема.

29 текстов 1898—1900 гг. из издания 1911 г. не вошли в состав цикла: “*Я шел во тьме к заботам и веселью...*”, “*В минутном взрыве откровений...*”, “*Между страданьями земными...*”, “*Когда мы любим безотчетно...*”, “*Темнеет небо. Туч грядет...*”, “*Не проливай горючих слез...*”, “*Зачем, зачем во мрак небытия...*”, “*Готов ли ты на путь далекий...*”, “*Сомкни уста. Твой голос полн...*”, “*Сомненья нет: мои печали...*”, “*Тяжелый занавес упал...*”, “*Кошмар*” (“*Я проснулся внезапно в ночной тишине...*”), “*Ты не научишь меня проклинать...*”, “*Не легли еще тени вечерние...*”, “*Ты много жил. Негодованье...*”, “*Пока спокойною стою...*”, “*Как сон молитвенно бесстрастный...*”, “*Когда с безжалостным страданьем...*”, “*Я умирал. Ты расцветала...*”, “*Восходишь ты, что строгий день...*”, “*До*

новых бурь, до новых молний...”, “Звезда полночная скатилась...”, “Последний пурпур догорал...”, “Аурафа дѹмѹтата” (“Я видел мрак дневной и свет ночной...”), “Аметист” (“Порою в воздухе, согретом...”), “Курятся алтари, дымят паникадила...”, “Поклонник Эллинов — я лиру забывал...”, “Пора вернуться к прежней битве...”, “Отрывок из поэмы” (“Здесь на земле одиноцельны...”).

Наряду с этим Блок ввел 7 новых стихотворений: “Усталый от дневных блужданий...”, “Есть в дикой роше, у оврага...”, “Окрай небес — звезда омега...”, “В часы вечернего тумана...”, “Не доверяй своих дорог...”, “Увижу я, как будет погибать...”, “Завтра с первым лучом...”.

Если сравнить синхронные фрагменты третьего издания книги с “сиринским”, то получим такую картину: исключены — “Есть много песен в светлых тайниках...”, “Последний пурпур догорал...”, “Аурафа дѹмѹтата” (“Я видел мрак дневной и свет ночной...”), “Курятся алтари, дымят паникадила...”, “Напрасно я боролся с Богом...”, “Отрекись от любимых творений...”; прибавлены — “Не доверяй своих дорог...”, “Погибло все. Палящее светило...”.

В отборе стихотворений для данного издания существенную роль играл критерий художественной ценности. Об этом, в частности, можно судить из высказывания Блока в предисловии к предполагавшемуся изданию “Стихов о Прекрасной Даме” (1918 г.): “Каждое новое издание книги давало мне повод перерабатывать ее; при первых переработках (прежде всего подразумевается 2-е издание книги. — В. Б.) я имел в виду как можно шире раскрыть ее содержание; при последующих — я много заботился о стихотворной технике...” (1). Так, в “Ante Lucem” подверглись сокращению стихотворения “Твой образ чудится невольно...”, “Отрекись от любимых творений...”, “В полночь глухую рожденная...”. Кроме того, в ряде стихотворений были изменены (или сняты) заглавия, иным стало строфическое оформление.

И все же определяющим при отборе был, видимо, принцип “адекватности” лирическому сюжету книги. Не случайно 18 текстов, исключенных из издания, в дальнейшем уже не включались в цикл. Большинство из них не совсем вписывалось в контекст раздела, где ключевыми были мотивы предрассветного томления, тоски по Идеалу, по “неведомому Богу”, ожидания “Света”, мистические предчувствия. Введенные стихотворения, напротив, усиливали доминантные мотивы и образы цикла. Показательно изменение заглавия стихотворения “Каждый вечер, лишь только погаснет заря...” — “Dolor ante Lucem”. Здесь уже явно акцентирован момент ожидания “Света”, который связывается в сознании героя с явлением Вечной Женственности, преображением мира.

В 1918 г. в издательстве “Земля” вышло четвертое издание книги, которое по составу повторяло третье.

В 1918—1920 гг. Блок работал над последним, пятым, изданием “первой книги” (Собрание сочинений Александра Блока. Т. 1. Стихотворения. Кн. 1. 1898—1904. Пб., 1922). Данному изданию предшествовала обширная публикация ранних стихотворений поэта в журнале “Записки мечтателей” (1919. № 1). Они составили два отдела: “Ante Lucem” (1898—1900) и “Стихи о Прекрасной Даме (1901—1902)”. * Совершенно очевидно, что названия отделов здесь символически обозначают определенные периоды творчества художника. Лишь с большой долей условности можно воспринимать эту подборку как своеобразную маленькую “модель” “первой книги”, созданную в основном из произведений, не вошедших в канонический состав тома. В “Ante Lucem” в этой публикации вошли следующие 27 стихотворений: “Моей матери” (“Друг, посмотри, как в равнине небесной...”), “Она молода и прекрасна была...”, “*Душа моя тиха. В натянутых струнах...*”, “*Без веры в Бога, без участия...*”, “*Вхожу наверх тропой кремнистой...*”, “*Когда я вспоминал о прошлом, о забытом...*”, “*В болезни сердца мыслю о Тебе...*”, “*Я думал, что умру сегодня к ночи...*”, “*Путник, ропщи...*”, “*Над старым мраком мировым...*”, “*Сирин и Алконост. Птицы радости и печали*” (“*Густых кудрей откинув волны...*”), “*Когда же смерть? Я все перестрадал...*”, “*Когда я был ребенком, — лес ночной...*”, “*И жизнь, и смерть, я знаю, мне равны...*”, “*Когда кончается тетрадь моих стихов...*”, “*Я — человек и мало Богу равен...*”, “*Накануне XX века*” (“*Влачим мы дни свои уныло...*”), “*О, как безумно за окном...*”, “*Чей-то обманчивый голос зовет...*”, “*Когда докучливые стоны...*”, “*Как всякий год, ночной порою...*”, “*Приветный Лель, не жду рассвета...*”, “*Шли мы стезею лазурною...*”, “*Разверзлось утреннее око...*”, “*Поэт в изгнании и в сомнении...*”, “*Мы все уйдем за грань могил...*”, “*Прости, заветная тетрадь...*” (в окончательной редакции — “*Хоть все по-прежнему певец...*”). В эту “журнальную” редакцию цикла вошло 6 стихотворений из окончательного состава “Ante Lucem”.

Формируя цикл при подготовке “первой книги” в ее последней редакции, Блок резко увеличил количество текстов по сравнению с изданиями 1916 и 1918 гг.: с 48 до 70 (это ровно столько же, сколько было в издании 1911 г.). По отношению к общему объему тома, который также значительно возрос (314 стихотворений), это составило чуть менее 1/4. Как видим, Блок старался сохранить именно такую пропорцию (заметим, кстати, что третий цикл кни-

* В качестве вступления ко всей подборке послужило стихотворение “Муза в уборе весны поступалась к поэту...” (1898).

ги — “Распутья” — немногим больше: 80 текстов; следовательно, центральный раздел занимает примерно половину объема).

Блок прибавил к составу третьего издания, из которого не было изъято ни одного текста, 11 стихотворений из второго (в перечне произведений, не вошедших в издание 1916 г., они даны без курсива; см. с. 131—132), а также ввел 11 новых текстов: “Ты много жил, я больше пел...”, “Моей матери” (“Друг, посмотри, как в равнине небесной...”), “Она молода и прекрасна была...”, “Лениво и тяжело плывут облака...”, “Шли мы стезею лазурною...”, “Разверзлось утреннее око...”, “Поэт в изгнании и в сомненьи...”, “Хоть все по-прежнему *невец...*”, “Не утоленная кровавыми струями...”, “Я знаю, смерть близка. И ты...”, “Измучен бурей вдохновенья...”. Шесть из них, как отмечалось выше, были впервые напечатаны в “Записках мечтателей”.

В пятом издании книги соединились стремления Блока полнее представить свое ранее творчество (значение которого в его глазах к концу 1910-х гг. явно возросло) и в то же время сделать стихи более совершенными (не лишая их при этом юношеской непосредственности). В примечаниях к тому Блок указал стихотворения, которые были им сокращены или “значительно исправлены” (в сравнении с первоначальными редакциями). В списке сокращенных текстов из “Ante Lucem” оказалось 12 стихотворений, а в перечне значительно исправленных — 7.

Как и во всех предыдущих изданиях (исключая, естественно, первое), прежними остались хронологические рамки (1898—1904), начальное и заключительное стихотворение (“Пусть светит месяц — ночь темна...”; “31 декабря 1900 года”)¹². Поскольку раздел — это, по авторскому замыслу, “глава” лирического дневника (или “романа”), то стихотворения в нем (как и во втором издании) располагаются друг за другом, “без спусков”.

Состав последней редакции “Ante Lucem” свидетельствует о том, что в цикле как бы совместились два “взгляда” художника: из прошлого в будущее и из настоящего (конец 1910-х гг.) — в прошлое. Достаточно привести лишь несколько примеров из числа стихотворений, включенных в состав цикла при подготовке этого “алконостовского” издания.

Особую значимость приобрели для поэта факты личной биографии: духовная связь с матерью, длившаяся всю жизнь (“Моей матери”), юношеская дружба (“Ты много жил, я больше пел...”), первые романтические переживания, когда возлюбленная (К. М. Садовская, Л. Д. Менделеева) пока не обрела “неземных” черт Вечной Женственности, когда было рыцарское поклонение героине, но не было еще мистической “ауры” отношений (“Она молода и прекрасна была...”, “Шли мы стезею лазурною...”). Через

много лет некоторые события ранней юности, отразившиеся в стихах, стали восприниматься Блоком как эпизоды духовного становления.

Важными оказывались и те произведения, в которых были напрогнозированы будущие события или которые по-новому осмыслились в контексте бурной современности. Так, например, определенный интерес представляет позднейшее восприятие художником стихотворения “Поэт в изгнании и в сомнении...”. Андрей Белый, составлявший в 1918 г. поэтический отдел в одном из альманахов (издание не состоялось), просил Блока прислать ему ненапечатанные стихотворения, созвучные настроениям эпохи. 31 августа 1918 г. он писал ему: “Надеюсь, что Ты ради меня тоже дашь, если у Тебя найдутся, стихи, связанные с революцией: совершенно не важна *тенденция*; важна органическая (пусть внутренняя) связь с переживаемым (револ<юционн>) моментом времени”¹³. Откликнувшись на просьбу А. Белого, Блок отобрал несколько стихотворений, которые должны были составить цикл, названный им “На рубеже двух миров”; среди них было “Поэт в изгнании и в сомнении...”. В письме к А. Белому от 6 сентября 1918 г. Блок писал, что в этих стихах, по его мнению, можно найти “внутреннюю связь” с революцией¹⁴.

Примечательно в этом смысле и стихотворение “Не утоленная кровавыми струями...”. Первоначальная редакция во 2-й тетради автографов, датированная 14 августа 1900 г., значительно отличалась от окончательного текста; в ней выражены некие отвлеченные размышления поэта о зловещем миропорядке:

Неутоленная кровавыми струями,
Холодная безмолвствует земля.
Иду вперед поспешными шагами,
Ищу от жертв свободные поля.

Но, как в темнице, узник заключенной
Ищу напрасно — воли нет следа.
И самый воздух, кровью зараженной,
Не просветлеет, мнится, никогда.

Так человек, свободный от природы,
На пажитях рабов кровавой чередой
Проходит, не слыхав ни ропота свободы,
В могильный мрак сквозь хаос гробовой¹⁵.

В такой редакции Блок не только не включал стихотворение в “трилогию”, но и не публиковал его в периодике. В январе 1915 г. Блок переработал текст, приблизив его к основному, и напечатал под заглавием “Знак”¹⁶. Бесспорно, что в данном случае сказалось подспудное (а может, и явное) влияние событий первой мировой войны. Однако Блок не считал нужным включить стихотворение в

третье издание книги (1916 г.). В 1918 г. он создает еще одну редакцию стихотворения, которую публикует под тем же названием:

Не утоленная кровавыми струями,
Безмолвствует земля.

Иду вперед поспешными шагами,
Ищу блаженные поля.

Напрасно! Узник заключенный!
Перед тобой — все кровь и мрак!

Смотри: лишь там, в заре окровавленной —
Горит еще невнятный знак!¹⁷

Образ “окровавленной зари”, являющийся символом эпохи “неслыханных мятежей”, служит здесь знаком ожидаемого преобразования мира. С этим элементом пророчества, предвидения, предчувствия стихотворение оказалось уместным в лирическом сюжете книги (Блок отдал предпочтение редакции, опубликованной в “Биржевых ведомостях”).

Благодаря такого рода “перекличкам” с событиями позднейших времен, смысловой контекст “Ante Lucem”, сохраняя свои доминантные мотивы, значительно расширился.

* * *

Миграция текстов внутри цикла “Ante Lucem” — своеобразной “увертюры” лирического романа-исповеди о годах юности — показывает, как влияют на его формирование меняющееся со временем восприятие поэтом своей эволюции, корректировка художественной задачи, изменение композиции книги и т. д.

Опыт Блока свидетельствует о том, что лирический цикл может быть довольно динамичной структурой, когда поэт неустанно, от издания к изданию, добивается целостности в воплощении творческого замысла или, используя выражение А. Белого, “единства многообразий”.

¹ *Белый А.* Поэзия Блока // *Ветвь*: Сб. Клуба моск. писателей. М., 1917. С. 271.

² Там же.

³ *Брюсов Валерий.* Среди стихов. 1894—1924. М., 1990. С. 77.

⁴ РО ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, ед. хр. 2, л. 34.

⁵ *Блок А.* Собр. стихотворений. Кн. 1. Стихи о Прекрасной Даме. М., 1911. С. 211.

⁶ *Правдина И. С.* Формирование лирической трилогии // *Лит. наследство.* М., 1987. Т. 92, кн. 4. С. 622.

⁷ Речь А. Белого на вечере памяти А. Блока 26 сентября 1921 г. // *Лит. наследство.* М., 1987. Т. 92, кн. 4. С. 764.

⁸ РО ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, ед. хр. 2.

⁹ *Брюсов Валерий*. Среди стихов. С. 360.

¹⁰ Речь. 1911. 19 сент. № 257.

¹¹ РО ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, ед. хр. 33.

¹² Ср. первую и две последние строки цикла, которые можно рассматривать как “кольцевые”: “Пусть светит месяц — ночь темна...”; “Я за тобою, гость случайный, // Как прежде — в ночь”.

¹³ Александр Блок и Андрей Белый: Переписка. М., 1940. С. 337.

¹⁴ Там же.

¹⁵ РО ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, ед. хр. 2, л. 27 об.

¹⁶ Биржевые ведомости. 1915. 25 янв.

¹⁷ Ежемесячный журнал для всех. 1918. № 4—5—6. С. 6.

А. М. ГРАЧЕВА

О НЕВОПЛОЩЕННОМ ДРАМАТУРГИЧЕСКОМ ЗАМЫСЛЕ А. РЕМИЗОВА И А. БЛОКА (“СОЛОМОН И КИТОВРАС”)

В мифологии А. М. Ремизова одно из главных мест принадлежит библейскому мудрецу царю Соломону. Индивидуально-авторский вариант этого образа основан на переосмыслении его трактовок как в древних и новых эзотерических учениях, так и в русском фольклоре. Принципиальная полигенетичность ремизовского образа царя Соломона заявлена в последней прижизненной книге писателя, которой не случайно стало издание “Круг счастья. Легенды о царе Соломоне” (Paris, 1957). Во вступлении маркирована значимость этого героя в системе народного миропонимания: “Два любимых образа русского народа: Никола Угодник и премудрый царь Соломон: Никола милует, Соломон посуждает”¹. А финал книги — парафраз цитаты из “Жития Константина-философа” — актуализирует личностный вклад Ремизова в традицию бытования этого мифологического персонажа: “Возрадовавса заец, выбився из тенета воли своей; тако ся возрадовал книгописец Алексей, написав эту книгу о царе Соломоне” (с. 72).

Начало творческого интереса писателя к образу царя Соломона связано с его работой над книгой “Лимонарь”, содержащей переказы апокрифов. В ее вторую часть — “Паралипоменон” (СПб., 1912) включена сказка-легенда “Царь Соломон” (впервые: Русское слово. 1911. № 297), повествовавшая о детстве героя. Одним из основных источников апокрифических сказаний для Ремизова были книги: Памятники старинной русской литературы / Изд. гр. Гр. Кушелевым-Безбородко. СПб., 1862. Вып. 3 и *Тихонравов Н. С.* Памятники отреченной русской литературы. М., 1863.² Т. 1, куда входили тексты о царе Соломоне. Среди них наиболее примечательными для писателя были упомянутые Н. С. Тихонравовым в индексе запрещенных книг “О Соломоне царе и о Китоврасе басни и кошуны” (*Тихонравов*, с. 111).

Абстрагируясь от конкретных вариантов текста, можно вычлнить сюжетное ядро древнерусской “Повести о Китоврасе” — один

из легендарных эпизодов создания Соломонова Храма: загадочное существо Китоврас помогает царю отыскать “краесекомый” камень, без шума обтесывающий материалы для строящегося священного здания.

Первые сведения о ремизовском внимании к этой легенде относятся к 1912 г. В то время близкий знакомый писателя, промышленник, меценат и масон М. И. Терещенко, исполнявший обязанности чиновника особых поручений при директоре императорских театров В. А. Теляковском, заказал Блоку либретто балета на средневековом материале. После изменения первоначального замысла Блок создал драму “Роза и Крест” (1913). Переписка, дневниковые записи Блока свидетельствуют об интенсивном обсуждении будущего сочинения с Терещенко и Ремизовым. Так 31 марта 1912 г. Блок писал Ремизову: “Если увидите Терещенку, скажите ему, пожалуйста, что я уже литературу о трубадурах узнал. Вероятно, будет трудно разъяснить некоторые тексты, если мне понадобятся романы и легенды?”³. В этой статье драма Блока не является предметом специального анализа, однако важно отметить, что ее идейно-художественная структура и само название генетически связаны с символикой и идеологией розенкрейцеров, для которых легенды о строительстве Соломонова Храма и обретении краесекомого камня — одни из составляющих базы их символической философии. Возможно, что изучение общих эзотерических источников было причиной возникновения у Ремизова замысла сочинить вместе с Блоком “русалию” о Соломоне и Китоврасе. Об этом он сообщал поэту 22 июля 1912 г.: “А все мечтаю Боброва кончить (речь идет о повести «Пятая язва». — А. Г.) и написать с Вами Китовраса. Много хочется написать: и хождение по мукам, и Китовраса с прологом: «Ванька Каин на Москворецком мосту» (Действо все на мосту в Москве происходит). Вы знаете этот мост?”⁴. Как позднее указывал сам Ремизов в примечаниях к “Кругу счастья» (с. 61), сведения о существовании в XVIII в. театральных постановок на этот сюжет он нашел в примечаниях П. А. Бессонова к “Песням”, собранным П. В. Киреевским (М., 1872. Вып. 9. С. 49—55). Тогда же он заключил с дирекцией императорских театров контракт на написание либретто балета “Алалей и Лейла”, но из-за смерти композитора А. К. Лядова постановка не осуществилась⁵. Идея совместного произведения Блока и Ремизова не была реализована, однако утверждение А. П. Юловой — комментатора вышеприведенного письма Ремизова о том, что “«Действо» о Китоврасе написано не было”⁶, является ошибочным.

В части личного архива Ремизова, которая хранится в собрании Центра Русской Культуры Амхерст-Колледжа (США), имеется альбом-конволют под заглавием “Китоврас”. В его состав входят

папки и подборки недатированных беловых и черновых автографов текстов разного жанра, объединенных единой темой — пересказом сказаний о Соломоне и Китоврасе. Тексты можно атрибутировать по косвенным данным (типу почерка, бумаге, свидетельствам в дневнике и эпистолярии писателя). Хронологические рамки их создания — с 1910-х по конец 1920-х гг.

Самой ранней по времени создания является папка — подборка рукописей, озаглавленная “А. Remisov. Kitowras”. Она содержит беловые и черновые тексты “русалии” о Китоврасе. Их объединение в подборку можно датировать по почерку заглавия началом 20-х гг., а самые ранние из текстов по характеру почерка и бумаги относятся к 1910-м гг.

Прежде чем перейти к анализу текстов, надо остановиться на истолковании ремизовского жанрового термина “русалия”. Его происхождение Ремизов обосновывал отсылкой на Слово св. Нифонта в книге “Измарагд”. «Что такое *русалия* и откуда пошла она? — спрашивал он в статье “Завитушка” (1909) и отвечал: — Русалиями в нашу седую старину, языческую, назывались религиозные обряды, приуроченные к срокам посолонным. Эти самые обряды справлялись народом, ну, как у нас теперь Рождество либо Пасха. С водворением же на Руси веры христианской, когда все боги идольские разошлись кто куда, как от креста бесы, а частью попали к ребятишкам на игрушки, обряд русальный превратился в мирское игрище-гульбище с пляской в первую голову. И стала русалия плясовым музыкальным действием, а разыгрывалась она “людьми веселыми” — скоморохами, а потворствовал ей там, за нашими глазами темными, некий Алазион,⁷ князь бесовский»⁸. Как показывает текст, уже в этой ранней статье под жанровым определением “русалия” понимается обрядовое действие, лишь со временем утратившее сакральный смысл.

Понятие “русалия” является одним из центральных в статьях Ремизова о театре, объединенных в сборник “Крашенные рыла. Театр и книга” (1922). Несмотря на привлечение более раннего критико-теоретического материала, эта книга отражает ремизовскую театральную концепцию периода революции 1917 г. Одновременно она подводит итог эволюции теоретических взглядов писателя на проблемы современного театра и его будущее. Поэтому в раздел “Мечты” включены две разновременные теоретические статьи — “Новая драма” (1903) и “Рабкресреп — рабоче-крестьянский репертуар” (1919). Вторая из них развивает положение первой. В 1903 г. Ремизов считал, что задачей является “создание такого театра, который в рядах движений, взбурливших философию и искусства, шел бы с ними, охваченный жаждой новых форм для выражения вечных тайн и смысла нашего бытия и смысла земли

<...> Театр — не забава и развлечение, театр не копия человеческого убожества, театр — культ, обедня — *театр*” (*Крашенные рыльа*, с. 80-81). Таким образом, Ремизов предсказывал переход от прежнего бытового театра к мистериальному действию, способному преобразуяюще воздействовать на массы. В своих взглядах писатель шел в русле исканий европейского и, в частности, русского символизма. Его воззрения были наиболее близки декларируемой Вяч. Ивановым теории театра как соборного действа.

Идеи о новом театре получили дальнейшее развитие в ремизовской статье 1919 г. — времени, когда в ТЕО Наркомпроса писатель занимался формированием репертуара для народного зрителя. Он вновь разграничил “театр стен” — итог и тупик позитивистского развития театральной мысли и “театр площадей и дубрав” — забытое прошлое и чаемое будущее, т. е. народный театр. Последний Ремизов разделил на “театр борьбы и мечты”, т. е. социальную драму, и “большое всенародное действо с душой, устремленной к вечному, религиозное, безумное”, т. е. мистерию. Именно ее писатель назвал “русалией” и определил ее жанровую структуру, характер драматического конфликта, тип главного героя:

“Начинается музыкой — симфония:
устремленность в себя, действие моего я на мое я, издействие —

я—я

Затем трагедия, страсти:
действие Рока на мое я —

А—я

Действующие лица цари, т. е. достигшие внешних удобств жизни, не связанные внешним. Гармония их жизни — условие для выявления глубочайшей роковой беды жизни самой по себе; все блага, из-за которых идет борьба среди людей, достигнуты, и вот открывается недостижимое, безборное, только борущее, роковое.

Вечное к вечному.

Хор старцев.

Античная трагедия, Шекспир.

И третье, действие моего я на Рок:

я—А

начало сказочное — балет.

Балетом и заканчивается Русалия” (*Крашенные рыльа*, с. 83-84).

Введение в русалию кольцевой музыкальной композиции обозначает ее мистериальную основу, поскольку переход дисгармонии в гармонию происходит в мистериях посредством музыки. По Ремизову, начало русалии — это разрушение гармонии, распадение единого “я” на антитетичные ипостаси. В этом заключена основа драматического конфликта, когда силы дисгармонии, символически обозначаемые понятием “Рока”, деструктивно воздействуют на “я” героя. Ремизов обозначил героев русалии определением “ца-

ри”, подразумевая персонажей, максимально абстрагированных от внешней причинности дисгармонии их бытия. Разрешение же конфликта заключено в моменте преображения личности — победе над силами внутренней деструкции (“действие моего я на Рок”) и восстановлении гармонии.

Основными источниками для ремизовской переработки сюжета о Соломоне и Китоврасе были публикации древнерусских текстов в изданиях Кушелева-Безбородко и Тихонравова, а также исследование А. Н. Веселовского “Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине” (СПб., 1872)⁹. На основании палеографического анализа рукописей Ремизова и изучения поэтики текстов вычленяются этапы эволюции первоначального замысла.

Наиболее ранним, датируемым 1910-ми гг., является план русалии Китоврас (*Китоврас-I*)¹⁰. Его основные источники — древнерусская “Повесть о Китоврасе” из Румянцевской Палеи 1494 г. (*Кушелев-Безбородко*, с. 51—52) и изложение талмудических сказаний о Соломоне и Асмодее (Китоврасе) в книге Веселовского. Воссоздавая свой вариант сюжета, Ремизов использовал указание Веселовского, что “подлинник славянской статьи был греческий, <...> древних «басен» о Соломоне и Китоврасе мы не знаем и судить должны о их содержании по статье, принятой в позднейшую редакцию Палеи, составившуюся при особых условиях. Эта статья отвечает почти дословно талмудической легенде” (*Веселовский*, с. 137). В плане *Китоврас-I* из талмудической легенды взяты предыстория и обоснование поисков Китовраса необходимостью найти краесекомый камень, эпизоды призывания демонов и их рассказа о Китоврасе. К тому же источнику и к “Повести дивной о цари Соломани” восходит мотивировка снятия перстня как наказания за гордыню и отступление от веры: “Еже Соломан великий имѣя толику премудрость, богатество и славу <...> и той погиге жены ради, послушавъ (ю) и отступникъ бысть отъ Господа, вшедь во церковь идольскую, поклонися идоломъ и покади ихъ” (*Кушелев-Безбородко*, с. 70). Ср. у Ремизова: “Царь поставил идола. Царь <...> хвастает на пиру”. При всей схематичности плана *Китоврас-I*, сюжетно в целом следующего канве “Повести о Китоврасе”, в нем уже присутствует оппозиция шума (стука) и тишины, взаимосвязанным волшебным пением Китовраса. Возвращение Соломона на царство соответствует финалу древнерусской “Повести о Китоврасе”, в которой мудрецы и книжники находят мудреца в неведомых землях. В ремизовском плане *Китоврас-I* старейшины пробуждают Китовраса своим разговором, и символ власти — перстень случайно соскальзывает с его руки. Таким образом, в первоначальном варианте “русалии” финал лишен катарсиса, и вся намеченная

переработка источников носит еще очень поверхностный, “ученический” характер.

Следующий неоконченный вариант плана “русалии” (*Китоврас-II*) состоит из перечисления трех сцен первого действия и их дальнейшего развернутого и беллетризованного плана. *Китоврас-II* основан на сюжете талмудической легенды о Соломоне и Асмодее, изложенной в книге Веселовского. Структурно ремизовский план соответствует концепции этой легенды, изложенной в главе “Талмудические сказания о Соломоне и их происхождение. Борьба с демоном и победа. Отношения к Викрамачаритре: Асмодей-Мара. Посредством парсизма: Асмодей = *Aëshma-daêva*” (*Веселовский*, с. 105—127). Глава книги Веселовского начинается с привязки сказаний о Китоврасе к поиску “красесомого” камня. Название этого волшебного предмета составляет заглавие первого действия русалии. Из того же источника заимствован сюжетный мотив о том, что сам Соломон вопрошает демонов о спасении от шума. Они отвечают, что “знать может Китоврас, царь демонов <...> Каждый день он возносится на небо и учится на небе, а затем спускается на землю и учится на земле”. Ср. у Веселовского: “Он князь демонов; он демон гнева <...> Он обладает глубиной тайного знания, которому научается в высоких школах земли и тверди; он указывает, как достать чудный шамир, и, обещанием открыть царю еще большее, побуждает снять с него узы” (*Веселовский*, с. 116). В соответствии с источником именно Соломону принадлежит план поимки Китовраса. Из талмудической легенды Ремизов взял имя вельможи, которому поручено привести Китовраса, — Бенай.

В *Китоврасе-II* совмещены черты драмы и эпоса. Диалогическая полифония сочетается с монологическим сказовым началом. Ремарка разворачивается в сказовое повествование с характерными для ремизовского стиля разговорными интонациями, снижающими восприятие демонических строителей Храма: “С жалобой приходят люди к ц<арю>. Одни жалуются на обуявший их страх: демоны, невидимые, вдруг показываются — там мелькнет хвост, там лапки, там борода, там чья-то проворная лапа передвинет камни, возы с мрамором без коней мчатся по дорогам”. Таким образом, анализ *Китовраса-II* показал, что текст “русалии” приобретал черты “драмы для чтения”.

Третий законченный вариант плана “русалии” (*Китоврас-III*) является окончательной кристаллизацией первой редакции ремизовской обработки сюжета о Соломоне и Китоврасе. Используя те же источники, что и в двух первых вариантах, Ремизов создал легенду о “перевоспитании” гордого царя. Наказание за гордыню — причина утраты Соломоном своего царства, которое волшебным

путем возвращается ему после его духовного преображения. В этом варианте переработки происходит дальнейшее прояснение загадочного “пения” Китовраса. В тексте *Китовраса-III* говорится: “Мудрость Китоврасова — музыка. Все зачарованы музыкой”. Это — единственное указание на “тайное знание” князя демонов, проявляющееся через музыку. Ремизов ввел в сюжет мотив братания царя Соломона и Китовраса — это развитие темы “Притчи царя Соломана о цари Китоврасе”, где последний назван “по родству брат царю Соломону” (*Кушелев-Безбородко*, с. 59). В окончательном тексте первой редакции наиболее ярко выражен оптимизм финала: “Заклинательная книга действует. В страхе пробуждается Китоврас и улетает. И появляется Соломон в одежде странника — в рубище с посохом. И уж мудрый садится на престол. Апофеоз. Люди, птицы и демоны славят премудрого царя”. По жанровой принадлежности *Китоврас-III* является переходным между произведениями драматическим и эпическим, тяготеющим к сказке. Дальнейшее развитие повествовательной основы сюжета привело Ремизова к созданию легенды “Китоврас” (*Китоврас-IV*).

В *Китоврасе-IV* сюжет построен на совмещении ряда источников: талмудической легенды об Асмоде; “Притчи царя Соломана о цари Китоврасе”; “Повести царя Давида и сына его Соломана и о их премудрости” (*Кушелев-Безбородко*, с. 63—70); “О оужичкой царицы” (*Кушелев-Безбородко*, с. 54—55). Теперь мотивы построения Храма и поиска краесекомого камня перестали быть основой центральных эпизодов повествования и отошли на периферию сюжета, посвященного перипетиям судьбы единственного героя повествования — царя Соломона. Хотя имя Китовраса осталось в заглавии, но он трансформировался в “чудесного помощника” главного персонажа. Одновременно с контаминацией мотивов разных источников в единый сказочный сюжет Ремизов русифицировал повествование, используя просторечные и традиционно-сказочные речевые обороты (“сказано-сделано”, “чтобы хватило ему н6ски”, “забывшее зелье”), меняя наименования героев (вместо “старейшины” — “волхвы”). В *Китоврасе-IV* мистические мотивы полностью заменены сказочными. Исчезло упоминание о “странном пении” Китовраса — проявлении его тайного знания. Для создания этого текста Ремизов взял из книги Веселовского другую, по определению ученого, “романтическую”, т. е. беллетристическую, версию легенды о возвращении Соломону перстня при помощи рыбы (*Веселовский*, с. 111). Повторное воцарение героя, составлявшее финал первой редакции переработки Ремизова, теперь — только кульминация сюжета. Его членение на замкнутые авантюры влечет за собой переход легенды в новеллу.

Примечательно, что в *Китоврасе-IV* присутствует характерная стилевая черта поздней творческой манеры Ремизова. В авторское повествование включается лейтмотивная фраза, как бы прорвавшаяся из подсознания героя. Забыв про беды, принесенные Китоврасом, царь Соломон вспоминает его в момент несчастья с женой: “Будь тут Китоврас, была бы спасена царевна!”. Такая двуплановость повествования делает *Китовраса-IV* значимым звеном в эволюции творческого метода писателя. Другой типологической чертой, присущей поздним переработкам древнерусских повестей, является замена счастливого финала источника на трагическую развязку. Она также присутствует в *Китоврасе-IV*. “Повесть царя Давида и сына его Соломона и о их премудрости” — это рассказ о похищении жены Соломона царем Пором (у Ремизова — царем Foge — вариант имени героя заимствован из книги Веселовского). Ремизов дополнил древнерусский источник одной из версий сюжета, приведенной в книге Веселовского. В заключение сводного обозрения разных типов этого сюжета ученый привел сербскую сказку, заканчивающуюся приходом на помощь Соломону его войска. “Интересно, — отметил Веселовский, — что Соломон оставляет своих воинов в лесу и велит им двинуться по звуку рожка, прикрываясь *зелеными ветвями*. Это известное сказание об идущем лесе, встречающемся уже у Самсона Грамматика; им воспользовался Шекспир в своем Макбете. Не было ли чего подобного и в том сказании, которым пользовалась наша былина, где Соломон также оставляет свою силу под рощами зелеными?” (*Веселовский*, с. 244). Создавая “русскую народную легенду”, Ремизов использовал эту гипотезу Веселовского в своем финале: “Соломон просит в последний раз сыграть на гусях. И когда в третий раз играет, подымается лес и идет. Это войско Соломона идет освободить его. Китоврас становится невидим. А царевна в отчаянии убивает себя. Соломон освобожден, но царевны уж нет”. Таким образом, вторая редакция переработки Ремизовым сюжета о Соломоне и Китоврасе приближается к жанру фольклорной легенды, тяготеющей к новелле. Таинственный талмудический демон Китоврас превратился в волшебного помощника царя Соломона, а последний из библейского мудреца трансформировался в искателя приключений, подобного герою авантюрного романа.

Новый этап работы Ремизова над сюжетом о Соломоне и Китоврасе связан с годами второй русской революции. Создание третьей редакции переработки относится к 1918—1920 гг. — времени, когда сюжет о союзе человека и демона в деле великого созидания нового обрел для писателя особый смысл и стал основой для “большого всенародного действия”, т. е. мистерии.

26 мая 1918 г. Ремизов сообщил В. Э. Мейерхольду: “Хочу осуществить давно задуманное: написать для большого циркового театра о *Соломоне и Китоврасе*. Тут Иван Александрович Рязановский будет незаменимым”¹¹. Упоминание о “давно задуманном” соединяет новое произведение с замыслом 1912 г., а имя археографа и медиевиста И. А. Рязановского говорит о том, что Ремизов собирался глубоко проанализировать древнерусские источники. В 1919 г. на анкетный вопрос о творческой работе Ремизов отвечал: “Больше всего занят театром <...> и потому, что люблю театр, и потому еще, что служу в учреждении театральном. Три пьесы ношу в сердце — пишутся они медленно, не хватает часов — да и сон тоже каждому полагается — три образа неодоленные: Китоврас и царь Соломон — скиф и мудрец, демон и повелевающий демонами, потом Ванька-Каин-вор-скоморох, а последнее конец Разина, как в легенде сложил народ”¹². Неурядицы быта революционной поры мешали созданию пьесы. Об этом свидетельствует дневниковая запись писателя от 30 сентября 1920 г.: “Когда шел, мысленно писал до ожесточения. Писал первую сцену из Китовраса <...> А вернулся — разбитый. Куда уж писать?”¹³. Однако, несмотря на трудности, драматическое произведение в трех актах “Соломон и Китоврас” было написано, но осталось неопубликованным, и также входит в состав конволюта из собрания Центра Русской Культуры Амхерст-Колледжа.

Рукопись *Китовраса-V* — это частично беловой, а начиная с 5-й картины 2-го акта — черновой автограф. Имена действующих лиц в предварительном списке приведены полностью, а в дальнейшем обозначены инициалами (при публикации текста в Приложении они раскрыты). Первая часть *Китовраса-V* (беловой автограф) переписана каллиграфическим почерком, каким Ремизов обычно пользовался для оформления рукописей, отдаваемых в печать. Вторая часть (черновой автограф) — текст скорописью XX в. с сокращением слов, пропуском в 5-й картине 2-го действия реплик народа. В итоге анализа рукописи создается впечатление быстрого, почти конспективного дописывания пьесы до конца. На неокончательный характер текста указывают и неполное соответствие списка действующих лиц сюжету, и следующие за списком наброски неиспользованных сюжетных мотивов.

Для понимания специфики нового произведения о Соломоне и Китоврасе важно учитывать, что с середины 1910-х гг. усилился интерес писателя к эзотерическим философским и религиозным учениям. В мистических доктринах древности и современности, в книгах по масонству, каббалистике и оккультизму он искал ответа на вопрос о первопричинах мирового зла, онтологических основах и путях дальнейшего существования бытия. Изучение тайных уче-

ний было необходимо Ремизову для символического осмысления главных событий русской жизни той эпохи — мировой войны и революции — как событий мистериальных, во многом понимаемых и “принимаемых” писателем лишь в контексте их герметического смысла. Характерно, что в 1919 г. одновременно с работой над *Китоврасом-V* Ремизов закончил свой последний “роман” “Ров львиный” [“Канава”]¹⁴, в котором эзотерические учения были основой концепции произведения. Наиболее программно необходимость владения герметическим “ключом” для понимания смысла изображенного выражена в финале романа: “Когда объявили войну и начались всякие победы и поражение, Антон Петрович только руки потирал от удовольствия: ведь все-то оправдывалось, как пописаному <...> И когда в феврале в Петербурге вышли на Невский с революцией, Антон Петрович даже перекрестился: — Грядет! И стал зорко присматриваться: его занимал тот кавардак, какой начинался на земле. <...> Но под жалостью, вдруг нахлыывающей на него с невероятной болью, в мучительной памяти своей о каком-то мальчике Васе, забитом гимназисте, сверстнике своем, спохватываясь, он гавкал, выговаривая на злых духов и свои черные мысли последнее и единственное всесокрушающее заклинание: «Абракада!»”¹⁵. Последнее магическое слово является своеобразным ключом к шифру, при помощи которого скрыт тайный смысл свершающихся катастроф. Семантика его проясняется из исследования Юрия Николаева [Ю. Н. Данзас] “В поисках за Божеством. Очерки из истории гностицизма”. Как подтверждают прямые и скрытые цитаты, эта книга была для Ремизова одним из основных источников. В ней сообщалось, что “у Василидиан <...> мистическое значение слова *Αβρααξ* заключалось в обозначении *проявления Творческих сил Божества в мире*, полноты Жиздительной Силы, творящей реальный мир и одухотворяющей эволюцию сознания из низшей материи в высшую область Духа. Это — мировая воля, направляющая эволюцию мирового сознания и соприкасающаяся с непознаваемой Сущностью Божества”¹⁶.

По Ремизову, сокровенный смысл катаклизмов, сотрясавших Россию, скрыт от их, одновременно и участников, и жертв, являющихся лишь песчинками в игре космических сил. Истинный художник, писатель, артист — один из великих посвященных, посредник между тайным знанием и профанами, приоткрывающий в художественных образах край покрывала Изиды. Таким образом, в годы революции Ремизов продолжал оставаться последователем символических представлений о миссии творца.

Драматическое действие “Соломон и Китоврас” (*Китоврас-V*) принадлежит к наиболее эзотерическим текстам Ремизова. В нем писатель стремился вернуться к первоистокам мистерий. Так в чис-

ле действующих лиц указаны “дубравные жрецы”, царь Соломон одет в подир халдейского мага, герои призывают не только Адонаи, но и ассирийских и халдейских божеств. К источникам пьесы кроме текстов, собранных в книгах Кушелева-Безбородко, Тихонова и Веселовского, принадлежат подчас малоизвестные труды по гностицизму, каббалистике и масонству. Несомненным является обращение Ремизова к исследованию Юрия Николаева. Писатель также использовал статьи Р. В. Иванова-Разумника.

В новой редакции ремизовского пересказа истории Соломона и Китовраса сюжетная канва древнерусской “Повести о Китоврасе” — основа лишь одного эпизода драмы. К комплексу сюжетных мотивов “Повести” Ремизов присоединил, как второй основной сюжетный источник, талмудическую легенду о Адонираме (Хираме) — строителе Соломонова Храма. Приведем ее краткое изложение в современном исследовании, в целом совпадающее с ее содержанием в прямом ремизовском источнике — главе “Легенда о храме” книги XIII “Франкмасоны” исследования Чарлза Уильяма Гекерторна “Тайные общества всех веков и всех стран. Ч. 1” (СПб., 1876): “Существует странная каббалистическая легенда о Хираме, согласно которой он был потомком Самаэля, Духа Огня, а среди его предков был и бессмертный Тубалкан, изобретатель закалки металлов. Легенда говорит, что вершиной творчества Хирама была Купель — восхитительный сосуд для омощений, который перевозился двенадцатью быками. Огромный сосуд в тридцать локтей в окружности должен был быть отлит как единое целое, и на это событие собрались рабочие, жители Иерусалима и даже царь Соломон с царицей Савской решили почтить вниманием это великое событие. Но четыре ремесленника, недовольные Хирамом из-за его отказа повысить их в должности, тайно налили в отливочную форму воду. Когда пробки домны были пробиты и пылающий металл потек в форму, раздался страшный взрыв. В воздух поднялись пары воды и жидкого металла, сея смерть и панику. Хотя неудача с величайшим проектом потрясла Хирама, он храбро стоял посреди бушующего пара. Внезапно из кипящей массы раздался голос: «Ты несгораем. Отлей себя в пламени». И Хирам прыгнул в Купель и через нее провалился в центр земли, где обитал его огненный предок, первый металлург”¹⁷.

Таким образом, *Китоврас-V* — произведение, основанное на легендах о начале и завершении строительства Соломонова Храма, и вместо двух появляются три основных персонажа — царь Соломон, волшебное существо Китоврас и великий мастер-строитель Храма Адонирам. Но роли этих героев в пьесе Ремизова неравнозначны.

Царь Соломон олицетворяет мудрость, порядок и власть, образующие “законное” человеческое мироустройство. Он же воплощает ненасытное стремление людей стать абсолютными хозяевами рационально устроенного мира. Через разум человек может уподобиться Богу — таково символическое значение предполагаемого брака царя Соломона с царицей Савской. Он говорит ей: “В тебе сильно желание мудрости. А я сжигаем твоей красотой. Если ты любишь мудрость, соединим свои дни и будут дети наши прекрасны и мудры, как боги земли”. Однако для Ремизова доктрина о примате человеческого разума (“мудрости”) всегда представлялась ложной. В особенности в годы революции “антропоцентризм” ремизовского героя всегда был свидетельством ограниченности и неистинности исповедуемых им теорий. Самодостаточный, убежденный в безграничности своей власти и мудрости царь Соломон — воплощение того “человечества”, которому противостоят утопические “обезьяны” Ремизова. В известном Манифесте Обезвельвол пала объявлялось, что свободные обезьяны презирают “гнусное человечество, омрачившее свет мечты и слова”, состоящее из людей, “как будто откликающихся на вольный клич, но не допускающих борьбу за этот клич”¹⁸.

Антагонист библейского царя Китоврас — “вольный житель привольных степей, мудрый, ласковый, смелый. Он познал глубокую мудрость веков, когда вся природа говорила одним языком”. Писатель использовал разъяснение семантики имени этого персонажа у Веселовского: “Китоврас не что иное как неумелая переделка греческого кентавра” (*Веселовский*, с. 137). В пьесе Адонирам называет его “свободным кентавром”. Для Ремизова не столь значима волшебная (демоническая) сущность Китовраса, сколько персонификация в его лице стихии абсолютной свободы и воли. Модернизированный переосмысленный образ Китовраса стал одним из центральных ремизовских символов сущности революции. Философскую и эстетическую аналогию символическому истолкованию “вольного кентавра” Китовраса Ремизов частично обрел в “скифской” теории Р. В. Иванова-Разумника¹⁹.

Как известно, Ремизов, хотя и со значительными оговорками, примыкал к “скифам” — литераторам, группировавшимся вокруг Иванова-Разумника. Писатель был участником всех номеров сборника “Скифы” (в первом номере было напечатано его либретто “Ясня”, во втором — “Gloria in excelsis” и программное “Слово о гибели русской земли”)²⁰. Ремизовская трактовка образа Китовраса во многом сходна с символом разумниковского “скифа”, ведущего вечное сражение с мировым мещанином. Их схватка — это “борьба реакционности в разных масках — в маске «прогресса», в маске «социализма», в маске «христианства» — с революционной

сущностью, с «волей до конца» во всех областях, во всех кругах жизни и творчества — в политике, в науке, в искусстве, в религии”²¹. Как и “скиф” Иванова-Разумника, Китоврас — олицетворение вечной свободы и революционности, и в этом он сближается с другим героем ремизовской мифологии революционных лет — с фантастическим “обезьяном”, членом Обезвельволпала.

Наиболее полно раскрытие генезиса и семантики образа Китовраса дано Ремизовым в рецензии (датированной автором 1918—1919 гг.) на пьесу “Дантон” Ромена Роллана: “Дантон — скиф раздольных степей, китоврас, чарующий дикой песней прирученное, расчетливое, приспособившееся в борьбе к расчетливости — другого исхода нет! — человеческое стадо. Дантон пробуждает в душе и самой человеческой, т. е. расчетливой, видение обезьяньего вольного скифа, песенного китовраса — народ готов уж освободить его за крылатую его волю и уносящую, опьяняющую песню, но <...> Жизнь человеческая — стада человеческого не может идти по-обезьянью под песню китовраса — человеку это не под силу и притом же неразумно! — но и без песни китовраса жить невозможно, просто скучно, просто постыло” (*Крашенные рыльа*, с. 76—77).

В пьесе Ремизова противопоставлены две “мудрости” — человеческая “разумность” царя Соломона и стихийное “неразумие” Китовраса. На просьбу Соломона открыть ему свою мудрость Китоврас отвечает: “Мудростью ли похвастает сын лесов и степей! Еще не пришли те пастыри, которые научат весь мир. Шепот травы полевой, свежесть росы и сияние — вот моя мудрость <...> Благодать радостной жизни дышать на вольной земле — вот моя мудрость”. Это антитеза профанного и тайного знания, причем только через последнее, по Ремизову, можно постичь природу стихийного акта творения. А одним из его проявлений является революция.

Каббалистическими заклинаниями царь Соломон делает Китовраса своим союзником, находит камень Шамир и смиряет шум. “Наступает тишина, проникнутая музыкой”. Неслышная музыка — символ мировой гармонии. На мгновение “закон” и “свобода” пребывают в равновесии. Но оно нарушается по воле Адонирама — “сына гения огня”.

В годы революции символика “огня”, “мирового пожара” широко использовалась в художественной литературе и публицистике. Приоритетное место занимала она и в произведениях Ремизова, изучавшего ее значение по древним текстам и научным исследованиям. Писатель видел в стихии огня аллегорическое изображение одной из космических сил, определяющих современность. В 1919 г. он опубликовал книгу “Электрон” — свое переложение текстов

Гераклита Эфесского, у которого огонь являлся основой бытия. “Есть суд всего, — писал Ремизов, — что дышит, живет и растет, суд огнем. Огонь последний судия — все судит и все разрешает”²². Знаменательна лексическая и семантическая переключка этого текста со статьей Иванова-Разумника о поэме Блока “Двенадцать” — “Испытание в грозе и в буре” (1918), где критик цитировал “Электрон” Ремизова. “От произведений поэзии переходя к преломляемым ею лучам жизни, — писал Иванов-Разумник, — еще раз повторю: лучи эти соединяются, через революцию, в «последний суд огнем». И этот последний суд — для всего и для всех является последним испытанием. В огненной грозе и буре должны распасться старые кирпичи, должны закалиться новые мечи, проводящие нас в мир новый. В буре пожаров надо суметь увидеть то новое, то надисторическое, что таится перед нами в пыли, грязи и крови”²³.

Для более точной трактовки образа огня у Ремизова надо учитывать его неоднократные обращения к книге Юрия Николаева “В поисках за Божеством”, в которой подробно развита интерпретация значения этого символа в древних религиозных и философских системах. Огонь, отмечал автор исследования, занимал “выдающееся место в таинственных культах Востока. В этом образе мы опять видим тройственный символический смысл. В грубейшем смысле огонь был божеством <...> преклонение перед животворной силою солнца, создавшею на земле жизнь, было лишь одним из выражений идеи, открыто высказанной еще Гераклитом, — об огне, как первичном элементе материи и всего бытия. <...> Кроме того, огонь являлся символом духовной сущности, одухотворяющей мир и связующей царство материи с высшей областью чистого Духа: образом ее представлялся огонь, как нечто среднее между материей и бесплотною сущностью. Но был и иной, более глубокий смысл символики огня. Под ней скрывалась идея о непознаваемой и непостижимой Высшей Божественной Сущности, образом Которой в мире материи был первичный принцип огня”. Это — “метафизический принцип огня как первоисточника космической эволюции”²⁴. Именно последний, высший смысл символа огня был творчески аккумулирован Ремизовым. Поэтому он сделал Адонирама — “сына гения огня” — основной движущей силой своей мистерии.

Китоврас-V — мистерия о мировом переустройстве. Ее главное действующее лицо — Адонирам. Начало пьесы сюжетно совпадает с талмудической легендой о добывании “краесекогого” камня (*Веселовский*, с. 106). Но в варианте Веселовского Соломон узнает о волшебном камне от раввинов, а о Китоврасе, который сможет добыть его, — от двух демонов. У Ремизова единственный, кто

знает, как можно продолжить строительство, — Адонирам, который и дает первоначальный толчок развитию действия пьесы. При помощи магического действия — начертания древнееврейской буквы “тау” он наполовину уничтожает шум — заставляет замолкнуть людей, строителей Храма. Ремизов использовал значение этой буквы в Каббале, где она — “символ человека, так как она определяет конец всего, что существует, точно так же, как человек есть конец и совершенство всего создания”²⁵. Магическое использование этой буквы дает власть лишь над миром людей, но Адонирам указывает Соломону путь к достижению высшего знания и подчинения демона Китовраса.

Начало *Китовраса-V*, по терминологии Ремизова, — “издействие” (“действие моего я на мое я”), т. е. порождение сюжетного развития Адонирамом, выступающим в роли творческого начала. Он побуждает обоих антагонистов (Соломона и Китовраса) к дальнейшим действиям. Мудрый царь овладевает Китоврасом, а тот в свою очередь, спровоцированный Адонирамом, пользуется своей тайной силой — волшебной “песней полей, песней любви”. Под воздействием ее чар Соломон отдает ему магический перстень. Наступает царство Китовраса, обернувшегося царем Соломоном.

Ремизов взял из источников мотив двойничества героев, но полностью переосмыслил его. В талмудической легенде, а затем и в древнерусской повести семантика этого мотива — наказание “гордого царя” и его последующее нравственное возрождение. В пьесе Ремизова два царства (Соломона и Китовраса) — олицетворение двух типов социума. Царство Соломона — мироустройство на основе “закона” и рациональной человеческой “мудрости”. Царство Китовраса — творимый волей Адонирама эксперимент по созданию мира, основанного на абсолютной стихийной свободе. Антитетичность двух мироустройств подчеркнута художественным приемом — зеркальностью судов обоих “царей Соломонов”. О значимости этих сцен в художественной структуре произведения свидетельствуют нереализованные, но так и не убранные из текста белого автографа сюжетные мотивы — изложение трех загадок, раскрытых Соломоном. Они выписаны Ремизовым из “Повести царя Давида и сына его Соломона и о их премудрости” (*Кушелев-Безбородко*, с. 64—65).

“Настоящий” царь Соломон судит по установленному людьми Закону. Сцена его судов — точный пересказ источников: библейской истории о двух женщинах и ребенке и сюжета о корове и быке, случайно убившем ее теленка (*Веселовский*, с. 58). Второй “царь Соломон” — Китоврас разрешает те же ситуации иначе, опираясь не на установленную разумом мораль, а на биологиче-

ские основы воспроизводства всего живого. Ремизов и здесь основывался на данных источника — сведениях о том, что Асмодей — “демон похоти” (*Веселовский*, с. 116). Но, с другой стороны, “права пола” являлась для него одной из составляющих стихийной свободы, олицетворенной правлением Китовраса.

В момент достижения Адонирамом наивысшей точки его эксперимента (в метафорах “строительства” это реализовано в создании Купели) начинается следующий этап развития мистерии — “действие Рока на мое я”. Оно проявляется в предательстве помощников Адонирама, помешавших отливке “медного моря”. Ремизов трансформировал талмудическую легенду, сведя до трех число врагов Адонирама, каждый из которых внес свою лепту в гибель мастера. Таким образом Ремизов сблизил эту легенду с другой — знаменитой легендой об убийстве Адонирама (Хирама) тремя Товарищами Ремесленника, легендой, которая легла в основание символической философии масонства.

Пожар, которым заканчивается церемония отливки “медного моря”, — кульминация мистерии и наиболее сконцентрированное аллегорическое выражение ее основной идеи. В огне пожара гибнет царство Китовраса. Создатель царства безудержной свободы повторяет путь первого царя Соломона. Китоврас обуян гордыней. “Я царь, — говорит он Адонираму. — Кто может быть выше меня?”. По мысли Ремизова, мир стихии и воли неизбежно превращается в царство принуждения.

На вопрос “гордого” царя Китовраса Адонирам отвечает, что выше его “бессмертные духи, рожденные воздухом, огнем и водой”. В большинстве эзотерических учений три названных первоэлемента составляют основу космогонических процессов. Архитектор Адонирам является одной из эманаций этих сил, а его эксперимент по смене модели мироустройства есть лишь частица вечного космического движения.

В финале пьесы наиболее отчетливо прослеживается связь концепции произведения Ремизова с учением гностика Василида о земном мире, находящемся во власти зла (“деспота Демиурга”). Кульминация мистерии (“действие моего я на Рок”) — погружение Адонирама в пламя. Это — момент его мистического преображения, его жертва — искупление эксперимента по созданию царства безвластия. После огненного ухода Адонирама Китоврас сбрасывает перстень, и тогда вновь появляется истинный царь Соломон. Но финал мистерии есть также выражение исповедуемого Ремизовым дуализма: искупление человечества одновременно и происходит, и нет. На сцене оказываются два царя Соломона как воплощение нового выбора, стоящего перед людьми.

Ремизов писал мистерию о эзотерическом смысле революции не для чтения, а для сценического воплощения в “театре площадей и дубрав”. Вспомнив его письмо Мейерхольду о работе над пьесой о Китоврасе для “большого циркового театра”, можно сделать предположение о возможном заказчике текста. В сезон 1919/1920 г. в Народном доме был открыт Театр народной комедии. По воспоминаниям С. Радлова, отделом театра и зрелищ “был организован маленький закрытый конкурс на сценарии маленьких одноактных пьесок, рассчитанных на искусство данных цирковых актеров <...> Были привлечены три автора с просьбой написать какие-то предварительные сценарии. Это были А. Ремизов, В. Н. Соловьев, я — С. Э. Радлов <...> Помню, что А. Ремизов написал какой-то шуточный рассказ, который цирковыми актерами понят не был”²⁶. Возможно, что Радлов имел в виду мистерию о Соломоне и Китоврасе, оставшуюся в памяти “профана” лишь “шуточным рассказом”.

Покидая в 1921 г. Россию, Ремизов увез с собой все варианты переработки сюжета о Соломоне и Китоврасе. В 20-е гг. он вернулся к той же теме, но дал ей новое освещение. Дальнейшее развитие текста представлено незаконченным беловым автографом прозаического текста (*Китоврас-VI*). Основным источником была вновь избрана “Повесть о Китоврасе” (*Кушелев-Безбородко*, с. 51—52). Сохранившийся отрывок — это близкий к тексту пересказ древнерусского источника. Сравним текст Ремизова с текстом древнерусской повести. *Китоврас-VI*: “Соломон велел сковать железную цепь и железную гривну и написал на ней заклятие с именем Божьим. И послал Бенаи, своего лучшего боярина, с отроками и велел везти с собой вино и мед”. Текст “Повести о Китоврасе”: “И по мудрости своей замысли Соломон сковат уже железно и гривну железну, — и написах на неи во имя Б<ож>ие зарочение. И послах боярина лутшаго со отрокуы, указаше вести вино и медь, и руна овчья с собою взяша” (*Кушелев-Безбородко*, с. 51). Прежнее смелое экспериментирование с данными разнообразных источников заменено строгим следованием протографу. Единственное воспоминание о предшествующей мистерии заключается в упоминании Хирама, известного Соломона о волшебной природе Китовраса. Сюжетный и семантический буквализм *Китовраса-VI* свидетельствует о промежуточном характере этого варианта, в котором писатель уже отошел от аллегорического истолкования древнего сюжета как эмблематического изображения мистерии русской революции, но еще не обрел новой концепции продолжавшего интересовать его текста.

Последняя, четвертая, редакция ремизовской переработки озаглавлена “Соломон и Сфинкс. Легенда о Китоврасе” (1930)²⁷. В

конволюте Центра Русской Культуры Амхерст-Колледжа находится беловой автограф этого текста (далее — *Беловой автограф*) и варианты авторского комментария. С незначительными стилистическими исправлениями текст “Соломон и Сфинкс” под заглавием “Соломон и Китоврас” был включен в книгу “Круг счастья” (с. 46—57), а текст комментария, также несущественно исправленный, вошел в состав авторских “объяснений” в том же издании.

В “объяснениях” к легенде Ремизов перечислил все уже не раз названные русские источники текста. В черновом варианте объяснения к легенде, датированном концом 20-х гг., к вышеуказанным добавлены следующие исследования: “*André Mason. Le nom du chamir dans la légende de vieux-russe de Salomon et Kitovras. Mélanges publiés en l’honneur de M. Paul Boyer. Paris, «Edouard Champion», 1925; André Mazon. Le Centaure de la légende de vieux-russe de Salomon et Kitovras // Revue des Études Slaves. 1927. Т. 7; Israël Lévi. L’orgueil de Salomon // Revue des Études juives. 1888. Т. 17*”. За исключением исследования Леви, эти источники перечислены в первой публикации 1930 г. Однако упоминание о них снято в публикации 1957 г. Вероятно, их введение имело не столько реально семантическую функцию, сколько служило модернизации справочного аппарата ремизовской легенды.

Четвертая редакция ремизовского пересказа древнего сюжета является свободной компиляцией мотивов разных источников, однако основа легенды восходит к все той же “Повести о Китоврасе” (*Кушелев-Безбородко*, с. 51—52). Новому варианту Ремизов придал византийский колорит, изменив на греческие имена второстепенных героев (например, “Бенаи” на “Вифоний” и т. п.), введя в текст сохранившиеся грецизмы (спафарий, сиккелы и др.). Писатель как бы реконструировал первоисточник древнерусского памятника — византийское сказание о Китоврасе, о потенциальном существовании которого упоминал Веселовский, отмечавший, что “легенда о Соломоне и Китоврасе была известна у нас еще в XIV веке <...> С какого подлинника переведена она? Имя Китовраса — Кентавра указывает, что оригинал был греческий” (*Веселовский*, с. 212). Но одновременно с “византинизацией” текста Ремизов осовременил его, наиболее откровенно в сравнении с предыдущими редакциями вводя реалии XX в. Таково, например, описание ажиотажа вокруг появившегося Китовраса в *Беловом автографе*: “В залах хоть и часовых не ставь: заходил спафарий Зеркон и префект Дардан — по экстренному делу, забегали эпитомоторы из «Paris-Press» получить информацию”. Подобная нарочитая актуализация текста смягчена в стилистическом варианте 1957 г.: “В залах дворца хоть и часовых не ставь. Заходил спафарий Зеркон и префект Дардан — «по экстренному делу», забегали эпитомоторы из распространенной ие-

русалимской газеты получить информацию” (с. 48). Ремизов вернулся к триаде главных героев: царь Соломон — Хирам (Адонирам) — Китоврас. Но их роли переосмыслены. Теперь в ряду первоисточников нового текста не последнее место заняли и авторские варианты старого сюжета. Четвертая редакция сохраняет “историческую память” о ремизовской мистерии, созданной в годы революции. Но прежняя семантическая основа образов царя Соломона и строителя Адонирама как обладателей тайного знания, стоящих над людьми, над “профанами”, перестала быть актуальной для Ремизова. На первый план писатель выдвинул именно человеческую природу своих героев. Это — люди, столкнувшиеся с неразрешимой загадкой Китовраса. Для его характеристики Ремизов ввел в повествование лейтмотивную фразу: “С полуопущенными крыльями, подогнув ноги, окаменев, загадочно смотрел Китоврас” (с. 49). Развивая гипотезу Веселовского о греческом (византийском) источнике древнерусских текстов, писатель дополнил версии ученого об исторических корнях Китовраса еще одним прототипом — Сфинксом. Если в ремизовской мистерии Китоврас — вольный скиф, олицетворение безграничной свободы, то Китоврас-Сфинкс — это олицетворение судьбы.

В четвертую редакцию своего пересказа древнего сюжета Ремизов привнес элементы психологического автобиографизма. В наибольшей степени личностное начало присутствует в образе строителя Хирама, чей образ сближается с образом автора. В “Соломоне и Сфинксе” идейная концепция легенды включает в себя и “прапамять” текста, актуализируемую за счет мотивов — знаков иных семантических рядов, расширяющих контекст произведения. Так Хирам — начальник над странными демоническими рабочими, существующими почти независимо от него. В их уста вложена цитата из “Интернационала”. Ее введение непонятно без “прапамяти” о ремизовской мистерии, где волей Хирама (Адонирама) совершался эксперимент по мировому переустройству, строительству “нового мира” над разрушенным “до основания” старым. Но если в мистерии Адонирам был и творцом, и искупительной жертвой, то в “Соломоне и Сфинксе” он — не деятель, а очевидец, воплощение рефлектирующего сознания, вбирающего в себя противоречивые перипетии истории.

Вновь обратившись к повествовательному жанру легенды, Ремизов пересоздал его путем введения в малую эпическую форму элементов драмы (трагедии). Дважды в структуру повествования включен голос Хора, аккумулирующего голоса отдельных персонажей, и прежде всего внутренне объединяющего трех главных героев. Художественная функция голоса Хора еще более отчетливо

выявлена при стилистической правке текста. Сравним два варианта откликов Хора:

Китоврасу открыты тайны земли,
Знает и птичка чудесный камень.
Но не та же ль судьба, что и человека, —
человеку открыта тайна воспоминаний
Так же беззащитен и на глазах та же
повязка:
Ни откуда явился, ни куда суждено
явиться.
(Беловой автограф)

Вошел, стал на твердую землю
и захлопнулась дверь, и там,
куда ведут дороги, — стена
и опять тяжелая замкнутая дверь.
Но я — на твердой земле — моя воля!
я на свой страх свободно творю!
(Беловой автограф)

Китоврасу открыты тайны земли,
Знает и птичка чудесный камень.
Но не та ли судьба, что и мне, человеку?
— Человеку открыта тайна
воспоминаний.
Но та же беззащитность и на глазах
повязка:
Кто это скажет, откуда явился,
и куда суждено предстать?
Мне. — Китоврасу. — И птичке.
(С. 53)

Я вышел на твердую землю
За спиной захлопнулась дверь.
Стена — куда б ни повела дорога —
И снова замкнутая дверь.
Стою на твердой земле —
Моя воля, моя мечта.
Свободно на свой страх творю.
Я, Хирам, Соломон.
(С. 55)

Как показало сравнение стилистических вариантов окончательного текста легенды, в варианте 1957 г. лексически усилена форма “коммоса”, свойственная традиционному плачу античной трагедии: “Мне. — Китоврасу. — И птичке”; “Я, Хирам, Соломон”.

В окончательном тексте, представленном двумя вариантами четвертой редакции, Ремизов “реконструировал” византийский протограф легенды, но прочел его сквозь призму сознания ХХ в.

Итак, подводя итоги анализа истории текста легенды Ремизова “Соломон и Китоврас”, можно сделать вывод о том, что первоначальный замысел произведения возник у писателя в 1910-е гг. и был связан с центральной художественной задачей “реконструкции” народного мифа, сохранившегося в подчас далеко отошедших от первоисточника видах и формах. У П. А. Бессонова рассказывалось о народной драме — “игре о царе Соломоне”, сыгранной скоморохами под руководством Ваньки Каина. Характеризуя постановку, он писал: “Скоморохи, главные актеры, придерживались эпического содержания и драматического, известного с древности сюжета; сам Каин любовался зрелищем, созерцая в нем некоторым образом собственную роль и судьбу: но, как говорится у нас, «для удовольствия публики», согласно тогдашним обычаям и нравам, драму нужно было порезче перевести на современные тогдашние обычаи, на сцены, столь часто повторяющиеся в действительности перед глазами и, в представлении шуточном,

наиболее способные возбудить в толпе интерес”²⁸. Подобное описание драмы, сохранившейся лишь в кратком прозаическом пересказе, было созвучно по своим эстетическим задачам (в несколько модернизированном виде изложенным исследователем XX в.) художественным поискам Ремизова, практически воплощенным в “Бесовском действе” (1907). Планы ремизовской “русалии” о Соломоне и Китоврасе (*Китоврас-I—III*) фиксируют попытки найти эстетический баланс между, пользуясь словами Бессонова, “эпическим содержанием” и “драматическим сюжетом”. Однако в том же исследовании Бессонова говорилось об изначальной амбивалентности форм существования мифа о Соломоне и Китоврасе. Вторая редакция произведения (*Китоврас-IV*) является результатом раскрытия мифа средствами эпического жанра легенды, тяготеющей к новелле. Однако это привело к исчезновению драматической (трагической) основы сюжета, и в дальнейшем Ремизов не развивал чисто эпическую форму интерпретации древнего мифа.

Актуализация эзотерического истолкования исходного сюжета в контексте событий революции 1917 г. привела Ремизова к использованию жанра мистерии (*Китоврас-V*). Когда между революционной эпохой и новыми обстоятельствами жизни писателя-эмигранта пролегла историческая дистанция, то мистериальная форма, внутренне ориентированная на проблемы 1917—1919 гг., уже не соответствовала новому смыслу, вкладываемому Ремизовым в старый сюжет. Буквальный прозаический пересказ древнерусского источника, каким является неоконченный вариант текста (*Китоврас-VI*), означает отказ от старой и переход к новой художественной концепции в интерпретации сюжета. Окончательный текст “Соломона и Китовраса”, имеющий первоначальное название “Соломон и Сфинкс”, был создан к 1930 г. и с незначительными стилистическими исправлениями издан в книге “Круг счастья. Легенды о царе Соломоне” (1957). Хотя для обозначения своего произведения Ремизов использовал термин “легенда”, но по сути это был текст нового синтетического жанра, объединившего в себе черты эпоса и драмы. В нем соединились две временные категории: категория прошлого, связанная с эпосом, и категория настоящего, соединенная с драмой. Древний сюжет о Соломоне и Китоврасе стал частью “исторической памяти” автора XX в. Конечным этапом творческой истории текста стало создание “неомифологического” произведения, в котором Ремизов наконец-то решил художественную задачу, поставленную в начале века.

Последней по времени аккумуляцией сюжета о Соломоне и Китоврасе творческим сознанием Ремизова стал рассказ “Под мостом” из цикла “Писец — воронье перо” в книге “Пляшущий демон” (1949). В своей очередной реинкарнации герой, alter ego автора, оказывается

сподвижником Ваньки Каина, писцом и участником народной драмы, рассказывающим о ней: “С Москвы я не ушел, но с «Каином» не знался. <...> Через Тайную Контору отыскал меня. Он сочинил комедию о Соломоне и Китоврасе: он играет Китовраса, а я царя Соломона. На Прощеное воскресенье на глазах у всей Москвы было мое прощание да не только с Москвой, а со всем белым светом. В последней сцене Соломон велит расковать Китовраса. И у раскованного кентавра поднялись за спиной крылья. Я снял со своей руки перстень и, ухватя меня за шиворот, да как кокнет — царя Соломона Китоврас закинул на край обетованной земли, и Соломон на берегу теплого моря под звездами очнулся, а я, отшвырнутый с Ехалова Каменного моста, угодил головой в москорецкую прорубь. И меня ожгло таким мокрым огнем, всю память выжгло, да ее подо льдом и не спросят — представление окончилось”²⁹. В этом пересказе старого сюжета восстановлена его праоснова как мифа о смерти и воскресении, мифа, ставшего исторической памятью писателя-модерниста.

Автор статьи приносит глубокую благодарность директору Центра Русской Культуры проф. Стэнли Рабиновичу, ученому хранителю Тане Чеботаревой за помощь в работе и за предоставление для публикации текстов А. М. Ремизова. Тексты печатаются по автографам (Центр Русской Культуры Амхерст-Колледжа, фонд А. Ремизова и С. Ремизовой-Довгелло. Кор. 12, папка 38) с сохранением индивидуальных особенностей авторской орфографии и пунктуации.

¹ Ремизов А. Круг счастья. Легенды о царе Соломоне. Paris, 1957. Далее текст легенды “Соломон и Китоврас”, опубликованной в этой книге, цитируется по этому изданию с указанием страниц в тексте.

² Далее цитируется в тексте соответственно: *Кушелев-Безбородко. Тихоцрахов.*

³ Переписка А. А. Блока с А. М. Ремизовым (1905—1920) / Вступ. статья З. Г. Минц; Публикация и коммент. А. П. Юловой // Лит. наследство. М., 1981. Т. 92, кн. 2. С. 101.

⁴ Там же. С. 108.

⁵ Подробнее о судьбе театральных проектов Ремизова и Терещенко см.: *Ремизов А. Встречи. Петербургский буерак.* Paris, 1981. С. 167—171.

⁶ Переписка А. А. Блока с А. М. Ремизовым. С. 109.

⁷ Алазион — ремизовское прозвище М. И. Терещенко. См.: *Ремизов А. Пляшущий демон // Ремизов А. Огонь вещей.* М., 1989. С. 251.

⁸ *Ремизов А. Крашенные рыла.* Берлин, 1922. С. 114—115. Далее театральные статьи и рецензии Ремизова цитируются: *Крашенные рыла* с указанием страниц.

⁹ Далее цитируется в тексте: *Веселовский* с указанием страниц.

¹⁰ Порядок нумерации рукописных текстов соответствует порядковому номеру их публикации в Приложении к данной статье.

¹¹ РГАЛИ, ф. 998, оп. 1, ед. хр. 2303, л. 33.

¹² Вестник литературы. 1919. № 8. С. 4.

¹³ *Ремизов А. Дневник 1917—1921 / Подгот. текста А. М. Грачевой и Е. Д. Резникова; Вступ. заметка и коммент. А. М. Грачевой // Минувшее: Исторический альманах.* М.; СПб., 1994. Т. 16. С. 493.

¹⁴ См. указание на время завершения романа: Вестник литературы. 1919. № 8. С. 4.

¹⁵ Ремизов А. М. Канава // Ремизов А. М. Избранное / Сост., примеч., послесловие А. А. Данилевского. Л., 1991. С. 546.

¹⁶ Николаев Юрий. В поисках за Божеством: Очерки из истории гностицизма. СПб., 1913. С. 266.

¹⁷ Холл М. П. Энциклопедическое изложение мasonicкой, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. Интерпретация секретных учений, скрытых за ритуалами, аллегориями и мистериями всех времен. СПб., 1994. С. 564. Другим источником пьесы Ремизова, вероятно, была драма последователя учения Рудольфа Штайнера — писателя Альберта Стеффена “Хирам и Соломон” (1918). О знакомстве Ремизовых с творчеством Стеффена свидетельствует, в частности, письмо М. В. Сабашниковой конца 1920-х гг.: “Посылаю Вам книгу Альберта Стеффена. Может быть, Вы почувствуете, как и я, что говорит через нее. Мне кажется, что каждое слово в ней важно. И что и как. Я уже о Стеффене Вам говорила. На этом Рождестве я видела его и с ним говорила. Он — чистый и сильный. Говорит только то, что знает, когда не знает, молчит. Буду с нетерпением ждать Вашего отзыва. Не спешите, я знаю, эту книгу скоро не прочтешь” (Центр Русской Культуры Амхерст-Колледжа, фонд А. Ремизова и С. Ремизовой-Довгелло. Кор. 3, папка 15). В 1920-е гг. Ремизов собирался перевести пьесу Стеффена. В парижской библиотеке Ремизова сохранилась книга Albert Steffen. “Hieram und Salomo” (Dornach, 1925) с дарственной надписью автора (Собрание Резниковых, Париж). См. письмо М. Колпакчи Ремизову от 6 февраля 1931 г.: “Глубокоуважаемый Алексей Михайлович, мой приятель В. М. Лесков (бывший муж Зинаиды Кирилловны) пишет мне, что он перевел «Хирам и Соломон» Альберта Стеффена на русский язык и просит узнать у Вас: 1) перевели ли Вы эту драму, как Вы собирались пять лет тому назад? 2) Если нет, то имеете ли Вы [под текстом письма помета Ремизова: я ничего не имею] что-либо против появления в печати перевода В. М. Лескова? Имеете ли Вы что-либо против печатания этого перевода, даже если Вы перевели уже драму Стеффена? Крайне извиняюсь за беспокойство и буду Вам очень обязан за ответ на эти три вопроса. С совершенным почтением Гр. Колпакчи” (Центр Русской Культуры Амхерст-Колледжа, фонд А. Ремизова и С. Ремизовой-Довгелло. Кор. 6, папка 8). Анализ текстов двух пьес показал, что “Китоврас” Ремизова является самостоятельным произведением, а не переводом “Хирама и Соломона” Стеффена.

¹⁸ Ремизов А. Ввихренная Русь. Париж, 1927. С. 273—274.

¹⁹ О “скифской” теории Р. В. Иванова-Разумника см. вступительную статью А. В. Лаврова к публикации переписки А. А. Блока и Р. В. Иванова-Разумника: Лит. наследство. Т. 92, кн. 2. С. 376—379.

²⁰ См.: Мануэль Э. “Слово о погибели русской земли” А. М. Ремизова и идеология скифства Р. В. Иванова-Разумника // Алексей Ремизов: Исследования и материалы. СПб., 1994. С. 81-88.

²¹ Скифы [Мстиславский С. Д., Иванов-Разумник Р. В.]. Скифы: Вместо предисловия // Скифы. Пг., 1917. Сб. 1. С. XI.

²² Ремизов А. Электрон. Пб., 1919. С. 7.

²³ Иванов-Разумник. Вершины. Пг., 1923. С. 202.

²⁴ Николаев Юрий. В поисках за Божеством. С. 38.

²⁵ Папюс. Каббала: Науке о Боге, Вселенной и Человеке. СПб., 1910. С. 95.

²⁶ Радлов С. Воспоминания о театре Народной комедии / Публикация П. В. Дмитриева // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1994. Т. 16. С. 81—82.

²⁷ Опул.: Последние новости (Париж). 1931. 19 апр. № 3679. С. 2—3. Под текстом дата “Paris, 1930”.

²⁸ Песни, собранные П. В. Киреевским. М., 1872. Вып. 9. С. 52.

²⁹ Ремизов А. Пляшущий демон. С. 300.

I

КИТОВРАС

РУСАЛИЯ

Дейст<вие> 1

к<артина> 1 Краесекомый камень

сц<ена> 1 Жалоба народа ц<а>рю на шум и стук при построении храма.

сц<ена> 2 Ц<а>рь (переворачивая кольцо ни левой руке на большом пальце) созывает демонов. Рассказ демонов о Китоврасе.

сц<ена> 3 Ц<а>рь и старейшины. Ц<а>рь посылает старейшин поймать Китовраса.

к<артина> 2 Пустыня дальняя

Появление Китовраса к колодцу и ловля Кит<овраса>.

Действ<ие> 2

к<артина> 1 Суд Соломона

к<артина> 2

сц<ена> 1 Царевна Сибейская.

сц<ена> 2 Видение царя (Страшн<ый> суд).

сц<ена> 3 Старейшины с Китоврасом.

сц<ена> 5 (sic! — А. Г.) Китоврас рассказывает, как достать краесекомый камень.

сц<ена> 6 Китоврас поет.

сц<ена> 7 Старейшины приносят ковчежец с камнем (несут его 4 на плечах).

Ц<арь> отворяет ковчежец и вынимает камень, шум замолкает. Китоврас поет, и царь склоняется к нему.

Действие 3. Пир Соломона

с<цена> 1 Царь поставил идола. Царь <1 нрзб.> своей властью склоняется <?> к царевне, хвастает на пиру. Китоврас предлагает дать ему перстень. С<оломон> дает перстень и исчезает. А [на] его место Китоврас всходит.

Д<ействие> 4. Суд Китовраса

с<цена> 1 Все поворачивают и идут, пораженные странностью суда.

с<цена> 2 Сон Китовраса: пустынный колодец, над колодцем звезда, звезда переходит с места на место и возвращается к колодцу.

с<цена> 3 Сходятся старейшины <1 нрзб.> несут справа, а слева заклинательную книгу 1) с книгой на корточках 2) развертывают 3) входят к Китоврасу и разговаривают.

с<цена> 4 Китоврас пробуждается, перстень соскальзывает с его руки. Соломон <2 нрзб.> и садится на трон и с ним жена его, а Китоврас исчезает.

II

КИТОВРАС

РУСАЛИЯ

1 Краесекомый камень

С<цена> 1 жалоба народа на шум и стук при построении храма.

С<цена> 2 ц<арь> созывает демонов.

С<цена> 3 ц<арь> посылает поймать Китовраса.

С<цена> 1

Ц<арь> и народ

Силою своего волшебного перстня ц<арь> покорил себе демонов. И демоны служат ему. Ц<арь> строит храм. В построении храма принимают участие демоны. Со всех концов мира прибывают материалы для постройки. Демоны тащат мрамор, камни, золото. Демоны смешались с людьми. Работа идет споро. И день, и ночь стоит несмолкаемый стук и шум.

С жалобой приходят люди к ц<арю>.

Одни жалуются на обуявший их страх: демоны, невидимые, вдруг показываются — там мелькнет хвост, там лапки, там борода, там чья-то проворная лапа передвинет камни, возы с мрамором без коней мчатся по дорогам.

Другие жалуются на оглушительный стук.

— Жизни не стало!

— Покою нет!

— И что говорят тебе, не слышишь.

— Звенит в ушах.

— Сна нет.

— Своих слов не слышишь

Выступают старейшины города.

— Ты, исполненный вещей мудрости и глубокого знания, — тебе повинуются ветры, ты разумеешь глаголы неодоушевленной

твари, звери, птицы и гады подвластны тебе, звери и гады служат тебе, ты творишь суд и расправы над зверями, дай нам покой и утиши шум.

— Запрети стук и шум!

— Отведи от нас страх!

Царь успокаивает народ.

Царь напоминает народу, что для построения храма надо приносить жертву, надо терпеть, шум будет меньше, он найдет средство.

С<цена> 2

Ц<арь> и демоны

Царь велит демонам приостановить работу и явиться к нему. Шум заметно умолкает. Демоны собираются вокруг его трона.

— Не знает ли кто средства обдѣлывать камни, не производя шума?¹ — Необходимо достать шамир, но как его достать, они не знают, знать может Китоврас, царь демонов, но Китоврас не в твоей власти.

— Как овладеть Китоврасом?

— Китоврас сильнее и быстрее всех нас вместе.

— Где мне найти его?

— Живет он в пустыне дальней на горе. Там он вырыл себе 3 колодца. Каждый день он возносится на небо и учится на небе, а затем опускается на землю и учится на земле. Затем он приходит на гору и пьет из колодцев.

С<цена> 3

Царь и боярин

Царь посылает за боярином. Дает боярину (Бенаю) железную цепь и гривну железную, на которой написал во имя Божие заклятие, и велит ему взять с собой вино, мед и овечье руно.

— Когда придешь в дальнюю пустыню на гору, увидишь 3 колодезя, вычерпнешь воду из колодезей и заткни жерла руном и налей два колодезя вином, а третий медом, а сам карауль, придет Китоврас, напьется вина, тут и бери его.

Боярин с отроком уходят.

¹ Приготовление камней без употребления орудий — помета А. Р. на полях.

III
КИТОВРАС
РУСАЛИЯ

<I>

Силой своего волшебного перстня царь Соломон покорил себе демонов. Царь строит храм. В построении храма участвуют и люди, и демоны.

1) Жалоба народа на несмолкаемый шум и стук, и на страхи демонской силы.

Люди не видят демонов. Люди видят, как само собой поднимаются камни, мчатся возы без коней с золотом и мрамором. Иногда демоны материализуются: то промелькнет хвост, то проплывут крылья, то бегут чьи-то проворные лапки, а ни головы, ни туловища — ничего нет.

Царь обещает народу помощь.

2) Царь созывает демонов.

Демоны не знают, как тесать камни без шума, они только знают, кому это известно. И рассказывают о Китоврасе: Китоврас всякий день на закате солнца появляется в пустыне дальней у колодца, там пьет он воду из колодца.

3) Царь и старейшины.

Царь посылает старейшин в пустыню дальнюю за Китоврасом. Царь дает им руно (вычерпав воду, они закроют руном отверстие колодца), меду (медом наполнят колодец поверх руна), железо с печатью Соломона — именем Божиим (когда Китоврас захмелеет, они должны наложить на него железа).

К царю Соломону приехала царица Эфиопская послушать мудрости Соломоновой. Царь влюбился в царевну.

<II>

1) Суд Соломона.

Соломон судит людей, зверей и птиц.

2) Старейшины приводят Китовраса. Китоврас рассказывает, как добыть шамир — камень, которым тешутся камни без шума. Царь посылает старейшин за шамиром.

3) Мудрость Китовраса — музыка. Все зачарованы музыкой. Видение Соломона — *страшный суд*. Китоврас вызывается помочь Соломону склонить Эфиопскую царевну. Соломон братается с Китоврасом.

<III>

Царь женится на царице Эфиопской. Китоврас свел царя с царицей. В угоду царице царь поставил идола. Собирается пир.

1) Старейшины приносят ковчег с шамиром.

2) Шум утих, приходит народ благодарить царя.

3) Пир. На пиру и люди, и демоны. Царь расхвастался, что сильнее нет его во всем мире: он покорил и людей, и демонов, и царицу Эфиопскую, и самого Китовраса. Китоврас предлагает царю померяться силами: пусть царь снимет с него железа. Царь снимает цепи с Китовраса, и Китоврас закидывает его на край света. Теперь Китоврас сам садится на царский трон в образе Соломона и берет себе в жены царицу Эфиопскую.

<IV>

Китоврас в образе Соломоном правит царством. Построение храма остановилось. Демоны, не занятые работой, наполняют дворец.

1) Суд Китовраса. Смущение народа.

2) Сон Китовраса: дальняя пустыня, в пустыне колодец, над колодцем звезда, звезда переходит с места на место и возвращается к колодецу, — это Соломон после скитаний своих, искупив падение свое, возвращается на царство.

3) Во время сна Китовраса собрание старейшин. Они догадались, что царь у них не настоящий Соломон, а Китоврас. Они несут заклинательную книгу. Заклинательная книга действует. В страхе пробуждается Китоврас и улетает. И появляется Соломон в одежде странника — в рубище с посохом. И уж мудрый садится на престол. Апофеоз. Люди, звери, птицы и демоны славят премудрого царя.

IV

КИТОВРАС

1

Царь Соломон строит храм. Он покорил демонов, и демоны служат ему. Одни тащут камни, другие золото. Демоны невидимые смешались с людьми. Работа идет споро. Но шум, неумолкаемый шум стоит в городе.

С жалобой приходят люди к царю:

— Жизни не стало, покою нет!

Что делать? Как вести работу тихо. Волхвы говорят царю:

— Ты завладел многими демонами, но главный не в твоей власти. Главный демон Китоврас знает, только он один знает средство.

— Где же искать Китовраса?

— Да он тут. Его видели. От царя скрывали постигшую город беду: в главном колодце с каждым днем убывает вода — это он выпивает воду. Он всякий день появляется в городе, выпивает воду и возвращается на небо слушать небесные тайны.

— Как подчинить его? — спрашивает Соломон.

И никто не находится, кто бы дал совет. И один царь решает задачу.

Рядом с главным колодцем велит он вырыть другой. Старый колодец заделать, а новый наполнить вином и, когда Китоврас напьется вина, тут его, охмелевшего, и брать.

2

Сказано — сделано.

Вырыт колодец. Появляется Китоврас. Старый колодец закрыт, в новом — вино. Китоврас знает силу вина, но жажда так велика, что он решается утолить жажду. И вино делает свое дело. Пьяный, засыпает Китоврас. А этого только и надо. Сонного его заковывают и, когда просыпается он, ведут к Соломону. Китоврас покорился. По пути Китоврас загадочно смеется. Он смеется над мудрецом, сидящим на камне и поучающим, как добывать клады, смеется над покупателем, который ищет такие сапоги, чтобы хватило ему но́ски на семь лет. Ведет себя Китоврас весь путь загадочно.

<...>² во дворец к царю. И докладывают, как [Китоврас] смеялся. Царь просит объяснить Китовраса <...>

Потом переходят к делу: как усмирить шум?

— Где найти камень, который распилывал бы мрамор бесшумно? Китоврас берется устроить.

Он посылает ко гнезду птицы: гнездо должны замазать известью, птица принесет камень и, когда будет резать известь, ее надо спугнуть.

4

Камень добыт. В городе тишина. Работа идет споро. Храм, которому, кажется, не видно было конца, растет не по дням, а по часам. Камень делает свое дело. Люди и демоны работают день и ночь. Китоврас неразлучен с Соломоном. Мудрость Китовраса восхищает Соломона, Соломон околдован демоном. Ко двору Со-

² Начало гл. 3 имеет лакуны из-за отрезанного угла листа рукописи.

ломона приезжает царевна-язычица. Соломон влюбляется в нее и берет ее себе в жены. Народное возмущение. Казни и пир.

На пиру царь братается с Китоврасом. С помощью Китовраса он взял себе в жены царевну.

— Я взял себе в жены красавицу, мне все покорились, и ты мне покорен, — говорит царь.

Китоврас просит перстень Соломона: он покажет тогда, кто сильнее.

Царь дает, и, когда в руках Китовраса очутился перстень, он швыряет Соломона на другой конец земли и уж один садится в образе Соломона на трон.

5

Соломон скитается странником далеко от своего царства.

— Я царь Соломон! — говорит он, но ему никто не верит.

Дни его тяжки, безнадёжны.

А на троне сидит Китоврас. Царевна — его жена, все царство славит его.

Никто не заметил никакой перемены к худшему. Даже напротив: довольство как-то не проходит, и убаюканный благами народ славит царя Соломона. И только старейшины видят подделку. Китоврас не совершает молений и не появляется в храме. И вот собираются они к Китоврасу и читают над ним заклинание. Сила заклинания разрушает чары демонские, Китоврас улетает. Улетая, он теряет перстень. Перстень попал в море. Рыба проглотила его. Рыбак, приютивший Соломона, находит перстень. И как только Соломон надел свой перстень, он переносится опять в свой город, в свой дворец.

Он измучен, истерзан, но раскаялся и просветлен своими муками. Он встречает свою царевну и тихим пиром празднует начало своей новой жизни.

6

Снова идет постройка храма. Но дело не делается. Одна забота у царя — царица.

Царица тает, грустит.

Соломон призывает врачей, но врачи ничего не могут сделать, помочь царевне.

Царь вспоминает Китовраса.

— Будь тут Китоврас, была бы спасена царевна!

Появляются музыканты. Они берутся исцелить царевну. Они играют, и царевна засыпает. И уж больше не просыпается.

— Ее усыпили забыдушим зельем! — говорят старейшины. Но все попытки вернуть ее в явь неудачны. Ей поливают на руку олово, и это не помогает.

Царевну хоронят, но в день похорон она исчезает.

Царь в горе.

— Был бы Китоврас, вернул бы ему царевну!

7

Царь узнает, что жену его похитил царь Фоге. Он наряжается каликой, берет с собой войско. Войско оставляет в засаде, а сам идет во дворец. Жена узнает его. И выдает похитителю.

— Брате Китоврасе! — говорит Соломон, — царь Фоге <I нрзб.>, Китоврас, ты был мне братом, ты помогал мне.

Китоврас загадочно <?> смеется.

Соломона выводят в поле на кровавую <?> плаху. Соломон просит сыграть в последний раз на гусях. И когда в третий раз играет, подымается лес и идет. Это войско Соломона идет освобождать его.

Китоврас становится невидим. А царевна в отчаянии убивает себя.

Соломон освобожден, но царевны уж нет.

V

СОЛОМОН И КИТОВРАС

<Действующие лица>

Царь Соломон
Иорам вестник
Адонирам строитель
Боас { помощники Адонирама
Тассин {
Адригал С. А. шут
Балбалах В. А. шут
Народ { I
Старейшины { II
Царица { III
Сарахиль — кормилица
Евнухи
Юд-Юд — птичка вещая (удод)
Звездный голос
Бенаи — ближний боярин
Воины в латах
2 женщины с младенцами: 1) Корева
2) Енафа
Касатка — корова
Буй — бык
Китоврас
Иоав — полководец
Садок — первосвященник

I Кто скажет цену золота и серебра и отчего сотворены, тому казна моя.

II Который честнее всех и с которой скотиной человек разговаривает и в которую входит и спит, тому кони и скот.

III [Который скажет] сколько в котором хлебе зерен, тому хлеб весь.

I Золото и серебро.

Золото от царских очей, золото украшение и честь. Серебро от звезды, серебро непорочный венец. А стало оно от неправды — мздой, одним благодать, другим разорение, одного ведет на татьбу, другого на обман.

II Конь и скот.

Человек говорит с конем, а покормит коня — коню — осяти, он всем коням голова. Скотина же, в которую входит человек, — овен: шуба, шапки, рукавицы — все из овчины. А на которой скотине спит человек — мякинная птица гусь: из перьев подушки и перина.

III Хлеб.

Зубы: сколько человек откусит — сколько зерен в куску, по столько и пожует.

Нищим каликой переходим подходил Соломон

Что рождено, то помрет
[Что рождено, то] страждет

Три камня самоцветных: в ночи, как свечи, сияют, дивно сияют, как свечи.

А<кт> I

кар<тина> I

Терраса дворца.

Соломон. Приближается исполнение завета. Храм будет скоро воздвигнут (*беспорывный стук. Поднимает правую руку*).

Иорам вестник.

Соломон. Позови сюда Адонирама.

Адонирам-строитель.

Боас
Тассин { помощники Адонирама

Соломон показывает перстень.

Адонирам склоняется.

Соломон. Народ тяготится вечным стуком. Демоны и люди должны молча работать. Тебе, а никому другому, великий Тубалкаин передал тайнства зодчества. Скажи, чтобы они замолчали.

Адонирам. Слушаю и повинуюсь.

Толпы народа справа и слева:

— Жизни не стало. Нету покоя.

— Не слышно, что говорят.

— Шум в ушах.

— Сна нету.

— Не слышишь собственных слов.

— Измучались!

Старейшины города.

I-<ый>. Повелитель вещей, исполненный мудрости, знания священного. Ты разумеешь глаголы всего живого. Тебе повинуются все. Услышь моления народа. Утиши этот стук.

II-<ой> Запрети шуму и стуку.

III-<ий> Отведи от нас страх.

Соломон (Адонираму). Прикажи замолчать!

Адонирам (*обращаясь в сторону стука, поднимает правую руку и делает начертание буквы тау "Т". Стук наполовину смолкает*).

Царь, духи мне не подвластны. Это только народ обезмолвил. Те же сильнее меня. Их может заставить камень Шамир.

Царьца (*в сопровождении евнухов*). Отринул меня царь ради прекрасной Суламиты. Где найду Соломоново сердце?

Кар<тина> 2

Соломон — на нем длинный льняной подир халдейского мага, босой. На лбу повязка из соединенных золотых пластинок. На груди на цепочке шестиугольная звезда. Опясан белым кожаным поясом с магическими знаками. На левой руке перстень с красным камнем. Склоняется над курильницей, шепча заклинания.

Соломон. Вещие птицы Муллиля,

Духи зла и болезни

Внимайте!

Слушайте!

Стократ блаженный

Превознесенный великий Боал

Повелевает шум прекратить

Внимайте!

Слушайте!

Дым от курильницы подымается выше. В нем мелькают неясные образы. Распахивается дверь и входит незванный Адонирам.

Адо н и р а м. Ты меня звал, повелитель?

Соломон. Нет, я звал тех, кто выше.

Адо н и р а м. Я сын бессмертного. Я услышал твои слова и пришел. Ты звал моего отца. Но знай, что ни ты, ни я, ни великие духи вселенной не властны над тем, что ты хочешь совершить. Над стихиями властен Нергал, он один может прекратить шум. Но к нему тебе доступа нет. С Нинкагаллой они всемогущие боги, но над ними есть рок. Он поможет тебе. Если добудешь ты Шамир, черный камень с сверкающим блеском, тебе послушны будут вопли стихий: шум ветра, гроз и вой бури.

Соломон. Как достану я камень?

Адо н и р а м. Дети Каина знают. Нет ничего недоступного смертным сынам. Каждый раз в новолуние праздника в год возмужалости является нам предок наш Тубалкаин и дает нам заветы, как жить. Он сказал про чудесный камень, что его на заре найдет Китоврас.

Соломон. Кто это? Жрец или царь?

Адо н и р а м. Вольный житель привольных степей, мудрый, ласковый, смелый. Он познал глубокую мудрость веков, когда вся природа говорила одним языком. Он приведет к тому месту в степи, где в колодце лежит камень.

Соломон (*простирает руку*). Иди и добудь этот камень. Овладей Китоврасом.

Адо н и р а м. Я не могу.

Соломон. Ступай.

Адонирам уходит.

Соломон. Я бессилен. Я — царь. Мне послушны жалкие люди, кикиморы, водяные, лешие — нечисть и нежить полей, болот и лесов. Гордые смелые потомки серафитов мне неподвластны. Лишь облеченных в плоть могу я сковать. Как жалок я и бессилен.

Срывает с себя повязку и пояс.

Адонирам, не глядя на царя, подходит к курильнице на треугольный ковер, шепча заклинание. С побледневшим лицом и остановившимися глазами падает на землю.

Соломон надевает на него повязку и пояс.

Адонирам приподнимается с земли.

Туман окутывает жертвенник. Из тумана звезда.

Голос. Все всемогущие боги

Покорены лишь одним

Славным даром Диониса

Он торжествует над смертью.

Соломон. Здесь мудрость! Я Китовраса поймаю вином.

Кар<тина> 3

Бенаи, ближний боярин.

2 воина в латах и медных сандалиях.

Соломон. Возьми эту цепь и гривну. На ней имя Божие Адонаи. С этой цепью пойдешь ты в Магреб в глубины пустыни. К восходу солнца ты достигнешь горы Хораим. Тогда повернешь в ту сторону, куда падает тень от горы. К закату солнца придешь к колодцам Мане. Три колодца, из которых поят верблюдов. Среди колодцев большой дикий камень. Завернись в плащ и ложись на верблюжий помет над колодцем. В сумерках ночи ты услышишь холодное дуновение, шум крыльев. Ты пади лицом на землю и жди. Ты увидишь Китовраса, отвалившего камень: он будет пить из колодца. Он не увидит тебя, не бойся. А когда он напьется и захочет привалить камень, ты посмотри тихонько, как камень ложится. Китоврас совется дикой птицей и улетит. На другую ночь вычерпай воду из колодца и влей вина и закрой по-прежнему колодец. И когда явится Китоврас и жадно напьется вина, дар Диониса повергнет его на землю. Повесь ему на шею святую гривну и свяжи его лыком. Он будет в наших руках. И если он будет жаждать, дайте ему вина. Он будет тих и покорен.
Бенаи. Исполню.

А<кт> II

К<артина> 1

Соломон на троне судит свой суд.

2 женщины с младенцем.

Енафа, II женщина. И вот, государь, она хочет отнять у меня младенца. Сама заспала своего. И этого погубит.

Корева, I женщина. О, тяжкие муки рождения! Лучше б была я неплодна.

Соломон. Воин, возьми меч, разруби младенца пополам и отдай одну половину одной женщине, другую — другой.

Корева, I женщина (*бросается перед троном*). Сжался, владыка, не губи ребенка. Вели отдать его Енафе.

Енафа, II женщина. Прав твой суд, государь. Прикажи рубить: ни мне, ни ей.

Соломон. Отдайте младенца Корове: она мать.

Народ. Премудрый.

Топот копыт. Вбегает Корова. За Коровой бык (Буй) и коровы.

Соломон. Что такое?

Касатка Корова. Выбил бык теленка. Заступись, накажи, царь, быка. Бычок мой погиб!

Соломон. Быка за рога и к столбу. Терзайте и бодайте.

(Быки и коровы терзают Буя).

Идите, прощаю быка!

(Быки и коровы уходят).

Н а р о д. Премудрый!

Б е н а и *(вводит Китовраса в цепях)*. Воля властителя исполнена.

Слава ему!

С о л о м о н. Воля моя выше всего. Вот неуловимый Китоврас. —

Скажи мне, где камень Шамир, которому подвластны стихии?

Китоврас молчит.

С о л о м о н. Заклинаю тебя великим Зефиротом и [святой Торой].

Китоврас молчит.

С о л о м о н. Заклинаю тебя именем великого неизреченного Адо-
наи.

К и т о в р а с. Я, Китоврас, повинуюсь царю Соломону. Ты хочешь
знать, где камень Шамир. Его достать легко. Для этого не нужно
было шесть дней и шесть ночей тащить меня к твоему престолу.
Камень в том же колодце, из которого я пил, в мраморной чаше
на дне. Что нужно еще царю Соломону?

С о л о м о н. Хочу услышать от твоей мудрости.

К и т о в р а с. Мудростью ли похвастает сын лесов и степей! Еще
не пришли те пастыри, которые научат весь мир. Шепот травы
полевой, свежесть росы и сияние — вот моя мудрость. Весело
мчаться, щипля траву, по ясному полю на росной заре. Цветы по-
левые склоняются низко, копыта стучат по корням. Благость ра-
достной жизни дышать на вольной земле — вот моя мудрость. Дар
превращения, свойственный мне, дело природы. Мгновенно хоте-
нье, и вот я другой. Но, знаешь, напрасно ты звал меня: мудрость
стоит справа около тебя,

С о л о м о н. Мудрость щажу я. Друг Китоврас, будь моим гостем.

К<артина> 2

Царица Савская в сопровождении кормилицы и Хусия-царедворца. На руке
птичка Ют-Ют.

Три арапа несут дары.

В е с т н и к. Царица Савская от голубых озер Габеша от истоков
Нила через пустыни и цветущие страны соединенного Египта при-
шла в Иерусалим поучиться мудрости великого царя Соломона и
посмотреть на чудесный храм, воздвигаемый им.

Ц а р и ц а С а в с к а я. Я прошу Соломона принять от меня дары.

Хочу я слышать от мудрости царя. Весь свет изумлен тобой.

С о л о м о н *(пораженный красотой царицы, подымается с трона и
приглашает сесть рядом с собой)*. Я красотой твоею поражен. И

не властитель я страны, а раб. Боюсь, что мудрость, о которой говорят, не оправдает в твоих глазах.

Царица Савская. Я загадаю три загадки. Мудрость веков наделила ими нашу страну.

{ 3 загадки отгадывает,
олицетворенные дарами Соломона.

К<картина> 3

Адонирам. Тебя обманули, ты не гость, мы с тобой более близки, чем те — люди. Пламя огня течет в жилах сына пламени. Если будешь доверчив, погибнешь. Прекрасны иерусалимские жены и девы. Открой глаза, подыми их на ту, что пришла слышать мудрость царя. Мудрый, а ты мудрее его.

Китоврас. Меня спросили о Шамире. Не догадались.

Адонирам. Люди хитры. А мы просты и им служим. Сын гения огня, как молотобоец, работает по царской прихоти. Свободный кентавр связан лыком.

Китоврас. Я свободен.

Адонирам. Но завтра тебя могут сковать, повесят гривну на шею. Прочь их, долой. И разве красота не для нас? Эти нежные груди и тонкие руки и глаза с поволокой дочерей Сарона, к<отор>ым удивляется мир.

Китоврас. Правда. Правда.

К<картина> 4

Бенаи (*в чаше несет Шамир*). Вот драгоценный Шамир, который водворит тишину.

Соломон. Внимайте, духи земли,

Хочу, чтобы была тишина.

(И передает первосвященнику.

И наступает тишина, проникнутая музыкой).

Царица Савская. Как хорошо в Божьем мире!

Царь Соломон. Я замыслил и совершил этот храм, который будет казаться чудом целому поколению народов. То, что ты видишь во дворце, это ничто в сравнении с тем, что еще будет. Будет медное море перед жертвенником. Когда я говорил о таких размерах целого литья, ни один из художников не мог даже представить себе исполнить мой замысел. Но он будет исполнен.

Царица Савская. Кто же его исполнит?

Соломон. Адонирам.

Царица Савская. Я хочу видеть твоего зодчего, который удивил весь свет.

Царь Соломон (*делает знак, и появляется Адонирам*). Вот исполнитель великих замыслов.

Адонирам. Исполнитель царских замыслов.

Царица Савская. Откуда ты?

Адонирам. Я сын огня.

Соломон (*делает знак, и Адонирам уходит*). Царица, считаешь ли ты меня мудрым, всемогущим и славным, как когда-то ты говорила? Не меня ли ты видеть пришла из далекой страны?

Царица Савская. Тебя.

Соломон. В тебе сильно желание мудрости. А я сжигаем твоей красотой. Если ты любишь мудрость, соединим свои дни, и будут дети наши прекрасны и мудры, как боги земли.

Царица Савская (*подает ему перстень*). Два царства соединим в этом кольце.

Царь Соломон. Будем царствовать вместе: мудрость и красота. Вестник. Возвещается время великого пира. Слава царю Соломону и Савской царице.

Картина 5

Слушатели вносят пиршественные столы, амфоры, кубки и блюда.

Музыканты.

Царица Савская. Веселитесь, дорогие гости. Вкушайте яств предложенных, пейте от лозы саронской.

Танцы.

Замечания народа:³

Китоврас. Что за мышинный писк, слушать противно. Царь, дай я спою тебе песню полей, песню любви на широком раздолье.

Песнь Китовраса.

Все заворожены.

Адонирам. Это ли не песня, достойная награды.

Царица Савская. Какая награда?

Адонирам. Перстень царя.

Царица Савская (*нерешительно*). Перстень царя...

Адонирам. Разве ты не царица?

Царица Савская снимает с руки Соломона перстень и подает Китоврасу.

Китоврас (*с перстнем*). Вот настоящий царь Соломон (*поднимает руку, и все рушится*).

Акт III

сц<ена> 1

Фанор. Мне ненавистен наш начальник Адонирам.

Амру. Я тоже его не люблю.

Мафусил. Он кажется мне нечеловеком.

³ Так в рукописи.

Фанор. Его отрывистые приказания полны презренья.
Амру. Он не смотрит в глаза, а вверх.
Мафусаил. Какая насмешливая улыбка.
Фанор. Презренный...
Мафусаил. Послушайте, отмстим ему.
Фанор и Амру. Как?
Мафусаил. Я придумал. Мы возьмем воды мертвого моря: она испортит всякий металл.
Амру. А я прибавлю в сплав серы.
Фанор. Я придумал: я удлиню балки, на которые упирается форма, концы их обгорят и форма треснет.
Мафусаил. Прольется целое медное море!
Фанор. Гордец осрамится перед целым народом.

сц<ена> 2

Адонирам. Будь покоен, повелитель, все будет выполнено по твоим указаниям. Удача несомненна.

Народ.

Китоврас сидит на троне.

Царица Савская приходит поучиться мудрости.

Две женщины.

Китоврас. Раз заспала ребенка, обязать мужа другой переспать с ней и отдать семя женщине, у которой задушен ребенок.

Корова и бык.

<Китоврас.> Сойдись с быком, и пусть бык сделает жеребенка.

Царица Савская. Объясни, о премудрый, в таких же случаях ты судил иначе.

Китоврас. Всему свое время. Время веселиться и время спать. Время трудиться и время вкушать отдохновение.

(народу)

Завтра объявляем великое торжество — завершение создания храма. Отливка чудесного медного моря.

<сцена> 3

Вестник. Горе! Горе!

Народ. Спаси, о премудрый! Мы гибнем в огне!

Китоврас. Что случилось?

Народ. Медь пролилась до Судных ворот течет — —

Китоврас. Позвать сюда Адонирама!

Вестник. Уходи, государь, разлившаяся медь готова поглотить дворец твой и трон...

Китоврас (*Адонираму*). Ты обещал и не сдержал обещания. Ты не великий мастер, а маленький плут, бездельник, взявшийся не за свое дело.

Адонирам. Берегись оскорблять того, кто выше человека!

Китоврас. Я царь. Кто может быть выше меня?

Адонирам. Бессмертные духи, рожденные воздухом, огнем и водой.

Китоврас. Пусть они идут в преисподнюю к своему отцу.

Адонирам. Смотри, они увлекают тебя с собой.

Китоврас. Мы погибаем!

(*дым и огонь на сцену*)

Адонирам. Остановись, родная стихия! — (*поток останавливается у самого трона*) — Слушай, Китоврас, корону царя Соломона я надел на тебя и снимаю обратно.

Раскат. Адонирам!

Адонирам (*скрытый дымом*). Кто зовет меня?

Раскат. Твой прародитель, сын бессмертного и смертной жены. Твой предок Каин. Приступи безбоязненно, потомок бессмертного. Огонь тебе не может повредить. Спускайся сюда, мы вернемся с тобой к центру земли и поклонимся твоему лучезарному предку Деннице, богу свободы, врагу деспота Демидурга. Склонимся у трона свободного царя безвластия.

<Адонирам> входит в пламя.

Народ. — Сгорел.

— Не снес позора...

— А смелый был человек.

Китоврас. Его постигла заслуженная участь.

Говоря это, он взмахивает рукой, и перстень с пальца откатывается к ногам толпы. Воины ищут его и находят.

Входит Соломон.

<конец>

VI

<СОЛОМОН И КИТОВРАС>

<1>

Китоврас один знает, как бесшумно тесать камни, а живет Китоврас в дальней пустыне. Хирам “сын вдовы”, строитель Соломонова храма открыл царю Соломону о Китоврасе.

Соломон велел сковать железную цепь и железную гривну и написал на ней заклятие с именем Божьим. И послал Бенаи, своего лучшего боярина, с отроками и велел везти с собой вино и мед. И овечье руно они взяли.

В указанном месте в пустыне Бенаи нашел три колодца, а Китовраса там нет. И, как указал Соломон, вычерпали воду из колодцев и заткнули жерла их овечьим руном, налили в два колодца вина, а в третий меду. Сами же спрятались, зная, что он придет пить из колодца.

Китоврас пришел пить воду, приник к колодцу и, видя вино, сказал:

— Всякий пьющий вино не умудреет!

Но очень хотел пить и сказал:

— Ты есть вино веселящее сердце человеком!

И выпил все три колодца. И захотелось немного поспать, но вино ударило ему в голову, и он уснул крепко.

Бенаи вышел из своей засады, накинуд Китоврасу на шею железную цепь и укрепил ее. Проснувшись, Китоврас хотел высвободиться.

Бенаи сказал ему:

— С именем Господним на тебе клятва!

Китоврас, видя на себе имя Господне, пошел за ним кротко.

2

Нрав Китовраса был такой: он ходил прямо без всяких обходов. И когда он пришел в Иерусалим, расчищали перед ним путь и сносили дома, потому что шел напрямиком, без заворота. Подошел к дому вдовы, и она воскликнула, прося Китовраса:⁴

⁴ На этом текст обрывается.

А. Е. ЗАБЛОЦКАЯ

**“АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ ДОКУМЕНТ”
В ТВОРЧЕСТВЕ А. БЛОКА
1918—1921 годов**

Тяга к документальности — исключительно важная черта блоковского творчества 1918—1921 годов — уже обращала на себя внимание исследователей¹. В частности, она прослеживалась на материале автобиографической прозы поэта². Подчеркивая документальный характер последней, ученые, однако, почти не касались идеи опубликования подлинных автобиографических материалов, возникшей у Блока в последние годы жизни. Рассматривался в этой связи лишь один замысел — намерение поэта опубликовать свои дневники, но и этот вопрос остался до конца не проясненным³.

Между тем, возникновение подобных замыслов, по-видимому, было глубоко не случайным. Как кажется, Блок сознательно стремился ввести в литературу “автобиографический документ” (такое определение подсказано бытовавшим в те годы выражением “человеческий документ”) — подлинный (или псевдоподлинный) фрагмент автобиографического характера, осмысляемый автором как своеобразный документ эпохи. Выявить круг замыслов такого рода, определить их место в блоковском творчестве 1918—1921 годов представляется в этой связи немаловажным. Настоящая работа — первый шаг в этом направлении.

Представление о ценности “человеческого документа”, возникшее у Блока еще в предреволюционные годы, после революции становится для него особенно актуальным. Весной 1918 года в статье, посвященной дневнику О. К. Соколовой (“Дневник женщины, которую никто не любил”), Блок высказывает мысль о важном значении автобиографической документальной прозы для человека и культуры новой эпохи (VI, 29—37)⁴. Тогда же поэт начинает ориентироваться на жанр “человеческого документа” в собственном творчестве. Одновременно со статьей “Дневник

женщины...” пишется “Исповедь язычника” — текст, создающий у читателя впечатление достоверного, “непридуманного” (ср. идею “исповеди”) рассказа автора о себе и одновременно о целой эпохе⁵. (Позже этот принцип ляжет в основу других автобиографических произведений Блока — “Памяти Леонида Андреева”, 1919; “Ни сны, ни явь”, 1921). В русле этих исканий и возникает у поэта идея публикации “автобиографических документов”, которая окажется важной для него на протяжении всего послереволюционного периода.

Поиски в этом направлении были достаточно разнообразны. Так, в августе 1918 года поэт думает над изданием сборника “Стихи о Прекрасной Даме” с автобиографическим комментарием (см. ЗК, 423; I, 692). По свидетельству Л.Д.Блок, в книгу должны были войти подлинные письма Блока к ней⁶. Как кажется, использование этих “автобиографических документов” могло сыграть важную роль: весь сборник приобрел бы ярко выраженную документальную окраску, книга в целом воссоздала бы фактографически точную картину жизни и переживаний поэта.

Наряду с включением в текст подлинных писем, поэта привлекала идея опубликования других “автобиографических документов” — неоконченных набросков. Об этом свидетельствуют некоторые материалы блоковского архива. Так, например, в дневнике 1920 — 1921 годов сохранился план произведений, предназначенных для печати, в котором одним из пунктов значатся “отрывки”⁷. В то же время, в известном “Списке моих работ” (составлялся Блоком с апреля 1918 по 25 мая 1921 года) можно найти запись, относящуюся к 1918 году: “Наброски и отрывки. Незавершенные планы”⁸. Учитывая, что “отрывки” у Блока больше нигде не фигурируют⁹, можно предположить, что в плане имелись в виду произведения 1918 года. Действительно, среди бумаг поэта есть копия двух набросков 1918 года, сделанные рукой А.А.Кублицкой-Пиоттух: “Народ и поэт” и “Художник заключает рассеянный в мире многообразный матерьял в твердые формы (VI, 449)”¹⁰. Появление этой копии, возможно, было связано с желанием Блока подготовить наброски к печати¹¹.

Вполне возможно, что поэт хотел отдельно опубликовать и другой набросок 1918 года — предисловие к упоминавшемуся уже изданию “Стихов о Прекрасной Даме” (I, 560 — 561). В архиве Блока сохранилась авторизованная копия этого текста с характерным, как бы подчеркивающим его неоконченность заглавием: “Предисловие (набросок) к предполагавшемуся новому изданию первой книги”¹². Интересно, что в рукописи, с которой снималась копия¹³, этот заголовок был вписан позже, в уже

готовый текст, в чем также можно увидеть подготовку к предстоящей публикации.

Чем было обусловлено желание Блока опубликовать неоконченные наброски? По-видимому, эти тексты рассматривались им не только как факт художественной реальности, но и как ценный для читателя документально-исторический материал, свидетельство мироощущения человека и поэта, живущего в определенную эпоху.

С весны 1918 года у Блока начинают возникать и замыслы несколько иного характера. Поэт делает попытку создать своего рода “псевдодокументы” — статьи-размышления, якобы являющиеся отрывками из подлинных дневников. В марте 1918 года Блок работает над заметкой под названием “Страница из дневника” (VI, 448). Другое, более позднее произведение (июнь 1920), известное под редакторским заглавием “Об искусстве и критике” (VI, 151 — 153), поэт хочет назвать “Из дневника. Об искусстве и научной критике”¹⁴ и, возможно, опубликовать в неоконченном виде¹⁵. Обе статьи близки по стилю к дневниковым записям, а вторая из них, представляя собой несколько отдельных заметок, как бы воспроизводит саму структуру дневника. Таким образом, и эти тексты должны были предстать перед читателем как подлинные “автобиографические документы”.

Наконец, как уже отмечалось в литературе, в последние годы жизни Блок думал о публикации своего дневника. Существует мнение, что поэт хотел включить дневник в собрание сочинений¹⁶. Высказывая это предположение, ученые ссылаются на упоминавшийся выше план 1920 — 1921 годов, в котором, наряду с “Отрывками”, есть и пункт “Дневники”. При этом, однако, сам план рассматривается как проект собрания сочинений¹⁷. Между тем, в этом перечне речь явно идет не о томах многотомного собрания, но об издании и переиздании отдельных произведений (ср. пункты “Крушение гуманизма”, “О романтизме”, “Отецло”¹⁸) и целых книг (такие пункты, как “1-й том — изд. 5-е”), “Роза и Крест. Иллюстрации > Добужинск<ого>”, “Последние дни старого режима — отдельно”¹⁹), а также о публикации переводов, сделанных родными Блока (пункт “Бекетовский архив”²⁰), Итак, у нас нет оснований считать, что дневники должны были публиковаться Блоком в виде тома собрания сочинений.

В то же время нельзя полностью согласиться и с другим предположением исследователей — о том, что отрывки из дневника должны были войти в книгу “Дневник писателя”, якобы задуманную Блоком в то время²¹. О замысле этой книги мы знаем лишь из одного источника — анонса в журнале “Вестник литературы” (№ 9 за 1920 год), где сообщалось, что издательство “Алконст”

печатает такую книгу²². Между тем, “Дневник писателя” не только не печатался, но и ни разу не анонсировался издательством (ср. перечни, помещавшиеся в конце “алконстовских” книг). Не исключая, что сообщение в “Вестнике литературы” имело под собой реальную почву (поэт мог вести какие-то разговоры о подобной книге), полагаться на этот источник все же нельзя.

Более вероятным в этой связи кажется другое: внося в свой план дневники, Блок предполагал лишь обдумать возможности их издания. На это указывает тот факт, что в этом же плане есть пункты, подразумевающие именно такой подход — не опубликование готового материала, но обдумывание и последующий отбор текстов (“Бекетовский архив”, “Переводные стихи”, возможно — “Отрывки”²³). В архиве Блока сохранился любопытный документ, который мог бы быть началом такой работы. Это машинописная копия небольшого отрывка из дневника 1911 года с приложенными к нему письмами поэта к Н.Н.Скворцовой²⁴. Рукопись, однако, не авторизованная, поэтому в отношении нее мы можем лишь строить предположения.

Итак, мысли об опубликовании разного рода “автобиографических документов” постоянно занимали Блока в последние годы его жизни. Чем это обусловлено?

В литературе того времени блоковские поиски не были уникальными. Как известно, 1910 — 1920-е годы — время, когда возник целый пласт документальной автобиографической прозы²⁵. Уже в 1924 году В.Шкловский констатировал “глубокие сдвиги, происшедшие в русской прозе”: “Новый исследователь должен сегодня поставить себе вопрос: что именно является сегодня русской литературой? И, вероятно, тогда в литературу войдут заметки, письма, записные книжки, мемуары<...>”²⁶.

Исключительно характерной эта тенденция была и для символистской и околосимволистской литературы²⁷. Так, была широко распространена идея публикации дневников и отрывков из дневников²⁸, практиковалось ведение публичного дневника — “колонки редактора”²⁹, разрабатывалась концепция коллективного журнала-дневника в духе “Дневника писателя” Достоевского (ср. несостоявшийся журнал “Дневники писателей”, 1911; “Труды и дни”, 1912; “Дневники писателей” под редакцией Ф.Сологуба, 1914; “Записки мечтателей”, 1919 — 22)³⁰.

Идею “дневников писателей” А.Белый определял так (в письме Блоку от 30 сентября 1911 года; речь шла о втором отделе “Трудов и дней”): “В этом отделе вижу лирические статьи à la твоей о “Символизме” <...>, верней не статьи, а признания. Вижу наброски мыслей, страницы, вырванные из дневника <...>, вижу афоризмы <...>. Допускаю даже в принципе напечатание отрывков из писем,

которыми мы обменивались и обмениваемся о предметах важных³¹. К этому следует добавить, что в журналах такого типа могли помещаться псевдодокументальные материалы — статьи, заметки и даже подборки стихотворений под заглавиями: “Из дневника”, “Из записной книжки” и т.п.³²

В роли “псевдодокументов” у символистов могли выступать и целые книги. Так, “дневниками”, например, названы сборники статей З.Гиппиус и Д.Мережковского³³.

Наконец, в символистской литературе была предпринята попытка создания совершенно нового документального жанра — книги, составленной из подлинных, записанных в разное время “мыслей” — “отрывков”, на пересечении которых возникал своеобразный сюжет (“Уединенное” и “Опавшие листья” В.Розанова)³⁴.

Интересующие нас замыслы Блока, без сомнения, связаны с этой линией в литературе, что подтверждает и пристальное внимание поэта к такого рода художественным явлениям (ср. его высокую оценку упомянутых книг Розанова (VII, 240), участие в обсуждении журналов “Дневники писателей” (1911) и “Труды и дни”³⁵, в создании “Записок мечтателей”³⁶. Как осмыслялась Блоком эта традиция?

Интерес к документальности возник у поэта в конце 1900-х годов как результат реалистических устремлений — мыслей о большей ценности жизненной реальности по сравнению с художественной, идеи пользы искусства³⁷. Это заставило Блока обратить внимание на произведения, отличающиеся прежде всего правдивостью, ценные не столько своими художественными достоинствами, сколько фактами, которые в них отражены (ср. блоковские статьи 1907 — 1908 годов — “Литературные итоги 1907 года”, “Три вопроса”, “Письма о поэзии”). В это время поэт выделяет особый род книг-документов, к которым относит произведения И.Наживина, прозу Пришвина, книги о сектантах (V, 216, 228, 651).

Позднее (1911 — 1913), когда формируется блоковская концепция истории³⁸, идея “человеческого документа” начинает соотноситься в сознании поэта с представлением о неразрывной связи отдельной человеческой судьбы с ходом истории. Так автобиографические материалы начинают осмысляться Блоком как исторический документ. В этот период поэт испытывает интерес не только к документальной литературе, как таковой (этой проблеме посвящена статья “Пламень”, 1913), но и к подлинным “автобиографическим документам”, которые считает достойными публикации. Так, в 1911 — 1912 годах Блок начинает работать над предисловием к дневнику О.К.Соколовой (ср.VII, 114, 124), неоднократно обсуждает проблему дневников с друзьями (VII, 119,

126), участвует в разработке проекта “Дневников писателей”. Тогда же поэт возобновляет собственный дневник, осмысляя его как ценный исторический материал, который “потом понадобится” (VII, 123; ср. также VII, 69, 109).

В последующие годы (1913 — 1917) проблема документальности как бы отходит для Блока на задний план. Мрачная общественная ситуация, не способствующая процессу познания “историчности” собственных впечатлений, заставляет поэта в 1913 году прекратить дневник. Перестает высказываться Блок и о документальной литературе. И все же ощущение важности “документа” подспудно присутствует в его сознании. Так, в 1916 году, будучи на фронте, поэт собирает и хранит в своем архиве служебные бумаги, дающие богатый материал о военной жизни³⁹.

К активным поискам в области документальной автобиографической литературы Блока возвращает Октябрьская революция. Идея “человеческого документа” обретает для поэта новый смысл. Блоковское понимание документальности обусловлено теперь не только тягой к реализму и историзмом поэта⁴, но и возникшей у него в послереволюционные годы концепцией современности. Как известно, под влиянием революции Блок начал осмыслять настоящее и будущее России как новую эпоху — время, когда возникает “новая человеческая порода <...> человек — артист (VI, 115). Переделать человека, дав ему новый жизненный опыт, и может, по мнению поэта, “человеческий документ” (ср. VI, 30). Значение же подобного “документа” имели для Блока, остро ощущавшего свою причастность к историческим событиям, и его собственные автобиографические материалы. Таким образом, введение в литературу “автобиографического документа” становилось насущной задачей, что и влекло за собой настойчивые поиски поэта в этом направлении (вспомним, что Блок ориентировался в эти годы прежде всего на деятельность актуальную, созвучную эпохе).

Как могли реализоваться блоковские замыслы? О большинстве из них (за исключением двух — нового издания “Стихов о Прекрасной Даме” и статьи “Из дневника. Об искусстве и научной критике”) фактически не осталось сведений, позволяющих делать какие-либо конкретные выводы. Мы можем говорить о возможных формах опубликования блоковских “автобиографических документов” (сборник статей, журнал, отдельная публикация) — формах, бытовавших в современной поэту документальной литературе. Однако, сам смысл, вкладываемый Блоком 1918 — 1921 годов в идею “человеческого документа”, позволяет сделать предположение относительно общего характера этих поисков.

По-видимому, разного рода попытки ввести в литературу “автобиографический документ” были неким целостным направлением в тогдашней блоковской деятельности, единой творческой сферой. Путем публикации таких текстов поэт, по существу, стремился создать новое художественное явление — литературу, которая стала бы важным фактором преобразования человека, культуры, всей русской жизни. Блок, однако, не успел завершить эту работу, и сами ее перспективы могли остаться для него не вполне ясными.

Несмотря на то, что блоковские поиски не привели к конечному результату, сам их факт говорит о многом. Как известно, послереволюционные годы — время отказа Блока от поэзии и обращения к прозе — были новым и, очевидно, поворотным этапом пути поэта⁴¹. В этом смысле рассмотренные замыслы дают важный материал для изучения эволюции Блока, помогают глубже понять динамику и направленность его творчества в послереволюционный период.

¹ Минц З.Г. 1) Блок и русский символизм // Лит. наследство. М., 1980. Т. 92. Кн. 1. С. 160; 2) Мир поздней лирики // Лит. обозрение. 1980. № 10. С. 46; Кацев А. А. Блок и документальная литература первых лет советской власти // Творчество писателя и литературный процесс. Иваново, 1983. С. 18 — 26.

² Ср.: Минц З.Г. Блок и русский символизм. С. 160.

³ Медведев П. О дневнике Ал.Блока // Дневник Ал.Блока. Л., 1928. Т. 1: 1911 — 1913. С. 14; Орлов В.Н. 1) Литературное наследство Ал.Блока // Лит. наследство. М., 1937. Т. 27 — 28. С. 559; 2) (Вступ. заметка к прим.) // Блок А.А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1960 — 1963. Т. VII. С. 451 — 452; 3) Неизвестный Блок // Вл.Орлов. “Здравствуйте, Александр Блок”. Л., 1984. С. 167; Максимов Д.Е. Поэзия и проза Ал.Блока. Л., 1975. С. 18; Гришунин А.Л. Исповедь правдивой души // А. Блок. Дневник. // Подгот. текста, вступ. ст. и прим. А.Л.Гришунина. М., 1989. С. 6 — 7.

⁴ Здесь и далее ссылки на издание: Блок А.А. Записные книжки. М., 1965 (ЗК. с указанием стр.).

⁵ О созвучности для Блока двух эпох — годов его юности и революционной эпохи — и в этой связи о причинах обращения поэта к “личной” теме см.: Минц З.Г. Поэтический идеал молодого Блока // Блоковский сборник : 1. Тарту, 1964. С. 174 — 175, 224 — 225.

⁶ Орлов Вл. Переписка Александра Блока // А.Блок: Переписка: Аннотир. кат. Вып. 1. М., 1975. С. 8.

⁷ ИРЛИ, ф. 654, оп. 1. № 319., л. 30 (дневник лета 1920 — февраля 1921, перед записью от 5 января 1921). Тот же план с некоторыми добавлениями повторен в ЗК 1921 года, после майских записей: ИРЛИ, ф. 654, оп.1, № 366, л. 32 — 33.

⁸ ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, № 373, л. 14. Наброски 1918 года Блок собирал в отдельную папку. Ср.: ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, № 228 (пустая папка с надписью “Наброски 1918”).

⁹ Кроме ЗК. 444, где так названа статья “Ни сны, ни явь” (1921). В рассматриваемом плане эта статья, однако, значится отдельным пунктом

(ср. ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, № 366, л. 33).

¹⁰ ИРЛИ, ф. 654, Р.1, оп. 3, № 97.

¹¹ Копия, однако, не авторизована, поэтому с уверенностью говорить об этом нельзя.

¹² РГАЛИ, ф.55, оп. 1, № 85, подчеркнуто в тексте.

¹³ ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, № 222.

¹⁴ Ср. авторизованную копию, сделанную для журнала “Книга и революция”: ИРЛИ, ф. 654, Р.1, оп. 3, № 45, л.1.

¹⁵ В рукописи статьи оставлено место для заглавия; в конце стоит такая же разделительная черта, как между частями. См. ИРЛИ, ф. 654, оп. 1. № 299.

¹⁶ Медведев П. Указ. соч. С. 14; Орлов В.Н. (Вступ. заметка к прим.)... С. 451 — 452; Максимов Д.Е. Указ. соч. С. 18.

¹⁷ Там же.

¹⁸ ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, № 319, л. 30. В более позднем варианте плана (см. сноску 7) уточняется место публикации. Ср.: “Круш~~ение~~ гуманизма — Знамя Скифы”. “Отелло — Жизнь Искусства” (ИРЛИ, ф. 654, оп. 1. № 366, л. 32 — 33).

¹⁹ ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, № 319, л. 30.

²⁰ Там же. Ср. список переводов Е.Г. и М.А.Бекетовых и А.А.Кублицкой-Пиоттух, имевшийся у Блока: ИРЛИ, ф. 654, оп. 3. № 85.

²¹ Орлов В.Н. (Вступ. заметка к прим.) ... С. 451 — 452; Максимов Д.Е.Указ. соч. С. 18; Гришунин А.Л. Указ. соч. С. 6 — 7.

²² Вестник литературы. 1920. № 9. С. 13.

²³ ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, № 319, л. 30.

²⁴ ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, № 430.

²⁵ Ср.: Кацев А.С. Документализм и поиски новых жанровых форм в советской прозе первой половины 20-х годов // Проблемы литературных жанров: Материалы конф. Томск, 1975. С. 126 — 128; Левин С.Х. О документальности в советской прозе первой половины 20 -х годов (по архивным материалам) // Проблемы истории критики и поэтики реализма: Межвуз. сб. Вып. 3. Куйбышев, 1978. С. 123 — 148; Максимов Д.Е. Указ. соч. С.18.

²⁶ Шкловский В. Гамбургский счет: Статьи — воспоминания — эссе: 1914 — 1933. М., 1990. С. 212. См. также с. 120 — 139.

²⁷ Максимов Д.Е. Указ. соч. С. 19 — 20.

²⁸ Ср.: Гиппиус З.Н. 1) Синяя книга: Петербургский дневник: 1914 — 1918. Белград, 1929; 2) Черная книжка // Русская мысль. София, 1921. № 1 — 4. Ср. также: Дневники писателей // (Редактор-издатель Ф.Сологуб. Спб., 1914.

²⁹ Об этом см. комм. Н. В. Котрелева к публ. переписки Блока с В.Ивановым — Изв. АН СССР, сер. лит. и яз. 1982. Т. 41, № 2. С. 174.

³⁰ Там же.

³¹ Александр Блок и Андрей Белый: Переписка. М., 1940. С. 266.

³² Ср.: Дневники писателей // Редактор-издатель Ф.Сологуб. № 1 — 3; а также: Белый А. Из дневника: Стихи // Скифы: Сб. 1. 1917. С. 1 — 8. Проза под названиями такого типа могла включаться не только в журналы, но и в сборники статей. Ср.: Брюсов В. В гостях у Верхарна: Из записной книжки // Брюсов В. За моим окном. М., 1913. С. 23 — 32.

³³ Гиппиус З.Н. Литературный дневник: 1899 — 1907. Пб., 1908; Мережковский Д.С. 1) Было и будет: Дневник 1910 — 1914. Пг., 1915; 2) Невоенный дневник: 1914 — 1916 (От войны к революции: Дневник 1914 — 1917). Пг., 1917.

³⁴ Об этом жанре см.: Шкловский В. Розанов // Шкловский В. Указ. соч. , С. 120 — 139.

³⁵ Ср.: А.Блок и А.Белый: Переписка. С. 246 — 247, 285; Из переписки Ал.Блока с Вяч.Ивановым // Публ. Н. В. Котрелева. С. 172—176.

³⁶ Этот вопрос освещен в работах С.В.Белова. Блоковская документальная проза (законченные произведения) уже рассматривалась в контексте современной поэту литературы. Ср.: Максимов Д.Е. Указ. соч. С. 15 — 21; Кацев А. А.Блок и документальная литература первых лет советской власти. С. 18 — 26.

³⁷ Об эстетических взглядах Блока в этот период см.: Минц З.Г. Блок и русский символизм. С. 133.

³⁸ Исторической концепции Блока посвящена большая литература. В частности, процесс сближения поэтом автобиографической и исторической реальности прослеживается в работе: Гордин М. История — это возмездие // Звезда. 1980. № 10. С. 87 — 102.

³⁹ РГАЛИ, ф.55, оп. 1. №. 6. Указание на эти материалы: Минц З.Г. Блок // Русские писатели; 1800 — 1917: Биографический словарь // Под редакцией П.А.Николаева. М., 1989. Т. 1. С. 281.

⁴⁰ О влиянии этих особенностей на документализм блоковского творчества 1918 — 1921 гг. см.: Минц З.Г. Блок и русский символизм. С. 160.

⁴¹ Максимов Д.Е. Указ. соч. С. 268. Ср. также сходную мысль, высказанную при жизни Блока: Чуковский К. Дневник // Вступ. слово М.Петровского. Подгот. текста, публ. и ком. Е.Чуковской // Новый мир. 1990. № 7. С. 168.

Л. Ф. АЛЕКСЕЕВА

БЛОКОВСКИЕ ТРАДИЦИИ И “БЕЖЕНСКАЯ ПОЭМА” ВС. Н. ИВАНОВА

Блокковская традиция продолжала свое бытие, воздействуя на идеи и образы поэтов самых разных направлений и ориентаций, — как в революционной России, так и вне ее пределов. Поэтическое (отчасти и прозаическое) творчество Вс. Н. Иванова (1888—1971), безусловно, имеет прочные связи с открытиями старшего современника.

Автор “Беженской поэмы” (Харбин, 1926), как и Блок, увлекался идеями В. С. Соловьева, мучительно размышлял над вопросами своеобразия национального облика России, взаимоотношений между интеллигенцией и народом, глубоко переживал чувство причастности к отечественной истории в токах собственной крови. Подчеркивая художественный синтез русской культуры, А. Блок утверждал: “Так же, как неразлучимы в России живопись, музыка, проза, поэзия, неотлучимы от них и друг от друга — философия, религия, общественность, даже — политика” (VI, 175—176). Автор философско-исторических, историко-художественных, а также поэтических произведений, Вс. Н. Иванов являл собой пример такой нерасчлененности “драгоценной ноши”, когда “слово и идея становятся краской и зданием” (VI, 176). Замысел поэмы, оживляющей русскую историю, возник у будущего автора “Императрицы Фике”, по его собственному признанию, в результате трагического опыта войны и революции, приблизившего “великое общее бытие человечества, которое подслушал и в 3-й книге своей запечатлел Александр Блок, уловивший уже и ржание коней за Непрядвой, и приближавшийся неотвратимо великий шум налетевшей мировой бури”¹.

Ориентация на блокковскую традицию начинается с эпитафия:

Закат в крови. Из сердца кровь струится.
Плачь, сердце, плачь!

Значимость “Куликовского” цикла, самого присутствия XIV века в современности отмечена Блоком почти что автоцитацией стихов 1908 г. в “Прологе” к поэме “Возмездие”, который был опубликован в “Русском слове” в 1914 г. (7 апреля). Блок предощутил глобальный трагический вихрь: “Стоит над миром столб огня”, — и на вопрос, кто сразит нависшего над Европой дракона, отвечает запечатлением символической картины, за которой угадывается “трепетная идея, непрестанно кольшущаяся и во времени многообразно намекающая о надвременной полноте”³: “Не ведаем: над нашим станом, / Как встарь, повита даль туманом, / И пахнет гарью. Там — пожар” (III, 302). Вс.Н.Иванов в 1918 — 19 гг. оказался в самом пекле объявшего Россию огня, пройдя путь вместе с откатывающейся на Восток белой армией — почти буквально по пушкинской формуле, также вынесенной в эпиграф: — “От потрясенного Кремля / До стен недвижимого Китая”. “Теперь — удивительное время. Настоящее столь безотраднo, что прошлое приступает вплоть”⁴, — писал он в книге “Мы”, изданной в Харбине в том же 1926 г., что и поэма.

В бродильном кипении революции жизнь “пытала дух” с нарастающей интенсивностью, уж не “бескровно и безболно”, как “беспечного” человека XIX века, но со всей страстью разъяренной стихии, требовавшей напряжения всех сил души, погружая в мутный поток живых всечеловеческих реалий истории. “Тогда, в Харбине, — читаем в воспоминаниях Вс.Н.Иванова о весне 20-го, — попадая в гигантские испытания, переносясь “людно, конно и оружно” через эпохи и континенты, я чувствовал себя где-то в гигантском университете, проходящем курсы человечества. Так тогда зародилась во мне “Беженская поэма”...⁵ Состоящая из 18 главok и “Посвящения”, поэма не является циклом стихотворений, — все ее части объединены единым ритмом, стилем, образом поэта, вобравшим в себя историю веков и народов, сквозным лирическим сюжетом.

Присутствие за строчками системы идей, универсальных обобщений, “структурных” подходов автора поэмы “Возмездие” в “Беженской поэме” можно заметить без особых усилий. Думается, что вполне созвучны блоковским мотивы обращения Вс.Иванова к ямбу.

В предисловии к “Возмездию” Блок обосновал обращение к излюбленному поэтами “золотого века” двусложному размеру: “Я думаю, что простейшим выражением ритма того времени, когда мир, готовившийся к неслыханным событиям, так усиленно и планомерно развивал свои физические, политические и военные муску-

лы, был *ямб*. Вероятно, потому повлекло и меня, издавна гонимого по миру бичами этого ямба, отдаться его упругой волне...” (III, 297). Тот же изгоняющий бич ямба стал управлять голосом “Беженской поэмы”.

Замысел произведения возник отчасти в атмосфере споров с Николаем Васильевичем Устряловым, инициатором движения “Смена веж”, опубликовавшим статью с одноименным названием в одном из харбинских изданий. В отношении к идее примирения с реальностью свершившегося в России Вс.Н.Иванов занял позицию довольно жесткую. Внедрение европейских идей в текущую жизнь России мыслилось им как причина невозможных утрат: “В своем полете на Запад Медный Всадник, доскакав до самого края страшной пропасти, обрушился в нее. И чистой половины русского общества больше нет”⁶, — писал он в философско-исторической книге “Мы”, отстаивая точку зрения “панмонголизма”, ярко актуализированную Блоком в “Скифах”.

Не однажды в “Беженской поэме” подчеркнута родственность русских Востоку, обусловленная древними культурными и социально-биологическими истоками. “Азиаткой” предстает героиня (имени которой поэт не расшифровал даже в воспоминаниях, написанных спустя несколько десятилетий):

Четырехлетнего изгнания
Легко несете Вы ярмо.
То кровь татарская к скитаниям
Вас приспособила давно (с.9).

Картины природы, фольклорные символы-образы, элементы обрядовой поэзии, некоторые обычаи, архитектурные очертания, быт — все напоминает об утвердившемся в сознании некоем образе прародины, о близкой Блоку идее возвратного движения времени.

Все знаю... Помню... Было! Было!
Я видел этот древний сон.
В кумирнях пышные кадила,
И лики темные икон (с. 38).

Стремление объединить по-блоковски разрозненные факты, передать их “единый музыкальный напор” приводит поэта-беженца к неординарным наблюдениям и заключениям, например:

Давно мы знаем эти страны
И этих вежливых людей:
Ведь в их парчовые кафтаны
Одет наш русский Берендей (с. 39).

Вс.Н.Иванов касается глубин мирного, спокойного быта, уклада, напоминая об “обломовской” линии национальной ис-

тории: “В еде, питье, ленивых негах / Люба нам древняя Кидань”. Одновременное наличие разрушительного начала антиномично сопутствует в душе соотечественников, оно определено как “номада разъяренный дух”, т. е. — народа кочевого, легкого на подъем, скотоводческого, одержимого вечным поиском. Автор поэмы замечает это “азиатское”, внерациональное в среде петербургской интеллигенции, и дистанция времени не устранила, но усилила впечатления молодости:

Но буря дней тех откипела —
Я ясное увидел дно:
Культура нами не владела,
Степям отданными давно.
Спокойных дней быллой походки
Не выносил шумливый стан.
Нам отдых подлинный был водка
Да пенье гулкое цыган (с. 63).

Тысячелетняя древность, времена татаро-монгольского нашествия, Петровская и Екатерининская эпохи, итальянское Кватроченто и Великая французская революция, философское и художественное творчество Вольтера и Руссо освещены в поэме с таким темпераментом, который говорит об отношении к прошлому как к неумирающей и никогда не уходящей в полное небытие стихии извечной преемственности. “История — это не арбуз, нарезанный на столе ученого-статистика ломтями. История вся пронизана артериями и венами и чревата, то есть брюхата, в живом своем творчестве настоящим, уходящим в будущее, и еще неумершим прошлым. В период катаклизмов мы ощущаем всей кожей своей, что история движется, что цепь событий не может прерваться. История представляется нам тогда как некое перманентное землетрясение, вздымающее из глубин земли или из вод океана все новые острова и континенты”⁷. Эпопейное, широкое зрение дает автору поэмы возможность приоткрывать страницы отгремевших событий; лирическая приближенность к героям, предметам, картинам наполняет страницы живым чувством: созерцательным любованием, гневным неприятием, художническим восторгом, мистической просветленностью, “сладкою болью” воспоминаний юности, очарованием нежности.

В переживании русской истории Вс. Н. Иванов-поэт идет по проторенной Блоком тропе. Но как не может быть упреков Блоку в несамостоятельном следовании за Пушкиным, так не может быть подобной критики и в адрес автора “Беженской поэмы”. Сам Блок не считал “Возмездие” неудачей, мечтал его завершить, пытался вернуться к работе над этим произведением даже в январе и мае-июне 1921 г., т. е. оно не отпускало поэтическое воображение до

последних дней. О значимости блоковских жанровых поисков свидетельствует и плодотворность освоения творческого опыта идущими вослед.

Особую проникновенность придает обоим сравниваемым поэмам автобиографизм, присущее обоим поэтам чувство восприятия жизни, всегдашнего (иногда тайного) понимания истины — “мир прекрасен”. Это религиозное отношение к миру мы обнаружим и у Вс.Н.Иванова в главах, посвященных непричесанной русской провинции, по-своему воспетой Блоком в лирике. С державинской обстоятельностью нарисованные, оживают облака в одноименной главке (многомерность традиции, открытость культурных веяний была присуща вообще всей поэзии начала XX века).

Жемчужные, тащась лениво,
Набухнув чревом до земли,
Они волочатся над нивой,
Над черточкой лесов вдали.
И к ним возгорбились зелены
И серы веером поля.
Неярким солнцем озаренна
Пустынна русская земля (с. 49).

Для Иванова, как и для Блока, истинная культура как искренность и полнота человечности осталась как бы закрепленной за эпохой Возрождения, тогда как последующая история Европы связывалась с процессом вырождения культуры в цивилизацию. В “Беженской поэме” с особенным лирическим трепетом упоминается пение колоколов в итальянском городке Сан-Джеминиано (реальный город называется Сан-Джиминьяно), сохранившем облик, характерный для Раннего Возрождения. Героев притягивает жизнерадостная страна,

Где в шелк затянутый Челлини
Чеканит кубки и стихи.
И где прощают героиням
Попы за золото грехи (с. 45).

Вслед за Блоком поэт-эмигрант видит в последующей истории засилье “меркантильной суеты”. Уже в строфах, посвященных Эрмитажу, появляется необычно тенденциозный портрет знаменитого французского деятеля эпохи Просвещения:

... мыслью рай и ад способный
Все высмеять, равно остер,
Глядит, вцепясь в кресла, злобный
С улыбкой дьявольской Вольтер (с. 13).

Для автора книги “Огни в тумане: думы о русском опыте” (Харбин, 1932), записок русского художника “В гражданской вой-

не” (Харбин, 1921) в идеализированных социал-демократами фигурах Вольтера и Руссо содержатся порочные семена растлевающих сознание идей, приведших в конечном итоге к “раздорам толп”, к торжеству иронии. Идеи Вс.Н.Иванова вполне созвучны блоковскому трагическому голосу о “крушении гуманизма”, но “музыка” революционной современности не внушала харбинскому изгнаннику надежд на рождение человека-артиста в бушующем потоке мятежных страстей. Нарушение иерархически устроенного мира ведет, с его точки зрения, к мировому фарсу, что дооктябрьскому Блоку было близко. Итоги революций освещены Ивановым с горьким сарказмом:

И, руки заложив в карманы,
Садится пошлость их на трон;
Не тем, что люди стали равны,
Владыка новый восхищен,
А тем, что новое похоже
На старый пасмурный обряд —
И вот, на королевском ложе
Актер и проститутка спят (с. 77).

Настоящее возмездие верховных сил, насмешку над человеческими устремлениями (многократно осмысленную и прочувствованную Блоком-поэтом), увидел в европейской истории сквозь призму русской революции не состоявшийся приват-доцент Пермского университета. Его идеал связан не с “подстегиванием истории”, но с деятельностью мирной, позитивной, с тем, что О.Мандельштам увидел как сущностную ценность блоковского творчества. “Поэзия Блока, — писал он в годовщину кончины великого современника, — от начала до конца, от “Стихов о Прекрасной Даме” до “Двенадцати” включительно, была интенсивной, культурно-созидательной”⁸. В этом отношении не случайно для всех почти поэтов первой трети XX века было притягательным “веселое имя” Пушкина, органически присущее ему сознание радости бытия. Как бы в продолжение блоковской речи “О назначении поэта” Вс.Н.Иванов писал: “Даже сосланный Пушкин не страдал, а юношей слушал музыку волн в ясном, соленом, голубом Крыму, писал стихи крепче и звонче меди, любил прекрасных женщин. Мы решительно не согласны с существующим известным уныло-интеллигентским восприятием существующего, а тем более прошлого”⁹.

Восторгом жизни и любви дышат многие строфы “Беженской поэмы”. Мотив юности, любви, красоты природы наполняет все произведение светом, и добрый взгляд на мир юноши, рядом с которым любимая, не вытеснен из авторской души даже грустными заревами пожаров:

В прозреньях дедовских сугубы,

Благословим тебя, Земля!
И вас, трепещущие губы,
И вас, кружащие поля! (с. 57).

Можно принимать или не принимать конкретные оценки исторических личностей и ситуаций, спорить с основной историко-философской концепцией поэмы, но искренность и горячая заинтересованность в освещении прошлого, тонкий лиризм в описании картин природы и теплой атмосферы живого национального быта, приближение к эпохам через язык, необычайной широты эрудиция, как бы закодированная в лишенном наукообразия тексте, — все это привлекает в “Беженской поэме”, подчеркивая в очередной раз, какой широкий резонанс находили блоковские свершения в поэзии живых участников в переломную эпоху.

¹ Иванов Вс. Н. Главы из воспоминаний: Урал — Харбин — Владивосток // Иванов В. Н. Императрица Фике. Дочь маршала: Исторические повести. М., 1992. С. 513. В этом издании помещен текст “Беженской поэмы”.

² Иванов В. Н. Беженская поэма. Харбин. Из-во “Бамбуковая роща”. 1926. С. 5. Далее номер страницы указывается в тексте.

³ Флоренский П. П. У водоразделов мысли. М., 1990. Т. 2. С. 240.

⁴ Иванов Вс. Н. Мы: Культурно-исторические основы русской государственности. Харбин. 1926. С. 21.

⁵ Иванов Вс. Н. Главы из воспоминаний. С. 513.

⁶ Иванов Вс. Н. Мы. С. 20.

⁷ Иванов Вс. Н. Юность и свобода: Повествование о времени и о себе // Дальний Восток. Хабаровск. 1987. № 8. С. 320.

⁸ Мандельштам О. Э. А. Блок: 7 авг. 21—7 авг. 22 г. // Мандельштам О. Э. Собр. соч. В 2-х т. М., 1990. Т. 2. С. 191.

⁹ Иванов Вс. Н. Мы. С. 7.

ПУБЛИКАЦИИ

НЕИЗДАННАЯ ПЕРЕПИСКА А. БЛОКА И Э. К. МЕТНЕРА

(Публикация, предисловие и комментарии А. В. Лаврова)

Тема, вынесенная в заглавие настоящей публикации, не отличается новизной: еще в 1972 г. была напечатана работа Н. А. Фрумкиной и Л. С. Флейшмана “А. А. Блок между «Мусагетом» и «Сирином»”, содержащая общую характеристику взаимоотношений Блока и Э. К. Метнера и включавшая 11 впервые опубликованных писем Блока к Метнеру¹. За пределами этой работы оказались 10 писем Метнера к Блоку, а также 2 письма Блока к Метнеру, к тому времени еще не поступившие на государственное архивное хранение. Указанные документы и составляют предмет нашей публикации, которая не претендует на изменения в трактовке историко-литературного материала (исследование Н. А. Фрумкиной и Л. С. Флейшмана было выполнено на высоком профессиональном уровне и в существенных коррективах не нуждается) и является лишь сводом дополнительных свидетельств к истории взаимоотношений Блока с московским символистским издательством “Мусагет” и его руководителем.

Значительная часть переписки Блока и Э. К. Метнера посвящена сугубо деловым проблемам — печатанию в “Мусагете” Собрания стихотворений Блока и его 4-й книги стихов “Ночные часы”, определению условий сотрудничества с новообразованным петербургским издательством “Сирин”, улаживанию литературных дел Андрея Белого, находившегося за границей, и т. п. В то же время все эти “внешние” обстоятельства были непосредственным образом обусловлены определенными внутренними сдвигами в мироощущении и литературной позиции Блока — сдвигами, сделавшими естественным его приобщение к “мусагетскому” стану.

Годы, на которые приходится переписка Блока и Метнера (1910 — 1913), — почти совпадают с особым этапом духовной эволюции Блока, отличительными чертами которого были новое — после периода “антитезы” и переоценки прежних ценностей — утверждение символистского канона и приоритетов философско-эстетического познания, возвращение к теургическим концепциям искусства и мифопоэтическим представлениям о мире как форме осуществления универсальных метафизических начал². Издательство “Мусагет”, ставившее своей задачей пропаганду “подлинного” символизма — метода, выстраиваемого на глубоких историко-культурных и религиозно-философских основаниях, — оказывалось для Блока, заново и по-новому отстаивавшего идеи творческого “жизнестроительства”, внутренне близким объединением — не в малой степени и потому, что в числе его руководителей были, помимо Метнера, Андрей Белый и Вячеслав Иванов.

При этом и сам Эмилий Карлович Метнер (лит. псевдоним — Вольфинг; 1872 — 1936) — музыкальный критик, философ, старший брат композитора Н.К.Метнера и двоюродный брат композитора А.Ф.Гедике, “старинный друг” Белого, — не оказался в кругу знакомых Блока (они впервые встретились во время московского визита Блока в начале ноября 1910 г.) фигурой случайной. Вспоминая о первом разговоре Метнера и Блока, Белый отмечает дружественное взаимопонимание, сразу установившееся между ними: “Я радовался, что два моих друга в летучем том миге знакомства и поняли, и оценили друг друга; соединяло их очень — и отношение к германской культуре; Э.К. был гетист, кантианец, любитель Бетховена, Вагнера; А.А. же всегда относился с глубокой симпатией к германскому гению <...>”³. “Мусагетское” объединение изначально задумывалось как сообщество людей, мыслящих и чувствовавших в единой системе культурных координат, и духовная ось, возникшая между Блоком и Метнером, стала одной из неформальных основ, гарантировавших слаженную и целеустремленную общую деятельность. Характерно, что издание Собрания стихотворений Блока в трех книгах, предпринятое “Мусагетом”, было для издательства прежде всего глубоко идейным, собственно “мусагетским” делом; Метнер отмечал, что “лирика Блока была признана по духу своему близкой *Musagetu*” — в отличие, например, от лирики З.Н.Гиппиус: издание “Мусагетом” 2-й книги ее “Собрания стихов” он расценивал как “уступку в сторону”, связанную “с мыслью о необходимости включить в начале издательской деятельности хотя одно имя известное, имя автора старшего поколения”⁴.

Н.А.Фрумкина и Л.С.Флейшман назвали свою публикацию “А.А.Блок между “Мусагетом” и “Сирином”” — выдвинув тем самым во главу угла коллизии, возникавшие из факта одновременного функционирования двух крупнейших символистских издательств 1910-х годов. Содержание переписки и весь характер связей Метнера и Блока позволяет рассмотреть этот сюжет еще в одном ракурсе: Блок между Эмилием Метнером и Андреем Белым. Действительно, почти во всех письмах к Блоку Метнер обращается к нему либо как к посреднику, с чьей помощью он надеется наилучшим образом уладить литературные дела Белого в “Сирине” — издательстве, в финансовом отношении более мощном и самостоятельном, чем “Мусагет”, — либо как к своего рода третейскому судии, способному вынести справедливый вердикт из той череды конфликтов и обид, в которую обратились взаимоотношения Белого — неопита штейнерианства и Метнера, стремившегося неукоснительно выдерживать в издательстве программную культурологическую линию. Драматизм идейных баталий между Метнером и Белым предстает в письмах руководителя “Мусагета” к Блоку в отраженном свете, но достаточно выразительно — в особенности если учесть, что “Мусагет” учреждался в первую очередь для того, чтобы Андрей Белый мог публиковать свои произведения без всяких дополнительных осложнений. “Затевая издательство, — вспоминает Ф.А.Стёпун, — Эмилий Карлович думал не столько о себе, сколько о своем “гениальном” друге, Андрее Белом, революционному дарованию которого было трудно разворачиваться в рамках старотипных издательств <...> Поклонник символического искусства Гете и Вагнера и сам теоретик символизма, Метнер в глубине своей души вероятно верил, что ему удастся направить гениального, но сумбурного Белого по этому пути”⁵.

Между Метнером и Белым непреодолимой преградой встал Рудольф Штейнер. Блок вполне сочувствовал Метнеру в его неприятии антропософского учения, был согласен в принципе со всеми основными концептуальными установками, которым тот стремился подчинить деятельность “Мусагета”, лично к руководителю издательства относился с искренней симпатией. И тем не менее, когда в Петербурге наметилась возможность нового литературно-издательского объединения — под эгидой “Сирина”, — Блок приложил все необходимые усилия к тому, чтобы вежливо и по возможности бесконфликтно с “Мусагетом” размежеваться. Такая решительность особенно примечательна в свете слов Блока о том, что “Сирин” — “дело, совершенно не конкурирующее с “Мусагетом” и дружественное ему”, более того — “дело, обещающее стать большим *арийским* делом”⁶ (“арийское” начало и было для Метнера одной из незыблемых и безусловных духовных основ, и

его он по мере возможностей старался утвердить в “Мусагете”). Разумеется, “Сирин” был весьма привлекателен тем, что его учредитель М.И.Терещенко, богатейший предприниматель, обещал поставить издательство на самые прочные и надежные финансовые основания, — а “Мусагет” в делопроизводственном отношении сплошь и рядом оказывался творением дилетантским — маломощным и ненадежным. Но, думается, в ряду причин, объясняющих охлаждение Блока к “Мусагету”, были, помимо очевидных обстоятельств “материального” толка, и определенные идейные флюиды. Метнер, как пронизательно подмечал тот же Ф.Степун, был по структуре своего сознания человеком “алтаря и трона”⁷, система культуры воспринималась им как своего рода пантеон богов, новое культурное творчество мыслилось в рамках и категориях, установленных традицией и каноном. В конкретном осуществлении такие мировоззренческие предпосылки грозили обернуться сухой доктринальностью, априорными культурологическими построениями, и в деятельности “Мусагета” эти тенденции сказывались с каждым годом все более зримо. Для Блока, чуравшегося философических отвлеченностей, доверявшего интуиции и “стихии” больше, чем самым безусловным императивам мышления, такой метнеровский “Мусагет” не мог стать подлинно родным и близким пристанищем, и не удивительно, что поэт внутренне устремился к “Сирину” — в надежде на новые, непосредственно жизненные токи, которых явно нехватало “Мусагету”.

Впрочем, отношения Блока с “Мусагетом” возобновились вновь, как только издательство “Сирин” в январе 1915 г. прекратило свою деятельность. На этот раз они приобрели чисто деловой характер: “Мусагет” взялся за новое издание “Стихотворений” Блока в трех книгах, а также его “Театра”; все четыре тома благополучно вышли в свет в 1916 г. В ходе их подготовки и печатания Блок общался с В.В.Пашуканисом, взявшим на себя ведение дел “Мусагета”, и Н.П.Киселевым, секретарем издательства⁸. Метнер, в 1914 г. уехавший за границу, тогда уже от практической работы в “Мусагете” отошел.

Письма Блока к Метнеру печатаются по автографам, хранящимся в архиве Э.К.Метнера в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (РГБ, ф. 167, карт. 13, ед. хр. 17), письма Метнера к Блоку — по автографам из архива А.А.Блока в РГАЛИ (ф. 55, оп. 1, ед. хр. 331).

¹ Блоковский сборник. 2. Тарту, 1972. С. 385 — 397. Далее ссылки на это издание приводятся сокращенно: БС-2.

² См.: Минц З. Г. Блок и русский символизм // Литературное наследство (далее: ЛН). М., 1980. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 1. С. 138—142.

³ Белый Андрей. Воспоминания о Блоке // Эпопея. 1923. № 4. С. 193. В письме к Белому от 6 июня 1911 г. Блок признавался, что чувствует к Метнеру, помимо глубокого уважения, еще и “тайную нежность” (VIII, 345). Подробно о Метнере см.: Ljunggren Magnus. The Russian Mephisto. A Study of the Life and Work of Emilii Medtner. Stockholm, 1994.

⁴ Письмо Э.К.Метнера к В.В.Пашуканису от 5 мая 1915 г. // РГБ, ф. 167, карт. 13, ед. хр. 13.

⁵ Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. London, 1990. Т. 1. С. 267 — 268.

⁶ Письмо к Андрею Белому от 7/20 декабря 1912 г. // Вопросы литературы. 1978. № 10. С. 314. Публикация Н.Примочкиной.

⁷ Степун Ф. Указ. соч. Т.1. С. 269.

⁸ См.: Чарушникова М. В. Письма А. Блока Н. П. Киселеву // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1987. Вып. 46. С. 220—230.

1

Метнер — Блоку

Глубокоуважаемый и дорогой Александр Александрович!

Спешу кратко ответить Вам на Ваше предложение¹. Пришлите, пожалуйста, новый сборник и Стихи о Прекрасной Даме; постараемся издать и то и другое до лета². Адрес Бугаева: Африка, Тунис до востребования³.

Мой искренний привет Вашей супруге.

С Новым Годом!

Преданный Вам Э. Метнер

Москва 1/1 <1>911.

P.S. Брату в Москве устроили овацию, поднесли адрес, подписанный самыми выдающимися музыкантами и литераторами, и пять венков⁴.

¹ В письме к Метнеру от 19 декабря 1910 г. Блок предлагал издательству “Мусагет” издать его “собрание стихотворений в 3-х книгах” (при этом сообщал: “... Первая книга (“Стихи о Прекрасной Даме”) у меня совершенно готова”) и новый сборник стихов “Ночные часы”, выражая готовность прислать в “Мусагет” рукописи “Ночных часов” и “Стихов о Прекрасной Даме” (БС-2. С. 389).

² Сообщая в письме к матери от 6 января 1911 г. об этих предложениях Метнера, Блок добавлял: “Но новый сборник все не готов <...> ---- кажется, лучше отложить до осени. Пошлю только первый том” (Письма Александра Блока к родным. Т. 2. М.-Л., 1932. С. 109). “Стихи о Прекрасной Даме”

(“Собрание стихотворений”, кн. 1) были изданы “Мусagetом” в начале мая 1911 г., “Ночные часы” — в конце октября 1911 г. Рукопись первой книги Блок выслал в “Мусaget” 9 января 1911 г. О ходе подготовки этих изданий см. письма Блока к А.М.Кожебаткину (январь — октябрь 1911 г.) (Советская Украина. 1961. № 8. С. 176 — 177. Публ. П.Куприяновского).

³ 19 декабря 1910 г. Блок писал Метнеру: “Не знаю, куда писать Б<орису> Н<иколаевичу>. Хотя я получил от него открытку из Палермо, но не уехали ли они оттуда?” (БС-2. С. 389). Свой адрес в Тунисе Белый сообщил Блоку в открытке, отправленной 23 декабря 1910 г. (5 января н. ст. 1911 г.) (Александр Блок и Андрей Белый. Переписка. М., 1940. С. 244).

⁴ Текст адреса, поднесенного композитору Николаю Карловичу Метнеру (1879 — 1951) общественностью Москвы в знак солидарности с ним 15 декабря 1910 г. в Большом зале Российского благородного собрания на симфоническом концерте оркестра С.А.Кусевицкого, был опубликован 20 декабря 1910 г. в газете “Москва”, воспроизведен в комментариях З.А.Апетян в кн.: Метнер Н.К. Письма. М., 1973. С. 132. Причина составления адреса — инцидент между Н.К.Метнером и голландским дирижером Жозефом Виллемом Менгельбергом на репетиции симфонического концерта Кусевицкого в Петербурге 7 декабря 1910 г. (см.: Там же. С. 129—130, а также: Постоутенко К. Н. К. и Э. К. Метнеры: парадокс национальной самоидентификации (к публикации неизвестного письма А. Белого) // Опыты. 1994. № 1. С. 105—113).

2

Метнер — Блоку

Траханеево 18/VI <1>912

Глубокоуважаемый и дорогой Александр Александрович!
Ваше письмо от 8/VI получил!

Уже больше месяца, как собирался писать Вам, но был перегружен перепиской. Между прочим с Бугаевым и с Эллисом по весьма неприятным деловым вопросам. Чуть что не поссорился с обоими. Очень трудно ладить с ними во всем, что выходит за пределы чисто личного, “последнего”. Но и в этом “последнем” намечаются расхождения. Теософическое увлечение принимает очень серьезные размеры, и у Эллиса оккультизм уже съел дочи́ста последние остатки литературы. Его уже ничего больше не интересует, кроме небесных иерархий по схеме Штейнера. Как все это отразится на Бугаеве — не знаю². Скажу только, что изучал Штейнера достаточно, чтобы (оставив здесь все неприемлемое для меня) утверждать полную неподготовленность обоих друзей к оккультизму, приступ к которому требует прежде всего самообладания в мелочах жизни и полной корректности в *внешних* делах.

Все поведение того и другого за последнее время — сплошной хаос. *Это — между нами!* Одно время я даже хотел просить Вашего посредничества в споре между мною и Борисом. — — — Но, к счастью, теперь все уладилось³. — Что касается моей книги, то я

думаю, что Вы по заглавию увидите для себя интересное. Статья о критике и о Христиансене не требует никаких музыкальных познаний и многое в *Приложении* — также⁴. —

Вячеславу Ивановичу давно написал, но ответа не было⁵. — Ваша статья — очень хороша и явилась весьма кстати⁶. — Пишите для журнала больше. —

Крепко жму Вашу руку.

Ваш Э. Метнер

Привет Любовь Дмитриевне⁷.

¹ В датировке — описка Метнера; имеется в виду, безусловно, письмо Блока от 8 мая 1912 г. (БС-2. С. 390), в котором поэт благодарил Метнера за присылку его книги “Модернизм и музыка” с дарственной надписью: “Александр Александровичу Блоку с чувством восхищения и любви. Э.Метнер, май 1912” (БС-2. С. 395).

² Андрей Белый и А.А.Тургенева в апреле-мае 1912 г. жили в Брюсселе, 6 и 7 мая они приезжали в Кельн на лекцию Р.Штейнера и тогда же решили статью на путь антропософского “ученичества”. Эллис (Лев Львович Кобылинский; 1879 — 1947) в середине мая 1912 г. гостил у Белого в Брюсселе, приверженцем учения Штейнера он стал в 1911 г.

³ После целой серии резко конфликтных посланий, полных обид и претензий, Белый отправил Метнеру в июне 1912 г. два примирительных письма; в одном из них он извинился за “резкий тон” своих “ответов”, добавляя: “Я от всей души прошу меня извинить за весь инцидент этой двухмесячной переписки” (РГБ, ф. 167, карт. 2, ед. хр. 64).

⁴ Речь идет о книге: Вольфинг <Метнер Э.К.>. Модернизм и музыка. Статьи критические и полемические (1907 — 1910). Приложения (1911). М., “Мусагет”, 1912, — и о входящих в нее статьях “Критика” (с. 123 — 160) и “Эстетические воззрения Бродера Христиансена” (с. 191 — 214).

⁵ Вероятно, подразумевается письмо, в котором Метнер пытался склонить Вяч.Иванова на свою сторону в наметившемся конфликте между “Мусагетом” и “штейнерианцами” Эллисом и Белым: “Надеюсь, что Вы согласны со мною в том, что проповеди оккультизма, да еще с определенной (штейнерьянской) окраской, ни *Мусагет*, ни *Труды и Дни* допустить не могут. Относительно “синтеза оккультизма и символизма” (платформа Эллиса, а ныне и Бугаева?) у меня самые мрачные мысли. Прежде всего: Штейнер — антисимволист, замаскированный материалист и мета...химик. Далее, Эллис — ритор, пропагандист, католик по психологии. Наконец, Бугаев — бессознательный игрок, и притом несколько аффектированный и легковверный. Что же должно получиться из всего этого?” (РГБ, ф. 109, карт. 29, ед. хр. 97).

⁶ Имеется в виду статья “От Ибсена к Стриндбергу”, представленная Блоком в “мусагетский” журнал “Труды и дни” (1912. № 2. С. 8 — 14).

⁷ На листе с текстом этого письма Метнера имеются пометы Блока: “Золотому блеску верил”, “Ответил 19 июля”, “Нет, не послал. Ответил иначе 22 июля”. В письме к Метнеру от 22 июля 1912 г. Блок сообщал: “Ваше письмо получил я уже более месяца назад, очень часто думаю о нем и не умею ответить; написал было Вам. “оптимистически”, под влиянием минуты “возвышающего обмана”, но вышла неправда, перечитал и не послал. Да, все ваши тревоги за Б<ориса> Н<иколаевича> я разделяю, и то, что Вы пишете, мне слишком зна-

комо <...> В “оптимистическом” письме я приводил Вам единственный аргумент в пользу Б<ориса> Н<иколаевича>:

Золотому блеску верил,
А умер от солнечных стрел.
Думой года измерил,
А жизнь прожить не сумел”.

(БС-2. С. 390. Неточно процитировано начало стихотворения Андрея Белого “Друзьям”, 1907).

3

Метнер — Блоку

Траханеєво на Клязьме 3/Х <1>912.

Давно, давно я у Вас в долгу, дорогой Александр Александрович! Ваше письмо от 22/VII¹ сначала отложил на несколько дней, потом не успел им заняться до отъезда за границу (28/VII); за границей (Байрейт, Нюрнберг, Регенсбург, Вена) не было спокойного досуга; лишь в Пильнице (Дрезден), где я провел оседлым три недели, я бы мог ответить, но нагрянули новые оскорбительные письма от Бугаева и Эллиса, и моя беседа с Вами опять сорвалась². Наконец приехал в Москву; здесь, помимо массы неотложных дел, меня ждали новые оскорбления, обвинения, инсинуации и возмутительные несправедливости в письмах и различных “досье” Эллиса и Бугаева и печальные повествования о состоянии духа обоих из уст Петровского, Киселева и М.Сизова³, трех теософов, побывавших в Мюнхене на цикле Штейнера⁴ и поживших с обоими друзьями. Я страшно разбит и духом и нервами. Пришлось отвечать длиннейшими посланиями главным образом потому, что вперемежку с руготней в письмах было много если и не дельного, то делового. Все это окончательно утомило меня и засорило голову... Подобным оскорблениям я не подвергался никогда в жизни. И все обвинения, которые выставляются обоими против меня, ложны. Я дожил почти до 40 лет, не раз вел дела и входил в сложные деловые отношения с разными людьми, состоял при прокуроре палаты, был адвокатом, чиновником на трудном и ответственном посту и *никогда* мне не доводилось ни видеть, ни слышать подобных безобразий и *никогда* еще меня не упрекали в халатности, абсентеизме, неряшестве, деспотизме, невыполнении честного слова и т.д. Летят письма в Москву к различным знакомым, и я из третьих рук узнаю, что меня называют

Стольпыным и инородцем, осмеливающимся задерживать (!) развитие русской культуры (!) — какова сила у меня!

Милый Александр Александрович! Я не стану Вас посвящать во все подробности нашего конфликта, усилившегося с той поры, когда Белый сошелся с Эллисом и оба они слились в одно существо Белоэлис (Белый потерял флексию, а у Эллиса выпало одно л); этот Белоэлис = (п. Белого • т. Эллиса)²; он угрюмо-свиреп; это существо быстро эволюционирует и ничего не помнит из того, что сказано им позавчера. Мне влагаются в уста фразы, которых я никогда не писал, и делаются нелепейшие выводы; в то же время отрицается действительно сделанное или сказанное ими обоими за последнее время. Меня опозорили и смешали с грязью — это не газетная фраза, а факт! Но у меня есть копии всех отправленных мною писем и я храню все получаемые письма. Я требую, чтобы или замолчали или предстали перед третейским судом. Я составлю на основании документов подробную записку о *Мусагете*, и тогда видно будет, кто прав... Готов Вам вручить всю нашу переписку с лета 1911 г., чтобы Вы убедились в чудовищной несправедливости и истерической непорядочности Белого. Существенное, о чем я должен сообщить Вам, следующее. Белоэлис требует штейнеризации Мусагета. Белоэлис считает Штейнера вершиною культуры, сверхчеловеком, предтечей второго Христа и т.п.⁵ — Белоэлис пишет о Штейнере *Он* с большой буквы. Белоэлис утверждает, что символизм и есть соединение эстетизма и оккультизма и что он, Белоэлис, в бытность свою еще двумя существами, Белым и Эллисом, *всегда* проповедовали эту истину: от *Теургии* до *Русских символистов*⁶. По другой редакции требуется новая платформа: “Культура зиждется на синтезе символизма и оккультизма”... Вы видите, что дело зашло очень далеко! И что это едва ли похоже на Стриндберга и Сар Пеладана⁷. Штейнер сильнее, чем Сар Пеладан, а Бугаев — добыча, более ценная, нежели Стриндберг. Штейнер не выпустит слабовольного Бугаева, который по своей гениальности и по своему медиумизму является желанным сотрудником Штейнеру. Считаю долгом уведомить Вас, что 1) превращать Мусагет и в частности *Труды и Дни* в орган Штейнера я не намерен; 2) помещать статьи об оккультизме конечно можно, но можно помещать статьи и *против* оккультизма и критику Штейнера, как писателя и поэта; 3) если Бугаев будет настаивать на снятии его имени как редактора *Тр<удов>* и *Дн<ей>* в 1912 г., т.е. с IV номера, то я порываю с ним навсегда и во всем, ибо есть предел бессовестности. Если же в 1913 г. Белоэлис будет требовать изменения платформы журнала, то я закрываю журнал и ликвидирую Мусагет.

Вы пишете: “что же нам делать с тем, что лучшие люди хаотичны”⁸. Но, во-первых, почему хаотизм, который ведь сам по себе с полбеды, сочетается с явной недобросовестностью и несправедливостью и, во-вторых, отчего этот хаотизм (м<ожет> б<ыть> чреватый великими идеями, как думают многие) так мало снисходителен к житейским будничным недоразумениям, так мало доверчив к долголетней дружбе, когда эта дружба вынуждена на мгновение стать дружественной критикой, отчего этот хаотизм хочет фиксировать себя, как хаотизм; отчего большой лихорадкой *может* сознавать себя больным; отчего Белоэлис, болеющий прививкой штейнерьянства, изрыгает нелепости в экстазе и не сознавая этого требует, чтобы они были занесены на страницы журнала? “Снова и снова прилагать последние меры”, говорите Вы⁹. Но я чувствую, что не в “последнем” ли мы с Бугаевым расходимся? Простите это неряшливое и неприятное письмо. Пишите. И в журнал и письмо (если оно само напишется!).

Крепко жму Вашу руку.

Ваш Э.Метнер.

¹ См. примеч. 7 к п. 2.

² Оповещая Вяч.Иванова о конфликтной ситуации, сложившейся у него в отношении с Белым и Эллисом, Метнер сообщал в письме из Пильница от 29 сентября (н. ст.) 1912 г., что с Белым он “окончательно прекратил <...> до поры до времени личное (неделовое) сношение”. “С Эллисом, — добавлял Метнер, — я покончил после его возмутительного письма два месяца тому назад <...> Несомненно они оба беседовали и с Вами о мусагетском хаосе и об его главном виновнике, т.е. обо мне; вот почему считаю необходимым поставить Вас в известность о прекращении моих чисто личных сношений с обоими баснующими неопитами <...>” (РГБ, ф.109, карт. 29, ед. хр. 97).

³ Алексей Сергеевич Петровский (1881 — 1958) — переводчик, сотрудник библиотеки Румянцевского музея; ближайший друг и духовный спутник Белого, содействовавший в начале 1900-х гг. его знакомству с Метнером. Николай Петрович Киселев (1884 — 1965) — библиограф, книговед; секретарь издательства “Мусагет” в 1913 — 1915 гг. (см. о нем: Маркушевич А.И. Николай Петрович Киселев // Федоровские чтения. 1974. М., 1976. С. 110 — 122; Николай Петрович Киселев. Библиографический указатель. М., 1984). Михаил Иванович Сизов (1884 — 1956) — физиолог, педагог, критик, переводчик (псевдонимы: М.Седлов, Мих.Горский), один из московских “аргонавтов” (материалы, отражающие обстоятельства его общения с Блоком, см. в кн.: ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 308 — 309, 383 — 384).

⁴ Имеется в виду курс лекций Р.Штейнера “Об инициации — О вечности и мгновении — О духовном свете и жизненной тьме”, прочитанный в Мюнхене с 25 по 31 августа (н. ст.) 1912 г.

⁵ Свое решительное неприятие религиозно-философской платформы Штейнера Метнер сформулировал в письме к Белому от 13/26 сентября 1912 г.: “...зачем должен я принять Бога из рук Штейнера? А если для принятия Бога необходима оккультная гимнастика <...>, то я не хочу Бога! <...> Проповеди

окультизма в *Тр<удах>* и *Дн<ях>* я не допущу” (РГБ, ф. 167, карт. 5, ед. хр. 28). В письме к Белому и Эллису, отправленном из Траханеева 1/14 октября 1912 г., Метнер столь же решительно заявлял: “Мусажет должен остаться верным Канту, Гете, Вагнеру или его существование есть ложь, есть фикция” (Там же, ед. хр. 29).

⁶ Подразумеваются статья Белого “О теургии” (Новый Путь. 1903. № 9. С. 100 — 123) и книга Эллиса “Русские символисты” (М., “Мусажет”. 1910).

⁷ В своем письме к Метнеру от 22 июля 1912 г. (БС-2. С. 391) Блок провел параллель между отношением Белого к Штейнеру и отношением к французскому писателю-окультисту Жозефену Пеладану (Сар Пеладан; 1859 — 1918) Августа Стриндберга, признававшегося в автобиографическом романе “Ад” (“Inferno”, 1897): “Сар Пеладан <...> овладевает мною, как буря, как откровение высшего человека, сверх-человека Ницше, и вместе с ним католичество торжественно и победоносно входит в мою жизнь. Быть может, “тот, который придет”, пришел уже в лице Пеладана?” (Стриндберг А. Полн. собр. соч. Т. 2. М., “Современные проблемы”, 1909. С. 261 — 262).

⁸ Слова Блока в письме к Метнеру от 22 июля (“...что же нам делать с тем, что “лучшие люди” более или менее “хаотичны”?” — БС-2. С. 390) представляют собой отклик на фразу о Белом и Эллисе из предыдущего письма Метнера (п.2): “Все поведение того и другого за последнее время — сплошной хаос”.

⁹ В письме Блока к Метнеру от 22 июля дословный текст: “По-моему, единственное все-таки средство борьбы с тупиком, — “снова и снова” прилагать мерила “последнего”” (БС-2. С. 390).

4

Блок — Метнеру

СПб., Офицерская 57, кв. 21. 18 XI 1912

Дорогой Эмилий Карлович.

Позвольте и мне оправдаться перед Вами в том, что я так непростительно долго молчу в ответ на Ваши шесть страниц¹; молчу даже и в этом письме.

Прежде всего — что отвечать? Не знаю и до сих пор. Всю борьбу, всю вражду-дружбу, которую Вы описываете, я испытал на себе (иначе), чувствую ее во многих тонкостях без слов, но мало *понимаю* ее, и, что всего важнее, не умею помочь; и потому, что не знаю Штейнера, и потому, что Вы с А.Белым связаны по особому, а я — по особому, и потому, что в той и другой связи есть не только житейское (я со своей стороны могу почти сказать даже: *только не житейское*), и т.д., и т.д. Молчу и сейчас.

Вторая причина молчания: скоро после того, как я получил Ваше письмо, стали накопляться у меня *дела*, о которых я должен был Вам сообщить; но не сообщил, потому что первое время просто чувствовал неловкость — отвечать на Ваше письмо *только* деловым письмом. Тем временем, дела копились, теперь уже их скопилось столько, что я собирался ехать в Москву, чтобы лучше все рассказать Вам лично. Но поездка откладывается, и потому —

единственный для меня выход — изложить Вам пока все деловое, насколько могу кратко.

Суть дела в том, что здесь, как Вы, может быть, уже знаете, открылось новое издательство “Сирин”, которое, в лице основателя своего Терещенки, хочет иметь дело со мной²; для меня это приятно по многим причинам, в том числе — практическим; могу Вам изложить их при свидании. Так как дело касается именно собрания моих стихов, то я и считаю долгом сообщить Вам об этом. Прибавлю еще, что Вы, надеюсь, знаете, — что это не меняет моего внутреннего отношения к “Мусагету”, к “Трудам и Дням”, ко всему Вашему делу, поскольку оно для меня доступно. Если я Вам — помощник, то, конечно, только внутренне, так мало, к сожалению, умел я для Вас сделать.

Итак — практический вопрос: так как “Сирин” хочет поместить мое имя в свою публикацию, которую скоро будет составлять, то мне очень важно знать, много ли у Вас осталось моих книг и можете ли Вы мне сообщить приблизительно, когда можно ждать их полной распродажи, чтобы выпустить новое издание?³ “Ночных часов” это, разумеется, не касается.

Сообщаю Вам еще, что я написал Белому в Мюнхен, по поручению “Сирин”, чтобы он прислал “Сирину” свой новый роман (вторую часть трилогии)⁴. Ходят слухи, что роман не кончен и что он продан Некрасову⁵. Последнее — не страшно, можно выкупить. Первое же заставляет думать о том, что предполагают многие: что он и не кончится, и Белый “бросил литературу”. Не знаю и об этом ничего: у меня — упорное чувство, что Штейнер есть эпизод в его жизни, хотя бы и значительный и чреватый последствиями. Однако, чувства — мало. — Известий от Белого не имею, по-прежнему, никаких⁶.

Сообщаю Вам факты и задаю вопросы, даже не пытаюсь передавать подробностей и оттенков. Думаю, что удастся увидеться с Вами. Если у Вас нет времени, черкните мне кратко, только о деле. О положении дел у Вас я знаю только одно — из письма Ахрамовича — что А<ндрей> Б<елый> не будет редактировать “Т<руды> и Дни”⁷.

Ваш Ал.Блок.

Ответ на п. 3.

¹ Предыдущее письмо Метнера Блок получил, согласно его дневниковой записи, 5 октября (VI, 160).

² Согласно дневниковым записям А.М.Ремизова, издательство “Сирин” было основано 10 октября 1912 г., а договоренность с Блоком об участии в этом предприятии была достигнута 17 октября (см.: ЛН. Т. 92. Кн. 2. С. 371 — 372; VII, 166). С днем рождения Блока — 16 ноября — совпало торжественное открытие “Сирин” и освящение редакционной квартиры (Пушкинская ул., дом

10). Наряду с Михаилом Ивановичем Терещенко (1886 — 1958), капиталистом-сахарозаводчиком, чиновником особых поручений при директоре императорских театров, соучредителями “Сириня” были его сестры Елизавета Ивановна и Пелагея Ивановна Терещенко.

³ Речь идет о “Собрании стихотворений” Блока в трех книгах, выпущенных “Мусагетом” в 1911 — 1912 гг. (кн. 2 — “Нечаянная Радость” — вышла в свет во второй половине декабря 1911 г., кн. 3 — “Снежная ночь” — во второй половине марта 1912 г.; см. также примеч. 2 к п. 1).

⁴ Предложение передать для издания “Сирину” свой новый роман “Петербург” Блок направил Белому в письме от 15 ноября 1912 г. (VIII, 406 — 407).

⁵ Константин Федорович Некрасов (1873 — 1940) — племянник Н. А. Некрасова, владелец издательства собственного имени, функционировавшего в Ярославле и Москве в 1910-е гг. (см.: Из истории сотрудничества П. П. Муратова с издательством К. Ф. Некрасова. Вступ. статья, публикация и комментарии И. В. Вагановой // Лица. Биографический альманах. 3. М. — СПб., 1993. С. 155—265). Согласно договоренности, достигнутой в марте 1912 г., Белый передал Некрасову рукопись своего (еще незаконченного) романа “Петербург” с обязательством представить окончание романа в ближайшие месяцы (см.: Долгополов Л. К. Творческая история и историко-литературное значение романа А. Белого “Петербург” // Белый Андрей. Петербург. (Серия “Литературные памятники”). Л., 1981. С. 557—560). Письма Белого к Некрасову (1912), касающиеся хода реализации этого соглашения, хранятся в фонде К. Ф. Некрасова в Гос. архиве Ярославской области (ф. 952, оп. 1, ед. хр. 33).

⁶ Переписка между Блоком и Белым не возобновлялась с июня 1912 г.

⁷ Витольд Францевич Ахрамович (Ашмарин; 1882 — 1930) — секретарь издательства “Мусагет” в 1912 — 1913 гг., позднее — деятель советской кинематографии. Упомянутое письмо Ахрамовича в архиве Блока не сохранилось. О том, что он готов отказаться от соредакторства в “Трудах и днях”, Белый извещал Метнера и Ахрамовича в письме, полученном в Москве 9 ноября 1912 г.: “Нельзя нам с Э.К.Метнером редактировать вместе. Мы глядим в диаметрально противоположные стороны” (РГБ, ф. 167, карт. 2, ед. хр. 75).

5

Метнер — Блоку

Траханеево на Клязьме 24 - XI <1>912
7 - XII

Дорогой Александр Александрович!

Ваше долгое молчание на мое осеннее письмо я вполне понял. Поймите и Вы, что я должен был Вам (отвечая на Ваше письмо) сообщить кое-что из распри с Бугаевым и сделал это лишь для Вашего сведения, а не с тем, чтобы заставить Вас разбираться в этой неразберихе... Перехожу прямо к тому делу, о кот<ором> Вы рассказываете. Я уже поручил нашему новому секретарю В. Ф. Ахрамовичу кратко стветить Вам на предложение Терещенки. Вот мои соображения по поводу нового предприятия.

1) *Сирин* не является и не может никогда стать конкурентом *Мусагета*, т. к. цели и задачи совершенно различны.

2) Печатание *собраний соч<инений>* и отдельных больших трудов сотрудников *Мусагета* у *Сирина* лишь выгодно *Мусагету*; но при одном условии, чтобы материального ущерба *Мусагету* нанесено этим не было.

3) Для того, чтобы возникло добрососедское отношение, необходимо обоим шефам познакомиться. К сожалению, я сейчас не могу приехать в Петербург. Буду в Петербурге лишь в конце января или в начале февраля. Если Терещенко будет в Москве, то я с удовольствием переговорю с ним обо всем.

4) Очень прошу Вас о каждом новом предложении, исходящем от Терещенки и касающемся Бугаева, *прежде всего* уведомлять меня, т. к. Бугаев сильно задолжал *Мусагету* (это Вы знаете), и поэтому только через *Мусагет* должны вестись переговоры об издании его стихов, симфоний или *собр<ания> соч<инений>*. — (Это между нами, дорогой Александр Александрович; Бугаев должен больше 3.000 р.; Вы знаете, что роман он продал Некрасову, скрыв продажу от Мусагета; Бог с ним; я уже не сержусь на это больше, но простая справедливость и порядочность требуют теперь, чтобы конспиративных условий мимо Мусагета не было, иначе мне придется серьезно рассердиться).

5) Едва ли удобно будет Бугаеву порвать с Некрасовым. Но есть один дипломатический выход. Так как *Мусагет* (за недостатком средств и задолженности Бугаева) не может энергично двинуть его *Путевые Заметки*¹, то если *Сирин* возьмет вместе и роман и путевые заметки, тогда у Бугаева будет предлог взять рукопись романа у Некрасова, сказав, что *Сирин* печатает оба сочинения, что *Путевые Заметки* откладываются *Мусагетом* и что ему, Бугаеву, последнее крайне невыгодно. — Я не знаю, читали ли Вы *Путевые Заметки*. Это вещь не менее гениальная, нежели роман. — Я уже сообщил Бугаеву об этой комбинации. Напишите и Вы ему об этом, предварительно переговорив с Терещенкой². Что “Белый бросил литературу” — вздор. Вы увидите это по *Арабескам в Тр<удах> и Дн<ях>*...³ Роман он, разумеется, кончит⁴.

6) Операция передачи издания Ваших стихов *Сирину* может быть совершена после непосредственных переговоров между обеими редакциями. Ждать полной распродажи, конечно, долго. До окончания последней переиздавать значит нанести *Мусагету* сильный удар. Совсем плохо идут *Ночные часы*. Точные цифры я Вам не могу сообщить отсюда из деревни. Во всяком случае я надеюсь, что Вы сами не дадите в обиду *Мусагет*. Самое лучшее было бы нам списаться с Терещенко. Принципиально же следует только приветствовать появление *Сирина* и Ваше в нем участие. —

Вот и все пока о деле... Жду от Вас статей для *Тр<удов>* и *Дн<ей>*... Не удивляйтесь, что снято Ваше имя как ближайшего со-трудника: нельзя же Вас оставить одного, а Вячеслав просил свое имя снять ввиду возможной штейнеризации *Тр<удов>* и *Дн<ей>*. —Бугаев уходит как редактор⁵; сначала я протестовал и просил его остаться, но практика печатания последнего №№ 4-5 и конфликты из-за статей Яковенки и *Арабесок*⁶ показали, что ему пока действительно лучше не вмешиваться. Он более крайний, нежели Эллис. Так что существо Белозлис распалось. Внешне у меня восстановились отношения и с тем и с другим. С Эллисом — почти хорошо⁷. Бог даст, то же будет и с Бугаевым. Спешу кончить. Жму Вашу руку.

Ваш Э.Метнер.

Ответ на п. 4.

¹ Издание книги Андрея Белого “Путевые заметки” готовилось в “Мусагете” в 1912 г., но не было осуществлено. Позднее в переработанном виде 1-й том этой книги был издан дважды: 1) Офейра. Путевые заметки. Часть 1. М., Книгоизд-во писателей в Москве, 1921; 2) Путевые заметки, т. 1. Сицилия и Тунис. М.-Берлин, “Геликон”, 1922 (более полная редакция текста). 2-й том “Путевых заметок” готовился к печати в издательстве “Геликон”, но в свет не вышел; впервые опубликован по тексту корректурных гранок из архива Белого в кн.: Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII — XX вв. I. М., 1991. С. 327 — 454 (предисловие Н.Котрелева, публикация С.Воронина).

² 7/20 декабря 1912 г. Блок писал Белому: “...“Сирин” берет и роман и “Путевые заметки” <...> Чем скорей Ты пришьешь “Сирину” все это, тем лучше. Постарайся сам взять у Некрасова необходимые главы под предлогом, который советует Тебе выставить Метнер (у нас с ним — переписка)” (Вопросы литературы. 1978. № 10. С. 314. Публикация Н.Примочкиной).

³ Имеется в виду статья Белого “Круговое движение (Сорок две арабески)” (Труды и дни. 1912. № 4-5. С. 51 — 73).

⁴ Работу над “Петербургом” Белый завершил в ноябре 1913 г.

⁵ Первоначально в объявлениях о “Трудах и днях” указывалось, что журнал выходит “под редакцией Андрея Белого и Эмилия Метнера, при ближайшем участии Александра Блока и Вячеслава Иванова”. В письме к Метнеру от 2/15 ноября 1912 г. Иванов сообщил о своем решении “выйти из числа ближайших сотрудников” журнала: “Это снимет с меня ответственность за тот сдвиг платформы, который совершается в журнале <...> ответственность за модификацию символических учений в теософическом смысле нести не хочу” (РГБ, ф. 25, карт. 16, ед. хр. 2).

⁶ См. выше, примеч. 3. По настоянию Белого и ряда других “мусагетцев” в “Трудах и днях” было приостановлено печатание принятой Метнером статьи Б.В.Яковенко “Донкихотство”, представлявшей собой критический отклик на “Философию свободы” Н.А.Бердяева. Подробнее см.: Безродный М.В. Из истории русского неокантианства (журнал “Логос” и его редакторы) // Лица. Биографический альманах. I. М.-СПб., 1992. С. 389 — 390.

⁷ Снятию напряженности между Метнером и Эллисом, безусловно, способствовали первые симптомы разочарования Эллиса в учении Р.Штейнера; в

частности, в письме к Метнеру от 13/26 ноября 1912 г., написанном после слушания штейнеровского мюнхенского цикла, Эллис признавался: "Я во *многом* обманулся. Я искал магии, мистерии и церкви! Ничего подобного нет и *не может* быть в теософии!" (РГБ, ф. 167, карт. 7, ед. хр. 81).

6

Метнер — Блоку

Москва 6/XII <1>912

Дорогой Александр Александрович!

Приехав по делам, нашел Ваше письмо¹. Спешно отвечаю Вам. Бугаеву надо писать Herrn Boris Bugaëw (или Bugajeff) Berlin Hauptpostlagernd². Точнейшего адреса он и нам по сию пору не прислал. Прошел слух, что Некрасов собирается выпустить часть романа, не дожидаясь конца. Если это верно, то подобное бесцеремонное обращение с автором, хотя бы и юридически неправым, отличный предлог для Бугаева передать свой труд Сирину. Для Бугаева очень важно было бы издание собрания сочинений³, т. к. мусагетские кирпичи Символизм и Арабески⁴, приготовленные по настоящательному рецепту самого автора, едва ли скоро доставят ему известность. Отпечатаны они в 1000 экз.; приблизительно меньшая половина распродана, но вторая половина будет идти долго к распродаже. Ваших книг приблизительно еще 2000 экз.⁵; точно трудно сказать т. к. часть на комиссии в различных складах. — Путевые Заметки хорошо бы пристроить в *Сирине*, кот<орый> имеет возможность издать их с большею роскошью; для них необходима очень хорошая бумага, т. к. рисунки Аси Тургеневой (очень удачные с натуры) должны быть среди текста и не на отдельных листах⁶; те рисунки необыкновенно удачно дополняют текст своей острой (хотя и не совсем уверенною) графичностью. — Мусагету труднее будет справиться с этой задачей... Книга выйдет на славу! Смущать Ваше имя в публикации *Сирин* меня могло бы лишь в случае невыясненности (принципиальной) отношения между издательствами, но теперь после Вашего письма никаким сомнениям нет места⁷; кроме того *Сирин* настолько (по слухам) материально обставлен, что при джентльменстве его хозяина можно быть уверенным в том или ином безубыточном исходе для *Мусагета* предстоящих операций (я разумею тот случай, если бы Сирин не захотел ждать полной распродажи тех книг, кот<орые> он захотел бы переиздать). — Кожебаткин до 1 янв<аря> будет продолжать распространение книг, *все* остальные функции отошли к Витольду Францевичу Ахрамовичу⁸. NB: Кожебаткин едет на днях в Петербург; если бы он добился свидания с Терещенко и затеял с ним разговор (как бы от имени *Мусагета*) об издании Ваших сочинений или сочинений Бугаева, то хорошо было бы,

чтобы Терещенко оборвал этот разговор, сказав, что раньше весны не стоит касаться этого вопроса. *Официально* говорю Вам: никаких поручений Кожебаткину *Мусагет* не дает и все, что он станет говорить, будет его самозванным делом. С 1 января мы организуем сбыт на иных началах, не давая никому монополии и действуя одновременно и сами и через агентов и через различные склады (в том числе и через склад Кожебаткина, если таковой ему удастся организовать). Уходу Кожебаткина рады, кажется, все, кроме него самого, хотя он и делает вид, будто ушел вполне по своей воле. Жму Вашу руку; очень хочется видеть Вас. Если будете в Москве, непременно приезжайте к нам в деревню. Я буду в Петербурге около 20 января.

Ваш Э.Метнер.

¹ Письмо Блока, отправленное 1 декабря 1912 г. (см.: БС-2. С. 391 — 392)

² Блок запрашивал адрес Белого, обещая сообщать Метнеру о дальнейших переговорах, связанных с устройством литературных дел.

³ Идея осуществления собрания сочинений Андрея Белого вынашивалась с начала 1910-х гг. и мыслилась как одна из важнейших задач издательства "Мусагет". В частности, в письме к Метнеру от 8 января (н. ст.) 1913 г. Белый излагал план издания в 15-ти томах (см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л., 1981. С. 64).

⁴ Изданные "Мусагетом" книги статей Андрея Белого — "Символизм" (М., 1910) и "Арабески" (М., 1911).

⁵ Подразумевается суммарное количество нераспроданных экземпляров "Собраний стихотворений" Блока в трех книгах, каждая из которых была отпечатана тиражом 1300 экз. (см.: Прижизненные издания Александра Александровича Блока. Каталог. М., 1980. С. 17).

⁶ Анна Алексеевна Тургенева (1890 — 1966) — художница; с конца ноября 1910 г. — гражданская жена Белого и его спутница в заграничном путешествии, описанном в "Путевых заметках". Ни одно из изданий "Путевых заметок" рисунков А.Тургеневой не включало, местонахождение их нам не известно.

⁷ Метнер откликается здесь на следующий фрагмент письма Блока от 1 декабря: "В.Ф.Ахрамович писал мне, что Вы беспокоитесь, как бы публикации в "Сирине" не остановили спрос на издание "Мусагета". Я уверен, что этого не случится. О форме публикации мы еще не говорили, но ведь "Сирину" важно только объявить имена лиц, издание книг которых рано или поздно предполагается; а я со своей стороны очень хотел бы ждать распродажи издания "Мусагета", и до тех пор не затевать нового" (БС-2. С. 391).

⁸ Александр Мелетьевич Кожебаткин (1884 — 1942) — секретарь издательства "Мусагет" в 1910 — 1912 гг., основатель и руководитель издательства "Альциона". В письме от 1 декабря Блок, упоминая Кожебаткина, жаловался на путаницу, которую он допускал в ведении "мусагетских" дел.

Дорогой Александр Александрович!

Только что успел отправить Вам письмо, как пришло Ваше от 5/XII. Ваших писем Борис Николаевич не получал. На мои сообщения о Терещенке ответил кратко, что обо всем этом говорить преждевременно¹. Я только что написал ему настоятельную просьбу доверить мне предварительные переговоры на случай, если бы Терещенко заговорил со мною об его участии. Убежден на этот раз, что он ответит сразу. Его новый адрес: Charlottenburg. Lutherstrasse 27. Pension Hegner. История, будто Некрасов издает фрагмент романа, не спросив у Белого, пока что есть слух, пущенный, м<ожет> б<ыть>, в виде угрозы, ибо Бугаев взял деньги и нарушил все сроки. — Как уйти от Некрасова, я уже советовал Бугаеву; я указал на то, что *Сириин* может издать *Путевые Заметки* и роман вместе, чего Некрасов не хочет или не может. — Нельзя ли меня уведомить точнее о приезде Терещенки² или лучше не меня, но Витольда Францевича Ахрамовича конфиденциально. Я живу в деревне и приезжаю только на 1 1/2 дня раз в неделю. Хотелось бы приурочить свой приезд к приезду Терещенки.

Спешу, дорогой Александр Александрович, отправить это письмо. Андрюша будет очень рад и книжке и “родству”³; Ваш портрет на открытке красуется у него над столом рядом с другими поэтами. Муж моей сестры⁴ принадлежит к основной ветви рода Сабуровых. Андрюша унаследовал музыкальность нашего рода, и она у него перешла в любовь (а м<ожет> б<ыть> и способность) к музыке русской речи.

Жму Вашу руку.

Ваш Э. Метнер.

¹ В письме к Метнеру, полученном в Москве 7 декабря 1912 г., Белый извещал: “О Терещенке, “Сириине” я ничего не знал; письма от Блока не получал <...> Следовательно: все соображения о “Сириине”, моем участии или неучастии там преждевременны” (РГБ, ф. 167, карт. 2, ед. хр. 76).

² В письме от 5 декабря 1912 г. Блок сообщал Метнеру, что Терещенко “будет в Москве между 16 и 22 декабря”, и предлагал встретиться с ним и обсудить деловые отношения между “Мусагетом” и “Сирином” (БС-2. С. 392).

³ Андрюша — Андрей Александрович Сабуров (1902 — 1959) — племянник Метнера; впоследствии литературовед. В письме к Метнеру от 5 декабря 1912 г. Блок выразил желание подарить его племяннику свои сборники стихов для детей: “Скоро выйдут мои книжки у Сытина, я Вам сейчас же их пошлю — для “Мусагета” и для Андрюши Сабурова, который описал, как “щедрое солнце лучи посылает”. Между прочим, мы с ним, вероятно, как водится, родня, потому что Сабуровы и Бекетовы находятся в родстве” (БС-2. С. 392. Родство — через двоюродную сестру деда Блока, Андрея Николаевича Бекетова, Марию Алексеевну Бекетову, в замужестве Сабурову). Книги Блока “Круглый год” (М., 1913) и “Сказки. Стихи для детей” (М., 1913) с надписями “Андрюше Сабурову”.

рову”, датированными 1 января 1913 г., сохранились в собрании С.В.Сабуровой (см.: ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 121 — 122).

⁴ Александр Александрович Сабуров (1874 — 1934) — юрист, муж сестры Метнера Софьи Карловны (1878 — 1943).

8

Блок — Метнеру

<Петербург.> 13 XII 1912

Дорогой Эмилий Карлович.

Терещенко будет в Москве и у Вас, вероятно, в начале будущей недели¹. О том, в какой день, я телеграфирую Витольду Францевичу², а Терещенке дам адрес и телефон “Мусагета”. Скоро после этого Терещенко поедет за границу и в Берлине увидится с Белым³.

Очень радуюсь всему этому, надеюсь, дело подвинется. Пока не пишу Вам подробностей, Вы с ним обо всем переговорите. Жму Вашу руку.

Ваш Ал.Блок.

P.S. Письмо Ваше от 8 XII получил, спасибо!

Ответ на п. 7.

¹ Ср. дневниковую запись Блока от 17 декабря (понедельник) 1912 г.: “Терещенко сегодня в Москве — говорит с Метнером?” (VII, 193).

² Письма Блока к В.Ф.Ахрамовичу не выявлены. Ср. недатированное письмо Ахрамовича к Метнеру (написанное, судя по содержанию, 15 декабря 1912 г.): “...сегодня (в субботу) получил письмо от А.А.Блока: просит известить Вас, что Терещенко приедет в Москву в понедельник” (РГБ, ф. 167, карт. 13, ед. хр. 16).

³ 20 декабря 1912 г. Блок записал в дневнике: “М.И.Терещенко с сестрами уезжает за границу, на виллу матери “Magirosa” (Cannes, A.M.)” (VII, 194) . 18/31 января 1913 г. Терещенко телеграфировал Блоку из Канна: “Сегодня выезжаю в Берлин. Буду Петербурге среду” — т.е. 23 января / 5 февраля (Александр Блок. Переписка. Аннотированный каталог. Вып. 2. М., 1979. С. 452). Встреча Терещенко и Белого произошла в Берлине, таким образом, между 19 и 21 января / 1 и 3 февраля 1913 г. 8 / 21 февраля Белый писал Блоку из Берлина: “М.И.Терещенко мне очень понравился: какая у него деликатная манера говорить с людьми. Впрочем мы беседовали менее часу” (Александр Блок и Андрей Белый. Переписка. М., 1940. С. 315).

9

Метнер — Блоку

Москва 25/XII <1>912

Дорогой Александр Александрович!

Ваше письмо от 13/XII получил. Возможно, что Терещенко рассказал Вам о нашей беседе¹ и о том, что Бугаев наконец-то прислал мне полную уверенность для всяческих переговоров.

Сейчас мне хочется только кратко сказать Вам о своем впечатлении². Конечно, мы не успели с Мих<аилом> Ив<ановичем> выйти из пределов число делового, т. к. он очень спешил, но и то немного, что удалось ему и мне втиснуть в этот разговор, показывает, что мы вполне сойдемся как “редакторы-издатели” и сошлись бы во многом также и не на чисто деловой почве. Мне очень по нраву его большой такт и решительная определенность; чувствуется, что всяческая дисциплина, которую он прошел, и светская и научная, только *укрепили* в нем *хорошего* человека, а не отодвинули последнего или не замаскировали пустоту либо отрицательное, как это часто бывает...³ Думаю, что не ошибаюсь! Привет Вам к Празднику и к Новому году.

Сердечно Ваш Э.Метнер.

Ответ на п. 8.

¹ Блок встретился с Терещенко после его возвращения из Москвы в редакцию “Сириня” 19 декабря (см. дневниковую запись Блока в этот день — VII, 194).

² Выражая в письме к Метнеру от 13/ 26 декабря 1912 г., после получения разъяснений Метнера и Блока относительно “Сириня”, готовность сотрудничать с новым издательством, Белый заявлял: “... если возникнут переговоры о характере моего участия в “Сирине” и об условиях этой работы, я поручаю Вам, дорогой друг, вести за меня эти переговоры с руководителями издательства” (РГБ, ф. 167, карт. 2, ед. хр. 77).

³ Отвечая Метнеру 27 декабря, Блок писал: “М.И.Терещенко рассказал мне о Вашем разговоре с ним, и у него осталось хорошее впечатление” (БС-2. С. 393).

10

Метнер — Блоку

Траханеево на Клязьме 20/II <1>913

Дорогой Александр Александрович! Сегодня — странный и хороший день для меня. После недели отвратительнейшей хандры, дошедшей вчера при получении неприятных известий сначала от Бугаева (требует опять денег) и от Терещенки (отказ издавать собр<ание> соч<инений> Бугаева) до кульминационного пункта¹. О, разумеется возникает “хандра” от несравненно серьезнейшего, нежели дела внешние, но последние, как и в государстве, связаны тесно с “внутренними делами”, и вот эти последние (в самом внутреннем смысле) почти всю жизнь мою были в весьма плачевном состоянии. Итак, сегодня встал после сравнительно недурной ночи (Вы знаете о моей бессоннице!) и, почуввав тепло, открыл форточку и

вдохнул совершенно неожиданно... *весенний* воздух; дело не только в тепле, а в том особенном аромате, который отличает тепло весеннее от летнего холодка, от зимней оттепели и от осеннего умеренного ненастья; здесь в деревне все эти различия особенно... различны. Одевшись, беру книгу третью Ваших стихов, которую очень плохо знаю, ибо после *Стихов о Прекр<асной> Д<аме>* (книги, которую я цензуровал и *первый* рецензировал, ибо написал статью по прочтении рукописи)² и *Нечаянной радости Снежная ночь* меня на первых порах разочаровала, так что я, прочтя два-три стихотворения, бросил... Я не умею *читать* стихи; я — не техник; я воспринимаю только то, что переживаю и *тогда* уж разбираюсь и в технических достоинствах; почему-то не дано мне было сразу подойти к *Снежной Ночи*... Итак, сегодня утром во второй раз беру *Книгу III* и по счастливой случайности на очереди отдел *Заклятие*, с его motto:

За все, за все тебя благодарю я
.....

и с его прологом:

О, весна без конца и без краю —
.....

и дальше через несколько стихотворений:

*У края бездны...*³

Я знаю: благоприятное сочетание внутренних и внешних моментов, сочетание, создающее из воспринимающего органа скрипку, настроенную в лад со струнами, затронутыми в *данном* произведении... Я знаю: акустический закон, частичное проявление неведомого космического закона, противоположного закону полярности, частичное проявление “избирательного родства”⁴. Я знаю все, что можно возразить мне, если я захочу сказать, что *Принимаю* и *У края бездны*, по-моему, следует отнести к наиболее ценному, что спето было поэтами нашей планеты; да я еще и не в состоянии *анализировать*, ибо прихожу в страшное волнение, как только начинаю скользить по строкам этих двух стихотворений. Я даже не могу Вам передать и малой доли того *синтетического*, что мгновенно возникло в моем сознании. Я просто хочу обнять Вас и сказать, что страшно близки стали Вы мне уже с вечера в январе в Петербурге⁵, а теперь еще ближе; и все, что нас разделяет, в чем мы расходимся, я могу спокойно принять как неизбежность интересубъективных пропастей между личностями. В этих стихотворениях Вы частично, но глубоко близки Гете; кстати: не читайте пока Гете; приближайтесь к нему (или к его “идеалу”) сам

по себе нечаянно, как это и происходит с Вами, судя по названным стихотворениям и по пьесе, рассказанной Вами мне⁶. --- Не читайте Гете, он слишком силен; мне можно, ибо я не поэт; а Вы приступите к его изучению, когда Вам будет сорок лет. — Целый час я ходил по комнате в радостном волнении и вот сел писать Вам, вместо того чтобы работать. — Дело не в том только, что мне для “приема” отмерено было не мало бочек соли и пудов полыни; дело в деталях Вами исчисляемого, столь мне жутко-знакомых. Дело в “встрече”, в “щите”

С неразгаданным именем Бога
На холодных и сжатых губах...

Дело в “Хмельной мечте”

И смотрю и вражду измеряю,
Ненавидя, кляня и любя — ⁷

У *Края Бездны* — нет! Вы не могли не пережить этого; Вы слишком нетехничны, нериторичны, слишком *подлинны*, чтобы дать нечто *такое* без “натуры”. Ну вот и я неоднократно это переживал до потери *почти* всего сознания, и только это “почти” (у Вас “пусти”)⁸ спасало меня. Вспоминаю рассказ Бугаева о том, как он хотел броситься в “сжатую темным гранитом глубину”⁹, и мысленно сравниваю его с Вашим стихотворением и с монограммой, запечатленной в моей душе от аналогичных событий и... не верю *здесь* в подлинность Бугаева...

А вот что собрание сочинений Бугаева “Сирин, подробно обсудив, не может *теперь* издавать”¹⁰, это — весьма не “подлинный” поступок (если только слово *теперь* не означает временного откладывания; я склонен в нем видеть дипломатический отказ навсегда); Терещенко в Москве говорил со мною так, точно весь вопрос в формальностях и деталях, а по существу он давал полную надежду на “переход” (как он выражался) Бугаева, также как и Блока, из *Мусгета* в *Сирин*... Чую здесь интригу Брюсова...¹¹ (NB: я отнюдь не заражен бугаевскою мнительностью относительно интриг)... — Далее, мое письмо (от 12/ II) Терещенко читал невнимательно (или это — опять дипломатия), иначе он в телеграмме не повторил бы того нереализуемого условия, которое поставил в своем письме Ахрамовичу Разумник Васильевич¹²; дело в том, что Некрасов рукопись не выдает иначе как по уплате по счету, а у Бугаева ни черновики, ни копии, ни вариантных дублетов от романа нет; Некрасов говорит: “я купил роман Белого заглазно, веря в талант Белого, а *Сирин* хочет сначала удостовериться; пусть он заплатит по счету, тогда я выдам рукопись”. Неправда ли, что этот купец “по какому-то” (как говорит Андрей Белый) — *прав*.
216

Дорогой Александр Александрович! Ратуйте за Бугаева. Право нехорошо, если он будет обойден полным собранием. Это страшно несправедливо. Вы конечно поверите мне, что мною не руководит здесь соображение о выгодности этого полного собрания для Мусажета, который получит обратно свой долг и м<ожет> б<ыть> даже “сбагрит” непроданные экз<емпляры> Символизма и Арабесок. Право, меня глубоко возмущает отсутствие чутья к рангу Бугаева. Можно не соглашаться ни с единой его строкой, но не видеть огромности этого русского Жана Поля и русского Новалиса и русского Наманн’а — значит быть... напрасно образованным¹. Романиста, которого немецкие критики сравнивают с Гоголем, надо печатать с закрытыми глазами. Дорогой, отвечайте мне, лишь если захочется без всякой даже возвышеннейшей этикетности относительно того, что, мол, надо ответить. А Вашей песни жду!¹⁴

Ваш Э.Метнер.

¹ В ходе переговоров с “Сирином” Андрей Белый наибольшие надежды возлагал на издание своего собрания сочинений; в насущной необходимости этого начинания пытался убедить Терещенко Метнер. Отрицательное отношение у Терещенко к этой идее окончательно оформилось в середине февраля 1913 г.; ср. дневниковую запись Блока от 15 февраля: “Не хотят издавать *всего* А.Белого — до 30-ти томов! (“топить и его и себя”)” (VII, 220).

² Цензурное разрешение на выпуск в свет первой книги Блока “Стихи о Прекрасной Даме” было получено 9 сентября 1904 г. в Нижнем Новгороде, где Метнер тогда служил цензором (ср. письмо Метнера к Белому, датированное этим днем. — ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 218). Об этом факте Блоку сообщил 21 сентября 1904 г. издатель “Стихов о Прекрасной Даме” С.А.Соколов: “Книгу Вашу мне удалось провести через цензуру без урезок. Сделал я это не в Москве, а в Н.Новгороде, у Метнера” (ЛН. Т. 92. Кн. 1. С. 537; о прохождении первой книги Блока через цензуру см. также: Белый Андрей. Воспоминания о Блоке // Эпопея. 1922. № 2. С. 109). Статья Метнера о “Стихах о Прекрасной Даме”, по всей вероятности, не была опубликована.

³ Речь идет о кн. 3-й Собрания стихотворений Блока “Снежная ночь” (М., “Мусажет”, 1912), входящем в нее цикле стихотворений “Заключение огнем и мраком и пляской метелей” (позднейшее заглавие — “Заключение огнем и мраком”), выделенном в самостоятельный раздел (с. 51 — 65), эпиграфе к циклу (“За все, за все тебя благодарю я...”) из стихотворения М.Ю.Лермонтова “Благодарность”, первом (“Принимаю”) и седьмом (“И у края бездны”) стихотворениях цикла.

⁴ Обыгрывается заглавие романа Гете “Избирательное сродство” (“Die Wahlverwandschaften”, 1809).

⁵ Имеется в виду визит 20 января 1913 г., о котором Блок записал в дневнике: “У нас обедал Метнер, ушел около 11-ти часов вечера <...> мы с Метнером долго говорили <...> сегодня он произвел на меня очень хорошее впечатление” (VII, 209).

⁶ Согласно дневниковой записи Блока от 20 января 1913 г., в разговоре с Метнером речь шла о драме “Роза и Крест”, причем Метнер указал на параллели к ней в литературе немецкого романтизма: “Рассказал “Розу и Крест” <...> заинтересовался. Говорил о “Песнях Розы и Креста” Брентано и о “Состязании певцов” Гофмана (“Серрапионовы братья”)” (VII, 210).

⁷ Образы и цитаты — из трех последних строф стихотворения “Принимаю” (“О, весна без конца и без краю...”), 1-го в цикле “Заклятие огнем и мраком и пляска метелей”.

⁸ Имеется в виду строка “Бегу. Пусти, проклятый, прочь!” из 7-го стихотворения того же цикла “И у края бездны” (“По улицам метель метет...”).

⁹ Подразумеваются строки “Ведет — и вижу: глубина, // Гранитом темным сжатая” из того же стихотворения. О своем импульсивном стремлении покончить с собой (бросившись с моста в Неву) в ночь с 7 на 8 сентября 1906 г. после тяжелого объяснения с Блоком и Л.Д.Блок Белый рассказывает в воспоминаниях (Белый Андрей. Воспоминания о Блоке // Эпопея. 1922. № 3. С. 194 — 195; Белый Андрей. Между двух революций. М., 1990. С. 91 — 92), а также в автобиографическом фрагменте 1-й главы романа “Петербург” (Белый Андрей. Петербург. Л., 1981. С. 55).

¹⁰ Цитируется, видимо, письмо или телеграмма от Терещенко. 1 февраля 1913 г. Иванов-Разумник (имевший ближайшее отношение к ведению дел “Сирина”) извещал Метнера: ”О “собрании сочинений” ответ дадим не позднее середины февраля” (РГБ, ф. 167, карт. 14, ед. хр. 11).

¹¹ Издательство “Сирин” вело одновременные переговоры с В.Я.Брюсовым о выпуске в свет его собрания сочинений в 25 томах (см. письма Иванова-Разумника к Брюсову, посвященные главным образом этой теме, — РГБ, ф. 386, карт. 88, ед. хр. 1—3).

¹² Текст этого письма Иванова-Разумника (Р.В.Иванова) неизвестен.

¹³ Метнер сопоставляет Белого с крупнейшими представителями немецкой литературы и философско-эстетической мысли XVIII — начала XIX вв. — Жан Полем (наст. имя Иоганн Пауль Фридрих Рихтер, 1763 — 1825), Новалисом (наст. имя Фридрих фон Харденберг, 1772 — 1801), Иоганном Георгом Гаманом (1730 — 1788). Ср. параллели между Белым и Блоком, с одной стороны, и Новалисом и его современниками, немецкими романтиками, с другой, в письме Метнера к А.С.Петровскому от 18 мая 1905 г. (ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 223 — 224).

¹⁴ Речь идет о тексте песни Газтана из драмы “Роза и Крест” (IV, 232 — 233), с которым Метнер хотел познакомить брата, композитора Н.К.Метнера (ср. в дневниковой записи Блока от 20 января 1913 г. о встрече с Метнером: “Просит для брата песню Газтана” — VII. 210). Отвечая Метнеру, Блок в этой связи писал (9 марта 1913 г.): “Песню еще не посылаю Вам, но помню Вашу просьбу. “Ревную”, не хочу отрывать от драмы” (БС-2. С. 394).

Метнер — Блоку

Траханеево на Клязьме 22/III <1>913

Дорогой Александр Александрович!

Очень счастлив, что Вы так сердечно приняли мое письмо, где я говорю о Вашей *Снежной Ночи*¹. Этой книги я еще не прочел до

конца, почему об ее центре пока, разумеется, не могу судить. Когда прочту и увижу, скажу. А теперь давайте опять о делах.

1) Некрасов, вероятно, уже выслал рукопись, т. к. Ахрамович, по моему поручению, уже имел с ним свидание и все порешил².

2) С объявлениями для рассылки вышел скандал³, благодаря непостижимому промаху Ахрамовича. (Между нами: я в отчаянии; нет людей; Кожебаткин — подозрителен и своеволен; Ахрамович безупречен, но вял и фантазер). По приезде из Петербурга⁴ я немедленно приказал ему составить листок объявления; прочтя и исправив корректуру, я приказал немедленно печатать и отправить *Сирину*. С этим я уехал опять в деревню (прошло, следовательно, с приезда в Москву из Петербурга дней 10, т.е. было начало февраля). После я уже и не спрашивал об объявлениях, т.к. был уверен, что они отправлены, вплоть до получения Вашего письма, которое очень расстроило меня открытием этого обстоятельства. Оказывается, что Ахрамович, получив от Сирина объявление о Брюсове и узнав, что другие тоже получили таковое, решил, что “мы все равно уже запоздали”, и по каким-то техническим типографским соображениям приостановил печатание наших объявлений. Приостановил, а мне “забыл” об этом доложить, несмотря на то, что я аккуратно являюсь в Москву каждую неделю на 1 1/2 дня. Как Вам покажется подобная нелепица? Я и не знаю теперь, когда сможем мы воспользоваться сириновскою рассылкою; если узнаете, сообщите мне кратко и лично мне.

3) Ваши книги, конечно, расходятся, но вовсе не так быстро, как об этом говорит Кожебаткин. Очень много экз<емпляров> находится на комиссии (благодаря одновременной ликвидации Балашовского склада и склада *Образования*), и их распродажа может еще долго длиться. Хоть бы одну публикацию сделать в *Русском Слове*, но мы не можем решиться на экстренный расход. Надеюсь (и, конечно, протестовать не буду), что с осени можно будет приступить к Собранию Ваших стихов у Сирина⁵.

4) Гонорар Вам я велел выплатить уже *очень* давно (даже забыл когда). Очевидно, Кожебаткин задержал деньги в кармане (ибо взял он их* тогда же⁶).

5) Мои соображения о собрании я сообщил Вам в прошлом письме⁷. Прибавлю только следующее:

а) *Принципиально* о собрании был поднят вопрос во время нашей московской беседы с Мих<аилом> Ив<ановичем>⁸. — Он спрашивал о сумме долга и о том, как быть с *Арабесками* и *Символизмом*, если эти книги не распродадутся. (Очень прошу Вас не напоминать ему об этом). Кроме того, во время московской беседы

* И в Петербурге был после этого не один раз.

Мих<аил> Ив<анович> говорил о *полном* переходе Бугаева в Сирина и о тех обязательствах, которые Бугаев принимает на себя с этим переходом (напр<имер>: об отказе давать книги другим издательствам). —

в) Переиздание собрания стихов и трех симфоний (четвертая почти не распродавалась и о ней надо говорить с Скорпионом)⁹ Сирином означало бы лишь освобождение Мусагета от расходов по изданию этих вещей, т. к., если гонорар получит Бугаев, то его долг останется непогашенным; если гонорар будет выплачен Мусагету, то с 1914 года Бугаев без гроша; едва ли гонорар превысит сумму долга.

с) Очень *глубоко* “по существу” (как Вы пишете), м<ожет> б<ыть>, и не следует издавать полного собрания Бугаева, но с внешне-литераторской точки зрения весьма не мешает. Это сразу поставило бы Бугаева на надлежащую позицию в отношении к критике и к обществу¹⁰. Я ведь и не говорил, что издавать надо немедленно, а, напр<имер>, в 1915 г.; но решение (не только принципиальное, но и юридически-обязывающее и Бугаева вручающее) можно было бы принять и теперь. Но, разумеется, не настаиваю.

б) Бугаев разнервничался и слишком поторопился с отъездом в Вольнь¹¹, не дождавшись двух-трех дней до окончательного решения Сирина, несколько запоздавшего вследствие отсутствия Мих<аила> Ив<ановича>. — При этом Бугаев, уезжая из Берлина, написал мне возмутительно несправедливое письмо, где упрекает меня в “подвохе” и в том, что я не уведомил его, что Сирин к 1 марта *не может* (!!) выслать 333 р.¹² Я ответил ему, что больше его делами заниматься не стану. Имейте в виду, что я вовсе его не обнадеживал, а только (сообщая *точно* о переговорах) поддерживал его дух, ибо он впал в непозволительный пессимизм и говорил, что с Сирином *ничего* не выйдет и что он ни во что не верит.

Вот и все, кажется!

Если ревнуете, то не посылайте песни¹³: мне бы не хотелось, чтобы Вы делали это хотя бы отчасти против воли. —

Я работаю над брошюрой о взглядах Штейнера на мировоззрение Гете¹⁴.

До свидания, дорогой! Привет Любови Дмитриевне.

Ваш Э.Метнер.

¹ 25 февраля 1913 г. Блок записал в дневнике в связи с письмом Метнера от 20 февраля: “Письма от курсисток и Метнера — очень трогательное” (VII, 225). В ответном письме к Метнеру от 9 марта он признавался: “...то, что Вы пишете мне о стихах “Снежной ночи” — было дорого мне чрезвычайно. Сейчас перечитал и опять дорого. Буду хранить это в сердце. Только не в “Заклятии”, все-таки, центр книги. Если Вам она “откроется” когда-нибудь еще раз, Вы найдете и другое — лучше” (БС-2. С. 393).

² Речь идет о пересылке рукописи “Петербурга”, находившейся в издательстве К.Ф.Некрасова, в издательство “Сирин”, руководители которого 25 февраля 1913 г. приняли окончательное решение печатать роман Белого (см.: VII, 225; Александр Блок. Переписка. Аннотированный каталог. Вып. 1. М., 1975. С. 58 — телеграмма Блока Белому от 25 февраля 1913 г.). 9 марта Блок писал Метнеру: “Вы знаете, что “Путевые заметки” и “Петербург” теперь приняты. Надо скорей брать у Некрасова, что есть” (БС-2. С. 393).

³ Имеются в виду рекламные объявления о нераспроданных экземплярах Собрания стихотворений Блока, изданного “Мусagetом”; “Сирин”, запланировавший новое издание Собрания стихотворений Блока, готов был содействовать их распространению. В письме к Метнеру от 9 марта Блок спрашивал: “... как обстоит дело с распространением моих книг? Сирин ждал от Вас объявлений для рассылки, а теперь уже все брюсовские объявления разосланы... Или — дело идет и без этого? На днях был у меня Кожебаткин <...> и уверял, что книги идут и что к Пасхе, может быть, уже их не останется на складе. Значит, можно думать о новом издании к осени — как Вы думаете?” (БС-2. С. 394).

⁴ Метнер возвратился в Москву из Петербурга в конце января 1913 г.

⁵ 25 марта 1913 г., по получении этого письма Метнера, Блок зафиксировал в дневнике: “Можно будет начинать издавать мои книги с осени в “Сирине”. Метнер “не будет протестовать”” (VII, 233). К подготовке нового издания Собрания стихотворений для “Сирин” Блок приступил в январе 1913 г. (см. его дневниковую запись от 29 января 1913 г. — VII, 212). 10 апреля 1913 г. он записал: “Наконец закончены тексты для нового издания трех книг стихов. Над указателями бился все эти дни” (VII, 236).

⁶ В письме от 9 марта Блок сообщал Метнеру, что Кожебаткин, будучи в Петербурге, передал ему последнюю часть гонорара за Собрание стихотворений и книгу “Ночные часы”, изданные “Мусagetом”.

⁷ Имеется в виду собрание сочинений Андрея Белого. Блок писал Метнеру в этой связи 9 марта: “... по существу, неужели Вы думаете, что сейчас необходимо издать полное собрание А.Белого, т.е. 20-30 томов? — Я не согласен с этим, думаю, это не было бы хорошо и для него; тем более, что материальная сторона дела теперь выяснилась” (БС-2. С. 394).

⁸ Подразумевается беседа с М.И.Терещенко 17 декабря 1912 г.

⁹ “Кубок метелей. Четвертая симфония” Андрея Белого была выпущена в свет московским издательством “Скорпион” в 1908 г.

¹⁰ В ответ на этот довод Метнера Блок в письме к нему от 24 марта 1913 г. высказался весьма резко по адресу современной критики: “Только время разрушит стену, воздвигнутую Чуковским и Ляцким (извините за выражение!), между Белым и обществом” (БС-2. С. 394).

¹¹ Белый выехал из Берлина в Россию — в Боголюбья, имение в Волынской губернии, под Луцком, — 26 февраля / 11 марта 1913 г.

¹² См. письма Белого к Метнеру, отправленные из Берлина 1 и 3 марта (н. ст.) 1913 г. (РГБ, ф. 167, карт. 3, ед. хр. 10, 11).

¹³ См. примеч. 14 к п. 10.

¹⁴ Этот замысел был осуществлен в объеме большого монографического исследования; см.: Метнер Э. Размышления о Гете. Кн. 1. Разбор взглядов Р.Штейнера в связи с вопросами критицизма, символизма и оккультизма. М., "Мусажет", 1914, 528 с.

12

Метнер — Блоку
Траханеево на Клязьме 12/25-IV- <1>913

Христос Воскресе!

Дорогой Александр Александрович!

По поводу Вашего письма¹ хотелось бы говорить много и как следует. Вы и правы (даже больше чем правы, математичны), но и чуточку неправы... Но мне страшно некогда и я хотел только откликнуться, поздравить вас с Светлым Праздником², который в нынешнем году в Москве особенно хорош благодаря небывало дивной весне. Кроме того одно только деловое замечание: не воспользовавшись по нашей вине услугой Сирина в деле рекламы, мне неловко будет протестовать осенью против немедленного издания Ваших книг, но Вы понимаете, что убыточно будет очень, если мы их до того не распродадим. Поэтому, если Сирин будет рассылать объявления *еще* о каком-либо авторе, то не откажите уведомить, а также напомните, что нам не выслали адреса; мы могли бы и сами хотя бы 1.000 разослать³.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш Э.Метнер.

¹ Письмо Блока к Метнеру от 24 марта 1913 г. (БС-2. С. 394).

² Пасха в 1913 г. приходилась на 14 апреля.

³ В ответном письме от 23 апреля 1913 г. Блок уведомлял Метнера: "Объявлений "Сирин" больше не будет рассылать, а адреса у него только в одном экземпляре. Может быть, Вы могли бы разослать по своим адресам?" (БС-2. С. 395). Вновь к этому же вопросу о распространении "мусажетского" Собрания стихотворений Блока Метнер возвратился в письме к М.И.Терещенко от 21 октября 1913 г.: "Что касается стихотворений Блока, то они все еще не распроданы. Чувствуя некоторую вину за *Мусажетом* (ибо вследствие неимоверной медлительности секретаря мы не успели отправить Вам для рассылки наше объявление), я весною в письме к Блоку предположительно готов был отказаться

от требования ждать окончания распродажи книг Блока, но теперь вследствие очень стеснительного положения *Мусагета* прошу Вас повременить с изданием Блока или как-нибудь с своей стороны содействовать ускорению продажи его мусажетских книг” (РГБ, ф. 167, карт. 24, ед. хр. 32).

МИХАИЛ ПАНТЮХОВ — КОРРЕСПОНДЕНТ А. БЛОКА (Публикация, предисловие и комментарии А. В. Лаврова)

Из более чем двух с половиной тысяч писем Александра Блока, выявленных на сегодняшний день, одно было опубликовано еще за 10 лет до кончины поэта, положив тем самым начало знакомству читателей с его эпистолярным наследием¹. Это — письмо к М. И. Пантюхову от 22 мая 1908 г., напечатанное после кончины адресата в малотиражной брошюре, по достоинству относимой ныне к числу библиографических раритетов: “Михаил Иванович Пантюхов. Автор повести «Тишина и старик». 1880—1910” (Киев, 1911); автограф письма не выявлен и, вероятно, не сохранился². Публикация не прошла незамеченной: книжку отрецензировал в “Русской мысли” В. Брюсов³, позже письмо Блока к Пантюхову цитировал в своих воспоминаниях о поэте (1922) Андрей Белый⁴, а В. Н. Княжнин, широко использовавший в своем биографическом очерке “Александр Александрович Блок” документальные материалы из той же брошюры, даже приходил к выводу о том, что в судьбе Пантюхова прослеживается “ряд аналогий с судьбою А. А.” и, “несмотря на то, что это два совершенно различных <...> характера, тем не менее мироотношение их совпадает иной раз до мелочей”⁵. В проведенных Княжниным прямым сближениях и категоричности его выводов позволительно усомниться, однако симптоматично, что человек, неплохо знавший Блока на протяжении ряда лет, находил основания для подобных аналогий.

Среди писателей символистского круга М. И. Пантюхов принадлежал — и при жизни, и после смерти — к числу наименее известных, поэтому уместно сообщить те немногочисленные и самые общие сведения о нем, которые дошли до нас.

Родился он 4 января 1880 г. в Петербурге. Отец его, Иван Иванович Пантюхов, уроженец Глуховского уезда Черниговской губернии, был врачом и антропологом, в конце 1890-х гг. получил чин действительного статского советника, мать происходила из Самарской губернии. По словам близких М. И. Пантюхова (в биографическом очерке о нем), предки его по отцу “принадлежали к

расположенной по верхней р. Десне и Сейму группе, служившей с древнейших времен как бы связующим звеном между малорусскою, белорусскою и великорусскою народностью. <...> Дед по матери генерал Кнорринг, обрусевший швед, бабка по матери великорусска, дворянка, в предках происхождения смешанного с татарским. Смешанность происхождения отразилась как на физиологии, так и на психологии М. И.”⁶. Как сообщает младший брат писателя Олег в книге о семье Пантюховых, в этой семье было шесть сыновей (Михаил — пятый, один сын умер в раннем детстве)⁷. Учиться будущий писатель начал в Петербургской немецкой гимназии Анненшуле, затем, после того как отец по делам службы был переведен на Кавказ, продолжил образование в 1-й тифлисской гимназии, которую окончил в 1897 г.⁸, в том же году поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета, “а после высылки из Москвы во время студенческих волнений, в которых не принимал активного участия, перешел на филологический, который и окончил в 1906 году по первому разряду, написал блестящую монографию об Иоанне Грозном. По окончании университета решительно отказывался от поступления на какую бы то ни было службу, так же как и от возможности остаться при университете”⁹.

Литературные интересы определились у Михаила Пантюхова уже в гимназическую пору. Жадный интерес к чтению восполнялся собственными пробами пера: в отроческие годы Пантюхова его корреспонденции появлялись в детском журнале “Задушевное слово”¹⁰, а в студенческие годы он, “по приглашению бывшего редактора газеты «Кавказ», известного поэта, публициста В. Л. Величко, печатал в этой газете литературные обозрения, которые редактор находил талантливыми”¹¹. В начале 1900-х гг. Пантюхов попал в среду московских декадентов, познакомился с К. Д. Бальмонтом, В. В. Гофманом. Рассказывая о своих литературных контактах весной 1902 г., В. Брюсов отмечает: “Тогда же усердно посещали меня мои поклонники: поэт Гофман и студент Пантюхов”; последний — “толстый, неповоротливый, но странно любящий «новые» стихи”¹². О Пантюхове в ту пору, возвращавшемся в круг ближайших сотрудников обоих московских символистских издательств — “Скорпиона” и “Грифа”, вспоминает и Н. И. Петровская: “Начинающий беллетрист — студент М. Пантюхов <...>, бледный старообразный блондин — давил тяжестью грузного крупного тела и почти смущал напряженностью свинцового буравящего взгляда. Он мало говорил и мало же писал. <...> Пантюхов был несомненно талантлив, но все, что он говорил и писал, носило уже тогда явные признаки психического разложения”¹³. Фрагменты из дневника писателя, напечатанные в книге “Михаил Ивано-

вич Пантюхов...”, включают описание отдельных эпизодов из жизни московских символистов, а также выразительные литературные портреты Андрея Белого и Брюсова. Брюсов в рецензии на эту книгу, касаясь дневника Пантюхова, признает: “...среда и отдельные фигуры очерчены <...> в немногих, беглых словах очень ярко. Это — не беспристрастные мемуары наблюдателя; напротив, это — страстная критика современника, но тем дороже, быть может, окажется дневник М. Пантюхова для будущего исследователя...”¹⁴. Андрей Белый, знавший Пантюхова с 1903 г., отмечает его пристальный интерес к поэзии Блока, тогда только начинавшей входить в читательский обиход: “Среди лиц, сгруппированных вокруг «грифов», особенно чутко и нежно относились к поэзии А. А.: писательница Нина Петровская и молодой, безвременно умерший писатель Пантюхов”¹⁵. Не исключено, что начало знакомства Пантюхова с Блоком относится к тому же времени — к январю 1904 г., когда Блок в течение двух недель гостил в Москве и общался со многими авторами из круга “Скорпиона” и “Грифа”; документальных подтверждений этого предположения, впрочем, не зафиксировано.

Первые творческие опыты Пантюхова, обнародованные в символистских изданиях, — прозаические этюды “Вечером в девять” в “Альманахе книгоиздательства «Гриф»” (М., 1903) и “Сказка о тумане” в альманахе “Северные Цветы Ассирийские” (М., 1905), объединенные пронизывающим их мрачным урбанистическим колоритом, — заставляют судить об их авторе прежде всего как о характерной фигуре литературного фона; яркой творческой индивидуальности в этих произведениях не сказывается. “Посылаю вам Пантюхова. Нет! «Декаданс». «Новый Путь» слишком скромно”, — так лаконично откликнулась З. Н. Гиппиус в письме к Брюсову (27 мая 1903 г.) на предложенный им журналу “Новый Путь” какой-то творческий опус Пантюхова¹⁶. Формулировке “декаданс”, подразумевающей концентрацию типовых, массовых признаков идейно-эстетического явления, вполне соответствуют упомянутые произведения — и во многом этой формулировкой исчерпываются. Сам Пантюхов не обольщался своими литературными свершениями. “...Все написанное до 1902 г. считаю плохим, написанное в 1902 — требует изменений”, — заявлял он в письме к Брюсову от 1 февраля 1903 г.¹⁷

Брат Пантюхова, рассказывая о его непродолжительном пути в литературе, сообщает: “Независимый и оригинальный М. И. сделался центром, группировавшим вокруг себя небольшой кружок, в котором были лица разных профессий. Живописцы дорожили его мнением о картинах, поэты посвящали ему свои стихи”¹⁸. В литературной жизни того времени, однако, деятельность этого

“кружка” не нашла никакого отражения, резонанс ее был, по всей видимости, минимальным. Думается, что более соответствуют реальному положению дел слова критика П. М. Пильского о том, что Пантюхов “не лез вперед, не сумел примелькаться. его имя не рябило в глазах и в шумных кружках боевой литературы его не было видно...”¹⁹. Единственное произведение Пантюхова, которым он вошел в историю русской литературы, повесть “Тишина и старик”, было издано на средства старшего брата Николая. Книга вышла в свет в середине февраля 1907 г., не осталась незамеченной, но и только. — хотя могла претендовать, по своей проблематике и художественным решениям, на гораздо более заинтересованное и углубленное внимание. Справедливо писал тот же Пильский: “...будь под «Тишиной» имя Леонида Андреева, — а оно по всему складу и внутреннему строю книги могло быть. — громы толков были бы обеспечены несомненно и, конечно, надолго. Те элементы, что поразили читателя в «Моих записках», в «Проклятии зверя», были зачаты и впервые даны с яркой безбоязненностью в «Тишине». Многие, прельщавшее в иных рассказах Зинаиды Гиппиус, увидело свет у М. Пантюхова, овитое большей правдой и большей глубиной”²⁰.

Согласно авторскому предисловию, “повесть по форме. «Тишина и старик» по своему внутреннему содержанию является *мировой сатирой*”²¹; в письме к Брюсову Пантюхов уточнял: “мировая = вселенная сатира”²². Все происходящее в повести может быть осмыслено как преломление реальности в метафизическом плане, претворение жизненной яви в пульсации сновидческого сознания. Художественная задача, которую ставит перед собой Пантюхов, — демонстрация абсурда, тщеты, мертвенности человеческого существования; вереница слабо связанных между собою будничных эпизодов городской жизни представлена автором как гнетущий, непрекращающийся, всеоблакивающий кошмар. Обыденные явления выступают как знаки таинственных, главных образом “инфернальных”, сущностей, подчиняющих себе течение бытия. Основные персонажи повести — Юрий, протагонист автора, Женя, сходящая с ума и умирающая, демонический и вездесущий старик, знаменующий посястороннее действительное, “позитивное” начало, — не столько реальные лица, сколько воплощенные условные образы (не лишенные, однако, конкретного житейского колорита). В письме к родным Пантюхов раскрывал свой замысел: “Мои герои — голые символы, и если символы этих не понять, то конечно получится чепуха. Моя «Тишина» это смутно грезящийся неземной мир, уютный и темный. Женя — дочь «Тишины». Мой старик нечто вроде бога земной жизни. <...> В его лице я осмеиваю опошление мысли во всех областях, между прочим и социа-

лизм, словом, всю жизнь в ее целом. Мой третий герой Юрий, человек из оврага, отчасти хулиган, разумеется в философском смысле, отчасти сумасшедший, остающийся в стороне от жизни, не принимающий в ней участия и уходящий в глубь своих мыслей. *Мировая* сатира она потому, что в ней осмеивается всякая жизнь, как бесцельная и ужасная, и *весь мир*, как одно сплошное недоразумение. В повести доведено до предела отрицание жизни. Для развития человеческой и в частности русской мысли, может быть, это было нужно. Моя книга — начало конца революции, как понимает революцию русская интеллигенция”²³. Дополнительные авторские разъяснения находим в письмах к Брюсову: “Сказать, напр<имер>, что в лице Юрия я предполагал изобразить нечто вроде вечного нигилиста, — это не то. Такая мысль мелькнула мне лишь вначале. Я сам не знаю, кто такой он — кажется, нечто цельное. Иногда я хотел, чтобы это был обыкновенный средний человек, иногда мне думалось, что это даже не человек и не группа людей... Я знаю только, что он «постучался ко мне» в ночной час из запертой комнаты, и я не мог не впустить его” (6 мая 1907 г.); “Старик в «Тишине» не Бог, но это маска, которой сатана закрыл от людей и от этого маленького инквизитора — Юрия Его лик” (6 сентября 1907 г.)²⁴.

Образ Тишины у Пантюхова — не символ Бога, но нечто вроде буддийской нирваны; в целом для художественного мира повести характерен последовательный антропоцентризм (это подчеркивает и сам автор в письме к Блоку от 24 мая 1908 г.). Все художественные средства, используемые Пантюховым, призваны загипнотизировать читателя переживанием призрачности и гибельности жизни, которое форсируется благодаря унисонному эмоциональному звучанию самых различных образно-символических рядов, составляющих ткань повествования. По своим стилевым и идейно-тематическим признакам повесть представляет собой квинтэссенцию “декаданса” в русской прозе и может быть расценена как своего рода максималистское “воплощение” этого явления, но также отмечена сильным воздействием творчества Леонида Андреева (последнее косвенно признавал и сам Пантюхов, записавший в дневнике 28 октября 1907 г. об Андрееве: “...этот мой единственный, несомненный брат по литературе (лично мне незнакомый)”²⁵). В то же время многими особенностями и тенденциями, и прежде всего постановкой и решением главной эстетической задачи — создания общей картины сгущающейся, глобальной фантазмагории, повесть “Тишина и старик”, при всей скромности занимаемого ею места в общей панораме русского символизма, предвосхищает позднейшие литературные явления — поэтику экспрессионизма, абсурдистские и сюрреалистические композиции, наконец, те чер-

ты художественного мировидения, которые обретут наиболее полное, яркое и последовательное осуществление в творчестве Кафки.

В “традиционной” русской критике повесть Пантюхова вызвала резкое неприятие: “Ничего более кошмарного в своей жизни не читал <...> как будто бы вас заперли на неделю в дом умалишенных” (В. Ф. Боцяновский)²⁶; “«Тишина и старик» открывает дорогу в литературу подлинным запискам сумасшедших, перескакивая далеко за грань «Красных смехов» и «Проклятий зверя». Для большого времени эта повесть не лишена типичности, и с этой стороны она любопытна” (А. А. Измайлов)²⁷; “Это, может быть, очень интересно психологу, а то и психиатру, но обыкновенному читателю нестерпимо”²⁸. В то же время И. И. Ясинский признавал, что повесть Пантюхова — “выдающееся литературное произведение”, но с характерной оговоркой: “Конечно, «Тишина и старик» безумное произведение; но с каких это пор безумие потеряло право на уважение, хотя бы и смешанное с чувством страха? Если безумие граничит с талантом — мы приветствуем его”²⁹.

Разумеется, с наибольшим интересом и пониманием повесть Пантюхова была воспринята в символистской и околосимволистской литературной среде. При этом все критики, писавшие о книге, дистанцировались от ее автора и той картины мира, которая нашла отражение в повести, и в то же время признавали безусловное право писателя на художественную трактовку действительности, которую он предложил читателям, и безусловную правду, искренность в передаче настроений и переживаний, владеющих его сознанием.

Николай Абрамович: “Бредовые кошмарные переживания персонажей повести, их больная, лихорадочная обособленность, оторванность от жизни, их мистический «страх жизни», их неудержимое влечение от мертвенно-тихого безволия, пассивности к мучительно-резким диссонансам жестокости, ужаса, величайшего извращения — все это живая правда декадентства и его переживаний, являющих искаженную, изуродованную действительность. Декадентства не как литературного фиглярства, но как форм и особенностей особого рода переживаний, анемичных, мертвенных, овладевающих больным, расшатанным, потерявшим последний след жизненной устойчивости сознанием. Именно это дает тяжело, с усилиями читающаяся книга г. Пантюхова, в которой правда бреда, правда кошмара дана почти художественно”³⁰.

Нина Петровская: у Пантюхова — “суженное удивленное любопытство к явлениям одного рода, и из своих ограниченных умственных блужданий, из химерической душевной пустоты он смотрит на жизнь в оцепенении гипнотика, не улавливая причинности явлений. <...> В стенах своей добровольной внутренней тюрьмы

утратил способность восприятия живой жизни, и, читая его повесть, начинаешь думать, что мир медленно погибает в каком-то всеобщем прогрессивном параличе. <...> Творчество Пантюхова какая-то платоническая некрофилия. Оно навсегда отмечено печатью внутренней безысходности, и это жаль, потому что в книге, странно дисгармонируя с ее содержанием, встречается много прекрасных чисто художественных образов”³¹.

Борис Садовской: “Повесть эта ценна как художественная исповедь, как дневник нового человека, пережившего вечные впечатления и сумевшего записать их без рисовки перед самим собой. По форме «Тишина и старик» напоминает иными местами «Возврат» Андрея Белого, но это только кажущееся сходство. Если творчество Белого можно сравнить с открытым светлым дворцом среди цветущего луга, то творчество г. Пантюхова уподобляется сумрачному тоннелю, прорытому в недрах гигантского города. Г. Пантюхов как писатель субъективен в чрезвычайной степени; он может говорить только о сумерках собственной души, а прямым следствием такого обособления является резкая однобокость миросозерцания. В иных местах повести чувствуется настойчивость помешанного, готового закричать от ужаса. Мы вряд ли ошибаемся, сказав, что г. Пантюхов в этой своей повести обрисовался весь, до конца, высказал все, что мог, и что последующие его произведения будут лишь дополнениями к «Тишине»”³².

Наиболее внимательную и вдумчивую интерпретацию повесть “Тишина и старик” получила под пером киевского критика Александра Закржевского. В его книге “Подполье. Психологические параллели” она рассмотрена в одном ряду с произведениями Достоевского, Л. Андреева, Ф. Сологуба, Л. Шестова, А. Ремизова; анализируя различные вариации образа “подпольного человека” в русской литературе, впервые обрисованного в “Записках из подполья” Достоевского, Закржевский расценивает творческий опыт Пантюхова в этом плане как “весьма интересное явление в современной литературе”: “Редко кому удалось так хорошо передать весь трагизм от столкновений человека из подполья с жизнью”; “Здесь творятся в тишине такие ужасы, что холодеет сердце, и еще ужаснее, что все это совершается словно по команде и похоже на какую-то очень детскую, очень смешную игру, и игру опять-таки не по своей воле, потому что все это вымученное, искусственное, навязанное. Пантюхов изображает этот ужас так, как никто никогда не изображал...”; “Здесь подпольное миросозерцание разрослось до такой степени, что завладело и формой, и слогом, и языком”³³.

Едва ли не все, писавшие о Пантюхове, указывали на его опасное тяготение к «безумию», отмечали патологические черты в ду-

шевном мире писателя и в его представлениях о мироздании. Действительно, четкой разделяющей грани между творческим «безумством» и клиническим «безумием» во внутреннем психологическом строе Пантюхова не прослеживалось; разворачивание картин «декадентского» мировидения не вело к отчуждению их от сознания автора, а, наоборот, усиливало их гипнотическую разрушительную власть над ним, стимулировало внутреннюю дезориентацию, влекло к «гибели всерьез», по позднейшей формуле поэта. Погруженность в сферу болезненных переживаний и ощущений сопровождалась у Пантюхова ясным, вполне рациональным осознанием надвигающегося душевного краха, а также попытками выйти из замкнутого круга «подпольного» мировосприятия, встать на путь переоценки убеждений, нашедших воплощение в его повести. Дневниковые записи Пантюхова, относящиеся к 1907—1908 гг., свидетельствуют о его стремлении обрести спасение в религиозных ценностях: «Я выхожу на путь Христа. <...> Надо бросить мой слепой путь. Умышленно не обращаю внимания на разум, стараясь идти путем ощущений, путем исключительно одних слепых открытий <...> — я шел и шел... и дошел до многого. Но теперь нужен разум — во имя Бога! Если пойду прежним путем, то попаду в руки сатаны» (1 сентября 1907 г.); «В моей душе светает. И бессмысленный мир стал понятнее для меня. Снова начинаю улавливать всю тонкую связь явлений, всю тонкую игру человеческой жизни» (28 сентября 1908 г.); «Все идеи доведены до конца. Вне Христа — пустота, пустота, пустота!» (4 октября 1908 г.)³⁴. Христианская идея должна была лежать в основе новой книги Пантюхова «Кто?», однако этот замысел не был осуществлен.

Среди дневниковых признаний Пантюхова обращает на себя внимание запись от 17 сентября 1907 г.: «...никто из всех московских декадентов не понимает меня до конца. Все они вообще многого не понимают. Близок к пониманию Александр Блок»³⁵. К такому убеждению Пантюхов пришел, безусловно, в ходе своего продолжительного проживания в Петербурге в 1907—1908 гг., где он время от времени выдвинулся с Блоком (творчество которого, как уже было отмечено, высоко ценил), бывал у него дома (в частности, на авторском чтении «Песни Судьбы»). В Блоке Пантюхов надеялся встретить созвучную себе душу, способную на ответный резонанс. Упорным стремлением раскрыть перед Блоком свой внутренний мир, исповедаться в своих переживаниях, в попытках обрести спасительное религиозное кредо проникнуты все письма Пантюхова к нему. Помимо писем, отправленных Блоку и сохранившихся в его архиве, еще одно письмо Пантюхова к нему, неотправленное (15 июля 1908 г., Петербург), напечатали родственники Пантюхова в биографической книжке; в нем, впрочем,

преобладают вариации тех же тем и признаний, которыми наполнены письма, полученные Блоком: “Все современные интеллигенты мне кажутся чем-то отравленными, носящими в себе тлетворный яд подполья. <...> Не верьте никогда и никому, что я могу так запутаться и погрузиться в мир отвлеченных идей, что потеряю ясное сознание земной действительности. Конечно, я ошибался, слишком уж я был одинок. Слишком много было желания узнать правду, но не было точек опоры, и от этого был богатый простор для фантазии”, и т. д.³⁶

Блока, скорее всего, тяготило общение с жаждающим исповедальной близости и весьма многословным корреспондентом, обнаруживавшим к тому же явные признаки душевного недуга. Содержание переживаний Пантюхова могло задеть в поэте какие-то внутренние струны, но форма их излияния ему, всегда лучше понимавшему и чувствовавшему собеседника через намек, иносказание, жест или даже через молчаливое общение, была, надо полагать, чужда, если не решительно антипатична. Не случайно в единственном своем письме к Пантюхову Блок говорит о “тщете слов” и “лжи изреченных мыслей”, не случайно в ответ на упорное стремление Пантюхова активизировать переписку уклоняется, по сути, от эпистолярных контактов: “Я только не хочу говорить, лучше — *не могу* говорить” (VIII, 241, 242). В эту пору Блока отличает наиболее последовательное стремление “молчать” о мистических и метафизических субстанциях, о которых так упорно старается рассуждать Пантюхов, выступающий при этом и как убежденный “неофит” Прекрасной Дамы, в сознании Блока уже невозстановимо изменившей свой облик. Не проявил Блок, по всей вероятности, и глубокого интереса к главному литературному детищу Пантюхова: в обзорной статье “Литературные итоги 1907 года” он упомянул повесть “Тишина и старик” в ряду “нескольких ярких явлений” (V, 225—226), но уклонился от ее разбора и оценки³⁷.

Последнее из писем Пантюхова к Блоку, оставшееся, как и несколько предшествовавших ему, скорее всего, без ответа, датировано 25 сентября 1908 г. Десять дней спустя Пантюхов поступил в киевскую психиатрическую лечебницу. В биографическом очерке о нем сообщается: «Никаких наружных проявлений психической ненормальности в нем не было, но чувствуя, что не может отделаться от одолевавших его мыслей, и желая как бы видимого наказания за свои преступления, он сам просил поместить его в психиатрическую больницу. <...> Бредовых идей, какие бывали, напр<имер>, у Глеба Успенского в психиатрической больнице, у М. И. никогда не замечалось. Постепенно он начал избегать разговоров, делался равнодушным к посещению родных, а потом, как

бы вследствие какого-то данного самому себе обета, и вовсе перестал говорить. Разумное и ясное выражение глаз показывало, однако, что и в этом состоянии мысли его работали. Спустя немного он начал отказываться и от пищи, а затем скоро последовала и смерть. Вскрытие трупа показало, что прямою причиною смерти был милиарный туберкулез легких и кишок, без видимых изменений мозга и других органов»³⁸. Скончался М. И. Пантюхов в Киеве 13 мая 1910 г.

Письма М. И. Пантюхова к А. А. Блоку печатаются по автографам, хранящимся в архиве Блока в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 357).

¹ См.: Орлов Вл. Переписка Александра Блока // Александр Блок. Переписка: Аннотированный каталог. Вып. 1. Письма Александра Блока / Составители: Н. Т. Панченко, К. Н. Суворова, М. В. Чарушникова. М., 1975. С. 13.

² См.: Там же. С. 427.

³ См.: Брюсов В. Среди стихов. 1894—1924. Манифесты. Статьи. Рецензии / Составители: Н. А. Богомолов и Н. В. Котрелев. М., 1990. С. 348—349. Рецензия была напечатана в № 7 журнала за 1911 г. под псевдонимом В. Бакулин.

⁴ См.: Андрей Белый. О Блоке: Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи. М., 1997. С. 330.

⁵ Княжнин В. Н. Александр Александрович Блок. Пб., 1922. С. 94, 97—98.

⁶ Михаил Иванович Пантюхов. Автор повести “Тишина и старик”. 1880—1910. Киев, 1911. С. 12.

⁷ Пантюхов О. О днях былых. Семейная хроника Пантюховых. Maplewood, N. J., 1969. С. 10.

⁸ Там же. С. 104.

⁹ Михаил Иванович Пантюхов... С. 2.

¹⁰ Пантюхов О. О днях былых. С. 81.

¹¹ Михаил Иванович Пантюхов... С. 3.

¹² Брюсов В. Дневники. 1891—1910. [М.], 1927. С. 121, 122.

¹³ Жизнь и смерть Нины Петровской / Публикация Э. Гарэтто // Минувшее. Исторический альманах. 8. Paris, 1989. С. 23.

¹⁴ Брюсов В. Среди стихов. С. 349.

¹⁵ Андрей Белый. Воспоминания об Александре Александровиче Блоке // Александр Блок в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1980. Т. 1. С. 231.

¹⁶ Российский литературоведческий журнал. 1994. № 5/6. С. 300. Публикация М. В. Толмачева.

¹⁷ РГБ, ф. 386, карт. 97, ед. хр. 33.

¹⁸ Пантюхов О. О днях былых. С. 168. В книге “Михаил Иванович Пантюхов...” помещено одно стихотворение, посвященное Пантюхову, — “Сын города” (“Пойду к тому, который слышит...”) Виктора Гофмана (С. 33—34); вошло в сборник Гофмана “Книга вступлений. Лирика 1902—1904” (М., [1904]). См.: Гофман В. Собр. соч. М., 1918. Т. 2. С. 77.

¹⁹ Пильский П. М. И. Пантюхов // Одесские новости. 1911. 22 июня. № 8449. С. 2.

²⁰ Там же.

²¹ Пантюхов М. Тишина и старик. Повесть. СПб., 1907. С. [V].

²² Письмо от 6 мая 1907 г. // РГБ, ф. 386, карт. 97, ед. хр. 33.

²³ Михаил Иванович Пантюхов... С. 6—7. С финальным заключением этого фрагмента ср. свидетельство о Пантюхове его брата: "К революционерам и утопистам относился с снисходительным пренебрежением. Настроение русского либерального общества объяснял расовым анархизмом и трусостью, особенно перед «черносотенцами». Над «косматыми либералами» смеялся, а мешан и буржуев не терпел" (*Пантюхов О. О днях былых. С. 167*).

²⁴ РГБ, ф. 386, карт. 97, ед. хр. 33.

²⁵ Михаил Иванович Пантюхов... С. 22.

²⁶ Вл. Б. Книги и писатели // Русь. 1907. 4 апр. № 94. С. 5.

²⁷ Неблагосклонный читатель. Литературный бедлам // Слово. 1908. 3 мая. № 447. С. 2. Ср.: *Измайлов А. А. Помрачение божков и новые кумиры. Книга о новых веяниях в литературе. М., 1910. С. 194—197.*

²⁸ Новый журнал литературы, искусства и науки. 1907. № 7. С. 110 (рецензия без подписи).

²⁹ Беседа. 1907. № 4. С. 255.

³⁰ Книга. 1907. 5 апр. № 22. С. 14. Подпись: Н. Я. А—вич.

³¹ Перевал. 1907. № 6. С. 53.

³² Весы. 1907. № 3. С. 84.

³³ *Закржевский А.* Подполье. Психологические параллели. Киев, 1911. С. 90—93.

³⁴ Михаил Иванович Пантюхов... С. 21, 24, 25.

³⁵ Там же. С. 21.

³⁶ Там же. С. 32.

³⁷ Экземпляр повести "Тишина и старик" в библиотеке Блока не сохранился; сохранилась, однако, дарственная надпись автора на шмуцтитуле книги: "Мужественному рыцарю Александру Блоку — как знак пленения его творчеством. Михаил Пантюхов. 14 ав<густа> 1907" (РГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 357, л. 1. Надпись неточно воспроизведена в кн.: Библиотека А. А. Блока. Описание. Кн. 3 / Составили О. В. Миллер, Н. А. Колобова, С. Я. Вовина. Л., 1986. С. 245).

³⁸ Михаил Иванович Пантюхов... С. 8—9.

1

25 ап<реля> 1908. Пб.

Захотелось мне сегодня написать Вам, Александр Александрович, несколько строк — как дополнение к нашему последнему разговору.

Ваш путь, Ваш подвиг — начался, разумеется, уже давно — волей или неволей, но Вы шли так, как было надо... Я называл Вас и себя так упорно христианами лишь для большей выразительности, и значило это, что на нашем знамени воскресший Иисус, а не могильный червяк (потому что, строго говоря, каждый человек — сознательно или бессознательно — но непременно верит или в первое или во второе). Вместе с тем, мы совсем не являемся божьими рабами или божьими птичками. В нас говорят стихийные силы, до известной степени определяющие сущность Бога. Между нами и Богом есть постоянное взаимодействие. Сила наших стремлений вширь и порывов ввысь, конечно, не уходит в пустоту — она обусловливает собою красоту и мощь будущего мира... В каждом из

нас говорит одна из стихий, и это не может не сказываться на наших характерах...

Вы, кажется, переживаете бурные сомнения в самом себе. Но это — надо для нас всех. Чтобы выйти из земного плена, непременно надо упасть мыслью и духом вниз, в земную грязь, потом подняться вверх и слиться на мгновение в одно с Богом... И наконец, вернуть себе — самого себя.

Если Вы даже будете ошибаться, то и это — ничего. Не для чего Вам и скрывать свои ошибки и падения! Тот будет негодяем, кто засмеется над Вами! Не нам работать во тьме, когда задача наша — постепенно освобождать себя и мир от всякой лжи.* Пускай себе, хитро перемигиваясь друг с другом, квакают почтенные обыватели из своих безопасных луж. Им, конечно, давно уже хорошо известно, почему горят безумием ваши глаза и разбиты колени и испачканы кровью ваши одежды. Они давно уже объяснили все это друг другу... — Не обращая внимания на них, смело идите вперед, разгоняя туман, мешающий восходу юного солнца.

Ваш Михаил Пантюхов.

* Освобождать от лжи не значит, конечно, освобождать от игры — как думают многие скучные люди, как думал одно время и я.

2

29 апр<еля> 1908. Пб.

Дорогой Александр Александрович.

Я, конечно, с удовольствием приду к Вам слушать Вашу новую драму.¹

Спешу сообщить Вам — хотя спешить тут совсем и нечего — о моих дальнейших колебаниях относительно мистической сущности Брюсова. Очень может быть, что он является Вашим третьим братом. Если его литературная деятельность потеряет свой несколько двусмысленный характер и охватит более широкие горизонты, это станет ясно и я — отойду в сторону. Как я Вам говорил, у меня есть другая миссия — скромная, но тоже важная и уже вполне несомненная.

На всякий случай прошу Вас не рассказывать о моих мистических переживаниях. Слишком интимные по своему характеру, они “не терпят суеты”² и рассказывать о них можно лишь очень немногим. Но об этом, пожалуй, не стоило писать... как, пожалуй, не стоило писать и всего этого письма...

Ваш Михаил Пантюхов.

¹ 1 мая 1908 г. Блок читал у себя дома драматическую поэму “Песня Судьбы”: среди слушателей были Е. П. Иванов, А. П. Иванов, Ю. Н. Верховский, А. М. Ремизов, В. А. Зоргенфрей и др. Сообщая в записи от 2 мая об отзывах слушателей, Блок отметил: “Пантюхову больше понравилась 2-я половина в смысле “расколдовыванья мирозданья”. Немного против шестой картины” (IX, 106).

² Обыгрывается строка из стихотворения А. С. Пушкина “19 октября” (1825): “Служенье муз не терпит суеты”.

3

21 мая 1908. Пб.

Заходил вчера к Вам, дорогой Александр Александрович, но — не застал дома, и теперь — пишу Вам письмо.

Не знаю, насколько важными представляются Вам мои думы — быть может, я преувеличиваю их значение — но в некоторой ценности, если я не ошибаюсь, Вы им не отказывали. Многие из моих мистических переживаний освещены каким-то странным светом, кажутся в одно и то же время и правдивыми и обманчивыми — двойственными, как улыбка самой жизни, как улыбка Моны Лизы... Кое-что тут можно было бы, вероятно, выяснить, если б Вы были со мною немного более откровенными, менее замкнутыми. А то мне приходится довольствоваться догадками, а тут нетрудно запутаться, сбиться с толку какому хотите здоровому человеку.

...Мое духовное одиночество я мог бы сравнить с одиночеством узника, который видит через окно своей темницы лишь клочок неба и далекую скалу, окутанную туманом. Узнику очень хочется знать, что делается в мире, но отделен он от мира железными дверями, каменными стенами. Один лишь отрезок неба и отдаленная скала — вот мир для него. И его воображение рисует себе скалу то враждебной, то манящей к себе... И по небу пролетают иногда птицы, и узник в отчаянии зовет их к себе... — быть может, это к нему летят они?... И птицы кричат, беседуя одна с другою, а ему кажется, что это они — кричат ему... И птицы пролетают мимо, а он, обманутый, остается один — чтобы снова и снова быть обманутым новыми криками... Он почти уверен, что это не к нему летят те, новые, которые показываются на краю горизонта, но он зовет их — на всякий случай! Ведь невыносимо тяжело иногда бывает одиночество... Вот Вам, если хотите, объяснение душевного состояния, которое было у меня еще недавно, — состояние, при котором, действительно, нетрудно начать страдать “навязчивыми идеями”.

Я хотел писать Вам в этом письме, между прочим, о Брюсове, но не знаю, что писать мне о нем. Что-то не верится мне, чтоб в последней глубине его говорили демонические силы... Впрочем,

слишком долго было бы говорить о всем этом... Мои мистические переживания могли бы приобрести смысл лишь при сравнении с другими, а так — очень легко запутаться... Несмотря на Вашу сдержанность при разговоре со мной, все же Вы не сочли меня совсем уж безумным мечтателем и этим дали мне некоторые точки опоры и помогли моему протрезвлению. Я очень Вам благодарен за это. Что дальше — не знаю... Думаю, что мои проникновения, хотя и кажутся слишком отрешенными от “действительной жизни”, все же не лишены некоторого смысла...

Ваш Михаил Пантюхов.

4

24 мая 1908. Пб.

Да, дорогой Александр Александрович, нам не надо больше говорить о наших мистических впечатлениях. Вы очень кстати напомнили мне о том, что “мысль изреченная есть ложь”.¹ Передать верно нашими словами и нашими голосами какое-нибудь мистическое впечатление так же легко, как рыбе рассказать об услышанном ею звоне серебряного колокольчика или о пенье девушки. Кроме того, говорить об этом немного страшно, и не знаешь, что тут лучше — добросовестная научная точность или улыбка (улыбка едва ли не со страху)... Словом, Вы правы — нельзя говорить об этом вслух. Достаточно тех отражений пережитого, которые являются в нашем творчестве. Утверждать же себя в вечности особенно прочно нам и не надо. Довольно лишь неясного небесного намека, иначе самоутверждение, вместо того чтобы придать нам силу, может стать ненужными тяжелыми цепями, стеснить свободу творчества. Будем идти так, как шли, а в конце нашего пути, оглянувшись, мы забудем про все былые муки и в первый раз увидим всю красоту и безупречную правильность нашего пути и поймем, что все было тут важно и не было бесцельных заблуждений. В последних глубинах своих я не сомневаюсь в безусловной верности Ваших мистических впечатлений, поскольку они выразились в стихах.

Относительно духовного одиночества должен сказать, что мне нужно больше всего сознание, что я не одинок. Кроме того, мне важно знать, кто из современных писателей считает меня своим идейным братом. Ведь мне надо было ориентироваться. Не мог же я быть — как слепой... Я чувствую, что одиноким я быть не должен — я должен иметь кое-какие связи с писателями. Слишком одинокий путь, каким я шел до сих пор, — не сужден мне: это был бы сатанинский путь.

...Если Вы думаете, что я настолько “оторвался от действительной жизни”, что мне необходимо прибегнуть к труду,² то — Вы меня не так поняли. Я почувствовал в прошлом году знакомый мне и раньше внутренний толчок (это было, напр<имер>, и в 1901—1902 гг.), смысл которого словами можно было бы передать так: “Потеряй свою волю, доверься воле стихийных сил”... И я послушался этого голоса. С моей стороны была лишь покорность судьбе и самоотвержение. Я писал письма в поисках идейных друзей, говорил иногда пустяки, лицо мое искажалось — но во мне не было и тени сожаления в чем-либо... — одна лишь покорность... Ведь мироздание так сложно и так сложны все отношения стихийных сил, что для того, чтобы они нашли предназначенное им место, — мало человеческого разума. Я уверен, что все пережитое было бесполезно не для меня одного, но в чем была эта бесполезность — пока я, как следует, не знаю. Знаю, что во мне, независимо от разных откровений, этот период выработал бесстрашие духа и изменил характер моей гордости... Я был точно путник, заблудившийся в ночном тумане и опустивший поводья своего коня... “Пусть идет мой конь, куда знает, — решил, — быть может, чутьем своим, через грязь и болота он найдет дорогу к дому со светящимися окнами, где ждут меня мои братья и друзья...”³ Но, доверившись своему коню, я ни на одно мгновение не забывал, что я волен снова взять в свои руки поводья. Теперь — начинает яснеть мне мой путь и постепенно я возвращаю себе — самого себя. Я уже не раб стихийной силы, влекущей меня, — все чаще и чаще беру я твердой рукою поводья моего коня. И, если это будет надо, я совсем подчиню его себе. Верьте мне — все идет так, как надо. Мысль о том, что я не властелин своего духа и разума, для меня почти смешна. Как только осмыслится, как надо, мой путь — ко мне вернется вполне прежняя ясность.

...Хочется сказать еще несколько слов о Брюсове. Разумеется, нам есть дело до него лишь поскольку он касается нас. Мое чувство предостерегает меня от него, но едва я начинаю думать о нем, как мой рассудок говорит мне, что Б<рюсов> — нужный и полезный для меня человек. Но, конечно, я больше доверяю моему чувству... Последнее время мне начинает казаться, что он силен уже не величием своего духа, а ограниченностью своего ума (если не ума, то — кругозора). То, что составляет сущность христианства, он, пожалуй, понимает, но — не чувствует... Думаю, что мои бурные колебания в мнении о нем и в связи с этим в мнении о себе — не случайны. Быть может, за маленькими символами тут скрывается кое-что немалое по значению... Подозрительны мне и характер его самохваления, и мстительность в отношении к врагам. Почему, напр<имер>, “Весы” — конечно, не без одобрения

Брюсова — так ужасно поносят Чулкова?⁴ Как-никак, а Чулков — талантливый публицист. Почему в “Весах” помещается лубочное стихотворение Эллиса, в котором Брюсов сравнивается с Лакононом <sic>⁵ (к кому-кому, а к Брюсову это сравнение не подходит), а в какой-то статье тот же Эллис называет пустяковое и совершенно ничтожное размышление Брюсова о театре “пренебрежительно популярным”?..⁶ Это — не беспристрастие. Впрочем, торопиться с высказыванием решительного мнения о Брюсове — нечего.

Я, как и Вы, скоро уезжаю. Дней через 10—12 — отправлюсь куда-нибудь на берег моря, вернее всего в Финляндию. Предполагаю попробовать напечатать в “Золотом Руне” свою “Сказку о рыцаре-поэте и о царевне”.⁷ Вообще, я не придаю большого значения своим рассказам, но считаю нужным напечатать хоть одну из тех сказок, которые отмечают перелом, незаметно начавшийся во мне уже давно и явно совершившийся в сентябре прошлого года. Ведь несомненно, что кроме знакомых мне лично людей, заинтересованных путем моей мысли, есть и незнакомые или почти не знакомые, для которых важно знать, что я вышел из замкнутого круга моей “Тишины”. Кстати сказать, мою “Тишину”, собственно, нельзя назвать кошунственной, она — безбожная (в точном смысле этого слова, т. е. — без Бога)... — в ней всегда и везде лишь один человек, разросшийся во весь мир, вобравший в себя всю его грязь и всю его святость. Но я сегодня, кажется, в слишком разговорчивом настроении...

Сердечно Ваш Михаил Пантюхов.

¹ Строка из стихотворения Ф. И. Тютчева “Silentium!”, использованная в письме Блока к Пантюхову от 22 мая 1908 г.: “Разве я не откровенен с Вами, дорогой Михаил Иванович? Нет, я не скрываю ничего и не «оберегаю». Но я чувствую все больше тщету слов. С людьми, с которыми было больше всего разговоров (и именно мистических разговоров), как А. Белый, С. Соловьев и др., — я разошелся: отношения наши запутались окончательно, и я сильно подозреваю, что это от систематической «лжи изреченных мыслей». И я совершенно не умею сказать прозой лучше, чем говорю стихами” (VIII, 241).

² Подразумеваются слова Блока из того же письма: “Одиночество не победить сравнением мистических переживаний, я глубоко уверен в этом. Может быть, одиночество преодолимо только ритмами действительной жизни — страстью и трудом. Остальное — сны” (Там же).

³ Возможно, в этих строках — отголосок образных построений из статьи Блока “Безвременье”, опубликованной в “Золотом Руне” (1906. № 11—12), о “бесцельном стремлении всадника на усталом коне, заблудившегося ночью среди болот” (V, 75).

⁴ О полемике журнала “Весы” с Г. И. Чулковым и выдвинутой им идеологической платформой “мистического анархизма” см.: *Лавров А. В., Максимов Д. Е.* “Весы” // Русская литература и журналистика начала XX века. 1905—1917. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984. С. 108—129.

⁵ Подражается строфа из стихотворения Эллиса “Поэту наших дней”, обращенного к Брюсову (Весы. 1907. № 11. С. 15):

Вкусив смертельного напитка,
Змеей безумья оплетен.
Ты не кричишь, сведенный пыткой.
Как не кричит Лаокоон.

⁶ Речь идет о статье Эллина “Что такое театр?”, в которой статья Брюсова “Реализм и условность на сцене”, опубликованная в сборнике “Театр. Книга о новом театре” (СПб., 1908), названа “безукоризненно-четкой, прерительно-популярной и математически доказательной” (Весы. 1908. № 4. С. 87).

⁷ Подразумевается прозаическая “Сказка поэтам о царевне” (1904. 1907—1908 гг.): в “Золотом Руне” она опубликована не была. Рукопись этого произведения сохранилась в архиве С. А. Полякова (ИРЛИ. ф. 240. оп. 2, ед. хр. 132. 19 л.): по всей вероятности. Пантюхов передал “Сказку...” в издательство “Скорпион” или в редакцию журнала “Весы”, где она также не была принята к публикации.

5

7 июня 1908. Вечер. Пб.

Дорогой Александр Александрович.

Мне не пришлось поехать в Финляндию, и я остался там же, где и был. А Вы? — Судя по Вашему письму, Вы должны быть теперь в деревне? Я окончательно перестал слушаться “внутренних толчков” и решил жить так, как велит мне мой разум. А то можно вконец разучиться жить в человеческом обществе... Всякое мистическое самоутверждение я тоже оставил. Важно, не кто мы, а чего мы достигнем... “Лишний рыцарь, во всяком случае, не помешает”, — решил я в конце концов и, посмотрев в небо, спросил: “Не так ли, Царевна?”. Ответа я не получил... без сомнения лишь потому, что на такие глупые вопросы не стоило отвечать...

Прочитал в “Весах” отзыв Белого о Ваших драмах.² Статья — хороша, но он, конечно, прав лишь отчасти. “Расколдовывание” мироздания (взгляд назад, на первоначальные хаотические движения мировых сил) имеет большое значение (дает Вам власть и мощь), но вместе с тем с Вашей стороны необходимо и созидание (которое у Вас, конечно, и есть)... При большом упорстве и при полном бесстрашии расколдовывание без созидания вещь, пожалуй, даже небезопасная. Я помню, однажды, я настолько “удачно” расколдовал кое-что в мироздании, что потом дней пять метался, по лесу и по городу, не находя себе места, и просил небо лишь об одном — о забвении... “Эх! — сказал я себе: — об этих своих открытиях я лучше не буду говорить никому...”. Часто, однако, такие открытия приводят в ужас лишь потому, что не знаешь другой истины, уравнивающейся узнаваемой тобою.

Я очень жалею, что в своем прошлом письме так необдуманно отозвался о Брюсове. Он — громадный человек, и очень может быть, что большая часть его еще впереди. Некоторое сужение кру-

гозора, которое замечалось в нем последнее время, — ничего не значит. Это просто его отдых... — человек шел по длинной улице, устал и, встретив по дороге сквер, остановился отдохнуть среди цветов и играющих детей. И больше ничего.

В моей жизни теперь один из таких периодов, когда я бываю далек от беспристрастия. Хотя я считаю, что у меня очень зоркий глаз, но вместе с тем я вижу ясно лишь ту точку, на которую пристально смотрю, а остальное — теряется для меня в тумане. Я об этом, конечно, не горюю, так как сознаю всю необходимость ошибок и заблуждений. Позже — где-нибудь на берегу моря или среди лесов или просто в более спокойном состоянии духа, когда буду много писать, — я, конечно, верну себе широту взгляда без ущерба для ясности впечатлений, пережитых мною.

Ваш Михаил Пантюхов.

¹ 22 мая 1908 г. Блок сообщал Пантюхову: “На днях уезжаю отдохнуть в деревню недели на две” (VIII. 242).

² Имеется в виду статья Андрея Белого “Обломки миров (О “Лирических драмах” А. Блока)” (Весы. 1908. № 5. С. 65—68).

6

26 авг<уста> 1908. Пб.

Должен, дорогой Александр Александрович, написать Вам еще одно заключительное письмо. Уж очень сильно я напутал.

Хотя Вы, кажется, и сами нашли примесь безумия в том, о чем я Вам говорил и писал, но теперь — признаю это также и я. Конечно, я не принадлежу к числу людей, ум которых можно запугать или успокоить совершенно условными, почти ничего не определяющими словами — вроде — “психическое расстройство” или “галлюцинация”. Во всем этом — много непонятого, откуда могут прийти образы, кажущиеся более знакомыми и более живыми, чем встречающиеся в этой жизни. В иных случаях можно допустить, что это — идеальные представления, незаметно создающиеся в наших душах (или существовавшие изначально), но это — далеко не всегда... Впрочем — все равно! Я отбрасываю все пережитое за этот год как бред. Раз нельзя точно разграничить бред от истинных проникновений, то — больше ничего не остается. Ошибаться я не намерен. Не буду говорить о том, оставило ли пережитое какой-нибудь след во мне. Пусть это будет — лишь для меня одного. Считайте все — сплошным бредом.

Надо сознаться, что одно время я совсем расшатался. Если сначала я был осторожен в своих выводах, то позже я верил в истин-

ность чуть не всякого зрительного и слухового впечатления, если причина возникновения его была для меня не ясна.

Я теперь сам дивлюсь, вспоминая, как я строил из себя Бог знает кого и с необыкновенной легкостью перелетал от одной мечты к другой... И теперь — когда я смотрю на это, как на прошлое, — я вижу, что слишком часто мои “впечатления” получались после предшествовавших им соответствующих раздумий... И я вижу несомненную склонность к навязчивым идеям... задатки мании величия... пожалуй, даже ослабление некоторых способностей (отчасти это, положим, объяснялось чрезмерным самоуглублением).

Хотя я предчувствовал, что со мной должно случиться что-то скверное, все-таки я не думал, что дело может дойти до чего-то вроде “психической болезни”. Все равно. Плакать не буду. Чтобы утешить себя, думаю, что в общем всем этим, вероятно, руководил Бог и что, может быть, это для чего-нибудь и надо. Иначе это было бы совсем бессмысленно — с моей стороны была лишь покорность и готовность к самопожертвованию.

Я очень одинок. Но не желаю нарушать свое одиночество. Я бегу почти от всех современных людей (даже самых безобидных), потому что на них какой-то мерзкий налет. И я даже избегаю особенно внимательно читать современные газеты, чтобы мои мысли не опутались паутиной лжи... Мне надо беречь свои проникновения, пока они не воплотятся окончательно в образы, не запечатлеются на бумаге.

Я — после того как потерял чуть не все земные и небесные точки опоры — сбит с толку. Решительно все равно, как жить, — не вижу никакого смысла ни в каких “нравственных подвигах”... В области мысли я близок к тем настроениям, какие были у меня в начале лета прошлого года. Я уже и тогда в глубине души знал, Чьим Именем увенчаю я задуманную поэму (хотя иногда и кривлялся). Теперь я думаю напечатать, когда придет время, уже не одну книгу, как раньше, а три или четыре (притом не только беллетристических)... Впрочем, Вам это, д<олжно> б<ыть>, малоинтересно.

В моих письмах я часто высказывал разные странные и противоречивые взгляды на литературу... Все запуталось... Слишком много все глали... Теперь я ничего не понимаю, и, когда думаю о чем-нибудь, мне вспоминаются лишь чужие слова... Локки, пророк, маг, Лаокоон, Гулливер, волхв и пр. ...¹ Все такие эпитеты и определения мешают видеть то, что есть... Впрочем, думы об этом у меня на втором, если не на третьем плане.

...Мне очень больно, но приходится сознаться, что часто я был скорее фантазером, чем мистиком... Что делать! О причинах я Вам уже написал.

Во всяком случае — “в моей душе светает” и мое “безумие” уже проходит. Надо Вам сказать, что в значительной степени оно было вызвано рядом случайных причин (вроде увлечения разными таинственными науками). Это дает мне уверенность, что в борьбе с хаотическими силами, под влияние которых подпал мой разум, я выйду полным победителем.

Ваш Михаил Пантюхов.

¹ Перечень имен и образов, с которыми идентифицировался В. Брюсов. Ср. примеч. 5 к п. 4, а также стихотворение Брюсова “Бальдеру Локи” (1904; *Брюсов В. Собр. соч.*: В 7 т. М., 1973. Т. 1. С. 388—389) и строфу из стихотворения Эллиса “Поэту наших дней” (Весы. 1907. № 11. С. 16):

С улыбкою ты носишь пути
И дремлешь в темноте тюрьмы.
Как Гулливера лилипуты,
Тебя во сне связали мы.

7

7 сент<ября> 1908. К<иев>.

Вчера, Александр Александрович, приехал я в Киев в отвратительно придавленном настроении; в каком еще никогда, кажется, не был, но которое, однако, было приятно почему-то в себе подерживать. Сидя в вагоне, все время боялся сойти с ума, что — всегда неприятно.

Но, когда я доехал до дому, в числе встретивших меня было — белое облачко. И сразу повеяло от него на меня такой тишиной и чистотой, что я не посмел ни разу взглянуть ей в лицо. И смотрел лишь поверх головы и на грудь. И, когда она подошла к столу, у которого я сидел, — я едва удержался, чтобы не упасть к ее ногам. А потом — она вдруг исчезла, а я, не найдя себе места, в волнении стал ходить по саду. Я еще не знал, что она ушла, но почувствовал это сердцем. Потом — была глубокая ночь. В моей душе были одни лишь мечты о ней. Право, и одной мысли о ней, кажется, достаточно, чтобы стать хоть немного чище и спасти меня от безумия.

Только такие встречи и помогают нам, поэтам. Не так ли, рыцарь Прекрасной Дамы?

Ваш Михаил Пантюхов.

“О, неужели я Тебя больше не увижу?” — все время думается мне...

М. П.

Собственно говоря, не стоило бы Вам, Ал<ександр> Ал<ександрович>, посылать такое письмо... Ваш затуманенный мозг его пока не поймет... Ох, Ал<ександр> Ал<ександрович>! Прекрасная Дама Вас, вероятно, еще любит, но немного и жалеет.

М. П.

8

18 с<ентября> 1908.

Вы вольны, Александр Александрович, относиться к тому, что я Вам говорю, как хотите. Но я должен еще раз написать Вам о том, о чем писал отчасти уже и раньше.

Мои “мистические впечатления” имеют несомненные соответствия в действительности. А сомнений у меня сколько угодно — и было, и будет. Что поделаешь, если они — необходимы. Эти сомнения нечто вроде отдыха на пути — отдыха, во время которого я предаюсь разным полезным размышлениям.

Прекрасную Даму Вы незаметно для себя самого развенчали. Верните Ей Ее одежды и уборы. Считайте несомненным, что Она существует уже на земле не только в бледных и искривленных изображениях, но и как Личность. Если Вы будете помнить, что Вы — рыцарь не призрачной, а настоящей обещанной нам Жены, то это даст Вам много уверенности в себе. Просите Ее, чтобы Она дала Вам бесстрашие в борьбе с темными силами, владеющими Вашим Духом, как еще недавно владели они моим. Измените образ Вашей жизни. Будьте более одиноким. Почувствуйте еще раз всю мгновенность теперешних земных радостей. И оставьте миру — мирское.

Я не боюсь сказать, что мистическое миропонимание обязывает посмотреть с известным спокойствием на все совершающееся кругом... Идите немного дальше от тех людей, с которыми хочет сблизить Вас теперь жизнь. Меня еще и самого недавно по какому-то недоразумению влекло к таким людям — я не понимал самого себя. Теперь во мне совершается, кажется, некоторый перелом. В русской революции очень много лжи. Не понимаю, откуда может там быть Христос (как думает хотя бы Д. С. Мережковский). Идеи, владевшие русской толпой за последние годы, настолько навивны, что могут возбудить только улыбку. (Конечно, любой верующий крестьянин гораздо ближе к истине)... Все это — люди

слепые в сравнении с нами. Их взгляды* — взгляды “низшей расы”. Их можно жалеть, но учиться у них нечему. Чему могут они нас научить? И им ли строить новую жизнь?.. (Ценен в них лишь их характер — высокий характер русских с их самозабвением и несравненной страстью <?>...) Человечество скоро придет к всеобщему счастью, но — совсем другим путем. И, кажется, даже на совсем иных основах будет это счастье.

Все, что предсказано Апокалипсисом, произойдет в действительности, уже начало происходить. И это будет не “получудо” (как думает большинство петербургских мистиков, спиритуалисты и пр.), а настоящее чудо (начиная от непорочного зачатия и кончая преображением жизни, а может быть даже и всей вселенной). Как и естественно человеку, обремененному слишком большим количеством разных познаний, я долго сомневался в этом, но теперь — убежден вполне.

Считаю необходимым сказать Вам, что сомнений во всем том, о чем я написал Вам, по-моему, быть не может. Не только психиатрией, но и решительно ничем нельзя объяснить всего пережитого мною. Думаю, что Вам, как и мне, остается лишь одно — покорно склонить свою голову...

Верьте, что только искренним расположением к Вам — вызвано это письмо. Я совсем было уже решил перестать навсегда говорить и писать в письмах о всем, соприкасающемся с мистикой. Но потом — вспомнил о Вас. “Мне почудился: ты — умирающий, истекающий кровью... как я...”¹ И я решил — сделать исключение.

Сохраните содержание этого письма лишь для себя одного или — почти для себя одного. Совсем неприятно мне было бы профанировать мои священные думы.

Ваш Михаил Пантюхов.

19 с<ентября> 1908. Вечер.

Относительно Прекрасной Дамы должен Вам сказать, что в глубинах души моей я, без сомнения, знаю и Ее сущность и Ее “земной наряд”. Но это — в глубине, а на поверхности — я бываю полон самых разнообразных колебаний. Быть может, эти колебания находят на меня по воле Бога... Быть может, небо хочет знать, настолько ли возвышен мой Дух, чтобы не обращать внимания на такие пустяки, как безобразие житейского “наряда” Несравненной Дамы... — Кто знает? Словом, колебания иногда бывают.

Обратите внимание на то, что я говорил Вам о “получуде” и чуде. Это сказано — не на ветер. Разница между первым и вторым

* Я говорю, конечно, про взгляды современной русской интеллигенции, а не народа.

пока — незначительна, позже — будет огромна (антихрист — Христос). Антихрист, поставив во главу всего — разум, чего доброго не поскупится на разные полуфокусы—получудеса. Христос, б<ыть> м<ожет>, противопоставит этому лишь одно чудо — Слово, которое сотворит новый мир. Не будем испытывать Бога. Будем помнить, что близок наш общий Кормчий.

М. П.

¹ Цитата из стихотворения Блока "Я бежал и спотыкался..." (1903; *Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1997. Т. 1. С. 161*).

9

29 с<ентября> 1908. К<иев>.

Хотя, Александр Александрович, каждое письмо мое к вам представляется последним, но это, думаю я, и в самом деле будет последним. Больше в письмах, кажется, не о чем писать.

Постепенно расходится туман вокруг меня. Очень сильным туманом окутаны были все мои думы, все мои чувства. Должен ли я еще раз склониться над последней пустотой, в которой все — безразлично, и суждено ли будет еще исказиться моему лицу, надевать какие-нибудь мучительные маски — знает лишь Бог. Думаю, что — нет.

Все более и более мертвой, все более и более пустой представляется мне человеческая жизнь. И уже мало что влечет меня в ней. И изменяются взгляды на все. Современные люди, и в частности писатели, слишком опошлили многие вещи. Если русская революция извратила понятия об истинном героизме, о подвигах, о мученичестве, то и безразличная толпа, стоявшая более или менее в стороне от революции, отнюдь не занималась тем, чтобы стоять на страже вечных духовных ценностей. Напротив! — втапывала в грязь все дорогое человечеству. Я, разумеется, далек от того, чтобы относиться легко к тому, что так или иначе соприкасается с Эросом, но я убежден, что во все это вкралось кое-что мерзкое, неверное. У меня теперь такое ощущение, как будто я вспомнил, что такое любовь... Не скажу, чтобы оно было у меня все время, но — почти все время. Как будто коснулась меня сама Прекрасная Дама воздушной одеждой и стряхнула с меня туманный налет. И, когда я мечтаю о ней, о Единственной и Прекрасной, мне часто кажется, что Она одна потопит в себе все наши беды. Любовь к Ней чиста и странна <?> — такая же нежная, как любовь к девушке, такая же чистая, как бывает любовь к матери. Кажется, что эта

чистая любовь к Ней, созданной из земли, снега и лазури, будет отныне одной моей любовью — любовью, которую я не разделю ни с какой другой любовью, — с любовью к какой-нибудь земной женщине... Трудно передать Вам всю сумму сознательных и бессознательных впечатлений, которые возникают у меня при думах о Ней. Несомненно, это чувство — совсем особое, непохожее ни на какие другие. Быть может, в этом — обещание нового мира скывается больше, чем в чем-либо другом.

Спокойствие сходит в мятежную душу мою. Часто я думаю теперь: “Хочешь, стану одним из Твоих рыцарей... Хочешь, навсегда останусь одиноким и молчаливым мечтателем, одним из Твоих поэтов. Пусть, когда придет время, прозвучит Твой ясный голос среди туманной мглы и я радостно отвечу на Твой зов, пойду к Тебе”...

...Позвольте мне еще раз посоветовать Вам (хотя это — скучно) стать более независимым от других людей во взглядах. Не наркотируйте себя ни напитками, ни табаком. По моим наблюдениям, это непременно создает лживую завесу, искажает наши впечатления и думы. Надеюсь, не сердитесь за советы.

В моем одиночестве мне часто хочется, как сумасшедшему, бросать свои письма с адресом “В пространство”... Впрочем, теперь я становлюсь более мудрым и замкнутым.

Ваш Михаил Пантюхов.

Сегодня, 29-го <сентября> я пережил много странных мгновений. Напоследок все это вылилось в восклицание: “Прости же меня, Пресвятая Дева, несущая в чреве Своем Спасение миру! Опять едва не сбилась мысль моя с верного пути!”. М. П.

А. БЛОК В 13-Й ИНЖЕНЕРНО-СТРОИТЕЛЬНОЙ ДРУЖИНЕ: СЛУЖЕБНЫЕ БУМАГИ, СОБРАННЫЕ ПОЭТОМ

(Публикация, предисловие и комментарии А. Е. Заблоцкой)

Пребывание Блока в действующей армии в период Первой мировой войны (с июля 1916 по март 1917 года поэт служил в 13-й инженерно-строительной дружине Земгора) не раз становилось предметом исследования¹. Вопрос о значении этих месяцев для блоковской эволюции, однако, до сих пор не вполне прояснен.

Долгое время считалось, что военная служба не повлияла на мироощущение поэта². Это опроверг А. В. Лавров, отметивший, что жизнь в непривычной обстановке, вдали от Петербурга (Блок попал в район Пинских болот) изменила его душевный настрой: острое, мучительно переживаемое чувство безысходности, вызванное сложившейся общественной ситуацией, уступило место “внутренней сосредоточенности” и молчаливым ожиданиям³. О необходимости дальнейшего изучения блоковских поисков “фронтového” периода говорила З. Г. Минц.

Как полагала исследовательница, духовая жизнь Блока этих месяцев во многом проявилась в том, что, находясь в дружине, он собирал служебные бумаги — своеобразные материалы по военному быту, которые впоследствии хранил. Ввести эти документы в научный оборот представлялось З. Г. Минц немаловажным⁴.

Какое значение они имели для поэта? Логика подбора бумаг свидетельствует о том, что он рассматривал их не только как исторический, но и как автобиографический “источник”. Действительно, в документах отражены прежде всего события, касавшиеся самого Блока или существенные для него — беспорядки среди рабочих, материальные трудности дружины, поездка поэта в отпуск, назначение его заведующим рабочей партией и т. д. Это глубоко не случайно.

Как известно, в 1910-х годах для Блока была исключительно актуальна идея истории, проходящей через отдельную человеческую судьбу. В частности, поэт ясно осознавал “историчность” собственной жизни, считая, что все, переживаемое им, в каком-то

смысле является отражением эпохи (ср. VII, 69, 109, 123⁵). В 1911 году он начал фиксировать происходящие события, возобновив с этой целью дневник, которому придавал значение “человеческого документа” — автобиографического текста, важного для понимания современности (VII, 69; ср. V, 439, 485). Хотя в 1913 году этой работе помешал душевный кризис (Блок перестал видеть смысл совершавшегося⁶), думается, что “человеческими документами” стали для поэта впоследствии и дружинные бумаги. По-видимому, несмотря на глубокий исторический пессимизм, представление о ценности подлинного историко-биографического материала продолжало присутствовать в его сознании, актуализировавшись под влиянием необычной фронтовой обстановки.

После революции 1917 года идея “человеческого документа” наполнится для Блока новым содержанием. Тексты такого рода поэт расценит как один из факторов, существенно влияющих на развитие новой культуры (ср. статью “Дневник женщины, которую никто не любил”, VI, 29 — 37) и будет думать о возможностях их публикации⁷. В эти годы, составляя “Список моих работ”, он занесет в него бумаги 13-й дружины⁸, по-видимому, рассчитывая представить их читателю.

Таким образом, пребывание на фронте занимает определенное место в блоковском “пути”. переживания этого периода тесно связаны с поисками 1911 — 1913 годов, продолженными поэтом после революции — с размышлениями о созвучности личного и исторического бытия.

* * *

Публикуемые бумаги — наряду с письмами Блока с фронта и воспоминаниями современников⁹ — важны и для понимания атмосферы, в которой поэту довелось служить.

Дружины Земгора (общественная организация, возникшая в военный период на основе земского и городского союзов) начали создаваться осенью 1915 года. К этому времени стало очевидным, что военное ведомство не справляется с необходимыми строительными работами. Потребовалась помощь, которую оказали существовавшие в рамках Земгора Главный комитет по снабжению армии и аналогичные комитеты при фронтах¹⁰. Несмотря на трудности — правительство не было заинтересовано в подобной инициативе “снизу” — к моменту февральской революции только на Западный фронт (куда попал и Блок) было послано девятнадцать инженерно-строительных отрядов¹¹.

Статус таких отрядов, строго говоря, не был военным. Комплектовались они (каждый должен был состоять примерно из 100 служащих и не менее 1000 рабочих¹²) путем вольного найма. За небольшими исключениями, в них принимали лишь невоеннообязанных (старше 40 лет) и ратников ополчения 2-го разряда (подлежавших призыву в последнюю очередь — по состоянию здоровья или как единственные сыновья в семье¹³). Ополченцев такая служба, по существу, избавляла от призыва, в случае которого они могли остаться в дружине (именно так и поступил Блок¹⁴); однако с июня 1916 года это перестало распространяться на рабочих¹⁵.

Ограничения не позволяли набрать нужное число людей, и летом 1916 года начал использоваться труд “инородцев” из Средней Азии, Закавказья, Сибири, Дальнего Востока (китайцев) и т.д. (запрещалось лишь нанимать лиц иудейского вероисповедания) и даже арестантов¹⁶. Привлекались также подростки, женщины (ср. документ 1)¹⁷, местные крестьяне¹⁸.

Хотя материальное обеспечение дружин было задачей Земгора, руководство работами (как и санитарный надзор) осуществлялись военными властями — начальником инженеров армии и — непосредственно — курировавшими тот или иной строительный участок старшими производителями работ. (Так, 13-я дружина, прикрепленная к участку Лемешевичи-Лопатино (в районе расположения 3-й армии) находилась в ведении подполковника Заглядимова (ср. документ 7)¹⁹). В обучении дружинных кадров участвовали офицеры инженерного корпуса, многие задания выполнялись совместно с саперами²⁰.

Основная деятельность состояла в укреплении позиций (сооружении окопов, блиндажей, брустверов, проволочных заграждений), строительстве временных жилищ в прифронтовой полосе, производстве “подрывных, минных, дорожных и мостовых работ”²¹. При дружинах имелись склады²² и собственные мастерские — лесопильные, железо-обозные, шорно-седельные, сапожные, картузные и т.д.²³. Условия были тяжелыми: не хватало инструментов, одежды, а иногда и продовольствия (ср. документ 6), рабочий день длился 12 часов летом и 10 зимой²⁴.

Обязанности служащих распределялись таким образом. Кроме начальника и его помощника, в штате были инженеры и техники, ведавшие технической стороной работ; ответственный за имущество кладовщик; заведующий хозяйственной частью, занимавшийся приобретением всего необходимого и осуществлявший контроль за столовыми; счетоводы и другие служащие канцелярии; врач; заведующие обозом, мастерскими, телефонами²⁵.

Административная сторона управления рабочими была возложена на заведующего партией и его помощников — заведующих

отделами (в дружинах обычно было четыре рабочих отдела соответственно четырем обязательным отрядам²⁶), которым, в свою очередь, подчинялись табельщики и десятники²⁷. В их обязанности входило: “поддержание установленного порядка <...>, наблюдение за жилищами, продовольствием <...>, правильностью учета и записи заработка в расчетные книжки, разбор жалоб и недоразумений между рабочими, принятие их претензий”²⁸. Как известно, Блок прошел путь от табельщика до заведующего партией.

Бумаги 13-й инженерно-строительной дружины публикуются полностью по автографам, находящимся в блоковском фонде РГАЛИ (ф. 55, оп. 1, № 6), с сохранением синтаксиса и в том порядке, в каком хранил их Блок. В комментариях использованы материалы РВИА — фондов Комитета инженерно-строительных дружин Западного фронта (ф. 12643) и Управления начальника инженеров 3-й армии (ф. 215).

¹ Ср.: Венгров Н. Путь Александра Блока. М., 1963. С. 324 — 325; Турков А. Александр Блок. М., 1969. С. 260 — 261; Орлов В.Н. Гамаюн: Жизнь Александра Блока. Киев, 1989. С. 479 — 483; а также специально посвященную теме “Блок в 13-й дружине” вступ. статью А.В.Лаврова к публ.: В.Ф.Пржедпелский (Юрий Туманов). Блок на фронте // Публ. А.В.Лаврова // Русская литература. 1980. № 4. С. 151 — 154.

² Ср. указанные монографии Н.Венгрова, А.Туркова, Вл.Орлова. В некоторых фундаментальных работах о Блоке период службы в дружине вообще не отражен (Горелов А.Е. Гроза над соловьиным садом. Л., 1973; Долгополов Л.К. Александр Блок: Личность и творчество. Л., 1978).

³ Лавров А.В. Указ. соч. С. 151.

⁴ З.Г.Минц высказывала эти соображения в беседах с автором в 1984 — 85 годах. Ср. также: Минц З.Г. Блок // Русские писатели: 1800 — 1917: Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 281.

⁵ Здесь и ниже ссылки даны на издания: Блок А.А. Собр. соч.: В 8 т. М.-Л., 1960 — 1963 (первая цифра в скобках — том, вторая — страница), а также: Блок А.А. Записные книжки. М., 1965 (далее “ЗК” с указанием страницы).

⁶ Ср. свидетельства Блока, относящиеся к периоду службы в дружине: 8, 476; Блок А.А. Письма к родным. Л.-М., 1932. Т. 2. С. 326 (ниже — “Письма к родным. 2” с указанием страницы).

⁷ См. мою статью в настоящем сборнике.

⁸ ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, № 373, л. 12.

⁹ 8, 466 — 478; Лит. наследство. Т. 89; Блок А. Письма к жене. М., 1978. С. 361 — 367; Письма к родным. 2. 304 — 337; Толстой А.Н. Падший ангел // Последние новости. Париж, 1921. 21 авг. № 413. С. 2; Лех В. (В.Ф.Пржедпелский). Блок в Парохонске // А.Блок в воспоминаниях современников. М., 1980. Т. 2. С. 141 — 145; В.Ф.Пржедпелский (Юрий Туманов). Указ. соч. С. 154 — 159; Глинка В. Его зовут Александр Блок // Аврора. Л., 1981. № 3. С. 130 — 138.

¹⁰ См.: Акимова Г.С. Из истории организационного устройства Земгора (Главного по снабжению армии комитета) // Труды МГИАИ. М., 1970. Т. 28. С. 472.

¹¹ Земгор: Полтора года работы главного по снабжению армии комитета Всероссийских Земского и Городского Союзов. Июль 1915 г. — февраль 1917 г. М., 1917. С. 38.

¹² РВИА, ф. 2125, оп. 1, № 196, л. 18, 25.

¹³ Свод законов Российской империи. Изд. 1915 года. Т. 4: Устав о воинской повинности. Пг., [б. г.]. С. 74, 118 — 119.

¹⁴ Блок был ратником ополчения 2-го разряда 1902 года (ср. ЗК, 319, а также список служащих 13-й инженерно-строительной дружины — РВИА, ф. 12643, оп. 1, № 12, л. 16 об.), призыв которых был проведен 20 сентября 1916 года (см.: Россия в Мировой войне 1914 — 1918 года (в цифрах). М., 1925. С. 18). Относящиеся к 7 июля 1916 года блоковские слова “Я<...> призван” (ЗК. 313; ср. VIII. 464) следует понимать как “узнал о сроке предстоящего призыва”.

¹⁵ Земгор: Полтора года работы... С. 40; Бюллетень Главного по снабжению армии комитета. 1916. № 45 (30 июля). С. 6.

¹⁶ Бюллетень ...№ 45. С. 6; № 58 (16 сентября). С. 2. Ср. письма Блока — VIII, 471, 473.

¹⁷ Использование женского труда в прифронтовой полосе вызвало неудовольствие местных военных властей, с которым, ввиду нехватки рабочей силы, Земгор не считался (ср. РВИА, ф. 2115, оп. 1, № 42, л. 19; ф. 2115, оп. 1, № 239, л. 149).

¹⁸ Крестьян отпускали на период сельскохозяйственных работ (ср. РВИА, ф. 2115, оп. 1, № 239, л. 281).

¹⁹ В архиве сохранилась официальная переписка подполковника Заглядинова, где, в частности, идет речь о 13-й дружине (РВИА, ф. 2115, оп. 1, № 42, л. 19).

²⁰ “Инструкция добровольным инженерным дружинам, находящимся на работах по укреплению позиций военных строителей” — РВИА, ф. 2115, оп. 1, № 196, л. 26.

²¹ “Временное положение об инженерных строительных дружинах, партиях рабочих при них и комитетах” — Там же, л. 25. Ср. также описание работ в письме Блока от 28 августа 1916 года — VIII, 473) и отчет военного начальства о работе 13-й дружины от 23 января 1917 года (РВИА, ф. 2115, оп. 1, № 42, л. 19).

²² Склад 13-й дружины находился на станции Ловча (см.: Письма к родным. 2, 317).

²³ Земгор: Полтора года работы... С. 38.

²⁴ Бюллетень... № 41 (14 июля). С. 4; “Временное положение...” — РВИА, ф. 2115, оп. 1, № 196, л. 25.

²⁵ См. первый раздел “Инструкции Инженерно-Строительным Дружинам” — “Администрация Дружины, ее обязанности и взаимоотношения”: Известия Главного Комитета по снабжению армии: [В надзаг. “Всероссийские Земский и Городской Союзы”]. 1916. № 13 (1 марта). С. 60 — 61.

²⁶ См. § 9 “Временного положения...” (РВИА, ф. 2115, оп. 1, ; № 196, л. 25).

²⁷ В архиве имеются списки служащих дружин Земгора, в том числе 13-й дружины (см.: РВИА, ф. 12643, оп. 1, № 12, л. 16 — 18).

²⁸ Известия Главного Комитета... № 13 (1 марта). С. 61.

Кому Г-ну Начальнику 13-ой Инженерно-Строительной Дру-
жины

1916 г. 4 августа

№ 96 Место отпр<авления> ок<олица> Черново¹.

4-го августа в 5 ч. вечера десятник Русаков привез 17 женщин на трех подводах², сопроводительного списка с указанием условия найма нет. По практике саперных войск поденная плата женщине 80 к. и мужчине 125 к. на их харчах.

В окрестностях Черново имеется много беженцев, а теперь с полей закончена уборка³. Прапорщик А.К.Благовещен<ский?>, работая параллельно с нами за наше время пребывания в околице Черново набрал 70 рабочих и ежедневно прибывают новые желающие. Военные⁴ хотят нам передать столь выгодных рабочих, но это выполнимо при единственном и неперменном условии еженедельной выплаты заработка (принято воскресенье).

Одновременно с сим препровождаются в Ваше распоряжение отказывающиеся как от непосильной работы №№ 237 и 238⁵ типографский накладчик и наборщик, записанные в имеющиеся у меня списки чернорабочими, но и в наилучшем случае это только подростки. Список — лист бумаги с пометками без печатей и подписей. Московская партия — сплошные отбросы⁶. Извиняюсь, повторяю: необходима согласованность питания Дружины и отрядов. Рабочие ждут расчетных книжек и уплаты, возможна вторая забастовка. Покорнейшая просьба прислать толковых заведующего отрядом, техника — теперь одному с кладовщиком и десятниками очень трудно будет справляться со всем хозяйством отряда. Присланный с подводами рабочий № 261 требовал с меня овса и на мой отказ, что у нас очень мало и что бывшие сегодня подводы с Парохонска имели свое сено и овес, начал грубить и продолжал еще ругаться на всю улицу. 2 августа забастовка, а сегодня ругань⁷.

Инж<енер> Лукашевич⁸

Текст от руки на бланке (типографским способом отпечатано: “Кому”, “№” и “Место отпр.”).

¹ Деревня Черново, где работал единственный в то время (позже — 1-й) отряд, находилась в 5-6 верстах от позиций и в 30 верстах к юго-западу от имени Парохонск, где располагался штаб дружины (см.: Лит. насл. Т. 89. С. 362). В течение августа-сентября 1916 года 1-й отряд перемещался --- в деревню Колбы, затем в Лопатино. С 11 августа по конец сентября в этом отряде служил Блок, до и после этого живший почти все время в штабе (ср.: Там же. С. 363 — 364;

Письма к родным. 2. 305). См.: Специальная карта Европейской России / Под редакцией Стрельбицкого. Пг.: Издание Главного штаба, 1915. Квадрат 16.

² См. сноску 17 к вступ. статье.

³ См. сноску 18 к вступ. статье.

⁴ Имеются в виду саперы, работавшие в это время в той же местности (см.: РВИА, ф. 2115, оп. 1, № 42, л. 5 — 6 об.).

⁵ При поступлении в дружину рабочим взамен паспорта выдавалась номерная бляха (ср. РВИА, ф. 2115, оп. 1. № 239, л. 198).

⁶ Ср. сходное мнение Блока — VIII, 471.

⁷ Ср. сообщение Блока в письме к Л.Д.Блок от 9 августа: “Дела в дружине еще не налаживаются, рабочие уходят, мы уже вызывали стражников” (Лит. насл. Т. 89. С. 363).

⁸ О начальнике 1-го отряда Я.В.Лукашевиче Блок упоминает в письмах несколько раз (чаще не называя фамилии). По определению поэта, это был человек “страшно нервный, довольно суетливый” (VIII, 470), “не плохой, но больной (истерией)” (Письма к родным. 2. 313); из-за его тяжелого характера в отряде произошла ссора, в результате которой большинство служащих переехало в штаб (ср.: Там же. С. 312; В.Лех. Указ. соч. С. 143 — 144).

См. также: Письма к родным. 2. 318, 478; В.Ф.Пржедпелский (Юрий Туманов). Указ. соч. С. 156 — 157.

2

Удостоверение¹

Настоящее удостоверение заменяющее собою вид на жительство, хранимый в Дружине, выдано Александру Александровичу БЛОКУ в том, что он состоит на службе в качестве Заведующего Отделом² в 13-ой Инженерно-Строительной Дружине, что подписом³ с приложением печати и фотографической карточки удостоверяется.

Начальник 13-й Инженерно-
Строительной Дружины

Л.Катонин⁴

Делопроизводитель

<неразб.>

Примечание: Выписка из ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного 22 мая с/г. положения об Инженерно-Строительных Дружинах и Комитетах⁵.

§ 18 Все Чины Инженерно-Строительных Дружин и Управлений Комитетов в случае призыва зачисляются на действительную военную службу с оставлением на занимаемых ими во время призыва должностях⁶.

Текст машинописный, кроме подписей [от руки] и должностей (штампы) В левом верхнем углу листа — печать:

Всероссийский Земский и Городской Союзы

Главный комитет по снабжению армии

13-я инженерно-строительная Дружина

13 августа 1916

№ 381

Действующая армия

(Число, месяц, последняя цифра года и номер внесены от руки).

¹ Ср. § 23 “Временного положения об инженерных строительных дружинах ...”: “Каждому чину дружин <...> выдается соответственное удостоверение взамен вида на жительство, хранящегося в канцелярии дружины” (РВИА, ф. 2115, оп. 1, № 196, л. 25).

² Заведующим рабочим отделом Блок был назначен 1 ноября (Письма к родным. 2, 316), что не согласуется с датой удостоверения. По-видимому, оно было выдано задним числом.

³ Канцеляризм. Ср.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1 — 4. М., 1955. Т. 3. С. 196.

⁴ Леонид Иванович Катонин (1876 — 1936) — архитектор. См. упоминания о нем у Блока. — Письма к родным. 2. 316 — 317; VIII, 465, 485 — 486; Лит. насл. Т. 89. С. 362; а также: Лит. насл. Т. 92, кн. 3. М., 1982. С. 81, в коммент. неверно указан год рождения Л.И.Катонина: 1896.

⁵ Очевидно, имеется в виду “Временное положение об инженерных строительных дружинах, партиях рабочих при них и комитетах”, утвержденное 4 июня 1916 года, § 18 которого дословно совпадает с приведенным ниже (см.: РВИА, ф. 2115, оп. 1, № 196, л. 25).

⁶ О порядке призыва служащих дружин см. вступительную статью.

Удостоверение

Дано сие Александру Александровичу БЛОКУ, табельщику 13-ой Инженерно-Строительной Дружины в том, что он командирован мною по делам службы в г. ПЕТРОГРАД и в гор. МОСКВУ и для обратного следования к месту стоянки Дружины¹.

И.о. Начальник 13-й Инженерно-
Строительной Дружины

Инженер Б.Тераевич²

Делопроизводитель

<неразб.>

Машинопись; от руки — подписи и “И.о.” должности, — штампы. В левом верхнем углу печать дружины (см. ком. к предыдущ. документу), в которую вписаны дата (14 октября 1916 г.) и номер (1345).

¹ Поездка Блока была связана с необходимостью присутствовать на репетициях драмы “Роза и Крест” в Московском Художественном театре. Этого, однако, не потребовалось, и поэт побывал лишь в Петрограде (см.: Герасимов Ю.К. “Роза и Крест” в Московском Художественном театре // Блоковский сб. 1. Тарту, 1964. С. 524; ком. Вл. Орлова к письму Блока от 4 сентября 1916 г. — Лит. насл. Т. 89. С. 365 — 366). Дата удостоверения, по-видимому, ошибочная: поэт находился в отпуске с конца сентября по 2 ноября 1916 года.

² Богдан Феликсович Тераевич, ратник 2-го разряда 1903 г. (т.е. 1881 года рождения), фигурирует как второе лицо после Л.И. Катонина в списке служащих 13-й дружины (РВИА, ф. 12643, оп. 1, № 12, л. 16 об.). О помощнике начальника дружины Блок несколько раз упоминает в письмах: ср. характеристики, данные поэтом Л.И. Катонину и Б.Ф. Тераевичу: “Начальник милый, совершенно безвольный, помощник его — инженер, поляк, светский, не милый, но тоже безвольный” (Лит. насл. Т. 89. С. 362. См. также: Письма к родным. 2, 316, 317).

4

Его Высокоблагородию Господину Начальнику 13-й
Инженерно-Строительной Дружины

Мастеровых и рабочих при
лесопильных и главных
мастерских¹

Прошение

Ввиду происходящих беспорядков на кухне, а именно при одном котле и поваре находятся прежде 4, а теперь целых шесть женских прислуг чего нигде в дружинах не было видно.

Пайка отпускаемого нам из кладовой от эконома вполне бы было достаточно², но вот именно и происходят беспорядки, повар имея столько помощниц надеется на них и манкирует своей службой, а помощницы имея каждая любовника и много еще поклонников раздают и расхищают провизию как в сыром, так и в вареном виде.

Табельщик Мясников не знаем по чьему приказанию сменил прежних 4 помощниц и поставил каких-то шесть новых по-видимому проституток, по словам одного из наших слесарей Иншова, прежние были разнузданного поведения, а новые еще грязнее и поведением предосудительным, что для гигиенических условий кухни в отношении заразных заболеваний вполне опасно для нас и остальных рабочих. Несмотря на Ваше распоряжение чтобы на кухне не было никаких посторонних лиц — все время как в обед и ужин так и целый день толкуются конноха, а в обеденное время тут же на кухне обедают мелкие конторщики, которые с шуточками пользуются лишним куском мяса и гуще пищей.

Ввиду всего вышесказанного покорнейше просим Ваше Высокоблагородие сменить повара и женскую прислугу заменить мужской, что предотвратит разврат и заразу на кухне, табельщику Мясникову не иметь никакого значения при кухне, по его разгульному поведению, а иметь только выдачу ордеров на обед и ужин.

Надеясь на Ваше внимание остаемся в ожидании благоприятного для нас ответа.

1916 г. Ноябрь. 19-го. Выборные от мастеровых и рабочих П.Семенов, Андрей О<неразб.>, П. и Н.Савельевы, С.Беляев, Г. Дужин, Ив.Бякин, И.Капунов, М.Демидов <?>, Журавлев, Есин<?> Иван, Чекушин Е., Петр Адучаев <?>, Константин Медведев, Сергей Новаль <?>, Нечаев Сергей.

Текст от руки на обеих сторонах листа, с подлинными подписями рабочих; после текста штамп: "13-я Инженерно-Строительная Дружина Получено 19 Ноября 1916 г. № 780" (число и номер вписаны от руки, в штампе ошибочно "1-я"). На листе, наискось — резолюции: "На рассмотрение Г. Начальника Дружины. 19/11 16 г. Заведующий мастерскими 13-й Инженерно-Строительной Дружины А.Шлыков" (должность отштампована) и "Расследовать Заведующему Рабочей Партией. 19/XI 916. Б.Тераевич".

О заведующем мастерскими студенте Шлыкове см.: Письма к родным. 2, 316, 478.

Заведующим рабочей партией Блок в это время не был, но по роду своей деятельности в дружине (зав. рабочим отделом) мог принимать участие в расследовании дела.

¹ О мастерских дружин см. вступ. статью.

² Ср. отчет заведующего Инженерно-строительным отделом Главного комитета по снабжению армии П.Н.Перцова о питании в дружинах: "<...> утром, перед выходом на работу, — чай с хлебом, в полдень, обед — щи, каша и чай. Вечером, по окончании работ, ужин — щи, каша и чай. Щи

иногда заменяются картофельным супом. Каша гречневая или пшенная”
(Известия Главного Комитета по снабжению армии... 1916.
№ 10-11. С. 156).

5

Приказ № 34

На время отсутствия в командировках Заведующего партией и заведующих отделами 1, 2 и 3 отрядов назначаются временно исполняющими обязанности Заведующего партией — Заведующий отделом А.А.БЛОК, Заведующего отделом 1-го отряда — Табельщик В.В.Кржесинский¹, 2-го отряда — Техник П.В.Артемов, 3-го отряда — Помощник заведующего хозяйством Е.И.Попов².

И. о. Начальник 13-й Инженерно-Строительной
Дружины Инженер Б.Тераевич

20-го декабря 1916 года

Машинопись; от руки подпись и “И. о.”, должность — штамп. Вверху листа надпись: “Заведующему рабочей Партии”.

¹ По-видимому, ошибка в инициалах: в списке служащих 13-й дружины числится Владимир Леонтьевич Кржесинский, ратник 2-го разряда 1909 г. (РВИА, ф. 12643, оп. 1, № 12, л. 16 об.).

² Студент-юрист Е.И.Попов упомянут в письмах Блока (VIII, 471; Лит. насл. Т. 89. С. 364. Ср. коммент. М.А.Бекетовой в кн.: Письма к родным. 2, 477). О должностях в дружинах см. вступ. статью.

6

Его Высокоблагородию Г-ну Заведующему Рабочей партией 13-ой инж<енерно>-стр<оительной> Друж<ины>¹

Настоящим покорнейше прошу содействовать скорейшему предоставлению 4-му отряду: белья, теплой одежды, обуви, портянок, рукавиц и шапок.

Считаю необходимым обратить Ваше внимание на то обстоятельство, что в 4-ом отряде, как во вновь сформированном, ника-

ких запасов вышепоименованных предметов нет, между тем списочное число рабочих отряда достигает 130 чел<овек>.

Из них больных и разбитых в полном значении этого слова не менее 15-ти, из остальных 75% одеты лишь наполовину (без сапог, без верхн<ей> одежды, без рукавиц и т.д.).

Помимо того, что правильная постановка дела возможна лишь после того, как рабочие снабжены необходимой одеждой и обувью, и что без этого молодой 4-ый отряд будет сразу загнан в тупик, — отсутствие одежды угрожает здоровью рабочих, создавая опасность эпидемии, особенно грозной в деревне.

Указанное обстоятельство, а также и отсутствие достаточного количества предметов хозяйственного обихода (кипятильников, чайников, кружек, ложек, порционных мисок и др.) и инструмента заставляет меня просить Вас, впредь до уведомления, не направлять в 4-ый отр<яд> новых рабочих.

Вр<еменный> и.о. Начальника 4-го
отр<яда>

В. Пржедпелский²

с. Дубновичи³

Текст от руки. В левом верхнем углу печать 4-го отряда 13-й дружины (дата — 9 декабря 1916 г.; “2-й отряд” исправлен на “4-й”).

¹ Обязанности заведующего рабочей партией вместо заболевшего Н.И.Идельсона исполнял в то время Блок (см.: Письма к родным. 2, 321).

² Владимир Францевич Пржедпелский (1892 — 1952) — инженер, поэт, автор воспоминаний о Блоке (см. о нем вступ. ст. А.В.Лаврова к публ.: В.Ф.Пржедпелский (Юрий Туманов). Указ. соч. С. 152 — 154; ср. также его служебные документы периода работы в дружине — РВИА, ф. 2115, оп. 1, № 196, л. 225 — 226). О трудных условиях жизни рабочих В.Ф.Пржедпелский написал в своих воспоминаниях (Указ. соч. С. 157).

³ Село Дубновичи находилось вдали от позиций, в 10 верстах к северу от железнодорожной станции Парохонск (Специальная карта Европейской России...; Ярмолович В.С. Список населенных мест Минской губернии. Минск, 1909. С. 56).

7

Заведующему Рабочей партией¹

При сем препровождаю копию отношения
Начальника Строительно-Инспекторского отделения
Управления Г. Начальника Инженеров III армии

Согласно приказания Наштарм 3, Начальник Инженеров армии приказал Старшему производителю работ военному инженеру

Подполковнику Заглядимову² произвести расследование во вверенной Вам дружине касательно содержания рабочих, правильного питания их, санитарного состояния и организации такового, т.е. в пределах ст. ст. 2, 7 и 15 Инструкции добровольным Инженерным дружинам, приложенной к приказу Главкозап с.г. за № 92³.

Об изложенном, по приказанию Начальника инженеров армии, сообщаю для сведения.

Вр. И.д. Начальника Отделения Военный
Инженер Подполковник (подпись)⁴
Помощн<ик> Начальника 13-й Инженерно-
Строительной Дружины Инженер Б.Тераевич⁵.

Машинопись (кроме подписи Б.Тераевича — от руки) и его должности (штамп). В тексте сокращено: “Начальник штаба 3-й армии”, “Главный комитет [по снабжению армии] Западного фронта”. В левом верхнем углу печать 13-й дружины (дата — 27 декабря 1916 г., номер — 4616).

¹ Этот и последующие документы адресованы непосредственно Блоку, назначенному заведующим рабочей партией 20 декабря 1916 г.

² О подчиненности дружин Земгора военным властям см. вступ. ст.

³ “Инструкция добровольным инженерным дружинам, находящимся на работах по укреплению военных строителств” была утверждена 2 августа и получена 13-й дружиной 10 ноября 1916 г. (РВИА, ф. 2115, оп. 1, № 196, л. 24). В статьях 2, 7 и 15 шла речь об обязанности начальника инженеров армии и старших производителей работ следить за санитарными условиями и питанием в дружинах (Там же, л. 26 — 27).

⁴ Так в тексте.

⁵ Этот эпизод, по-видимому, имеет в виду М.А.Бекетова, сообщая о злоупотреблениях с продовольствием для рабочих, обнаруженных “отчасти при посредстве Блока, вследствие чего его ожидало <...> повышение, которое не состоялось” (См.: Письма к родным. 2. 481).

Копия. В<есьма?> Срочно.

Командирам 4-х полков и Командующему Артиллерийской бригадой, во все управления, учреждения и заведения, дивизии и частные организации.

По приказанию Начдива, сообщаю для сведения и точного исполнения копию телеграммы Наштакор 31 кавычки В<есьма?> Спешно Начдив 75 Мутвица¹ 26 декабря. Имеются данные из достоверных источников Штазапа дают основание предполагать подготовку противником газовых атак районе севернее расположения корпуса². Принимая во внимание, что противник может воспользоваться именно нашими праздниками для своих выступлений в расчете на ослабление в эти дни бдительности наших войск, Комкор приказал подтверждение приказа корпусу 178 принять особые меры готовности к встрече атак противника — вести тщательное наблюдение за ветром и соблюдать наибольшую бдительность особенно в ночное время 8996 Ремезов Кавычки Яцко.

Верно Ober-офицер для поручений при штабе 75 пехотной дивизии

Штабс-капитан

(подпись)³

Машинопись. В тексте сокращено: “Начальник 75 дивизии”, “Начальник штаба 31 корпуса”, “Штаб [главнокомандующего армиями] Западного фронта”, “Командир корпуса”. На обороте листа надпись от руки : “Господину Заведующему Рабочей партией” и отпечатанный на машинке текст (подпись — от руки, должность — штамп):

При сем препровождаю копию с копии телеграммы Начальника 75 Пехотной дивизии, полученную мною 29-го декабря 1916 года.

Помощник Начальника 13-й Инженерно-
Строительной Дружины Инженер

Б.Тераевич

Внизу, слева — печать дружины с вписанными от руки датой (29 декабря 1916 г.) и номером (4651).

¹ Деревня в 59 верстах к югу от Пинска (Специальная карта Европейской России...; Ярмолович В.С. Указ. соч. С. 129)

² Упоминания о газовых атаках в письмах Блока этих дней отсутствуют.

³ Так в тексте.

ЕГО ВЫСОКОРОДИЮ

Господину Заведующему Рабочей партией 13-й Инженерно-Строительной Дружины

Десятника Мисника¹

РАПОРТ

Настоящим имею честь доложить ВАШЕМУ ВЫСОКОРОДИЮ, что рабочий личный номер 1509 и еще два из мастерских каковых я хорошо номеров на помню² не работают более двух месяцев, а только занимаются картежной игрой обыгрывая рабочих разными шулерствами, а между тем они уже давно рассчитаны с Дружины.

Почему и доношу ВАШЕМУ ВЫСОКОРОДИЮ настоящим рапортом и прошу ВАС удалить с района расположения 13-й Дружины упомянутых рабочих, через посредство местных полицейских властей.

Десятник

1917 года февраля 3 дня

Машинописная копия; подпись отсутствует.

¹ Евсевий Трофимович Мисник, ратник 2-го разряда 1902 года, упоминается в списке служащих 13-й дружины (РВИА, ф. 12643, оп. 1, № 12, л. 17 об.).

² См. сноску 5 к документу 1.

10

Начальнику 13 Инженерно-Строительной дружины

Сообщаю, что с моей стороны не встречается препятствий¹ к выезду на Парохонск бывшего рабочего вверенной Вам Дружины Василия Бахтина (расп<оряжение ?> № 3205).

Капитан	Молчанов
За Дивизионного Адьютанта	
Прапорщик	<неразб.>

Текст от руки. В левом верхнем углу печать:
Командир 13-го легкого

Мортирного паркового
Артиллер<ийского> дивизиона
Февраля 9 дня 1917 г.
№ 545

Д<ействующая> армия

(“Февраля 9”, “Д. армия”, последняя цифра года и номер вписаны от руки).

На листе также приписка Л.И.Катонина:

“Г-ну Завед<ующему> Раб<очей> Партией. Принимая во внимание сие отношение прошу составить расписной лист и отпустить рабочего. Л.Катонин 9/II. 17”, помета рукой Блока: “Снять с учета”, а также печать: “13-я Инженерно-Строительная дружина. Получено 9 фев<раля> 1917 г. № 274”.

¹ Очевидно, рабочий был задействован в строительстве укреплений для артиллерии.

² Документ, по-видимому, касается тех же событий, что и предыдущий (9).

**ПЕРВАЯ ПОПЫТКА КИНОПРОЧТЕНИЯ
ПОЭМЫ А. БЛОКА “ДВЕНАДЦАТЬ”
 (“Видение поэта” И. А. Новикова)**

(Публикация и предисловие А. М. Грачевой)

Создание киносценария “Видение поэта” (1922) по поэме А. Блока “Двенадцать” было не случайным фактом в творческой биографии писателя Ивана Алексеевича Новикова (1877—1959). Молодой литератор, начавший литературную деятельность в самом конце XIX в., в 900-е гг. примкнул к символистскому лагерю. Его ранняя лирика находилась под непосредственным влиянием поэзии Блока.¹ Воздействие это было настолько явным, что подчас доходило до прямых перепевов отдельных блоковских стихотворений.

В 1910-е гг. Новиков отошел от символистской эстетики, критикуя своих былых кумиров — вождей символизма. Лишь один поэтический авторитет остался непоколебленным — Александр Блок.

Постоянное влияние на Новикова творчества Блока усиливалось благодаря редким, но духовно значимым личным встречам с поэтом. Их знакомство произошло в 1907 г. в Петербурге, когда Блок пригласил Новикова на представление драмы “Балаганчик”, а после спектакля позвал в гости, где они просидели и проговорили до рассвета. Новая встреча произошла в том же году в Киеве, где Новиков вместе с Блоком участвовал в “Вечере нового искусства”. Неимущий бессребреник Новиков — прямой прототип Христофорова — героя повести Б. К. Зайцева “Голубая звезда” — одно время жил в Киеве, затем странствовал с лекциями по провинции, крайне редко приезжая в столицу. Новая встреча с Блоком состоялась 4 мая 1912 г., что подтверждается дневниковой записью поэта: “Обедал И. А. Новиков — милые речи” (VII, 143). Последний раз они увиделись в мае 1921 г. в Москве, куда Блок приезжал для выступления на поэтическом вечере. Вспоминая свое последнее впечатление о поэте, Новиков впоследствии запишет: “Словно бы он от жизни уже отходил; еще медленнее подымались

и опускались его веки, но все так же магически важно и просто, прозрачно, хотя и чуть глуховато, звучал его голос, когда он читал свои стихи”². Смерть поэта потрясла Новикова. В 1921 г. он откликнулся на нее циклом стихотворений “Памяти Блока”³. Желание увековечить его имя, дать новую, экранную жизнь его последнему значительному произведению было одним из побудительных мотивов создания Новиковым в 1922 г. сценария по поэме “Двенадцать”. Но были и другие мотивы обращения писателя к блоковскому произведению.

После октябрьского переворота новая власть сразу же оценила огромный агитационный потенциал кинематографа. Как написано в коллективной монографии 1969 г. “История советского кино”: “Среди первых советских кинематографистов не было ни одного известного киноактера и почти не оказалось киносценаристов. Наркомпрос понимал, что создание новых фильмов революционного содержания станет возможным только в том случае, если в кино придут литераторы, стоящие на платформе Советской власти, и крупные актеры. Он обратился к писателям, журналистам, ученым и артистам театров. По его призыву в кинокомитеты пришли работать писатели — А. Серафимович, В. Брюсов, И. Новиков”⁴. Реальная картина прихода в кинематограф различных деятелей искусств не была столь безоблачной, как изображено в процитированной монографии. В частности, в случае с Новиковым все было не так просто. В начале 20-х гг. он крайне пессимистически и скептически относился к происходящему в России, хотя по складу характера не был способен к выражению активного протеста. Подобные настроения отражались в его прозе тех лет, что препятствовало ее публикации. Работа в кинематографе была для Новикова средством заработка, службой, дававшей возможность содержать жену и двух приемных детей. Он стал членом художественной коллегии Всероссийского фото-кино отдела. За период с 1919 по 1927 г. под псевдонимом И. Алексеев он написал сценарии фильмов “Алешкина дудка” (1919), “Володя и Володька” (1919), “Дети учат стариков” (1920), “Домовой-агитатор” (1920), “Все в наших руках” (1921), “Деревня на переломе” (1921), “Неоплаченное письмо” (1927)⁵. Сразу же отметим, что в списке сценариев Новикова, зафиксированных справочниками, инсценировка “Двенадцати” не указана.

За исключением сценария фильма “Неоплаченное письмо”, все остальные были созданы Новиковым для самой ранней формы советской игровой картины, доминировавшей в начале 20-х гг. — так называемой агитки. Они были посвящены “злобе дня” и наглядно иллюстрировал тот или иной политический лозунг. Для примера рассмотрим сценарий 1920 г. “Домовой-агитатор”, полу-

чивший первую премию на конкурсе Всероссийского фото-кино отдела. Конкурс состоялся в июле 1920 г. под девизом “Продовольствие для рабочих, солдат, трудящихся”. Фильм иллюстрировал лозунг о необходимости смычки между городом и деревней. Городской домовой в цилиндре являлся к крестьянину и, вскочив к нему на спину, переносился с ним в город. Там он наглядно показывал, как голодающим рабочим нужен спрятанный крестьянами хлеб. Прямая политическая задача диктовала и ее прямое кинематографическое решение. Новиков, работая в молодом советском кинематографе, очевидно, осознавал недостаточность отражения темы современности подобными однодневками. Стремясь создать сценарий фильма, более глубоко затрагивающего эту тему, писатель обратился к поэме “Двенадцать”.

Сценарий “Видение поэта” — не простое переложение фабулы “Двенадцати” с привычным для тогдашних экранизаций литературных произведений педалированием любовной интриги. Примечательно, что в 1926 г. Ю. Тынянов в статье “О сценарии” продолжал сетовать на примитивизм кинопрочтения литературы, говоря, что “даже «инсценировка» в кино «классиков» не должна быть иллюстрационной — литературные приемы и стили могут быть только возбуждателями, ферментами для приемов и стилей кино <...> Кино может давать *аналогию* литературного стиля в своем плане”⁶. Подобный упрек критик не смог бы сделать сценарию Новикова, в котором ритм поэмы был органично переведен на язык кино, в ритм, понимаемый, пользуясь определением Тынянова, как “взаимодействие стилистических моментов с метрическими в развертывании фильма, в ее динамике”⁷.

Тексту сценария было предпослано “Вступление”, поясняющее задачу автора и эстетические принципы грядущей экранизации. “Сценарий, — писал Новиков, — построен не по обычному типу сценариев, где все — в одной фабуле. Это диктуется самой темой: через душу поэта — душа революции. Опорные точки — «видения» поэта. Основной лейтмотив: ветер, метель. Этой стихией должно быть насыщено все, и все ей подчинено. По какому закону? По закону музыки, ритма. Лента должна быть насквозь — ритмична”.

Центральная тема фильма — осмысление поэтом революции как исторического этапа, обусловленного прошлым и таящего в себе будущее России. Новиков расширил источники сценария. Среди них — не только поэма “Двенадцать”, но и лирика Блока, посвященная теме России: цикл “На поле Куликовом” (1908), “Россия” (1908), “Новая Америка” (1913), “Грешить бесстыдно, непробудно...” (1914). После титра-заглавия следует общая надпись-титр: “Центральной части поэмы предшествуют видения старой Руси и замыкают ее видения будущего. Все надписи взяты из стихов А. Блока”.

Каждая из частей кинопоэмы имеет свой заглавный титр-эпиграф, как бы концентрирующий внимание на ее лейтмотивной теме. Первая часть озаглавлена “Россия, нищая Россия...”. Здесь Новиков ввел главного лирического героя — Поэта, взгляд которого на русскую историю как бы материализуется в чередующихся видениях. Введение субъективной точки зрения как определяющей обусловило возможность моделирования сложной художественной структуры фильма. Одно событие или деталь сменяется другим, динамика их чередования обусловлена только внутренней гармонией единого поэтического видения мира. Весь сценарий основан на активнейшем использовании метода монтажа. Уже после написания сценария Новикова в среде кинематографистов разгорелись споры о допустимости и мере использования монтажа в кино. Любопытно, что и такой практик, как С. Эйзенштейн, и занимавшиеся теорией кино филологи Ю. Тынянов, В. Шкловский будут сравнивать язык монтажа с языком поэзии. В сценарии Новикова использование монтажа позволило создать кинопоток поэтических образов — видений России. Заданное сценаристом использование одних и тех же актеров на роли героев разновременных эпизодов, проходивших перед мысленным взором поэта, подчеркивало внутреннее единство русской истории. В конце, как и в начале части, все окутывала метель, из которой вырастали фигуры “двенадцати”.

Вторая и третья части кинопоэмы являются непосредственным преломлением сюжета Блока. В сценарии Катька, Петруха, Андриях представляли как ипостаси одних и тех же коренных народных типов. Новиков и тут использовал приемы совмещения разных пластов киноповествования, повторяемость отдельных сцен, двойничество обликов разных героев. Лицо Катьки впервые возникало в историческом прологе — портрете “старой Руси”. Новиков сопровождал ее явление ремаркой режиссеру: “Это лицо и «Хозяйки» Достоевского, и Грушеньки, и Катерины из «Грозы», и «рыжей бабы» из «Серебряного голубя». Да и Катюши Масловой. Суммарный и индивидуальный, пленительный образ <...> Это лицо надо найти. Оно же будет и позже: в самих «Двенадцати» — «Катя толстоморденькая» — и в эпилоге. Это инообличья одного и того же образа”.

В сценарии Новикова яркими мазками дана панорама явлений революционного бытия (поджоги усадеб, митинги на площадях, бои на баррикадах). Эпизоды возникают как порывы единой снежной метели — блоковского символа революции. Новиков ввел коллективного героя этих событий — революционную массу. На этом фоне возникали “двенадцать”.

Во “Вступлении” Новиков писал: “«Двенадцать» <...> надо найти. Они должны и различествовать между собою, и иметь значительное общее — внутреннее. Лица? — Да, скифы, обернувшиеся к «Европе» своей «азиатскою рожей». Фигура: не гренадеры, среднего роста, скорее коренастые, но вот — кажутся в метели почти великанами; неудивительно, если бы они зашагали на поларшина над панелью: ибо их несет космический ветер. Также не должно быть удивительным и то обстоятельство, что они то вместе, то порознь — в разных местах; они вездесущи, ибо они — ветер; ибо они — символы”. В сценарии даны специальные указания средствами монтажа показать символический характер этого образа: кадры “96—100. В разных концах Петербурга, во всевозможных, скрещивающихся направлениях, как видение, как летучий голландец <...> рожденные метелью, сами метель — двенадцать”.

Один из “двенадцати” (Петруха) убивает Катюку, и эта драма героев осмысляется как разрушение вихрем революции старой России, одним из многих ликов которой является Катюка. В этом разрушении есть и нарушение гармонии, некое кощунство. Новиков был религиозным человеком, это необходимо учитывать при его истолковании финала блоковской поэмы. В конце третьей части его кинопоэмы “двенадцать” идут в метели. “Вьюга завивает нечто вроде креста”. “Двенадцать” стреляют в него. “Нечто вроде креста” возникает вновь. Они снова собираются стрелять. Последний кадр этой части таков: “Крупно лица залегших на снегу. Боязно”. Таким образом, в новиковском варианте финал открыт: обе противостоящие силы — не сломлены, но “двенадцати” — “боязно”.

Четвертая часть сценария — изображение России будущего. В качестве титров Новиков использовал строки из стихотворения Блока “Новая Америка”. Вновь возникают лица Петрухи и Катюки — “инообличья” людей новой России, склоняющихся над книгой Блока “Двенадцать”.

Таким образом, киносценарий И. Новикова “Видение поэта” был эстетически корректным “переводом” поэмы Блока на язык Великого Немого. Почему же он не был воплощен на экране и даже исчез из списка киносценариев, созданных Новиковым? Несмотря на финальное изображение счастливого будущего Советской России — “новой Америки”, этот сценарий не мог стать основой агитки на тему “Революционный держите шаг! Неугомонный не дремлет враг!”. Хотя в нем была отражена любовная фабула поэмы Блока, но поставленный на его основе фильм не мог также влиться в поток “оживленных” экзотикой революционной современности мелодрам начала 20-х гг., которые называли общим понятием “старые песни на новые слова”. Сценарий Новикова не укладывался ни в наезженные рельсы поновлен-

ного коммерческого кино, ни в “железный поток” правоверных революционных картин. Он был рассчитан на режиссера-новатора, который свободно, без цензурных ограничений мог поставить фильм о трагической символике революционной бури. Но такая встреча не состоялась.

Текст сценария публикуется по авторизованной машинописной копии, предоставленной публикатору покойной дочерью писателя — М. Н. Новиковой-Принц. Ныне текст сценария хранится в РГАЛИ, в фонде И. А. Новикова (ф. 343).

¹ Подробнее см.: *Грачева А. М.* Блок и И. А. Новиков: (Литературные контакты) // *Александр Блок: Исследования и материалы.* Л., 1991. С. 78—99.

² *Новиков И. А.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1967. С. 362.

³ *Новиков И. А.* Памяти Блока / Публикация А. М. Грачевой // *Александр Блок: Исследования и материалы.* Л., 1991. С. 100.

⁴ *История советского кино.* Т. 1. 1917—1931. М., 1969. С. 18.

⁵ *Сценаристы советского художественного кино.* М., 1972. С. 255.

⁶ *Тьянянов Ю. Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 324.

⁷ *Тьянянов Ю. Н.* Об основах кино // Там же. С. 339.

И. АЛЕКСЕЕВ (И. А. Новиков)

ВИДЕНИЕ ПОЭТА

(ДВЕНАДЦАТЬ)

Вступление

Сценарий построен не по обычному типу сценариев, где все — в одной фавуле.

Это диктуется самой темой: через душу поэта — душа революции. Опорные точки — “видения” поэта. Основной лейтмотив: ветер, метель.

Этой стихией должно быть насыщено все, и все ей подчинено. По какому закону? По закону музыки, ритма.

Лента должна быть насквозь — ритмична.

Пролог — старая Русь: “Россия, нищая Россия...”. Он необходим, чтобы видеть, откуда налетела эта метель и из какой коренной национальной стихии поэт принимает и это (т. е. “двенадцать”). После пролога мы уже знаем, какими глазами глядит он, и тем острее впечатление приятя. Это старая Русь сама себя принимает в новом облике, правда, искаженном муками рождения.

Эти “искажения” (ими изобилует центральная часть и поэмы и кинопоэмы) незачем затушевывать и как-нибудь подслащивать, напротив; здесь тот же художественный прием: все вижу, знаю, да-

же подчеркиваю, но и сквозь это все — приемлю. Такова и была художественная позиция поэта.

О Кате довольно сказано в самом сценарии. “Двенадцать” так же, как и ее, надо найти. Они должны и различествовать между собою, и иметь значительное общее — внутреннее.

Лица? — Да, скифы, обернувшиеся к “Европе” своей “азиатскою рожей”.

Фигура: не гренадеры, среднего роста, скорее коренастые, но вот — кажутся в метели почти великанами; неудивительно, если бы они зашагали на пол-аршина над панелью: ибо их несет космический ветер.

Также не должно быть удивительным и то обстоятельство, что они то вместе, то порознь — в разных местах; они вездесущи, ибо они — ветер; ибо они — символы.

В собственно фабульной части — резкая светотень в постановке; это оправдано и внешне, и внутренне: это — остро.

Эпилог — не из “Двенадцати”, а другой, но блоковский же, только “мессия” в нем: черный, подземный, каменный уголь. К этому будущему веет у поэта мировой ветер и шагают герои “Двенадцати”.

ВИДЕНИЕ ПОЭТА

(“Двенадцать” Александра Блока)

Кинопоэма в 4 частях, с эпилогом.

Общая надпись:

Центральной части поэмы предшествуют видения старой Руси и замыкают ее видения будущего. Все надписи взяты из стихов А. Блока.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ (Пролог)

Россия, нищая Россия...

1. — Пустынная местность. Зима. Ветер кружит метель. Одинокая фигура поэта. Лица не надо. Со спины. Он несколько к левому

углу. Четко очерчены плечи, спина. Падают на них снежные хлопья. Ветер играет полою пальто. Надувает его, как парус, и опадает; и играет опять. В фигуре чувствуется устремленность, внимательный, пристальный взгляд, пронизывающий вьюгу. Делает шаг; останавливается. Жест рукой. Метель стихает, редет, и возникают, одно за другим, видения: Россия.

2. — Проселочная дорога. Тройка кляч. Въезжают на изволок. На сиденье та же фигура поэта, также спиной. Снимает шляпу. Ветер взвихривает недлинную прядь волос надо лбом. Движение руки, поправляющей волосы. Повозка на взлобе пригорка; чувствуется впереди — даль и простор.

3. — Поэт один на пригорке. Он сидит на камне одинокою вещью птиц. Ветер колышет клокастую крону одинокого дерева. Между ними, за ними — русская даль. Озера. Леса.

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые —
Как слезы первые любви!

4. — Деревня, ряд изб. Пустынно. Соломенные кровли. Баба гонит тощую корову; привязанный на веревке поросенок. Полуголые ребятишки. Пыль.

Там прикинешься ты богомольной,
Там старушкой прикинешься ты...

5. — Проходит навстречу у околицы старушка-богомолка. За плечами котомка; лицо — как пейзаж, изрытый оврагами и с кусочками бородавочек.

Но не старческий лик и не постный
Под московским платочком цветным.

6. — Около церквушки, типичной, российской, чтобы пахло веками, у облупленной стены и старого образа — лицо горожанки-мещаночки.

Это та же — старая Русь, но обернувшаяся цветистой, задорной, играющей затаенною жизнью. Это лицо и “Хозяйки” Достоевского, и Грушеньки, и Катерины из “Грозы”, и “рыжей бабы” из “Серебряного голубя”. Да и Катюши Масловой. Суммарный и индивидуальный, пленительный образ. Плюшевая шубейка и цветной платок, черный брови и уводящий в себя, смеющийся и одновременно глубокий взгляд. Трепет той жизни, за которую — и жизнь не жалко отдать.

Это лицо надо найти. Оно же будет и позже: в самих “Двенадцати” — “Катя толстоморденькая” — и в эпилоге.

Это инообличья одного и того же образа.

Короткий кадр, чтобы было жалко, что он так короток.

7. — Внутренность церкви. Бритые затылки мужиков, кацавейки баб. Кресты, поклоны. Именно без лиц. Только этот — тыл.

Сквозь земные поклоны, да свечи,
Ектеньи, ектеньи, ектеньи —
Шопотливые, тихие речи,
Запылавшие щеки твои...

8. — Опять на краткий срок то же молодое лицо. В руках свеча, воск каплет на рукав. Но молитва — языческая, веселая: лукавый взгляд, длинная ресница, и эти запылавшие щеки — жизнь на устах.

9. — Аппарат передвигается, и — лицо кулака, толстое, заплывшее, как та толстая свеча, которую он держит короткими пальцами. Узкие глазки, в них — сонливость и умиление. Ряд быстрых, деловых крестов; повертывается к выходу.

И под лампадой у иконы
Пить чай, отшелкивая счет...

10. — Он же. Чаепитие: с потом, капающим в чашку, с сахаром в прикуску и с отдуванием щек. Черная сухая головка, с тощими, жиденькими косичками, стянутыми на лбу узкой тесемочкой: хозяйка, жена, раба.

Потом пересклонить купоны.
Пузатый отворив комод...

11. — Показывается и это действие. Снова кресты, раздевание: рядом кровать с пуховиками и горой подушек.

12. — Опять путь и повозка. Деревья и облака; глубокие колеи. Чувствуется, как дребезжит колесо.

И невозможное возможно,
Дорога долгая легка,
Когда блеснет в дали дорожной
Мгновенный взор из-под платка...

13. — Опять эта — та же, радующая сердце и взгляд встреча. Еще раз пленительные глаза и ресницы, улыбка.

Когда звенит тоской острожной
Глухая песня ямщика...

14. — “Владимирка”. Далеко вдаль уходит лента дороги. Бокастые, приземистые ракиты с мрачными дуплами. Пыль и жара. Идут вереницей кандалники.

15. — Попытка побега. Стрельба. Убит. Тело, раскинутое крестообразно.

16. — Поодаль телега с больными арестантами в халатах. Приносят убитого. Потеснились в телеге привычно и как бы равнодушно. Отдельные выразительные лица: тоска в них и затаенность. Но и дикая удаль.

17. — Обернутое с козел лицо ямщика. Оно — бородатое, скуластое, глубоко родственное всем этим, шествующим по Владимирке.

Так я узнал в моей дремоте
Страны родимой нищету...

18. — Повозка скрывается за перелеском.

19. — Кабинет и та же фигура поэта за столом, склоненная над книгой. Это как бы его затуманенный взгляд в прошлое: подвижные полосы тумана заполняют экран; блеснет вода, излучина реки, камыш. Залегшее русское войско. Торчат копыя.

И вдали, вдали о стремя билась,
Голосила мать.

20. — Ратник в кольчуге, отъезжающий под месяцем. Старуха мать с раскинутыми по ветру волосами, в безумной тоске провожает сына на бранное поле.

Я слушаю рокоты сечи
И трубные клики татар...

21. — На самый короткий срок: бритые головы татар, как лавина, текущие в бой.

22. — Короткая сеча: копыя, щиты и мечи. Хрипящие кони.

23. — Поле. Бугор. Копье, вонзенное в землю. Тот самый ратник, который прощался со старухой матерью. В груди стрела. Рука пытается вырвать ее, но опадает в бессилии. На минуту приподнимается, глядит... Лицо его схоже с подстреленным там, с кандалником. Упал, широко раскинув руки.

За тишиною непробудной,
За разливающейся мглой
Не слышно грома битвы чудной,
Не видно молнии боевой.

24. — Опять туман окутывает поле битвы. Сверкает вода и камыш, и все застилают густые полосы тумана: времени.

25. — Поэт закрывает книгу. Встает. Отходит к окну. Все это спиной.

Но узнаю тебя, начало
Высоких и мятежных дней!..

26. — Петербургский вокзал. Толпа народа, провожающая мобилизованных. Отдельная сцена: прощание матери — параллельная сцена из Куликовской битвы.

27. — Вокзальные пути.

Взвод за взводом и штык за штыком...

Посадка; ее характеристика: “Рот смеялся, крестилась рука”. Замигал, раскачнувшись, фонарь. Полосы света, полосы тени. Веселый горнист играет сигнал к отправлению. Движение вагонов. Колеса и буфера...

28. — И опять, как в первой сцене, — метель, метель... Но уже в городе, на улицах Петербурга.

Ты стоишь под метелицей дикой,
Роковая, родная страна.

Неясные фигуры в метели появляются и, как привидения, исчезают. Никого; потом, один за другим, возникают — в мерной, ритмической закономерности настоящие герои поэмы: двенадцать красногвардейцев. Их позы и лица: настороженность и напряженность, ожидание и готовность. Этот их взгляд — как финальный аккорд в музыке; и этот их взгляд — как волевой залп в зрительный зал.

(Конец первой части)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Ветер, ветер —
На всем Божьем свете!

29. — Продолжение прерванного кадра с двенадцатью; двадцать четыре пули глаз.

Затем следует ряд коротких кадров, ритмически согласованных.

30. — Открываются они все тем же мотивом метели. Но движения снежного потока еще острее, напряженнее, резче; в ней как бы открытая злость. На минуту в снежном буране пусть мелькнет лицо “толстоморденок Катя”. Оно и то же, что в прологе, и не то. Озлобленности пока нет (это в дальнейших перипетиях ее собственной истории), но — озорство, слияние со стихией; главное, что останется в памяти: веселый и озорной оскал холодных зубов. Еще через минуту — подобное же лицо Ваньки с солдатской фуражкой, сдвинутой на затылок. Это не лицо одного из двенадцати. Нет ни сосредоточенности, ни внутренней сжатости: дикий и вольный без-

удерж, разгул. И оно тонет в снегу. Но пусть оба эти лица — запомнятся.

Далее кадры непосредственно переходят один в другой. Они должны быть не индивидуально-реалистичны, а суммарно-общие, символистичны. Это уже дело некоторого особого приема режиссера и оператора. Очень надо учесть длительность отдельных кадров и их соотношения, как, впрочем, и вообще для всех кадров в этом сценарии.

И еще замечание: городское — везде Петербург, наиболее выразительные куски его улиц, зданий и площадей.

31. — Видимо, митинг. Площадь. Ветер полощет целой флотилией знамен. Знамена и головы, головы. Ритм движений этих голов, знамен — ритм снежного ветра.

32. — Языки огня — еще более острые, злые; уловить их ритм. Пожар в помещицкой усадьбе. Горит библиотека, книги. Порыв ветра подхватывает рукописи: снова — подобие метели.

33. — Завод. Балки. Машины. Резкая светотень. Толпа рабочих; пробегают как бы электропсихические волны: в одну сторону — качнулись все, в другую — все. Призыв; оратора не надо, он только чувствуется по тому, как сразу все подняли руки, кулаки. Как лавина двинулись вперед: головы... головы... руки. Дать не отдельные лица, а впечатление единой массы. У каждого резко: половина фигуры, лица — в черной тени; другая тонет в ослепительном свете, поглощающем индивидуальные черты, Все одинаковы. все — одно; и одно — живое, непреодолимо цельное.

34 — Улица. Перебежка рабочих; прилегли; выстрелы; побежали; кусочек баррикады; схватка: по ветру буйно плещется флаг.

Завивает ветер
Белый снежок.
Под снежком — ледок.

35. — Пустынный переулок. Передать холод и неуют зданий. Легкая поэмка. Две-три редкие фигуры прохожих: дама; крутит подол; скользит, ветер срывает вуаль; делает за нею резкое движение, падает. Выглянул из калитки старый лохматый пес; уныло поднял морду, повел ею, повыл и повернул назад, волоча свой обвислый зад. Проходит “буржуй”, уткнувший нос в воротник. Порыв ветра. Он рукою запахивает крепче воротник, но скользит и, после эквилибристики, едва удерживается на ногах.

36. — Большая широкая улица. Через нее протянут канат, на канате плакат:

“Вся власть Учредительному Собранию!”

Ветер треплет плакат. Редкие прохожие бегло взглядывают на полотно и, угловатясь, сутулясь, проходят под ним. Останавлива-

ется в недоумении слезоточивая старушка. Ее лицо, комическое недоумение:

Сколько бы вышло портянок для ребят,
А всякий — раздет, разут...

37. — Сбоку, не под плакатом, проходит отряд красногвардейцев. Мерный шаг.

38. — Старушка метнулась от них, как курица, через сугроб.

39. — Унылый перекресток. “Буржуй” стоит, уткнув нос в воротник.

Стоит буржуй на перекрестке...

Некий трюк: он медленно повертывается и глядит в каждый вновь открывающийся переулок, — в каждом перед ним пустыня, уныние.

40. — Наплывы: первый переулок — угол облупленной мокрой стены, забитые ставни, свороченная водосточная труба.

41. — Второй переулок — булочная, поставщик дворов; герб наполовину сорван, зеркальное стекло разбито, наискось оно заколочено, валяются коробки от конфет и печений: мусор.

42. — Повертывается к третьему... Но кадр пока прерывается.

43. — На щите, где выставлена огромная карта России (карта военных действий) бушующий ветер срывает планку и разрывает бумагу — через Польшу на Украину (тогдашнее наступление немцев). Подходит длинноволосый человек (“вития”). Останавливается.

— Предатели!

Покачал головою. Проходит.

44. — Та же улица, что в кадре 36-м. Но плакат с лозунгом об Учредительном Собрании — в глубине; суровый ветер треплет его.

А вон и долгополый —
Сторонкой — за сугроб...

Выбрать лицо и рельефное индивидуально, и суммарно-типическое. Проходит сторонкой и озираясь. Ветер срывает шляпу, едва не валит с ног. Все дрожит под ледяным напором ветра; падает вывеска. Видно, как вдали разрывается посредине и виснет плакат с Учредительным Собранием.

45. — Этот же момент крупно. Старушка еще там. Она присела и удержалась. Потом подходит, берет край полотнища и отрывает кусок, прячет за пазуху.

Проходит торопливо, сторожко и поп; с другой стороны “вития”. Старушка было потянулась к нему за благословением, но он только надвинул шляпу. В прорыв проходит отряд красногвардейцев. Они подмигивают на старушку, другие саркастически — на

попа. Приостановились. Один оперся на ружье, прищемив конец полотнища. “Вития” слился со стеной. К саркастическому взгляду на попа:

Помнишь, как бывало
Брюхом шел вперед,
И крестом сияло
Брюхо на народ?..

46. — Кадр, залитый солнцем и золотом хоругвей. Кусочек крестного хода. Тот же персонаж в сиянии и славе. Нужно подать очень выпукло, но избегая нарочитого комизма, который только ослабил бы впечатление. Шествие прямо на зрителя.

46а. — Тот, что стоял, опершись на ружье, — нарочно, с грубоватою шуткой, приподнял ружье. Поп кинулся в сторону. Красногвардейцы хохочут. При этом движении оторвался еще кусок полотнища. Смеясь, кинули его старушке.

Но вот — тревога пробежала по лицам. Мгновенно все внутренне мобилизовались и повернули к переулку. Несколько пригнувшись, ружья наперевес, устремились туда.

47. — “Вития” стоит у стены. Он бледен, прикрыл рукою глаза.

48. — На несколько секунд перед глазами его краткое видение крестного хода.

49. — Отнял руку, отделился от стены. Потом осторожно поглядел в переулок, куда скрылся отряд.

50. — Удаляющийся отряд красноармейцев. Осторожность, сжатость и сила.

51. — “Вития” подошел к висящим полотнищам.

— Погибла Россия!

Берет одно из полотнищ и выпрямляет. Видно слово: “Собранию”. Но ветер у него вырывает из рук.

51а. — Мрачное здание. Вечер. Одинокий фонарь. Группа уличных женщин.

...И у нас было собрание...

Отдельные лица проституток. Опять: то в глубокой тени, то резко выступают на свет.

...Обсудили —
Постановили:
На время — десять, на ночь — двадцать пять...
...И меньше ни с кого не брать...

Черными тенями расходятся по переулку.

52. — Фонарь. У фонаря — Катя. Впервые — ее настоящее лицо: оно и красиво, но на красоту, как напластования, наложены тяжкие следы. Оно и грустно, и зло.

53. — Костер на улице. Часть ружей составлены в козлы. Но дозор не выпускает их из рук. Греют руки. Курят цыгарки.

Холодно, товарищи, холодно!

54. — Отдельно часть кадра. Андрюха с цыгаркой — стоит. Сидит, мрачно задумавшись, Петруха. Это его слова:

— А Ванька с Катькой — в кабаке...
— У ей керенки есть в чулке!

Это жестом показывает Андрюха.

55. — Общий план. Хохочут. Тревога; хватают ружья. Беспорядочная стрельба.

56. — На минутку — кабак. Ванька обнимет Катьку. У нее “зубки блещут жемчугом”.

57. — Петруха. Один у стены. Он точно видит это. На лице морщины, страдание. Рука невольно шарит на груди.

Свобода, свобода,
Эх, эх, без креста!
Катька с Ванькой занята —
Чем, чем занята?..

58. — Запрокинутое лицо Катьки, и над нею Ванькина “дурацкая физиономия”.

59. — Опять один Петруха. Он срывается с места и хочет бежать, но останавливается.

Злоба, грустная злоба
Кипит в груди...

Подходит товарищ. Движение руки: вперед!

60. — Оба, принагнувшись, быстро идут сквозь тьму.

Товарищ! Гляди
В оба!

Прилегли. Выстрелы.

Черная злоба, святая злоба...

61. — Опять Петруха один. Метель поднимается, усиливается. Он крепко сжимает винтовку, как бы сливается с ней. Эта злоба уже не по своему личному поводу. Он опять — на посту.

(Конец второй части)

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Ах, ты, Катя, моя Катя,
Толстоморденькая...

62. — Кадр: сыплются семечки. Их лущат где-то сверху, и они падают как снег. Постепенно аппарат поднимается. Солдатские ноги, полы шинелей; все усыпано скорлупой. Дальше и головы, фуражки, но и они усеяны, как снегом, шелухой; она падает и падает сверху. Между плеч — новые ноги и новые полы шинелей. Это казармы, нары. Разлагающаяся армия.

63. — Огромная, во весь экран, гармоника, и огромные пальцы, залихватски перебирающие мотив частушки.

64. — Вечер. На посту. Андруха и Петруха в беседе.

— Ванюшка сам теперь богат...

— Был Ванька наш, а стал солдат!

Лицо у Петрухи искажается. Он щелкает затвором.

65. — Та же группа солдат в казарме; семечки и гармошка, табак. Ванька выступает и пляшет по всем правилам солдатской пляски.

66. — Метель все усиливается. Петруха один на посту. Душевная мука, усталость и сон борются с ним. Он на секунду покачнулся... Перед ним возникает, как это было:

67. — Двор фабрики. Петруха выходит с работы вместе с другими. Но он поглядывает по сторонам; ему весело подмигивают.

68. — В темном переулке встреча с Катей. Идут, обнявшись, — нашептывая любовные речи. Встречный офицер заглядывает Кате в лицо.

69. — Кондитерская. Офицер входит с Катей. Та и стесняется, и восхищена великолепием. Садятся за столик. Пирожные.

70. — Отдельный кабинет ресторана. Катя пьяна. Офицер возбужден.

71. — Петруха-рабочий караулит за углом. Нашупывает нож.

Помнишь, Катя, офицера —
Не ушел он от ножа...

72. — Офицер с Катей выходят из ресторана. Делают несколько шагов за угол.

73. — Петруха пропускает их мимо, затаившись. Потом, как кошка, кидается на него сзади с ножом. Офицер падает. Катя отскакивает к сторонке... Петруха хватает ее.

У тебя на шее, Катя,
Шрам не зажил от ножа.

У тебя под грудью, Катя,
Та царапина свежа!

74. — В комнате Кати. Бурная сцена между Петрухой и Катей. Опять сверкнул нож.

75. — Петруха на посту покачнулся, схватился за грудь, но потом со злобою сжал кулак.

В кружевном белье ходила —
Походи-ка, походи!

76. — Катя одна. Перед зеркалом. Она оглядывает шрам от ножа: на шее и на груди. Видно и отражение в зеркало. Обертывается от зеркала и легкомысленно, даже не застегнувшись, нагибается, слегка поднимает юбку и любуется стройными ножками. Потом подходит к шкафу и вынимает, встряхивая на руке, любуясь, кружевное белье.

77. — Катя почти готова, застегивается. Надевает серые гетры. Выходит.

78. — Катя в кабачке. Она самозабвенно отдается разгулу. Юнкера, два-три штатских... Ее уговаривают плясать.

Эх, эх, попляши!
Больно ножки хороши!

79. — Крупный план. Катя пляшет, забыв стыд. Главная гордость ее — кружевное белье, которое надо показать возможно больше.

80. — Из первой части кадр № 8: ее же лицо в церкви.

81. — Ей аплодируют, целуют, вокруг нее юлят. Коробки с шоколадными конфетами. Она берет горстью и ест.

Эх, эх, освежи,
Спать с собою положи!

82. — Один из военных увлекает ее. Передняя. Пьяный — тискает ее грудь, целует шею.

83. — У подъезда. Лихой извозчик. Кавалер подсаживает Катю...

84. — Искривленное больною судорогой лицо Петрухи.

С юнкерем гулять ходила —
С солдатъем теперь пошла?

85. — Залихватская физиономия Ваньки. Он подфабрирует усы перед зеркальцем. Пересчитал деньги, переслюнивая перед каждой бумажкою пальцы. Потом спрятал их, провел пальцами по губам и еще раз тронул усы. Вышел.

86. — Катя у фонаря (см. кадр № 52). Подходит Ванька и ухарски увлекает ее с собою.

87. — Петруху сменяют с поста. Он идет. Потом останавливаются: дума о Катьке в глазах.

Эх, эх, согрешил!
Будет легче для души!

Видит своих и примыкает к ним.

88. — Ванька с Катькой садятся на лихача. Ванька вперед показывает пачку керенок. Электрический фонарик выхватывает из тьмы лица. Самодовольное упоение Ваньки. Мучительное отдавание души во власть метели у Кати.

89. — Двенадцать дозором идут среди метели. Между них и Петруха. Навстречу летит лихач. Двенадцать заступили дорогу. Андрюха хватается лошадь под узцы. Петруха забегает сзади. Катя видит его лицо. Хочет выпрыгнуть. Но Ванька крепко ее держит. Снег взметается столбом. Лихач повернул и — наутек!

90. — Погоня за лихачом. Петруха припадает к земле и хватается ружье.

91. — На минуту обернутое в снежной пыли лицо Кати. Сквозь все — на нем предсмертный восторг.

92. — Петруха взводит курок. Лицо искажено. Выстрел.

Трах-тарарах! Ты будешь знать,
Как с девочкой чужой гулять!..

93. — Катя выпадает из саней. Ванька встает во весь рост и гонит вожью лошадей.

Утек, подлец! Ужо постой,
Расправлюсь завтра я с тобой!

94. — Петруха бежит, спотыкаясь, волоча ружье.

95. — Катя лежит на снегу; мертва. Подбегает Петруха, останавливается. Лицо опущено. Недвижим.

Что, Катька, рада? — Ни гу-гу...
Лежи ты, падаль, на снегу!..

Подходит Андрюха, глядит; потом, концом сапога, отодвигает ее, как предмет, мешающий пройти. Подходят остальные. Андрюха грозит вдаль лихачу.

— Ну, Ванька, сукин сын, буржуй,
Мою, попробуй, поцелуй!

Строятся, идут дальше.

96—100. — Метель. В разных концах Петербурга, во всевозможных, скрещивающихся направлениях, как видение, как летучий голландец, вездесущие, рожденные метелью, сами метель — эти двенадцать. Где-то между отдельными кадрами надпись:

Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!

Этот же надписью озаглавлена следующая, четвертая часть.

(Конец третьей части)

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!

101. —

И опять идут двенадцать,
За плечами — ружья.
Лишь у бедного убийцы
Не видать совсем лица...

Проходят двенадцать. Петруха приотстает. Заматывает платок на шею, тяжело дышит. Останавливаются у мрачного подозрительного здания. Часть идет с обыском. Двое остаются на часах. Остальные возле Петрухи. Спрашивают его, отчасти подсмеиваются.

— Ох, товарищи, родные,
Эту девку я любил...
Ночки черные, хмельные
С этой девкой проводил...

Товарищи неодобрительно посмеиваются.

102. — Из подъезда выходят двое; в их числе Андрюха. Выводят какого-то гражданина, опасно сутулящегося.

Неугомонный не дремлет враг!

Андрюха передает его двум другим.

103. — Потом он подходит к Петрухе. Петруха тем временем присел на снегу.

— Ишь, стервец, завел шарманку,
Что ты, Петька, баба что ль?
...
— Поддержи свою осанку!
— Над собой держи контроль!

Выводят из дверей даму в мехах. Андрюха наклоняется и встряхивает Петруху.

— Не такое нынче время,
Чтобы нянчиться с тобой!
Потяжеле будет бремя
Нам, товарищ дорогой!

Поднимает Петруху и передает ему и другому товарищу арестованную даму.

104. — Петруха, сопровождающий арестованную. Она о чем-то просит красногвардейцев, достает деньги. Петруха отрицательно качает головой. Идут дальше.

105. — Они же — лицом к зрителю.

Он головку вскидывает,
Он опять повеселел...
Эх, эх!
Позабавиться не грех!

Петруха заломил шапку набекрень и поиграл ружьем. Дама испуганно откинулась в сторону. Петруха смеется.

Запирайте этажи,
Нынче будут грабежи!

106. — Ряд испуганных обывательских лиц, запирающих ставни.

107. — Другая улица. Андрюха. Тоже провожает буржуйного вида господина. На лице его — веселое удовлетворение.

В зубах — цыгарка, примят картуз,
На спину б надо бубновый туз!

108. — Из первой части кадр № 16: параллельная фигура из кандальников, напоминающая Андрюху.

109. — На перекрестке сошлись. Петруха и Андрюха на одно лицо. Точно давно не видались. Обрадовались. Перекинутыми за спины руками полуобнялись.

В красной гвардии служить —
Буйну голову сложить!

Идут так, по отношению к задержанным — будто и тем должно быть весело: — Ну, ну, пошевеливайтесь! Подбавь шагу!

110. —

Не слышно шуму городского,
Над невской башней тишина.

Издали — Петропавловская крепость.

111. — Вблизи крепостная стена. У стены на карауле один из двенадцати.

И больше нет городского...

Он размеренно шагает на небольшом пространстве. Временами приостанавливается и похлопывает себя руками, греясь от холода.

112. — Перекресток — тот самый, где озирался “буржуй”. Возобновляется прерванное движение (см. кадр № 42).

113. — Наплывы: третий переулочек — унылый пес, гложущий кость.

114. — Четвертый переулочек — такой же как он — буржуй “у стенки”. Выстрел. Он падает. Но и труп приближается, наплывает... Он узнает в нем — себя.

115. — “Буржуй” еще глубже прячет нос в воротник, как бы от трупного запаха, и сутулит плечи. За ним — старый голодный пес. Жуткая, статуарная картина сих двух, прерываемая на минуту надписью:

И старый мир, как пес безродный,
Стоит за ним, поджавши хвост.

116. — Опять в метели все двенадцать — дозором.

Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови —
Господи, благослови!

117. — Засели. Прилегли. Готовы.

118. —

Снег воронкой завился,
Снег столбушкой поднялся...

Вьюга завивает что-то вроде креста. Петька шарается в сторону.

— Ох, пурга, какая, Спасе!
— Петька! Эй, не завирайся!
От чего тебя упас
Золотой иконостас?

119. — Отдельный кадр пурги. Все явственнее в снегу обозначение креста.

120. — Андрюха — один стоит впереди: лицом к залегшим товарищам.

Товарищ, винтовку держи, не трись!
Пальнем-ка пулей в Святую Русь —
В кондовую,

В избяную,
В толстозадую!

121. — Крупно лица залегших на снегу. Боязно.

Эх, эх, без креста!

122. — Но... щелкают затворы.

123. —

Мальчики да девочки,
Свечечки да вербочки...

Ограда сельской церкви. Оттепель. Март. Бабы и мужики — стеной. И негустая вереница детских лиц, освещенных восковыми свечами.

124. — Андрюха махнул рукой и сам присел. Выстрелы. Дымки. Крутящийся вихрь рассеялся.

125. — Брезжит белое утро. У забитых досками окон бывшей булочной собирается очередь — голодная и обтрепанная.

— Хлеба!

126. — Проходят двенадцать. Сзади ковыляет голодный пес. Андрюха отгоняет его.

— Отвяжись ты, шелудивый,
Я штыком пощечочу!
Старый мир, как пес паршивый,
Провались — поколочу!

Пес скалит зубы, поджимает хвост, но не отстает. Тревога. Кто-то впереди.

127. — Голодный сутулый бродяга отделяется от очереди. Приближается к двенадцати. Это как бы его вопрос и их ответ:

— Хлеба!
Что впереди?
Проходи!

Проходят дальше. Лица — как каменные. Шаг державный. Цель — далеко впереди.

Вперед, вперед,
Рабочий народ!

128. — Метель, метель. Двенадцать идут и идут.

(Конец четвертой части)

ЭПИЛОГ

Америки новой звезда

(Идет без перерыва после 4-й части)

129. — Поэт стоит по-прежнему спиной и вглядывается вдаль.
Пустынная степь.

На пустынном просторе, на диком
Ты все та, что была, и не та,
Новым ты обернулась мне ликом,
И другая волнует мечта...

130. — Поле. Дорога. По одну сторону густая пшеница. На дороге стоят: рабочий и работница. Они определенно напоминают Петруху и Катю. Но лица их ясны и отчетливо бодры. Они стоят в беседе. Но вот он сделал рукою жест в другую сторону.

Степь да ветер, да ветер, — и вдруг
Многоярусный корпус завода...

131. — Они стоят на том же месте. Но по другую сторону открывается иной вид — на огромный завод с дымящими трубами.

То над степью пустой загорелась
Мне Америки новой звезда!

132. — Стоит эта рабочая пара. Дальнейшие кадры наплывом.

133—140 (приблизительно). — Несколько коротких кадров из жизни большого, прекрасно поставленного завода. Не предугадываю: что удастся найти. Но кадры эти должны давать впечатление все возрастающей мощи. “Петруха” там за работой. Между кадрами надпись:

Черный уголь — подземный мессия,
Черный уголь — здесь царь и жених,
Но не страшен, невеста, Россия,
Голос каменных песен твоих!

Кадры будут перебиты этой надписью и одним каким-либо кадром из предыдущих частей, где лицо Петрухи, дабы установить тождественность образов — настоящего и будущего.

141—148 (приблизительно). — После последнего заводского кадра картина меняется и несколько кадров сельскохозяйственных работ по уборке хлеба с последними усовершенствованиями. Конечно, и трактор. Также — наплывом. Здесь за работой — она. Опять показать однажды лицо Кати из далекого прошлого: периода двенадцати.

149. — “Катя” на отдыхе в перерыв работы. Подходит и “Петруха”. Он прилег на сноп. Она достает небольшую книжку и не-

долго читает. Задумалась. Лицо сосредоточенное, точно глядит в далекую старину.

150. — Одна рука с книгой. Пальцы закрывают фамилию автора, но сама обложка все приближается к зрителю и на ней явственно, крупно — различим заголовок:

ДВЕНАДЦАТЬ.

Декабрь, 1922 г.

ПОЭТИКА РУССКОГО СТИХА

СЛОВАРЬ РИФМ А. БЛОКА

(Предисловие академика М. Л. Гаспарова.

Составление Т. Ю. Максимовой. Указатель Н. Л. Груздевой)

Словарь подготовлен на основе издания: А.А.Блок. Собрание сочинений. В 8 т. Под общей ред. В.Н.Орлова (и др.). М.- Л., 1960 — 1963. Т. I — III (стихотворения и поэмы). Переводы, шуточные стихотворения, рифмованные отрывки в драмах, а также “другие редакции и варианты” не учитывались. Учтены только концевые рифмы; случаи внутренней рифмовки не отмечались.

Словарь представляет собой алфавитный перечень всех рифмующих слов в стихах А.А.Блока. При каждом слове перечисляются (тоже в алфавитном порядке) все слова, с какими оно рифмуется. Адрес рифмы (т.е. том римской цифрой и страница арабской цифрой) указываются при первом по алфавиту слове, а при втором по алфавиту слове дается отсылка. Так, для рифмы “небе — хлебе” (I, 78) при слове “небе” к рифмующему слову дается адрес “хлебе” (I, 78), а при слове “хлебе” рифмующее слово “небе” дается уже без адреса.

Образцом для составителя был “Словарь рифм М.Ю.Лермонтова” (в “Лермонтовской энциклопедии”. М., 1981). Это не единственный тип словаря рифм. Иначе сделаны классические словари рифм Т.Шоу к трем русским поэтам: Shaw J.T. Pushkin's Rhymes: A Dictionary. Madison, 1974; Shaw J.T. Batjushkov: A Dictionary of the Rhymes and a Concordance to the Poetry. Madison, 1975; Shaw J.T. Baratynskij: A Dictionary of the Rhymes and a Concordance to the Poetry. Madison, 1975. Здесь каждая рифмопара дается отдельной строкой (так что учитывается разница между парами “небе — хлебе” и “хлебе — небе”) и сопровождается грамматической характеристикой (очень интересной для будущего исследователя), а сгруппированы рифмопары по гнездам: сперва все мужские на -БА, -ВА, -ГА... -АБ, -АВ, -АВЬ..., потом женские на -АБСКОЙ, -АБЫ, -АВА... и т.д. Алфавитный перечень рифмующих слов типа лермон-

товского служит лишь вспомогательным указателем к такому словарю. Собственно, только словарь типа Шоу может служить пособием для исследования рифм: показывать как от поэта к поэту обогащается или обедняется запас слов, чаще или реже становятся приблизительные и неточные рифмы и т.д.

Чтобы сделать “Словарь рифм А.А.Блока” ближе к такому типу, мы даем в приложении к нему “Указатель рифмических гнезд”: мужские на -БА, -ВА, -ГА...; -АБ, -АВ...; женские на -АБЫ(й), -АВА, -АВЕН...; дактилические. Гнезда следуют друг за другом в порядке ударных гласных звуков: А(Я), Е(Э), И(Ы), О(Ё), У(Ю). В каждом гнезде перечисляются по алфавиту слова, употребленные Блоком в данном созвучии. Адреса этих рифм читатель найдет, обратясь к основной части словаря. Гнездо -АГ/АК (благ, знак, иссяк...) дается по алфавиту на -АГ, а при -АК дается отсылка к -АГ; так же и в других аналогичных случаях. Приблизительные рифмы (те, в которых гласный отклоняется от гласного в названии гнезда) выделены курсивом: -АЛЕ(й): *далее, печалей, сандалий, трепетали*. Неточные рифмы (те, в которых согласный отклоняется от названия гнезда) выделены жирным шрифтом: -ЧО: **горячо**, плечо, ни о **чем**; -ЕТЕ: **встретя**, свете, **ветер**. Так же выделены неравносложные и неравноударные рифмы: -АЛЕ: бале, **бросали**, **Италии**; -ЩЕ: еще, **логовище**, плаще, **плече**.

Редакция надеется, что опыт этого словаря будет полезен для дальнейшего исследования русских рифм.

А

автомобили — пыли (III, 106)
 ад — аромат (III, 361), взгляд (III, 55),
 говорят (II, 7), назад (III, 342), яд (III,
 55)
 ада — чада (III, 49)
 адом — взглядом (III, 42)
 азарта — карта (I, 264)
 Азраил — крыл (III, 286)
 аи — любви (III, 25), твои (III, 8)
 ай — подымай (III, 348)
 аккорд — рекорд (III, 33)
 аккорды — гордый (II, 319),
 тверды (I, 415)
 актер — взор (I, 428), пор (I, 330)
 алей — развей (II, 335)
 алела — глазела (III, 329)
 алеют — лелеют (I, 313)
 алея — аллея (I, 342; III, 184)
 аллеи — рея (II, 60)
 аллеи — соловей (I, 408)
 аллея — алея
 алмаз — глаз (III, 57, 101), напоказ (III,
 303)
 алой — усталой (II, 80)
 алость — усталость (II, 128)
 алтаре — заре (II, 311)
 алтарем — поем (II, 119), твоим (II, 119)
 алтари — зари (I, 347, 480)
 алтаря — заря (I, 204, 293; II, 119),
 сентября (III, 317)
 алый — запоздалый (I, 109; III, 171),
 малый (I, 81), талый (III, 171), умчало
 (III, 260)
 алым — усталом (III, 57)
 алыми — вокзалами (II, 187)
 алькова — готова (II, 313)
 алькове — крови (I, 230)
 амвоне — иконе (II, 119)
 амвоном — звоном (I, 157), стоном (I,
 347)
 аметист — мглист (III, 17), смолист (III,
 17)
 аминь — богинь (I, 532), отринь (III, 52)
 Амур — шнур (II, 238)
 аналоем — роем (III, 64)
 аналоях — покоях (I, 111)
 ангел — фланги (III, 330)
 Андромаха — страха (I, 516)
 анекдот — вот (II, 36)
 анекдота — охота (III, 373)

290

Анна — странно (III, 81)
 апрель — кудель (III, 370)
 аптека — века (II, 37)
 арлекин — один (I, 210, 227)
 Арлекина — Коломбина (I, 287; II, 123),
 Коломбины (I, 288)
 армяке — реке (II, 161)
 арок — ярок (I, 317)
 аромат — ад, рад (I, 426)
 ароматом — раскатом (I, 410)
 ароматный — благодатным (I, 388)
 атласам — гласом (III, 135), часом (III,
 135)
 атласным — безучастным (III, 18),
 ужасным (III, 18)
 ауле — плеснули (III, 26)
 ах — богатырях (III, 266), очаях (III, 354),
 плеча (III, 354)
 Ахилл — пыл (I, 516)
 аэроплан — обман (III, 153), туман (III,
 153)
 аэроплана — обмана (III, 305)
 аэростат — говорят (I, 291)

Б

Бабушка-старушка — избушка (II, 322)
 багровый — новый (I, 222)
 багряный — бледнолиц (I, 363), ниц (I,
 490), цариц (I, 363)
 багрянницей — птицей (II, 274)
 багрянницы — царицы (I, 523)
 багряный — румяный (II, 112),
 туманный (I, 397), туманы (II, 137)
 багряным — туманом (III, 258)
 базару — пару (I, 287)
 базилик — мозаик (III, 98)
 Байрон — приглашен (III, 322), умен (III,
 322)
 бал — кинжал (III, 10), подослал (III,
 316), потерял (III, 15), скал (III, 15)
 бала — дикговала (III, 141), опускала
 (III, 164), сияла (III, 21)
 балаган — туман (II, 123), цыган (I, 311)
 балаганчик — мальчик (II, 67, 68)
 балдахин — вершин (II, 42)
 бале — мигали (I, 227)
 Балканах — туманах (II, 326)
 Балканы — раны (III, 307)
 балки — гадалки (I, 264)
 балкона — звона (I, 264)
 баллпюстрад — баррикад (I, 313)
 балом — залом (II, 326)
 банальной — печальной (III, 49)

бантом — кантом (II, 116)
баррикад — баллострад
бары — троттуары (III, 341)
барыше — душе (III, 196)
батальоны — знамена (III, 307)
башен — пашен (III, 313), страшен (I, 336), украшен (II, 42)
башни — вчерашней (I, 529), вчерашний (II, 311), пашни (II, 240)
бденьи — мгновенье (I, 350)
Беато — когда-то (III, 112)
Беатриче — обличий (III, 15), обычай (III, 15)
бег — брег (I, 469), навек (I, 116), снег (I, 209, 363; II, 139, 322; III, 284, 341), телег (I, 305)
бега — снега (II, 282) бере — неги (I, 146)
беги — слуги (I, 514)
бегом — ночлегом (I, 536)
бегу — берегу (I, 119)
бегут — текут (II, 201)
бед — дед (I, 535), лет (I, 344), ответ (I, 148, 482, 483), рассвет (I, 483), свет (I, 148, 153, 483), след (I, 129)
беда — следа (III, 360)
беден — обеден (I, 198)
бедной — бесследно (III, 132)
бедность — бледность (I, 198)
бедные — бледные (I, 488)
бедный — бледной (I, 456), бледный (I, 72, 475; III, 39), бесследно (III, 241), медный (III, 274)
бедняга — бродяга (III, 349)
бедняжка — тяжко (III, 347)
бедняком — путем (II, 77)
бедовой — бестолковой (III, 354), пунцовой (III, 354)
бедой — фатой (III, 251)
бедра — ведра (II, 149)
беды — плоды (I, 459)
бежал — узнал (I, 205)
бежала — дорисовала (I, 341)
бежать — посещать (I, 187)
бежит — скрипит (III, 333), трубит (I, 108).
безбожно — ложным (I, 67), невозможной (I, 111)
безбожно-дикой — двуликий (I, 104)
безбольно — безвольно (II, 304)
безбрежной — зарубежной (III, 249)
безбрежность — безнадежность (I, 484)
безбрежны — нежно (I, 114)
безбрежный — мятежной (I, 405), нежно (I, 385)
безбурное — лазурная (I, 497)

безверия — двери я (I, 133), я (I, 133)
безвестной — поднебесной (I, 376)
безволн — колоколен (I, 179; II, 144)
безвольно — безбольно, раздольно (I, 291)
безгневны — царевны (I, 319)
безгранная — желанная (I, 498)
безгрешна — неутешно (I, 331)
бездн — звездный (II, 212)
безднам — железным (I, 269), звездным (II, 232)
безднами — звездными (I, 467)
безднах — серебровзвездных (II, 247)
бездне — болезни (III, 199, 322)
бездной — бесполезной (II, 176, 220, 316), бесполезный (III, 60), железной (III, 316), железный (II, 220; III, 223), звездно (II, 236), звездной (I, 145, 412, 460; II, 220), надзвездной (I, 145), надзвездный (I, 338)
бездны — звездной (II, 233), звездным (II, 218)
бездомней — огромней (III, 305)
бездомном — огромным (III, 319)
бездонна — влюбленно (III, 80), влюбленной (III, 22)
бездонно — однотонно (I, 310)
бездонном — обнаженном (II, 264)
бездонные — склоненные (II, 186)
бездонный — беззаконный (I, 211), озаренный (I, 95)
бездорожью — дрожью (I, 169; III, 342), ложью (I, 170)
бездорожья — Божья (I, 171)
бездумном — бесшумном (I, 510)
бездыханна — странный (III, 236)
бездыханном — странным (III, 96)
безжеланно — туманно (I, 279)
беззакатный — понятный (II, 13)
беззаконный — бездонный
беззвездной — железной (III, 131)
беззвездный — железный (III, 304)
беззlobен — подобен (III, 314)
беззубый — трубы (III, 71)
безликая — великое (I, 142)
безликий — крики (I, 508), лики (I, 150)
безлиственный — таинственный (I, 71)
безлунный — чугунный (I, 310)
безлюдий — люди (I, 167, 362)
безлюды — грудью (III, 95)
безмерней — вечерней (I, 158; II, 313)
безмерной — верно (I, 69)
безмерности — верности (I, 503)
безмерность — неверность (II, 258)
безмерный — вечерний (I, 506)

безмирный — лирной (I, 220)
 безмолвна — волны (I, 375, 376)
 безвольней — молний (I, 451)
 безмолвны — волны (I, 160)
 безмолвный — полно (I, 372)
 безмятежнее — прежние (I, 166)
 безмятежно-ясный — несогласны (I, 348)
 безмятежной — нежный (III, 107)
 безмятежность — нежность (III, 315)
 безнадежней — прежней (I, 400),
 прежний (III, 151)
 безнадежной — белоснежной (III, 16),
 нежно (III, 16), нежный (III, 107),
 оснеженный (II, 214), среброснежной
 (II, 213)
 безнадежность — безбрежность,
 нежность (III, 107, 224)
 безначальней — дальний (II, 110),
 печальной (II, 110)
 безначальной — печально (III, 18),
 спальноей (III, 18)
 безносым — белесым (III, 38)
 безобразный — винтообразный (III, 34),
 неотвязный (III, 216)
 безобразно — грязью (III, 36)
 безответной — многоцветной (I, 197)
 безответном — приветно (I, 61)
 безотрадной — беспощадной (III, 17),
 жадно (II, 274; III, 17)
 безотчетно — мимолетны (I, 402)
 безрадостно — паруса (II, 214)
 безраздумной — шумный (II, 327)
 безразличие — величие (I, 517)
 безрассветная — заметная (II, 83)
 безродный — голодный (III, 355, 358)
 безумен — игумен (II, 283)
 безумий — раздумий (I, 164)
 безумно — шумный (I, 13)
 безумно-молодую — восторжествуя (I,
 152)
 безумной — бесшумно (III, 325),
 бесшумной (I, 181)
 безучастно — согласно (I, 88)
 безучастный — красный (II, 64)
 безучастным — атласным, ужасным (III,
 18)
 безысходней — сегодня (III, 242)
 Бекетов — университета (III, 310)
 бел-горючий — тучи (III, 190)
 бела — брела (I, 215), была (I, 367), дела
 (I, 186), зла (I, 296), подползла (III,
 38), угла (II, 206; III, 38)
 белая — несмелая (II, 83)
 белее — сробею (II, 200)
 белей — ней (I, 501), свечей (I, 198)

беленькая — я (III, 193)
 белесым — безносым
 белея — слабея (III, 195)
 белизной — весной (I, 303)
 белизны — жены (I, 128), стены (I, 303),
 тишины (III, 368)
 бело — занесло (II, 322)
 белое — онемелое (III, 259)
 белой — отяжелелой (III, 330)
 белокрылой — милой (II, 282)
 белом — делом (III, 308), телом (II, 42,
 167; III, 60)
 белоснежен — нежен (II, 328)
 белоснежной — безнадежной, нежно (III,
 16), нежный (III, 222)
 белоснежною — мятежные (I, 405)
 белоснежными — снежными (II, 223)
 белы — мглы (I, 505)
 белые — несмелые (III, 162)
 белый — дело (I, 495), тело (III, 146, 342)
 белым — смелым (III, 177), телом (I, 238)
 белых — пожелтелых (II, 60)
 берег — близких (III, 102)
 берега — дорога (I, 117), снега (I, 351),
 стога (III, 249)
 берегам — богам (I, 341), храм (I, 490)
 берегись — ввысь (I, 320)
 берегов — веков (I, 494), облаков (II,
 61), стихов (III, 175)
 береговой — рекой (I, 471)
 берегу — бегу, беругу (I, 204, 498, 524),
 лугу (I, 315, 485), могу (I, 119, 386, 481;
 III, 19), мозгу (II, 186), солгу (I, 481)
 березки — жесткой (II, 6), перекрестке
 (II, 8)
 березы — слезы (II, 24)
 берет — вод (I, 507), вслед (II, 320), поет
 (III, 284), разберет (III, 321), силуэт
 (II, 319)
 беречь — меч (II, 142), плеч (III, 234),
 речь (I, 32, 537)
 берлога — строго (III, 338)
 бесам — лесом (II, 117)
 бесед — свет (III, 339)
 беседой — обедал (III, 323)
 бесконечная — быстротечная (I, 383),
 вечная (I, 383)
 бесконечно — вечно (I, 384), сердечной
 (I, 18)
 бесконечной — встречный (II, 78),
 млечной (I, 235), сердечной (I, 412),
 сердечный (I, 337)
 бесконечном — вечно (I, 337, 387)
 бесконечность — вечность (I, 429; II, 235;
 III, 167)

бесконечный — быстротечный (II, 279)
 бесноватых — красноватых (II, 14)
 беспечальный — дальний (I, 174)
 беспечность — вечность (II, 166; III, 162)
 бесплодна — холодном (I, 375)
 бесплодно — свободно (I, 430),
 холодный (I, 461)
 бесплодных — холодных (III, 75)
 бесповоротно — мимолетно (II, 165),
 плотно (III, 23)
 беспокорно — достойна (I, 64), знойной
 (III, 243), знойных (I, 115)
 беспокорной — нестройный (I, 383),
 стройной (II, 319)
 беспокорный — знойный (I, 419; III,
 241)
 беспокорных — нестройных (I, 488)
 бесполезная — железная (III, 261)
 бесполезной — бездной, железный (II,
 220); III, 84), звездной (II, 220)
 бесполезный — бездной, железной (III,
 328)
 беспощадно — жадно (I, 428), жадной (I,
 442), хладной (I, 429)
 беспощадной — безотрадной, жадно
 (III, 17)
 беспощадный — жадный (I, 379),
 хладной (I, 341)
 беспредельном — бесцельно (III, 203)
 бессилю — обилии (I, 523)
 бессилю — крылья (I, 49)
 бессильный — могильный (III, 48)
 бессилю — крылья (I, 48, 242, 321; III,
 61)
 бесславен — равен (I, 421)
 бесследно — бедной, бедный
 бесполезно — поздно (I, 143)
 бесслезное — грозные (I, 505)
 бессловесный — тесной (III, 334)
 бессменно — колено (III, 42)
 бессменный — стену (II, 163)
 бессонной — неуклонно (III, 82),
 канцонной (III, 109)
 бессонность — влюбленность (II, 223)
 бессонные — влюбленные (I, 265),
 опьяненные (I, 71)
 бессонный — влюбленный (I, 270),
 обнаженный (I, 270), свершенный (I,
 270)
 бессонных — наклоненных (II, 51)
 бесспорной — непритворной (III, 335)
 бесстрашна — прекрасна (II, 264)
 бесстрашной — прекрасней (I, 245)
 бесстрастно — ясно (III, 74)
 бесстрастные — напрасные (I, 499),
 прекрасные (I, 525)
 бесстрастный — напрасно (I, 443),
 прекрасным (I, 444)
 бесстрашной — всегдашний (I, 67),
 вчерашний (III, 32)
 бесстыдно — завидно (II, 53)
 бестелесный — небесной (I, 7)
 бестелесным — неизвестным (I, 245)
 бестолковый — бедовой, пунцовой (III,
 354)
 бесцельно — беспредельном,
 смертельно (III, 171)
 бесцельных — запредельных (II, 57; III,
 192)
 бесчеловечным — встречным (II, 293)
 бесшумно — безумной
 бесшумной — безумной
 бесшумном — бездумном
 биенье — мгновенья (I, 431)
 билась — возносила (III, 251)
 бился — молился (I, 218, 293)
 бирюза — слеза (I, 404)
 бирюзу — внизу (II, 312)
 битв — молитв (I, 492)
 битве — молитве (I, 63, 65)
 битвой — молитвой (I, 514)
 битвы — молитве (I, 79)
 биться — вонзится (II, 133), снится (II,
 264)
 бич — кирпич (II, 151), клич (II, 285; III,
 58)
 благ — флаг (II, 51)
 благовонной — многотонной (I, 399)
 благовонный — сонной (I, 408), сонный
 (II, 319)
 благого — былого (I, 420), неземного (I,
 21)
 благодарном — фонарном (III, 344)
 благодатна — непонятна (I, 412)
 благодатный — закатный (II, 46),
 ратный (I, 510)
 благодатным — ароматный
 благодать — вздыхать (I, 397), выражать
 (I, 425), знать (I, 402), передать (I,
 390), просять (I, 536)
 благое — бывое (I, 421)
 благосклонно — влюбленно (III, 117)
 благосклонной — иконой (II, 120),
 многоколонный (III, 36)
 благосклонный — сонный (I, 256)
 благослови — крови (III, 351)
 благословляла — растрепала (II, 77)
 благи — старости (I, 355)

- благоуханный — долгожданный (III, 147)
 благоуханным — нежданный (I, 428)
 благоуханных — нежданный (I, 428),
 обетованных (I, 411), странных (III, 18),
 туманных (III, 18)
 благоуханье — дыханье (I, 404; III, 16),
 мерцанье (III, 16)
 благоуханьи — сиянья (I, 14)
 благоуханью — свиданья (I, 427)
 блаженной — нетленной (I, 427)
 блаженного — божественной (I, 468)
 блаженны — нетленной (I, 456)
 блаженный — пленный (II, 118)
 блаженным — коленопреклоненным (III, 70)
 блаженство — совершенство (I, 439)
 блажь — та ж (III, 314)
 бледна — влюблена (II, 139), волна
 (I, 435), одна (I, 383, 405), окна (I, 198),
 она (III, 327), отражена (I, 47), тишина
 (I, 47; III, 81)
 бледнела — дело (I, 363), тело (I, 363)
 бледнея — владея (III, 324)
 бледно-зеленая — сонная (I, 301)
 бледно-синий — пустыни (II, 266)
 бледно-чистом — серебристом (I, 317)
 бледной — бедный, победный (I, 449),
 покорно-бедный (I, 456)
 бледноликий — великой (I, 85), дикой (I, 85)
 бледнолиц — багряниц, цариц (I, 363)
 бледность — бедность
 бледны — хмельны (II, 282)
 бледные — бедные
 бледный — бедный, медной (I, 307),
 победный (III, 23)
 блеклыми — стеклами (III, 260)
 блеск — треск (I, 186; III, 323)
 блеска — резко (II, 172)
 блеске — треске (III, 115)
 блескам — плеском (II, 313)
 блеснет — пропоет (I, 483), сверкнет (I, 483)
 блесну — плесну (III, 177)
 блеснул — размахнул (II, 98)
 блеснула — заглянула (II, 191)
 блеснуло — обмануло (II, 139)
 блестел — пел (I, 20)
 блестит — вид (III, 312)
 блестят — халат (II, 330)
 блестящей — настоящей (III, 326)
 блещет — рукоплещет (I, 18), трепещет
 (I, 339)
 ближе — вижу (III, 26), завижу (I, 130),
 ниже (I, 134; II, 294; III, 118), Париже
 (III, 315)
 близка — века (I, 503), глубока (I, 285),
 издалека (I, 244), легка (II, 91), маяка
 (II, 53), рука (II, 53), тоска (I, 122, 340),
 цветка (II, 11)
 близки — обелиски (I, 415)
 близкий — низкий (II, 150)
 близких — берег, низких (I, 124)
 близко — низко (I, 94, 237, 534; II, 167;
 III, 233), низком (II, 327)
 близкой — низко (III, 77)
 близок — низок (I, 236; II, 82)
 близорукая — скукою (I, 500)
 близость — низошь (II, 36)
 блудила — ходила (III, 352)
 блудница — шевелиться (II, 139)
 блуждали — узнали (II, 57)
 блужданий — гаданий (I, 538),
 страданий (I, 10)
 блюде — люди (III, 103), пребудет (III, 302)
 блюду — подожду (I, 266)
 блюдце — смеются (II, 323)
 блюсти — плести (I, 246)
 Бог — вздох (I, 386), дорог (I, 214, 358),
 изнегом (III, 340), мор (I, 457), тревог
 (III, 96), чертог (I, 25, 98; III, 83)
 Бога — дорога (I, 520; III, 271), дорогой
 (I, 112; III, 370), дорогу (I, 273), лога
 (III, 188), много (I, 85, 111), немного
 (III, 53), порога (I, 462; II, 273), путем-
 дорогой (III, 370), тревога (I, 333; III, 53),
 тревогой (III, 94), чертога (I, 85, 128)
 богам — берегам, передам (I, 411), храм
 (I, 469, 472)
 богами — берегами (I, 472), мольбами
 (I, 472), очами (I, 101)
 богат — говорят (II, 286), горят (II, 273),
 содлат (III, 350)
 богатства — братства (III, 304)
 богатство — братство (I, 524)
 богатых — ах
 Боге — дороге (I, 508), пороге (I, 494),
 тревоги (I, 515)
 боги — чертоги (I, 132)
 богине — пустыне (I, 362)
 богиней — пустыней (I, 377)
 богинею — родители (I, 468)
 богини — нежно-синей (II, 235), синей
 (II, 235)
 богинь — аминь, пустынь (I, 362, 504)

богиня — поныне (I, 15), пустыне (I, 438), святыня (I, 15, 460)
 богов — веков (I, 138), готов (I, 402), облаков (II, 104)
 Богом — дорогам (II, 86), чертогом (I, 347)
 богом-ребенком — звонко (II, 23)
 богомольно — больно (III, 92)
 богомольной — колокольный (III, 268)
 богопознания — мироздания (I, 129)
 боготворил — любил (I, 340)
 Богу — дорогу (I, 359), чертогу (I, 438)
 боевой — мглой (III, 253)
 боевым — мировым (I, 335)
 боем — покоем (III, 253)
 Боже — Боже (I, 79), ложе (III, 333), ложе (III, 278)
 божества — естества (I, 398), слова (III, 123), торжества (I, 447), трава (III, 113)
 божестве — существе (I, 401)
 божественной — блаженного, мудро-блаженного (I, 468)
 божество — мертво (I, 455)
 божеству — естеству (I, 462)
 Божия — подножия (II, 21), пригожие (II, 135)
 божницы — светлице (II, 145)
 Божья — бездорожья
 бой — большой (I, 275), грозовой (I, 494) рукой (II, 240), стезей (I, 452)
 бойся — откройся (III, 76)
 бок — пузырек (III, 38)
 бокал — похвал (III, 11)
 бокала — засияла (III, 17), презирала (III, 17)
 бокалах — залах (III, 195)
 бокале — зале (III, 25)
 боком — скоком (III, 367)
 боле — боли (III, 207), воли (III, 344), поле (III, 254), юдоли (III, 84)
 более — волею (II, 193)
 болезни — бездне
 болела — холодело (III, 49)
 болен — волен (III, 73), доволен (II, 332; III, 67)
 болеть — гореть (I, 84)
 боли — боле, воле (III, 337), воли (I, 203; II, 258; III, 249), неволи (I, 268), юдолн (I, 125)
 болот — поет (II, 170), рот (II, 10), овод (II, 18), спугнет (III, 248), умрет (II, 17)
 болота — дремота (I, 126)
 болото — кто-то (I, 367), работа (III, 306)
 болотом — работам (III, 127)
 болтает — знает (III, 215)
 болтать — понять (III, 318)
 болтом — жолгом (I, 192)
 болтун — чугун (I, 264)
 болты — жолты (I, 302)
 боль — воля (II, 278; III, 313), позволь (III, 101), покой (II, 87)
 больна — весна (II, 110), жена (III, 250), окна (I, 263), сильна (I, 31), тишина (II, 110)
 больницы — толпится (III, 337)
 больно — богомольно, вольной (III, 94, 177), довольна (II, 197), довольно (I, 277, 416; III, 82, 261), невольно (I, 57), невольны (II, 371)
 большой — бой, домой (II, 344), желтизной (III, 48), мной (I, 3, 380), покой (I, 446), тишиной (II, 22)
 большую — восьмую (III, 306), святую (I, 420)
 больны — сны (I, 431)
 больных — других (I, 393)
 большая — меньшая (III, 327)
 большие — золотые (II, 329)
 большой — душой (III, 156)
 болью — приволью (III, 173), своеволья (III, 119)
 бор — взор (I, 328), пор (I, 416)
 бора — семафора (II, 91)
 Бореля — форели (III, 316)
 бородкой — сурово-кроткий (III, 312), кроткий (III, 312)
 бороды — ряды (II, 173)
 бороздою — мною (III, 92)
 боролись — полус (III, 189)
 боролось — голос (I, 215; III, 190)
 борьба — раба (II, 62)
 борьбе — судьбе (I, 464), тебе (I, 255, 461 III, 377)
 борьбу — лбу (III, 312), трубу (II, 144)
 ботинки — поединке (II, 21)
 бочком — воротником (III, 338)
 бою — мою (I, 530), ордою (III, 362), открою (II, 333), свою (III, 214, 307), твою (II, 333)
 боюсь — Русь (II, 280; III, 249), томлюсь (III, 67)
 боялся — спотыкался (I, 416)
 бояться — сказаться (II, 200)
 брака — мрака (II, 270; III, 16), фрака (III, 16)
 браке — фраке (III, 317)
 брала — была (II, 283, 320)
 брани — стане (I, 516), ткани (I, 480), тумане (I, 510; III, 305)

брат — горят (I, 474), закат (I, 319, 473, 474), заряд (I, 288; II, 197), обряд (II, 283)
 брата — красноватый (III, 322)
 братской — солдатской (III, 277)
 братства — богатства
 братство — богатство
 братья — пять (III, 349), спать (III, 349)
 братья — объятья (II, 50; III, 361)
 брег — бег, век (III, 306), вовек (I, 95), рек (II, 85), снег (I, 144; III, 199)
 брегами — богами, мольбами (I, 472)
 бред — комет (III, 163), лет (III, 183), нет (II, 88), поэт (III, 94), свет (I, 290; II, 88; III, 57), след (III, 344)
 бредни — последней (II, 132)
 бреду — войду (III, 76), жду (I, 492; II, 275), звезду (I, 281, 291), череду (II, 85)
 бредут — плывут (II, 45)
 брела — бела
 время — время (I, 318, 397, 410, 478; III, 151, 284, 319, 354)
 брений — поколений (II, 48)
 бренно — Равенна (III, 98)
 бренча — влача (II, 81)
 бренчат — закат (I, 481)
 бриллиант — фант (III, 96)
 бровь — кровь (III, 157), любовь (I, 362)
 бровей — камней (II, 151), лучей (II, 159), шумней (III, 254)
 брови — крови (II, 199, 282), слове (I, 263)
 бродил — был (II, 118), могил (I, 486), поработил (I, 461)
 бродила — водила (I, 192), могила (III, 149), светила (I, 192)
 бродит — входит (I, 495), происходит (III, 45)
 бродяга — бедняга
 брони — погоню (III, 374)
 броню — хороню (I, 287), храню (II, 268)
 бросай — давай (I, 387)
 бросал — зазвучал (III, 313)
 бросала — вставала (I, 369), плясала (III, 25)
 бросали — зале (I, 292)
 бросаю — влетаю (III, 101), знаю (II, 275)
 бросил — весел (II, 56, 262)
 бросится — возносится (III, 109)
 брошенном — некошенном (III, 260)
 брызнул — взвизгнул (II, 173)
 бубенцами — шелками (II, 254)
 бубенцов — шутов (I, 287)
 бубенцом — венцом (II, 242), лицом (II, 37)
 бугры — костры (I, 312), поры (I, 122)
 будем — люди (II, 191)
 буден — скуден (II, 166)
 будет — забудет (II, 25), застудят (II, 322), люди (II, 79, 255)
 будешь — забудешь (III, 206), избудешь (III, 239), разлобишь (II, 84)
 буди — груди (I, 300, 323), жди (I, 470), сойди (I, 470), уходи (I, 347)
 будила — чадила (III, 339)
 будней — непробудней (III, 201)
 буду — груди (III, 338), забуду (I, 184), Иуды (I, 424)
 будя — дитя (II, 95)
 бужу — ворожу (II, 335), всхожу (II, 88), вывожу (II, 335), расскажу (II, 88), скажу (I, 401), хожу (I, 430)
 букет — свет (I, 235)
 булочной — перулочной (II, 185)
 бумажки — рубашки (II, 139)
 бунчуки — гудки (III, 269)
 буран — кран (III, 19)
 бурана — тумана (II, 247)
 бурая — хмурая (II, 193)
 буре — лазури (II, 134; III, 324)
 бурей-непогодой — годы (I, 420)
 буржуй — поцелуй (III, 350)
 буржуям — раздуем (III, 351)
 бури — лазури (I, 5, 76, 173, 335, 346, 478; II, 140, 203, 338; III, 153), нахмура (II, 53), фурий (II, 316)
 бурной — лазурной (I, 335; II, 78)
 бурную — лазурное (I, 38), лазурною (I, 38)
 бурные — лазурная (I, 493)
 бурный — лазурный (I, 392)
 бурунами — нами (II, 50)
 бурунах — углах (II, 54)
 буруны — страны (II, 53)
 бурь — лазурь (I, 169, 200, 316, 354, 389; III, 230)
 бурьян — туман (III, 265)
 бурьянам — туманам (II, 247)
 бурьяне — герани (III, 206), тумане (III, 206)
 буря — сощуря (III, 113, 365), хмурия (I, 422)
 буфера — ура (III, 275)
 буюют — душою (I, 398)
 бывало — запоздалый (III, 331), мало (III, 329), начало (III, 253), сияло (III, 348), стала (II, 91)
 бывалой — запоздалый (I, 453)

бывалому — малому (II, 193, 194)
был — бродил, дружил (III, 323),
припыл (I, 537), пыл (III, 225),
служил (I, 235)
была — бела, брала, вела (I, 427), жгла
(II, 337), лгала (III, 152), мгла (III, 79),
могла (III, 175), осла (II, 245), отняла
(II, 102), пришла (I, 131), росла (I,
103), светла (I, 8), слыла (III, 320),
создала (III, 185), умерла (II, 63)
былая — тая (III, 208)
были — сходили (I, 75)
былинкам — тропинкам (I, 124)
былинке — тропинке (I, 243)
былинки — ложбинке (II, 324)
былинкой — тропинкой (I, 6)
было — говорила (I, 195, 450), забыла
(II, 63), иссушила (I, 409), любило (III,
137), манило (III, 289), могилой (I,
122), остановила (II, 85), роднила (III,
323), сила (III, 131), горопила (II, 183),
уходило (III, 29), хватило (III, 144)
былого — благого, молодого (I, 415),
снова (I, 402)
былое — благое, зное (I, 52), молодое (I,
72), огневое (I, 52), родное (I, 405)
былой — душой (I, 88), молодой (I, 433),
немой (I, 98), тоской (I, 38)
былом — крылом (I, 384)
былую — сырую (I, 40)
былые — молодые (I, 408), седые (III,
120), чужие (I, 464)
былым — прожитым (I, 391)
быль — пыль (I, 265)
быстрее — шее (III, 353)
быстрина — вольна (II, 52), глубина (II,
52), страшна (II, 52), холодна (II, 52)
быстрине — мне (I, 189)
быстрины — волны (II, 39), глубины (III,
158), сны (III, 158), тишины (III, 158)
быстро — искры (II, 217; III, 169)
быстрой — искрой (II, 327)
быстротечная — бесконечная, вечная (I,
383)
быстротечный — бесконечный
быстры — искры (II, 270)
быстрый — искры (II, 247)
бытия — края (I, 512), твоя (III, 272), я (I,
152, 387, 517)
быть — говорить (III, 308), избыть (I,
197), оградить (III, 104), пылгы (III,
138), раскрыть (III, 45), сохранить (III,
218)

бьется — проснется (III, 358), раздается
(I, 520; III, 356), смеется (I, 165 272, II,
336)

В

вагон — эшелон (III, 275)
вагонов — поклонов (III, 261)
важной — влажен (II, 12), скважины (II,
12)
важный — вкрадчиво-протяжный (III,
182), продажный (II, 207), протяжный
(I, 189, 222, 480; III, 182)
ваханалий — печалей (I, 373)
вал — Интернационал (III, 372), мечтал
(III, 99), скал (III, 372), терзал (I, 435)
валов — врагов (III, 277)
вальса — скитайся (III, 197)
вам — лесам (III, 362), отдам (III, 150),
предам (III, 375), там (III, 233), храм
(I, 479)
вами — горами (II, 169), домами (III,
340), ключами (I, 217), лучами (I, 372),
мечтами (I, 479), плечами (III, 150),
сами (I, 288), тенями (II, 203), языками
(III, 64)
вампир — мир (III, 18), пир (III, 18)
вампира — кумира (I, 385)
Варшава — орава (II, 340), право (III,
94)
Варшаве — праве (III, 327, 333)
Варшавой — кровавой (III, 332, 341),
ржавой (III, 94)
варяга — стяга (III, 269)
вас — нас (III, 90), понеслась (II, 55), раз
(II, 312), стремясь (II, 49), час (II, 276,
314)
василек — далек (I, 9)
вассалы — залы (I, 263)
вату — закату (III, 308)
вашу — чашу (I, 372)
ваятель — мечтатель (I, 199)
вбил — сил (II, 89)
вбок — песок (III, 271)
вверху — петуху (II, 44)
ввечеру — в миру (I, 64), игру (I, 120,
186, 469), поутру (I, 163)
ввысь — берегись, зажглись (III, 166),
оглянься (I, 238), собрался (II, 140)
вдалеке — кабаке (II, 170), камельке (II,
270), колпаке (II, 10), осоке (I, 121),
реке (I, 119, 121, 136; III, 376), руке (II,
256), языке (I, 361)

вдали — журавли (I, 54, 385; II, 240),
земли (I, 24, 58, 65, 71, 121, 140, 147,
150, 170, 340, 355, 448, 458, 484, 485,
468, 502, 510; II, 18; III, 29, 330),
корабли (II, 214, 230, 316), легли (III,
23), отвели (II, 276), подошли (I, 130),
пошли (I, 26), пришли (I, 121), прошли
(I, 247), пыли (I, 71, 205, 321, 476, 513),
стерegli (III, 251), хрустали (II, 244),
шли (I, 26, 28, 155)
вдаль — жаль (II, 356), печаль (I, 22,
416, 460)
вдвое — другое (III, 313)
вдвоем — дождем (I, 38), идем (I, 247; II,
103), кнутом (II, 10), лучом (I, 323),
пойдем (I, 287), ручьем (III, 177),
тайком (I, 180), твоим (III, 137), умрем
(II, 103)
вдохновенный — гений (I, 458)
вдохновенно — смиренно (III, 320)
вдохновенно-духовное — рожденное (I,
468)
вдохновенной — сокровенной (I, 465)
вдохновенных — сокровенных (I, 468)
вдохновенье — забвению (I, 426),
мгновенье (I, 426), прикосновенье (I,
441), промедленья (III, 313),
сновиденья (I, 422), стремленья (I, 347),
униженья (III, 93), упоенья (I, 401)
вдохновенью — волненья (I, 334)
вдохновенья — виденье (I, 47),
искупленья (I, 65), прикосновенье (I,
347), уничиженья (I, 107), цепененье (I,
431)
вдохновеньям — волненья (I, 446)
вдохновила — сила (I, 454)
вдохновлен — изнурен (I, 403)
вдохновляясь — склоняясь (I, 458)
вдруг — вокруг (III, 312, 323), друг (III,
272), звук (II, 56), круг (III, 7, 84),
лачуг (III, 269), рук (I, 539; III, 194)
вдыхаешь — растаешь (I, 45)
Вега — омега (I, 15), снега (I, 15)
ведай — победой (III, 86)
ведал — велосипеды (III, 106)
ведаю — победою (I, 142)
ведет — идет (III, 342)
ведом — следом (I, 262)
ведра — бедра
веем — деим (II, 119)
веер — север (II, 81, 205)
веет — вечереет (III, 172),
тяжелееет (I, 220)
вежд — надежд (I, 316)

вежды — надежды (I, 42, 134, 393, 460;
III, 272)
везде — воде (I, 29, 395; II, 335)
век — брег, калек (III, 325), снег (II, 93),
человек (I, 51; III, 304)
века — аптека, близка, висока (I, 504),
далека (I, 509; III, 62), от века (III,
198), река (III, 373, 377), свысока (III,
313), старика (III, 289), тоска (II, 125),
цветка (I, 530), человека (III, 325)
векам — громам (I, 455)
веками — вспоминали (I, 225)
веках — прах (II, 207), руках (III, 98),
церквах (III, 107)
веке — веки (III, 104)
веки — веке
веков — берегов, богов, городов (I, 49),
мертвецов (I, 429), подков (III, 168),
образов (I, 156), цветов (I, 518, 519),
часов (II, 40)
вековой — тобой (III, 106)
вековые — другие (I, 401), Мария (III,
111), Россия (III, 322)
вековых — твоих (I, 351)
вела — была
веления — курения (I, 276), сомнения (I,
537)
велик — эмеевик (II, 18), миг (I, 36)
велики — клоки (II, 89)
великий — дикой (III, 268)
великими — криками (I, 136)
великих — лики (I, 110)
великое — безликая
великой — бледноликий, дикой (I, 85)
великолепий — склепе (III, 190)
великолепью — цепью (II, 286)
велит — глядит (II, 314)
величава — слава (III, 204, 273)
величаво — славы (I, 336)
величавой — славой (III, 191)
величавый — славы (I, 335)
величье — безразличье, обличье (III, 87)
велишь — спишь (I, 539)
велосипеды — ведал
Венера — меры (I, 91)
венец — конец (I, 426; III, 273), мудрец (I,
457), наконец (I, 422), отец (III, 316),
певец (I, 43, 420, 457)
венком — ком (II, 123)
венок — цветок (I, 388)
венца — жреца (I, 480), конца (I, 459),
лица (III, 38), мертвеца (III, 38),
Творца (I, 428)
венце — лице (II, 211; III, 262)
венцом — бубенцом

венцу — лицу (I, 134)
венцы — жрецы (I, 482), концы (II, 44)
венчались — встречались (III, 184)
венчальный — печальный (III, 316)
венчаный — туманный (II, 85)
вены — перемены (III, 306)
вер — сфер (III, 305)
вера — офицера (III, 308), примера (I, 416), серый (I, 406)
вербен — вербен (I, 519), плен (I, 519), стень (I, 519)
вербное — первая (II, 95)
вербочки — девочки (II, 95)
вере — звери (II, 336), зверю (II, 14)
вереница — лица (I, 305, 336; II, 190), столица (III, 47)
вереницей — птицей (I, 484), царицей (III, 307)
вереницу — лица (III, 311)
вереницы — птицы (I, 193), темнолицый (I, 40)
веретена — жена (I, 222)
веретен — окон (II, 313)
верил — измерил (II, 107)
верила — намерила (III, 259)
верим — терем (I, 523)
верит — двери (III, 53), поверит (I, 442)
верится — измерится (I, 498)
верить — двери (III, 159), измерить (I, 448)
верна — зурна (III, 26), она (II, 277), стройна (II, 252)
вернет — круговорот (III, 131)
вернется — всколыхнется (I, 17)
вернешь — ждешь (III, 282)
вернешься — тревожся (II, 80)
верно — безмерной, примерный (II, 283)
верности — безмерности
вернулась — колыхнулась (I, 340)
вернуть — путь (I, 97)
верны — мерно (II, 172), непомерны (I, 519)
верный — лицемерный (III, 301)
верой — железно-серый (II, 267), красно-серой (III, 201), пурпурово-серый (III, 7), серой (III, 201), серый (II, 96, 267; III, 7)
вероломна — скромно (III, 116)
вероломство — потомство (III, 361)
верстовых — твоих (III, 259)
веруй — мерой (III, 301)
верховий — крови (III, 153)
вершин — балдахин
вершинкою — пушинкою (II, 193)
вершины — долины (III, 120), льдины (I, 182), половину (I, 427), причины (I, 178), совиный (II, 36), спины (I, 302), теснины (I, 182)
веры — меру (I, 429), меры (I, 429)
верь — дверь (III, 183)
верю — двери (I, 223, 233), измерю (I, 532), потерю (I, 121)
веря — двери (I, 210)
весел — бросил, кресел (II, 63, 92), повесил (III, 353)
весела — крыла (I, 161), светла (II, 327)
веселая — тяжелая (III, 146)
веселый — зелий (II, 117), карусели (II, 220), желий (I, 169), кудели (II, 220), метелей (II, 220), новоселий (I, 470), хмелей (II, 220)
веселились — двоились (I, 224)
веселит — ланит (I, 146)
веселится — молодца (III, 370)
веселиться — молиться (I, 385), светиться (I, 24)
весело — занавесила (I, 513, 523; II, 250)
веселой — тяжелой (II, 59)
веселье — тяжелые (I, 127; II, 47)
веселый — доли (II, 312), подолы (III, 348), тяжелой (I, 463), тяжелый (II, 256; III, 85)
веселье — келье (I, 169; II, 229), новоселье (I, 202; III, 313), ущелье (II, 38), ущелья (I, 538)
весельем — похмельем (III, 155), похмелям (I, 299), ущельям (III, 160)
веселью — келью (I, 235), трелью (I, 382)
веселья — келью (I, 234; III, 173), похмелья (II, 173)
весенний — осенний (I, 86), тени (I, 174; II, 73)
веси — поднебесий (II, 272)
весла — взрослых (II, 74), крыла (III, 182), несла (I, 271), прошла (III, 205)
весло — отошло (I, 194), прошло (II, 339)
весна — больна, волна (III, 367), дана (I, 397), зажжена (I, 290), Купина (II, 21), луна (I, 370), обручена (II, 119), одна (I, 191; II, 111), окна (II, 61, 272, 322), она (I, 316, 474; II, 121, 122; III, 191, 231, 367), письма (I, 368, 418), полна (I, 474), пьяна (II, 241, 331), скакуна (II, 293), она (I, 370, 530; II, 144, 147; III, 100, 147, 154, 215), стремяна (I, 320), струна (I, 360), суждена (II, 199), темна (I, 3), тишина (I, 274; II, 110, 111, 121, 122; III, 100)

- весне — высоте (I, 487; III, 190),
глубине (I, 75), мне (II, 98, 115; III, 58,
185), окне (I, 165), сне (II, 80), тишине
(I, 391)
- весной — белизной, домой (II, 95),
косой (II, 335), тобой (II, 115, 167)
- весну — взгляну (II, 77), одну (I, 453),
протяну (II, 115), сну (I, 446; II, 80),
сосну (II, 98), тишину (I, 181; II, 25)
- весны — волны (I, 148), вышины (I, 405),
глубины (I, 130, 179, 401, 492), даны (I,
115), зурны (III, 26), луны (I, 399),
седины (I, 298), сны (I, 25, 76, 85, 132,
151, 166, 172, 342, 393, 424, 524; II, 121;
III, 184, 232, 236, 376), сосны (II,
58,99), сочтены (I, 270), сплетены (II,
100), стороны (I, 85), страны (I, 87),
тишины (I, 492), ясны (I, 167)
- вестей — гостей (I, 219), дверей (I, 205)
- вести — невесте (I, 205), пути (I, 530),
страсти (III, 252)
- вестниц — лестниц (I, 531)
- вестницу — лестницу (I, 248)
- весть — есть (II, 7, 56, 81, 245, 278; III,
165, 278), мечь (II, 316), перенестъ (III,
165), присестъ (II, 20), прочестъ (III,
282), счестъ (I, 528)
- вестью — ветвью (III, 118), мезью (I,
251)
- весь — здесь (I, 520, 521, 531, 535; III,
369)
- ветвей — моей (I, 401), ночей (I, 377),
огней (I, 397, 435), страстей (III, 236)
- ветви — смерти (II, 23)
- ветвью — везью
- ветвями — глазами (II, 96)
- ветер — ветер (III, 279), вечер (II, 82, 262,
264, 269; III, 347, 349), петель (III, 279,
280), свете (III, 279, 329, 347)
- ветерком — ледком (III, 181)
- ветерок — голосок (II, 16), теремок (II,
16)
- ветки — редкий (I, 241)
- ветку — дедка (II, 329)
- ветла — угла (III, 370)
- ветра — геометра (II, 20)
- ветрило — кормила (I, 189), кормило (I,
539)
- ветровые — Россия (III, 254)
- ветром — поэту (I, 377)
- ветру — на юру (II, 193)
- вечер — ветер
- вечера — вчера (III, 69), Петра (II, 141,
144)
- вечерам — воротам (I, 302), сам (III,
323), храм (III, 130)
- вечереет — веет
- вечерком — колдуном (II, 16), одним (II,
16)
- вечерне — вечерний (II, 43, 65)
- вечерней — безмерней, вечерни (I, 529),
суеверней (III, 205)
- вечерни — вечерней
- вечерние — суевернее (I, 29, 133)
- вечерний — безмерный, вечерне,
суеверней (I, 498), терний (I, 354, 492;
II, 100)
- вечерниц — ресниц (I, 314)
- вечеров — теремов (II, 145), шагов (I,
208)
- вечерок — восток (II, 20)
- вечная — бесконечная, быстротечная
- вечно — бесконечно, бесконечном
- вечной — млечной (II, 57)
- вечном — млечным (II, 105)
- вечность — бесконечность, беспечность
- вешней — нездешней (I, 392)
- вешнею — нездешнею (III, 226)
- вешние — нездешние (I, 119)
- вещей — зловеще (I, 425)
- вещим — зловещим (III, 251)
- вею — смею (II, 274)
- веял — реял (II, 74)
- веять — реять (II, 318)
- взаперти — спасти (III, 48)
- взвивается — старается (III, 185)
- взвизгнул — брызнул
- взвилась — вязь (II, 212), понеслась (II,
217), сорвалась (II, 217)
- взволнован — очарован (II, 72),
прикован (I, 185)
- взволнована — скована (I, 293)
- взволнованный — очарованный (II, 187)
- взволнуешь — колдуешь (III, 370)
- взгляд — ад, взгляд (III, 56), врат (I,
489), зашевелят (III, 212), назад (I, 95,
339, 404), наряд (I, 288; , 164), объят (I,
83), ряд (II, 231), сад (I, 284; II, 284),
следят (II, 43), улетят (III, 108), яд (III,
55, 164)
- взгляда — надо (II, 338)
- взгляде — пощаде (II, 141), пряди (II,
43), эстраде (III, 207)
- взглядов — обрядов (III, 316)
- взглядом — адом, рядом (II, 286; III, 174,
260, 334), садом (I, 205; II, 320; III, 174,
344), ядом (I, 3, 146; II, 36)
- взгляду — ограду (I, 204)
- взгляды — преграды (III, 212)

взглянет — устанет (II, 137)
 взглянешь — канешь (III, 311)
 взгляни — полосни (II, 258)
 взгляните — зените (II, 320)
 взгляну — весну, страну (I, 28)
 взглянул — повернул (I, 446)
 взглянули — гуле (II, 312)
 взглянуть — путь (I, 451; II, 184)
 взглянутся — смеется (I, 89)
 вздор — запор (II, 332), таксомотор (III, 36)
 вздох — Бог
 вздохнем — понесем (I, 165)
 вздохнет — зажжет (II, 104), замрет (I, 521)
 вздохните — нити (II, 221), плывите (II, 221)
 вздохнул — гул (I, 308, 495), дул (II, 174)
 вздохнула — потонула (I, 184)
 вздохнуть — грудь (III, 47, 119, 227),
 путь (I, 105; I, 72), сомкнуть (I, 424)
 вздыбится — девица (I, 321)
 вздыхает — засыпает (II, 112)
 вздыхать — благодать, почитать (II, 112), пылать (I, 408), рыдать (II, 112)
 вздыхающее — знающее (I, 272)
 вздыхающем — убегающем (III, 162)
 взлелеяны — повелено (II, 12)
 взмах — днях (I, 426)
 взмахнет — ждет (III, 325)
 взмахнешь — ложь (I, 180)
 взмахнуть — мать (II, 317)
 взойдет — род (III, 96), хоровод (II, 128)
 взойдут — приют (I, 148)
 взор — актер, бор, вор (III, 342), в упор (II, 99; III, 312), гор (I, 68; II, 251; III, 111), костер (I, 68; II, 104, 105, 131, 251, 254; III, 54, 101), позор (II, 181, 215), приговор (I, 458), простер (I, 68), разговор (III, 337), сор (III, 42), топор (II, 169), узор (III, 118), хор (I, 68), шатер (III, 118)
 взора — дирижера (III, 185), скоро (I, 287)
 взорам — дозором (II, 145), косограм (II, 75)
 взорами — косограмами (I, 265), призорами (II, 249)
 взорах — шорох (II, 115)
 взоре — зори (II, 240), море (III, 99, 100), моря (III, 262), Теодорих (III, 100), уборе (I, 390), хоре (II, 119)
 взоров — разговоров (I, 452)
 взором — разговором (III, 320), укором (I, 446, 447), хором (II, 219; III, 213)
 взоры — горы (III, 26), метеоры (III, 17), разговоры (III, 324), сеньора (III, 108), скоро (II, 172), скоры (I, 175), скорый (III, 17), споры (II, 272), укоры (I, 372), шторой (I, 192), шторы (II, 164)
 взоры я — скорые (I, 136)
 взошла — родила (I, 222)
 взошла бы — могла бы (II, 326), слабый (II, 326)
 взрослых — весла
 взрыв — покрыв (III, 327)
 взывал — скал (I, 389), хорал (II, 312)
 взяла — дала (II, 131)
 взялась — поднялась (II, 16), сплелась (II, 16)
 вид — блестит, динамит (III, 34), копыт (III, 203), лежит (I, 111), навзрыд (I, 205)
 видали — дале (II, 328)
 видать — ступать (II, 324)
 видений — гений (III, 361), смене (I, 321), сомнений (I, 262), тени (I, 36, 77, 130; II, 240, 247, 248)
 виденье — вдохновенья, мученья (II, 338), поколенья (I, 68), пробужденья (I, 53), сомненье (I, 68), спасенье (I, 68), спасенья (I, 68)
 виденьем — сновиденья (I, 453)
 виденья — забвенье (III, 307), мгновенья (II, 125), песнопеньям (I, 125), примиренье (I, 141), презренье (I, 88), сновиденья (I, 272), тленья (I, 478), удивленья (III, 61), я (II, 28)
 видеть — ненавидеть (I, 340)
 видишь — слышишь (II, 225)
 видна — имена (I, 509), смущена (I, 435), страна (III, 268)
 виднее — звончее (III, 367), чернее (III, 367)
 виднеется — чернеется (II, 14)
 видны — стены (II, 94), темны (I, 464)
 видя — ненавидя (III, 93)
 вижу — ближе
 визг — диск (II, 151, 185)
 визгливый — торопливой (III, 192)
 визжа — дождя (II, 126)
 вилась — рас (III, 247)
 вились — неслись (II, 217)
 виллы — нисходила (II, 312)
 вилы — жилы (II, 333)
 вина — жена (II, 171; III, 17), она (II, 131, 261; III, 326), пьяна (II, 171), свалена (III, 176), сна (III, 11, 17), стройна (II, 257), тишина (II, 261; III, 355)
 вине — мне (II, 186, 192; III, 315)

винной — невинной (II, 211)
 вино — вручено (II, 186), одно (I, 73),
 окно (III, 340), оно (II, 52), равно (III,
 45)
 вином — ковyleм (III, 176), огоньком
 (III, 312)
 винт — гремит (III, 197)
 винта — красота (III, 135), мечта (III,
 135)
 винтами — глазами (III, 34)
 винтообразный — безобразный
 винты — ты (III, 34)
 виски — тоски (II, 198)
 виснет — свистнет (III, 248)
 витала — отдыхала (I, 476)
 витрин — мужчин (II, 159)
 витринах — долинах (III, 109)
 вития — Россия (III, 348)
 Вифлеема — немо (II, 277)
 вихревое — голубое (III, 223)
 вихрь — искр (II, 278)
 вишневый — парчевый (I, 320)
 вьясь — притагьясь (I, 483), стремясь (I,
 400)
 вкрадчиво-протяжный — важный
 шаг — шаг (II, 236)
 влага — оврага (I, 11; II, 25)
 влаге — овраге (I, 536)
 влаги — овраги (II, 24), саркофаги (III,
 98), флаги (II, 175)
 влагой — оврагу (II, 24)
 владею — умею (I, 141)
 владея — бледнея
 владыкам — крикам (I, 261)
 влажен — важной, скважины (II, 12)
 власти — отчасти (III, 320), страсти (I,
 269, 414, 441, 450; III, 325, 328),
 счастья (I, 441), части (I, 462)
 властитель — обитель (II, 240)
 властно — несчастно (I, 268)
 властной — страстной (I, 351)
 власть — страсть (I, 23, 385, 407, 414; III,
 157, 214, 339)
 властью — страстью (I, 335, 389; II, 271)
 власяницы — границе (I, 129)
 влача — бренча, палача (II, 137)
 влачу — оплачу (II, 36)
 влекла — поняла (I, 447)
 влеклись — сплелись (I, 155)
 влеком — знаком (I, 376)
 влекома — знакома (III, 56)
 влекомый — знакомый (II, 75),
 незнакомый (II, 74)
 влоблен — звон (III, 37), клен (I, 207),
 он (II, 37, 164), поклон (III, 25, 164),
 похорон (I, 366), салон (III, 320), сон
 (I, 294, 533)
 влоблена — бледна, жена (III, 164),
 облечена (III, 164), холодна (III, 37)
 влобленно — бездонна, благосклонно
 влобленное — сонная (I, 272), сонное
 (III, 216)
 влобленной — бездонна
 влобленность — бессонность
 влобленные — бессонные
 влобленный — бессонный, вседенной,
 (I, 51), колонны (III, 20), мадонны (III,
 113), обнаженный (I, 270), оконной (II,
 238), определенный (II, 137),
 отдаленный (I, 483), свершенный (I,
 270), серебристо-утомленный (I, 280),
 утомленный (I, 280; III, 242)
 влобленных — отдаленных (I, 507)
 влоблены — волны (I, 304), стороны (II,
 247)
 вместе — персти (II, 77), предместье (III,
 342)
 вмиг — язык (I, 342)
 в миру — ввечеру
 вначале — привечали (III, 322)
 внемлют — дремлют (III, 96)
 вниз — карниз (I, 192), лиц (II, 163),
 повис (III, 197), риз (I, 284; II, 48, 204),
 улыбились (II, 237)
 внизу — бирюзу, наяву (I, 308)
 вникать — постигать (III, 290)
 внимал — давал (I, 436), угадал (II, 327)
 вниманием — ожиданием (III, 145)
 вниманьем — воспоминаньем (I, 459)
 вниманья — зданье (III, 311)
 внимательно — гадательной (II, 165)
 внимать — опять (III, 41), тать (I, 131)
 внимая — засыпая (I, 396), кружевная
 (II, 23), сгорая (II, 23), улетаая (I, 408)
 вновь — кровь (III, 375), любовь (I, 23,
 161, 188, 240, 398, 407, 409, 413, 436; II,
 293; III, 90, 95)
 внукам-шалунишкам — ребятишкам (II,
 322)
 внуку — руку (I, 313)
 внутри — зари (I, 208)
 внучат — кричат (II, 323)
 вяnten — пятен (III, 264)
 вянтной — непонятна (III, 215)
 вянтный — возвратный (II, 279),
 непонятным (III, 16)
 вянтным — невозвратным (III, 17),
 непонятным (III, 16)
 вовек — брег

- вод — берет, вперед (II, 130), наперед (II, 10), поет (I, 19, 169)
- вода — года (II, 115), звезда (I, 118; III, 158), куда (III, 38, 39), навсегда (I, 310; III, 38, 39, 158), никогда (I, 11; II, 18, 114, 212; III, 158), пруда (I, 499), следа (III, 33), стада (II, 45, 61; III, 158), суда (III, 136), сюза (II, 249)
- воде — везде, где (I, 209), нигде (I, 388), пруде (I, 417)
- водила — бродила
- водицы — сестрица (II, 315)
- водки — косоворотке (III, 315)
- водной — отходной (III, 37), свободной (II, 215)
- водоворот — пройдет (III, 56)
- водоеме — дреме (II, 56)
- водой — мной (III, 244), площадной (II, 149), хмельной (II, 330)
- водопад — назад (I, 389; II, 137)
- водопады — наяды (III, 75)
- водою — мною (I, 417)
- воду — свободу (III, 33)
- воды — годы (III, 329), звезды (II, 230, 262), льды (II, 330), непогоды (I, 251), проходу (II, 146), свободу (I, 398), свободы (I, 476; II, 335), следы (II, 10, 230)
- водянистый — голосистый (III, 329)
- водят — ходит (III, 316)
- воет — укроет (I, 16)
- вожгла — мгла (II, 228), чела (II, 228)
- вожделений — стремлений (I, 80), творений (I, 64)
- вожди — дожди (I, 530)
- возврат — закат (I, 470)
- возврата — заката (I, 168, 213; II, 7; III, 310), когда-то (I, 384), разврата (I, 482), солдата (III, 307)
- возвратиться — молиться (I, 363)
- возвратишь — камыш (I, 526)
- возвратный — нятный, закатный (III, 76)
- возвращали — печали (I, 467)
- возвращенья — паденья (I, 447)
- воздам — снам (I, 456)
- возданья — обещанье (II, 339)
- воздвиг — миг (I, 335)
- воздетым — светом (II, 129)
- воздух — отдых (II, 173, 328; III, 179)
- воздушной — душевной (II, 220, 327), душевный (II, 189), послушной (II, 220)
- воздушный — душевой (I, 291)
- воздыхал — забывал (I, 61)
- воздыханий — несмыканий (I, 316)
- воззванье — молчанье (I, 108), молчаньи (I, 108)
- воззренья — презренья (III, 322)
- возлетим — догорим (II, 225)
- возможно — дорожной (III, 255), ничтожно (I, 400), осторожной (III, 225), тревожно (I, 77; II, 274)
- возмущенный — отдаленный (I, 524)
- возненавидеть — увидеть (I, 193)
- вознес — мороз (I, 368), роз (I, 368)
- вознесены — войны (II, 308), умы (III, 308)
- вознесла — скала (I, 427)
- возник — крик (II, 244, 337), лик (III, 330)
- возникнет — никнет (III, 199)
- возносилась — билась
- возносит — приносит (I, 427)
- возносится — бросится, носится (I, 475)
- возрастая — догорая (I, 472), изжитая (II, 292)
- возрожденье — отражение (I, 413)
- возрожденью — движенье (I, 49)
- возрос — роз (I, 474)
- возьми — людьми (II, 274)
- возьмут — плывут (II, 161)
- воин — достоин (II, 339), спокоен (I, 318)
- воюду — бреду
- война — страна (III, 281)
- войне — наравне (III, 309)
- войны — вознесены, ножны (III, 361), оскорблены (III, 96), сны (I, 341), умы (III, 308)
- войти — найти (III, 43), пути (III, 242)
- вокзал — миновал (II, 137)
- вокзалами — алыми
- вокруг — вдруг, друг (I, 37, 158, 199, 473, 474), круг (I, 351), полукруг (II, 73)
- воле — боли, поле (I, 9, 354; II, 254)
- волен — болен
- волею — более
- воли — боле, боли, доли (I, 487), поле (I, 178), юдоли (I, 129)
- волн — полн (I, 424), челн (I, 44)
- волна — бедна, весна, дна (I, 473), луна (III, 192), окна (I, 60), она (I, 435; III, 367), полна (I, 414; II, 153), смягчена (I, 427), тишина (III, 277)
- волнам — нам (II, 71)
- волнами — скалами (III, 372)
- волнах — монах (III, 116)
- волне — вполне (I, 479), вышине (I, 475), дне (I, 251), скакуне (III, 376), сне (II, 176)

волнений — селений (I, 497)
волнение — пареньи (I, 101), поклоненье (I, 179)
волненьи — звенья (I, 128), поклоненьи (I, 57)
волненья — вдохновенью,
вдохновеньям, забвенья (I, 465),
спасенье (II, 54)
волной — зной (III, 107), неземной (I, 166), покой (I, 400)
волною — звездую (III, 177), смою (III, 237), собою (III, 466)
волну — усну (I, 361)
волнуем — ночуем (III, 16), поцелуем (III, 16)
волнуют — колдуют (III, 52)
волнуясь — люблюясь (I, 378)
волны — безмолвна, безмолвны,
быстрины, весны, влюблены, глубины (I, 469; II, 10), полный (I, 395, 403, 477), сны (II, 45), челны (I, 271, 349)
волока — окна (I, 191, 212, 514)
волоками — окнами (I, 518)
волос — вопрос (I, 522), голос (II, 120, 269), колос (I, 228), нос (III, 335), пес (II, 286), повелось (III, 138), развилось (II, 24), роз (II, 313), хаос (II, 181)
волоса — голоса (II, 52), колеса (II, 336), паруса (II, 52)
волосах — глазах (II, 139), горах (I, 220), страх (II, 211)
волосы — вполголоса (III, 348), голоса (III, 216), полосы (II, 22)
волхва — голова (II, 48), слова (II, 182)
волхвов — духов (II, 182)
волчок — толчок (III, 41)
волчком — пучком (III, 287)
воль — боль
вольна — быстрина, глубина (II, 52), стена (III, 243), страшна (II, 52), холодна (II, 52)
вольного — окового (II, 278)
вольной — больно, колокольный (II, 49)
вольный — раздольный (II, 145), соленый (II, 52)
вольным — колокольным (III, 336)
воля — поле (III, 335), поля (III, 196), что ли (II, 77)
вонзает — толкает (III, 337)
вонзал — искал (III, 128)
вонзили — осенили (I, 318)
вонзиться — биться
воображеньи — значенье (I, 342), сновиденье (I, 174)
воочью — ночью (I, 443)

вопиет — ждет (I, 52), круговорот (I, 52)
воплотить — жить (III, 85), нить (II, 316)
вопрос — волос, донос (III, 318), пес (III, 42), принес (III, 77), разнес (I, 435), роз (I, 394), слез (I, 495; II, 292), унес (I, 436), хвост (III, 355)
вопросами — колесами (III, 261)
вопросы — доносы (III, 326), косы (I, 522), матросы (III, 136)
вопрошает — сияет (I, 424)
вор — взор
воробышком — зазнобушку (III, 355), кровушку (III, 355), чернобровушку (III, 355)
ворожке — тебе (I, 199)
ворожкой — роковой (I, 123), тобой (I, 93)
ворожбою — тобою (I, 481)
ворожеями — чертями (II, 106)
ворожим — своим (III, 114)
ворожу — бужу, вывожу (II, 335), прихожу (I, 93)
ворон — похорон (III, 336)
вороны — звоны (III, 367)
воронье — твое (III, 173, 278)
воронья — края (III, 173), моя (III, 75)
ворот — зовет (II, 241), кот (III, 49), лед (I, 522), поет (II, 240), рот (II, 210)
ворота — заперта (III, 333), круга (I, 74), кто-то (I, 302), позолота (III, 98), работа (II, 91), чернота (III, 279), что-то (I, 221, 485; II, 140)
воротам — вечерам
воротах — высотам (II, 183)
воротись — покорись (II, 227)
воротиться — хочешь все (II, 135)
воротник — лик (III, 311), миг (III, 331)
воротником — бочком
воскового — слухового (II, 72)
воскресать — сказать (III, 375)
воскресая — узнавая (I, 498)
воскресенье — отделенье (III, 49)
воскресеньи — умиленьи (I, 62)
Воскресенья — каменя (III, 134)
воскресила — научила (I, 436)
воскресни — песни (I, 262, 470)
воскрешено — окно (I, 433)
вослед — ответ (I, 135; II, 61)
воспламенять — освежать (I, 409)
вспоминание — дыханье (I, 488)
вспоминаний — поляне (III, 199), ранний (III, 53), страданий (I, 438), терзаний (I, 341)
вспоминанье — до свиданья (III, 207), молчанью (I, 398)

воспоми^наньем — внима^ньем,
 отрица^ньем (I, 348)
 воспоми^нанья — желанье (I, 447),
 мерцанье (I, 434), созна^нья (III, 336),
 страданья (I, 386), существованье (I,
 474)
 воспрянула — канула (II, 194)
 воспрянуть — увянуть (I, 536)
 восстал — дрожал (I, 406)
 востали — печали (III, 183)
 восстану — рану (I, 366)
 восстанья — зданья (II, 202)
 восток — вечерок, срок (III, 360)
 востока — далеко (II, 56), пророка (I,
 478, 494)
 востоку — око (I, 39)
 восторг — исторг (III, 188)
 восторжествую — безумно-молодую,
 молодую (I, 152)
 восхищеньи — выраженьем (III, 321)
 восхищенья — изображенье (I, 199)
 восход — вперед (I, 434), создает (I, 18),
 сойдет (I, 203)
 восхода — природа (I, 434)
 восходящая — струящая (I, 504)
 восьмую — больную
 вот — анекдот, встает (III, 53), поет (II,
 132), уйдет (II, 269), флот (III, 330)
 в охапку — шапку (II, 323)
 вочеловечить — увековечить (III, 85)
 вошел он — полон (II, 140)
 вошла — обвела (III, 272), теkla (II, 331)
 впервые — заревые (III, 71), золотые (I,
 423), иные (I, 91), неземные (I, 289)
 вперед — вод, восход, встает (II, 280),
 гнетет (II, 38), дает (II, 152), идет (II,
 265), лед (I, 209; III, 318), напролет
 (III, 358), народ (I, 60, 350; III, 348,
 356, 358), невзгод (II, 282), обдает (I,
 131), поет (II, 152), умрет (II, 55)
 впереди — выходи (III, 161, 358), груди
 (I, 236, 240, 375, 496, 497; III, 161), иди
 (I, 393), найти (I, 393), освободи (III,
 161), отойди (II, 103), подходи (III,
 349), позайди (I, 114), проходи (III, 349)
 впечатленья — сомненья (I, 42)
 впивать — мечтать (II, 159)
 вплавь — явь (II, 71)
 впились — глядись (III, 153), Массис
 (II, 153)
 вплести — развести (III, 172)
 вплетая — бросаю
 вполне — вине, волне
 вполголоса — волосы
 впопыхах — руках (III, 315)

впотьмах — горах (III, 339), зачах (I,
 406), крылах (I, 406), лучах (I, 427),
 очах (I, 406), слезах (I, 413), ходах (I,
 368)
 вправо — травы (I, 306)
 впускаю — знаю (II, 336)
 выпустить — любить (I, 364)
 впушу — грущу (II, 332)
 враг — Дубняк (III, 307), злак (I, 502),
 мрак (III, 113), очаг (III, 262, 375),
 флаг (III, 358), шаг (I, 134; III, 350,
 353, 258)
 врага — пурга (III, 356), сапога (III,
 356), снега (II, 268), цветка (I, 536)
 врагами — звездами (III, 8), скалами (I,
 350)
 враги — слуги (I, 514)
 врагов — валов, костров (III, 374),
 пиров (III, 374)
 врагом — умом (III, 305)
 враждовать — знать (I, 392)
 вражды — чужды (III, 125)
 вражий — стражи (I, 220)
 врассыпную — седую (II, 321)
 врат — взгляд, горят (I, 529), назад (II,
 79)
 врата — Христа (I, 183)
 Вревской — Достоевский (III, 319, 321)
 времен — дракон (II, 154), звон (III, 18,
 41), небосклон (II, 267), он (III, 315),
 племен (I, 123, 290), смущен (I, 185),
 сон (I, 290, 296, 318, 537; III, 18, 29,
 236)
 времена — дна (I, 329), луна (I, 414)
 временам — пополам (II, 38)
 временах — снегах (II, 91)
 времени — племени (I, 355, 356), семени
 (I, 504)
 время — бремя, всеми (III, 66), семя (I,
 438, 459), теми (III, 147)
 времячко — семячки (III, 355), темячко
 (III, 355)
 выросла — поросла (III, 206)
 вручено — вино
 вручу — свечу (I, 286)
 врывалось — менялось (III, 315)
 все — красе (I, 532), се (III, 289)
 всегда — года (II, 83), горда (I, 60; III,
 68), звезда (I, 338), пруда (II, 64), тогда
 (I, 60; III, 344), труда (I, 69), холода
 (II, 193)
 всегдашний — бесстрашной
 вседневных — душевных (I, 138)
 вселенной — влюбленный,

неизреченной (I, 164), нетленной (I, 329, 398), пенный (I, 334)
 вселенской — женской (III, 239)
 всем — дом (III, 279), мечом (I, 289),
 моем (I, 92), нем (III, 315, 325), огнем
 (III, 307)
 всеми — время
 всемирным — лирном (II, 175)
 всемогущей — идущей (I, 351)
 всеошной — мощной (I, 404)
 всепознаья — дыханы (I, 486),
 издыханы (I, 486)
 всех — грех (I, 486; III, 62), мех (I, 221),
 смех (I, 307, 365, 486; II, 208; III, 62,
 310)
 вскачь — лихач (III, 352), плачь (III, 250)
 вскидывает — замедляет (III, 354)
 вскинула — осыпала (II, 281)
 вскинут — отодвинул (I, 320)
 всклокоченных — позолоченных (I, 248)
 всколыхнется — вернется
 вскоре — зори (I, 485, 496, 497)
 вскриком — ликом (II, 267)
 вскрываются — встречаются (II, 213)
 вслед — берег, нет (III, 150), поэт (III,
 196), цвет (III, 111)
 всплывали — печали (I, 336)
 всплыву — наяву (I, 144)
 всплыла — хупола (I, 143), перенесла (I,
 100)
 всполохнутый — спруты (III, 245)
 вспоминай — край (III, 166)
 вспоминали — веками
 вспомянуть — звать (III, 144), понять (I,
 448), прогнать (III, 220), рать (II, 59),
 роугать (I, 496), украшать (I, 431)
 вспомнит — комнат (II, 246)
 вспугнуть — грудь (III, 55)
 вставал — посвящая (III, 127)
 вставала — бросала
 вставать — знать (I, 471)
 вставшей — пролетающий (II, 173)
 встает — вот, вперед, поет (I, 465)
 встал — догорал (I, 54)
 встала — испугала (II, 206), умчала (II,
 124)
 встанет — канет (III, 62, 202), обманет
 (III, 62), тумане (II, 45; III, 81)
 встанешь — обманешь (I, 313)
 встань — ткань (III, 92)
 встарь — гарь (III, 374), фонарь (III, 37),
 царь (I, 240)
 встать — мечтать (III, 69)
 встают — идут (III, 247)

встревожен — невозможен (III, 100),
 ничтожен (III, 100)
 встревожит — положит (I, 303)
 встрепенется — коснется (I, 5)
 встретил — светел (II, 34, 183)
 встретимся — засветимся (I, 357)
 встретит — ответит (I, 7), светит (I, 333)
 встретить — обещетвить (I, 509),
 ответить (I, 23), отметить (I, 364)
 встреть — свете (III, 149)
 встрелят — заметят (I, 288)
 встреч — жечь (I, 354), зажечь (I, 452),
 меч (II, 49, 215, 237, 242), плеч (I, 284,
 397; II, 238; III, 233), речь (I, 500)
 встречал — квартал (III, 127)
 встречали — дали (I, 157; II, 267), печали
 (I, 352; III, 376)
 встречались — венчались
 встречать — печаль (I, 237)
 встречаться — удивляться (I, 237)
 встречаются — вскрываются
 встрече — плечи (III, 31), речи (II, 274,
 326), свечи (II, 326), сечи (II, 115)
 встречей — плечи (II, 273)
 встречен — замечен (III, 83)
 встречи — встречи (I, 482), далече (I, 81,
 436), речи (I, 13, 80, 108, 161, 268, 433,
 436), свечи (I, 159, 177, 194, 221, 239;
 III, 101)
 встречный — бесконечный, меч мой (II,
 233)
 встречным — бесчеловечным
 встрече — замеч (I, 509), изувечу (II,
 331), навстречу (I, 39), предтечу (I,
 130), речи (I, 373)
 вступаю — чужая (III, 24)
 вступила — заслонила (II, 254), кадила
 (II, 119), уходила (III, 180)
 всходил — серебрил (I, 219)
 всходила — светила (I, 103)
 всходило — разбудила (I, 199)
 всхожу — бужу, расскажу (II, 88)
 всюду — груди (I, 336), чуду (III, 144)
 втайне — очертаний (II, 96)
 втираться — притворяться (III, 36)
 втихомолку — толку (III, 133)
 втоптала — целовала (III, 128)
 вторя — море (II, 51), моря (I, 469)
 втуне — коммуне (III, 318)
 вуали — печали (III, 123)
 вуаль — даль (II, 186, 255)
 вуалью — далью (II, 255; III, 24)
 в упор — взор, костер (II, 166), отпор
 (III, 150)

входа — народа (I, 264), свобода (II, 274; III, 80), свободы (II, 174), свода (II, 173)
входила — Нила (I, 363), светила (I, 362)
входило — рылом (II, 331)
входит — бродит
вчера — вечера, гора (II, 87; III, 226), двора (I, 105), костра (I, 361), остра (II, 87), пора (I, 474, 497; II, 25), сестра (I, 474, 533), ура (III, 309), утра (I, 481; II, 207)
вчерашнее — страшное (I, 243)
вчерашней — башни, пашней (II, 385), пашни (I, 531)
вчерашний — башни, бесстрашной
вчерашних — страшных (II, 80)
вы — головы (III, 150), засовы (II, 228), оковы (II, 228), совы (II, 228), травы (II, 118); III, 63)
вывели — гибели (II, 249)
вывозу — бужу, ворожу, вывожу (II, 335)
вызов — карнизов (II, 156; III, 68)
выл — озарил (I, 403), пыл (I, 335, 336)
вымпелами — кормами (III, 331)
вынет — опрокинет (II, 232), остынет (II, 232)
выносила — искажила (III, 71)
выносит — косит (I, 536)
выносить — кадить (I, 443)
вынуто — кинуту (III, 261)
выпито — принятый (III, 19)
выражать — благодать
выражая — передавая (III, 150)
выраженьем — восхищены
высок — огонек (I, 279), разок (II, 71), стебелек (I, 275)
высока — века, издалека (I, 221), языка (I, 362)
высокий — одинокой (I, 338), снежнооки (II, 252), черноокой (II, 136)
высоко — глубоко (III, 154), далека (I, 497), ока (I, 249), око (I, 534; III, 33)
высокой — далекий (I, 420), одиноко (I, 102)
высот — звездочет (I, 246), умрет (II, 11)
высота — креста (II, 252)
высотам — нам (I, 10)
высотах — воротах
высоте — кресте (II, 252, 263), мечте (III, 71), Христе (III, 248), чистоте (I, 520)
высоту — мосту (III, 158), на лету (II, 126), Христу (III, 246), цвету (III, 158), черту (II, 183)

высоты — мечты (I, 505), темноты (I, 209), ты (II, 197, 293, 326), цветы (I, 159, 220, 355, 396), черты (II, 326), чистоты (I, 101)
высь — глядись (II, 217), гонись (I, 25), дивись (III, 117), зажглись (I, 74), запеклись (I, 505), неслись (I, 368), оглянься (II, 13), очнись (II, 127), поднимись (I, 507, 513), понеслись (II, 219), постучись (I, 213), пронеслись (I, 149), разошлись (III, 66), риз (I, 487), обьлись (I, 253), слились (I, 506), улыбнись (II, 127), унеслись (I, 477)
выгирать — укорять (III, 219)
выходи — вперед, груди (II, 161), освободи (II, 161), позади (III, 358)
выше — крышей (III, 229), крыши (I, 369; II, 117, 205), тише (I, 275; III, 60)
вышел — крыши (III, 49), повьше (II, 281)
вышине — весне, волне, глубине (I, 473), дне (III, 305), коне (III, 252), мне (II, 126, 223), окне (II, 311), струне (III, 371), тишине (I, 81, 283)
вышины — весны, глубины (I, 467), смущены (I, 494)
вышли — простишь ли (II, 167)
вьюг — друг (II, 81; III, 164), круг (II, 250), супруг (III, 164)
вьюга — друга (I, 16; II, 196; III, 142, 335, 356), подруга (I, 403; II, 206; III, 210, 286), шага (III, 356), юга (III, 11)
вьюгам — недугом (III, 332)
вьюгами — плугами (II, 47)
вьюге — дуги (I, 244), круге (II, 233, 330; III, 24, 141), супруге (III, 314)
вьюги — кольчуге (II, 268), круге (II, 225, 232), подруги (I, 273, 403; II, 216)
вьюгу — югу (II, 50)
вьюн — шхун (III, 162)
вяжет — укажет (I, 316)
вязь — взвилась, обратясь (II, 327), предалась (II, 212), смеясь (III, 175)
внянут — станут (I, 11)

Г

гавани — плаванье (III, 19, 366), саване (III, 19)
гадал — ждал (I, 126)
гадалка — жалко (I, 178), катафалка (II, 42)
гадалки — балки
гаданий — блужданий, зданий (I, 264)

гаданья — преданья (II, 148)
гадательной — внимательно
гадать — давать (I, 431), мать (II, 153)
гаду -- рада (II, 14)
газ — глаз (I, 280), раз (I, 219)
газели — метели (II, 211)
гайдамаков — мраков (III, 313)
галдеж — молодежь (III, 315)
Галилея — жалея (III, 246)
галки — палке (II, 69)
галереи — Соломея (III, 103)
Галлы — залы (III, 99)
Гамлета — поэта (I, 14)
гармоника — лютики (II, 280)
Гарпагон — он (III, 339)
гарь — встарь, фонарь (II, 146), царь (II, 141)
газ — глаз (I, 226)
гасну — напрасно (I, 414)
гать — гулять (II, 14)
гашу — приношу (I, 294)
гвоздем — на нем (II, 263)
гвоздь — гроздь (II, 263)
где — воде
где-то — ответа (I, 108; II, 138), рассвета (III, 307), света (II, 53)
где ты — заветы (II, 261), обеты (I, 171)
геенна — мгновенна (II, 154)
гениальной — идеальной (I, 421)
гений — вдохновений, видений, лени (II, 340), мгновений (II, 339), осенний (III, 138), откровений (I, 401), поколений (I, 97), поколений (I, 329, 455; III, 96), служений (I, 230), сновидений (I, 403), тени (III, 182)
геометра — ветра
герани — бурьяне, герани (III, 206), тумане (III, 206)
гербы — толпы (II, 155)
героев — покоев (II, 233)
героем — скроем (III, 314)
герои — неземное (II, 169), покоев (II, 250)
герольды — фьорды (II, 228)
герою — головою (III, 135), спиною (III, 135)
героя — двое (III, 342), заревое (III, 192), покоя (II, 134)
гиацинты — лабиринта (II, 57)
гибели — вывели, обители (II, 249)
гибель — изгибе (II, 260)
гибки — улыбки (II, 35)
гибкий — зыбкой (II, 279), улыбкой (II, 133, 279)
гиком — криком (II, 244)

гимна — дивно (III, 236)
гимны — дымный (III, 185), зимний (II, 278), схимник (II, 278)
главой — снеговой (III, 141)
главу — молву (III, 246)
глагола — долу (I, 225)
глаголам — долам (I, 426)
глаголы — долы (I, 407, 423), престолы (I, 486)
гладь — держать (III, 153), ждть (I, 532), опять (III, 182), отдать (III, 153), понять (III, 29), увидать (I, 368)
глаже — та же (II, 101)
глаз — алмаз, газ, гас, напоказ (II, 89, 207; III, 196), нас (III, 44, 190), погас (I, 209, 393; II, 257), раз (I, 91, 98, 408, 450, 518; II, 100, 130; III, 34, 41, 233), час (II, 172, 239)
глаза — глаза (II, 246), голоса (II, 89, 164), гроза (II, 53, 82, 126, 151, 257, 269, 323, 327; III, 54, 55, 93, 202, 217, 313), коса (I, 236), небеса (II, 96), образа (I, 159; II, 40; III, 113), слеза (II, 80, 191), уста (II, 213)
глазам — храм (II, 276)
глазами — ветвями, винтами, горами (I, 103), домами (III, 10), клоками (II, 336), мечтами (III, 319), нами (I, 202; III, 67), образами (I, 227), сами (III, 362), тенями (II, 166), цветами (III, 111), шагами (I, 202)
глазах — волосах, слезах (I, 413), словах (I, 454), снах (II, 330; III, 24), страх (I, 504; II, 181), щеках (III, 317)
глазела — аелла
глазело — потемнело (I, 526)
глазком — дружком (II, 209), столом (II, 209)
глазом — чернозасым (II, 60)
глас -- погас (I, 396), сейчас (III, 326)
гласом — атласам, часом (III, 135)
глашатай — заката (I, 540)
глуби -- любим (II, 121, 122), плуги (II, 320)
глубина — быстрина, вольна, она (II, 277), сна (II, 311), страшна (II, 52), холодна (II, 52)
глубинам — дням (I, 537)
глубинами — лучами (I, 190)
глубине -- весне, вышине, мне (I, 106, 137, 296; II, 235), сне (I, 106), тишине (I, 370)
глубинной — голубиной (I, 249)
глубинностью — невинностью (I, 250)
глубиной -- мной (III, 258)

глубину — одну (III, 158), сну (II, 52)
 глубины — быстрины, весны, волны,
 вышины, жены (I, 160), мы (I, 412),
 смушены (I, 221), сны (I, 75, 190, 499,
 503; III, 158), страны (I, 85), темны (I,
 85), тишины (III, 158)
 глубокий — сжег (I, 381), челнок (I, 44)
 глубока — близка, издалека (III, 303)
 глубоки — жестоких (III, 340), сроки (I,
 283)
 глубокий — далекий (I, 424), одинокой
 (I, 442, 458)
 глубоко — высоко, далеко (I, 461, 470;
 III, 153), жестоко (I, 449), издалека (I,
 54, 76), намек (I, 300), недалеко (I,
 340), черноокой (I, 63), Эско (III, 153)
 глубокой — далекой (I, 439), одиноко (I,
 97), око (III, 368)
 глубоком — далеком (I, 44), докам (III,
 153), потоком (I, 201, 390)
 глуп — труп (II, 89)
 глупо — тупо (III, 329)
 глупость — тупость (III, 273)
 глупцов — стихов (I, 281)
 глух — дух (I, 185)
 глуха — петуха (II, 244; III, 80)
 глухая — золотая (III, 168), пустая (III,
 41)
 глухие — какие (II, 293), пустые (III, 47),
 луховые (III, 356), Россией (III, 328),
 России (III, 278), Россия (III, 330),
 стальные (III, 356)
 глухих — них (II, 338)
 глухо — слуха (III, 342), старуха (III,
 257)
 глухой — головой (II, 173), ольхой (III,
 182), собой (II, 104), сухой (III, 199),
 твоей (II, 338), той (II, 287), травой (I,
 416)
 глухую — торгуют (III, 89), торжествую
 (III, 28)
 глуше — души (I, 108)
 глуши — души (I, 346, 476; II, 267; III,
 41, 107, 142)
 глыбы — могли бы (II, 129)
 глядел — гремел (I, 384)
 глядеть — сметь (III, 55), умереть (III,
 177)
 гляди — груди (III, 159, 349)
 глядись — вплелись, высь, Массис (III,
 153)
 глядит — велит, гранит (I, 360; III, 330),
 зазвучит (III, 232), молчит (II, 205),
 спит (II, 22; III, 220), стоит (II, 322; III,
 327), сторожит (III, 54)
 глядишь — тишь (I, 195, 497)
 глядят — котят (II, 323), наград (I, 533),
 сулят (I, 407)
 глядящий — летящий (III, 376)
 гляжу — освобожу (I, 433), скажу (I, 247;
 II, 279; III, 207)
 гляжусь — наизусть (III, 108)
 глянец — иностранец (III, 312)
 глянул — канул (III, 84), прянул (III,
 206)
 глянце — танце (I, 227)
 глянца — танцы (I, 192)
 глянь-ка — нянька (II, 315)
 гнев — дев (II, 104; III, 95)
 гнева — дева (I, 110, 491, 534; III, 17),
 королева (II, 67), напева (III, 17),
 слева (II, 67)
 гнев — деве (I, 200)
 гневна — Купина (I, 185)
 гневность — ревность (III, 163)
 гневно — Алексевна
 гневно-светел — пепел (III, 84)
 гневный — царевной (II, 267)
 гневом — девам (III, 96)
 гнет — гнетет (III, 31), замрет (I, 447),
 лет (I, 321), поет (I, 423), полет (I, 438),
 придет (I, 445), рвет (III, 279), сознает
 (I, 440)
 гнетет — вперед, гнет (I, 31)
 гнетущим — зовущем (I, 72)
 гнетущих — грядущих (III, 377)
 гнешь — рвешь (III, 280)
 гниль — пыль (II, 150)
 гнилью — пылью (III, 87)
 говори — зари (III, 229)
 говорил — жил (I, 224)
 говорила — было
 говорили — проходили (I, 283)
 говорило — отворила (III, 242)
 говорит — молчит (I, 389), убит (I, 269)
 говорить — быть, любить (I, 408), может
 быть (III, 308), нить (II, 200),
 погрозить (I, 313), сохранить (I, 364),
 спросить (I, 205), хранить (I, 437)
 говорю — догорю (II, 87), зарю (II, 87)
 говорят — ад, аэроостат, богат, горят (II,
 314), дрожат (III, 365)
 говорливый — счастливой (I, 17)
 год — ждет (II, 207), народ (III, 88),
 невзгод (II, 269)
 года — вода, города (I, 336), когда (III,
 198), куда (III, 179), навсегда (II, 218;
 III, 224, 366), никогда (I, 466; II, 87;
 III, 179), 225, 289), погода (III, 336).

- провода (III, 29), тогда (I, 445; II, 87, 101; III, 142, 144, 283, 323, 377)
- годам — мечтам (I, 391)
- годами — слоями (III, 338)
- годах — небесах (III, 185)
- годной — голодный (III, 338)
- годов — готов (I, 242), слов (I, 433)
- годовщиной — причиной (III, 315)
- годы — бурей-непогодой, воды, непогодой (I, 420), природы (III, 29), свободы (I, 66, 508, 510; III, 278), своды (I, 239)
- голова — волхва, два (II, 147), кружева (II, 158), мертва (III, 353), Москва (II, 144), права (III, 15, 325), рукава (II, 210; III, 340), слова (I, 178, 480, 482; II, 270; III, 15, 37, 49, 176, 184, 317)
- головах — снах (III, 147)
- голове — Нева (I, 330)
- головни — огни (II, 172)
- голоной — глухой, грозовой (III, 55), детей (I, 308), живой (I, 336), косой (III, 247), листовой (I, 417), луной (III, 103), мостовой (II, 163; III, 341), открой (I, 349), сединной (II, 285)
- головы — вы, львы (III, 233), синева (II, 109)
- головою — герою, зарею (I, 494), спиною (III, 135), татарвою (III, 250), тропюю (II, 337)
- голод — холод (II, 189; III, 307, 309)
- голодный — безродный, годной, холодный (III, 358)
- голос — боролось, волос, колос (III, 86)
- голоса — волоса, волосы, глаза, коса (I, 491), небеса (I, 179, 255, 493; III, 367), паруса (II, 52, 221), полоса (II, 18; III, 367), роса (II, 201)
- голосами — сынами (I, 342), часами (III, 183)
- голосил — попросил (III, 49)
- голосистый — водянистый
- голосов — лов (II, 141), паров (I, 252), снегов (I, 77), столов (I, 252), холмов (II, 337)
- голосок — ветерок, теремок (II, 16)
- голубиной — глубинной
- голубицы — зеницы (I, 508)
- голубоватый — закату (III, 315), мяты (III, 174), принятой (III, 174)
- голубого — снова (II, 313)
- голубое — вихревое, прибоя (III, 244), строя (II, 66), тропюю (I, 490)
- голубой — городской (II, 116), домой (II, 71), другой (I, 367), золотой (II, 211), избой (II, 98), мной (I, 490; II, 217, 275), нуждой (II, 197), площадной (III, 109), рекой (I, 204), тобой (I, 153; II, 188, 241), грубой (I, 306)
- голубом — знаком (II, 312), лицом (I, 263), псалом (I, 276), столом (II, 317), щитом (II, 317)
- голубую — зною (III, 107), тобою (I, 345; II, 100), тяготою (II, 197)
- голубую — живую (I, 406), тоскую (I, 522)
- голубые — ночные (I, 417)
- голубым — дым (I, 379; III, 366)
- голубых — городских (II, 119)
- голубям — храм (I, 369)
- гольгтыба — погребя (III, 354)
- гони — дни (I, 420)
- гоним — серафим (I, 436)
- гонима — неумолимо (III, 84), херувима (III, 101)
- гонись — высь
- гонит — кони (II, 246)
- гонцы — концы (I, 222)
- гор — взор, гор (I, 68), костер (I, 68; II, 251, 327), простер (I, 68), топор (III, 112), хор (I, 68; III, 105)
- гора — вчера, добра (I, 438), остра (II, 87)
- горами — вами, глазами, снегами (I, 103)
- горах — волосах, впотьмах, прах (I, 103)
- горбатый — рогатый (I, 306)
- горбом — трудом (II, 281)
- горд — порт (II, 51)
- горда — всегда, иногда (II, 187)
- гордость — твердость (II, 316)
- гордый — аккорды
- гордыне — святые (I, 244), синий (III, 64)
- гордячка — горячка (III, 372)
- горе — заре (I, 540; II, 43, 61, 313; III, 180), зори (I, 529; II, 206), море (I, 5, 414, 436), моря (I, 464), серебре (II, 117), хоре (III, 326)
- горевать — девать (III, 155)
- горели — рдели (I, 20)
- горело — дела (III, 127), отлетело (I, 406)
- горем — закроем (II, 125), морем (II, 125), прибоем (II, 125)
- горенье — зренье (III, 323)
- гореть — болеть, созреть (III, 93), умереть (II, 197)
- гори — зари (II, 252)
- горит — молчит (II, 260), орбит (III, 239), раба (I, 79)

- горишь — прельстишь (I, 88)
 Горки — зоркий (II, 332)
 горло — простерла (III, 47), стерла (II, 132)
 горнист — лист (III, 275)
 горница — любовница (III, 366)
 горницы — любовницы (III, 186)
 горном — черном (II, 42), черным (III, 301)
 горные — упорною (I, 466, 467)
 горный — покорной (III, 60)
 город — распорот (II, 148)
 города — года, звезда (I, 363), навсегда (III, 272), никогда (III, 304), поезда (II, 53), следа (III, 307), стыда (I, 363)
 городам — сам (I, 176)
 городах — путей (III, 336)
 городов — веков, трудов (II, 272)
 городского — городского (III, 355)
 городских — голубых
 городского — городского
 городской — голубой. мглой (I, 344), собой (III, 339), темнотою (I, 209)
 горой — громовой (I, 371), мной (I, 282), ночной (I, 371), травой (I, 338)
 горою — порою (I, 120)
 горстями — конями (II, 201)
 гору — собору (III, 342)
 горы — взоры, сестры (II, 189), синьоры (III, 109), чадры (III, 26)
 горю — морю (II, 125)
 горячий — кручи (III, 248), тучи (III, 190)
 горя — заря (I, 33, 153, 381, 382, 427, 478), море (I, 137, 400, 435), моря (III, 243), просторе (I, 353)
 горят — богат, брат, врат, говорят, закат (I, 333, 474), кричат (I, 78), наряд (I, 490), распят (II, 273)
 горяча — ключа (I, 430), плеча (III, 235), свеча (III, 235)
 горячей — ней (I, 425)
 горячи — ключи (I, 520), ночи (I, 378)
 горячка — горячка
 горячо — плечо (III, 18)
 господин — сын (III, 333)
 Господнее — полноводнее (II, 330)
 госпожи — скажи (I, 519), укажи (I, 518)
 гостей — вестей
 гостиных — половинных (III, 304), чинных (II, 180)
 гость — злость (II, 336)
 государство — старался (I, 549)
 готов — богов, годов, зов (I, 441), рабов (II, 103), снов (I, 339), часов (III, 81)
 готова — алькова, основа (I, 531), слова (II, 24), снова (II, 24; III, 375), сурова (III, 314)
 готовит — ловит (I, 78)
 готовы — святого (III, 356)
 готовый — сурова (I, 221)
 грабежи — этажи (III, 354)
 град — набат (II, 327), рад (I, 344)
 града — громада (I, 49)
 градирен — мирен (III, 182)
 гранат — твердят (III, 309)
 грани — содроганий (I, 193), урагане (I, 492)
 гранит — глядит, ланит (I, 494), скит (I, 67)
 границ — ресниц (I, 441), царицу (II, 11)
 границе — власяницы, темнице (I, 125)
 границы — птицы (I, 107)
 гребешок — петушок (II, 90), посошок (II, 89)
 греет — зреет (II, 261)
 грез — гроз (I, 440), нес (I, 33), пронес (I, 25), роз (III, 135), слез (I, 23, 493), стрекоз (III, 135), угроз (I, 402)
 грезах — розах (I, 459; III, 236)
 грезы — роза (I, 377), розу (I, 427), розы (III, 118), слезы (I, 413)
 гремел — глядел, предел (II, 172)
 гремела — оледенела (I, 389)
 гремит — винт
 гренадеры — серы (III, 307)
 грех — всех, смех (I, 486; III, 62), эх (III, 354)
 греха — меха (II, 151), петуха (II, 89), тиха (I, 299)
 грехи — стихи (III, 52, 117, 320)
 греховной — церковной (III, 116)
 грешно — неслашно (III, 301)
 грешный — неспешный (III, 138)
 грива — диво (III, 252)
 гривы — дива (II, 149)
 гримасой — темновласый (III, 312)
 гроб — лоб (III, 123, 334), слов (II, 317), сугроб (I, 258, 512, 535; III, 348), топ (III, 57)
 гроба — злоба (III, 36), оба (I, 297, 355, 494; II, 208; III, 96), раба (I, 334), столба (III, 102), судьба (III, 87), труба (III, 99)
 гробам — рабам (III, 157)
 гробах — прах (II, 150), сердцах (I, 524)
 гробе — обе (III, 134), сугробе (III, 268)
 гробниц — цариц (II, 98)
 гробницей — птицей (III, 114)
 гробовой — золотой (I, 489), рой (III, 86)

гробовою — собою (III, 106)
гробу — злобу (II, 70), лбу (I, 323),
судьбу (I, 515), трубу (I, 258; II, 206,
210)
гробы — судьбы (I, 539)
гроз — грез, донес (I, 425)
гроза — глаза, образа (I, 299)
гроздь — гвоздь
грозе — стезе (II, 124)
грозили — пыли (II, 337)
грозней — серей (III, 329)
грозно — розно (I, 410)
грозные — бесслезное
грозовая — простая (III, 209)
грозовой — бой, головой, громовой (I,
450)
грозовою — душою (I, 511)
грозовые — огневые (I, 425)
грозовых — дневных (I, 470), моих (III,
66), твоих (II, 258), тугих (II, 105)
грозой — живой (I, 386)
грозою — красотою (I, 450)
грозы — слезы (I, 526; II, 208)
грозящий — звенящей (II, 226), палящей
(II, 226)
громад — рад (III, 39, 56)
громада — града, рада (II, 233)
громады — лампады (II, 267), прохлады
(III, 361), услады (I, 300)
громам — векам
громким — потемки (II, 132)
громов — цветов (I, 453)
громовой — горой, грозовой, ночной (I,
371), тобой (I, 511)
громовом — новом (I, 451)
громовым — самим (I, 450), твоим (I,
411)
громоздить — крушить (III, 314).
громом — знакомом (I, 392)
грохот — хохот (II, 170)
груб — губ (III, 43)
грубой — зубы (II, 133)
грубы — губы (II, 132), дуба (I, 273)
грубый — губы (I, 221)
груда — чуда (I, 116, 147)
грудей — коней (II, 149)
груды — буди, впереди, выходи, гляди,
иди (I, 372), люди (I, 155; II, 153, 276;
III, 82), освободи (III, 161), поблуди
(III, 352), погоди (I, 373; III, 325),
разбуди (I, 538), снеси (I, 399), уходи
(I, 389), чуда (I, 224)
грудной — мной (III, 210)
грудю — буду, всюду

грудь — вздохнуть, вспугнуть, дотянуть
(III, 105), забудь (I, 373; II, 59, 260),
заглянуть (II, 331), когда-нибудь (I,
283), отдохнуть (I, 357; II, 155; III, 79),
потонуть (III, 15), путь (I, 22, 80; II, 44,
126, 152; III, 15, 137, 141, 249),
сомкнуть (III, 284), сунуть (II, 207),
что-нибудь (III, 336)
грудью — безлоды
грустила — проходило (II, 327)
грустит — обид (III, 67)
грустна — затаена (I, 452), озарена (I,
46), она (I, 34), темна (I, 46)
грустный — капустный (II, 84)
грусть — наизусть (II, 213, 320; III, 166),
пусть (II, 45, 284; III, 47, 139, 149)
грустью — сочувствий (III, 123)
грущу — впущу, ропщу (III, 282), спущу
(I, 405)
града — звезда (I, 409), пруда (I, 426)
грядущее — несущие (III, 145)
грядущем — опущен (II, 72), сущим (I,
451)
грядущих — гнетущих
грязью — безобразью
губ — груб, труб (II, 322; III, 58), труп (I,
311; II, 54), туп (II, 181)
губам — домам (III, 207), отдам (I, 352;
III, 265), словам (II, 36)
губах — худрях (II, 273)
губит — любит (III, 361)
губительный — очистительный (II, 109)
губки — шубке (II, 328), шубки (II, 159)
гублю — кораблю (II, 220), люблю (II,
220)
губы — грубы, грубый, зубы (II, 326),
срубы (II, 12), трубы (II, 12, 265)
губя — тебя (II, 182)
гудела — тело (II, 312)
гудет — поет (I, 312)
гудки — бунчуки, огоньки (II, 204)
гудят — закат (II, 148), наряд (I, 74)
гул — вздохнул, задул (I, 297), обманул
(II, 202), потонул (I, 497)
гуле — взглянули
гулкий — переулке (III, 109)
гулко — переулка (II, 270)
гулок — переулоч (II, 148)
гулы — затянуло (II, 201)
гульбе — тебе (III, 49)
гуляли — обнимала (II, 262)
гулять — гать, знать (III, 353), срезать
(II, 47)
гумно — окно (I, 495)
гумном — своем (II, 138)

гуны — табун (III, 362)

Д

да — звезда (III, 135), никогда (II, 70; III, 56), поезда (III, 135)

давай — бросай

давал — внимал

давать — гадать

давит — лукавит (I, 419)

давки — лавки (II, 168)

давку — лавку (I, 287; II, 171)

давней — ставней (III, 21)

давно — окно (I, 38, 127, 228, 248, 258, 264; II, 47; III, 23), опалено (II, 293), снесено (I, 5), суждено (I, 390), темно (II, 74)

давно ли — поле (I, 243)

давящих — настоящих (I, 464)

даст — вперед, живет (I, 415), замрет (I, 387), народ (III, 310), орет (III, 310), поет (II, 152)

даже — экипажи (III, 310)

дала — взяла, ждала (I, 387), звала (II, 252), крыла (III, 376), мгла (II, 105), села (I, 311)

дале — видали

далей — печалей (II, 179), сандалий (III, 174), трепетали (III, 174)

далек — василек, дорог (I, 42), одинок (III, 171)

далека — века, высоко, облака (I, 37), рока (III, 195)

далекая — одинокая (I, 119)

далеки — маяки (I, 477, 519), реки (I, 270)

далекие — одинокие (I, 153)

далекий — высокой, глубокий

далеких — темнооких (III, 141)

далеко — востока, глубоко, легко (I, 482, 502), море (III, 102), ока (II, 84), широкой (II, 263), Эско (III, 153)

далекой — глубокой, одинокий (I, 453), одиноко (I, 340; III, 166), рока (I, 403), срока (I, 538)

далеком — глубоко, оком (I, 35, 379; III, 257)

далече — встречи, речи (I, 477; II, 66, 122), плечи (I, 281), сечи (III, 252)

дали — встречали, журавли (III, 374), закрывали (I, 506), замирали (I, 157), звали (III, 376), земли (I, 137; III, 129), знали (I, 515), ковыли (III, 269), корабли (II, 78), миновали (I, 343; II,

265), обрамляли (I, 350), перевале (III, 111), печали (I, 83, 334, 396, 426, 493; II, 212, 221), покрывале (II, 224), пробежали (I, 154), провожали (II, 50), пыли (I, 511, 531; III, 57), скрижали (II, 221), стали (I, 358; III, 306), танцовали (II, 247), улетали (I, 213), хрустали (III, 175), цвели (III, 275), читали (III, 134), шали (III, 102), шли (I, 425), я ли (III, 119)

даль — вуаль, жаль (I, 147, 182, 355; II, 55, 176), миндаля (III, 120), печаль (I, 8, 141, 150, 205, 343, 347, 380, 460, 476, 487; II, 11, 16, 181; III, 276), сталь (III, 84, 249, 372). таль (II, 16)

дальней — случайный (III, 290), спальне (III, 80), спальни (I, 263), хрустальной (I, 476)

дальней — безначальной, опочивальне (II, 111), печальной (II, 110), спальне (II, 111)

дальних — печальных (I, 433)

дальной — беспечальный, прощальной (I, 422)

дальной — музыкальной (III, 324), печальный (III, 203)

дальных — печальных (I, 419, 447)

далью — вуалью, печалью (I, 35; III, 125; III, 312), спиралью (III, 287), талию (II, 326)

дам — пополам (III, 304)

дама — мамы (II, 70)

дамами — шлагбаумами (II, 185)

дамы — самый (I, 263), упрямый (III, 321), храмы (I, 232)

дана — весна, дна (I, 299), тишина (I, 372; II, 25; III, 272)

дано — окно (I, 248), смешно (III, 326), суждено (I, 376), темно (I, 248)

даны — весны

дань — лань (I, 322)

дар — пожар (II, 273)

дара — пожара (I, 182), удара (I, 182)

дарами — крылами (II, 228), хвалами (II, 228), храме (I, 164)

дарившим — погибшим (I, 434)

дарила — любила (II, 252), милый (II, 252)

даришь — лущишь (II, 116)

даров — миров (I, 448)

даром — паром (II, 74)

дары — миры (I, 78, 83, 428), шатры (I, 398)

дать — знать (III, 325), мать (I, 538)

дач — плач (II, 185)

два — голова, синева (II, 147)
дважды — каждый (III, 365)
две — синева (II, 167)
дверей — вестей, детей (III, 133), ей (II, 240), зверей (III, 157), коней (III, 329), морей (II, 212), ней (I, 232), твоей (I, 441), фонарей (I, 278, 308)
двери — верит, верить, верю, веря, дщери (I, 355; II, 228), звери (I, 220, 228, 252), колени (I, 308), Мэри (II, 110, 119; III, 165, 166), обмерить (III, 274), перий (III, 165), пещере (II, 228), поверили (III, 166), потере (I, 205, 440; II, 228; III, 165), потери (I, 165, 488), сквере (II, 270), сфере (I, 297), уверен (III, 312)
двери я — безврия
дверце — сердце (II, 236)
дверцу — сердцу (II, 157)
дверцы — сердцу (II, 238)
дверь — верь, зверь (I, 443; II, 133, 270, 311), поверь (I, 148, 149, 539; II, 43), тень (II, 227), теперь (I, 258, 264, 445, 495; II, 205, 246; III, 314, 334)
дверьми — людьми (I, 254, 537; III, 31, 311)
дверью — перья (I, 249)
движений — мучений (III, 11)
движенье — возрождение, мгновенье (III, 319), приближенье (II, 34)
движенья — исленья (I, 366), просвещенья (III, 315)
двизжет — лижет (II, 114)
двое — героя , покое (II, 40), святое (I, 223), чужое (III, 50)
двоеверьем — неверьем (III, 314)
двоились — веселились
двойник — книг (II, 332), крик (II, 66), ночник (I, 539), тайник (I, 527)
двор — простор (II, 323)
двора — вчера, пора (II, 193), ура (III, 329), утра (II, 198)
дворами — храме (II, 191)
дворе — заре (I, 278), норе (II, 199), октябре (II, 193)
дворец — наконец (III, 57)
двором — стеклом (I, 192)
дворца — лица (III, 39)
дворце — лице (III, 108)
дворцы — концы (III, 340), мгненцы (II, 175)
двуликий — безбожно-дикой, дикой (I, 104)
двуликой — дикий (I, 187)

двуликом — криком (I, 78), ликом (I, 187)
двурогий — дороге (II, 41)
двурогой — дорогой (I, 306)
дев — гнев, древ (III, 75), напев (III, 13)
дева — гнева, напева (I, 304; III, 11, 17), напевы (I, 230)
девам — гневом
девать — горевать
деве — гнеше
девица — вздыбится, клубится (II, 179), медведица (I, 524), метелицу (I, 523)
девицы — рыцарь (II, 237), светлицы (I, 508), столицы (I, 109)
девичьей — птичий (I, 516)
девичьем — птичьим (III, 183)
девочки — вербочки, звездочки (II, 315)
девы — напевы (I, 167; II, 240; III, 103)
девяткой — загадкой (I, 469)
дед — бед
деда — победа (II, 144)
дедам — обедом (I, 313)
дедка — ветку
деем — веем
декан — ресторан (III, 338)
дел — поредел (II, 130), тел (III, 304)
дела — бела, горело, зла (II, 216; III, 304), пела (III, 74), светла (II, 215), тела (I, 275; III, 87), ушла (III, 74), хотела (III, 46), числа (III, 326)
делами — стенами (III, 311)
деле — панели (III, 329), прозвенели (III, 31)
делила — могила (III, 46)
дело — белый, бледнела, догорела (II, 199), отшумела (III, 219), оцепенело (III, 114), пело (I, 527), смело (III, 333), тело (I, 363)
делом — белом, смелом (III, 320), телом (II, 147)
деля — земля (II, 134)
демон — нем он (III, 340), он (III, 340), денница — десница (I, 452)
деннице — столицей (II, 144)
денницей — столицей (II, 142)
денницу — страницу (III, 302)
денницы — птицы (I, 242), царицы (II, 35)
день — деревень (I, 511; III, 257), лень (I, 10, 296, 300), сень (I, 52; II, 46), сирень (I, 257), ступень (I, 248, 487), тень (I, 36, 52, 80, 125, 132, 164, 165, 175, 220, 248, 348, 352, 366, 380, 381, 400, 406, 422, 445, 451, 454, 471, 498, 500, 521, 526; II, 248, 294; III, 84, 159, 205)

дерева — жернова (I, 220)
деревень — день, лень (I, 511)
деревни — древней (III, 281)
деревянным — странным (I, 210)
держал — лежал (II, 173)
держась — крестясь (I, 258)
держать — гладь, отдавать (III, 153)
дерзкий — занавески (II, 164)
дерзко — резко (III, 25)
дерзновенной — проникновенный (I, 421)
дерзновенья — стремленья (I, 349)
десница — денница
десницу — птица (I, 415)
детей — головой, дверей, дней (I, 343),
людей (III, 43), чертей (II, 67), шей (I, 309)
дети — планете (II, 57), плети (III, 66),
рассвете (III, 243), сети (I, 501),
соцветий (I, 230), столетий (I, 34), эти
(I, 399; III, 308)
детки — соседке (I, 309)
детски-высок — стебелек (I, 275)
детской — немецкий (III, 133)
детства — наследство (III, 337)
дива — гривы
диван — туман (II, 181)
диване — тумане (II, 337)
диванов — стаканов (III, 31)
дивись — высь
дивно — гимна
диво — грива, красивой (III, 320),
обворожительно-красивой (III, 320)
дик — крик (I, 212), лик (II, 132), привык
(I, 512)
дики — крики (I, 259)
дикий — двуликой, крики (I, 188)
дико — криком (I, 384), крику (I, 471)
дикой — бледноликий, великий,
великой, двуликий
диком — криком (I, 173), ликом (III, 269)
диктовала — бала
динамит — вид
дирижера — взора
диск — визг
дитя — будя, дождя (II, 163), крутя (I,
213), локтя (III, 337), уходя (I, 115),
чертя (I, 275), шелестя (II, 274), шутя
(I, 139, 433; III, 62)
дитятко — комнатка (I, 301)
длани — ткани (I, 449)
дланью — тканью (II, 46)
длилось — разрешилось (II, 292)
длинно — невинно (I, 533)

длинной — невинный (III, 130),
соловьинный (III, 240)
длинном — невинным (II, 23)
длинною — чинною (II, 260)
длинной — невинны (II, 116)
длинный — невинный (I, 282)
длинным — старинном (II, 110)
длится — струится (III, 140)
для них — жених (III, 317)
дна — волна, времена, дана, тишина (III,
140, 202)
дне — волне, вышине, луне (II, 52), мне
(I, 115; II, 251), окне (II, 198), сне (II,
248; III, 244), спине (III, 240), тишине
(II, 318)
дневной — роковой (III, 327)
дневном — окном (II, 292)
дневных — грозových
дней — детей, лебедей (III, 253), лучей (I,
53), моей (I, 65, 351), ней (I, 521; II,
330), огней (I, 352, 395), очей (II, 228),
светлей (I, 348), своей (III, 62, 63, 67,
333), смелей (I, 29), твоей (III, 195),
теньей (I, 299, 336, 337, 422, 446, 447;
III, 183)
днем — идем (I, 247), огнем (I, 378)
дни — гони, догони (II, 232), кляни (III,
221), мани (I, 361), мои (I, 483), огни (I,
63, 93, 118, 196, 355, 483; II, 269; III, 69,
259), одной (I, 367, 483, 496; II, 12), они
(I, 242, 437, 455, 478, 503; III, 282, 307),
пни (II, 12), помяни (I, 46), склони (III,
114), стрелы (III, 374), схорони (I, 420),
тени (I, 207, 235, 477, 478, 483, 485, 510,
516; II, 12; III, 183), усни (I, 63)
дно — суждено (II, 249)
дня — звеня (I, 140, 200, 478; II, 66, 67,
250), хоня (I, 476; III, 165), меня (I, 33,
132, 199, 288, 295, 356, 364, 368, 416,
417, 473, 483, 520; II, 23, 67, 102, 124,
241, 250; III, 84, 149, 151, 165, 235, 243,
258), огня (I, 39, 297, 341, 470, 513, 532;
II, 60, 95, 153), плетня (III, 235), храня
(I, 368)
дням — глубинам, храм (III, 274)
днями — нами (I, 440), снами (I, 440)
днях — взмах
добра — гора, утра (I, 414, 423)
добродетель — свидетель (III, 49)
добром — том (III, 320)
доброу — перу (I, 421)
добуду — худо (III, 359)
доверяя — молодая (III, 333)
доводов — поводов (II, 193)
доволен — болен

довольна — больно, привольно (III, 367)
довольно — больно, невольной (III, 48)
догнал — помогал (II, 247), сорвал (II, 247)
догони — дни
догорает — знает (III, 171)
догорал — встал, шептал (I, 396), шпал (III, 180)
догорала — управляла (I, 189)
догорая — возрастая, изнемогая (I, 358)
догорели — дозвенели (II, 240)
догореть — умереть (II, 224)
догорим — возлетим
догорит — щит (I, 161)
догорю — говорю, зарю (II, 87)
дожа — ложе (III, 103)
дождем — вдвоем, окном (I, 432), штыком (III, 275)
дожди — вожжи, жди (I, 505)
дождя — визжа, дитя, себя (II, 28), сойдя (I, 304), уходя (I, 501; II, 164), я (II, 28)
дожей — непохожей (III, 131)
дожидаться — подняться (I, 269)
дозвенели — догорели
дозором — взорам
дойдешь — умрешь (I, 393)
дойти — пути (I, 69)
докам — глубокою
докладом — задом (III, 36)
доктрин — сплин (III, 304)
докучно — однозвучно (II, 168)
докучной — скучный (III, 207)
докучным — однозвучным (III, 180)
дол — сел (II, 106)
долам — глаголам
долах — селах (II, 75)
долг — толк (III, 318)
долга — снега (I, 198)
долгожданный — благоуханный
долгопольный — невеселый (III, 348)
доле — поле (II, 199, 279)
долетел — хотел (I, 506)
должно — окно (II, 130), отделено (III, 324)
доли — воли, поле (I, 183; II, 224)
долина — равнина (I, 122)
долинам — орлиным (III, 99)
долинах — витринах
долине — равнине (I, 363)
долинный — старинный (III, 112)
долиной — журавлиный (I, 212), равниной (I, 337)
долины — вершины, кувшины (I, 220)
долог — осолок (II, 168), полог (I, 532; II, 115; III, 244)

долу — глагола, полу (III, 274)
долы — веселый, глаголы, пчелы (I, 319)
дом — всем, крестом (II, 108); кругом (II, 322; III, 315, 324), моем (II, 224), незнаком (I, 95), огнем (I, 65), пойдем (III, 338), стеклом (I, 192), холмом (II, 333)
дома — знакомо (II, 138), знакомой (I, 77), знакомы (I, 141), знакомый (III, 376, 377), истома (III, 284), корма (II, 161), сама (I, 305; II, 267; III, 106), терема (I, 290), тьма (III, 342, 358), тюрьма (III, 332), ума (II, 125)
домам — губам, там (I, 496)
домами — вами, глазами, зубами (III, 342), нами (I, 305), пламя (II, 141)
домах — снегах (III, 359), трах-тах-тах (III, 359)
доме — доме (III, 286), соломе (III, 317)
домов — цветов (II, 308), часов (II, 151)
домой — большой, весной, голубой, женой (I, 229), мой (III, 35), тобой (I, 266)
дому — другому (III, 64), незнакомы (I, 205), незнакомый (II, 89), пойму (III, 216)
домы — знакомый (II, 170)
Дон — полон (III, 269)
донес — гроз, роз (II, 61)
донесла — осла (III, 243)
донести — пути (III, 368)
Дон-Жуан — туман (III, 80)
Дон-Жуаном — странным (III, 326)
донос — вопрос
доносит — косит (III, 349), носит (III, 349)
доносы — вопросы
дорисовала — бежала
дорог — Бог, далек, мог (I, 140), тревог (III, 365), чертог (I, 50, 323)
дорого — берега, Бога, жемчуга (I, 501), много (I, 97; III, 196, 273), порога (I, 157, 540), строгой (III, 238), тревога (III, 243), тревогой (III, 238)
дорогами — Богом, залогом (I, 344)
дорогами — тревогами (I, 502)
дороге — Боге, двурогий, пороге (I, 279, 457), тревоге (I, 147, 208, 337), треноги (I, 205, 484, 534; II, 232)
дороги — дроги (II, 123), круторогий (II, 44), ноги (II, 240), тревоги (I, 201, 446; II, 221, 265; III, 333), чертоги (II, 221)
дорогой — Бога, двурогой, много (I, 243), тобой (III, 354), убогой (II, 77)

дорогу — Бога, Богу, много (II, 42; III, 306), немного (III, 326), понемногу (I, 105), порога (III, 166), порогу (I, 254), строго (III, 333), тревога (I, 6), тревогу (I, 446, 448, 481, 482)

дорогу я — строгая (I, 196)

дорожка — окошко (II, 73)

дорожной — возможно, невозможно (I, 163), непреложно (I, 163), острожной (III, 255)

дорожным — невозможным (II, 264)

досады — огады (III, 233)

до свиданья — воспоминанье

доселе — спели (III, 141)

доска — дружка (II, 206), тоска (III, 154)

доскакать — дышать (I, 37)

досках — кудрях (I, 285)

доскачет — плачет (III, 26)

доскою — тоскою (III, 344)

достигают — умирает (I, 438)

Достоевский — Вревской

достойн — воин

достойна — беспокоино

достроил — удвоил (III, 342)

досуге — друга (II, 332)

досуги — подруги (I, 463)

дотла — игла (II, 152), изнемогла (I, 67), мгла (II, 152), светла (I, 274), хвала (II, 152), числа (II, 152)

дотянуть — грудь

доцвело — чело (II, 100)

дочерей — моей (III, 321)

дочкой — ночка (II, 70)

дочь — ночь (I, 501, 524; II, 64, 102, 163, 167, 182, 228, 294, 331), помочь (II, 228), прочь (II, 228), служанка-ночь (II, 228)

дошла — мгла (III, 259)

дразнил — сторожил (II, 247)

дразнишь — казни (II, 274)

дразня — меня (III, 60)

дракон — времен, закон (III, 302)

древ — дев

древесной — чудесный (I, 530)

древней — деревни, царевне (I, 250; III, 266)

дремали — колдовали (II, 244)

дреме — водоеме, корме (II, 73, 316)

дремлет — подъемлет (I, 423)

дремли — земли (I, 353)

дремлю — люблю (III, 211)

дремлют — внемлют, королевна (II, 32)

дремой — незнакомой (II, 227), незнакомый (II, 46)

дремота — болота, работа (II, 203)

дремоте — лохмотий (II, 107), повороте (III, 196)

дремотных — мимолетных (I, 108)

дремоту — полету (I, 242)

дремоты — ты (II, 227, 244)

дрему — чужому (III, 279)

дробил — сил (III, 66)

дробились — сменились (II, 155)

дробимы — палима (I, 479)

дроги — дороги

дрожа — душа (I, 257), межа (I, 170)

дрожал — восстал

дрожала — залой (II, 110)

дрожали — роптали (III, 66)

дрожало бы — жалобы (I, 135)

дрожанье — молчанье (I, 158), рокотанье (I, 425)

дрожать — говорят

дрожки — ложе (II, 324), ложки (II, 155)

дрожит — молчит (I, 306)

дрожь — ложь (I, 210 281), нож (I, 513), придешь (I, 315), схож (III, 340)

дрожью — бездорожью, ложью (I, 234; II, 337; III, 164)

друг — вдруг, вокруг, вьюг, каблук (III, 32), круг (I, 224, 227, 364, 412, 539; III, 189), луг (I, 230, 524), мук (III, 48, 160), недуг (I, 22; III, 82, 148, 289), потуг (III, 127), слух (II, 242), стук (I, 177), супруг (III, 164), юг (I, 453; II, 80)

друга — вьюга, досуга, круга (III, 195, 316), подруга (I, 371), туго (II, 270), юга (I, 433)

другая — открывая (II, 217), покидая (III, 159), родная (I, 388), свершая (III, 160)

другие — вековые

другим — любим (I, 246), ночным (I, 395)

другими — ночными (II, 244)

других — больных, мостовых (II, 153), своих (III, 44), строевых (III, 308), удалых (II, 281), чужих (I, 429)

другое — вдвое, строем (III, 310)

другой — голубой, золотой (III, 200), клячкой (I, 287), простой (II, 82), темной (I, 519), тобой (I, 356)

другом — кругом (II, 269; III, 161), плугом (III, 161), подругам (III, 161)

другому — дому

другу — кольчугу (III, 251), кругу (II, 280; III, 313)

дружбы — службы (I, 203)

дружил — был, сил (III, 320)

дружка — доска

дружком — глазком
дружно — жемчужной (III, 127)
дружок — зверок (I, 298)
друзья — моя (III, 277), я (III, 62)
друзьям — передам (II, 199)
дуба — грубы
дубрав — трав (II, 10)
дубу — трубу (I, 534)
Дубняк — враг
Дубняком — огнем (III, 309)
дуга — рычага (III, 34)
дует — чувствует (III, 310)
дуги — выюге, круги (I, 499)
дугу — кругу (I, 227; II, 16), лугу (II, 16)
дул — вздохнул, обманул (I, 367)
дум — ум (I, 336, 407; III, 47, 336), шум (I, 90, 422)
дума — угрюмо (I, 181; III, 212), шума (I, 271, 473)
думам — угрюмом (I, 198), шумом (I, 533; II, 114; III, 285)
думами — шумами (II, 330)
думе — шуму (I, 517)
думой — угрюмо (I, 330), угрюмый (I, 201, 445; II, 156)
думы — угрюмый (I, 126), шума (I, 271), шуму (I, 488, 502)
дуновение — томлению (I, 488)
дурак — кабак (III, 50), фрак (III, 36)
дурачок — солдатской (II, 351)
дурачки — колпачки (II, 10)
дух — глух, потух (I, 86; III, 322), пух (III, 179, 369), слух (I, 77, 143, 260, 462; III, 179, 182), сух (III, 156)
духи — ольхи (III, 183), стихи (III, 215)
духов — волхов, лугов (III, 203), покров (I, 507), соловьев (I, 382), стихов (III, 237)
духовно — любовно (I, 464), любовный (I, 464)
духовное — рожденное (I, 468)
душа — дрожа, дыша (I, 218, 499; II, 11; III, 133, 141, 209, 229, 265, 333), камыша (II, 85, 92; III, 181), ножа (II, 103), пажы (I, 535), спеша (II, 266; III, 155, 157, 243, 257), хороша (I, 329, 413), шурша (III, 183, 326)
душе — барыше
душевных — вседневных
души — глуше, глуши, задуши (I, 366), камыши (II, 144; III, 181), оглуши (I, 297), пляши (II, 281), потуши (III, 205), согрешу (III, 352), тиши (I, 78, 126, 142, 164, 226, 328, 349, 446, 498, 517; III, 44, 202), утиши (I, 517)

душно — послушна (III, 209), равнодушно (I, 145, 287)
душной — воздушной, воздушный, послушной (II, 220), равнодушно (III, 376)
душный — воздушной, послушный (III, 217)
душным — послушным (III, 30)
душных — послушных (III, 212)
душой — большой, былой, звездой (I, 15), луной (I, 155), мной (I, 486), молодой (I, 433), ночной (I, 56), собой (II, 212), стеной (I, 442), твоей (I, 142), тобой (I, 16), чужой (I, 535)
душою — бушуют, грозовою, косою (I, 273), мечтою (I, 460), мною (I, 273), порою (I, 10), рекою (I, 418), рукою (I, 273), собою (I, 460), тобою (I, 16), тоскою (I, 18)
душу — нарушу (I, 420; III, 86, 224), разрушу (I, 10, 436), слушать (II, 248), сушу (II, 7)
дщери — двери, пещере (II, 228), потерю (II, 228)
дым — голубым, зим (II, 219, 252), моим (I, 520), ненарушим (I, 129), ним (I, 354), отлетим (I, 321), помолчим (II, 12), следим (III, 257), стальным (III, 258), твоим (II, 219), улетим (III, 185)
дыма — мимо (III, 180, 239), невредимый (III, 309)
дыме — стимер (III, 153)
дымка — невидимка (II, 170)
дымки — огоньки (II, 67), руки (II, 67)
дымно-голубого — снова (II, 313)
дымно-голубой — тобой (II, 188)
дымный — гимны
дымок — уголек (II, 113), царек (II, 113)
дымом — мимо (III, 109), родимым (II, 197)
дыму — одному (I, 486), пойму (I, 510), твоему (III, 306), терему (I, 120)
дымы — непостижимый (II, 267), неразделимый (II, 245), пантомимы (II, 155)
дыхание — воспоминание
дыхания — мечтания (I, 356)
дыханье — благоуханье, мерцанье (III, 16), мечтанье (III, 163), молчанье (I, 317)
дыханьем — сияньем (I, 46)
дыханьи — всепознанья, издыханьи (I, 486), шептаньи (I, 89)
дыханью — молчанью (I, 306)
дыша — душа

дышал — похвал (I, 296)
дышала — мешала (III, 314), трепетала (I, 378)
дышать — доскакать, опять (III, 13),
прядь (III, 233), целовать (III, 13)
дышит — кольшет (I, 110. 396), слышит (II, 205, 208)
дышишь — слышишь (III, 76)

Е

еврей — ней (III, 339)
Европы — холопы (III, 360)
Египет — осыпет (II, 267)
Египте — рассыпте (II, 207)
его — моего (I, 296; III, 374), никого (III, 14),
ничего (III, 133), самого (III, 14),
Твоего (I, 107), торжество (I, 362, 536;
III, 85), чего (III, 325)
едва — слова (I, 38, 62, 230, 358; II, 208;
III, 57)
едва ль — рояль (III, 323)
единоверцев — сердце (III, 218)
единоцельны — нераздельны (I, 461)
единственной — таинственной (II, 188),
таинственный (I, 153; III, 139)
единственный — таинственный (II, 185)
Единым — христианином (I, 65)
ее — забыть (III, 116)
езда — тогда (I, 229)
ей — дверей, моей (I, 464), ней (III, 67),
ночей (II, 266)
ектеньи — твои (III, 268)
ель — качель (II, 74), метель (II, 91)
ели — заалели (III, 262), метели (III,
368), свирели (II, 117)
елку — колкой (II, 329), шелку (III, 133)
елок — полог (II, 35)
ему — одному (III, 149), тьму (I, 359; III,
377), тюрьму (III, 324), уму (I, 42; III,
323)
Ермака — рука (III, 275)
естества — божества
естеству — божеству
есть — весть, месь (III, 43, 156, 332),
переность (II, 108, 109; III, 165)
этажи — грабежи
еще — логовище (II, 165), плаще (II, 165)

Ж

жадно — безотрадной, беспощадно,
нарядна (II, 206), отраднo (II, 264),
хладной (I, 126)
жадной — беспощадно
жадный — беспощадный
жаждой — каждой (III, 302)
жажду — жажду (I, 181), стражду (I, 330)
жала — кинжала (III, 372)
жалей — полей (III, 315)
жалели — радели (II, 13)
жалеть — кипеть (I, 408)
жаляя — Галилея
жалил — оставил (I, 385)
жалкий — русалкой (I, 188)
жалко — гадалка, качалка (III, 266)
жалобы — дрожало бы
жалок — русалок (I, 521)
жалом — усталым (I, 179)
жалость — малость (III, 60), усталость
(III, 149)
жаль — вдаль, даль, печаль (I, 465),
sentimentale (III, 337), сталь (III, 276),
таль (III, 235)
жальче — мальчик (II, 264)
жар — пожар (I, 148)
жара — Эдгара (III, 42)
жарить — шарить (III, 362)
жарки — флогарки (II, 72)
жарко — ярко (I, 378, 408)
жаркой — яркой (I, 411)
жаром — пожаром (II, 270)
жарче — ярче (III, 222)
жатвой — клятвой (I, 385)
жги — ни зги (III, 86), цветки (II, 280)
жгла — была, купола (II, 292)
жгуче-синий — пустыни (III, 11)
жгучего — летучего (I, 488)
жгучий — певучий (III, 236), плакучий
(I, 138)
ждал — гадал, зал (I, 334), затихал (II,
138), различал (I, 528)
ждала — дала, изошла (III, 157), нашла
(I, 100), отперла (I, 74), предала (II,
262), пронесла (I, 425), светла (II, 55),
умерла (II, 164), ушла (II, 209; III, 219)
ждали — печали (I, 329), шали (II, 258)
ждать — гладь, желать (I, 30), звать (III,
62), кричать (III, 62), мать (II, 63),
наблюдать (I, 336), прядь (II, 286),
уповать (III, 290)
ждем — огнем (I, 434)
ждет — взмахнет, вопиет, год, запоет
(III, 213), зовет (I, 435), круговорот (I,
52), лед (III, 279), поет (III, 316),
придет (I, 229), растет (I, 113)

ждешь — вернешь
жди — буди, дожди, найди (I, 470),
отойди (I, 470), сойди (I, 470)
жду — бреду, жду (I, 242), звезду (I, 148),
льду (I, 522), найду (I, 72, 388), отойду
(I, 186), подойду (I, 526), приду (I, 140,
253), саду (II, 284; III, 241)
жду я — молодую (I, 171)
ждут — поют (I, 269)
желали — мерцали (I, 382)
желало — усталым (I, 336)
желаний — поляне (II, 25), свиданий (I,
95), сияньи (I, 145), тумане (III, 272)
желания — обетования (I, 504), свидания
(I, 29), содрогания (I, 507)
желанная — безгранная, странные (I,
500), туманное (I, 127)
желанною — туманною (I, 405)
желанны — туманной (I, 348)
желанный — туманный (I, 5)
желанным — странным (III, 242)
желанье — воспоминанья, избранья (III,
95), незнанье (II, 114), тумане (I, 475)
желанья — зданье (I, 238), названья (III,
333), ожиданья (I, 474), ржанье (II,
140), свиданья (I, 455)
желать — ждать, увидеть (I, 363)
железная — бесполезная
железно-серый — верой
железной — бездной, беззвездной,
бесполезный
железный — бездной, беззвездный,
бесполезной, звездной (II, 220, 233)
железным — безднам
желтизой — больной
желтоватый — лопатой (III, 335)
жемчуга — дорога, снега (II, 206; III,
163), строга (I, 74, 254)
жемчугами — стихами (III, 166)
жемчугом — лицом (III, 351)
жемчужин — нужен (III, 29)
жемчужной — дружно, надвьюжной (III,
359)
жемчужный — ненужный (III, 148, 233)
жена — больна, веретена, вина,
влюблена, имена (I, 361), нежна (I,
315), облегчена (III, 164), озарена (II,
144), окна (III, 16, 74), она (II, 134),
пьяна (II, 171), сна (III, 17), страна (III,
257), суждена (II, 102), тишина (III, 16),
ясна (I, 183)
женам — законам (III, 336)
жене — мне (II, 205)

жених — для них, золотых (I, 315), их
(III, 317), миг (I, 283), стих (I, 286),
твоих (III, 269)
жениха — меха (III, 21), тиха (I, 315; III,
123, 124)
женихом — знаком (II, 18)
женой — домой, запой (III, 128)
женской — вселенской
жену — хлестну (II, 284)
женщина — обесчещена (II, 332)
жены — белизны, глубины, смущены (I,
160), сны (I, 232), спасены (I, 285)
жерла — перлы (III, 360)
жернова — дерева
жертвы — мертвых (II, 250)
жесткий — перекрестке (III, 142)
жесткой — березки, перекрестке (II, 8;
III, 355)
жестокый — одинокой (III, 325)
жестоких — глубоко
жестoko — глубоко
жестом — местом (II, 66)
жетон — поклон (III, 207)
жечь — встреч, плеч (III, 87)
жива — мертва (I, 360), Нева (I, 340),
острова (I, 340), слова (I, 477, 506; II,
127, 131, 207), трава (II, 127)
живая — молодая (III, 260)
живей — смелей (III, 332)
живем — огнем (III, 44)
живет — дает, почует (I, 398)
живи — любви (I, 282, 415; III, 139)
живо — лживо (I, 471), нелживо (III,
302), прилива (III, 104), ревниво (I,
437)
живой — головой, грозой, молодой (I,
373, 442), ночной (I, 381), покой (I,
388), порой (I, 329), родной (I, 387),
стенной (I, 442), чужой (I, 356)
живу — наяву (I, 223)
живут — умрут (III, 68)
живую — голубую, молодую (I, 435)
жившим — непогибшим (III, 27)
живы — некрасиво (I, 447)
живые — ночные (III, 87)
живых — твоих (I, 443)
живьем — начнем (III, 359)
жизни — жизни (III, 234), отчизне (I,
529; II, 57; III, 93, 103, 231, 234, 306,
340), тризне (I, 407; III, 191)
жизнью — отчизна (II, 233)
жил — говорил, служил (III, 30)
жила — зла (I, 515), нашла (III, 149),
плыла (I, 304)
жилет — поэт (III, 164), эстет (III, 164)

жили — томил (II, 180)
жилище — кладбище (I, 485), нищи (II, 57), нищий (I, 502)
жилки — опилки (II, 73)
жило — манило (I, 408)
жилы — вилы
жилые — житье (III, 165), забытье (II, 181), лезвие (II, 106), мое (III, 165), свое (II, 336; III, 67)
жилыцу — лицу (II, 317)
жилыя — моя (II, 262), тая (I, 212)
жирна — Щедрина (III, 316)
жить — воплотить, любить (III, 148), нить (II, 168), плодить (III, 126), различить (I, 527), следить (III, 290), убить (II, 102)
житье — жилье, мое (III, 165, 173), ружье (III, 351), свое (III, 224)
житья — я (II, 193)
жмешь — ложь (III, 62), нож (III, 62)
жмурки — фигурки (I, 275)
жмут — минут (II, 320)
жницы — птицы (I, 334)
жолгом — болгом
жолгы — болты
жрала — пошла (III, 352)
жребий — небе (II, 128; III, 78), хлебе (II, 180)
жреца — венца
жрецы — венцы
жриц — теплиц (I, 489)
журавли — вдали, дали, корабли (II, 240), прочли (II, 114)
журавлиный — долиной
журавлиным — овином (III, 257)
журавля — поля (II, 235)
журавлями — реками (II, 106)
журнала — нажимала (II, 31)
журчанье — ожиданье (I, 379)
жуткий — шутки (I, 359)
жутко — шуткой (III, 323)
жуткость — чуткость (III, 233)

3

заалели — ели, цели (I, 337)
забаву — нраву (III, 52)
забвении — зренья (I, 525)
забвений — кружений (II, 276), селений (I, 529)
забвения — томления (I, 196)
забвенье — виденья, обновленья (I, 70), примиренья (I, 66)
забвеньи — угнетенья (I, 134)

забвенью — вдохновенью
забвенья — волненья, тленья (I, 395)
забвеньям — упоеньем (I, 426)
забегай — помогай (III, 352)
забелелась — загорелась (III, 270)
забит — спит (III, 344)
забитым — забытым (III, 339)
заболит — звучит (I, 437)
забор — узор (II, 140)
забора — скоро (II, 146)
забот — плод (III, 366), поет (I, 345; III, 103), полет (III, 41), проплывет (III, 47), пропоет (III, 47)
забота — дремота, работа (II, 191), что-то (II, 198)
заботе — работе (II, 227)
заботой — работой (II, 54)
заботы — Искариота (I, 222)
заботы — работы (II, 321)
забрала — послала (II, 240)
забралась — родилась (I, 366)
забрало — устала (I, 289)
забудем — люди (II, 93)
забудет — будет
забудешь — будешь, любишь (II, 217)
забуду — буду, Иуда (III, 106), чуду (I, 481)
забудь — грудь, кто-нибудь (III, 79), путь (I, 443; III, 180), уснуть (III, 79)
забыв — порыв (I, 442)
забывай — край (III, 189)
забывал — воздыхал
забываться — заступаться (III, 318)
забываю — играя (I, 361)
забыл — пыл (III, 339)
забыла — было
забылись — молились (I, 270), носились (I, 270), свершились (I, 270)
забыт — молчит (I, 418), разлит (I, 454), стучит (II, 199)
забыто — закрыто (I, 375)
забытое — закрытое (I, 500)
забытой — сокрыто (I, 388)
забытом — зарытым (I, 391)
забыты — смыты (I, 444)
забытым — забитым
забытых — пролиты (I, 441)
забыть — любить (I, 385)
забытье — ее, жилье
забытья — я (I, 294)
завалены — проталины (II, 12), развалины (II, 12)
завалилась — приключилась (II, 89)
завернулась — оглянулась (III, 64)
завернись — захлебнись (I, 291)

завес — небес (I, 539)
завеса — леса (I, 204, 477)
завет — лет (I, 123), поэт (II, 18),
рассвет (I, 421; III, 18), сед (I, 231)
завета — рассвета (I, 41), света (I, 160,
170)
заветной — передрассветной (I, 3),
приветной (I, 343)
заветный — незаметно (I, 105),
несметной (I, 50)
заветы — где ты, светы (III, 90), ты (II,
261)
завечерело — побелело (II, 91)
завещала — Идеала (I, 21)
завидно — бесстыдно
завижу — ближе
завилась — понеслась (II, 86)
завились — молись (I, 275)
завился — поднялся (III, 356)
завирайся — Спасе (III, 356)
завода — исхода (III, 269)
заводит — колобродит (II, 336)
завоет — роет (I, 122)
заволокла — мгла (III, 252)
заворожен — сон (I, 339)
завороженный — изумленный (I, 226),
смущенный (I, 176), униженный (III,
9), утоленный (II, 313)
завывал — сказал (III, 288)
завыванье — очарованье (III, 341)
загадкам — сладком (I, 491)
загадки — заставки (I, 249), кратки (I,
450), складки (I, 490), сладки (I, 489)
загадкой — девятой, сладкой (I, 329;
III, 361), украдкой (I, 105; III, 337)
загадку — сладко (I, 392)
загар — пожар (II, 335), чар (III, 328)
заглядись — разразись (II, 241),
расплетись (II, 241)
заглянет — затянет (I, 206)
загляну — сну (II, 138)
заглянула — блеснула
заглянуть — грудь, потонуть (II, 274)
заглохла — иссохла (I, 460)
заглушон — он (II, 36)
загорелась — забелелась
задача — плача (III, 68)
задачу — плачу (III, 50)
задевая — угасая (I, 379)
задом — докладом
задремлем — землям (II, 93)
задрожал — кричал (I, 252), хохотал (I,
252)
задрожало — кинжалы (III, 313),
побежало (III, 312)

задрожат — чад (I, 355)
задрожит — побежит (III, 369)
задувал — ликовал (II, 314)
задул — гул
задумалась — задумалась (I, 301)
задуши — души, оглуши (II, 259)
задушу — закружу (II, 220), оглушу (II,
220)
задыхаясь — признаваясь (III, 204)
заемной — огромный (I, 369)
заемный — нескромный (II, 155)
зажгла — чела (II, 35)
зажгли — мои (II, 165)
зажглись — ввысь, высь
зажгу — лгу (I, 286), сберегу (I, 315)
заждалась — облеклась (I, 516)
зажег — изнемог (I, 346)
зажечь — встреч, речь (I, 364; III, 311)
зажжен — сторон (I, 286)
зажжена — весна, скакуна (II, 86)
зажжет — вздохнет
зажигали — печали (III, 311)
зажигая — земная (III, 172)
завучал — бросал
завучало — покрывало (I, 151)
завучит — глядит
завучу — свечу (II, 42)
завобушку — воробышком, кровушку
(III, 355), чернобровушку (III, 355)
займутся — смеются (I, 154)
зайчик — мальчик (II, 236)
заказан — связан (II, 205)
закапай — папой (II, 69)
закат — брат, брэнчат, возврат, горят,
гудят, плат (II, 31), рад (I, 514), смят
(III, 171), спят (I, 396), утрат (I, 336)
заката — возврата, глашатай, злато
(II, 23), куда-то (II, 136), объята (I,
334), Сената (III, 377), трикраты (II,
23), утрата (II, 339), хвостатой (III,
305), чиста ты (I, 353)
закате — объятий (III, 32), платье (I,
194), халате (I, 313)
закатилось — молилось (III, 46)
закатный — благодатный, возвратный
закату — вату, голубоватый, латы (I,
251)
закинем — синим (III, 287)
закинул — сдвинул (II, 161)
закинь — твердынь (I, 251)
заклеймен — имен (II, 172)
заклочаю — знаю (I, 88)
заклятий — занятий (II, 332)
заклятья — объятья (I, 487, 488)
закованный — очарованный (II, 186)

закованы — очарованы (II, 94)
 заколдовала — покрывало (II, 121)
 заколот — холод (II, 136; III, 91)
 закон — дракон, имен (I, 537), обречен
 (I, 203), он (I, 515), отражен (I, 211),
 смущен (I, 200), сон (I, 352)
 законам — женам
 законом — стоном (I, 507)
 законы — короны (III, 39), стоны (I, 86,
 442, 520), троны (II, 38)
 закроем — горем, морем (II, 125),
 прибором (II, 125)
 закрою — мною (III, 149)
 закружу — задушу, оглушу (II, 220)
 закрути — обрати (II, 220), опусти (II,
 220), укроти (II, 220)
 закрутил — лобил (II, 251), убил (II, 251)
 закрывай — рай (III, 157)
 закрывали — дали
 закрывая — зарева (III, 271)
 закрыт — плит (I, 341)
 закрыто — забыто
 закрытое — забытое
 зал — ждал, замирал (II, 155), зеркал
 (III, 11, 16), провожал (I, 283),
 пронизал (II, 157), скал (III, 16), стоял
 (II, 173)
 зала — сказала (I, 292), укачала (II, 233)
 залам — балом
 залах — бокалах
 зале — бокале, бросали, заплясали (II,
 269), приглашали (II, 37), провожали
 (III, 239), устали (I, 314)
 залегла — мгла (II, 18)
 залегло — крыло (I, 404)
 залетая — снеговая (II, 278)
 залив — разлюбов (I, 194)
 залива — лжива (III, 172), локомотива
 (II, 91), прихотливо (I, 491)
 залила — низвела (III, 67)
 залитая — золотая (I, 174, 220)
 залито — никто (II, 103), пальто (II, 149)
 залогом — дорогам
 заложит — поможет (I, 69)
 залой — дрожала
 залы — вассалы, Галлы; покрывало (I,
 254)
 замедляет — скидывает
 замели — цвели (II, 245)
 заменит — отлетит (I, 433)
 заменя — кляня (III, 305)
 замерла — легла (I, 74), поняла (I, 351),
 свела (II, 51), сошла (I, 520)
 заматались — примечались (III, 370)
 заметил — рассвете (III, 7), светел (I, 517;
 II, 65, 204)
 заметить — приметить (III, 310)
 заметная — безрассветная
 заметят — встретят
 замечали — печали (III, 321), прощали
 (III, 322)
 замечать — назвать (III, 321)
 замечен — встречен
 замечу — встречу, навстречу (I, 163)
 замигал — проскакал (I, 241), сигнал
 (II, 136, 275)
 замирал — зал
 замирали — дали
 замирая — злая (I, 432), немая (I, 53),
 оплетая (III, 173), отступая (I, 168)
 замкнутая — минут (III, 224)
 замогильный — пыльный (III, 32)
 замок — звонок (III, 39), порог (III, 39)
 замолчи — замчи (II, 279)
 замолчит — окружит (I, 358)
 за море — капоре (II, 69)
 заморочь — ночь (II, 117)
 замрем — о нем (I, 521)
 замрет — вздохнет, гнет, дает
 замри — сотри (III, 93)
 замру — отопру (I, 140)
 замрут — пруд (II, 319)
 замучай — ползучей (II, 259)
 замчи — замолчи
 замшеной — зеленой (II, 116)
 замыкая — рая (III, 272)
 занавесила — весело
 занавески — дерзкий, упорно-дерзкий
 (II, 164)
 за нами — странами (I, 458)
 занес — матрос (III, 19), пес (III, 128)
 занесло — бело
 занести — пути (II, 278)
 занялась — отперлась (I, 290), смеясь (I,
 532)
 занялось — понеслось (I, 143)
 занята — занята (III, 350), креста (III,
 350), мечта (II, 78)
 занятий — заклятый
 заодно — окно (I, 508)
 запахах — лапах (III, 361)
 запевая — снеговая (II, 279)
 запеклись — высь
 запел --- --- звенел (I, 364), обезумел (III,
 53), хотел (II, 262)
 запели --- сидела (II, 138)
 заперта --- ворота
 заперты --- цветы (I, 487)
 запершись --- клялись (III, 127)

записка — Франциска (III, 105)
 заплачу — неудачу (I, 86), удачу (II, 75)
 заплетут — пруд (I, 320)
 заплясали — зале
 запляшет — опояшет (I, 313)
 запнулся — отвернулся (III, 309)
 заповедной — победный (I, 454)
 запоет — ждет
 запоздала — познала (I, 351)
 запоздало — уставало (III, 67)
 запоздалые — небывалая (I, 475)
 запоздалый — алый, бывало, бывалой,
 талый (III, 171), усталой (III, 130),
 усталый (I, 73)
 запоздалым — мало (III, 314)
 запоздалых — небывалых (I, 164)
 запой — женой, площадной (II, 42)
 заполонила — манила (III, 188)
 запор — вздор
 запороши — притуши (III, 208)
 запорошит — шуршит (III, 341)
 заправить — лукавить (III, 20)
 запредельном — хмельном (II, 58)
 запредельных — бесцельных
 запросится — проносится (II, 13)
 запрудах — изумрудах (II, 45)
 запыли — пыли (II, 333)
 запястий — страсти (II, 23)
 запястье — страсти (III, 215)
 запястья — Лиллас-Пастья (III, 232),
 счастья (III, 243), участка (III, 232)
 запятнала — укачала (II, 107)
 заране — тумане (I, 123, 452)
 зардела — отлетела (I, 409)
 заре — алгаре, горе, дворе, ковре (I,
 314), серебре (I, 291, 317; III, 190)
 заревая — закрывая
 зарево — марево (III, 259)
 заревое — героя
 заревом — холмом (I, 320)
 заревою — покою (III, 271)
 заревые — впервые
 зарею — головою, покою (III, 120),
 порою (I, 377, 378)
 заржал — прибежал (I, 417)
 зари — алтари, внутри, говори, гори,
 зари (III, 285), оботри (I, 317), отвори
 (I, 349), подари (I, 345), пустыри (II,
 108), смири (I, 289), смотри (I, 368, 539;
 II, 71, 97, 273, 280; III, 129, 285), твори (I,
 98), укори (II, 275), умри (III, 285),
 упыри (III, 87), фонари (I, 27, 206; II,
 155, 170; III, 25, 332)
 зарниц — ресниц (I, 370)
 зарница — приснится (I, 320), царица (I,
 327)
 зарнице — небылицы (I, 408)
 зарницей — колесницей (I, 450),
 станицей (I, 54)
 зарницы — зеницы (I, 383), небылицы (I,
 413, 419), птицы (II, 53; III, 251),
 ресницы (I, 404)
 зарубежной — безбрежной
 зарыдала — хохотала (III, 219)
 зарытым — забытом
 зарю — говорю, догорю, сгорю (I, 86),
 серебру (II, 41), смотрю (II, 103, 134;
 III, 142), сотворю (II, 104), царю (I,
 290)
 зря — алгаря, горя, зря (II, 187),
 монастыря (I, 198), моря (I, 20, 485),
 сентября (III, 306), фонаря (II, 167; III,
 310, 333), царя (I, 259; II, 35, 176, 218,
 223; III, 120, 329), января (III, 331)
 зрям — сам (I, 538)
 засветимся — встретимся
 засияла — бокала, презирала (III, 17)
 заслонила — вступила
 заслуг — прислуги (III, 338)
 засмеются — разбредутся (I, 302)
 засовы — вы, оковы (II, 228), покровы
 (III, 267), совы (II, 228)
 засохла — оглохла (III, 133)
 заставки — загадки, лампадки (I, 249)
 заставой — златоглавый (III, 306)
 застигла — иглы (II, 232)
 за столом — золото (II, 317)
 застудят — будет
 заступаться — забываться
 застучалось — сжалось (I, 40)
 застывающее — опустошающее (II, 218)
 застыл — полубил (II, 225)
 застыли — могиле (III, 80)
 застыло — силы (I, 88)
 застынет — покинет (I, 463)
 засыпает — вздыхает
 засыпая — внимая
 затаена — грустна
 затаил — пережил (I, 29)
 затая — я (I, 3)
 затворе — притворе (III, 312)
 затемнен — обрамлен (III, 312), сон (I,
 350)
 затеряны — измерены (I, 502)
 затесало — пристало (III, 309)
 затих — их (I, 479), остальных (III, 312),
 святых (I, 180), твоих (I, 190)
 затихал — ждал
 затмило — сила (I, 352)

затон — окружен (II, 74)
заточен — сон (II, 175)
заточенье — моленья (I, 104)
заточенья — отдалены (I, 87)
затуманит — обманет (III, 254)
затянет — заглянет
затянуло — гулы
затянут — обманут (II, 235), растянут (II, 235)
заунывной — разливной (II, 262)
заутрене — утренних (II, 108)
заучены — измученный (III, 146)
захвачу — лечу (II, 194)
захлебнись — завернись
захлестнуло — потонуло (III, 168)
захотела — тело (III, 67)
зачатия — проклятие (III, 145)
зачах — впотьмах, крылах (I, 406), лучах (III, 287), очах (I, 406)
зачем — нем (I, 431; II, 37), шлем (I, 242)
зашевелят — взгляды
звала — дала
звали — дали, провожали (I, 105)
званный — пьяной (II, 75)
званья — пальмой (III, 51)
звать — вспоминать, ждать, кричать (III, 62), повторять (II, 240)
звезд — крест (I, 168; II, 140, 226, 231, 268), мест (II, 231; III, 271), наезд (I, 384), окрест (III, 156)
звезда — вода, всегда, города, гряда, да, навсегда (II, 93, 194; III, 158), никогда (III, 158), поезда (III, 135), руда (III, 270), следа (I, 124, 284, 346), стада (III, 120, 158), стыда (I, 284, 362), суда (II, 55), тогда (I, 195; II, 125, 184), труда (I, 353), туда (I, 356; III, 61)
звездам — листам (I, 207), передам (III, 237), цветам (I, 246)
звездами — врагами, небесами (II, 105)
звездах — страх (I, 419)
звездно — бездной
звездной — бездной, бездны, бесполезной, железный
звездный — бездны
звездным — безднам, бездны
звездными — безднами
звездой — душой, красотой (I, 101), мглой (I, 412), мной (II, 265), покой (I, 36), тобой (II, 187)
звездочет — высот
звездочки — девочки
звездой — волною, собою (III, 61)
звезду — бреду, жду, приду (I, 509), руду (III, 369)

звезды — воды, наезды (I, 384), подъезда (II, 328), пруды (III, 271), следы (I, 124, 148; II, 36, 230), труды (I, 531; II, 44; III, 84, 327), ты (I, 345)
звенел — запел, удел (I, 368), хотел (I, 368)
звенела — пела (III, 217)
звенели — келий (I, 319), пели (III, 29)
звонит — зенит (II, 24), кружит (II, 279), летит (I, 48), манит (II, 131; III, 247)
звено — одно (I, 462)
звенья — волненья, изображенье (I, 501)
звоня — дня, меня (I, 322; II, 67, 250; III, 291)
звенящий — грозящий, палящей (II, 226), хрустящий (III, 371)
звенячий — спящий (III, 56)
зверей — дверей, рей (II, 50), твоей (I, 84)
звери — вере, двери, навечерий (I, 288)
звенок — дружок
зверь — дверь
зверю — вере
зверя — меря (II, 266)
звон — влюблен, времен, он (I, 113; III, 37, 344), похорон (III, 145), силен (III, 264), сон (I, 286, 330; III, 18, 201, 211), стон (III, 89), утомлен (II, 145)
звона — балкона
звонарь — фонарь (II, 118)
звоне — лоне (I, 92), стене (I, 143)
звонка — рука (III, 31), ярка (II, 131)
звонкие — тонкие (I, 537)
звонки — руки (I, 248)
звонкий — сторонкой (III, 367), тонко (III, 367)
звонко — богом-ребенком, ребенка (I, 277, 372, 538; II, 166), ребенком (II, 23)
звонкой — сторонкой (III, 196), тонкой (III, 203)
звонко — замок, порог (III, 39, 312), тонок (II, 201)
звоном — амвоном, зеленым (III, 180), перезвоном (II, 138), стоном (II, 254; III, 272)
звонче — погромче (II, 336)
звончее — виднее, чернее (III, 367)
звоны — вороны, иконы (I, 171)
звук — вдруг, мук (I, 386), наук (III, 376, 377), паук (I, 212), рук (I, 303; II, 39; III, 26), стук (I, 215)
звуки — звуки (II, 280), муки (I, 379, 394), разлуке (I, 508), разлуки (III, 154, 369), руки (I, 237, 252, 304, 310, 316, 352, 360, 368, 379, 394, 496; II, 14, 24,

40, 66, 85, 110, 118, 146, 219, 233; III, 80, 148, 184, 213, 217, 339), скуки (III, 55, 339), стуки (I, 219)
 звуку — руку (I, 307; II, 172; III, 41, 265), стуку (II, 270)
 звучал — искал (II, 87), слышал (I, 60)
 звучало — одичалой (II, 52)
 звучат — объят (I, 19)
 звучит — заболит, стучит (I, 435)
 звучно — неразлучны (I, 472)
 звучных — гучных (II, 316)
 звякнул — крякнул (III, 38)
 зги — шаги (I, 157)
 здании — собрание (III, 349)
 зданий — гаданий, содроганий (II, 150), тканей (II, 312)
 зданию — собранию (III, 347)
 зданье — вниманья, желанья, исканий (I, 283), познанию (I, 172), сознания (I, 255)
 зданья — восстанья, сознания (III, 9)
 здесь — весь, смесь (III, 320)
 здоровой — суровый (I, 451)
 здоровый — новый (I, 67)
 здраво — право (III, 356)
 зев — прозрев (II, 130)
 зевак — мрак (II, 156), никак (III, 309)
 зелий — веселий
 зеленая — склоненная (I, 301), сонная (I, 301)
 зеленой — замшеной, поклонны (I, 533)
 зеленый — сонный (III, 164)
 зеленые — потаенные (I, 196)
 зеленым — звоном
 зелеными — отдаленными (II, 22)
 земля — хмель (II, 62)
 земле — крыле (II, 318, 319), мгле (I, 84, 201, 290, 297, 333, 468; II, 34, 46, 93, 101, 102, 108, 169, 189, 232, 260; III, 17, 33, 78, 86, 332), скале (III, 84), сне (I, 493), столе (III, 64), тепле (III, 282), челе (I, 234; II, 216; III, 17, 163)
 землей — иной (III, 369), роковой (III, 160), снеговой (II, 230), цветной (I, 15)
 землю — собою (I, 122), успокою (I, 213)
 земли — вдали, дали, дремли, издали (II, 75, 221), корабли (I, 476; II, 50, 54, 56, 114, 221; III, 19, 172, 366), короли (II, 30), легли (III, 15), могли (I, 342; III, 369), мои (III, 366), несли (II, 88), огни (I, 58), отошли (I, 361, 473; II, 88), приемли (I, 300), пришли (I, 121), прошли (I, 41; II, 34, 40), пыли (I, 59, 318; II, 58; III, 307), расцвели (I, 276), рули (II, 56), свели (III, 277), сули (I, 47), увлекли (III, 273), устели (II, 35), ушли (I, 367), шли (I, 460)
 землю — объемом (I, 175)
 земля — деля, Кремля (III, 131), поля (I, 55, 118, 343, 456, 509; II, 77, 135; III, 273, 374), руля (I, 189), удела (II, 56), утоля (I, 317), я (I, 293)
 землям — задремлем
 земная — зажигающая, золотая (III, 200)
 земного — слово (I, 398), снова (I, 39)
 земное — зное (III, 33), покоя (I, 200), строе (I, 197)
 земной — злой (III, 151), покой (I, 460)
 земные — немые (I, 87)
 земным — злым (I, 33)
 земными — чужими (I, 402)
 зенит — звенит, стучит (I, 500)
 зените — взгляните, нити (I, 212, 291)
 зеницы — голубицы, зарницы, столицы (I, 150), темницы (I, 87)
 зеркал — зал, скал (III, 16)
 зеркала — коверкала (III, 139), умерла (II, 158)
 зеркальной — нахально (III, 14), печальный (III, 14)
 зеркальный — хрустальный (II, 55)
 зерна — покорно (I, 249)
 зерно — оно (I, 462)
 зим — дым, твоим (II, 219), томим (I, 147)
 зима — сама (I, 367)
 зимний — гимны, схимник (II, 278)
 зимой — иной (III, 93)
 зимы — зимы (III, 284), мы (I, 172, 496; II, 181, 284), псалмы (II, 11), серафимы (III, 190), тьмы (I, 75, 496; II, 139)
 зла — бела, дела, жила, пронесла (I, 468), светла (I, 423), стройно-бела (I, 296), цвела (I, 400)
 злак — враг, знак (II, 127), зрак (II, 127), овраг (II, 84)
 злаки — мраке (I, 306; III, 88)
 злаков — знаков (II, 25)
 злаком — мраком (I, 501)
 злата — свято (I, 440)
 злато — заката, когда-то (III, 194, 273), трикраты (II, 23)
 златокудрой — премудрой (I, 244)
 златокудрых — мудрых (I, 185)
 златолатный — ратной (II, 144)
 златом — цветком (III, 127)
 злачными — мрачными (II, 20)
 злая — замирая

зле — мгле (I, 348)
зло — расцвело (I, 347), светло (I, 514)
злоба — гроба, злоба (III, 349), оба (III, 129, 349)
злобу — гробу
зловеще — вещей
зловещим — вещним
злой — земной, судьбой (II, 286)
злости — кости (III, 37)
злость — гость, трость (I, 281)
злую — плохую (III, 339)
злые — младые (III, 336), роковые (I, 424)
злым — земным
злясь — расшались (III, 337)
змее — Неве (II, 175)
змеевик — велик
змеи — ручки (II, 127), твои (I, 159; II, 127, 284), темнее (III, 167), чешуи (II, 175)
змей — людей (II, 312)
змею — узнаю (II, 270)
змея — копыа (II, 260), моя (I, 382; II, 239; III, 173), твоя (II, 284), чешуя (I, 284)
змеями — языками (II, 136)
знавали — покрывале (II, 260)
знает — болгает, догорает, ласкает (III, 246), прельщает (III, 325), сжимает (I, 344)
знай — рай (III, 301)
знак — знак; зрак (II, 127), мрак (I, 55, 118; II, 224; III, 198), призрак (I, 443), рысак (III, 162), флаг (II, 50), шаг (II, 183, 225)
знака — мрака (I, 526; II, 224)
знаки — зраке (I, 529), маки (I, 236, 513; II, 229, 311), мраки (II, 52), фраке (I, 307)
знаков — злаков
знаком — влеком, голубом, женихом
знакомом — влекома, истома (II, 258; III, 234)
знакомом — дома, Ессе homo (III, 30) по-другому (III, 151)
знакомой — дома
знакомом — громом
знакомы — дома
знакомый — влекомый, дома, дома, омут (II, 50)
знакомым — ломом (III, 244)
знал — оставлял (III, 336), отравлял (II, 181), увидал (I, 307)
знала — покрывала (II, 239), сказала (II, 244)
знали — доли, печали (II, 183)

знамен — неосвящен (II, 180), окон (III, 57)
знамена — батальоны, сна (I, 244), суждена (I, 530)
знамя — кострами (III, 249), крылами (I, 539), нами (I, 318; III, 191), пламя (I, 451), путями (III, 277), тропами (III, 309)
знание — молчанья (I, 260)
знанья — названья (III, 198), страданья (I, 360)
знать — благодать, враждовать, вставать, гулять, дать, рождать (II, 287), умирать (II, 105)
значение — воображеньи, течение (I, 466), уверенья (III, 57)
значит — плачет (II, 69; III, 257, 347)
значишь — плачешь (III, 257)
знаю — бросаю, выпускаю, заключаю, измеряю (II, 273), краю (III, 265), повторяю (I, 358; III, 160), погибую (I, 346), различаю (III, 142), раю (II, 216), сгорая (I, 253)
знают — сжимают (III, 68)
знающее — вздыхающее
зная — края (I, 481), рая (III, 55), сгорая (III, 55)
зное — былое, земное, огневое (I, 52)
зной — волной, собой (I, 110), тобой (I, 444), чужой (I, 224)
знойной — беспокойно
знойном — спокойно (I, 393)
знойный — беспокойный
знойных — беспокойно
зною — голубою
зноя — покоя (I, 419)
зов — готов, облаков (I, 507), оков (II, 329), отцов (II, 62), полуснов (I, 104), цветов (I, 370), шагов (I, 156)
зова — снова (II, 330)
зовем — чудачком (III, 326)
зовет — ворот, ждет, лед (II, 49), народ (I, 302, 427), переход (III, 21), плывет (I, 471), подает (I, 435), поет (I, 338; II, 337), свод (I, 317)
зовешь — ложь (III, 60)
зови — любви (I, 93; III, 114)
зову — наяву (I, 300, 318)
зуют — приют (I, 141), уют (III, 22), шьют (III, 316)
зовущем — гнетущим
зол — сел (III, 247)
золотой — мглой (III, 207)
золотая — глухая, залитая, земная, отрячая (III, 323), пустая (III, 152)

золотил — сил (I, 178)
золотистые — мглистые (I, 153)
золотистым — каменистом (III, 243)
золотится — прицепиться (II, 238)
золотить — нить (I, 369)
золото — за столом, холода (I, 293)
золотоглавый — заставой
золотой — голубой, гробовой, другой,
покой (I, 405), рекой (II, 117), слепой
(III, 128), суетой (I, 339), трубой (II,
90), чертой (III, 31)
золотокудрой — мудрой (I, 250)
золотою — речною (I, 116)
золотые — большие, впервые,
росписные (III, 254)
золотым — лесовым (II, 117)
золотых — жених
зори — взоре, вскоре, горе, море (II, 50,
52, 92, 153, 257, 318), просторе (II, 52),
споре (III, 76)
зоркий — Горки
зорям — морем (II, 55, 204), спорим (I,
317)
зрак — знак, знак, так (III, 322)
зраке — знаке
зрачка — старика (II, 146)
зрачки — огоньки (II, 172), штыки (II,
174)
зреет — греет
зрения — забвении
зренье — горенье
зрима — неисцелима (I, 80)
зримей — неукротимей (III, 223)
зримо — неукротимо (I, 354)
зримы — неутомимы (I, 145)
зримый — непобедимый (III, 185)
зря — заря, царя (III, 39)
зубами — домами, пламя (III, 237)
зубчатой — когда-то (III, 129)
зубчатым — крылатом (II, 242)
зубы — грубой, губы
зурна — верна
зурны — весны
зыби — изгибе (I, 479)
зыбкий — улыбкой (III, 61)
зыбкой — гибкий, улыбкой (I, 234, 484,
485; II, 279; III, 127, 144)
зыбком — улыбка (I, 522)
зык — язык (II, 149)

И

ив — нимф (I, 391)
ивы — молчаливый (I, 243)

игла — дотла, мгла (II, 151, 152, 251),
прошла (II, 191), хвала (II, 152), числа
(II, 152)
иглу — мглу (I, 487; II, 13; III, 283), полу
(II, 63), стрелу (II, 13), углу (II, 133)
иглы — застигла, настигла (II, 217)
игра — пора (II, 322), сыра (I, 516)
играет — пугает (III, 325)
играл — сыл (III, 331)
играть — понять (I, 376), простирать (I,
376)
играю — ласкаю (III, 20)
играя — забываю
игру — ввечеру, серебру (I, 320)
игрушек — пушек (II, 329)
игрушки — стружки (III, 367), хлопущки
(II, 328)
игры — костры (I, 154), миры (III, 61)
игумен — безумен
идеал — отрицал (III, 323), сверкал (I,
383), сохраняя (I, 41), узнал (I, 382)
идеала — завещала, капитала (III, 336),
покрывало (I, 65)
идеальной — гениальной
идем — вдвоем, днем, умрем (II, 103)
идет — ведет, вперед, ледоход (II, 131),
народ (I, 269), настает (III, 134),
отстает (II, 358), плывет (I, 357),
порастет (III, 154), растет (III, 222)
иди — впереди. груди
идиллий — пошутили (III, 138)
идти — изойти (III, 161), найти (I, 388),
плести (III, 161), пройти (III, 161),
пути (I, 42, 472; II, 123)
идут — встают, тут (III, 307)
идущей — всемогущей
иерей — моей (III, 103), якорей (III, 87)
избавился — преставился (I, 301)
избе — тебе (II, 117)
избой — голубой
избранья — желанье
избудешь — будешь
избушка — бабушка-старушка,
старушка (II, 322)
избыток — кредиток (II, 168)
избыть — быть, может быть (I, 197)
избяную — кондовую (III, 350)
изведал — победы (III, 160)
извела — числа (II, 281)
известно — тесно (III, 78)
извив — перерыв (III, 34), пробудив (I,
415)
извивах — красивых (II, 159)
извиваясь — испугаюсь (I, 495)

изволь — контроль (III, 354), что ль (III, 354)
изгибе — гибель, зыби
изгнанник — странник (III, 214)
изгнаны — указания (I, 42)
изголовью — любовью (I, 390)
издавна — православный (III, 320)
издалека — близка, висока, глубока, глубоко, клобука (III, 271), ночника (I, 35), рока (I, 120), рука (I, 256; II, 77; III, 30), светляка (III, 196), тоска (I, 188)
издали — земли, ковыли (III, 251), корабли (I, 136; II, 221), мели (II, 161), отошли (I, 501), пристани (II, 214)
издеваться — показаться (III, 313)
издыханы — всепознаны, дыханы
изжитая — возрастающая
изламывающий — падающей (II, 223)
излук — разлук (II, 10)
излучин — однозвучен (II, 65)
излучины — поручены (II, 186)
измен — Кармен (III, 235, 237, 238, 239), плен (II, 17)
измена — Сиена (III, 113)
изменил — опалил (II, 181)
изменила — пробудила (I, 281)
изменили — светили (I, 342), сохранили (II, 101)
изменило — сохранила (I, 218)
изменница — пенится (III, 109)
измены — пены (II, 215, 279)
измерено — потеряно (I, 503)
измерены — затеряны
измерил — верил
измерим — терем (I, 531)
измеримо — серафимы (I, 91)
измерится — верится
измерить — верить
измерю — верю
измеряю — знаю
измождены — старины (II, 106)
измученный — заучены
измять — мать (II, 261)
изнемог — Бог, зажег, цветок (II, 282)
изнемогая — догорая, разрывая (III, 261)
изнемогла — дотла, крыла (II, 225), пошла (I, 430), ушла (I, 430)
изнемочь — ночь (I, 536; II, 96; III, 71)
изнурен — вдохновлен
изнурена — полна (I, 404)
изнывая — иная (I, 297), разделяя (I, 432)
изображенье — восхищенье, звенья

изойти — идти, плести (III, 161, пройти (III, 161), пути (II, 248)
изошла — ждала, пошла (II, 281)
изрытый — скрытый (I, 441)
изумрудах — запрудах
изумрудный — скудный (I, 226)
изувечу — встречу
изумленный — завороженный
изумленья — отраженьем (I, 467)
изъятья — предприятиях (III, 321)
иконам — поклоном (II, 283)
иконе — амвоне
иконой — благосклонной
иконостас — упас (III, 356), час (III, 103)
иконы — звоны, купоны (III, 274)
им — любим (I, 164), ним (III, 134), одним (I, 461)
имен — заклеямен, закон, похорон (I, 237)
имена — видна, жена, одна (I, 180), предана (I, 293), сна (I, 324; III, 160), темна (I, 62), тишина (I, 180, 357)
ими — ночными (III, 87)
имущество — могущество (II, 194)
имя — моими (III, 211, 225), ночными (II, 48), твоими (I, 350; III, 163), чужими (III, 148)
иная — изнывая, роковая (I, 405)
инее — синей (II, 218), синюю (I, 144)
иней — пустыне (III, 344), синей (II, 328)
иноверца — сердце (I, 218)
иногда — горда, навсегда (III, 273), следа (III, 210)
иной — землей, зимой
инок — снежинок (I, 198, 342)
ином — проведем (I, 471)
иностранец — глянец
интеграл — Урал (III, 362)
Интернационал — вал, скал (III, 372)
иную — ночную (III, 344)
иные — впервые
иным — неповторим (III, 375), цветным (III, 268)
иных — мирских (I, 106), тих (I, 106)
Иоанна — Осанна (I, 239)
ирис — пире (III, 109)
исказила — выносила
искал — вонзал, звучал, искал (II, 87), потерял (III, 49), пылал (III, 137), роптал (I, 387)
искала — потеряла (II, 90), разгадала (I, 469)
исканий — зданье
Искарюта — заботы
искать — перервать (I, 371)

искр — вихрь
искрой — быстрой
искры --- быстро, быстры, быстрый
искупленья — вдохновенья
искусства — чувства (III, 27, 108)
искусство — чувства (I, 421)
искушеньем — сомненья (I, 425)
искушенья — отраженья (I, 445)
испанец — танец (III, 204)
исповедай — победой (I, 317)
исправным — славном (III, 318)
испуг — круг (III, 314), наук (III, 314),
подруг (III, 316)
испугала — встала
испугаюсь — извиваясь
испытывай — раковый (II, 278)
иссяня-черными — узорными (III, 176)
иссохла — заглохла
исступлений — ступени (I, 137)
исступленном — отдаленным (III, 26)
исступленья — мученье (I, 188)
иссушила — было
иссяк — мрак (I, 11)
истаешь — узнаешь (II, 338)
истленья — движения
истокам — широко (II, 312)
истоков — намеков (II, 45)
истома — дама, знакома
истомы — хоромы (II, 227)
истомлен — Сампсон (I, 512)
истомлена — распалена (I, 365)
исторг — восторг
истребленья — томленья (III, 73)
истребло — люблю (I, 538)
исхода — завода, свобода (III, 171)
исцеленье — успокоенье (I, 348)
исцеленья — селенья (III, 135), тенью (I,
468), удивленья (III, 135)
исцелись -- пробудись (II, 227)
исцеляющий — ковыляющий (II, 14)
исчез — лес (I, 191; III, 206), навес (I,
192), небес (I, 209, 513)
исчезать — посещать (I, 187)
Италии — печали (III, 108)
Иуда — забуду, чудо (I, 222)
Иуды — буду
их — жених, затих, мостовых (III, 310),
тих (III, 334)
ищет — свищет (II, 90)
ищи — ропщи (I, 393)
ищут — рыщут (II, 316)

кабак — дурак
кабака — легка (II, 75)
кабаке — вдалеке, чулке (III, 350)
кабаков — чердаков (II, 205)
каблук — друг
кавалера — портьера (II, 158)
кавычки — привычки (III, 314)
кадил — приходил (I, 486), разделил
(I, 239), сил (II, 328)
кадиле — вступила
кадили — пыли (III, 124)
кадило — облачила (II, 141), светила (I,
70), силы (III, 83)
кадить — выносить
кадки — рогатки (II, 147)
каждой — жаждой
каждый — дважды, однажды (II, 207)
казалась — поднималась (I, 26),
раздавалось (I, 8)
казались — собирались (II, 173)
казалось — наслаждалась (I, 422),
раздавалась (I, 121)
казаться — отражаться (III, 13),
шататься (II, 13)
казни — дразнишь
казня — меня (II, 137)
кайма — тьма (II, 134)
как — кушак (II, 281), мрак (III, 9)
какие — глухие
калек — век
Калиту — мечту (III, 131)
камельке — вдалеке
каменел — шумел (I, 389)
каменистом — золотистым
каменистый — тенистой (III, 242)
камень — пламень (I, 143, 366, 385, 394,
413), полками (III, 250)
каменя — Воскресенья, отдохновенья
(III, 303)
камина — льдины (I, 335, 336)
камином — орлиным (I, 336), паладином
(II, 169)
камне — мне (II, 287)
каменной — бровей, морей (II, 39), огней
(III, 109)
камни — пламени (III, 108)
камя — ясно (II, 173)
кампанил — разбудил (III, 112)
камьш — возвратишь, манишь (I, 99),
тишь (I, 194, 196; II, 45), томишь (III,
172)
камьша — душа, шурша (II, 22)
камьшами — слезами (II, 293)
камьшах — устах (I, 328)
камьши — души

К

канала — предвещало (III, 327), сначала (III, 37)

канат — плакат (III, 347)

канву — проживу (II, 179)

канат — встанет, обманет (III, 62), устанет (I, 493)

канешь — взглянешь

канул — глянул

канула — воспрянула

кантом — бантом

канцоной — бессонной

капель — неделя (III, 329)

капитала — идеала

капле — цапли (III, 248)

капоре — за море

капустный — грустный

кара — пожара (I, 510)

караваны — раны (I, 365)

каракуле — плакали (III, 348)

карапузика — музыка (II, 67)

карать — умирать (I, 429)

карет — свет (III, 306)

карий — ударю (III, 55)

карлики — сухарики (II, 20)

карманном — странным (III, 136)

Кармен — измен, стен (III, 232)

Карменситы — ланиты (III, 227)

карниз — вниз, обнялись (I, 288), риз (I, 257)

карнизам — ризам (I, 232)

карнизах — ризах (II, 311)

карнизов — вызов

карнизы — ризы (I, 198)

карта — азарта, марта (III, 327)

картин — один (III, 313)

картина — равнина (III, 75)

картуз — туз (III, 350)

карты — Моцарта (II, 66)

карусели — веселий, кудели (II, 220), метелей (II, 220), хмелей (II, 220)

кары — пожары (I, 348), удары (I, 24)

каска — коляски (III, 306)

кассе — массе (II, 155)

кастаньет — поэт (III, 204)

катафалка — гадалка

катилась — курилась (I, 412)

кафтан — сарафан (II, 314)

качается — означается (III, 19), совершается (I, 119)

качала — обласкала (I, 343), сначала (III, 219)

качали — нависали (III, 319), огибали (III, 319)

качалка — жалко

качался — надрывался (II, 80)

качаясь — ласкаясь (I, 328)

качель — ель

качусь — рвусь (I, 414)

Кашин — один (III, 107)

каются — кувьркаются (II, 20)

каяться — лаяться (II, 13)

квартал — встречал

квартир — мир (III, 336)

квартира — мира (III, 338)

квартире — пире (II, 35)

кедра — щедро (I, 318)

келий — веселий, звенели

келье — веселье

келью — веселью, веселья

келья — веселья

кикапу — шантрапу (III, 373)

кимвалами — провалами (II, 94)

кинешь — раздвинешь (II, 329)

кинжал — бал

кинжала — жала

кинжала — задрожало, побежало (III, 312)

кинут — опрокинут (II, 257)

кинуто — вынуто

кинуть — сгинуть (II, 327)

киоты — отчеты (III, 339)

кипела — хотела (I, 378)

кипеть — жалеть, улететь (I, 521)

кипит — озарит (I, 6), спит (I, 6), царит (I, 6), щит (III, 362)

кирка — пока (II, 96), свысока (I, 360)

киркою — мною (III, 245)

кирпич — бич

кисти — убийстве (II, 158)

кладбище — жилище

клады — Млада (II, 86)

клевера — севера (I, 265, 320)

клеветой — мечтой (III, 191)

клеветы — ты (II, 156)

клеймо — комком (II, 146)

клен — влюблен, сон (I, 207)

клетку — сетку (III, 167)

клетушка — старушка (II, 89)

клешни — они (III, 245)

клик — лик (I, 449), миг (I, 438), привык (I, 537)

клинком — кушаком (III, 196)

клинок — ног (III, 301)

клич — бич

кличет — тычет (III, 310)

клобука — издадека

клоками — глазами

клонился — молился (I, 506)

клонится — молится (II, 14, 15)

клонясь — началась (III, 88), смеясь (I, 390)
клочок — намек (I, 76, 252), платок (I, 252)
клубится — девица
клубить — озарить (III, 368)
клубок — повлек (II, 130)
клык — миг (II, 331)
кляках — руках (III, 114)
кляки — велики
клякой — другой
клякою — Невою (III, 131)
кляча — горяча
клячам — отдам (II, 18)
клячами — вами
клячи — горячи , лучи (II, 43; III, 267), мечи (I, 231), ночи (I, 229)
клячик — тучек (II, 219)
клячу — лечу (I, 130)
клялись — запершись, приобщались (I, 188)
кляни — дни
кляня — заменя, меня (III, 325)
клятвой — жатвой
клячи — ходячей (II, 123)
книг — двойник, миг (I, 185; II, 82; III, 344), привык (III, 338)
книг — птица (I, 249)
книгам — мигам (I, 281)
книгах — мигах (I, 521)
книги — миги (I, 202, 226, 236, 318; II, 236), Цуниги (III, 231)
книгу — мигу (I, 292)
книжной — непостижной (II, 101)
кнута — мечта (III, 152)
кнутом — вдвоем
князь — стучась (III, 247)
кобылица — снится (III, 249), струится (III, 250)
ковал — провал (III, 360)
ковер — сор (III, 42), шпор (III, 32)
коверкала — зеркала
ковре — заре, сестре (II, 92)
ковылем — вином
ковыли — дали, издали
ковыль — пыль (I, 510; III, 249)
ковыляющей — исцеляющей
когда — года, стыда (II, 133), труда (III, 209)
когда-нибудь — грудь
когда-то — Беато, возврата, злато, зубчатой, набата (I, 517; III, 278), утрата (I, 31, 491)
кого-нибудь — отпихнуть (III, 274)
когтит — летит (III, 319)

кожу — потревожу (I, 294)
козни — розни (III, 308)
козырьком — платком (III, 40)
колдовали — дремали, тосковали (II, 44)
колдовать — мечтать (II, 105)
колдуешь — взволнуешь
колдуна — окружена (II, 106), она (III, 328)
колдуном — вечерком, одним (II, 16)
колдуют — волнуют
колеблю — стеблю (I, 520)
колее — солее (III, 372)
колеи — шлеи (III, 254)
колене — Venepa (III, 38)
колени — двери, сновидений (I, 106), ступени (I, 440, 441), сцене (I, 14), тени (I, 106, 211, 373; III, 334), хулений (I, 347)
колени — бессменно , стены (II, 322)
коленнопреклоненным — блаженным
колес — унес (II, 168)
колеса — волоса
колесами — вопросами
колесниц — цариц (II, 48)
колесницей — зарницей
колесницы — спицы (II, 201)
колечки — свечки (I, 294)
колечко — сердечко (III, 207)
колею — семью (III, 317)
колкими — облаке (II, 108)
колкой — елку
колобродит — заводит
колок — осколок (III, 229)
колокола — купола (II, 121), мгла (III, 118, 201), обняла (I, 343), отошла (II, 138), прошла (II, 91), увела (III, 9)
колоколен — безволен
колокольной — вольной, раздолный (II, 149)
колокольный — богомольной
колокольным — вольным
колокольцы — колыцы (III, 207)
Коломбина — Арлекина, шута-Арлекина (I, 287)
Коломбиной — свиной (I, 227)
Коломбины — Арлекина
колонной — сонной (III, 136)
колонны — влюбленный, озаренный (I, 232)
колос — волос, голос
колосс — роз (I, 480), рос (I, 480)
колосса — росы (I, 479)
колпак — фрак (II, 147)
колпаке — вдалеке
колпачки — дурачки

колыбели — метели (II, 330), улетели (II, 113), успели (I, 330)
 колыбель — свирель (II, 58, 286)
 колыхнулась — вернулась
 колышет — дышит
 коляски — каски
 кольца — крыльца (I, 535; II, 16), лица (II, 16, 332; III, 16), мертвеца (III, 16)
 кольцо — лицо (I, 206, 209, 263; II, 52, 81, 131, 256; III, 56, 64)
 кольцо — крыльцу (I, 519), лицу (I, 519; II, 316)
 кольца — колокольцы
 кольчуге — вьюги
 кольчуги — юге (II, 38)
 кольчугу — другу
 колчучим — ползучем (II, 100)
 ком — венком
 команда — Роланда (III, 305)
 командиров — мундиров (III, 308)
 Командор — мотор (III, 80)
 комет — бред
 комета — ответа (II, 215), ответы (I, 536), приметы (II, 218)
 кометы — светы (II, 270)
 комком — клеймом
 коммуне — втуне
 комнат — вспомнит, помнят (II, 43)
 комната — дитятко
 комод — налет (II, 139), счет (III, 274)
 комочком — платочком (II, 146)
 кому — нему (I, 280)
 кому-то — минута (III, 333)
 кондовую — избяную
 коне — вышине, луне (I, 334), мне (III, 365), тишине (I, 222), чугуне (III, 332, 341)
 коней — грудей, дверей, полей (III, 276), скорей (III, 309)
 конем — цветком (I, 315), щитом (I, 365)
 конец — венец, мертвец (I, 485; II, 38; III, 49), певец (I, 346), творец (I, 429; III, 123)
 кони — гонит, погоню (II, 247)
 конституций — куцой (III, 128)
 контроль — изволь, что ль (III, 354)
 конца — венца, крыльца (II, 331), лица (I, 40, 164, 211, 260, 402; II, 120, 173; III, 223, 268, 301), мертвеца (I, 494; III, 45), мудреца (I, 56, 458), отца (I, 475; III, 335, 341), певца (I, 394, 413), сердца (I, 78, 87, 104, 173, 284, 328; III, 275), творца (I, 39, 111, 422, 423, 434, 456)
 конце — лице (I, 359; III, 149)
 концы — венцы, гонцы, дворцы
 кончине — ныне (I, 62)
 конь — огонь (III, 206), сонь (II, 317)
 коня — дня, меня (I, 337; II, 144, 338; III, 20, 24, 76, 165, 206, 251, 266)
 конями — горстями
 Коперник — соперник (III, 342)
 копит — торопит (III, 325)
 копыт — вид, молчит (I, 215)
 копыта — убитый (III, 341)
 копытом — сердито (I, 417)
 копя — змея, я (II, 33)
 кораблей — морей (II, 51)
 корабли — вдали, дали, журавли, земли, издали, мои (III, 366), обрели (II, 79), отошли (II, 55)
 кораблю — гублю, люблю (II, 220)
 корабля — руля (II, 78; III, 162)
 Корана — тумана (I, 48)
 корзину — Перуджино (III, 105)
 корма — дома
 кормами — вымпелами
 корме — дреме
 кормила — ветрило
 кормило — ветрило
 корму — тьму (II, 73)
 корням — ночам (II, 40)
 корням — слезами (I, 11)
 королева — гнева, слева (II, 67)
 королевна — дремлют
 короли — земли
 корона — трона (I, 195)
 короны — законы, трону (I, 335)
 короче — ночи (II, 128; III, 8, 15), очи (I, 499; III, 15)
 корридоров — споров (II, 276)
 корсажем — скажем (III, 365)
 корыто — неумыта (II, 331), сыто (II, 180)
 кос — роз (III, 325), рос (III, 166)
 коса — глаза, голоса, небеса (II, 136)
 косами — росами (II, 47)
 косах — посох (I, 273)
 косе — красе (I, 194, 201)
 косит — выносит, доносит, носит (III, 348)
 косице — ресницы (II, 328)
 косматая — крылатые (I, 524)
 коснется — встрепенется
 коснусь — Русь (II, 106, 107)
 косоворотке — водки
 косогорам — взорам
 косогорами — взорами
 косой — весной, головой, красой (II, 86)

косою — душою, красою (II, 55), мною (I, 273; III, 173), полосою (III, 180), рукою (I, 273), тобою (III, 173)
 костей — людей (II, 36)
 костер — взор, в упор, гор, простер (I, 68), простор (III, 11), хор (I, 68)
 кости — злости
 костлявой — кудрявой (III, 328), ржавой (II, 263)
 костра — вчера, пора (II, 112), сестра (II, 86, 112), утра (III, 48, 344), ядра (II, 307)
 кострами — знамя
 костров — врагов, пиров (III, 374)
 костру — умру (I, 253)
 костры — бугры, игры, пиры (III, 374), поры (I, 154), топоры (I, 271)
 костыль — пыль (II, 168), ты ль (II, 150)
 косы — вопросы, красы (I 530; III, 118), матросы (II, 54), псы (III, 127), росы (I, 482; II, 117, 320), часы (I, 522)
 кот — ворот
 котелки — остряки (II, 185)
 котят — глядят
 кочевой — толпой (II, 189)
 кочкой — точкой (II, 14)
 кошка — лукошко (II, 323), окошко (II, 170)
 кошмар — пожар (III, 27)
 край — вспоминай, забывай, май (III, 190), рай (II, 261; III, 326), распухай (II, 210), стай (III, 264)
 крап — буран
 красавице-царице — страницы (I, 390)
 красе — все, косе, полосе (I, 520)
 красен — прекрасен (III, 140)
 красив — прилив (III, 244)
 красивой — диво, молчаливой (I, 383), неживый (I, 432)
 красивые — живые (I, 356)
 красивых — извивах
 краски — ласки (I, 168)
 красно-серой — верой
 красноватый — брата
 красноватых — бесноватых
 красное — напрасная (I, 136)
 красной — страстный (III, 316)
 красном — несчастным (III, 206)
 красные — страстное (I, 144)
 красной — безучастный, напрасно (III, 287), несчастный (I, 293), прекрасный (I, 90), ясны (II, 283)
 красным — опасном (II, 160), прекрасным (II, 244), ужасным (III, 230)
 красой — косой, луной (I, 415)
 красою — косою
 красота — винта, лепта (I, 472), мечта (I, 331; III, 135), уста (III, 335), чиста (I, 16, 330)
 красоте — кресте (II, 136), суете (III, 335), тесноте (III, 69), чистоте (I, 451)
 красотой — звездой, мечтой (III, 139), молвой (III, 7), пустотой (II, 266), чужой (I, 73)
 красотою — грозною, одною (III, 160), тропкою (III, 341), фатою (III, 337), чертою (I, 324)
 красоту — мечту (I, 442, 465; II, 275; III, 339)
 красоты — листы (I, 477), мечты (I, 14, 173, 363, 446, 455, 479, 512; II, 169), ты (I, 126, 442, 444, 447, 461; II, 96, 283, 329; III, 8, 142, 147), цветы (I, 204, 409), черты (I, 240, 350), чистоты (I, 363, 464)
 красу — лесу (I, 98; III, 120), несую (I, 503; III, 254)
 красы — косы, росы (I, 246, 356), часы (I, 351, 511)
 кратере — матери (I, 504)
 кратки — загадки
 краток — остаток (I, 318)
 краше — чащу (I, 234)
 краю — знаю, мою (III, 91), пою (I, 534), принимаю (II, 272), раю (III, 201), свою (II, 79), твою (I, 57; III, 151), узнаю (II, 339)
 края -- бытия, воронья, зная, моя (I, 472; III, 107), тая (II, 159), твоя (II, 25), я (III, 151)
 краям — храм (I, 468)
 краях — облаках (I, 338)
 кредиток — избыток
 Кремля — земля, моя (III, 187), тебя (III, 187)
 кремнистой — чистый (I, 389)
 крепки — маяки (II, 54)
 крепче — легче (II, 168), шепчет (II, 66; III, 56)
 крепь — степь (III, 269)
 кресел — весел
 крест — est (III, 119), звезд, крест (II, 230), мест (II, 63, 214, 231; III, 258)
 креста — высота, занята, куста (I, 182)
 крестами — усамы (III, 308)
 кресте — высоте, красоте
 крестили — пылили (III, 123)
 крестом — дом, лбом (III, 274), перстом (II, 181)

крестцы — уздцы (III, 361)
кресты — персты (III, 262), ты (III, 268)
крестясь — держась
крестятся — теплятся (II, 95)
крещена — одна (II, 258)
крещенья — мгновенья (II, 216)
кривила — победила (III, 335)
крик — возник, двойник, дик, лик (I, 233, 264, 411, 448), миг (II, 319; III, 17),
постиг (III, 17), старик (I, 152)
крикам — владыкам, двуликом, диком
криками — великими
крики — безликий, дики, дикий, лики (I, 259)
криков — ликов (II, 159)
криком — гиком, дико, ликом (I, 305)
крику — дико
критиковать — отогнать (III, 333)
кричал — задрожал, хохотал (I, 252)
кричала — рукоплескала (I, 428)
кричали — поднимали (I, 255), стали
(III, 250)
кричат — внучат, горят, назад (III, 250),
торчат (II, 185)
кричать — ждать, звать, опять (III, 240)
кричит — летит (III, 351)
кричу — свечу (I, 188, 285)
крова — сырого (I, 432)
кровавили — оставили (I, 505)
кровавой — Варшавой, отравой (I, 362)
кровавых — правых (I, 19), славах (I, 523)
кроватьке — лампадки (III, 266, 267)
кровать — опять (III, 32), подремать (I, 313), рыдать (I, 292)
кровать ей — платье (II, 205)
кrove — крови (II, 169)
крови — алькове, благослови, брови,
верховой, кrove, лобви (I, 12, 245, 344, 366, 376, 383, 387, 454, 475; II, 170, 316; III, 37, 57, 209, 275, 289, 356, 371),
любви (III, 102), останови (III, 249,
кровли — торговли (II, 148)
кровушку — воробышком, зазнобушку,
чернобровушку (III, 355)
кровь — бровь, вновь, любовь (I, 8, 217, 344, 371, 373, 384, 394; III, 54, 86, 91, 92, 115, 140, 186, 212, 231, 306, 319, 325, 336, 344, 361)
кровью — любовью (I, 19, 512; II, 179, 252; III, 31, 73, 323, 361), новью (III, 86)
кроликов — столиков (II, 185)
крот — упадет (II, 86)
кротка — старина (I, 367)
кроткий — бородкой

кроткой — позолоты (I, 249)
кроток --- пролеток (II, 312)
крошки — ножки (III, 133)
кroась --- пояс (II, 125, 184, 257), прорезь
(II, 239)
круг — вдруг, вокруг, вьюг, друг, испуг,
луг (III, 281, 319), недуг (I, 459),
подруг (II, 254, 279), рук (II, 25; III, 258)
круга — друга, недуга (I, 208)
кругам — смычкам (III, 195)
кругами — словами (III, 336), снопами
(I, 120)
круге — вьюге, вьюги, подруги (III, 118)
круги --- дуги, лги (I, 509), мозги (II, 180), шаги (I, 81, 87; II, 181, 292)
круговорот — вернет, вопиет, ждет
кругом — дом, другом, лугом (I, 6),
незнаком (II, 212), плугом (III, 161),
подругам (III, 161), сном (I, 405)
кругу — дугу, другу, лугу (II, 16)
кружев — стуже (II, 81)
кружева — голова, синева (II, 58), слова
(II, 200)
кружевах — этажах (II, 164)
кружевная — внимая, сгорая (II, 23)
кружений — забвений
круженье — мученье (II, 280)
круженьи — сомненьи (II, 57)
кружимся — тешимся (II, 315)
кружит — звенит, похуже (III, 319),
тужит (III, 281, 319)
кружится — ложится (III, 179), мнится
(I, 34), мчится (III, 179)
кружить — тужить (III, 281)
кружиться — птица (III, 197)
кружками — мушками (II, 187)
крут — текут (II, 270)
крута --- ворота
крутизну — тишину (III, 39)
крутит — летит (II, 278)
круторогий — дороги, пологой (III, 113)
круты — минуты (II, 203)
крутя --- дитя, шутя (I, 342)
кручах — тучах (I, 320)
круче --- певучей (II, 142), тучи (II, 53)
кручи --- горючий, тучи (II, 338; III, 66, 249)
кручину — сына (I, 327), чину (III, 155)
крушить — громоздить
крыл --- Азраил, открыл (I, 445), очертил
(III, 328), сил (III, 26), укрыл (I, 403)
крыла --- весела, весла, дала, изнемогла,
мгла (II, 305, 328), превозмогла (I, 520), пришла (III, 174), прошла (III,

92), разорвала (III, 190), расцвела (III, 222), светла (I, 161), сошла (I, 444), хвала (I, 319)
крылами — дарами, знамя, нами (II, 271), снами (I, 339), хвалами (II, 228), шелками (III, 118)
крылатом — зубчатым
крылатые — косматая
крылатый — латы (II, 40)
крылатым — проклятым (II, 275)
крылах — впотьмах, зачах, кустах (III, 319), лучах (I, 150), небесах (I, 456), очах (I, 406)
крыле — земле хрустале (II, 236)
крылечке — овечки (II, 321), печки (II, 89)
крылий — лилий (I, 170, 501), пыли (III, 60)
крыло — залегло, легло (I, 431)
крылом — былом, мечом (I, 79), окном (I, 406), рабом (I, 79), сном (I, 405)
крыльца — кольца, конца, лица (II, 16)
крыльцо — лицо (I, 127, 154, 177, 257; II, 275; III, 29)
крыльцом — лицом (III, 193)
крыльцу — кольцу, лицу (I, 519)
крылья — бессильи, бессилья, насилья (III, 340), усилья (I, 56, 404, 449; II, 329; III, 322)
крыш — матчиш (III, 135), Париж (III, 135), спишь (II, 198)
крышах — нишах (II, 44)
крыше — тише (II, 72)
крышей — выше
крыши — выше, вышел
брякнул — звякнул
кто-нибудь — забудь, уснуть (III, 79)
кто-то — болото, ворота, поворота (I, 247), позолоты (I, 160)
кувшины — долины
кувыркаются — каются
куда — вода, года, навсегда (III, 38, 39), никогда (II, 326; III, 179), следа (I, 229)
куда-то — заката, латах (III, 266)
кудели — веселей, карусели, метелей (II, 220), хмелей (II, 220)
кудель — апрель, свирель (III, 248), хмель (II, 336)
кудрей — немей (I, 484), смелей (I, 483), углей (II, 112), царей (II, 112)
кудри — мудрый (II, 74)
кудрявой — костлявой
кудрявый — травы (I, 526)
кудрях — губах, досках, руках (I, 14), цепях (II, 130)

кулаки — платки (III, 66)
кулек — мог (I, 311)
кули — провели (I, 302), стерегли (II, 51)
Куликовым — суровым (III, 252)
кулисы — нарциссы (I, 322)
кумир — мир (III, 16), пир (III, 16)
кумира — вампира, мира (I, 341)
кумирам — миром (I, 336)
кумирен — мирен (II, 85)
купальниц — молчальницы (II, 12)
купели — метели (II, 216)
Купина — весна, гневна
Купины — сны (I, 185)
купол — слушал (II, 79)
купола — всплыла, жгла, колокола, мгла (I, 363), потекла (II, 46)
куполам — нам (I, 505)
куполах — стенах (I, 160)
купоны — иконы
куранты — франты (III, 329)
курений — тлений (I, 523)
курения — веления
курилась — катилась, молилась (I, 514)
курки — огоньки (II, 173)
курок — науток (III, 353)
куст — пуст (II, 166)
куста — креста
кустах — крылах, лаптях (II, 20)
кусты — листы (I, 454), пласты (II, 75), пустоты (II, 10), ты (III, 241)
кушак — как
кушаком — клинком
кущей — конституций
кушать — слушать (II, 205)

Л

лабиринта — гиацинта
лавины — Мессины (III, 360), пучины (II, 233)
лавки — давки
лавкой — травкой (III, 367)
лавку — давку
лавр — литавр (I, 178)
лагуны — струны (III, 104), юный (III, 102)
ладана — разгадана (I, 531)
ладаном — нам (II, 20), рада нам (II, 20)
ладьи — твои (II, 223)
ладью — семью (III, 319)
ладья — тая (I, 149), я (I, 484)

лазури — буре, бури
лазурная — безбурное, бурные
лазурней — урне (II, 101)
лазурное — бурную
лазурной — бурной
лазурною — бурную
лазурном — пурпурным (I, 379)
лазурный — бурный
лазурь — бурь
лампад — наград (I, 239), обряд (I, 232)
лампадка — сладко (I, 249; II, 199)
лампадки — заставки, кровати
лампаду — награды (I, 64)
лампады — громады
лампы — рамы (I, 322)
ланит — веселит, гранит
ланитах — орбитах (II, 264)
ланиты — Карменситы, открытый (II, 278, 279)
лань — дань
лапах — запахах, этапах (II, 316)
лаптях — кустах
лапу — папу (II, 15), шляпу (II, 14, 15)
ласка — сказка (I, 300; II, 264)
ласкает — знает
ласкаю — играю
ласкаясь — качаясь
ласке — маски (III, 16), сказке (III, 16)
ласки — краски, сказке (I, 490)
лаской — маской (I, 379), сказкой (I, 373)
ласкою — сказкою (I, 166)
латах — куда-то
латник — развратник (III, 38)
латы — закату, крылатый, пернатый (II, 260), сжатый (II, 141), хрипловатый (II, 40)
латыни — пустыни (III, 99)
лачуг — вдруг
лаяться — каяться
лбом — крестом
лбу — борьбу, гробу
лгала — была
лги — круги
лгу — зажгу
лебедей — дней, людей (I, 532), полей (III, 251)
лебединое — паутиною (I, 524)
лебединой — равниной (I, 77, 268)
лебединый — равниной (I, 513)
лег — мог (III, 335)
легка — близка, кабака, облака (I, 506), платка (III, 255), шелка (III, 25), ямщика (III, 255)
легко — далеко
легковейной — светлосмемой (II, 221), чародейной (II, 221)
легкоперой — скоро (III, 92)
легла — замерла, мгла (II, 317), могла (I, 309), пронесла (III, 185), умерла (I, 309), числа (I, 457)
легли — вдали, земли, повели (III, 326)
легло — крыло
легче — крепче
лед — ворот, вперед, ждет, зовет, поет (I, 270), придет (II, 216), ход (I, 209; II, 319)
леденела — пела (II, 217)
леденит — палит (I, 419)
леденящий — скользящий (III, 39)
ледком — ветерком
ледок — снежок (III, 347), ходок (III, 347)
ледоход — идет, шевельнет (III, 131)
ледохода — перехода (III, 376)
лежа — ложе (I, 303)
лежал — держал
лежали — угасали (I, 455)
лежат — назад (III, 133)
лежит — вид, поит (I, 146), щит (I, 350, 530)
лежу — между (II, 124)
лезвее — жалье
лелеют — алеют
Лель — трель (I, 384)
лени — гений, ступени (I, 100; III, 108), тени (I, 100), ценим (II, 115)
лениво — некрасивой (III, 337), неторопливо (II, 207), обрыва (III, 249)
ленивой — льстивый (III, 332)
ленивый — счастливый (I, 155)
лентах — поэмах (I, 319)
лень — день, деревень, тень (I, 11; II, 276)
ленью — тенью (I, 353; III, 248)
лепестка — языка (II, 282)
лепестках — прах (I, 466)
лепестки — огоньки (I, 342)
лепет — трепет (III, 57, 84)
лепете — трепете (II, 277)
лепечет — мечет (III, 168)
лепта — красота
лепту — мечту (I, 472)
лес — исchez, небес (I, 37, 265, 395), чудес (I, 102)
леса — завеса, небеса (I, 107, 170, 178, 423, 466; III, 368, 369), роса (II, 314)
лесам — вам

лесами — небесами (III, 226), полями (I, 99)
лесах — прах (I, 467)
лесной — мной (I, 37), такой (I, 352)
лесные — ночные (I, 525), России (III, 248)
лесных — твоих (I, 525)
лесом — бесам, навесом (III, 260)
лесовым — золотым
лестниц — вестниц
лестницу — вестницу. лестницу (I, 278)
лестью — мостью (III, 83)
лесу — красу, несую (III, 199)
лет — бед, бред, гнет, завет, монет (II, 284), нет (II, 63, 279; III, 49, 144, 338, 341), ответ (I, 54, 93), планет (III, 44), поэт (I, 281, 434; II, 130; III, 239), рассвет (I, 479, 498), свет (I, 149, 169, 340, 420, 444, 515; II, 135, 279), скелет (I, 531), след (I, 105, 340, 455; II, 279; III, 99, 182), хоровод (III, 195), цвет (III, 319)
лета — согрета (I, 391), цвета (III, 88)
летать — узнавать (I, 496)
лети — отпусти (III, 61), пути (I, 533)
летит — звенит, когтит, кричит, крутит, стоит (III, 145), трубит (I, 534)
лето — ответа (I, 384, 439), поэта (I, 439), расцвета (I, 151)
летающий — глядящий
летучего — жгучего
летучей — певуче (III, 115)
летучий — падучей (II, 73), пахучий (I, 428), созвучий (I, 132)
лечу — захвачу, ключу
лечь — меч (II, 176; III, 250)
лжива — залива
лживо — живо
лживой — тоскливой (I, 440)
лживые — красивые
либерал — пожимал (III, 320)
либералы — ускользала (III, 313)
либеральный — принципиально (III, 317)
лижет — движет
лик — возник, воротник, дик, клик, крик, миг (I, 345, 354; III, 237), привык (I, 337), старик (I, 287; II, 101), язык (I, 47)
лики — безликий, великих, крики
ликов — криков
ликовал — задувал, познал (I, 474), раскрывал (I, 514)
ликовать — погубить (I, 51), торжествовать (I, 460)

ликом — вскриком, двуликом, диком, криком
ликуют — торжествуют (I, 92)
ликуя — отхожу я (I, 80), тоскуя (I, 506), я (I, 80)
лила — светла (I, 382)
лилий — крылий, оглушили (III, 242), пыли (II, 258)
Лилас-Пастья — запястья, участья (III, 232)
лиловом — новом (II, 91)
линией — синие (III, 260)
линии — синие (II, 217)
линий — сини (II, 100)
линяялая — небывалая (III, 176)
лира — мира (II, 235, 256; III, 284, 362)
лире — мире (I, 391, 392)
лирной — безмирный
лирным — всемирным
лист — горнист, свист (III, 337), чист (I, 34)
листа — чиста (I, 359)
листам — звездам
листах — очах (I, 441)
листве — синеве (I, 228; II, 23)
лиственной — головной
листву — синеву (I, 228), торжеству (I, 526)
листов — снов (I, 396)
листок — одинок (I, 407)
листочки — цветочки (II, 324)
листы — красоты, кусты, сестра (I, 474), ты (I, 366), цветы (I, 399; II, 11; III, 240, 374), черты (I, 41)
литавр — лавр
лить — любить (I, 443)
лихач — вскачь
лихача — плеча (II, 293)
лихо — тихо (II, 198)
лиц — вниз, ниц (I, 57, 233, 284), птиц (II, 74)
лица — венца, вереница, вереницу, дворца, кольца, конца, мертвеца (III, 16, 39, 334), пришлеца (I, 211), ружьца (III, 353), столица (I, 110), столицы (II, 163), творца (III, 197), тельца (III, 119)
лицах — страницы (III, 308)
лице — венце, дворце, конце, лице (I, 528)
лицемерил — поверил (I, 438)
лицемерной — суеверной (I, 187)
лицемерный — верный
лицо — кольцо, крыльцо, словцо (III, 321)

лицом — бубенцом, голубом, жемчугом, крыльцом, огнем (I, 64), огоньком (I, 315), окном (III, 77)

лицу — венцу, жильцу, кольцу, крыльцу

лоб — гроб

лобзаний — тумане (III, 13)

лов — голосов

лови — любви (III, 25, 213)

ловит — готовит

ловлю — люблю (II, 278; III, 241)

ловят — славословят (I, 59)

лога — Бога

логовище — еще

ложа — тревожа (III, 273)

ложбинке — былинки

ложбины — спину (I, 538)

ложе — Боже, дожа, дрожи, лежа

ложем — Боже

ложки — дрожи, ничтожен (II, 257)

ложится — кружится, мчится (III, 179)

ложно — невозможно (I, 448, 517)

ложной — тревожный (I, 26)

ложным — безбожно

ложу — тревожу (II, 257)

ложь — взмахнешь, дрожь, жмешь, зовешь, нож (I, 521; II, 182; III, 62), обдаешь (III, 10), поведешь (I, 262), похож (III, 48, 57), придешь (I, 186), процветешь (I, 114), уплывешь (III, 108)

ложью — бездорожью, дрожью

локон — окон (II, 149, 164, 328; III, 260)

локомотива — залива

локтя — дитя

лом — песком (III, 244)

ломились — толпились (II, 155)

ломом — знакомым

лоне — звоне

лопатки — ребятки (II, 315), шапки (II, 315)

лопатой — желтоватой

лопаты — палаты (II, 153)

лоскут — разут (III, 347)

лоскуты — цветы (III, 324)

лоскутья — распутья (I, 259)

лоскутьях — распутьях (I, 277)

лохматой — покатою (III, 367)

лохмотий — дремоте

луг — друг, круг

луга — недуга (I, 492), рога (II, 126)

лугами — огнями (I, 99)

лугах — словах (I, 358)

лугов — духов

луговинами — свиными (II, 108)

лугом — кругом, подруга (I, 379), полукругом (III, 203)

лугу — берегу, дугу, кругу, могу (I, 392), обожгу (III, 60), подругу (I, 378), снегу (I, 229)

лужи — хуже (III, 127)

лукавая — отравою (II, 281)

лукавит — давит

лукавить — заправить

лукавый — отравой (I, 353), права (III, 151)

лукавя — отраве (II, 287)

луки — руки (II, 260)

лукошко — кошка

луна — весна, волна, времена, она (I, 358, 367), полна (I, 380, 415), смущена (I, 154), сна (I, 370), струна (I, 528), темна (I, 154)

луне — дне, коне, мне (III, 29), огне (I, 7)

лунной — чугунной (III, 103)

лунных — струнных (II, 141)

луной — головой, душой, красой, ночной (I, 380), пустой (I, 7), тобой (III, 252), травой (I, 413)

луною — тропою (I, 381)

луны — весны, нежны (I, 306), страны (I, 219), струны (I, 537), табуны (I, 252), тишины (I, 334)

луч — туч (I, 320, 335, 392; II, 134, 163)

луча — меча (II, 229)

лучами — Вами, глубинами, мечами (III, 267), прудами (II, 321), тенями (I, 454)

лучах — впотьмах, зачах, крылах, прах (I, 335), снегах (I, 109)

луче — плече (II, 79)

лучей — бровей, дней, ничей (II, 54), ночей (II, 54; III, 267), очей (I, 404, 459; II, 54)

лучи — клочки, мечи (II, 61), мои (III, 366), молчи (I, 98), ночи (I, 151, 245, 356, 486; II, 50; III, 140), приучи (III, 189), свечи (I, 163)

лучик — тучек (I, 314)

личика — мученика (I, 301)

лучики — рученьки (I, 301)

лучины — причины (III, 155)

лучистой — чистым (I, 415)

лучистый — Пречистой (I, 261)

лучистых — серебряный (I, 382)

лучом — вдвоем, мечом (I, 70), моем (I, 70), несем (II, 55)

лущишь — даришь

Львовна — любовно (III, 312)

львы — головы

льдин — один (I, 271)

льдины — вершины, камина, теснины (I, 182)
льду — жду
льды — волю
льстивый — ленивой
любви — аи, живи, зови, крови, лови, мои (I, 411, 417), оборви (III, 109), пльви (II, 318), соловьи (III, 188), твои (I, 180, 496, 525; III, 254), яви (I, 477)
любил — боготворил, закрутил, могил (I, 451), полонил (I, 378), посвятил (II, 107), проводил (III, 354), пыл (III, 132), светил (I, 529), сил (I, 356, 437), убил (II, 251)
любила — дарила, милый (II, 252)
любило — было
любим — глуби, другим, им
любима — несмутима (I, 185)
любимой — мимо (III, 273), нещюимой (I, 534), неуследимый (III, 264), неутомимый (I, 282), родимый (I, 534)
любимый — мимо (II, 82)
любимым — неумолимым (I, 443)
любимых — мимо (III, 149)
любит — губит, поцелует (II, 129)
любить — впустить, говорить, жить, забыть, лить, поступить (III, 318), укротить (II, 266), уследить (I, 202), хранить (I, 17)
любишь — забудешь
люблю — гублю, дремлю, истреблю, кораблю, ловлю, опалю (II, 339), оскорблю (III, 101), скорблю (II, 102), сплю (II, 267), терплю (I, 511), убью (I, 540), хмелю (II, 281, 335)
любоваться — обнажаться (I, 162, 359), терзаться (I, 35)
любѣи — крови
любовник — шиповник (II, 265)
любовником — терновником (I, 266)
любовница — горница
любовницы — горницы
любовно — духовно, Львовна
любовные — церковные (I, 133)
любовный — духовно
любовь — бровь, вновь, кровь, новь (III, 86), прекословь (III, 76), слов (I, 381)
любовью — изголовью, кровью
любуется — чуется (I, 29)
любуясь — волнуясь
любя — тебя (I, 94, 152, 330, 393, 481; II, 76, 211, 273, 284; III, 224, 239)
людей — детей, змей, костей, лебедей, свечей (I, 187), страстей (III, 27)

люди — безлюдий, блоде, будем, будет, груди, забудем, судьи (I, 526), чуде (I, 271, 279; II, 53)
людской — тоской (I, 346)
людьми — возьми, дверьми, томи (III, 157)
люк — паук (I, 322)
лютики — гармоника
лютой — уюты (III, 95)
лягу — сагу (I, 295)
ляжем — перескажем (II, 92)

М

Магдалина — половина (III, 11)
магом — флагом (II, 275)
мадонну — небосклоно (III, 222)
мадонны — влюбленный
май — край, снимай (II, 132)
майские — райские (III, 145)
маки — знаки
мал — познал (III, 83)
маленький — проталинке (II, 14), спаленке (II, 83), удаленький (II, 95)
мало — бывало, запоздалым, малыц (III, 316), стояла (III, 49), устало (III, 42)
малому — бывалому
малость — жалость, усталость (III, 48)
малые — небывалые (II, 13)
малый — алый, мало
малых — усталых (III, 47)
мальчик — балаганчик, жальче, зайчик
мальчишкам — слишком (III, 309)
мальчишку — манишку (III, 318)
маме — раме (II, 14)
мамой — рамой (II, 328)
мамы — даме
манеры — химеры (III, 318)
маня — дни
манила — заполонила
манило — было, жило, томила (I, 416)
манит — звенит, навзрыд (II, 71), спешит (I, 338), тумане (III, 241), туманит (II, 248)
манишку — мальчишку
манишь — камыш, устанешь (II, 280)
маня — меня (II, 110)
манящая — настоящая (II, 194)
Маргарита — повито (III, 159)
мареву — зареву
Мария — вековые
марта — карта
маска — пляска (II, 280)

- маскарад — наряд (I, 210)
 маске — сказке (II, 239), сказки (I, 277; II, 237)
 маски — ласке, сказке (III, 16), сказки (II, 240, 245)
 маской — лаской
 массе — кассе
 Массис — вплелись, глядись
 матери — кратере
 матери-земле — мгле (II, 108)
 материй — перья (III, 338)
 матрос — занес
 матросы — вопросы, косы
 матушка-земля — поля (II, 77)
 матчиш — крыш, Париж (III, 135)
 мать — гадать, дать, ждать, измять, нарушать (I, 452), пленять (III, 371), понять (I, 327), пускать (III, 288), рать (III, 251), ревновать (III, 21), скрывать (III, 316), терять (III, 340), умирать (II, 109), хлестать (I, 538)
 мачт — трубач (II, 230)
 мачты — плачь ты (II, 80), ты (II, 80)
 машет — пляшет (II, 75, 80)
 машины — Мессины (III, 305), равнины (III, 34)
 мая — родная (I, 343)
 маяк — мрак (III, 9, 156, 203), флаг (II, 39, 71)
 маяка — близка
 маяки — далеки, крепки, огоньки (I, 337; II, 50), тоски (III, 82)
 маяков — рыбаков (II, 54)
 маяться — раскаться (III, 259)
 мгла — была, вожгла, дала, дотла, дошла, заволокла, залегла, игла, колокола, крыла, купола, легла, ослы (III, 241), подняла (II, 83), подошла (III, 174), приняла (II, 267), прошла (II, 189), светла (I, 112, 118, 125, 153), тепла (II, 49), увлекла (I, 26), угла (II, 141), хвала (II, 119, 120; II, 152), чела (II, 228), числа (II, 152, 189; III, 120)
 мгле — земле, зле, матери-земле, скале (I, 17, 427), челе (I, 360, 378, 465; III, 17)
 мглист — аметист, смолист (III, 17)
 мглистые — золотистые
 мглой — боевой, городской, звездой, золой, молодой (I, 492), ночной (I, 416), скалой (III, 242), собой (I, 444)
 мглою — Невою (I, 27), порою (II, 189), стеною (I, 210), толпою (II, 155)
 мглу — иглу, столу (I, 252), стрелу (II, 13), углу (I, 252; III, 282)
 мглы — белы, орлы (II, 88), скалы (I, 361; II, 88, 126), хвалы (II, 88, 109; III, 326)
 мгновений — гений
 мгновения — осеннее (I, 518)
 мгновенна — геена, неизменна (II, 82)
 мгновенны — тленный (I, 164), почтенный (III, 310), совершенной (II, 34)
 мгновенье — бденьи, вдохновенье, движенье, отдаленьи (I, 496), отраженье (I, 459), пенье (III, 210), поклоненье (I, 388), презренье (I, 456), теченью (II, 147), упоенья (I, 433)
 мгновеньем — уничтоженьем (II, 293)
 мгновенья — биенье, виденья, крещенья, наслажденья (I, 376), упоенья (I, 401)
 мед — народ (I, 319)
 медведица — девица
 медлительно — мучительно (I, 133)
 медной — бледный
 медные — победные (I, 503)
 медный — бедный
 медь — петь (II, 118; III, 33), преодолеть (II, 42), умереть (II, 118)
 межа — дружа, мятежа (II, 264)
 меже — рубеже (I, 502)
 межи — ржи (I, 334, 371)
 между — лежу, отслужу (III, 302), отхожу (II, 277)
 мели — издали, свирели (II, 45), щели (III, 245)
 мелочах — плечах (III, 115)
 мелькала — отдыхала (I, 152)
 мелькнет — пропадет (I, 99)
 меньшая — большая
 меня — дня, дразня, звеня, казня, кляня, коня, маня, меня (I, 294; II, 250, 251), огня (I, 27, 72, 110, 209, 365, 387, 419; II, 48, 102, 104, 169, 194, 245, 251, 273, 274, 293, 338; III, 54, 84, 148, 152, 215, 262, 286, 288, 301), пленя (III, 103), плетня (III, 188, 235), храня (I, 368; III, 83)
 менялась — врывалось
 мерим --- терем (I, 316)
 мерно — верны
 мерно-тих — них (I, 505)
 мерой -- веруй
 мертва -- голова, жива, молва (I, 49, 504), слова (III, 37, 58)
 мертвец --- конец, пришлец (I, 486, 494)
 мертвеца — венца, кольца, конца, лица, сердца (III, 72)
 мертвецов — веков
 мертво --- божество

мертвым — свете (II, 173)
мертвых — жертвы
меру — веры
мерцала — сказала (II, 167)
мерцали — желали
мерцанье — благоуханье,
вспоминанья, дыханье
мерцаньем — обаяньем (III, 324)
мерцанья — незнанья (I, 272)
мерцающая — рая (II, 93)
меры — Венера, веры, сферы (I, 473),
химеры (III, 164)
меря — зверя
Мессины — лавины, машины
мессия — Россия (III, 269)
мест — звезд, крест
места — святая (II, 20), Христа (II, 21)
местам — прудам (II, 13), храм (I, 117)
месте — чистен (III, 326)
мести — чести (I, 440)
место — невеста (I, 252), невесту (I, 238)
местом — жестом
месть — весть, есть, прочесть (I, 530)
местью — вестью, лестью
металась — сжималась (III, 70)
метаний — очертаний (III, 198)
метанья — мечтанья (I, 336)
метелей — веселий, карусели, худели,
хмелей (II, 220)
метели — газели, ели, колыбели, купели,
пролетели (II, 224), трели (II, 81), цели
(III, 9, 342)
метелицу — девица
метель — ель, постель (I, 258; III, 179),
хмель (II, 279)
метельную — смертельную (III, 145)
метелью — постелью (II, 331; III, 262)
метелям — хмелем (II, 329)
метелях — постелях (II, 250)
метеоры — взоры, скорый (III, 17)
метет — подает (II, 277)
метнулся — рванулся (III, 269)
мех — всех
меха — греха, жениха, стиха (II, 335)
меховою — чепухою (III, 89)
мехом — смехом (I, 235; II, 211; III, 329)
меч — беречь, встреч, лечь, печь (II,
168), плеч (I, 350; II, 238), рассечь (II,
268), свеч (III, 369)
меч мой — встречный
меча — луча, плеча (I, 534)
мечами — лучами, ножами (III, 161),
очами (III, 161), плечами (III, 161)
мечах — снегах (I, 487)
мече — парче (I, 319), плече (III, 251)

мечет — лепечет
мечи — ключи, лучи, научи (III, 252),
свечи (II, 166), умчи (II, 257)
мечом — всем, крылом, лучом, рабом (I,
79), трубачом (II, 60)
мечта — винта, занята, кнута, красота,
нищета (III, 93), повита (I, 91), следа
(I, 45), суета (III, 71), та (III, 269), уста
(I, 334; II, 66), Христа (I, 501), чиста (I,
128), шита (I, 321; II, 272, 273)
мечтал — вал
мечтам — годам, стихам (I, 390), храм (I,
418)
мечтами — вами, глазами, прудами (III,
185), речами (II, 121), струями (I, 491),
цветами (I, 379; III, 147)
мечтаний — ткани (II, 179)
мечтания — дыханья, сияния (I, 505)
мечтанье — дыханье
мечтанья — метанья, свиданья (I, 439),
скитанья (III, 66), страданья (I, 439)
мечтатель — ваятель
мечтать — вбивать, встать, колдовать,
опять (III, 172), различать (I, 440)
мечте — высоте, те (I, 196; III, 243),
черте (I, 225; II, 157)
мечтой — клеветой, красотой, мною (III,
194), пустой (I, 175), темнотой (II,
274), толпой (I, 60)
мечтою — душою
мечту — Калиту, красоту, лепту, скиту
(II, 11), суету (II, 312), черту (I, 397)
мечты — высоты, красоты, повиты (I,
489), следы (I, 381), суеты (I, 10, 136,
463, 476; III, 133); темноты (II, 50), ты
(I, 94, 101, 125, 134, 218, 329, 353, 372,
429, 449, 488, 491, 496, 507, 517; II, 315;
III, 73, 144, 147), цветы (I, 394, 399, 417,
519; II, 180), черты (I, 149, 245, 409,
428, 460; II, 61), четы (I, 351), чистоты
(I, 363)
мешает — подготавливает (III, 309)
мешала — дышала
мешают — решают (III, 305)
мещане — тумане (III, 373)
миг — велик, воздвиг, воротник, жених,
клик, клык, книг, крик, лик, постиг
(III, 17, 344), тупик (II, 10), язык (I,
92)
мигаешь — отступаешь (I, 293)
мигали — бале
мигам — книгам
мигах — книгах
миги — книги
мигу — книгу

милей — ней (I, 431)
 мило — остыло (I, 526), уныло (I, 429)
 милое — могилою (I, 504)
 милой — белокрылой, могилой (I, 23, 181), постылый (I, 17), темнокрылой (II, 225)
 милую — силою (I, 171)
 милый — дарила, любила, могилой (I, 534), могилы (I, 139, 449), полюбила (II, 179), силой (I, 30, 89), смутило (I, 389), хильный (I, 281)
 милых — светилах (II, 183), силах (I, 402, 439)
 мимо — дыма, дымом, любимой, любимый, любимых, незрима (II, 138), неизглядимо (III, 221), непобедимой (II, 204), нестерпимо (I, 94), неудержимо (III, 271), сравнимой (II, 159), томима (I, 305)
 мимолетно — бесповоротно
 мимолетны — безотчетно
 мимолетных — дремотных
 миндаль — даль
 миндаля — тра-ля-ля (III, 181)
 минет — остынет (I, 115)
 миновал — вокзал
 миновала — попало (III, 41)
 миновали — дали, печали (I, 66)
 миновалось — порывалось (III, 48)
 миной — орлиный (III, 334)
 минут — жмут, опрокинут (II, 232), отдадут (I, 539), растут (I, 495)
 минута — кому -то, уюта (III, 47, 317)
 минутной — попутной (I, 106), смутной (I, 106)
 минуты — замкнуты, круты, чему-то (III, 184)
 мир — вампир, квартир, кумир, пир (I, 65, 423; II, 228; III, 16, 18, 362), эфир (I, 7; III, 200)
 мира — квартира, кумира, лира, пира (II, 261), секира (II, 286)
 мирами — пирами (II, 222)
 мире — лире, пире (I, 214, 358, 422; II, 77; III, 92, 258), ponte dei Sospiri (III, 371), порфире (II, 7), эфире (I, 508)
 мирен — градирен, кумирен
 мириться — научиться (I, 281)
 миров — даров, слов (I, 149; III, 290), умов (I, 91)
 мировоззренье — сожаленья (I, 400)
 мировом — серебром (I, 423)
 мировым — боевым
 мировых — таких (III, 309)
 мирозданье — создання (I, 56)
 мирозданья — богопознания
 миром — кумирам, сирым (I, 443)
 мирских — иных, тих (I, 106)
 миру — ввечеру, поутру (I, 487), стихиру (II, 112), эфиру (I, 418)
 миры — дары, игры, пиры (I, 162, 359)
 мирянам — туманам (III, 116)
 млад — назад (I, 202)
 Млада — клады
 младая — рая (I, 65), уступая (III, 323)
 младость — радость (II, 25; III, 239), сладость (III, 189)
 младые — злые
 млечной — бесконечной, вечной, остроконечный (II, 48)
 млечным — вечном
 мне — быстрине, весне, вине, вышине, глубине, дне, жене, камне, коне, луне, мне (III, 54), наедине (I, 453; III, 42), новизне (III, 136), огне (I, 48, 322, 345, 490, 509; II, 284; III, 94, 163, 169), окне (I, 167; II, 186, 194, 199; III, 56, 206), пелене (I, 77), пне (II, 16), полотне (III, 222), простыне (III, 179), скакуне (II, 86), сне (I, 89, 106, 180, 184, 223, 357, 358, 488, 490, 495; II, 26, 42, 80, 82, 87, 312; III, 13, 85, 225, 236, 274, 375), старине (I, 469; II, 87; III, 24), стене (II, 338), стороне (I, 403; III, 111, 247), стране (I, 97, 141, 343; III, 237), тишине (I, 88, 266, 295, 381, 463, 499; II, 16; III, 54)
 мнений — сомнений (III, 144)
 мнилось — снилась (I, 223)
 мнится — кружится, поработится (I, 433), ресницы (II, 237)
 много — Бога, дорога, дорогой, дорогу, чертога (I, 85)
 многовековых — суровых (I, 49)
 многоводной — свободный (I, 489)
 многоколонный — благосклонный
 многокрылой — силой (III, 368)
 многопенный — презренно (III, 55)
 многоречиво — молчаливо (III, 311)
 многострунный — подлунной (II, 240), царственно-чугунный (II, 175), чугунный (II, 175)
 многотонней — благовонной
 многотрудной — чудны (I, 489)
 многоцветной — безответной
 многоэтажный — протяжный (III, 107)
 множит — может (III, 325, 360)
 множь — найдешь (I, 394)
 мной — больной, водой, глубиной, голубой, горой, грудной, душой,

звездой, лесной, мечтой, огневой (III, 60, 176), одной (I, 444), покой (I, 419), порой (I, 61), роковой (I, 441), снеговой (II, 248; III, 211), такой (III, 183), твоей (I, 45; II, 138), тобой (I, 207; III, 177), чертой (I, 296)
мною — бороздою, водою, душою, закрою, киркою, косяю, порою (I, 349, 444), рукою (I, 273; III, 67), скрою (I, 243), собою (II, 294), стезею (I, 174), стопою (II, 138), тобою (I, 430; II, 184), тропкою (III, 171)
мог — Бог, дорог, кулек, лег, ног (III, 326)
могил — бродил, любил, сил (I, 355, 451), сложил (I, 274), укрепил (I, 458)
могила — бродила, делила, светило (I, 52), сила (I, 117), сулила (III, 256), уныла (I, 421), уныло (I, 52)
могилах — силах (I, 429)
могиле — застыли, ты ли (II, 138), усьем (III, 150), хоронили (I, 276)
могилой — было, милой, милый, озарила (I, 346), силой (I, 82; III, 72)
могилою — милое
могилы — милый, помилуй (I, 357), силы (I, 96, 147, 334, 437; III, 45), уньный (I, 357)
могильный — бессильный
могильными — пыльными (III, 226)
могла — была, легла, создала (I, 457), убрала (III, 335), умерла (I, 309), ушла (I, 283)
могла бы — взошла бы, слабый (II, 326)
могли — земли
могли бы — глыбы
могу — берегу, лугу, снегу (III, 171)
могучей — певучей (I, 426), тучи (III, 252)
могучи — тучи (I, 354)
могучий — созвучий (I, 398, 482)
могучим — тучи (I, 424)
могущество — имущество
модами — огородами (II, 187)
модный — народной (II, 123)
мое — жилье, житье, твое (I, 25, 82, 438; II, 98, 102, 240, 248; III, 265)
моего — его, ничего (II, 339), твоего (I, 392; II, 218), чего (III, 375)
моей — ветвей, дней, дочерей, ей, иерей, моей (I, 84), ней (III, 20), ночей (I, 495), огней (I, 425; II, 98), развей (I, 412), своей (II, 165), страстей (I, 72), твоей (I, 392; II, 18; III, 94), фонарей (I, 434)

моем — всем, дом, лучом, огнем (III, 252)
может — множит, потревожит (I, 451, 453), уничтожит (III, 10)
может быть — говорить, избить, оградить (II, 104), плыть (III, 138), раскрыть (III, 45)
можешь — тревожишь (III, 106)
мозаик — базилик
мозги — круги
мозгу — берегу
мои — дни, загли, земли, корабли, лучи, любви, ничьи (III, 216), огни (I, 483), одни (I, 483), плыви (I, 44), ручьи (II, 337), свои (III, 374), соловьи (III, 163, 217), струи (I, 149, 199; II, 114), твои (I, 11, 76, 234, 353, 500; II, 265; III, 155, 176), тени (I, 483)
моим — дым, святым (I, 21), твоим (III, 259)
моими — имя
моих — грозových, них (I, 241), остальных (I, 448), стих (II, 114)
мой — домой, ночной (I, 453), пой (I, 428), пустой (III, 306), росой (II, 335), рукой (III, 243)
мол — отошел (II, 39), тяжел (II, 50)
молва — мертва, слова (I, 124)
молвой — красотой
молву — главу, наяву (II, 159)
молений — сновидений (I, 113), ступени (I, 183, 253), тлений (I, 183)
моленье — отдаленный (I, 493), откровенье (I, 501), селенье (I, 204)
моленья — заточенье, поколенья (I, 480), сновиденьях (I, 391)
молилась — курилась
молились — забылись, носились (I, 270), открылись (I, 527), свершились (I, 270)
молилось — закатилось
молился — бился, клонился, явился (I, 439)
молись — завились, покорись (II, 65), собрались (III, 253)
молитв — битв
молитве — битве, битвы
молитвенно-бесстрастный — прекрасным (I, 444)
молитвой — битвой
молится — клонится
молишься — возвратиться, ошибиться (I, 418), спится (I, 330)
молишься — уколешься (I, 266)
молний — безмолвной

молод — холод (I, 415; II, 115, 233, 266; III, 76, 141)
молодая — доверяя, живая, сплетая (I, 390)
молодежи — схожи (III, 320)
молодежь — галдеж
молодица — веселится
молодо — холода (I, 193, 277)
молодого — былого
молодое — былое
молодой — былой, душой, живой, мглой, ночной (I, 418), одной (I, 327), покой (I, 449), рекой (III, 153), свой (III, 321), седой (III, 131), смолой (III, 153), стеной (I, 442)
молодую — восторжествую, жду я, живую, я (I, 171)
молодые — былые
моложе — то же (I, 446)
молот — расколот (III, 86), холод (II, 217)
молотом — холодом (I, 293)
молчал — похвал (I, 260), упал (I, 37, 428)
молчала — преграждала (I, 61)
молчали — услышали (I, 527)
молчаливо — многоречиво, призыва (I, 30), приотливно (I, 490), разлива (I, 477)
молчаливее — тоскливее (I, 516)
молчаливой — красивой
молчаливый — ивы, оливой (I, 318)
молчальницы — купальниц
молчанье — воззвание, дрожание, дыханье, познание (I, 159)
призвание (I, 73), сиянье (II, 65), страданье (I, 295), трепетанье (I, 464)
молчаньем — страданьем (I, 347)
молчаньи — воззвание, содроганьи (I, 471)
молчанью — воспоминанье, дыханью
молчанья — знание, обаянья (I, 47), ожиданье (I, 528), очарованья (I, 452), сиянье (I, 47), страданья (I, 310)
молчать — печать (I, 441), скрывать (I, 437)
молчи — лучи, свечи (II, 283)
молчит — глядит, говорит, горит, дрожит, забывает, кипит, копыт, озарит (I, 6), прозвучит (I, 423), спит (I, 6), царит (I, 6)
молчишь — тишь (II, 213)
молчу — свечу (I, 266; II, 313), хочу (III, 224)
мольба — труба (II, 24)

мольбами — богами, брегами
мольбе — судьбе (III, 100), тебе (I, 207, 463; III, 100)
мольбою — тобою (I, 151)
молось — страшусь (I, 530)
монастырь — пустырь (III, 306)
монастыря — заря
монах — волнах, страх (I, 259)
монахи — пряжи (II, 44)
монет — лет, свет (II, 201)
море — взоре, вторя, горе, горя, далеко, зори, море (II, 52), просторе (I, 7; II, 52), семафоре (III, 136), Теодорих (III, 99, 100), хоре (II, 79; III, 372)
морей — дверей, камней, кораблей
морем — горем, закроем, зорям, мысом (II, 221), прибоем (II, 125), спорим (II, 56)
мороз — вознес, нос (III, 348), роз (I, 368; III, 332, 333), спелось (III, 342)
морозы — розы (II, 276; III, 171)
морщины — мужчины (III, 312), причины (III, 312)
мору — горю
моря — взоре, вторя, горе, горя, заря, просторе (I, 491), споря (III, 332)
морями — снегами (II, 225)
морях — страх (I, 467, 530)
Москва — голова
мост — рост (III, 290)
мосткам — чулкам (III, 204)
мостовой — головой
мостовых — других, их
мосту — высоту, плету (II, 212), скиту (II, 11; III, 374), темноту (II, 131), цвету (III, 158)
мосты — ты (II, 266; III, 250)
мотор — Командор, пор (II, 22)
мотыльки — языки (II, 201)
Моцарта — карты
мочи — ночи (II, 45, 233, 342)
мочит — хохочет (II, 146)
мочь — ночь (III, 69)
мощной — всенощной
мощь — тош (II, 17)
мою — бою, краю, пою (II, 99, 281; III, 28), свою (I, 218; III, 64), твою (II, 103), узнаю (III, 210, 262)
моя — воронья, друзья, жилья, змея, края, Кремля, моя (III, 187), небытия (I, 24; III, 148, 200), струя (I, 411; III, 107), твоя (I, 327, 392, 533; II, 24, 82; III, 75, 187), я (I, 404; II, 216, 273, 315; III, 160, 241)

мрак — враг, зевак, знак, иссяк, как, маяк. флаг (II, 274), чужак (III, 235), шаг (I, 103)
мрака — брака. знака. фрака (III, 16, 38)
мраке — злаки
мраки — знаки
мраков — гайдамаков
мраком — злагом
мрачными — зланными
мститель — небожитель (III, 83)
мудрец — венец, певец (I, 457)
мудреца — конца
мудро — темнокоудрый (I, 360)
мудро-блаженного — божественной
мудрой — золотокудрой
мудрый — кудри
мудрых — златокудрых
мужчин — витрин, один (III, 311)
мужчины — морщины, половины (III, 321), причины (III, 312)
музее — Саломеи (III, 153)
музыка — карапузика
музыкальной — дальний
мук — друг, звук, разлук (II, 128)
мука — руку (I, 387)
муке — руки (I, 256)
муки — звуки, разлуки (I, 409), руки (I, 295, 297, 376; II, 269, 292; III, 46, 55, 130, 149, 163, 324), скуке (III, 137), скуки (III, 334)
мукой — порукой (I, 344), рукой (II, 168)
муку — руку (I, 352)
мундиров — командиров
мутится — снится (III, 241)
мутна — тишина (III, 81)
мутно-голубой — рекой (I, 204)
мутной — уютной (II, 74)
мутных — попутных (II, 117)
муть — взмахнуть, путь (III, 242)
мучая — случая (III, 139)
мучений — движений, сновидений (III, 272)
мученика — лучика
мученье — испугленьи, круженье, утешенья (I, 12)
мученья — виденье, рожденья (I, 56)
мучительно — медлительно, упопительна (II, 187)
мушками — кружками
мхов — облаков (II, 108)
мху — наверху (II, 10)
мчит — спит (III, 266)
мчится — кружится, ложится

мы — глубины, зимы, тьмы (I, 168; III, 223, 360), тюрмы (III, 335), умы (III, 154), шлемы (II, 201)
мысли — мысли (III, 252), числи (II, 57), число (I, 261)
мысом — морем
мышы — ниши (II, 64)
Мэри — двери, перий (III, 165), поверим (III, 166)
мятеж — те ж (I, 520; III, 96)
мятежа — межа
мятежи — рубежи (III, 306)
мятежней — прежней (II, 333)
мятежной — безбрежный, нежный (I, 83)
мятежность — нежность (II, 185)
мятежные — белоснежно
мятежный — нежный (III, 326), нежный (III, 76)
мятели — приделе (I, 161)
мяты — голубоватый — прямой (III, 174), ты (III, 174), шербаты (III, 174)

Н

набат — град
набата — когда-то
набег — снег (I, 258)
набегающих — проезжающих (III, 260)
наблюдал — отстрадал (I, 336)
наблюдать — ждать
навек — бег, снег (III, 20, 234), человек (I, 310; III, 234)
навеки — реки (III, 107)
наверху — мху
навес — исчез
навесов — отвесов (III, 39)
навесом — лесом
навечерий — звери
навзрыд — вид, манит
нависали — качали, огибали (III, 319)
навсегда — вода, года, города, звезда, иногда, куда, никогда (I, 92; II, 240; III, 126, 158), орда (III, 251), пруда (III, 184), стада (III, 158), туда (III, 284)
навстречу — встречу, замечу, намечу (II, 318), ответу (I, 260), речи (I, 205), свечи (I, 247), сеча (I, 452)
наг — шаг (III, 73)
нагой — тугой (III, 288)
наготе — чистоте (II, 37)
наготу — нищету (II, 107)
наград — глядят, лампад

награда — надо (I, 152), отрада (II, 197),
радо (II, 57), сада (III, 242)
наградишь — простишь (III, 130)
награды — лампаду
надавил — распустил (II, 161)
над бездной — надзвездной (I, 145)
надвьюжной — жемчужной
надежд — вежд, одежд (I, 514)
надежда — одежда (II, 198, 199)
надеждам — одеждам (I, 536)
надеждах — одеждах (II, 203)
надежде — одежде (I, 359), прежде (I,
261, 434)
надежды — вежды, невежды (I, 346),
одежды (I, 184, 212, 513; II, 53, 263; III,
118)
наделил — совершил (I, 398)
надзвездной — бездной, над бездной
надзвездный — бездной
надменный — смиренно (III, 193)
надо — взгляда, награда, наядой (III,
372), оградой (II, 261, 283; III, 258),
ограду (I, 433; III, 101), отрадой (I,
387), отраду (I, 388), радо (II, 216; III,
136), рады (II, 329), стадом (III, 326),
услادا (III, 20), хлада (III, 189)
надоели — неделе (II, 332)
надрывался — качался
наедине — мне
наезд — звезда
наезды — звезды
нажимала — журнала
назад — ад, взгляд, водопад, врат,
кричат, лежат, млад, оград (I, 26),
подряд (III, 207), сад (III, 140), смрад
(I, 238), спят (I, 237)
назаванья — желанья, знанья, очертанья
(II, 50), сказанья (I, 277)
назвать — замечать, опять (II, 286),
созерцать (III, 211)
назначен — схвачен (II, 257)
назначенный — схваченный (II, 186)
называл — целовал (II, 209)
называться — разрешаться (III, 318)
наизнанку — осанку (III, 354),
шарманку (III, 354)
наизусть — гляжусь, грусть
наитий — нити (II, 204)
найдешь — множь, обретешь (I, 421)
найдешь ли — придешь ли (I, 378)
найди — жди, отойди (I, 470)
найду — жду, чреду (I, 438)
найти — войти, впереди, идти, пути (I,
113, 118, 348; III, 66)
наклоненных — бессонных

наконец — венец, дворец, отец (III, 318)
налет — комод
налетит — опалит (III, 262)
на лету — высоту, пустоту (III, 61),
темноту (III, 20), хребту (I, 438), цвету
(I, 315)
налить — окружить (III, 323)
нам — волнам, высотам, куполам,
ладаном, небесам (II, 160), хам (III,
313), храм (I, 172; III, 90), цветам (III,
88)
намеж — клочок, песок (I, 285, 362),
платок (I, 252, 293; II, 270), свисток
(II, 173), строк (III, 372), упрек (I, 292),
цветок (I, 195)
намека — глубоко
намеков — истоков
намеком — широко (II, 114)
намерила — верила
намечу — навстречу
нами — бурунами, глазами, днями,
домами, знамя, крылами, пламя (I,
123, 253, 355), плечами (I, 317), путями
(I, 112), словами (I, 59), снами (I, 440;
III, 18), стихами (III, 90), странами (I,
458), цепями (III, 18)
напев — дев, овладев (I, 241)
напева — гнева, дева
напевать — поверять (I, 408)
напевно — царевна (II, 115)
напевы — Дева, девы, Хранительница-
Дева (I, 230)
наперед — вод, пройдет (I, 233)
наплевал — прочитал (III, 330)
напоен — озарен (I, 370)
напои — твои (I, 510)
напоказ — алмаз, глаз
напоминаньем — признанья (I, 61)
на потребу — небом (III, 313)
напою — обовью (II, 220)
направлен — прославлен (II, 59)
напрасна — страстно (I, 481)
напрасная — красное
напрасно — бесстрастный, гасну,
красный, прекрасно (I, 409),
прекрасный (III, 211), прекрасным (I,
46), страстно (II, 293), ужасна (I, 371),
ясно (I, 47)
напрасной — прекрасной (I, 522)
напрасны — прекрасно (I, 24),
прекрасной (I, 506)
напрасные — бесстрастные
напрасных — прекрасных (III, 237)

напролет — вперед, народ (III, 358),
поет (II, 179), пойдет (III, 171),
прервет (I, 323)
наравне -- войне
наречий — плечи (II, 153)
народ — вперед, год, дает, зовет, идет,
мед, напролет, небосвод (I, 488), орет
(III, 310), плывет (I, 485), подает (III,
340), пойдет (II, 317), разнесет (III,
307)
народа — входа, похода (III, 307),
свобода (III, 302)
народе — свободе (I, 269)
народной — модный, несвободный (I,
107, 350), природной (II, 313),
свободно (III, 302)
народные — несвободная (I, 133)
народы — природа (I, 423), хороводы
(II, 106)
наружу — стужу (I, 330)
нарушать — мать
нарушим — потушим (I, 172)
нарушит — обрушит (I, 44)
нарушу — душу
нарциссы — кулисы
наряд — брат, взгляд, горят, гудят,
маскарад, ряд (I, 186), стад (I, 354),
стоят (I, 251), яд (III, 164)
наряде — пряди (I, 319)
нарядна — жадно
нас — вас, вилась, глаз, погас (II, 271;
III, 305), раз (I, 448), час (I, 316, 317,
329, 352, 448; II, 28; III, 52, 69, 136)
насилья — крылья
насладиться — слиться (I, 413), томиться
(I, 408)
наслаждалось — казалось
наслажденья — мгновенья, упоенье (I,
376)
наследство — детства
насмешкой — пешкой (III, 309)
настает — идет
настигла — иглы
настоящая — маящая
настоящей — блестящей
настоящих — давящих
наступил — пыл (III, 48)
насылая — управляя (III, 305)
натянул — спрыгнул (III, 289)
наудачу — заплачу, плачу (I, 431)
наук — звук, испуг
наутек — курок
научена — нужна (I, 522)
научи — мечи
научила — воскресила

научиться — мириться
нахально — зеркальной, печальный (III,
14)
нахальной — печальный (II, 207)
нахальный — пасхальной (III, 279),
печальный (III, 279)
нахальство — начальство (III, 305)
нахмура — буря
находят — приводят (III, 82)
начал — отзвучал (II, 56)
начала — обстала (III, 84), поднимала (I,
344), текла (II, 193)
началась — клонясь
начало — бывало, украшало (I, 434)
начальство — нахальство
начинает — отлетает (I, 423)
начнем — живьем
наше — чаша (III, 144)
нашел — орел (I, 508), пчел (I, 265)
нашептало — сгорала (I, 513)
наши — чаши (I, 329)
нашла — ждала, жила, ушла (III, 64)
на юру — ветру, умру (II, 37)
наяву — внизу, всплыву, живу, зову,
молву, Неву (III, 330), синеву (III,
184), сову (II, 175), уплыву (I, 485)
наядой — надо
наяды — водопады
неба — небо (II, 84)
небе — жребий, хлебе (I, 78, 241)
небес — завес, исчез, лес, чудес (I, 236)
небеса — глаза, голоса, коса, леса,
паруса (II, 39), полоса (II, 58; III, 367),
роса (II, 36)
небесам — нам, сам (III, 68)
небесами — звездами, лесами
небесах — годах, крылах, небесах (I,
424), очач (I, 424), парусах (III, 107),
прах (I, 424), струнах (I, 385), цветах
(I, 408)
небесной — бестелесный, неизвестный
(I, 159), чудесный (II, 134)
небесный — тесной (I, 319)
небо — неба, не был (III, 25), хлеба (II,
176; III, 349), Эреба (I, 456)
небожитель — мститель
небожителям — ослепительном (II, 108)
небом — на потребу
небосвод — народ, подойдет (I, 532),
поймет (I, 275)
небесклон — времен, сон (I, 518; II, 318;
III, 330), сторон (III, 113)
небесклону — мадонну
небрежною — нежною (III, 260)
небу — требу (III, 237)

небывалая — запоздалые, линиялая
небывалые — малые
небывалых — запоздалых
не был — небо
небылицы — зарнице, зарницы
небытия — моя
Нева — жива, острова (I, 340; III, 329)
неводмек — рок (III, 311)
Неве — голове, змее, синеве (I, 90)
неведом — победам (III, 214), следом (I, 206; II, 167)
неведомо — следом (I, 167)
невежды — надежды
невелик — светлолик (III, 368)
Неверность — безмерность
неверьем — двоеверьем
невеселый — долгопольный
невеста — место
невесте — вести
невесту — место
невзгод — вперед, год
невидим — невредим (III, 359)
невидимка — дымка
невинен — пустынен (II, 78)
невинна — пустынна (III, 68)
невинно — длинно
невинной — винной
невинностью — глубинностью
невинны — длинны
невинный — длинной, длинный,
старинной (II, 158), старинный (III, 341)
невинным — длинным
невинных — чинных (III, 321)
невиновных — чиновных (III, 314)
не в мочь — ночь (I, 523)
невнятно — непонятной (I, 414), пятна (II, 147)
невнятное — необъятное (I, 504)
невнятны — пятна (III, 317)
невнятный — понятный (I, 260)
невозвратные — предзакатная (II, 214)
невозвратным — внятным, непонятым (III, 17)
невозможен — встревожен, ничтожен (III, 100)
невозможно — дорожной, ложно, неложно (III, 172), ничтожно (I, 400), тревожной (I, 339)
невозможной — безбожно
невозможный — осторожной (III, 256), придорожной (III, 256), тревожный (III, 330)
невозможным — дорожным, тревожным (I, 344)

невозможных — придорожных (II, 189), тревожных (III, 148)
невозмутимой — неумолимой (I, 493)
невозмущенных — опьяненных (I, 524)
Невой — огневой (III, 376), родной (III, 322), снеговой (II, 267)
неволе — поле (III, 88)
неволи — боли, юдоли (I, 491)
неволью — больно
невольной — довольно
невольны — больно
Невою — клкою, мглою
невредим — невидим, серафим (I, 393)
невредимый — дыма
Неву — наяву
нег — снег (III, 220)
неги — бега
него — ничего (I, 252, 279; III, 43), отчего (I, 252)
негодование — прощанье (I, 442)
негодуй — тоскуй (I, 394)
недавний — ставни (I, 199)
недалеко — глубоко
недальний — печальный (III, 185)
недаром — пожаром (III, 10), ударом (II, 328)
недвижим — нелюдим (I, 18), своим (I, 123)
недвижны — непостижной (I, 231)
неделе — надоели
недель — капель
неделю — смели (I, 527)
неделям — хмелем (II, 283, 329)
нединный — пустынный (III, 244)
недоверье — перья (I, 242)
недолог — осколок (I, 318)
недопета — расцвету (I, 351)
недопето — приметы (II, 36)
недосказано — развязана (II, 83)
недостижимой — незримый (I, 231; III, 33)
недотрогой — понемногу (III, 317)
недуг — друг, круг, слуг (I, 263)
недуга — круга, луга
недугом — вьюгам
нежданный — благоуханным, благоуханным
нежен — белоснежен
неживою — тобою (III, 147)
нежна — жена, окна (I, 60)
нежно — безбрежны, безбрежный, безнадежной, белоснежной
нежно-синей — богини
нежное — снежная (I, 144)

нежной — мятежный (III, 326), снежной (II, 279, 282), снежный (II, 200)
нежность — безмятежность.
безнадежность, мятежность,
неизбежность (II, 248)
нежною — небрежною
нежны — луны
нежные — снежные (III, 216)
нежный — безнадёжной, белоснежной,
мятежной, мятежный, снежный (I, 154;
III, 209)
нежным — снежном (III, 162)
нежных — снежных (II, 257)
незаметно — заветный
нездешней — вешней
нездешнею — вешнею
нездешние — вешние
нездорова — ночного (I, 430)
неземного — благого
неземное — герои
неземной — волной
неземные — впервые, пустые (I, 373)
неземных — седых (I, 418)
незнаком — дом, кругом
незнакомой — влекомый, дремой
незнакомы — дому
незнакомый — влекомый, дому, дремой
незнание — желанье, слиянья (I, 343)
незнанья — мерцанья
незрима — мимо, серафима (I, 128, 132)
незримый — недостижимой
неизбежность — нежность
неизбежный — прибрежный (III, 172),
снежной (I, 483)
неизвестно — тесно (II, 200)
неизвестность — окрестность (II, 73)
неизвестны — окрестный (I, 145)
неизвестный — небесной, прелестной
(III, 115), тесной (III, 241), тесный (III,
41)
неизвестным — бестелесным, тесно (I,
102)
неизгладимо — мимо
неизменна — мгновенна
неизреченная — обличенное (I, 523)
неизреченной — вселенной
неистойвой — перелистывая (III, 139)
неисцелима — зрима
ней — белей, горячей, дверей, дней,
еврей, ей, милей, моей, ней (I, 298),
огней (III, 314), пней (I, 122), полей (I,
293), розовой (I, 298), саней (III, 20),
теней (I, 298, 531)
некошешном — брошенном
некрасиво — живы

некрасивой — лениво
нелегка — облака (I, 354)
нелепей — склепе (III, 134)
нелживо — живо
нелживый — красивой
неложно — невозможно
нелзя — скользя (III, 233), стезя (II, 84)
нелюдим — недвижим, ним (I, 226)
нелюдимой — любимой
нем — всем, гвоздем, замрем, зачем
немая — замирая
немей — кудрей
немецкой — детской
немея — сильнее (I, 113)
немилой — силой (II, 133)
неминуций — случай (III, 301)
немного — Бога, дорогу, тревога (III,
376)
немножко — окошко (II, 192)
немо — Вифлеема, шлема (II, 268)
немой — бывшой
нем он — демон
немота — та (II, 209)
нему — кому, тьму (III, 140)
немые — земные
ненавидеть — видеть
ненавидя — видя
ненарушим — дым
ненасти — страсти (I, 320)
ненастной — несчастный (III, 34)
ненастье — счастье (I, 268), счастья (II,
56)
ненастьем — счастьем (I, 386, 450)
ненастья — счастья (I, 361)
ненастья — счастье (I, 3; III, 58), счастья
(I, 389; III, 218)
Неневестная — привневила (II, 52)
ненужный — жемчужный
необозримо — Цусимой (III, 331)
необозримой — неуловимый (III, 330)
необъятней — непонятна (I, 405)
необъятное — невятное
необъятный — пятна (II, 60)
необъятных — статных (II, 76)
необычайна — тайна (II, 106, 107)
необычайный — тайной (I, 344; II, 311),
тайный (III, 116)
необычны — непривычным (I, 62)
неосвещен — знамен
неосторожным — тревожно (III, 334)
неотвратимо — неудержимо (III, 326)
неотвязный — безобразный
непобедимой — мимо
непобедимый — зримый
неповторим — иным

непогибшим — жившим
непогодой — годы
непогоду — свободу (III, 377)
непогоды — воды, свободы (I, 164),
своды (I, 172, 512)
непомерны — верны
непонятна — благодатна, внятной,
необъятней
непонятной — невнятно
непонятным — внятным, невозвратным
непостижимый — дымы
непостижной — книжной, недвижны
непохожей — дожей
непреложно — дорожной
непреходящий — смотрящий (II, 320)
непривычным — необычны
неприлично — привычно (II, 180)
неприступно — преступно (I, 524)
непритворной — бесспорной
непробудней — будней
непробудно — скудный (II, 318), трудно
(I, 312), трудной (III, 274)
непробудной — чудной (III, 253)
непробудную — скудную (III, 176)
непробудный — чудный (I, 146)
неразделимы — дымы
нераздельны — одиноцельны
неразличимы — херувимы (I, 259)
неразлучны — звучно
нерассказанной — несвязанной (I, 525),
рассказано (I, 525), указано (I, 525)
нерукотворный — черной (III, 251)
нес — грез, папирос (III, 338)
несвободная — народные
несвободный — народной
несвязанной — нерассказанной,
рассказано (I, 525), указано (I, 525)
несем — лучом
несет — поет (I, 406)
несется — прервется (I, 328), рвется (I,
389), смеется (I, 215), суется (III, 330)
неси — соси (III, 281), спроси (I, 342)
несказанны — Осанна (I, 233)
несказанным — туманом (II, 183)
нескромный — заемный, темной (III,
117)
несла — весла
несли — земли, отошли (II, 88)
неслись — вились, вьсь
неслось — хаос (I, 56, 310)
несмелая — белая, сонно-белая (II, 83)
несмелы — ресницы-стрелы (II, 204),
стрелы (II, 204)
несмелые — белые
несметной — заветной

несмутима — любима
несмыканий — вздыханий
несогласны — безмятежно-ясный, ясный
(I, 348)
неспешно — грешно
неспешный — грешный
нестерпимо — мимо
нестерпимой — родимый (I, 387)
нести — прости (III, 102), пути (I, 297,
478)
нестрашен — украшен (II, 72)
нестройно — спокойна (I, 350)
нестройный — беспokoйной
нестройных — беспokoйных
несу — красу, лесу, росу (II, 283)
несут — припадут (I, 129)
несущие — грядущие
несхожий — прохожий (I, 521)
несчастно — властно
несчастный — красный, ненастной,
страстной (I, 386)
несчастливым — красном
несчастьем — страстью (III, 321)
нет — бред, вслед, лет, ответ (I, 285,
508), пистолет (III, 68), планет (III, 62),
портрет (I, 388), поэт (I, 339, 440; II, 69,
239, 240, 272, 287; III, 95), свет (I, 24,
109, 11, 192, 229, 447, 464, 517; II, 54, 88,
200, 210, 212, 279; III, 28, 37, 62, 93, 145,
178, 201, 216, 285, 287, 329, 241), след (II,
279; III, 184), цвет (I, 240)
нетленней — блаженной
нетленной — блаженны, вселенной
недоропливо — лениво, трудолюбиво
(II, 303)
неугомонный — революционный (III,
356)
неудача — плача (II, 272)
неудержимо — мимо, неотвратимо
неуклонно — бессонной
неукротимей — зримей
неукротимо — зримо
неуловимый — необозримый
неумолимо — гонима
неумолимой — невозмутимой
неумолимым — любимым
неумыта — корыто
неуследимый — любимой
неустанно — стеклянном (II, 207)
неустанным — океанном (II, 150)
неутешно — безгрешна
неутолимы — зримы
неутолимый — любимой
нешадно — холодной (I, 131)
нею — пламенея (I, 403)

неясное — страстное (I, 38)
неясной — ясной (I, 397)
неясных — ужасных (I, 22)
нивах — счастливых (I, 465)
нивы — самолюбивы (I, 367)
нигде — воде
ни гу-гу — снегу (III, 353)
ниже — ближе, Париже (III, 93)
низать — опять (III, 283)
низвела — залила
низводила — сила (II, 7)
ни зги — жги, шаги (I, 157)
низка — цветка (I, 246)
низкий — близкий
низких — близких
низко — близко
низком — близко
низок — близок
низость — близость
никак — зевая, шаг (III, 353)
никнет — возникнет, проникнет (II, 319)
никогда — вода, года, города, да,
звезда, куда, навсегда, орда (III, 250),
седа (II, 63), стада (II, 337; III, 158),
тогда (II, 87; III, 324), труда (I, 336,
474), туда (III, 92), череда (I, 356)
никого — его, ничего (III, 50), самого
(II, 14), твоего (I, 525)
никто — залито
Нила — выходила, светила (I, 363)
ним — дым, им, нелюдим, ним (I, 486),
своим (II, 319)
нимало — стало (III, 324)
ними — ночными (I, 378)
нимф — ив
ни о чем — плечо (III, 162)
нипочем — о чем (II, 70)
ни при чем — плечом (III, 370)
нисколько — полька (III, 373)
нисходила — вилы
нисходишь — увидишь (II, 225)
нити — вздохните, зените, наитий,
плывите (II, 221), посмотрите (II, 329),
сгорите (II, 278), событий (II, 168),
томите (II, 278), усните (III, 167)
нить — воплотить, говорить, жить,
золотить, отравить (I, 527), простить
(III, 9), различить (I, 432), следить (I,
452), убить (III, 145)
них — глухих, мерно-тих, монах, родных
(I, 87), тих (I, 505)
ниц — багряниц, лиц, ресниц (III, 118)
ничего — его, моего, него, никого,
отчего (I, 252), своего (I, 450; III, 278),
того (III, 50)

ничей — лучей, ночей (II, 54), очей (II,
54)
ничком — рядком (I, 311)
ничтожен — встревожен, ложи,
невозможен
ничтожно — возможно, невозможно
ничьи — мои
ниш — Париж (I, 313)
нишах — крышах
ниши — мыши
нищета — мечта
нищету — наготу
нищи — жилище
нищий — жилище
но — сукно (III, 328)
новизне — мне
ново — слово (II, 287)
новом — громовом, лиловом, словом (I,
297, 413), суровом (III, 138)
новоселий — веселий
новоселье — веселье
новый — багровый, здоровый, оковы (I,
516), слово (I, 108)
новым — словом (III, 137, 146)
новья — любовь
новью — кровью
ног — клинок, мог, песок (I, 119; III, 24),
порог (II, 282)
ногам — отдам (I, 456), храм (I, 30)
ногами — руками (II, 59)
ноги — дороги
ногой — пой (III, 213), покой (II, 18)
ногую — скалою (III, 244)
нож — дрожь, жмешь, ложь
ножа — душа, свежа (III, 352),
ножки — крошки, окошке (I, 294),
окошко (I, 294)
ножны — войны
норе — дворе
нос — волос, мороз, пес (III, 355)
носила — ходила (II, 352)
носились — забылись, молились,
свершились (I, 270)
носит — доносит, косит, просит (III,
333)
носятся — возносятся
носиться — сниться (III, 318)
ноты — счета (II, 22)
ночам — корням, плечам (III, 317),
предам (III, 70), там (II, 138), часам (I,
539)
ночами — мечами, очами (III, 161),
плечами (II, 161, 330)
ночах — плечах (II, 148; III, 162)

ночей — ветвей, ей, лучей, моей, ничей,
очей (II, 54, 132, 228), полей (III, 79),
страшной (III, 79)

ночи — горячи, клочки, короче, лучи,
мочи, ночи (III, 284), очи (I, 40, 86,
104, 150, 228, 328, 330, 345, 371, 372,
383, 393, 413, 415, 432, 439, 480, 481,
516; II, 129, 201, 219, 248, 252, 268, 270;
III, 12, 15, 28, 46, 52, 67, 83, 116, 137,
174, 177, 200, 203, 205, 231, 262, 263,
284, 328, 358, 366), пророчат (III, 114),
пророчит (II, 23), свечи (I, 481),
хохочет (II, 23), хочешь (II, 32)

ночка — дочкой

ночлег — снег (III, 171), телег (II, 179)

ночлегом — бегом

ночная — прощая (III, 9), угасая (I, 329)

ночник — двойник

ночника — издалика

ночного — нездорова, пустого (I, 346)

ночной — горой, громовой, душой,
живой, луной, мглой, мой, молодой,
покой (I, 344), роковой (I, 155), рукой
(I, 328), собой (I, 471), тобой (I, 496;
III, 55)

ночном — сном (I, 438)

ночную — иную, ночуя (II, 107)

ночные — голубые, живые, лесные

ночным — другим

ночными — другими, ими, имя, ними

ночем — волнуем, поцелуем (III, 16)

ночуя — ночную

ночь — дочь, заморочь, изнемочь, мочь,
не в мочь, ночь (III, 56), очи (II, 218),
помочь (I, 12; II, 228, 266, 314; III, 47,
56, 89, 191, 203, 342), превозмочь (III,
305), пророчь (II, 132), прочь (I, 64, 73,
147, 151, 346, 366, 393, 403, 411, 423,
432, 529; II, 71, 129, 167, 179, 228, 236,
241, 270, 278, 279, 284; III, 56, 104, 136,
206, 335)

ночью — воочью

права — право (III, 338)

праву — забаву, славу (II, 323)

нуждой — голубой

нужды — чужды (III, 323)

нужен — жемчужин

нужна — научена

нужно — южный (I, 394)

нужны — стены (II, 276)

нутру — сестру (III, 317)

ныне — кончине, пустыне (I, 28, 261,
459), пустыня (I, 436), святыне (I, 117)

нянька — глянть-ка

няня — тумане (III, 266)

О

оба — гроба, злоба, сугробы (II, 219)

обаянем — мерцаньем

обаянья — молчанья

обворожительно-красивой — диво

обязав — привязав (III, 368)

обдает — вперед

обдаешь — ложь

обдала — отнята (II, 279)

обедал — беседой

обеден — беден

обе — гробе

обведены — сны (II, 269)

обвела — вошла

обвились — понеслись (III, 213)

обедней — последний (III, 250, 335, 338)

обедни — последней (III, 102),
последний (III, 302)

обедом — дедам

обезопасил — окрасил (I, 514)

обезумел — запел

обелиски — близки

обернулась — повернулась (III, 219)

обессилены — филины (II, 118)

обесцветить — встретить

обесчещена — женщина

обет — поэт (I, 230)

обетам — светом (I, 505), этом (I, 538)

обетования — желания

обетованных — благоуханных

обеты — где ты, поэты (III, 90)

обещанье — воздаянья

обещанья — прощанье (III, 188)

обид — грустит, панихид (III, 70),
просквозит (III, 195), сквозит (III,
186), стыд (III, 340)

обидел — провидел (II, 326)

обидно — стыдно (I, 522)

обиды — панихиды (I, 194; III, 35, 335),
Плакиды (III, 99)

обилии — бессилии

обители — гибели

обитель — властитель, победитель (I,
452), смиритель (I, 269)

облагорожена — уничтожена (II, 277)

облака — далека, легка, нелегка, рука (I,
135)

облаках — краях, страстях (I, 439)

облаке — колкими

облаков — берегов, богов, зов, мхов

обласкала — качала

облачила — кадило

облегчение — сомнения (I, 133)
облекалась — хаос (II, 311)
облекалась — задалась
облетев — узрев (I, 466)
облечена — влюблена, жена
облеченная — рожденная (I, 71)
облеченное — неизреченная
облеченных — смятенных (I, 19)
облигаций — федераций (III, 304)
обличий — Беатриче, обычай (III, 15)
обличье — величие
обломки — потомки (I, 399, 455)
обман — аэроплан, стан (III, 16), стран
(I, 179), туман (I, 112, 484, 491, 502; II,
148, 314; III, 16, 153, 377), ураган (I,
503)
обмана — аэроплана
обманет — встанет, затуманит, канет
обманешь — встанешь
обманом — оловянным (II, 150)
обманул — гул, дул
обманула — стегнула (III, 152)
обманулась — шевельнулась (I, 26)
обмануло — блеснуло
обманут — затынут, растянут (II, 235),
стянут (II, 254)
обмануть — путь (III, 53)
обманы — рестораны (II, 204), туманы
(I, 195), страны (I, 477)
обмерить — двери
обнажатся — любоваться
обнаженном — бездонном
обнаженный — бессонный, влюбленный,
свершенный (I, 270)
обнаженных — осужденных (III, 31)
обнажив — призыв (I, 359)
обнимала — гуляла, стучало (I, 417)
обнимать — плясать (II, 326), растерзать
(I, 385), слагать (I, 385), узнать (II,
326)
обнимется — поднимется (I, 358)
обнимешь — опрокинешь (II, 93)
обниму — сожму (I, 297), терему (I, 120,
213)
обновленья — забвенья
обновлось — преклонюсь (I, 463)
обняла — колокола, пол-чела (II, 48),
предала (II, 249)
обнялись — карниз
обовью — напою, оглушу (II, 220), свою
(I, 139)
обожать — опять (I, 394)
обожгу — лугу
обоз — психоз (III, 305)
обойти — плести (II, 116), пути (II, 100)

обольют — поймут (III, 315)
оборвалась — рассталась (I, 331)
оборвется — поестя (I, 391)
оборви — любви
оборотня — подворотни (II, 165)
оботри — зари
образа — глаза, гроза
образами — глазами
образов — веков
обрамлен — затемнен
обрамляли — дали
обрати — закрути, опусти (II, 220),
укроти (II, 220)
обратил — окатил (II, 149)
обратили — подхватили (III, 321)
обратит — погрузит (III, 301)
обратится — приснится (I, 200)
обратясь — вязь
обрел — сошел (I, 53)
обрели — корабли
обретешь — найдешь
обречен — закон
обречены — страны (I, 455)
обручен — разлучен (III, 182)
обручена — весна
обрушит — нарушит
обрыва — лениво
обряд — брат, лампад
обрядов — взглядов
обстала — начала
обсудили — постановили (III, 349)
обуянный — странный (III, 53)
обходя — холода (III, 330)
общенье — теченья (I, 462)
объемлю — землю
объят — взгляд, звучат, спят (I, 396)
объята — заката
объятий — закате, проклятий (I, 188),
ратей (I, 245), рати (II, 268, 271)
объятъя — братья, заклатья, платъя (I,
195, 527), узнать я (I, 399), я (I, 399)
обычай — Беатриче, обличий
обычной — привычный (I, 446; III, 321)
обязан — связан (III, 320)
овальный — прощальный (I, 397)
овечки — крыльечке, речки (II, 45)
овейя — осемян (I, 114)
овином — журавлиным
овитых — разбитых (I, 395)
овладев — напев
овраг — злак
овраге — влага
оврагам — саркофагом (III, 120), шагом
(II, 189)
овраге — влага

враги — влаги
 врагу — влагой
 овсе — шоссе (III, 273)
 огибает — отступает (II, 270)
 гибали — качали, нависали
 гибая — случаю (III, 310)
 оглохла — засохла
 оглушен — отражен (II, 185)
 оглушена — шумна (II, 187)
 оглуши — души, задуши
 оглушила — ослепила (III, 141), сила
 (III, 141)
 оглушили — лилий
 оглушу — задушу, закружу, обовью
 оглянись — ввысь, высь, сторонись (III, 50)
 оглянулась — завернулась
 оглянусь — улыбнусь (I, 307)
 огне — луне, мне, окне (III, 145), стене
 (I, 313; II, 240), стороне (I, 509)
 огневией — птицей (III, 209)
 огневое — былое, зное
 огневой — мной, Невой, твой (III, 237)
 огневые — грозовые
 огненным — сгорим (II, 273)
 огней — ветвей, дней, камней, моей, ней
 огнем — всем, днем, дом, Дубняком,
 ждем, живьем, лицом, моем, о чем (I, 372),
 путем (II, 337), своим (III, 243),
 умом (I, 21)
 огни — головни, дни, земли, мои, одни
 (I, 13, 50, 370, 435, 482; II, 96; III, 58, 203),
 они (I, 118, 379; III, 308), отдохн
 (I, 350), ремни (III, 350), соедини (I, 110),
 тени (I, 221, 483, 493)
 огня — дня, коня, меня, храня (II, 43)
 огнями — лугами, шагами (III, 80)
 огнях — пеленах (III, 172)
 огонек — высок, разок (II, 209), снежок
 (II, 91), сучок (III, 368), холодок (II, 209)
 огонь — конь
 огоньке — тоске (I, 377, 378)
 огоньки — гудки, дымки, зрочки, курки,
 лепестки, маяки, реки (II, 245, 254),
 руки (II, 67), старики (III, 282),
 угольки (II, 240)
 огоньком — вином, лицом
 огородами — модами
 оград — назад, ряд (I, 49), сад (I, 246)
 ограде — сада (III, 184, 344)
 оградить — быть, может быть
 оградой — надо, усладой (III, 258)
 ограду — взгляду, надо, сада (I, 426)
 ограды — досады, сада (III, 244)

огромней — бездомней
 огромный — заемной, темной (III, 200),
 темный (III, 73)
 огромным — бездомным
 огромных — темных (III, 339)
 одежд — надежд
 одежда — надежда
 одеждам — надеждам
 одеждах — надеждах
 одежде — надежде
 одежды — надежды
 одень — тень (I, 318)
 одет — ответ (I, 475)
 одета — свету (I, 382)
 одеяньи — сияньи (II, 48)
 один — арлекин, картин, Кашин, льдин,
 мужчин, паладин (III, 375), сын (I, 359; III, 334)
 одиноко — далек, листок, платок (I, 293),
 ток (II, 277), цветок (I, 240)
 одинокая — далекая
 одинокие — далекие
 одинокий — далекой
 одиноко — высокой, глубокой, далекой
 одинокой — высокий, глубокий,
 жестокий
 одна — бледна, весна, имена, крещена,
 окна (I, 40, 67; II, 83, 186, 209), полна
 (I, 271; III, 225), пьяна (II, 168),
 тишина (II, 11, 274), холодна (I, 16)
 однажды — каждый
 одни — дни, мои, огни, они (III, 275),
 пни (II, 12), тени (I, 483, 521; II, 12)
 одним — им
 одно — вино, звено, окно (II, 84), равно
 (III, 79), суждено (III, 427)
 однозвучен — излучин
 однозвучно — докучно
 однозвучным — докучным
 одной — мной, молодой, тобой (I, 141),
 толпой (III, 204)
 одним — вечером, колдуном, окном (I, 381)
 одному — дыму, ему
 однообразный — праздный (III, 9)
 однотонно — бездонно
 одною — красотою
 одну — весну, глубину, окну (I, 365)
 одичалой — звучало, скалы (I, 201)
 одичальи — усталой (I, 349)
 одр — смотр (II, 334)
 оживишь — окрылишь (I, 28)
 ожиданием — вниманием
 ожиданий — свиданий (I, 492)
 ожиданье — молчанья

ожиданьи — журчанье, познания (I, 190)
ожиданья — желанья
озарен — напоен, похорон (I, 157),
смущен (I, 157)
озарена — грустна, жена, темна (I, 46)
озаренные — сонного (I, 353), сонные (I,
135)
озаренный — бездонный, колонны,
сонной (I, 89), сонный (I, 150)
озарил — выл
озарила — могилой
озарили — ты ли (I, 68)
озарилось — остановилось (II, 189)
озарит — кипит, молчит, спит (I, 6),
царит (I, 6)
озарить — клубить, отворить (I, 338),
отравить (I, 338)
озер — остер (II, 187)
означается — качается
ока — высоко, далеко
окатил — обратил, отворил (III, 288)
окаянном — неустанном
океан — туман (I, 383, 405; II, 39; III,
375)
океана — тумана (I, 427; II, 55)
океанах — туманах (I, 427)
океане — тумане (I, 9, 22), цыгане (I,
384)
океаном — туманом (I, 78), туманы (I,
397)
океаны — туманы (III, 266)
оклад — подряд (II, 274)
окна — бледна, больна, весна, волна,
волокну, жена, нежна, одна, она (I,
380; II, 11, 240, 327), погружена (III,
333), смущена (II, 327), сна (I, 202,
320), страна (III, 11), тишина (II, 258;
III, 16), хмельна (II, 271)
окнами — волокнами
окне — весне, вышине, дне, мне, огне,
сне (I, 364; II, 65; III, 38), спине (II,
191), старине (III, 310), стене (III, 334),
тишине (I, 369, 381)
окно — вино, воскрешено, гумно, давно,
должно, заодно, одно, окно (II, 209),
оно (III, 216), освещено (II, 166),
полно (I, 84), пятно (III, 35), равно (III,
39), смятено (I, 220), суждено (I, 406,
430), темно (I, 248, 298; III, 39, 45),
утомлено (III, 220)
оком — дневном, дождем, крылом,
лицом, одном, сном (I, 328), таком (III,
91), том (III, 371)
окну — одну, тишину (I, 295)
око — востоку, высоко, глубокой

оков — зов
оковы — вы, засовы, новый, совы (II,
228)
околицы — Троицы (II, 20)
окольного — вольного
оком — далеко, широко (I, 354)
окоп — веретен, знамен, локон
окопной — влюбленный
окопце — солнце (I, 273; II, 89, 198, 315)
окошке — ножки
окошко — дорожка, кошка, немножо,
ножки
окрасил — обезопасил
окрест — звезд
окрестность — неизвестность
окрестный — неизвестный
окровавленный — оставленной (II, 109)
окружен — затон, сон (II, 224)
окружена — колдуна
окружит — замолчит
окружить — налить
окрутили — пыли (II, 136)
окрылен — сон (I, 89), сторон (I, 413)
окрыленный — сонный (I, 348)
окрылить — сохранить (I, 394)
окрыльишь — оживишь
октябре — дворе
окутал — спутал (II, 275)
оледенела — гремела
оледенил — прислонил (III, 185)
оливой — молчаливый
оловянный — туманны (II, 72)
оловянным — обманом
ольхи — духи
ольхой — глухой
омега — Вега, снега (I, 15)
омут — знаковый
омытый — ядовитый (III, 183)
он — влюблен, времен, Гарпагон,
демон, заглушон, закон, звон, он (III,
166), погружен (III, 342), поклон (III,
164), полон (III, 140), поражен (I, 475),
похоронен (III, 150), сон (I, 518; III, 342),
сравнен (III, 321), стон (III, 53), хитон
(III, 230)
она — бледна, верна, весна, вина, волна,
глубина, грустна, жена, колдуна,
луна, окна, письмена (I, 210, 226),
полна (I, 474; III, 310, 314), предана
(III, 116), сильна (I, 313), слышна (I,
464), сна (I, 371, 422), стена (II, 200),
страшна (III, 242), тишина (II, 110),
упразднена (III, 327), шумна (III, 310),
ясна (I, 163)
онемел — пролетел (I, 473)

онемелое — белое
они — дни, клешни, огни, одни, пни (II, 17)
оно — вино, зерно, окно, полно (III, 263), суждено (I, 409)
опалено — давно
опалил — изменил
опалит — налетит
опалю — люблю
опасной — страстной (III, 370)
опасном — красным
опилки — жилки
оплетая — замирая
опочивальне — дальний, спальне (II, 111)
опочил — остановил (II, 83)
опояшет — запляшет
оправданья — состраданья (I, 442)
оправе — славе (III, 64, 65)
определенный — влюбленный
определились — сходились (I, 527)
опрокинет — вынет, остынет (II, 232)
опрокинется — придвинется (I, 196)
опрокинешь — обнимешь
опрокинулись — придвинулись (I, 503)
опрокинут — кинут, минут, раскинут (II, 72)
опускала — бала
опустевшим — сидевшим (III, 338)
опусти — закури, обрати, укроти (II, 220)
опустошающие — застывающее
опустошенный — склоненный
опушены — тишины (III, 248)
опущен — грядущем
опущены — распущены (III, 166)
опьяненные — бессонные
опьяненных — невозмущенных
опьянения — поколенья (I, 438)
опьяняюсь — унесусь (II, 329)
опьянять — опять (II, 258)
опять — внимать, гладь, дышать, кричать, кровать, мечтать, называть, низать, обожать, опьянять, понимать (II, 244), порхать (I, 399), постоять (III, 146), растравлять (I, 372), рыдать (I, 406), тосковать (I, 33, 439), трепетать (I, 443), увидеть (I, 86), услышать (I, 244), хохотать (I, 434), целовать (I, 525; III, 13)
орава — Варшава
орарем — пустырем (III, 269)
орбит — горит, стоит (II, 190)
орбитах — ланитах
орда — навсегда, никогда

ордою — бою, тобою (III, 250)
орел — нашел
орет — дает, народ
оркестр — торжеств (III, 192)
орлиный — миной
орлиным — долинам, камином
орлы — мглы, скалы (II, 88), стрелы (I, 349), хвалы (II, 88)
Осанна — Иоанна, несказанны
осанку — наизнанку, шарманку (III, 354)
освежать — воспламенять
освежи — положи (III, 352)
освещено — окно
освободи — впереди, выходи, груди
освобожден — сон (I, 184)
освобожденная — прозвенная (II, 109)
освобожу — гляжу
освятила — повторила (I, 109)
осел — тяжел (III, 244)
осенили — вонзили
осенит — слетит (I, 456)
осеннее — мгновения
осенний — весенний, гений, тени (I, 223), тленья (I, 34)
осень — осен (I, 525; II, 324), спросим (III, 154)
осеребранный — полусонный (I, 337)
осколки — толки (II, 333)
осколок — долог, колок, недолог, полог (II, 58)
оскорбить — подходить (III, 54)
оскорблены — войны
оскорблю — люблю
осла — была, донесла, мгла
ослеп — свиреп (I, 269), склеп (II, 157)
ослепил — разделил (III, 180)
ослепила — оглушила, сила (III, 141)
ослепит — отлетит (I, 449)
ослепительном — небожителям
ослепла — пепла (III, 262)
осмеян — овеян
оснеженный — безнадежной
оснежит — побезжит (III, 342)
основа — готова
основатель — фрегате (III, 330)
осоке — вдалеке, реке (I, 121)
оставил — жалил
оставили — кровавили
оставленной — окровавленный, прославленный (II, 108)
оставлял — знал
оставь — явь (II, 198)
осталась — разрывалось (I, 8)
остались — сжался (II, 167)

осталось — прижалось (II, 198)
остальных — затих, моих
останови — крови
остановил — опочил
остановила — было
остановилась — озарилось
остаток — краток
остер — озер
остерегая — растаял (II, 227)
остра — вчера, гора
острие — твое (II, 7)
острова — жива, Нева, слова (I, 351)
островов — слов (III, 20)
острожной — возможно, дорожной,
невозможной, придорожной (III, 256)
остроконечный — млечной
острый — пестрой (III, 41)
остряки — котелки
остынет — вынет, минет, опрокинет
остыло — мило
осудят — пробудят (I, 376)
осужденных — обнаженных
осыпала — вскинула
осыпет — Египет
отвагу — стягу (I, 289)
отважный — продажной (III, 34)
отвален — силен (III, 134)
отвалил — сил (II, 134)
отвека — века, человека (III, 140)
отвели — вдали
отвернулся — запнулся
отвесов — навесов
ответ — бед, вослед, лет, нет, одет, побед
(I, 436), поэт (I, 436), рассвет (I, 483),
свет (I, 148, 149, 154, 157, 483, 487, 489,
490, 504), след (I, 382)
ответа — где-то, комета, лето, поэта (I,
113, 439, 443), рассвета (I, 304; III, 81),
расцвета (I, 151), света (I, 99, 394),
светом (I, 36), светы (II, 176), согрета
(I, 466)
ответил — светел (II, 159), светил (I, 378)
ответит — встретит
ответить — встретить
ответный — смертной (II, 156)
ответы — комета
отвечал — щекотал (III, 329)
отвечала — прозвучала (I, 471)
отвечать — целовать (I, 379)
ответу — навстречу
отвори — зари
отворил — окатил
отворила — говорило
отворить — озарить, отравить (I, 338)
отгонит — простонет (III, 48)

отдаешь — плывешь (I, 107)
отдала — села (I, 311), тепла (I, 212)
отдаленная — сонного (I, 353)
отдаленный — влюбленный,
возмущенный
отдаленным — иступленным
отдаленными — зелеными
отдаленных — влюбленных
отдаленный — заточенья, мгновенье,
моленье, тенью (I, 179), умиленьи (I,
96)
отдам — вам, губам, ключам, ногам,
храм (I, 28)
отдать — гладь, держать, отогнать (III,
279)
отдаю — пою (I, 32)
отделено — должно
отделение — воскресенье
отдохни — огни
отдохновенья — камня
отдохнуть — грудь, путь (I, 339, 373, 284;
II, 318)
отдохнуть я — перепуты (I, 211)
отдых — воздух
отдыхал — шпал (III, 338)
отдыхала — витала, мелькала, хохотала
(II, 168)
отец — венец, наконец
отзвенели — свирели (II, 7)
отзвучал — начал
отзвучала — стучала (II, 331)
отзовись — склонись (I, 534)
отзывалась — разрывалась (I, 8)
откосах — росах (I, 321)
откровнен — смиренен (III, 50)
откровений — гений, преображений (I,
528), сомнений (I, 53)
откровенье — моленье
откровенья — творенья (I, 455)
откроет — покоит (I, 466)
открой — головой
откройся — бойся
открою — бою
откроют — укроют (II, 49)
открыв — прилив (I, 404)
открывая — другая
открыл — крыл, полюбил (II, 37)
открылась — случилось (III, 83)
открылись — молились, уносились (II,
219)
открыт — твердит (I, 412)
открытый — прибытий (II, 53)
открыто — развито (II, 320), слито (II,
312), ядовиты (I, 493)
открытое — размытый (II, 22)

открыты — скрытых (I, 402)
открытый — ланиты
открыть — отравить (I, 84)
отлегло — тепло (II, 199)
отлетает — начинается
отлете — работе (II, 49)
отлетела — зардела
отлетели — цели (I, 407)
отлетело — горело
отлетим — дым
отлетит — заменит, ослепит
отметить — встретить
отныне — павлиний (III, 135), пустыне
(III, 246), пустыни (III, 135)
отняла — была, обдала
отогнать — критиковать, отдать,
умирать (II, 277)
отодвину — раскину (I, 318)
отодвинут — вскинут
отодвинуть — стынуть (I, 281)
обойди — впереди, жди,
найди
отойду — жду
отопру — замру
оторопел — пожалел (III, 353)
оторопелой — стрелы (II, 319)
отошел — мол
отошла — колокола
отошли — земли, издали, корабли,
несли
отошло — весло
отперла — ждала
отперлась — занялась
отпихнуть — кого-нибудь
отплачу — влачу
отпор — в упор
отпусти — лети
отрав — собрав (III, 178)
отраве — лукавя
отравить — нить, озарить, отворить,
открыть, приклонить (III, 125)
отравлял — знал
отравой — кровавой, лукавый
отравою — лукавая
отравы — травы (I, 416, 417)
отрада — награда, услада (III, 8)
отрадно — жадно, прохладный (III, 240)
отрадой — надо, прохладой (I, 434)
отраду — надо
отражаться — казаться, шататься (III,
13)
отражен — закон, оглушен
отражена — бледна
отражены — сны (III, 80)

отраженье — возрождение, искушенья,
мгновенье, строенье (II, 146)
отраженьем — изумленье, сновиденьем
(I, 479)
отраженьи — пробужденье (I, 27)
отрезок — резок (I, 228)
отринет — покинет (I, 354)
отринь — аминь
отрицал — идеал
отрицаньем — воспоминаям
отрицая — золотая
отроковица — птица (I, 472)
отслужу — между
отстаёт — идет
отстрадал — наблюдал
отстывает — огибает
отступаешь — мигаешь
отступая — замирая
отступил — шелестил (II, 153)
отсюда — чудо (III, 7)
оттенила — распустила (II, 155),
сибила (II, 155)
отточен — упрочен (I, 514)
отуманит — ранит (I, 146)
отходной — водной
отхожу — между
отхожу я — ликуя
отца — конца, певца (II, 197), сердца (I,
225; II, 179; III, 336)
отцах — сердцах (III, 303)
отцов — зов
отцом — подlicoм (III, 318)
отчасти — власти
отчего — него, ничего
отчеты — кiotы
отчизна — жизнью, тризной (I, 51)
отчизне — жизни
отшумела — дело
отяжелелой — белой
офицер — портьер (III, 31)
офицера — вера, холера (III, 352)
охота — анекдота
охраню — уроню (III, 60)
охранять — печать (I, 347)
оцепенело — дело
оцепенелой — смело (III, 334)
очаг — враг
очами — богами, мечами, ночами,
пламень (II, 252), плечами (II, 121; III,
161, 286), речами (III, 37), степями (III,
268)
очаровал — стал (III, 324)
очарован — взволнован, прикован (I,
472, 497), скован (II, 22)

очарованный — взволнованный,
закованный
очарованы — закованы
очарованье — завыванье, покаянье (III,
52)
очарованья — молчанья
очарованиям — писаньям (III, 48)
огах — ах, впотьмах, зачах, крылах,
листах, небесах, плеча (III, 354), полях
(I, 513), прах (I, 424)
очей — дней, лучей, ничей, ночей, речей
(III, 324), ручей (III, 184), своей (I,
377), соловей (I, 377), фей (I, 352)
о чем — нипочем, огнем, углом (III, 257)
очертаний — втайне, метаний
очертанье — преданье (I, 427), тумане
(III, 244)
очертаньем — сиянии (I, 121)
очертанья — названья, содроганья (I,
44)
очертил — крыл
очи — короче, ночи, ночь, полночи (I,
177; II, 136, 260)
очистительный — губительный
очнись — высь, улыbnись (II, 127)
ошибиться — молиться
ошибке — улыбке (III, 150)

П

павлиний — отныне, пустыни (III, 135)
падали — прядали (I, 248)
падающей — изламывающий
паденье — повторенья (II, 23),
сновиденьем (I, 519)
паденья — возвращенья, самозабвенья
(III, 34)
падет — сольет (I, 361), унесет (I, 511)
падут — прильнут (I, 536)
падучей — летучий
падший — полуувядший (II, 100)
пажа — душа
пажами — цепями (II, 242)
пажом — серпом (I, 535)
паладин — один
паладином — камином
палаты -- лопаты
палач — плачь (I, 435)
палача — влача
палим — своим (III, 73)
палима — дробима
палит — леденит, парит (I, 407)

палке — галки
пальмой — званья
пальто — залито
пальцев — скитальцев (III, 334)
пальцы — скитальцу (III, 212),
скитальцы (II, 159)
палящей — грозящий, звенящей
панели — деле
паникадила — светило (I, 59)
панихид — обид
панихиды — обиды
пантер — портьер (III, 365)
пантомимы — дымы
паперть — скатерть (I, 299)
папирос — нес
папирской — прической (III, 311)
папиросу — подносы (III, 308)
папой — закапай
папу — лапу, шляпу (II, 15)
пар — пожар (III, 276)
пара — троттуара (II, 160)
парада — Царьграда (III, 307)
паре — троттуаре (II, 326)
паренья — волненые
Париж — крыш, матчиш, ниш,
поглядишь (III, 315)
Париже — ближе, ниже
парит — палит
паров — голосов, столов (I, 252)
паром — даром, самоваром (II, 322)
парохода — ледохода
пароходе — проходит (II, 70)
пару — базару
парус — стеклярус (III, 102)
паруса — безрадостно, волоса, голова,
небеса
парусах — небесах
парче — мече
парчевый — вишневый
паршивый — шелудивый (III, 358)
пары — троттуары (II, 141)
пастух — потух (I, 360)
пастушок — посошок (II, 45), урок (II,
321)
пасть — страсть (II, 151)
пасхальной — печальный (III, 279)
пасхальный -- нахальный
паук — звук, шок
паутиною — лебединое
пахучий — летучий
пашен -- башен
пашней --- вчерашней
пашни -- башни, вчерашний
певец --- венец, конец, мудрец
певуче --- летучей

певучей — круче, могучей, скрипучий (III, 45), туче (III, 227)
певучий — жгучий, созвучий (I, 383; III, 232), тучей (II, 335)
певучим — тучам (II, 232)
певучих — тучах (III, 96)
певца — конца, отга
пей — теней (III, 139)
пел — блесстел, слетел (I, 5)
пела — дела, звенела, леденела, хорошела (I, 404)
пеленах — огнях
пелене — мне
пеленою — тобою (I, 340)
пели — звенели, скрипели (III, 260)
пело — дело
пен — сирен (II, 39, 53)
пена — плена (I, 484)
пение — томление (I, 358)
пенится — изменница, пленница (II, 69)
пенный — вселенной
пенной — сиреной (II, 50)
пену — плена (I, 494)
пены — измены, перемены (III, 371), сирены (II, 54)
пеньё — мгновенье, презренье (III, 233), стремление (I, 339)
пеньи — томление (III, 241)
пенью — сновиденью (I, 283)
пепел — гневно-светел, светел (II, 253; III, 84)
пепла — ослепла
пера — профессора (III, 320), утра (II, 321)
первая — вербное
первоначальный — хрустальный (III, 131)
перебитых — плиты (II, 173)
перевале — дали
перевита — свита (II, 67)
перевязана — рассказана (III, 186)
передавая — выражая
передам — богам, друзьям, звездам
передать — благодать, рассказать (I, 383)
передовых — сороковых (III, 315)
передрасветной — заветной
пережил — затаил
перезвоном — звоном
перейти — прости (I, 305), пути (I, 203)
перекрестке — жесткий, жесткой, хлесткий (III, 348)
перекрестки — березки
переливом — порывом (I, 372)

переливы — порывы (I, 401), счастливыи (III, 230)
перелилась — связь (III, 144)
перелистывай — неистойой
перемен — плен (I, 193), стен (I, 193, 217)
переменный — сцены (II, 156)
перемены — вены, пены, стены (I, 217)
перенесла — всплыла
перенести — пути (II, 315)
перенестъ — вестъ, есть
переносится — просится (I, 171)
перепутьи — отдохнуть я, я (I, 211)
перервать — искать
перерыв — извив
перерывая — простая (I, 433)
перескажем — ляжем
переслали — устали (III, 368)
перестрадал — сверкал (I, 338)
переулка — гулко
переулке — гулкий
переулок — гулко
переулочной — булочной
переход — зовет
перий — двери, Мэри
перил — скользил (II, 158)
перлы — жерла
пернатый — латы
перо — серебро (I, 17)
пером — топором (III, 264)
перста — суета (I, 348)
персти — вместе
перстом — крестом
персты — кресты, ты (III, 55), цветы (III, 120)
перу — добру
Перуджино — корзину
перья — дверью, материй, недоверье
перьями — поверьями (II, 186, 187)
пес — волос, вопрос, занес, нос, роз (II, 170; III, 359)
песен — плесень (II, 123), тесен (III, 163), чудесен (I, 345, 397, 511, 512; III, 142)
песками — пламя (I, 366)
песке — языке (I, 362)
песком — лом
песне — чудесней (I, 478)
песней — прелестней (I, 328, 390, 420), чудесней (I, 54, 361)
песни — воскресни
песнопениям — виденья
песня — прелестней (I, 491; III, 221), чудесней (I, 507)
песок — вбок, намек, ног
пестро — Пьеро (I, 227; II, 123)
пестрой — острый

пестря — якоря (II, 55)
петел — светел (II, 320)
петель — ветер
Петра — вчера
петух — потух (I, 241)
петуха — глуха, греха
петуху — вверху
петушок — гребешок, посошок (II, 90)
петь — медь, пожалеть (I, 331), терпеть (III, 290)
пехота — чего-то (III, 310)
печалей — вакханалий, далей
печален — причален (II, 263), прогалин (I, 396), ужален (I, 515)
печали — возвращали, восстали, всплывали, встречали, вуали, дали, ждали, зажигали, замечали, знали, Италии, миновали, понимали (II, 172), проклинали (III, 305), сверкали (I, 454), скрижали (II, 221), тосковали (I, 57, 455), целовали (I, 243)
печаль — вдаль, даль, жаль, рояль (III, 339), сталь (I, 390, 499), таль (II, 16), шаль (III, 204)
печальной — безначальной, дальний
печально — безначальной, прощальный (I, 439), спальной (III, 18)
печальной — банальной
печальную — прощальную (I, 518)
печальны — дальном
печальный — венчальный, дальний, зеркальной, нахально, нахальной, нахальный, неальный, пасхальной, погребальный (I, 363), прощальный (I, 73, 345), радикальный (III, 339), хрустальный (I, 396)
печальных — дальних, дальных
печалью — далью, сталью (III, 332)
печать — встречать, молчать, охранять, разгадать (I, 429), слагать (I, 287), считать (III, 338), толковать (I, 439)
печки — крыльечке
печь — меч
пешкой — насмешкой
пещере — двери, дочери, потере (II, 228)
пещеры — химеры (I, 236)
пивной — рукой (II, 31)
пил — прикатил (II, 151)
пилот — полет (III, 33)
пилы — смолы (II, 73)
пир — вампир, кумир, мир
пира — мира
пирами — мирами
пире — ирис, квартире, мире
пиров — врагов, костров

пиры — костры, миры
писаньям — очарованьям
писатель — предатели (III, 348)
листолет — нет
письмена — весна, она, семена (I, 217), стена (I, 217), тишина (I, 359)
плаванье — гавани
плакали — каракуле
плакат — канат, рад (III, 348), ребят (III, 347)
плакать — слякоть (III, 155)
Плакиды — обиды
плакун-трава — торжества (III, 190)
плакучий — жгучий
пламенели — чернели (I, 505)
пламенеют — сожалеет (I, 477)
пламенея — нею, сильнее (I, 81)
пламени — камни
пламень — камень, очами
пламя — домами, знамя, зубами, нами, песками
планет — лет, нет, свет (III, 62)
планета — света (II, 320)
планете — дети
планеты — света (II, 320)
пласты — кусты
плат — закат, ряд (II, 210)
платка — легка, цветка (III, 370), ямщика (III, 255)
платке — реке (II, 283)
платки — кулаки
платком — козырьком, штыком (III, 309)
платок — клочок, намек, одинок, платок (I, 308), срок (III, 185), цветок (II, 276)
платом — подъятым (II, 129)
платочком — комочком
платье — ей, закате, кровати ей, проклятья (II, 163; III, 241), распяьем (I, 280), рукопожатья (III, 312)
платья — объятья, проклятье (II, 191), я (I, 195; II, 275)
плач — дач
плача — задача, неудача
плачет — доскачет, значит, прискачет (II, 57)
плачешь — значишь
плачу — задачу, наудачу
плачь — вскачь, палач
плач ты — мачты
плащ — хрящ (I, 538), чащ (III, 178)
плащах — прах (II, 38)
плаще — еще, плече (III, 171)
плащом — ртом (III, 38)
племен — времен, сон (I, 290)

племени — времени
плен — вербен, измен, перемен, стен (I, 146, 193, 198, 519)
плена — пена, пену, глена (I, 233)
пленница — пенится
пленный — блаженный
пленья — меня
пленьять — мать, ронять (III, 308), сменять (III, 308)
плесень — песен
плеском — блескам
плесну — блесну
плеснули — ауле
плести — блюсти, идти, изойти, обойти, пройти (III, 161)
плети — дети
плетня — дня, меня
плету — мосту
плеч — беречь, встреч, жечь, меч, речь (II, 240, 258; III, 215, 369), свеч (III, 57, 334)
плеча — ах, горяча, лихача, меча, очах, свеча (I, 495; III, 235), сгоряча (II, 133), уча (III, 318)
плечам — ночам
плечами — вами, мечами, нами, ночами, очами, полями (I, 241), речами (III, 150), шагами (I, 75)
плечах — мелочах, ночах, цветах (I, 480)
плече — луче, мече, плаще
плечи — встрече, встречей, далече, наречий, речи (II, 66; III, 37, 160, 165, 215, 335, 339), свечи (II, 121, 139, 256, 264; III, 165, 335), сече (II, 115), человечей (II, 137)
плечист — речист (III, 351)
плечо — горячо, ни о чем
плечом — ни при чем
плит — закрыт
плиты — перебитых, убитый (II, 179)
плод — забот
плодить — жить
плоды — беды, сады (I, 458)
плотен — полотен (II, 35)
плотно — бесповоротно
плохую — злую
площадей — фонарей (II, 141)
площадная — Сенная (III, 306)
площадной — водой, голубой, запой
площадям — пятам (III, 335), словам (I, 508)
плугами — въюгами
плуги — глубы
плугом — другом, кругом, подругам (III, 161)

плывет — зовет, идет, народ, свод (II, 48), уйдет (II, 71), цветет (I, 517)
плывешь — отдаешь
плыви — любви, мои
плывите — вздохните, нити
плывут — бредут, возьмут, тут (I, 290)
плыл — выл, приходил (II, 181)
плыла — жила, шла (I, 149, 502)
плыли — ты ли (II, 225), хранили (II, 51)
плыть — быть, может быть
пляс — понеслась (II, 279)
плясала — бросала
плясать — обнимать, сгорать (II, 24), узнать (II, 326)
пляска — маска
пляски — сказкой (I, 373)
пляшет — машет
пляши — души
пне — мне, тишине (II, 16)
пней — ней
пни — дни, одни, они, тени (II, 12)
побед — ответ
победа — деда
победам — неведом
победившем — разбившем (I, 489)
победила — кривила, царила (I, 392)
победитель — обитель
победные — медные
победный — бледной, бледный, заповедной
победой — ведай, исповедай
победою — ведаю
победы — изведал
побежала — покрывало (I, 399)
побежало — задрожало, кинжалы
побежит — задрожит, оснежит
побелело — за вечерело
поблуди — груди, походи (III, 352)
побыстрой — попестрей (III, 283)
поведешь — ложь
повелено — взлелеяны, прострелено (III, 139)
повели — легли
повелось — волос
поверил — лицемерил
поверим — двери, Мэри
поверит — верит
повернул — взглянул
повернулась — обернулась
повернуть — путь (III, 302)
поверь — дверь, теперь (I, 445)
поверьями — перьями
поверял — спал (I, 410)
поверять — напевать
повесил — весел

повесть — совесть (I, 423, 527; II, 236)
повис — вниз
повита — мечта
повито — Маргарита
повиты — мечты
повлек — клубок
повлеклись — lawn-tennis (II, 311)
повод — провод (III, 341)
поводов — доводов
поворот — сожмет (I, 165), сойдет (I, 221)
поворота — кто-то
повороте — дремоте, полете (III, 197)
повстречался — приподнялся (III, 245)
повсюду — чудо (I, 235)
повторенье — томление (I, 528)
повтореньи — паденье
повторенья — творенья (III, 123)
повторила — освятила
повторим — Рим (III, 78)
повторяет — принимает (III, 322),
уступает (III, 322)
повторяло — упала (I, 382)
повторять — звать, поднять (I, 426)
повторяю — знаю
повыше — вышел
погас — глаз, глас, нас, раз (I, 518), час
(I, 457; III, 76)
погасил — сил (III, 12)
погиб — скрип (II, 40), Эдип (III, 361)
погибала — упадала (I, 344)
погибать — ликовать
погибаю — знаю
погибшим — дарившим
поглядела — пределы (II, 246)
поглядело — сгорела (III, 336)
поглядит — покрыт (II, 336)
поглядишь — Париж
погляжу — прохожу (II, 116)
погода — года
погоди — груди
погоню — брони, кони
погреба — гольтеба
погребальный — печальный
погребов — шагов (II, 153)
погрозить — говорить
погромче — звонче
погружен — он, сон (I, 356, 459)
погружена — окна
погрузит — обратит
погрузиться — сниться (I, 512)
погрустив — проводив (III, 165)
погублю — полюблю (II, 104)
подает — завет, метет, народ, поет (III, 302)

подари — зари
подарок — ярк (II, 331; III, 77)
подвернулась — поскользнулась (III, 348), растянулась (III, 348)
подвластна — причастна (II, 258)
подворотни — оборотня
подготавливает — мешает
поджарых — старых (II, 328)
поджов — веков
подлецом — отцом
подлунной — многострунный
поднебесий — веси
поднебесной — безвестной
поднимала — начала
поднималась — казалась
поднимали — кричали
поднимался — спотыкался (I, 293)
поднимется — обнимется
поднимись — высь
подножия — Божия
подняла — мгла
поднялась — взялась, сплелась (II, 16)
поднялся — завился
поднять — повторять, спать (II, 47)
подняться — дожидаться, разгораться (I, 531)
подобен — безлобен
подожги — стереги (II, 133)
подожду — блоду
подозренье — появленье (I, 94)
подойдет — небосвод
подойду — жду
подолы — веселый
подослал — бал
подошла — мгла
подошли — вдали, шли (I, 500)
подползает — роняет (III, 341)
подползла — бела, угла (III, 38, 341)
подпольи — раздольи (III, 340)
подражать — разрушать (II, 180)
подремать — кровать
подруг — испуг, круг
подруга — вьюга, друга, лугом, юга (I, 444)
подругам — другом, кругом, плугом
подруги — вьюги, досуги, круге
по-другому — знакомо
подругу — лугу
подряд — назад, оклад
подстеречь — речь (I, 496), сжечь (III, 212)
подхватили — обратили
подходи — впереди, проходи (III, 349)
подходить — оскорбить
подымай — ай

поединке — ботинки
 поезда — города, да, звезда
 поем — алтарем, потом (II, 112), твоим
 (III, 166), царем (II, 112)
 поет — берет, болот, вод, ворот, вот,
 встает, гнет, гудет, дает, ждет, забот,
 зовет, лед, напролет, несет, подает,
 поимет (III, 291), ползет (II, 71),
 привлечет (I, 388), пройдет (III, 291),
 свод (I, 419), счет (III, 99), твое (II,
 282)
 поется — оборвется
 пожалей — твоей (I, 420)
 пожалел — оторопел
 пожалеть — петь
 пожар — дар, жар, загар, кошмар, пар,
 стар (III, 169), татар (I, 19; III, 252),
 угар (II, 74), удар (III, 302), чар (I, 433;
 III, 220)
 пожара — дара, кара, удара (I, 182),
 чары (I, 264)
 пожарами — чарами (II, 21)
 пожаре — Тамаре
 пожарищ — товарищ (I, 317; III, 84)
 пожаром — жаром, недаром
 пожары — кары, удары (I, 494)
 пожелтых — белых
 пожимал — либерал
 позабудь — путь (I, 393)
 позабыв — уронив (III, 219)
 позабыло — сохранило (II, 85)
 позабыт — сокрыт (I, 60)
 позади — впереди, выходи
 позволь — боль
 позволяю — посылаю (III, 376)
 поздно — бесслезно
 познал — ликовал, мал
 познала — запоздала
 познание — свидание (I, 532)
 познанию — свидание (I, 502)
 познание — молчанье, посланья (I, 261),
 сиянья (II, 56)
 познанию — зданье
 познания — ожиданья
 позову — траву (II, 116)
 позолота — ворота
 позолоты — кроткой, кто-то
 позолоченных — всклокоченных
 позор — взор
 позорный — черный (II, 133)
 позорным — черном (III, 302)
 позументах — лентах
 поит — лежит
 пой — мой, ногой
 пойдем — вдвоем, дом
 пойдет — напролет, народ
 пойду — саду (II, 314)
 поймать — понять (III, 43)
 поймет — небосвод, поет, пройдет (III,
 291), растет (III, 43)
 поймешь — придешь (III, 43), сойдешь
 (II, 214)
 пойму — дому, дыму, уйму (I, 457), уму
 (I, 457)
 поймут — обольют
 пока — кирка
 показаться — издеваться
 покарать — страдать (I, 401)
 покатили — слепили (II, 323)
 покатою — лохматою
 покаянья — очарованье
 покидает — умирает (I, 349)
 покидал — тосковал (I, 96)
 покидая — другая
 покинет — застынет, отринет
 покину — раздвину (II, 221), раскину (II,
 221)
 поклон — влюблен, жетон, он, сон (I,
 308)
 поклонений — гений, тени (I, 101)
 поклоненье — волненье, мгновенье
 поклоненьи — волнени
 поклонилось — родилась (I, 418)
 поклонов — вагонов
 поклоном — иконам
 поклоны — зеленой
 поклоняюсь — улыбаюсь (I, 268)
 покое — герои, двое, смоем (III, 318)
 покоев — героев
 покоем — боем, строем (III, 368)
 покоит — откроет
 покой — боль, большой, волной, живой,
 звездой, земной, золотой, мной,
 молодой, ногой, ночной, порой (I,
 431), пустой (I, 376), пчелой (I, 320),
 рукой (II, 83), свой (III, 315), седой (II,
 64), тобой (I, 296, 532)
 покойник — разбойник (I, 419; III, 334)
 поколений — брений, гений,
 стремлений (III, 322)
 поколенья — виденье, моленья,
 опьянения, сомненье (I, 68), спасенье
 (I, 68), спасенья (I, 68)
 поколочу — пощечку (III, 358)
 покoren — сон (I, 14)
 покорены — сплетены (II, 121)
 покорись — воротись, молись
 покориться — снится (I, 339)
 покорная — черная (I, 283)
 покорно — зерна

покорно-бедный — бледной
покорной — горный
покорный — черной (III, 47), черный (I, 418), чудотворный (II, 183)
покорным — черным (II, 275, 286)
покорством — притворство (I, 425)
покою — заревою, зарею, скрою (I, 533), стеною (I, 527), тобою (I, 527), ценою (I, 527)
покоя — героя, земное, зноя
покоях — аналоях
покраснел — предел (II, 117)
покрепче — шепчет (III, 134)
покров — духов
покровы — засовы, снеговой (II, 81)
покручивает — пошучивает (III, 351)
покрыв — взрыв
покрывала — знала, усталый (II, 337)
покрывале — дали, знавали
покрывало — зазвучало, заколдовала, залы, идеала, побежала, проплывало (I, 391)
покрывалом — усталым (II, 144)
покрывают — проникают (I, 11)
покрыл — слепил (II, 87), трубил (II, 87)
покрыт — поглядит
поле — боле, воле, воли, воля, давно ли, доле, неволе
полей — жалей, коней, лебедей, ней, ночей, страшной (III, 79)
полем — поневоле (I, 414)
полет — гнет, забот, пилот, свод (II, 217), ход (III, 290)
полете — повороте
полету — дремоту
полечу — хочу (I, 535)
ползет — поет
ползучей — замучай
ползучем — колочим
ползущий — цветущий (I, 6)
полками — камень
полн — волн
полна — весна, волна, изнурена, луна, одна, она
полно — безмолвный, окно, оно
полноводнее — Господнее
полноводной — свободной (III, 269)
полночи — очи
полны — сатаны (I, 385), старины (III, 314)
полный — волны
половецкий — турецкий (III, 269)
половина — Магдалина
половинных — гостиных
половину — вершину, равнину (II, 48)

половины — мужчины
полог — долог, елок, осколок
пологой — круторогий
положи — освежи
положил — сил (I, 33)
положит — встревожит, тревожит (III, 202)
полон — вошел он, Дон, он
полонил — любил
полоса — голоса, небеса
полосе — красс, росе (I, 313)
полосни — взгляни
полосну — проведу (III, 355)
полосою — косою
полосы — волосы
полотен — плотен
полотне — мне, стране (III, 115), тишине (I, 497)
полу — долу, иглу, полумглу (III, 195), углу (II, 63, 191)
полукруг — вокруг
полукругом — лугом
полумглу — полу
полуночи — очи
полуночной — точно (III, 190)
полуснов — зов
полусонный — осеребранный
полустрадный — прохладный (III, 105)
полутени — растений (II, 158)
полутьме — уме (I, 385)
полутьму — терему (I, 230)
полуувядший — падший
полушу — почему (III, 355)
пол-чела — обняла
полян — святынь (III, 8)
полян — я (I, 209)
полька — несколько
полюбил — застыл, открыл
полюбила — милый
полюблю — погублю, хмелю (II, 75)
полюбя — тебя (I, 361)
полос — боролись
полосом — поясом (II, 218)
поля — воля, журавля, земля, матушка-земля, роли (I, 322), соболя (II, 254)
поляков — пошляков (III, 340)
полями — лесами, плечами
поляне — воспоминаний, желаний, тумане (III, 131)
поляны — туманы (III, 273)
полях — очах, прах (I, 122, 343; II, 77), размах (I, 484), столбах (II, 106), страх (I, 458)
помеха — смеха (I, 154), смехом (I, 417)
помилуй — могилы

помнят — комнат
помогай — забегай
помогал — догнал, пускал (III, 309)
поможет — заложит
помолодело — тело (III, 120)
помолчим — дым
помочь — дочь, ночь, прочь (II, 228; III, 56), служанка-ночь (II, 228)
помысл — промысл (I, 456)
помяни — дни
поневоле — полем
понемногу — дорогу, недотрогой, порогу (I, 443), тревогу (III, 272)
понесем — вздохнем
понеслась — вас, взвилась, завилась, пляс, родилась (I, 418), сорвалась (II, 218), час (II, 204)
понеслись — высь, обвились, родились (III, 376)
понеслось — занялось
понеусь — стремлюсь (I, 449)
понимал — различал (I, 465)
понимали — печали
понимать — опять, услышать (II, 244)
понурий — хмурый (II, 199)
поныне — богиня, пустыню (I, 409), святыни (III, 315), святыня (I, 15, 457)
поняла — влекла, замерла
понятен — пятен (I, 215)
понятий — проклятий (III, 304)
понятна — пятна (II, 153; III, 70)
понятны — невнятный
понятный — беззакатный
понять — болгать, вспоминать, гладь, играть, мать, поймать, принять (I, 215, 216), скрывать (I, 121), узнавать (I, 121)
поп — сугроб (III, 348)
попало — миновала
попасть — украсть (II, 324)
попестрей — побыстрей
попляши — хороши (III, 352)
пополам — временам, дам
поползет — род (I, 485)
поползли — пришли (III, 83)
попросил — голосил
попутной — минутной
попутных — мутных
попы — толпы (I, 281)
пор — актер, бор, мотор
пора — вчера, двора, игра, костра, сестра (I, 473, 474; II, 112), утра (I, 242, 292, 474; II, 314; III, 275)
порастет — идет
поработил — бродил
поработится — мнится

поражен — он
пораженная — сонные (I, 71)
поражены — преклонены (I, 480)
поредел — дел
порог — замок, звонок, ног, прожег, (III, 99), рок (II, 54), строг (I, 487; II, 283), тревог (I, 496)
порога — Бога, дорога, дорогу
пороге — Бога, дороге, тревоге (I, 442)
порогу — дорогу, понемногу
порода — рода (III, 303)
породит — сулит (I, 431)
порой — живой, мной, покой, собой (III, 43), спиной (III, 339), такой (III, 51), тобой (I, 57), чередой (III, 99)
поросла — вросла
порочной — урочный (I, 351)
порою — горою, душою, зарею, мглою, мною, тобою (I, 123, 342), тоскою (I, 412)
порт — горд
портрет — нет
портьер — офицер, пантер
портьера — кавалера
пору — штору (I, 292)
порукой — мукой
по-русски — тусклой (II, 239), узкой (II, 239)
поручены — излучины
порфире — мире
порхал — шептал (I, 381)
порхать — опять
поры — бугры, костры
порыв — забыв, пробудив (I, 53), святых (I, 400)
порывалось — миновалось
порывом — переливом
порывы — переливы, призывы (I, 409), тоскливо (I, 429)
посвятил — любил
посвящал — вставал
посетил — светил (I, 103)
посещать — бежать, ичезать
поскользнулась — подвернулась, растянулась (III, 348)
послав — трав (III, 192)
послала — забрала
посланец — танец (II, 144)
послания — познание
последней — бредни, обедни
последний — обедней, обедни
последних — соседних (III, 319)
послушна — душно
послушной — воздушной, душевой
послушный — душный

послушным — душным
послушный — душных
посмотрите — нити
посох — косах
посошок — гребешок, пастушок,
пегушок
постановили — обсудили
постель — метель, постель (III, 179)
постелью — метелью
постелях — метелях
постиг — крик, миг, язык (I, 96)
постигать — вникать
постный — росный (III, 268)
постой — тобой (III, 353)
постоять — опять
поступить — лоботить
поступью — прорублю (II, 249)
постучись — высь
постучу — хочу (III, 130)
постылый — милой
посуше — уши (II, 324)
посылаю — позволяю
потаенные — зеленые
потекла — купола, числа (I, 100)
потекут — прорвут (I, 335)
потемки — громким
потемнело — глазело
потере — двери, дочери, пещере
потери — двери
потерь — теперь (III, 371)
потерю — верю
потерял — бал, искал, скал (III, 15)
потеряла — искала
потеряно — измерено
потечет — счет (I, 246)
потешим — чешем (II, 112)
поток — цветок (I, 238)
потоком — глубококом
потолком — трудом (II, 191)
потом — поем, царем (II, 112)
потомили — пропльи (III, 273)
потомки — обломки
потомство — вероломство
потонул — гул
потонула — вздохнула
потонуло — захлестнуло
потонуть — грудь, заглянуть, путь (III,
15)
потопил — сил (I, 18)
потревожит — может
потревожу — кожу
потуг — друг
потуже — хуже (II, 281)
потух — дух, пастух, пегух, старух (II,
180)

потуши — души
потушим — нарушим
поутру — ввечеру, миру
похвал — бокал, дышал, молчал
похмельем — весельем
похмелья — веселья
похмельям — весельем
похода — народа
походи — поблуди
походил — пыл (III, 322)
пожож — ложь, пройдешь (II, 198), то ж
(III, 322)
похожий — прохожий (I, 287)
похорон — влюблен, ворон, звон, имен,
озарен, сон (I, 498)
похоронен — он
похоронены — уронены (III, 166)
похотливой — тоскливо (III, 341)
похуже — кружит
поцелуе — ревнуя (III, 20)
поцелуем — волнуем, ночуем
поцелуемся — сутулится (III, 349), улица
(III, 349)
поцелует — любит
поцелуй — струи (II, 211, 215; III, 184,
205)
поцелуй — буржуй, струй (I, 404)
поцелуя — чужа (I, 372)
поцелуях — струях (II, 211)
почешу — полушу
почивать — вздыхать, рыцать (II, 112)
почиет — живет
почки — форточки (II, 139)
почтенный — мгновенный
почудятся — пробудится (I, 135)
пошевелиться — углубиться (I, 247)
пошла — жрала, изнемогла, изошла
пошлет — уснет (II, 314)
пошли — вдали
пошло — русло (II, 130)
пошлом — прошлом (III, 35)
пошлю — усыплю (II, 314)
пошляков — поляков
пошутили — идилий
пошучивает — покручивает
пощаде — взгляде
пощекочу — поколочу
подъезда — звезды
подъемлет — дремлет
подьятым — платом
поэт — бред, вослед, жилет, завет,
кастаньет, лет, нет, обет, ответ,
привет (I, 413), рассвет (I, 421, 479; III,
18), свет (I, 43, 341, 430; III, 116, 321),
сует (I, 398), эстет (III, 164)

поэта — Гамлета, лето, ответа, света (I, 449, 515), согрета (I, 23, 32, 430), сонета (I, 398), эта (I, 424; III, 340), это (III, 128)

поэтом — цветом (II, 100)

поэту — ветром, свету (I, 28)

поэты — обеты

пою — краю, мою, отдаю, свою (III, 302), твою (III, 58)

поют — ждут, приют (I, 37), труд (II, 192)

появление — подозренье

появляется — улыбается (III, 40)

пояс — кроясь

поясом — полюсом

прав — связав (III, 326), узнав (III, 336)

права — голова, лукавый, слова (III, 15, 223), трава (III, 180)

праве — Варшаве

право — Варшава, здраво, нрава

православной — издавна

правых — кровавых

праздний — однообразный

прах — веках, горах, гробах, лепестках, лесах, лучах, небесах, очах, плащах, полях, снегах (I, 77; II, 251), струях (II, 224), тах-тах (III, 353), цепях (I, 5)

праха — страха (I, 520; III, 301)

прахом — страхом (I, 471)

пребудет — блюде

пробываем — расплетаем (II, 44)

превозмогла — крыла

превозмочь — ночь

преграды — взгляды

преграждала — молчала

предала — ждала, обняла, чела (I, 453), числа (I, 344)

предалась — вязь

предам — вам, ночам

предана — имена, она, пьяна (II, 332), струна (II, 204)

преданью — очертанье

преданья — гаданья

предатели — писатели

предвещало — канала

предел — гремел, покраснел, тел (I, 528), умел (III, 156)

предела — тела (I, 462), тело (I, 480)

пределы — поглядела, тело (II, 149)

предзакатная — невозвратные

предложил — пыл (III, 316)

предместье — вместе

предприятиях — изъятья

предстоит — сидит (II, 321), стоит (III, 28)

предтечу — встречу

прежде — надежде

прежней — безнадежной, мятежней

прежние — безмятежнее

прежний — безнадежный

презирала — бокала, засияла

презренно — многопенный

презренье — мгновенье, пенье

презренье — воззрениях, смиренье (I, 456), творенья (III, 72)

преклонены — поражены

преклонюсь — обновлюсь

прекословь — любовь

прекрасен — красен, ясен (I, 450; III, 301)

прекрасна — бесстрастна

прекрасней — бесстрастной

прекрасно — напрасно, напрасны, страстно (I, 436), ясны (I, 423)

прекрасной — напрасной, напрасны, страстной (I, 480), ужасный (III, 194), ясно (II, 218), ясный (III, 371)

прекрасном — страстным (III, 37)

прекрасные — бесстрастные

прекрасный — красный, напрасно, согласна (III, 317), страстно (I, 385), страстной (III, 129), страстный (I, 484)

прекрасным — бесстрастный, красным, молитвенно-бесстрастный, напрасно, причастны (I, 468), страстным (I, 453), ясным (I, 465)

прекрасных — напрасных, страстных (II, 337), ясных (I, 469)

прелестней — песней, песня

прелестной — неизвестный, чудесно (I, 508)

прелесь — шелест (II, 14; III, 236)

прельстишь — горнишь

прельщает — знает

премудрый — златокудрой

преображений — откровений

Преображенья — смятенья (I, 475)

преобразила — разъединило (II, 256)

преодолеть — медь

прервал — сказал (III, 42)

прервет — напролет

прервется — несется

представился — избавился

престолы — глаголы

преступно — неприступно

пречистой — лучистый

прибежал — заржал

прибережий — свежий (I, 228)

прибиты — сердитый (I, 411)

приближение — строение (I, 248)

приближенье — движенье, стремленье
 (I, 440)
 приближенья — сомненья (I, 125)
 прибоем горем, закросм. морем
 прибоем голубос
 прибрежный — неизбежный
 прибытий — открытий
 приведу — расскажу (II, 240)
 привела — сплела (II, 121)
 привет — нет, поэт, цвет (I, 366)
 привета — света (III, 369)
 приветно — безответном
 приветной — заветной, семицветной (II,
 124)
 приветный — семицветной (I, 273)
 привечали — вначале
 привидений — ступеней (II, 43)
 привлек — широк (III, 322)
 привлечет — поет
 приводят — находят
 привольно — довольна
 приволью — болью
 привык — дик, клик, книг, лик, язык (III,
 290)
 привычки — кавычки
 привычно — неприлично
 привычный — обычной
 привязав — обвязав
 приглашали — зале
 приглашен — Байрон, умен (III, 322)
 приговор — взор
 приговором — укором (II, 294)
 пригожей — рожей (III, 362)
 пригожие — Божия
 пригожих — прохожих (II, 328)
 придвинется — опрокинется
 придвинулись — опрокинулись
 приделе — мятели, теле (I, 161), успели
 (I, 161)
 придем — рулем (I, 538)
 придет — гнет, ждет, лед, прядет (II, 34),
 цветет (II, 34), шепнет (III, 182)
 придешь — дрожь, ложь, поймешь
 придешь ли — найдешь ли
 приди — пути (I, 5)
 придорожной — невозможный,
 осторожной
 придорожных — невозможных
 приди — пути (I, 500)
 приду — жду, звезду
 приемли — земли
 прижала — сжала (III, 341)
 прижалась — осталось
 призванье — молчанье
 признаваясь — задыхаясь

признанья — напоминаем
 призорами — взорами
 призрак — знак, так (I, 445)
 призыв — обнажив
 призыва — молчаливо
 призывных — разливных (III, 214)
 призывы — порывы.
 приказанья — свиданья (I, 30)
 прикатил — пил
 прикатят — растратят (II, 45)
 приклонить — отравить
 приключилась — завалилась
 прикован — взволнован, очарован
 прикосновение — вдохновение,
 вдохновенья
 прилетать — тосковать (I, 412)
 прилив — красив, открыв
 прилива — живо, сиротливо (III, 243)
 прильну — усну (II, 7)
 прильнут — падут
 примера — вера
 примерный — верной
 примером — Флобером (III, 323)
 приметить — заметить
 приметы — комета, недопето, светы (I,
 341)
 примиренье — виденья
 примиренья — забвенья
 примечались — замечались
 приму — твоему (I, 234)
 приму я — тоскуя (I, 392)
 примята — раскаты (I, 453)
 примятой — голубоватый, мяты
 приневестилась — Невестная
 принес — вопрос, роз (II, 243; III, 247)
 принесли — уши (I, 535)
 приник — родник (I, 498), старик (III,
 288), язык (II, 160; III, 246)
 принимает — повторяет, уступает (III,
 322)
 принимаю — краю
 приноси — согласи (I, 348)
 приносит — возносит, просит (I, 394)
 приносят — просят (I, 294)
 приношу — гашу
 принципиально — либеральный
 приняла — мгла, увела (I, 516)
 принятый — выпито
 принять — понять
 приобщались — клялись
 припав — трав (I, 306)
 припади — разбуди (II, 277)
 припадут — несут
 приплыл — был
 приподнялся — повстречался

припомяная — цветная (III, 30)
природа — восхода, народы, свобода (I, 92), свободу (I, 450), своды (I, 419, 423)
природе — своде (III, 48)
природной — народной
природой — свободу (I, 467), свободы (I, 36)
природы — годы, свободы (I, 343, 457), своды (I, 343)
присвистом — шелестом (II, 280)
присесть — весть
прискачет — плачет
прислонил — оледенил
прислуги — заслуги
пристало — затесало
присниться — зарница, обратится
пристани — издали
притаился — скрылся (I, 378)
притаясь — внясь
притворе — затворе
притворство — покорством
притворяться — втираться
притон — увлечен
притуши — запороши
приученный — уключины (II, 185)
приучи — лучи
приходил — кадил, плыл
приходит — пароходе, проводит (II, 200)
прихожан — туман (II, 118)
прихожу — ворожу
прихотливо — залива, молчаливо
прихотливой — счастливый (III, 236)
прищепиться — золотится
причален — печален
причастна — подвластна
причастны — прекрасным
прической — папироской
причиной — годовщиной, равниной (II, 51)
причины — вершины, лучины, морщины, мужчины
причуд — суд (I, 195)
пришла — была, крыла, прошла (III, 220), села (III, 370)
пришлец — мертвец
пришлеца — лица
пришли — вдали, земли, поползли
пришлицы — темницы (I, 458)
пришлось — унеслось (III, 156)
приют — взойдут, зовут, поют, сойдут (II, 148)
пробежали — дали
пробудив — извив, порыв
пробудила — изменила
пробудись — исцелись

пробудится — почувдятся
пробуду — чуду (I, 525)
пробудят — осудят
пробужденье — отраженьи
пробужденья — виденье
провал — ковал
провалами — кимвалами
проведем — ином
проведен — сон (I, 80)
проведу — полосну
провели — кули
провести — прости (I, 430)
провидел — обидел
провод — повод
провода — года
проводив — погрузив
проводил — любил
проводили — уложили (I, 235)
проводит — приходит
провожал — зал
провожали — дали, зале, звали
прогалин — печален
прогнать — вспоминать
продавщика — kodak'a (II, 312)
продажной — отважный
продажный — важный
проезжающих — набегających
проехал — эхо (III, 310)
прожог — порог
проживу — канву
прожитой — простой, спой (III, 166)
прожитым — былым
прозвенели — деле
прозвучал — простонал (I, 493), скал (I, 493)
прозвучала — отвечала
прозвучит — молчит
прозрев — зев
прозренья — виденья
происходит — бродит
пойдет — водоворот, наперед, поет, поймет
пройдешь — похож, узнаешь (III, 311)
пройти — идти, изойти, плести, пути (I, 289; III, 198)
проклинали — печали
проклинать — рыдать (I, 437), спать (III, 305), терять (III, 362)
проклятая — сжатая (II, 277)
проклятие — зачатия
проклятий — объятий, понятий
проклятым — крылатым
проклятье — платье, ренегате (III, 340)
проклятия — платье
пролетающий — вставшей

пролетел — онемел
пролетели — метели
пролеток — кроток
пролиты — забытых
прольется — прорвется (I, 400)
промахнет — пропляшет (I, 320)
промедленья — вдохновенье
променял — стал (III, 59)
промысл — помысл
пронес — грез, Христос (I, 225)
пронесла — ждала, зла, легла, прошла
(I, 53)
пронеслись — высь
пронесутся — сольются (I, 371)
пронзенная — освобожденная
пронзил — сил (III, 141)
пронизал — зал, указал (III, 369)
проникают — покрывают
проникнет — никнет
проникновенный — дерзновенной
пронесли — пыли (II, 163)
проносится — запросится
пропав — рукав (II, 75)
пропадет — мелькнет
проплывало — покрывало
проплывет — забот
проплыли — потомили
пропляшет — промахнет
пропоет — блеснет, забот, сверкнет (I,
483)
прорвется — прольется
прорвут — потекут
прорезь — крошь
пророка — востока, срока (I, 318)
пророчат — ночи
пророчит — ночи, хохочет (II, 23), хочет
(II, 275)
пророчь — ночь
прорубью — поступью
просвета — света (I, 506)
просвещенья — движенья
просил — сил (III, 7)
просит — носит, приносит
просится — переносится
просиять — благодать
проскакал — замигал
просквозит — обид
прославлен — направлен
прославленный — оставленной
проснется — бьется, раздается (III, 358),
смеется (I, 470)
прост — рост (II, 65)
проста — та (II, 332), уста (I, 280),
Христа (I, 166, 451)
простая — грозовая, перерывая

простер — взор, гор, костер, хор (I, 68)
простерла — горло
прости — нести, перейти, провести,
пути (I, 45, 352; II, 115; III, 176, 221,
225), унести (I, 13)
простила — смутило (I, 191)
простирать — играть
простить — нить
простишь — наградить
простишь ли — вышли
просто — роста (III, 311)
простой — другой, прожитой. тоской (I,
432)
простонал — прозвучал, скал (I, 493)
простонет — отгонит
простор — двор, костер
просторе — горя, зори, море, моря
простота — уста (II, 65)
пространство — убранство (II, 118)
прострелено — повелено
простыне — мне
простынях — стенах (III, 131)
просят — приносят
проталинке — маленький
проталины — завалены, развалины (II,
12)
протопал — распевал (II, 107)
протяжный — важный, многоэтажный
протяну — весну
профессора — пера
прохладный — отрадно, полустрадный
прохладой — отрадой
прохладу — рада (I, 320)
прохлады — громады, услады (III, 41)
проходи — впереди, подходи
проходил — сил (I, 176), спросил (III,
321)
проходили — говорили
проходило — грустила
проходу — воды
прохожий — несложный, похожий, рожи
(II, 66)
проходим — того же (III, 330)
прохожих — пригожих
прохожу — погляжу
процвети — пути (I, 102)
процветешь — ложь
прочеть — весть, месть
прочитал — наплевал
прочла — прошла (III, 149)
прочли — журавли
прочней — скорей (I, 420)
прочь — дочь, ночь, помочь, служанка-
ночь (II, 228)

прошла — весла, игла, колокола, крыла,
мгла, пронесла, прочла, совлекла (I,
109), стола (III, 65), шла (I, 535)
прошли — вдали, земли
прошло — весло, светло (III, 168), ушло
(III, 183), цвело (III, 289)
прошлом — пошлом
прощали — замечали
прощальной — дальней
прощальную — печальную
прощальный — овалный, печально,
печальный
прощание — стенания (I, 38)
прощанье — негодование, обещанья
прощая — ночная
пруд — замрут, заплетут, тут (II, 63)
пруда — вода, всегда, гряда, навсегда,
чуда (II, 12)
прудам — местам
прудами — лучами, мечтами
пруде — воде
прудов — садов (I, 366)
пруды — звезды
прутьях — распутья (II, 106), распутьях
(I, 217)
прядали — падали
прядет — придет, цветет (II, 34)
пряди — взгляде, наряде
прядь — дышать, ждать
пряжей — экипажей (II, 153)
пряжки — тяжкий (II, 48)
пряжу — стражу (II, 269)
пряла — цвела (II, 44)
прялка — фиалка (II, 32)
пряма — там (III, 334)
пряно — рьяно (III, 127)
прянул — глянул
прясть — страсть (II, 269)
прятки — Святки (I, 308), шапке (I, 308),
шаткий (I, 221)
пряхи — монахи
псалмы — зимы, тюрьмы (II, 75)
псалом — голубом
Псалтирь — ширь (II, 11)
психоз — обоз
псы — косы
птенцы — дворцы
птиц — лиц
птица — десницу, книга, кружиться,
отроковица, ресницы (II, 91, 277),
снится (II, 276), сниться (III, 327),
темницы (II, 337), томится (II, 277),
царица (II, 51)
птицах — страницах (I, 185)

птицей --- багряницей, вереницей,
гробницей, огневицей
птицу --- томится (II, 336)
птицы --- вереницы, границы, денницы,
жницы, зарницы, ресницы (I, 507,
533), страницы (I, 139; II, 245). царицы
(I, 249)
птичий --- девичий
птичьим --- девичьем
пугает --- играет
пугающей --- умирающий (I, 293)
пузырек --- бок
пуночковой --- бедовой, бестолковый
пурга --- врага, сапога (III, 356)
пурпурным --- лазурным
пурпурово-серый --- верой
пускал --- помогал
пускать --- мать
пуст --- куст, уста (I, 73; II, 40, 207; III,
160)
пуста --- уста (I, 319; II, 59; III, 156, 302,
308), Христа (I, 259)
пустая --- глухая, золотая
пусто --- хруста (III, 279)
пустого --- ночного
пустой --- луной, мечтой, мой, покой,
твой (III, 139), тобой (I, 376), чередой
(I, 421)
пустом --- углом (III, 34)
пустота --- уста (III, 278)
пустотой --- красотой
пустоту --- на лету, суету (III, 9), черту (I,
88)
пустоты --- кусты, ты (II, 244; III, 17),
черты (III, 17)
пустые --- глухие, неземные, чужие (II,
266)
пустыне --- богиня, иней, ныне, отныне,
синий (I, 533)
пустыней --- богиней, синей (I, 492),
синий (II, 105), темносиней (I, 291)
пустынен --- невинен
пустыни --- бледно-синий, жгуче-синий,
латыни, отныне, павлиний, святыни
(I, 472), синий (II, 266; III, 11)
пустыне --- невинна
пустынную --- равнинную (I, 265)
пустынный --- недлинный
пустынь --- богинь
пустыню --- поныне
пустыня --- ныне
пустырей --- фонарей (III, 40)
пустырем --- орарем
пустыри --- зари
пустырь --- монастырь

цуть — грусть
путеводной — свободно (I, 420)
путем — бедняком, огнем
путем-дорогой — Бога, убогой (II, 99)
пути — вести, войти, дойти, донести,
занести, идти, изойти, лети, найти,
нести, обойти, перейти, перенести,
приди, придти, пройти, просто,
прочесть, снести (I, 113), снизойти (I,
128), сойти (I, 510), уйти (I, 515),
цвести (I, 454, 482)
путной — уютно (III, 154)
путь — вернуть, взглянуть, вздохнуть,
грудь, забудь, муть, обмануть,
отдохнуть, повернуть, позабудь,
потонуть, развернуть (II, 105),
разомкнуть (II, 7), упрекнуть (III, 151)
путями — знамя, нами
путях — городах
пух — дух, слух (III, 179)
пуховые — глухие, Россия (III, 274),
стальные (III, 356)
пучины — лавины
пучком — волчком
пушек — игрушек
пушинкою — вершинкою
пущу — трепещу (I, 287)
пчел — нашел
пчелой — покой
пчелы — доли
пыл — Ахилл, был, забыл, любил,
наступил, походил, предложил
пылал — искал
пылании — свидания (I, 503)
пылать — вздыхать
пыли — автомобили, вдали, грозили,
дали, запыли, земли, кадили, крылий,
лилий, окрутили, пронесли, следили
(I, 224), текли (I, 467), цвели (I, 319)
пылили — крестили
пылит — сидит (II, 321)
пыль — быть, гниль, ковыль, костыль
пыльный — замогильный
пыльными — могильными
пылью — гнилью, усилья (I, 252)
пылят — солдат (III, 309)
пытаясь — расплываясь (III, 336)
пыток — свиток (II, 338; III, 365)
пышен — слышен (II, 270)
пышный — слышно (I, 9)
Пьеро — пестро, серебро (II, 37)
пьян — тимпан (I, 373), туман (II, 313)
пьяна — весна, вина, жена, одна,
предана, слышна (III, 168)
пьяной — званый

пьяными — ресторанами (II, 185),
туманами (II, 186)
пьяных — румяных (II, 170)
пятак — тоска (III, 194)
пятам — пощадам
пятен — внятен, понятен
пятна — невнятно, невнятны,
необъятный, понятна
пятно — окно
пятою — толпою (III, 52)
пять — братъ, спать (III, 349)

Р

раб — слаб (I, 30, 195, 519; II, 339; III,
301)
раба — борьба, горит, гроба, слаба (I,
138)
рабам — гробам
рабов — готов
рабой — тобой (III, 60)
рабом — крылом, мечом, царем (II, 208)
работа — болото, ворота, забота
работам — болотом
работай — работой (II, 281)
работе — заботе, отлете
работой — заботой, работой
работы — заботы
рабы — судьбы (II, 94, 103, 112), трубы
(I, 316; II, 112)
равен — бесславен
Равенне — бренно
равнина — долина, картина
равнине — долине
равнинную — пустынную
равнинной — долиной, лебединой,
лебединый, причиной
равнину — половину
равнины — машины
равно — вино, одно, окно, смешно (III,
48), темно (III, 39), унесено (III, 168)
равнодушно — душно, душевой
равной — своенравный (I, 348)
равны — старины (I, 419)
рад — аромат, град, громад, закат,
плакат, разврат (I, 371)
рада — гаду, громада, прохладу, сада
(II, 116)
рада нам — ладаном
радели — жалели
ради — тетради (I, 399)
радикальный — печальный
радо — награда, надо, уклада (III, 317)
радостный — сладостный (I, 513)

радость — младость, сладость (III, 195, 377), тягость (I, 359)
рады — надо
раем — расплетаем (II, 112)
раз — вас, газ, глаз, нас, погас, рассказ (I, 437; , 266), угас (I, 98), час (I, 424; III, 81), экстаз (I, 481)
разберет — берет
разбившем — победившем
разбитых — овитых
разбойник — покойник
разбредутся — засмеются
разбуди — груди, припади
разбудил — кампанил
разбудила — всходило
разбудили — уплыли (I, 529)
развалины — завалены, проталины
развей — алей, моей
развернуть — путь
развести — вплести
развилось — волос, унеслось (I, 452)
развито — открыто
разврат — рад
разврата — возврата
развратник — латник
развяжет — скажет (II, 276)
развяжется — скажется (I, 532)
развязана — недосказано
разгадала — искала
разгадана — ладана
разгадать — печать
разгадка — сладко (I, 479)
разгибать — снять (III, 334)
разглядел — тел (II, 189)
разговор — взор, узор (I, 290)
разговоров — взоров
разговором — взором
разговоры — взоры, хоры (I, 422), шторы (III, 311)
разгораться — подняться
разгром — умом (I, 414)
раздавалось — казалось
раздаваться — терзаться (I, 412)
раздается — бьется, проснется, смеется (III, 240)
раздаются — смеются (II, 322)
раздвинешь — кинешь
раздвину — покину, раскину (II, 221)
разделил — кадил, ослепил
разделяя — изнывая
раздольи — подпольи
раздольный — вольный, колокольной
раздолью — безволью
раздуюм — буржуям
раздумий — безумий

разинул — раскинул (III, 311)
разлива — молчаливо
разливной — заунывной
разливных — призывных
разлилось — спалось (III, 108)
разлит -- забыт
различал — понимал, ждал
различать — мечтать
различаю — знаю
различить — жить, нить
разлук — излук, мук, рук (II, 11, 278)
разлуке — звуки, руки (III, 224)
разлуки — звуки, муки, руки (I, 357; III, 207)
разлуку — руку (I, 417)
разлучен — обручен
разлучиться — сниться (III, 107)
разлюбив — залив
разлюбишь — будешь
разлюбя — тебя (I, 66, 244; III, 66)
размах — полях
размахнул — блеснул
размытый — открытое
разнежит — скрежет (II, 59)
разнес — вопрос
разнесет — народ
разнесло — светло (II, 98)
разок — высок, огонек
разомкнуть — путь
разорвала — крыла
разорваться — терзаться (I, 428)
разошлись — выс
раззались — заглядишь, расплетись (II, 241)
разрешаться — называться
разрешилось — длилось
разрушать — подражать
разрушу — душу
разрывалось — казалось, осталась, отзывалось
разрывают — убегают (I, 50)
разрывая — изнемога
разут — лоскут
разъединило — преобразила
рай — закрывай, знай, край
райские — майские
раке — фраке (III, 372)
ракета — рассвета (II, 56)
ракитовый — испытывай
ракиты — убиты (II, 263)
раме — маме
рамой — мамой
рампы — лампы
ран — стан (I, 490), туман (I, 223), ураган (I, 367)

ранам — туманом (I, 322)
ранен — странен (I, 346)
ранит — отуманит
ранний — воспоминаний
рано — романа (III, 318), тумана (I, 6, 275, 448; II, 333)
рану — восстану, стану (I, 387)
раны — Балканы, караваны, тумана (I, 403), туманы (I, 31)
рас — час (III, 360)
раскатом — ароматом
раскаты — примята, смятый (II, 124)
раскаться — маяться
раскачнулась — улыбнулась (III, 370)
раскину — отодвину, покину, раздвину
раскинул — разинул
раскинут — опрокинут
раскол — смол (II, 73)
расколот — молот
раскрывал — ликовав
раскрыть — быть
распалена — истомлена, распалена (I, 365)
распевал — протоптал
расплеснется — смеется (I, 73)
расплетаем — пребываем, раем
расплестись — заглядишь, разразишь
расплещут — трепещут (II, 24)
расплываясь — пытаюсь
распорот — город
распустил — надавил
распустила — оттенила, сибилла (II, 155)
распутьи — лоскутья
распутья — прутьях
распутьях — лоскутьях, прутьях
распухай — край
распущены — опущены
распят — горят
распятый — ратей (I, 362)
распьятем — платье
рассвело — стекло (I, 40)
рассвет — бед, завет, лет, ответ, поэт, рассвет (I, 483), свет (I, 150, 483, 495), человек (I, 278)
рассвета — где-то, завета, ответа, ракета, света (I, 165, 471; II, 13), светом (I, 20), это (I, 448)
рассвете — дети, заметил, рассвете (I, 529)
рассветет — хоровод (II, 282)
рассветом — светом (I, 20)
рассеет — смеет (I, 300)
рассечь — меч
расскажу — бужу, всхожу, приведу

рассказ — раз
рассказано — нерассказанной, несвязанной, перевязана, указано (I, 525)
рассказать — передать
рассталась — оборвалась
расстанется — туманится (I, 266)
расстилает — растает (I, 45)
рассыпьте — Египте
растает — расстилает
растаешь — вдыхаешь
растаял — остерегая, чаю (II, 322)
растворенном — ускоренным (II, 317)
растворилось — скатилась (I, 45)
растений — подутени, сени (II, 40)
растерзатъ — обнимать, слагать (I, 385)
растет — ждет, идет, поймет
растопчи — свечи (I, 315)
растравлять — опять
растратят — прикатят
растрепала — благословляла
растут — минут, уют (III, 316)
растянулась — подвернулась, поскользнулась
растянут — затянут, обманут
расходились — участились (II, 292)
расцвела — крыла
расцвели — земли
расцвело — зло, светло (II, 200)
расцвет — след (I, 103)
расцвета — лето, ответа
расцветала — угадала (I, 448)
расцвете — рассвете
расцвету — недопета
расшались — злясь
расшитый — убитый (II, 197)
ратей — объятий, распятый
рати — объятий
ратной — златолатный
ратный — благодатный
рать — вспоминать, мать, увидеть (I, 530)
раю — знаю, краю, мою, совершаю (II, 339), убью (I, 540), узнают (II, 265)
рая — замыкая, зная, мерцающая, младая, сгорая (III, 55), стая (II, 228)
рванулся — метнулся
рвет — гнет
рвется — несется
рवेश — гнешь
рвуться — качусь
рдели — горели
ребенка — звонко, тонко (II, 286) тонкой (II, 164)

- ребенок — тонок (I, 275; II, 70, 166; III, 325, 327)
- ребенком — звонко
- ребят — плакат, цитат (III, 125), шалят (III, 318)
- ребятишкам — внукам-шалунишкам, шалунишкам (II, 322)
- ребятки — лопатки, шапки (II, 315)
- ребяток — тетрадок (II, 321)
- ревниво — живо
- ревновать — мать
- ревность — гневность
- ревуя — поцелуе
- революционный — неугомонный
- редеет — реет (III, 264)
- редкий — ветки
- реет — редеет
- режет — скрежет (III, 306)
- резвой — трезвый (I, 373)
- реи — феи (II, 55)
- рей — зверей
- резко — блеска, дерзко
- резной — стеной (III, 241)
- резок — отрезок
- резьбе — тебе (I, 74)
- рек — брег
- река — века, старика (III, 118), тоска (II, 130), широка (II, 201; III, 319)
- реками — журавлями
- реке — армяке, вдалеке, осоке, платке
- реки — далеки, навеки, огоньки
- рекой — береговой, голубой, золотой, молодой, мутно-голубой, смолой (III, 153), тобой (I, 99; II, 138)
- рекорд — аккорд
- рекою — душою, рукою (III, 204), тоскою (III, 251, 370)
- ремесло — светло (II, 123)
- ремни — огни
- ренегате — проклятье
- ресниц — вечерниц, границ, зарниц, ниц
- ресницы — зарницы, косице, мнится, птица, птицы, ситца (II, 116), страницы (II, 114), темнице (II, 282)
- ресницы-стрелы — несмелы
- ресторан — декан, туман (II, 204)
- ресторана — тумана (III, 11)
- ресторанами — пьяными
- рестораны — обманы
- ретивых — строптивых (III, 361)
- речами — мечтами, очами, плечами
- речей — очей, стеблей (I, 370)
- речи — встрече, встречи, встречу,далече, навстречу, плечи, свечи (I, 204, 232, 247, 357; II, 180, 198, 326; III, 165, 268)
- речист — плечист
- речки -- овечки
- речною — золотую
- речных — своих (I, 390)
- речь -- беречь, встреч, зажечь, плеч, подстеречь, стеречь (I, 499)
- решают — мешают
- решотки -- четкий (I, 316)
- рая — аллеи
- реял — веял
- реять — веять
- ржавой — Варшавой, костлявой
- ржанье — желанья
- ржи — меж
- риз — вниз, высь, карниз
- ризам — карнизам
- ризах — карнизах, розах (II, 84)
- ризой — сизой (III, 258)
- ризы — карнизы
- Рим — повторим
- ровняет — рыдает (III, 337)
- рога — луга, снега (II, 214, 219, 233)
- рогатки — кадки
- рогатый — горбатый
- род — взойдет, поползет
- рода — порода
- родила — взошла
- родилась — забралась, поклонилась, понеслась
- родились — понеслись
- родимый — любимой, нестерпимой
- родимым — дымом
- родители — богинею
- родная — другая, мая
- родник — принок
- роднике — руке (I, 539)
- роднила — было
- родное — бывшее
- родной — живой, Невой
- родные — стихия (III, 325), хмельные (III, 354)
- родных — них, своих (III, 338)
- роем — аналоем
- роет — завоет
- рождать — знать
- рожден — стон (II, 130)
- рожденная — облеченная, угнетенная (I, 71)
- рожденное — вдохновенно-духовное, духовное
- рожденья — мученья
- Рождестве — синеве (II, 74)
- рожей -- пригожей

рожи -- прохожий
рожок -- рок (III, 80), свисток (III, 275)
роз -- возрос, волос, вопрос, грез, донес,
колосс, кос, мороз, пес, принес, рос (I,
480), слез (I, 201, 410; III, 109), стрекоз
(III, 135), утес (II, 94), Христос (III,
359)
роза -- грезы, слезы (I, 377)
розах -- грезях, ризах
розни -- козни
розно -- грозно
розовой -- ней, теней (I, 298)
розу -- грезы
розы -- грезы, морозы, слезы (I, 333,
374)
рой -- гробовой
рок -- невдомек, порог, рожок
рока -- далека, далекой, издалека,
темноокая (II, 250)
роковая -- иная
роковой -- ворожкой, дневной, землей,
мною, ночной
роковые -- злые, Россия (III, 277)
рочатанье -- дрожанье
Роланда -- команда
роли -- поля
романа -- рано
роняет -- подползает, склоняет (II, 200)
ронять -- пленять, сменять (III, 308)
ропот -- топот (I, 215, 216)
роптал -- искал
роптали -- дрожали
роптать -- вспоминать
ропщи -- ищи
ропщу -- грущу
рос -- колосс, кос, роз, рос (II, 74)
роса -- голоса, леса, небеса
росами -- косами
росах -- откосах
росе -- полосе
росла -- была
рослый -- постный
росой -- мой
росписные -- золотые
Россией -- глухие
России -- вековые, глухие, лесные
Россия -- ветровые, вития, глухие,
мессия, пуховые, роковые
рост -- мост, прост
роста -- просто
росу -- несу
росы -- колосса, косы, красы, часы (III,
242)
рот -- болот, ворот, урод (III, 312)
рояль -- едва ль, печаль

ртом -- плащом
рубашки -- бумажки
рубеже -- меже
рубежи -- мятежи
руда -- звезда
руды -- звезду
ружье -- житье
ружьеца -- лица
рук -- вдруг, звук, круг, разлук, слуг (III,
313)
рука -- близка, Ермака, звонка,
издалека, облака, тоска (I, 184, 284;
III, 70, 341), тростника (I, 415), шелка
(II, 186, 255)
рукав -- пропав, трав (I, 259)
рукава -- голова
руками -- ногами, усами (II, 329)
руках -- веках, впопыхах, клякоах,
кудрях, тенях (II, 242), чепраках (III,
308)
руке -- вдальке, роднике, тоске (III,
138), щеке (III, 54)
руки -- дымки, звонки, звуки, луки,
муке, муки, огоньки, разлуке, разлуки,
скуке (II, 266; III, 93), скуки (I, 521; II,
163; III, 36, 194), смычки (III, 25), стуки
(I, 219, 512)
рукой -- бой, мой, мукой, ночной,
ливной, покой, седой (I, 202),
снеговой (II, 253), собой (II, 225; III,
204), судьбой (I, 286), тобой (II, 96),
трубой (II, 146), упокой (II, 7)
рукою -- душою, косяю, мною, рекою,
собою (I, 281, 371), спиною (III, 28),
тропою (I, 382), чистотою (I, 381)
руку -- внуку, звуку, мука, муку,
разлуку, скуку (III, 327), стуку (I, 283)
рукоплескала -- кричала
рукоплесканий -- тумане (III, 33)
рукоплещет -- блещет
рукопожатье -- платье
рулем -- придем
рули -- земли
руля -- земля, корабля
румян -- туман (II, 141)
румянец -- танец (I, 299; II, 238, 278)
румянца -- танца (I, 299)
румяный -- багряный, странный (I, 367)
румяных -- пьяных
русалкой -- жалкий
русалок -- жалок
русло -- пошло, унесло (II, 85)
русский -- французский (III, 316)
Русь -- бьясь, коснись, сажись (III, 268),
трусь (III, 350)

ручей — очей
рученьки — лучики
ручьём — вдвоём
ручьи — мои, соловьи (III, 242), твои (I, 193; II, 127)
ручья — соловья (I, 411), твоя (I, 300)
рыбаков — маяков
рыдаёт — ровняет
рыдать — вздыхать, кровать, опять, почитать, проклинать, сдержать (I, 406), узнать (I, 392), умирать (I, 408)
рылом — входило
рысак — знак
рыцарь — девицы, рыцарь (II, 242)
рычага — дуга
рыщут — ищут
рьяно — пряно
ряд — взгляд, наряд, оград, плат
рядами — садами (I, 489)
рядком — ничком
рядом — взглядом, садом (III, 174)
ряды — бороды
ряска — тряской (II, 15)

С

саване — гавани
сагу — лягу
сад — взгляд, назад, оград
сада — награда, ограда, ограду, ограды, рада
садами — рядами
садов — прудов
садом — взглядом, рядом
саду — жду, пойду, труду (II, 191; III, 242)
сады — плоды
сажусь — Русь
Саломеи — музее
Саломея — галереи
салон — влюблен
сам — вечерам, городам, зарям, небесам
сама — дома, зима, sinetá (III, 115), терема (I, 74; II, 145), ума (I, 415; III, 215, 325)
самозабвенья — паденья
сами — вами, глазами
самим — громовым, своим (II, 228)
самовар — троттуар (III, 311), угар (III, 155)
самоваром — паром
самого — его, никого
самолюбивый — нивы
самоцветной — приветный

Самсон — истомлен
самый — дамы
сандалий — далей, трепетали (III, 174)
саней — ней, синей (II, 212)
сани — тумане (II, 247)
санями — столбами (I, 312)
сапога — врага, пурга
саркофаги — влаги
саркофагом — оврагом
сарафан — кафтан, туман (III, 370)
сатаны — полны
сберегу — зажгу
сбивался — смеялся (I, 247)
сбудется — чудится (I, 357)
сбылись — выс
свалена — вина
свежа — ножа
свежий — прибережий
свела — замерла
свели — земли
свергни — черни (II, 176)
сверкал — идеал, перестрадал
сверкали — печали
сверканьем — страданьем (I, 339)
сверкнет — блеснет, пропоет
сверкучий — тучи (II, 134)
свершшая — другая
свершенный — бессонный, влюбленный, обнаженный
свершились — забылись, молились, носились
свершилось — укрылась (I, 123)
свершится — царица (III, 46)
свет — бед, бесед, бред, букет, карет, лет, монет, нет, ответ, планет, поэт, рассвет, слет (I, 144, 340, 465; II, 279; III, 137, 174, 214), цвет (I, 257; II, 93; III, 227)
света — где-то, завета, ответа, планета, планеты, поэта, привета, просвета, рассвета, это (III, 85, 309), этой (III, 93)
свете — ветер, встреча, мертвым, сети (III, 91), эти (I, 390)
светел — встретил, заметил, ответил, лепел, петел
светил — любил, ответил, посетил, сил (I, 7, 467; III, 239)
светила — бродила, всходила, входила, кадило, Нила, сила (I, 70)
светилах — милых
светили — изменили
светило — могила, паникадила, уныло (I, 52)
светит — встретит
светиться — веселиться

светла --- была, весела, дела, дотла,
ждала, зла, крыла, лила, мгла, свята
(II, 17), снизошла (II, 17), уста (II, 17)
Светланы --- туманы (I, 154)
светлей --- дней
светлице --- божицы
светлицы --- девицы
светло --- зло, прошло, разнесло,
расцвело, ремесло, стекло (I, 264, 298;
II, 209, 273), тепло (III, 133), ушло (II,
13), чело (III, 337)
светлозмейной --- легкойвейной,
чародейной (II, 221)
светлолик --- невелик
светляка --- издалека
светом --- воздетым, обетам, ответа,
рассвета, рассветом, силуэтом (III, 29),
согретом (I, 459, 469), этом (II, 96, 280;
III, 315)
свету --- одета, поэту
светы --- заветы, кометы, ответа,
приметы
свеч --- меч, плеч
свеча --- горяча, плеча, топча (II, 59)
свечей --- белей, людей
свечи --- встрече, встречи, лучи, мечи,
молчи, навстречу, ночи, плечи,
растопчи, речи, трубачи (II, 60)
свечки --- колечки
свечу --- вручу, зазвучу, кричу, молчу
свидание --- познание, познанию,
шептание (I, 395)
свиданий --- желаний, ожиданий
свидания --- желания, пылании
свиданья --- благоуханью
вспоминанье, мечтанья, приказанья,
скитанья (I, 115), страданья (I, 13, 439)
свидетель --- добродетель
свинцовой --- суровой (II, 38, 263)
свирели --- ели, мели, отзвенели
свирель --- колыбель, кудель, щель (II,
205)
свиреп --- ослеп
свист --- лист
свиснет --- виснет
свисток --- нарек, рожок
свита --- перевита, свита (II, 67)
свиток --- пыток
свищет --- ищет
свобода --- входа, исхода, народа,
природа, свода (III, 134), холодно (III,
350)
свободе --- народе

свободно --- бесплодно, народной,
путеводной, полноводной, холодный
(I, 339)
свободном --- холодном (II, 224),
холодным (III, 70)
свободную --- холодную (III, 145)
свободный --- водной, многоводной,
сродной (I, 476)
свободу --- воду, воды, непогоду,
природа, природой, своду (I, 463)
свободы --- воды, входа, годы,
непогоды, природой, природы, своды
(I, 172)
свод --- болот, зовет, плывет, поет, полет,
цветет (II, 34)
свода --- входа, свобода
своде --- природе
своду --- свободу
своды --- годы, непогоды, природа,
природы, свободы
свое --- жилье, житье, твое (III, 219)
своеволья --- болью
своего --- ничего, твоего (I, 245)
своей --- дней, моей, очей, скорбей (I,
348)
своём --- гумном, огнем
своему --- терему (II, 115)
своеравный --- равной
свои --- мои, струи (II, 24; III, 33, 90), таи
(III, 90), толчеи (II, 106)
своим --- ворожим, недвижим, ним,
палим, самим
своих --- других, речных, родных, тих
(II, 257)
свой --- молодой, покой, тоской (I, 349)
свою --- бою, краю, мою, обовью, пою,
чешую (III, 207)
свысока --- века, кирка
связава --- прав
связан --- заказан, обязан
связь --- перелилась, удалясь (I, 114)
свята --- места, светла, снизошла (II, 17),
черта (I, 353)
Святки --- прятки, шапке (I, 308)
свято --- злата, солдата (III, 308), утраты
(I, 443)
святого --- готовы, слова (I, 424)
святое --- двое
святой --- твой (I, 13), темнотой (II, 118),
тобой (I, 262), фатой (III, 116)
святую --- большую
святым --- моим
святыне --- гордыне, ныне
святыни --- поныне, пустыни, сыне (I,
359)

святынь — полынь
святыня — богиня, поныне
святых — затих, порыв
священной — сокровенный (I, 457, 465)
священных — сокровенных
сгинуть — кинуть
сгниют — труд (III, 125)
сгорала — нашептало
сгораний — тумане (I, 194)
сгорать — плясать
сгорая — внимая, знаю, зная, кружевная,
рая, умирая (III, 151)
сгорела — поглядело
сгореть — сеть (I, 458)
сгорим — огневым
сгорите — нити, томите (II, 278)
сгорю — зарю
сгоряча — плеча
славен — явлен (II, 175)
сдается — смеется (I, 447)
сдвинул — закинул
сдержать — рыдать
се — все
себя — дождя, тебя (I, 270; II, 110; III,
313)
север — веер, клевер
севера — клевера
сегидилья — Эскамилло (III, 233)
сегодня — безысходней
сед — завет
седа — никогда
седина — ясна (II, 101)
сединам — старикам (I, 281)
сединой — головой
седины — весны, сны (I, 298), суждены
(I, 223)
седой — молодой, покой, рукой
седую — врассыпную
седые — былые
седых — неземных
сейчас — глас
секира — мира
сел — дол, зол
села — дала, отдала, пришла
селах — долах
селений — волнений, забвений
селенье — моление
селенья — исцеленья, стремленья (I, 96).
удивленья (III, 135)
семафора — бора
семафоре — море
семена — письмена
семени — времени
семицветной — приветной
семьей — тишиной (III, 314)

семьи --- твои (II, 102)
ссмью --- колею, ладью
семья --- твоя (III, 313)
семя --- время
семячки --- времячко, темячко (III, 355)
сенат --- скрипят (III, 36)
Сената --- заката
сени --- растений, ступени (I, 219), тени
(I, 211, 454)
Сенная --- площадная
сентябре --- фонаре (III, 310)
сентября --- алтаря, заря
сень --- день, тень (I, 52; III, 212)
серафим --- гоним, невредим
серафима --- незрима
серафимы --- зимы, измеримо
сердечко --- колечко
сердечной --- бесконечно, бесконечной
сердечный --- бесконечной
сердито --- копытом
сердитый --- прибитый
сердца --- дверцы, конца, мертвеца,
отца, слепца (I, 319), солнца (II, 227)
сердцах --- гробах, отцах
сердце --- дверце, дверцу, единоверцев,
иноверца, солнца (II, 240), солнце (II,
228, 234, 264)
серебре --- горе, заре
серебрил --- всходил
серебристо-утомленный --- влюбленный
серебристом --- бледно-чистом, чистом
(I, 317)
серебристый --- лучистых
серебро --- перо, Пьеро
серебровездных --- безднах
серебром --- мировом
серебру --- игру
серебряю --- зарю
серей --- грозней
серой --- верой
серб --- ущерб (I, 228; II, 219)
серпом --- горбом, пажом
серы --- гренадеры
серый --- вера, верой
сестра --- вчера, костра, листы, пора,
утра (II, 333)
сестре --- ковре
сестрица --- водицы
сестру --- нутру
сестры --- горы
сети --- дети, свете
сетку --- клетку
сеть --- сгореть
сеча --- навстречу
сече --- плечи

сечи -- встрече, далече
сжала --- прижала
сжалось -- застучалось
сжался -- остались
сжатая --- проклятая
сжатый -- даты
сжег --- глубок
сжечь -- подстеречь
сжимает -- знает
сжималась -- металась
сжимают -- знают
сибиλλα -- оттенила, распустила
сигнал -- замигал
сидевшим -- опустевшим
сидела -- запела
сидит -- предстоит, пылит, скрыт (III, 311)
сидишь -- спишь (III, 76)
Сиена -- измена
сизой -- ризой
сил -- вбил, добрил, дружил, золотил, кадил, крыл, любил, могил, отвалил, погасил, положил, потопил, пронзил, просил, проходил, светил, следил (III, 44), спешил (I, 65), убил (III, 145), учил (I, 424)
сила -- было, вдохновила, затмило, могила, низводила, оглушила, ослепила, светила, убелила (I, 457)
силах -- милых, могилах
силен -- звон, отвален
силой --- милый, многокрылой, могилой, немилый
силою -- милую
силуэт -- берет
силуэтом -- светом
силы -- застыло, кадило, могилы, соединила (I, 448), хватило (III, 368)
сильна -- больна, она, сна (I, 97, 104)
сильнее -- немя, пламеня, скорее (III, 46)
сильней -- соловей (I, 328)
синева -- два, кружева, слова (I, 505)
синева --- две, листве, Нева, Рождестве, траве (I, 357; II, 313)
синева -- листву, наяву, сльву (II, 98)
синева --- головы
синей --- богини, инее, иней, пустыней, саней
синею -- инее
сини --- линий
синие -- линий, линии, скиния (II, 94)
синий -- гордыне, пустыне, пустыней, пустыни
синим --- закинем

синьора -- взоры
синьоры -- горы
сирен -- пен
сиреной --- пеной
сирены -- пены
сирень -- день
сиротливо --- прилива
сирьм -- миром
ситца -- ресницы
сияет -- вопрошает
сиял -- играл
сияла -- бала
сияло -- бывало
сиянии -- мечтания
сияния -- содрогания (I, 365)
сиянье -- молчанье, молчания
сияньем -- дыханьем, содроганье (I, 454)
сияньи -- благоуханьи, желаний, одеяньи, очертаньем, познание
сиянья -- скитанья (III, 341)
скажем -- корсажем
скажет -- развяжет
скажется -- развяжется
скажи -- госпожи
скажу -- бужу, гляжу, сторожу (II, 314)
сказал -- завывал, прервал
сказала -- зала, знала, мерцала
сказаний -- тканей (II, 32)
сказанья -- названья
сказать -- воскресать, терять (II, 200)
сказаться -- бояться
сказка -- ласка
сказке -- ласке, ласки, маске, маски
сказки -- маске, маски
сказкой -- лаской, пляски
сказкою -- ласкою
скакал -- услыхал (I, 215)
скакнуть -- уснуть (III, 266)
скакуна -- весна, зажжена
скакуне -- волне, мне
скал -- бал, вал, взывал, зал, зеркал.
Интернационал, прозвучал, простонал, потерял, целовал (III, 160)
скала -- вознесла
скалами -- волнами, врагами
скале -- земле, мгле
скалистый -- чистый (I, 435)
скалой -- мглой
скалою -- ногою
скалы -- мглы, одичалой, орлы, угалый (I, 350; III, 240), хвалы (II, 88)
скальда -- Уайльда (III, 164)
скамьи --- струи (I, 159)
скагерть --- паперть
скатилась -- растворилось

скачи — хлещи (III, 374)
скважины — важной, влажен
сквере — двери
сквозит — обид
сквозя — стезя (III, 223)
скелет — лег, цвет (III, 361)
скиния — синие
скит — гранит, спит (III, 35), сторожит
(I, 188), шит (I, 366)
скитайся — вальса
скитальцев — пальцев
скитальцу — пальцы
скитальцы — пальцы
скитанья — мечтанья, свиданья
сиянья
скиту — мечту, мосту, черту (I, 536)
складки — загадки, сладки (I, 329)
складок — сладок (II, 105)
склеп — ослеп, слеп (II, 130)
склепе — великолепий, нелепей
склепы — слепы (II, 169)
склоненная — зеленая
склоненной — упоенный (I, 379)
склоненные — бездонные
склоненный — опустошенный
склони — дни
склонила — спустилась (II, 286)
склонись — отзовись
склонит — уронит (II, 241)
склоняет — роняет
склоняясь — вдохновляясь
скован — очарован
скована — взволнована
сковать — украшать (II, 179)
скоком — боком
скользи — стези (II, 249)
скользил — перил
скользит — спит (I, 449)
скользя — нельзя, стезя (II, 257)
скользящий — леденящий
скорбей — своей, страстей (III, 178)
скорблю — люблю
скорбя — тебя (II, 294; III, 70, 361)
скорее — сильнее
скорей — коней, прочней
скоро — взора, взоры, забора,
легкоперой, собора (I, 159), споров
(III, 317)
скорой — собора (III, 114)
скоры — взоры
скорые — взоры я, я (I, 136)
скорый — взоры, метеоры
скрежет — разнежит, режет
скрежещет — трепещет (I, 318)

скрижали — дали, печали, трепетали (I,
175)
скрип — погиб
скрипели — пели
скрипит — бежит
скрипки — улыбки (I, 404; II, 319)
скрипкой — улыбкой (III, 45, 272)
скрипок — улыбок (II, 12)
скрипуучий — певучий
скрипят — сенат
скроем — героем
скромно — вероломна
скромной — темной (II, 82, 96, 237; III,
196)
скромной — томны (II, 49)
скромный — темной (III, 257)
скромных — темных (II, 276)
скрою — мною, покою, тобою (I, 303)
скрывать — мать, молчать, понять,
узнавать (I, 121)
скрылся — притаился
скрыт — сидит
скрытая — ядовитая (I, 523)
скрытый — изрытый, ите (III, 119)
скрытый — открыты
скуден — буден
скудном — чудном (III, 333)
скудную — непробудную
скудный — трудно (III, 327)
скудный — изумрудный, непробудно,
чудный (I, 226)
скуке — муки, руки
скуки — звуки, муки, руки
скукою — близорукая
скуку — руку
скупо — трупы (III, 15), тупо (III, 15)
скучный — докучной
слаб — раб
слаба — раба
слабея — белея
слабый — взошла бы, могла бы
слава — величава, травы (II, 264)
славах — кровавых
славе — оправе
славном — исправным
славой — величавой
славословий — слове (II, 58)
славословят — ловят
славу — нраву
славы — величаво, величавый
слагать — обнимать, печать, растерзать
слагаю — узнаю (I, 280)
сладки — загадки, складки

сладко — загадку, лампадка, разгадка,
солдатка (II, 281, 282), украдкой (II,
282)
сладкой — загадкой, украдкой (II, 328,
414; III, 237)
сладком — загадкам
сладок — складок
сладостный — радостный
сладострастье — счастье (I, 328)
сладострастья — участья (I, 376)
сладость — младость, радость
слева — гнева, королева
след — бед, бред, лет, нет, ответ, расцвет,
свет
следа — беда, вода, города, звезда,
иногда, куда, мечта, стыда (I, 284),
тогда (III, 156)
следил — сил
следили — пыли
следим — дым
следить — жить, нить, усыпить (III, 43)
следом — ведом, неведом, неведомо
следы — воды, звезды, мечты
следят — взгляд
слез — вопрос, грез, роз, Христос (II,
263)
слеза — бирюза, глаза
слезами — камышами, корнями
слезы — впотьмах, глазах, страх (I, 440)
слезы — березы, грезы, грозы, роза,
розы
слеп — склеп
слепа — толпа (II, 256)
слепил — покрыл, трубил (II, 87)
слепили — покатили
слепой — золотой, тобой (II, 130)
слепца — сердца
слепы — склепы
слетел — пел
слетели — цели (I, 190)
слетит — осенит
слились — высь, сплелись (I, 473)
слито — открыто
слиться — насладиться
слишком — мальчишкам
слиянья — незнание
слов — годов, гроб, любовь, миров,
островов, снов (I, 125, 186, 211, 537),
стихов (II, 275), суров (II, 172), сынов
(III, 125), умов (III, 304)
слов — божества, волхва, голова,
готова, едва, жива, кружева, мертва,
молва, острова, права, святого,
синева, снова (II, 24), сова (II, 126),

торжества (I, 82, 311, 528, 534), трава
(II, 127, 274, 359, 360)
словам — губам, площадям
словами — кругами, нами, теремами (I,
319)
словах — глазах, лугах
слове — брови, славословий
слово — земного, ново, новый, снова (I,
469, 497), сурова (I, 425), холодно-
сурова (I, 425)
словом — новым, новым
словцо — лицо
слоге — чертоге (I, 261)
сложил — могил
сложить — служить (III, 351)
слоями — годами
слуг — недуг, рук
слуга — снега (III, 30)
слуги — беги, враги, шаги (II, 158)
служанка-ночь — дочь, помочь, прочь
службы — дружбы
служений — гений
служил — был, жил
служить — сложить
служу — укажу (I, 279)
слух — друг, дух, пух
слуха — глухо, ухо (I, 113)
слухового — воскового
случай — неминуемый
случайно — тайна (I, 465), тайно (I, 41,
502), тайной (I, 82), тайны (I, 412, 526),
тайных (III, 336)
случайны — тайны (I, 28)
случайный — дальняя, тайна (III, 83),
тайной (I, 73, 496)
случайных — тайнах (I, 225)
случаю — гиббая, мучая
случилось — открылось
слушал — купол
слушать — душу, кушать
слыву — синеву
слыла — была
слыхал — звучал
слышен — пышен
слышит — дышит
слышишь — видишь, дышишь
слышна — она, пьяна, страна (II, 91),
чугуна (III, 134)
слышно — пышный
слякоть — плакать
сманила — хоронила (I, 418)
смеет — рассеет
смеется — бьется, взгрустнется, несется,
проснется, раздается, расплеснется,
сдается, шелохнется (I, 154)

смелей — дней, живой, кудрей, темней (III, 156)
смели — неделю
смело — дело, делом, оцепенелой, тела (III, 324)
смелым — белым
смене — видений
сменились — дробились
смену — стену (III, 304)
сменять — пленять, ронять
смертельно — бесцельно
смертельную — метельную
смерти — ветви, чертит (III, 334)
смертной — ответный
смерть — смерч (II, 230), твердь (I, 59, 321, 323, 395; II, 39, 59, 128, 131, 216, 230, 280, 311; III, 307)
смерч — смерть
смесь — здесь
сметь — глядеть
смех — всех, грех
смеха — помеха, эхо (II, 23)
смехом — мехом, помеха, эхо (III, 359), эхом (II, 339)
смешно — дано, равно
смею — вею
смеются — блудце, займутся, раздаются, улыбнутся (II, 328)
смеялся — сбивался
смеяся — вязь, занялась, клоняся, страшась (I, 341)
смеяться — целоваться (I, 521)
смирнен — откровенен
смирненно — вдохновенно, надменный
смирennom — тленном (I, 203)
смирномуудрия — целомудрия (I, 171)
смиренья — презренья
смири — зари
смиритель — обитель
смоет — покое
смог — раскол
смолист — аметист, мглист
смолой — молодой, рекой
смолы — пилы
смотр — одр
смотрел — стрел (II, 260)
смотрели — цели (I, 176)
смотри — зари, умри (III, 285)
смотрю — зарю
смотрящий — непреходящий
смою — волною
срад — назад
смутило — милый, простила
смутной — минутной
смущен — времен, закон, озарен

смущена — видна, луна, окна
смущенный — замороженный
смущены — вышины, глубины, жены
смущены — течение (I, 351), униженья (III, 151)
смысл — числ (I, 66, 193, 344; III, 361)
смысла — числа (I, 249)
смыты — забыты
смычкам — кругам
смычки — руки
смычок — сок (II, 67)
смячена — волна
смят — закат
смятении — успении (I, 504)
смятено — окно
смятенья — Преображенья, сомненья (I, 56)
смятенных — облеченных
смятый — раскаты
сна — весна, вина, глубина, жена, знамена, имена, окна, луна, она, сильна, темна (I, 375), тишина (III, 100), томна (III, 159), убелена (II, 85)
снам — воздам
снами — днями, крылами, нами, цепями (III, 18)
снасти — страсти (II, 55)
снах — глазах, головах
начала — канала, качала
сне — весне, волне, глубине, дне, земле, мне, окне, сосне (II, 98), старине (II, 87), стене (I, 236), стороне (I, 9), стране (III, 103), тишине (I, 431; III, 174)
снег — бег, брег, век, набег, навек, нег, ночлег, снег (III, 171), человек (I, 209; III, 70, 234, 347, 349)
снега -- бега, берега, Вега, врага, долга, жемчуга, омега, рога, слуга, строга (II, 92)
снегами — горами, морями
снегах — временах, домах, лучах, мечтах, прах, трах-тах-тах (III, 359)
снегов — голосов, стихов (II, 330)
снеговая — залетая, запевая
снеговой — главой, землей, мной, Невою, рукой
снеговою — тобою (III, 211)
снеговой — покровы
снегу — лугу, могу, ни гу-гу, шагу (II, 276)
снежинок — инок
снежная — нежное
снежной — нежной, неизбежной
снежном — нежным

снежнооки — высокий
снежные — нежные
снежный — нежной, нежный
снежными — белоснежными
снежных — нежных
снежок — ледок, огонек, ходок (III, 347)
снесено — давно
снести — груди, пути
снидешь — увидишь (II, 96)
снизойти — пути
снизошла — светла, свята, уста (II, 17),
ушла (III, 64)
снилась — мнилось
снимай — май
сниму — тьму (III, 178)
снится — биться, кобылица, мутится,
покориться, птица, таится (I, 90, 511),
темнице (II, 337)
сниться — носиться, погрузиться, птица,
разлучиться, уноситься (III, 13)
снов — готов, листов, слов, стихов (I,
419, 426), цветов (I, 322), часов (I, 396)
снова — былого, голубого, готова,
дымно-голубого, земного, зова, слова,
слово
сновидений — гений, колени, молений,
мучений, тени (I, 100, 106, 107)
сновидения — сомнения (I, 364)
сновиденье — воображеньи
сновиденьем — отраженьем, паденье
сновиденью — пенью
сновиденья — вдохновенье, виденья,
тенью (I, 406)
сновиденьях — виденьем, моленья
сном — кругом, крылом, ночном, окном
сноп — гроб
снопами — кругами
сну — весну, глубину, глубины, загляну
сны — больны, быстрины, весны,
войны, волны, глубины, жены,
Купины, обведены, отражены,
седины, сочтены (III, 80), старины (I,
410, 439; II, 88), стены (III, 118, 267),
стороны (I, 85, 476), страны (II, 88),
суждены (III, 330), тишины (I, 497; II,
110; III, 158)
снять — разгибать
собирались — казались
соблюдал — целовал (III, 322)
собой — глухой, городской, душой,
зной, мглой, ночной, порой, рукой,
судьбой (III, 327)
соболя — поля
собора — скоро, скорой, хора (II, 338)
собору — гору

386

соборы — хоры (I, 187)
собою — волною, гробовою, душою,
звездой, землею, мною, рукою, тобою
(I, 444, 461), толпою (III, 232), тоскою
(III, 252)
собрал — отрав
собрались — ввысь, молись
собрание — зданию
собранию — зданию
событий — нити, умрите (III, 133)
сова — слова
совершаю — раю
совершается — качается
совершенной — мгновенной
совершенство — блаженство
совершил — наделил
совесть — повесть
совиный — вершины, Коломбиной
совиными — луговинами
совлекла — прошла
сову — наяву
совы — вы, засовы, оковы, травы (I, 206)
согласи — приноси
согласна — прекрасный
согласно — безучастно
согрета — лета, ответа, поэта
согретом — светом
согреси — души
содроганий — грани, зданий
содрогания — желания, сияния
содроганье — сияньем
содроганьи — молчаньи
содроганья — очертанья
соедини — огни
соединила — силы
сожалеет — пламенеют, тяжелеет (I, 355)
сожаленья — мировоззренье,
стремленьи (I, 400)
сожжен — сон (III, 106)
сожмет — поворот
сожму — обниму
созвучий — летучий, могучий, певучий,
тучей (I, 522)
созвучья — сучья (I, 241)
создает — восход
создала — была, могла
созданьем — страданьем (III, 89)
созданья — мирозданье, состраданья (I,
12)
созерцать — назвать
сознает — гнет
сознания — воспоминанья, зданья
созреть — гореть
сойдет — восход, поворот
сойдешь — поймешь

сойди — буди
сойдут — приют
сойда — дождя
сойти — пути
сок — смычок
сокровенной — вдохновенной
сокровенный — священной
сокровенных — вдохновенных,
священных
сокровищ — чудовищ (II, 55; III, 83)
сокровище — чудовище (II, 186)
сокрыт — позабыт
сокрыто — забытой
солгу — берегу
солдат — богат, пылят
солдата — возврата, свято
солдатка — сладко, хатка (II, 315)
солдатской — братской, дурацкой
солее — колее
солений — вольный
солнца — сердца, сердце
солнце — оконце, сердце
соловей — аллея, очей, сильней, твоей
(I, 331), тяжелой (I, 197)
соловьев — духа
соловьи — любви, мои, ручьи, струи (I,
399)
соловиный — длинной
соловья — ручья
солومه — доме
сольет — падет
сольюся — стремлюсь (I, 397)
сольются — пронесутся
сомкнешь — умрешь (II, 338)
сомкнуть — вздохнуть, грудь
сомнений — видений, откровений
сомнения — веления, облегчение,
сновидения
сомненье — виденье, поколенья,
спасенье (I, 68)
сомненьи — впечатленья, круженья,
приближенья
сомненья — искушеньем, смятенья
сон — влюблен, времен, заморожен,
закон, затемнен, заточен, звон, клен,
небосклон, окружен, открылен, он,
освобожден, племен, погружен,
поклон, покорен, похорон, проведен,
сожжен, стон (II, 244), трезвон (II,
271)
сонета — поэта
сонная — бледно-зеленая, влюбленное,
зеленая
сонненький — тоненький (I, 301)
сонно-белая — несмелая
сонного — озаренные, отделанная
сонное — влюбленное
сонной — благовонный, колонной.
озаренный, утомленной (I, 483)
сонные — озаренные, пораженная
сонный — благовонный,
благосклонный, зеленый, озаренный,
окрыленный
сонь — конь
соперник — Коперник
сор — взор, ковер
сорвал — догнал
сорвалась — взвилась, понеслась
сорву — трону (I, 9)
сороковой — такой (III, 147)
сороковых — передовых
соседе — детки
соседних — последних
сосен — осень
соси — неси
сосне — сне, тишине (III, 368)
сосну — весну, струну (II, 82), тишину
(II, 75)
сосны — весны
состраданья — оправданья, созданья,
страданья (I, 331)
сотворю — зарю
сотри — замри
сотрут — труд (I, 437)
сохранила — изменило
сохранили — изменили
сохранило — позабыло
сохранить — быть, говорить, окрылить
сохранял — идеал
соцветий — дети
сочетал — хорал (I, 100)
сочтены — весны, сны, стены (II, 183)
сочувствий — грустью
сошел — обрел
сошла — замерла, крыла
сощура — буря
союз — уз (I, 462)
спал — поверял
спала — увлекла (I, 310)
спаленке — маленький
спалось — разлилось
спальне — дальней, дальний,
опочивальне
спальни — дальней
спальной — безначальной, печально
Спасе — завярайся
спасены — жены
спасенье — виденье, волненья,
поколенья, сомненье, спасенья (I, 68)

спасенья — виденье, поколенья,
спасенье, спасенья (I, 68)
спасти — взаперти, унести (III, 145)
спать — брать, поднять, проклонить,
пять
спели — доселе
спеша — душа
спешил — сил
спешит — манит
спи — спи (III, 289), терпи (III, 289, 290)
спине — дне, окне
спиной — порой
спиною — герою, головою, рукою
спину — ложбины
спины — вершины
спиралью — далью
спит — глядит, забит, кипит, молчит,
мчит, озарит, скит, скользит, таит (I,
466), царит (I, 6)
спится — молиться, сребрится (I, 330)
спицы — колесницы
спишь — велишь, крыш, сидишь,
сулишь (I, 338)
сплела — привела
сплелась — взялась, поднялась
сплелись — влеклись, слились
сплело — чело (II, 324)
сплелось — мороз
сплетала — узнала (II, 121)
сплетая — молодая
сплетены — весны, покорены
сплин — доктрин
сплю — лоблю
споет — хоровод (II, 281)
спой — прожитой
спокоен — воин
спокойна — нестройно, стройно (II, 78)
спокойно — знойном, спокойно (II,
246)
спокойною — стройною (I, 358)
спокойны — стройно (II, 174)
сползла — стола (II, 323)
споре — зори
спорим — зорям, морем
споров — корридоров
скоро
споры — взоры, шторы (III, 74)
споря — море
спотыкался — боялся,
поднимался
спроси — неси
спросил — проходил
спросим — осень
спросить — говорить
спруты — всполохнутый

388

спрыгнул — натянул
спугнет — болот
спустилась — склонилась
спустились — шевелились (I, 378)
спутал — окутал
спущу — грущу
спят — закат, назад, объят
спящей — звенящий, струящей (III, 251)
сравнен — он
сравнимой — мимо
сребрится — спится
среброснежной — безнадежной
срезать — гулять
оробею — белее
сродной — свободный
срок — восток, платок, строг (I, 317)
срока — далекой, пророка
сроки — глубоки, строки (III, 90)
срубы — губы, трубы (II, 12)
ставней — давней
ставни — недавний
стад — наряд
стада — вода, звезда, навсегда, никогда,
суда (I, 269)
стадом — надо
стай — край
стакана — стану (II, 192)
стаканов — диванов
стал — очаровал, променял
стала — бывало
стали — дали, кричали
стало — нимало
сталь — даль, жаль, печаль
стальные — глухие, пуховые
стальным — дым
сталью — печалью
стан — обман, ран, стран (III, 211),
туман (II, 267; III, 16, 83)
стана — тумана (II, 86)
стане — брани
станции — зарницей
станом — туманом (III, 251, 302)
стану — рану, стакана
станут — вьнут
стар — пожар, угар (II, 37), фонарь (II,
163)
старается — взывается
старался — государство
старик — крик, лик, приник
старика — века, зрачка, река
старикам — сединам
старики — огоньки
старина — кротка
старине — мне, окне, сне
старинной — невинный

старинном — длинным
старинный — долинный, невинный,
чинный (III, 322)
старины — измождены, полны, равны,
сны, страны (II, 88), ясны (II, 303)
старости — благодати
старость — ярость (II, 59)
старух — потух
старуха — глухо
старушка — избушка, клетушка
старый — ярый (III, 120)
старых — поджарых
статных — необъятных
стая — рая
стволы — хвалы (I, 207; II, 99), хулы (I,
474)
стебелек — высок, детски-высок
стеблей — речей
стебло — колеблю
стегнула — обманула
стеze — грозе
стезей — бой, тобой (I, 329)
стеzeю — мною
стеzi — скользи
стезя — нельзя, сквозя, скользя
стекла — текла (II, 151)
стеклами — блеклыми
стекле — тепле (II, 184)
стекло — рассвело, светло, тепло (I, 294)
стеклом — двором, дом
стеклянном — неустанно
стеклянный — туманный (III, 42)
стеклярус — парус
стен — вербен, Кармен, перемен, плен
стена — вольна, она, письмена, темна (I,
158)
стенами — делами
стенания — прощание
стенах — куполах, простынях, стихах (I,
298)
стене — мне, огне, окне, сне, тишине (I,
302, 432)
стеной — душой, живой, молодой,
резной, стеной (I, 442)
стеною — мглою, покою, тобою (I, 527),
ценою (I, 527)
стену — бесменный, смену
стены — белизны, видны, колено,
нужны, перемены, сны, сочтены,
суждены (I, 516), сны (II, 159)
стеги — цепи (I, 481)
степь — крепь, цепь (I, 220)
степью — цепью (II, 86)
степями — очами
стереги — подожги
стерегла — ушла (III, 337)
стерегли — вдали, кули
стерегут — уют (III, 286)
стеречь — речь
стерла — горло
стерт — чорт (II, 10)
стимер — дыме
стих — жених, моих, твоих (II, 314; III,
141, 175)
стиха — меха, тиха (I, 528)
стихам — мечтам
стихами — жемчугами, нами
стихах — стенах
стихи — грехи, духи, штрихи (I, 390)
стихиру — миру
стихия — родные
стихов — берегов, глупцов, духов, слов,
снегов, снов
стога — берега
стоит — глядит, летит, орбит, предстоит
стойке — тройке (III, 168)
стола — прошла, сползла
столба — гроба, судьба (III, 104)
столбами — санями
столбах — полях
столбе — толпе (II, 157, 173)
столбы — судьбы (II, 168)
столе — земле
столетий — дети, эти (III, 129)
столиков — кроликов
столица — вереница, лица, страница (I,
527)
столицей — деннице, денницей
столицы — девицы, зеницы, лица
столов — голосов, паров
столом — глазком, голубом, щитом (II,
317)
столп — толп (I, 155)
столу — мглу, углу (I, 252)
стон — звон, он, рожден, сон
стонам — амвоном, звоном
стоне — звоне
стонет — тонет (II, 235)
стонов — притонов
стоном — законом, звоном, троном (I,
404)
стонут — тонут (II, 240)
стоны — законы
стопою — мною, толпою (I, 32)
сторожил — дразнил
сторожит — глядит, скит
сторожу — скажу
сторон — зажжен, небосклон, открылен,
усыплен (I, 403)
сторона — струна (III, 188)

стороне — мне, огне, сне
сторонись — оглянись сторонкой —
звонкий, звонкой, тонко (III, 367)
стороны — весны, влюблены, сны, темны
(I, 522)
стоял — зал, шептал (I, 12)
стояла — мало
стоят — наряд
страданий — блужданий,
воспоминаний, терзаний (I, 398)
страданье — молчанье
страданьем — молчаньем, сверканьем,
созданьем, тоскованьем (I, 445)
страданья — воспоминанья, знанья,
мечтанья, молчанья, свиданья,
состраданья
страдать — покарать, угадать (I, 329)
стражду — жажду
стражи — вражий
стражу — пряжу
стран — обман, стан, туман (I, 89; II, 136;
III, 136, 305), ураган (III, 372)
страна — видна, война, жена, окна,
слышна
странами — за нами, нами
стране — мне, полотне, сне
странен — ранен
страница — столица
страницах — птицах
странице — царице (I, 249)
страницу — денницу
страницы — красавице-царице, лицах,
птицы, ресницы, царица (I, 250)
царице (I, 327, 390)
странная — туманная (II, 83)
странней — твоей (III, 369)
странник — изгнанник
странно — Анна, туманно (I, 328),
туманной (III, 13), туманный (I, 372)
странной — туманы (II, 105)
странности — туманности (I, 166)
странные — желанная, туманное (I, 499),
туманные (I, 504, 505)
странный — бездыханна, обуянный,
румяный, туманный (III, 11, 319)
странным — бездыханном, деревянным,
Дон-Жуаном, желанным, карманном
странных — благоуханных, туманных (I,
43; III, 18)
страну — взгляну, тишину (I, 524)
страны — буруны, весны, глубины,
луны, обманы, обречены, сны,
старины, темны (I, 85), туманы (I, 109,
245, 500, 501)

страстей — ветвей, людей, моей,
скорбей
страсти — вести, власти, запястий,
запятье, ненастий, снасти, страсти (I,
363), счастье (I, 131; III, 213), счастья
(III, 210), счастью (I, 526), счастья (I,
363, 441; II, 320), части (I, 131, 433)
страстию — счастию (I, 266)
страстно — напрасна, напрасно,
прекрасно, прекрасный
страстное — красные, неясное
страстной — властной, несчастный,
опасной
страстный — красной, прекрасный,
ярко-красной (III, 316), ясны (I, 114)
страстным — прекрасном, прекрасным
страстных — прекрасных
страсть — власть, пасть, прясть, упасть
(I, 330)
страстью — властью, несчастью
страстям — храм (I, 23)
страстях — облаках
страх — волосах, глазах, звездах, монах,
морях, полях, слезах, ушах (III, 58)
страха — Андромаха, праха
страхом — прахом
страшась — смеясь
страшен — башен
страшна — быстрина, вольна, глубина,
она, тишина (II, 83), холодна (II, 52)
страшней — ночей, полей, чудодей (I,
347)
страшное — вчерашнее
страшных — вчерашних
страшусь — молось
стрекоз — грез, роз
стрел — смотрел, удел (III, 113)
стрела — удила (II, 246)
стрелу — иглу, мглу
стрелы — дни, несмелы, орлы,
оторопелой, хвалы (II, 56)
стремена — весна
стремит — щит (II, 61)
стремлений — вожделений, поколений
стремление — вдохновенье, пенье
стремленья — селенья, сожаленья
стремленья — дерзновенья, приближенья
стремлось — понесусь, сольюсь
стремясь — вас, вися
строг — порог, срок
строга — жемчуга, снега
строгая — дорогу я, я (I, 196)
строгий — трогай (II, 114)
строгих — чертоги (II, 236)

стро́го — берлога, дорогу, тревога (III, 215), тревогой (III, 335)
стро́гой — дорога, тревогой (III, 238), трога́й (II, 245)
строе — земное
строевых — других
строем — другое, покоем
строение — приближение
строение — отраженье
стройна — верна, вина
стройно — покойна, покойны
стройно-бела — зла
стройной — беспокойной
стройную — спокойную
сток — намек
строки — сроки
стоптивных — ретивых
стро́я — голубое
стружки — игрушки
струи — мои, поцелуи, свои, скамьи, соловьи, таи (III, 90), твои (I, 170, 189, 506, 532; III, 175)
струится — длится, кобылица, таится (I, 422)
струй — поцелуй
струн — чугун (III, 341)
струна — весна, луна, предана, сторона, темна (I, 61), тишина (I, 256; III, 217, 324)
струнах — небесах
струне — вышине
струнных — лунных
струну — сосну
струны — лагуны, луны, трибуной (III, 33), холодно (I, 455), юный (I, 455), юным (III, 25, 213)
струя — моя
струями — мечтами, шагами (I, 55)
струях — поцелуях, прах
струящая — восходящая
струящей — спящей
стужа — ужас (III, 29)
стуже — кружев
стужи — ужин (III, 81)
стужу — наружу
стук — друг, звук
стуки — звуки, руки
стуку — звуку, руку
ступать — видать
ступеней — приведений
ступени — иступлений, колени, лени, молений, сени, тени (I, 156, 237, 278, 308, 489, 499)
ступень — день, тень (I, 248)
ступенью — тенью (II, 203)

стучала — отзвучала
стучало — обнимала
стучась — князь
стучит — забыт, звучит, зенит
стыд — обид
стыда — города, звезда, когда, следа, труда (II, 314)
стыдливой — шаловливый (III, 316)
стыдно — обидно
стынуть — отодвинуть
стяга — варяга
стягу — отвагу
стянут — обманут
сугроб — гроб, поп
сугробе — гробе
сугробы — оба
суд — причуд
суда — вода, звезда, стада
судеб — хлеб (I, 292; III, 333)
судьба — гроба, столба, труба (II, 66), ястреба (III, 319)
судьбе — борьбе, мольбе, тебе (I, 196, 391, 420; II, 78; III, 100, 147, 236)
судьбой — злой, рукой, собой, тобой (II, 208; III, 94, 156, 335), трубой (II, 215)
судьбою — тобою (II, 208), тропкою (I, 41)
судьбу — гробу
судьбы — гробы, рабы, столбы, трубы (II, 62, 112)
судьи — люди
суевернее — вечерние
суеверной — вечерней, вечерний, терний (I, 482), черни (III, 24)
суеверной — лицемерной
сует — поэт
суета — мечта, перста, черта (I, 317)
суете — красоте
суетой — золотой
суету — мечту, пустоту
суеты — мечты, ты (I, 186), черты (II, 187)
суется — несетя
суждена — весна, жена, знамена
суждено — давно, дано, дно, одно, окно, оно
суждены — седины, сны, стены
сукно — но
сули — земли
сулила — могила
сулит — породит
сулишь — спишь
сулят — глядят, твердят (I, 524)
супруг — выюг, друг
супруге — выюге

суров — слов, цветов (I, 364)
сурова — готова, готовый, слово
сурово-кроткий — бородкой
суровой — свинцовой
суровом — новом
суровый — здоровой
суровым — Куликовым
суровых — многовековых
сутулятся — поцелуемся, улица (III, 349)
сух — дух
сухарики — карлики
сухой — глухой
сучок — огонек
сучья — созвучья
сушу — душу
существо — божестве
существование — воспоминанья
сущим — грядущем
сфер — вер
сфере — двери
сферой — химерой (III, 332)
сферы — меры
схвачен — назначен
схваченный — назначенный
сходили — были
сходились — определились
схож — дрожь, что ж (III, 321)
схожи — молодежи
схимник — гимны, зимний
схорони — дни
сцене — колени
сцены — переменный
счастью — страстию
счастливой — говорливый, торопливой
(III, 152)
счастливый — ленивый, переливы,
прихотливой
счастливых — нивах
счастье — ненастье, ненастья,
сладолюбье, страсти, участия (I, 12)
счастьем — ненастьем
счастья — ненастья, страсти
счастью — страсти, счастью (I, 409)
счастья — власти, запястья, ненастье,
ненастья, страсти, участия (I, 387)
счесть — весть
счет — комод, поет, потечет
счеты — ноты
читать — печать
сын — господин, один
сына — кручину
сынами — голосами
сыне — святыни
сынов — слов
сыном — тыном (II, 261)

392

сыра — игра, утра (II, 209)
сырого — крова
сырую — былую
сыто — корыто
сюда — вода

Т

та — мечта, немота, проста, цвета (I, 360)
табак — чердак (II, 193)
табун — гунн
табуны — луны
тает — узнает (II, 283)
та ж — блажь
та же — глаже
таи — свои, струи
таим — Твоим (III, 302)
таинственной — единственной,
единственный
таинственный — безлиственный,
единственной
таит — спит
таится — снится, струсит
тайком — вдвоем
тайна — необычайна, случайно,
случайный
тайнах — случайных
тайник — двойник
тайниках — чертах (I, 343)
тайно — случайно
тайной — необычайный, случайно,
случайный
тайны — случайно, случайны
тайный — необычайный
тайных — случайно
так — зрак, призрак
таких — мировых
такой — лесной, мной, порой,
сороковой
таким — окном
таксомотор — вздор
талику — далью
талый — альий, запоздалый
таль — даль, жаль, печаль
там — вам, домам, ночам, прям, храм (I, 164, 237, 504, 535), шекам (III, 337)
Тамаре — пожаре
танец — испанец, посланец, румянец
танца — румянца
танце — глянце
танцовали — дали
танцы — глянца
татар — пожар

татарвою — головою
 тать — внимать
 тах-тах — прах
 тающий — утопающий (III, 162)
 тая — былья, жилья, края, ладья, твоя
 (III, 109)
 твари — фонарик (II, 170)
 твердит — открыт
 твердость — гордость
 тверды — аккорды
 твердынь — закинь
 твердь — смерть
 твердя — уходя (I, 69)
 твердят — гранат, сулят
 твое — воронье, мое, острие, поет, свое
 твоего — его, моего, никого, своего,
 твоего (I, 525)
 твоей — дверей, дней, зверей, моей,
 пожалей, соловей, странней
 твоим — алтарем, вдиоим, поем
 твоему — дыму, приву
 твои — аи, ектеньи, забытьи, змеи,
 ладьи, любви, мои, напои, ручьи,
 семья, струи
 твоим — громовым, дым, зим, моим,
 таим, томим (I, 371), чужим (I, 80)
 твоими — имя
 твоих — вековых, верстовых, грозových,
 жених, живых, затих, лесных, стих,
 чужих (III, 26)
 твой — глухой, душой, мной, огневой,
 пустой, святой, тобой (I, 459)
 творений — вождлений
 творенья — откровенья, повторенья,
 презренья
 творец — конец
 твори — зари
 творца — венца, конца, лица
 твою — бою, краю, мою, пою,
 узнаю (II, 183; III, 226)
 твоя — бытия, змея, края, моя, ручья,
 семья, тая, я (II, 332)
 те — мечте
 тебе — борьбе, ворожке, гульбе, избе,
 мольбе, резбе, судьбе, трубе (II, 166)
 тебя — губя, Кремля, любя, полюбя,
 разлюбя, себя, скорбя, теребя (III, 311)
 те ж — мятеж
 текла — вошла, начала, стекла, тела (II,
 333)
 текли — пыли
 текут — бегут, круг
 тел — дел, предел, разглядел
 тела — дела, предела, смело, текла,
 умерла (I, 472)
 теле — приделе, успели
 телег — бег, ночлег, человек (I, 311)
 тело — белый, бледнела, гудела, дело,
 захотела, помолодело, предела,
 пределы
 телом — белом, белым, делом, уделом
 (I, 462)
 тельца — лица
 теми — время
 темляком — штрюком (III, 308)
 темна — весна, грустна, имена, луна,
 озарена, она, стена, струна, тишина (I,
 330, 375)
 темнее — змеи
 темней — смелей
 темнице — границы, ресницы, снятся
 темницы — зеницы, прищипцы, птица
 темно — давно, дано, окно, равно
 темно vlasый — гримасой
 темной — нескромный, огромный,
 скромной, скромный
 темнокрылой — милой
 темнокудрый — мудро
 темнолицый — вереницы
 темноокая — рока
 темносиней — пустыней
 темноте — Христе (III, 248)
 темнотой — городской, другой, мечтой,
 святой
 темноту — мосту, на лету
 темноты — высоты, мечты, ты (I, 116;
 III, 13, 73, 289), фаты (III, 317), черты
 (I, 336)
 темны — видны, глубины, стороны,
 страны
 темный — огромный
 темных — огромных, скромных
 темячко — времячко, семячки
 теней — дней, ней, пей, розовой, царей
 (I, 469)
 тени — весенний, видений, гений, дни,
 колени, лени, мои, огни, одни,
 осенний, пни, поклонений, сени,
 сновидений, ступени
 тенистой — каменистый
 тень — дверь, день, лень, одень, сень,
 ступень
 тенью — исцеленья, ленью, отдаленьи,
 сновиденья, ступенью, угнетенья (I,
 473)
 теньями — вами, глазами, лучами
 теньях — руках
 Теодорих — взоре, море
 теперь — дверь, поверь, потерь
 тепла — мгла, отдала

тепле — змле, стекле
теплится — треплется (II, 333), шепчется
(I, 171)
теплищ — жриц
тепло — отлегло, светло, стекло, ушло
(II, 321)
теплятся — крестятся
теребя — тебя
терем — верим, измерим, мерим
терема — дома, сама
теремами — словами
теремов — вечеров
теремок — ветерок, голосок
терему — дыму, обниму, полутьму,
своему, уйму (I, 482)
терзал — вал
терзаний — воспоминаний, страданий
терзаться — любоваться, раздаваться,
разорваться
терний — вечерний, суеверней
терновником — любовником
терпеть — петь
терпи — спи
терплю — лоблю
терять — мать, проklinать, сказать
тесен — песен
теснины — вершины, льдины
тесно — известно, неизвестно,
неизвестным
тесной — бессловесный, небесный,
неизвестный
тесноте — красоте
тесный — неизвестный
тесму — тому (III, 233)
тетради — ради
тетрадок — ребяток
теченье — значенье, смущенья
теченья — общенье
теченью — мгновенье
течет — унесет (I, 146)
тешимся — кружимся
тимпан — пьян
тих — иных, их, мирских, них, своих
тиха — греха, жениха, стиха
тихо — лихо
тише — выше, крыше
тиши — души
тишина — бледна, больна, весна, вина,
волна, дана, дна, жена, имена, мутна,
одна, окна, она, письмена, сна,
страшна, струна, темна
тишине — весне, вышине, глубине, дне,
коне, мне, окне, пне, полотне, сне,
сосне, стене
тишиной — больной, семьей

тишину — весну, крутизну, окну, сосну,
страну
тишины — белизны, быстрины, весны,
глубины, луны, опущены, сны
тишь — глядишь, камыш, молчишь
тканей — зданий, сказаний
ткани — брани, длани, мечтаний
ткань — встань
тканью — дланью
тлена — плена
тлений — курений, молений
тленном — смиренным
тленный — мгновенный
тленья — виденья, забвенья, осенний
тлеть — умереть (II, 64)
тобой — вековой, весной, ворожкой,
голубой, громовой, домой, дорогой,
другой, душой, дымно-голубой,
звездой, зной, луной, мной, ночной,
одной, покой, порой, постой, пустой,
рабой, рекой, рукой, святой, слепой,
стезей, судьбой, твой, тобой (II, 324),
толпой (I, 60; II, 156), травой (I, 274)
тобою — ворожкой, голубую, душою,
косою, мною, мольбою, неживою,
ордою, пеленою, покою, порою,
скрою, снеговою, собою, стеною,
судьбою, ценою (I, 527)
товарищ — пожаращ
тогда — всегда, года, езда, звезда,
никогда, следа, туда (II, 76), череда
(I, 436)
того — ничего
того же — проходим
то ж — похож
то же — моложе
той — глухой
ток — одинок, цветок (II, 54)
толк — долг
толкает — вонзает
толки — осколки
толковать — печать
толку — втихомолку
толп — столп
толпа — слепа
толпе — столбе
толпились — ломились
толпится — больнице
толпой — кочевой, мечтой, одной,
тобой, трубой (II, 151, 201), чертой
(III, 306)
толпою — мглою, пятою, собою, стопою
толпу — тропу (II, 53; III, 310)
толпы — гербы, попы, тропы (I, 258)
толчеи — свои

толчок — волчок
том — добром, окном
томи — людьми, уйми (I, 393)
томила — манило
томили — жили
томим — зим, твоим
томима — мимо
томите — нити, сгорите
томится — птица, птицу, учиться (III, 316)
томиться — насладиться
томишь — камыш
томление — пение
томлении — забвения
томлению — дуновение
томленье — пеньи, повторенье, уверенья (III, 84)
томленья — истребленья, успокоенье (I, 345)
томлюсь — боюсь
томна — она
томнооких — далеких
томны — скромной
тому — тесьму
тоненький — сонненький
тонет — стонет
тонкие — звонкие
тонко — звонкий, ребенка, сторонкой
тонкой — звонкой, ребенка
тонок — звонок, ребенок
тонут — стонут
топ — гроб
топор — взор, гор
топором — пером
топоры — костры
топот — ропот, шопот (II, 293)
топча — свеча
торговли — кровли
торгуют — глухую
торжеств — оркестр
торжества — божества, плакун-трава, слова, трава (III, 190)
торжество — его
торжествовать — ликовать
торжеству — листву
торжествую — глухую
торжествуют — ликуют
торжествуя — тоскуя (I, 103)
торопила — было
торопит — копит
торопливой — визгливый, счастливой
торчат — кричат
тоска — близка, века, доска, издавека, пятака, река, рука
тоске — огоньке, руке
тоски — виски, маяки
тоскливее — молчаливее
тоскливо — порывы, похотливый
тоскливый — лживой
тосковал — покидал
тосковали — колдовали, печали
тоскованьем — страданьем
тосковать — опять, прилетать
тоской — былой, людской, простой, свей
тоскою — доскою, душою, порою, рекою, собою
тоскует — чует (I, 430)
тоскуй — негодуя
тоскую — голубую
тоскуя — ликуя, приму я, торжествуя, я (I, 392)
точкой — кочкой
точно — полуночной
тощ — мощь
трав — дубрав, послав, припав, рукав, устав (I, 531)
трава — божества, жива, права, слова, торжества
траве — синеве
травкой — лавкой
травой — глухой, горой, луной, тобой
траву — позову, сорву
травы — вправо, вы, кудрявый, отравы, слава, совы
тра-ля-ля — миндаля
трах-тах-тах — домах, снегах, трах-тах-тах (III, 359)
тревог — Бог, дорог, порог, чертог (I, 339)
тревога — Бога, дорога, дорогу, немного, строго
тревогами — дорогами
тревоге — дороге, дороги, пороге
тревоги — Боге, дороге, дороги, чертоги (II, 221)
тревогой — Бога, дорога, строго, строгой
тревогу — дорогу, понемногу
тревожа — ложа
тревожит — положит
тревожишь — можешь
тревожно — возможно, неосторожным
тревожной — невозможно
тревожный — ложной, невозможный
тревожным — невозможным
тревожных — невозможных
тревожу — ложу
тревожся — вернешья
трезвон — сон

трезвый — резвой
трели — метели
трель — Лель
трелью — веселью
трепет — лепет
трепетала — дышала
трепетали — далей, сандалий, скрижали
трепетанье — молчанье
трепетать — опать
трепете — лепете
трепещет — блещет, скрежещет
трепещу — пушу
трепещут — расплещут
трепляется — теплится
треск — блеск
треске — блеске
трибуной — струны
тризне — жизни
тризной — отчизна
трикраты — заката, злато
трогай — строгий, строгой
Троицы — околицы
тройке — стойке
трона — корона
тронешь — уронишь (I, 156)
троном — стоном
трону — короны
троны — законы
тропами — знамя
тропинкам — былинкам
тропинке — былинке
тропинкой — былинкой
тропоу — головою, голубое, красотою,
луною, мною, рукою, судьбою
тропу — толпу
тропы — толпы
тростника — рука
трость — злость
тrottуар — самовар, фонарь (II, 157)
тrottуара — пара
тrottуаре — паре
тrottуары — бары, пары
труб — губ
труба — гроба, мольба, судьба
трубач — мачт
трубачи — свечи
трубачом — мечом
трубе — тебе
трубит — бежит, летит
трубил — покрыл, слепил
трубой — голубой, золотой, рукой,
судьбой, толпой
трубу — борьбу, гробу, дубу
трубы — беззубый, губы, рабы, срубы,
судьбы, чубы (III, 269)

труд — поют, сгниют, сотрут
труда — всегда, звезда, когда, никогда,
стыда, чужда (I, 31)
трудно — непробудно, скудны, чудной
(III, 328)
трудной — непробудно
трудный — чудный (I, 152)
трудов — городов
трудом — горбом, потолком
трудолюбивой — неторопливо
трудю — саду
труды — звезды
труп — глуп, губ
трупа — тупо (III, 373)
трупы — скупю, тупо (III, 15)
трус — Русь
тряской — ряска
тугих — грозových
туго — друга
тугой — нагой
туда — звезда, навсегда, никогда, тогда
тужит — кружит
тужить — кружить
туз — картуз
туман — аэроплан, балаган, бурьян,
диван, Дон-Жуан, обман, океан,
прихожан, пьян, ран, ресторан,
румян, сарафан, стан, стран, ураган (I,
484)
тумана — бурана, Корана, океана, рано,
раны, ресторана, стана
туманам — бурьянам, мирьянам
туманами — пьяными
туманах — Балканах, океанах
тумане — брани, бурьяне, встанет,
герани, диване, желаний, желанье,
заране, лобзаний, манит, мешане,
няня, океане, очертанье, поляне,
рукоплексаний, сани, сгораний,
тумане (III, 206)
туманит — манит
туманится — расстанется
туманная — странная
туманно — безжеланно, странно
туманное — желанная, странные
туманной — венчаный, желанны,
странно
туманности — странности
туманною — желанною
туманны — оловянный
туманные — странные
туманный — багряный, желанный,
стеклянный, странно, странный
туманных — благоуханных, странных

туманом — багряным, несказанным,
океаном, ранам, станом
туманы — багряный, обманы, океаном,
океаны, поляны, раны, Светланы,
странной, страны, ураганы (I, 53, 475)

туп — губ

тупик — миг

тупо — глупо, скупо, тупа, трупы

тупость — глупость

турецкой — половецкий

тусклой — по-русски, узкой (II, 239)

тут — идут, плывут, пруд, чтут (III, 373)

туч — луч

тучам — певучим

тучах — кручах, певучих

туче — певучей

тучей — певучий, созвучий

тучек — ключик, лучик

тучи — бел-горючий, горючий, круче,
кручи, могучей, могучи, могучим,
сверкучий

тучных — звучных

ты — винты, высоты, дремоты, заветы,

звезды, клеветы, красоты, кресты,

кусты, листья, мацты, мечты, мосты,

мяты, обеты, персты, пустоты, суеты,

темноты, ты (I, 500; III, 259), цветы (I,

152, 353, 364, 493 504, 506, 510, 515,

533; II, 111, 205, 282; III, 108), черты (I,

94, 107, 149, 232, 274, 357, 358; II, 100,

280, 326; III, 17, 106, 254, 301, 310,

321), четы (I, 519), чистоты (I, 62; II,
107), чисты (III, 52), щербатый (III,
174)

ты ли — могиле, озарили, плыли

ты ль — костыль

тыном сыном

тычет — кличет

тьма — дома, кайма, тюрьма (III, 259),

ума (I, 67, 181, 190; II, 281; III, 301,

340)

тьме — холме (I, 337)

тьму — ему, корму, нему, сниму, уму
(II, 322)

тьмы — зимы, мы, тюрьмы (II, 61)

тюрьма — дома, тьма

тюрьму — ему, моему

тюрьмы — мы, псалмы, тьмы, тюрьмы
(II, 84)

тягость — радость

тяготою — голубою

тяжел — мол, осел

тяжелая — веселая

тяжелее — веет, сожалеет

тяжелей — соловей

тяжелой — веселой, веселый

тяжелые — веселые

тяжелый — веселый

тяжкий — пряхки

тяжко — бедняжка

У

Уайльда — скальда

убегают — разрывают

убегающим — вздыхающем

убелена — она

убелила — сила

убийстве — кисти

убил — закрутил, любил, сил, ходил (I,
229)

убит — говорит

убиты — ракиты

убитый — копыга, плиты, расшитый

убить — жить, нить

убогой — дорогой, путем-дорогой

убор — шатер (I, 207)

уборе — взоре

убрала — могла

убранство — пространство

убью — люблю, раю

увекочить — вочеловечить

увела — колокола, приняла

уверен — двери

уверенья — значенье, томленья

увидал — знал

увидать — гладь, желать, опять, рать,
час (II, 187)

увидеть — возненавидеть

увидишь — снидешь

увлекла — мгле, спала

увлекли — земли

увлечен — притон

уводишь — нисходишь

увялых — усталых (I, 395)

увянуть — воспрянуть

угадал — внимал

угадала — расцветала

угадать — страдать

угар — пожар, самовар, стар

угас — раз, час (I, 262)

угасает — узнает (I, 87)

угасали — лежали

угасая — задевая, ночная

угла — бела, ветла, мгла, подползла

углам — утрам (I, 308)

углах — бурунах

углей — кудрей, царей (II, 112)

углом — о чем, пустом

углу — иглу, мглу, полу, столу
углубиться — пошевелиться
уголек — дымок, царек (II, 113)
угольки — огоньки
угнетенная — рожденная
угнетеньи — забвеньи
угнетенья — тенью
угроз — грез
угрюмо — думе, думой
угрюмом — думам
угрюмый — думой, думы
удаленький — маленький
удалых — других
удалась — связь
удар — пожар
удара — дара, пожара
ударам — чарым (III, 244)
ударом — недаром
удары — кары, пожары
ударю — карий
удачу — заплачу
удвоил — достроил
удвоился — успокоился (I, 500)
удел — звенел, стрел, хотел (I, 368)
уделом — телом
уделя — земля
удивленья — виденья, исцеленья,
селенья
удивляться — встречаться
удила — стрела
ужален — печален
ужас — стужа
ужасна — напрасно
ужасный — прекрасной
ужасным — атласным, безучастным,
красным, червонно-красным (III, 230)
ужасных — неясных
уже — чертеже (III, 138)
ужин — стужи
уз — союз
узды — крестцы
узкой — по-русски, тусклой
узнав — прав
узнавали — укрывали (I, 210)
узнавая — воскресая, умирая (I, 498)
узнавать — летать, понятие, скрывать
узнает — тает, угасает
узнается — улыбается (I, 272)
узнаешь — истаешь, пройдешь
узнал — бежал, идеал, целовал (I, 417)
узнала — сплетала, целовала (II, 114)
узнали — блуждали
узнать — обнимать, плясать, рыдать
узнать я — обьятья

узнаю — змею, краю, мою, слагаю,
твою, чаю (I, 540)
узнают — раю
узор — взор, забор, разговор, шгор (III,
56)
узорном — черном (III, 108)
узорными — иссиня-черными, черными
(III, 176)
узорных — упорных (II, 97)
узрев — облетев
уйдет — вот, плывет
уйми — томи
уйму — пойму, терему, уму (I, 457)
уйти — пути
укажет — вяжет
укажи — госпожи
укажу — служу, услезу (I, 148)
указал — пронизал
указано — нерассказанной,
несвязанной, рассказано
указанья — изгнанья
укачала — зала, запятнала
уклада — радо
уключины — приученный
укоleshья — молишья
укори — зари
укором — взором, приговором
укоры — взоры
укорять — выгнать
украдкой — загадкой, сладко, сладкой
украсть — попасть
украшало — начало
украшать — вспоминать, сковать
украшен — башен, нестрашен
укрепил — могил
укроет — воет
укроти — закури, обрати, опусти
укротить — любить
укроют — откроют
укрывали — узнавали
укрыл — крыл
укрылась — свершилось
улеглась — час (II, 22)
улетали — дали
улета — внимая
улетели — колыбели, цели (II, 57)
улететь — кипеть
улетим — дым
улетят — взгляд
улечу — шепчу (I, 180)
улица — поцелуемся, сутулится
уложили — проводили
улыбается — появляется, узнается,
шатается (II, 277)
улыбаюсь — поклоняюсь

улыбкам — зыбком
улыбки — гибки, ошибке, скрипки
улыбкой — гибкий, зыбкий, зыбкой,
скрипкой
улыбнись — вниз, высь, очнись
улыбнулась — раскачнулась
улыбнись — оглянись
улыбнуться — смеются
улыбок — скрипок
ум — дум, шум (I, 391)
ума — дома, сама, тьма
уме — полутьме
умел — предел
умереть — глядеть, гореть, погореть,
медь, тлеть
умерла — была, ждала, зеркала, легла,
могла, тела
умею — владею, чародею (III, 254)
умен — Байрон, приглашен
умиленьи — воскресеньи
умирает — достигают, покидают
умирать — знать, карать, мать,
отогнать, рыдать
умирающий — пугающей
умирая — сгорая, узнавая
умны — вознесены, войны
умов — миров, слов
умолк — щелк (II, 256)
умом — врагом, огнем, разгром
умрем — вдвоем, идем
умрет — болот, вперед, высот
умрешь — дойдешь, сомкнешь
умри — зари, смотри
умрите — событий
умру — костру, на юру
умрут — живут
уму — ему, пойму, тьму, уйму
умчала — встала
умчало — алый
умчи — мечи
умы — мы
унес — вопрос, колес
унесено — равно
унесет — падет, течет
унеслись — высь
унесло — русло
унеслось — развилось, пришлось
унести — прости, спасти
унесусь — опьянюсь
университета — Бекетов
унижение — вдохновенье
униженьи
смущеньи
униженный — замороженный
униженьи — вдохновенья

уничтожена — облагорожена
уничтоженьем — мгновеньем
уничтожит — может
уносились — открылись
уноситься — сниться
уныла — могила
уныло — мило, могила, светило
унылый — могилы
упадала — погибала
упадет — крот
упал — молчал
упала — повторяло
упас — иконостас
упасть — страсть
уплывешь — ложь
уплыву — наяву
упльили — разбудили
уповать — ждать
упоенье — наслажденья
упоеньем — забвеньям
упоенья — вдохновенье, мгновенья
упоенья — мгновенье
упоенный — склоненной
упоительна — мучительно
упокой — рукой
упорно-дерзкий — занавески
упорною — горные
упорный — черной (II, 163), черный (I,
22; III, 75, 103)
упорных — узорных
управляла — догорала
управляя — насылая
упразднена — она
упрек — намек
упрекнуть — путь
упрочен — отточен
упрямый — дамы
упыри — зари
ура — буфера, вчера, двора, утра (III,
306)
ураган — обман, ран, стран, туман
урагане — грани
ураганы — туманы
Урал — интеграл
урне — лазурней
урод — рот
урок — пастушок
уронены — похоронены
уронив — позабыв
уронит — склонит
уронишь — тронешь
уроню — охраню
урочный — порочной
усаами — крестами, руками
усильем — могила

усилии — пылью
усилья — крылья
ускользала — либералы
ускоренным — растворенном
успада — надо, отрада
услადой — оградой
успяды — громады, прохлады
уследить — любить
услежу — якажу
услыхал — скакал
услыхали — молчали
услыхать — опять, понимать
уснет — пошлет
усни — дни
усните — нити
усну — волну, прильну
усну — грудь, забудь, кто-нибудь,
скакнуть
успели — колыбели, приделе
успении — смятении
успокоенье — исцеленье, томленья
успокоился — удвоился
успокою — землею
уст — пуст
уста — глаза, красота, мечта, проста,
простота, пуста, пустота, светла,
снизошла, чиста (I, 402), Христа
(I, 187; III, 82, 114, 206)
установ — трав
установать — читать (III, 327)
установало — запоздало
устала — забрало
устали — зале, перестали
устало — мало
усталой — алой, запоздалый, одичалый
усталом — альым
усталость — алость, жалость, малость
усталый — запоздалый, покрывала,
скалы
усталым — жалом, желало, покрывалом
усталых — малых, увялых
устанет — взглянет, канет
устанешь — манишь
устах — камышах
устели — земли
уступает — повторяет, принимает
уступая — младая
утайки — хозяйки (III, 320)
утиес — роз
утешенья — мученье
утиши — души
утоленный — замороженный
утоля — земля
утомлен — звон
утомлено — окно

утомленной — сонной
утомленный — влюбленный
утомясь — шевелясь (I, 181)
утопающий — тающий
утра — вчера, двора, добра, костра,
пера, пора, сестра, сыра, ура
утрам — углам
утрат — закят
утрата — заката, когда-то, чревата (I,
31)
утраты — свято
утренних — заутрене
успить — следить
усплен — сторон
усплю — пошло
ухо — слуха
уходи — буди, груди
уходила — вступила
уходило — было
уходя — дитя, дождя, твердя
уча — плача
участились — расходились
участья — запястья, Лиллас-Пастья,
сладострастья, счастье, счастья
учил — сил
учиться — томится
ушах — страх
уши — посуше
ушла — дела, ждала, изнемогла, могла,
нашла, снизошла, стерегла
ушли — земли, принесли
ушло — прошло, светло, тепло
ущелье — веселье
ущелья — веселье
ущельям — весельем
ущерб — серп
уют — зовут, растут, стерегут
уюта — минута
уютно — мутной, путной
уюты — лютоты

Ф

фант — бриллиант
фата — чернота (I, 60)
фатой — бедой, святой
фатою — красотою
фаты — темноты
федераций — облигаций
феи — реи
фей — очей
фиалка — прялка
фигурки — жмурки
филины — обессилены

флаг — благ, враг, знак, маяк, мрак,
червяк (I, 264), шаг (III, 358)
флаги — влаги
флагом — магом, шагом (III, 358, 359)
фланги — ангел
Флобером — примером
флот — вот
флогарки — жарки
фонаре — сентябре
фонарей — дверей, моей, площадей,
пустыррей
фонари — зари
фонарик — твари
фонаря — заря
фонарном — благодарном
фонарь — встарь, гарь, звонарь, стар,
троттуар, царь (II, 39; III, 109)
форели — Бореля
форточки — почки
фрак — дурак, колпак
фрака — брака, мрака
фраке — браке, знаки, раке
франты — куранты
Франциска — записка
французский — русский
фрегате — основатель
фурий — бури
фьорды — герольды

Х

халат — блестят
халате — закате
хам — нам
хаос — волос, неслось, облекалось
хатка — солдатка
хвала — дотла, игла, крыла, мгла, хвала
(II, 152), числа (II, 152)
хвалами — дарами, крылами
хвалы — мглы, орлы, скалы, стволы,
стрелы
хватило — было, силы
хвост — вопрос
хвостатой — заката
херувима — гонима
херувимы — различимы
хильй — милый
химерой — сферой
химеры — манеры, меры, пещеры
хитон — он
хлада — надо
хладной — беспощадно, беспощадный,
жадно, нещадно
хладнокровно — чиновный (III, 315)

хлеб — судеб
хлеба — небо
хлебе — жребий, небе
хлев — чрев (II, 180)
хлестать — мать
хлесткий — перекрестке
хлесну — жену
хлещи — скачи
хлопочет — хочет (III, 45)
хлопушки — игрушки
хмелей — веселий, карусели, кудели,
метелей
хмелем — метелям, неделям
хмель — земель, кудель, метель
хмельна — окна
хмельной — водой
хмельном — запредельном
хмельны — бледны
хмельные — родные
хмелю — люблю, полюблю
хмурая — бурая
хмурый — понурый
хмуря — буря
ход — лед, полет
ходах — впотьмах
ходил — убил
ходила — блудила, носила
ходит — водят
ходок — ледок, снежок
ходячей — клячи
хожу — бужу
хозяйки — утайки
холера — офицера
холмами — шагами (I, 215)
холме — тьме
холмов — голосов
холмом — дом, заревом
холод — голод, заколот, молод, молот
холода — всегда, золото, молодо
холодело — болела
холодна — быстрина, влюблена, вольна,
глубина, одна, страшна
холодно — свободы
холодно-сурова — слово
холодном — бесплодна, свободном
холодную — свободную
холодны — струны
холодный — бесплодно, голодный,
свободной
холодным — свободном
холодных — бесплодных
холодок — огонек
холодом — молотом
холодя — обходя
холопы — Европы

хор — взор, гор, костер, простер, хор (I, 68)

хора — собора

хорал — взывал, сочetal

хоре — взоре, горе, море

хоронила — сманила

хоронили — могиле

хороню — броню

хороша — душа

хорошела — пела

хороши — попляши

хоры — разговоры, соборы

хоровод — взойдет, лет, рассветет, споет

хороводы — народы

хором — взором

хоромы — истомы

хотел — долетел, запел, звенел, удел

хотела — дела, кипела

хотят — шелестят (I, 476)

хохот — грохот

хохотал — задрожал, кричал

хохотала — зарыдала, отдыхала

хохотать — опять

хохочет — мочит, ночи, пророчит

хохочешь — хочешь (III, 211)

хочет — пророчит — хлопочет

хочешь — ночи, хохочешь

хочешь все — воротисься

хочу — молчу, полечу, постучу

храм — берегам, богам, вам, вечерам,
глазам, голубям, дням, краям, местам,
мечтам, нам, ногам, страстям, там

храме — дарами, дворами

храмы — дамы

хранили — плыли

Хранительница-Дева — напевы

хранить — говорить, любить

храню — броню

храня — дня, меня, огня

хребту — на лету

хриповатый — латы

Христа — врата, места, мечта, проста,
пуста, уста

Христе — высоте, темноте

христианином — Единым

Христос — пронес, роз, слез

Христу — высоту

хруста — пусто

хрустале — крыле

хрустали — вдали, дали

хрустальной — дальней

хрустальный — зеркальный,

первоначальный, печальный

хрустящий — звенящей

хрящ — плащ

худо — добуду

хуже — лужи, потуже

хулений — колени

хулы — стволы

Ц

цапли — капли

царевна — напевно

царевне — древней

царевной — гневный

царевны — безгневны

царей — кудрей, теней, углей

царек — дымок, уголек

царем — поем, потом, рабом

царила — победила

царит — кипит, молчит, озарит, спит

цариц — багряниц, бледнолиц, гробниц,
колесниц

царица — зарница, птица. свершится,

страницы

царице — страницы

царицей — вереницей

царицу — границ

царицы — багряницы, денницы, птицы,
странице

царственно-чугунный —
многострунный

царь — встарь, гарь, фонарь

Царьграда — парада

царю — зарю

царя — заря, зря

цвела — зла, пряла

цвели — дали, замели, пыли

цвело — прошло

цвести — пути

цвет — вслед, лет, нет, привет, свет
скелет

цвета — лета, та

цветам — звездам, нам

цветами — глазами, мечтами

цветак — небесах, плечах

цветет — плывет, придет, прядет, свод

цветка — близка, века, врага, низка,
платка

цветки — жги

цветком — златом, конем

цветная — припомяная

цветной — землей

цветным — иным

цветов — веков, громов, домов, зов,
снов, суров

цветок — венки, изнемог, намек,
одинок, платок, поток, ток

цветом — поэтом
цветочки — листочки
цвету — высоту, на лету, мосту
цветущий — ползущий
цветы — высоты, заперты, красоты,
листы, доскуты, мечты, персты, ты,
черты (I, 350), четы (I, 400)
цели — зазели, метели, отлетели,
слетели, смотрели, улетели
целовал — называл, скал, соблюдал,
узнал
целовала — втоптала, узнала
целовали — печали, шептали (I, 243)
целовать — дышать, опять, отвечать
целоваться — смеяться
целомудрия — смиренномудрия
ценим — лени
ценою — покою, стеною, тобою
цены — стены
цепеньье — вдохновенья
цепи — степи
цепь — степь
цепью — великолепью, степью
цепями — нами, пажами, снами, шагами
(I, 219)
цепях — кудрях, прах
церквах — веках
церковной — греховной
церковные — любовные
цитат — ребят
Цуниги — книги
Цусимой — необозримо
цыган — балаган
цыгане — океане

Ц

чад — задрожат
чада — ада
чадила — будила
чадры — горы
чар — загар, пожар
чарами — пожарами
чародейной — легковейной,
светлозмейной
чародею — умею
чары — пожара
чарым — ударам
час — вас, глаз, иконостас, нас, погас,
понеслась, раз, рас, увидеть, угас,
улеглась
часам — ночам
часами — голосами
часов — веков, готов, домов, снов

часом — атласам, гласом
части --- власти, страсти
часы -- косы, красоты, росы
чаша --- наше
чаши --- наши
чашу --- вашу, краше
чаш --- плащ
чаще --- чаще (I, 206)
чаю — растаял, узнаю
чего — его, моего
чего-то — пехота
чела --- вожгла, зажгла, мгла, предала
челе — земле, мгле
челн --- волн
челнок --- глубоок
челны --- волны
чело --- доцвело, светло, сплело
человек — век, навек, рассвет, снег,
телег, человек (I, 308)
человека — века, отвика
человечьей — плечи
чему-то — минуты
чепраках — руках
чепухую — меховую
червонно-красным — ужасным
червяк — флаг
чердак — табак
чердаков — кабаков
череда — никовело, тогда
чередой — порой, пустой
череду — бреду
черная — покорная
чернее — виднее, звончее
чернеется — виднеется
чернели — пламенели
черни — свергни, суверней
чернобровушку — воробышком,
заснобушку, кровушку
черной — нерукотворный, покорный,
упорный
черном — горном, позорным, узорном
черномазым — глазом
черноокой — высокий, глубоко
чернота --- высота, фата
черный — позорный, покорный,
упорный
черным — горном, покорным
черными — узорными
черта --- святая, суета
чертах — тайниках
черте --- мечте, чистоте (I, 39), щите (I,
530)
чертеже --- уже
чертей --- детей
чертит --- смерти

чертог — Бог, дорог, тревог
чертога — Бога, много
чертоге — слоге
чертоги — боги, дороги, строгих,
тревоги
чертогом — Богом
чертогу — Богу
чертой — золотой, мной, толпой, чужой
(I, 131)
чертою — красотою
черту — высоту, мечту, пустоту, скиту
черты — высоты, красоты, листья,
мечты, пустоты, суеты, темноты, ты,
цветы
чертя — дитя
чертями — ворожеями
честен — месте
чести — мести
четкий — решотки
четы — мечты, ты, цветы
четыре — шире (III, 136)
чешем — потешим
чешуи — змеи
чешую — свою
чешуя — змея
чинною — длинною
чинный — старинный
чинных — гостинных, невинных
чиновный — хладнокровно
чиновных — невиновных
чину — кручину
числ — смысл
числа — дела, дотла, игла, извела, легла,
мгла, потекла, предела, смысла, хвала
числи — мысли
число — мысли
чист — лист
чиста — красота, листа, мечта, уста
чиста ты — заката
чистом — серебряном
чистоте — высоте, красоте, нагоде,
черге
чистотою — рукою
чистоты — высоты, красоты, мечты, ты
чисты — ты
чистый — кремнистый, скалистый
чистым — лучистой
читали — дали
читать — уставать
чорт — стерт
чрев — хлев
чревата — утрата
чреду — найду
что ж — схож
что ли — воля

что ль — изволь, контроль
что-нибудь — грудь
что-то — ворота, забота
чтуг — тут
чубы — трубы
чувства — искусства, искусство
чугун — болтун, струн
чугуна — слышна
чугуне — коне
чугунной — лунной
чугунный — безлунный, многострунный
чуда — груди, пруда
чудак — мрак
чудаком — зовем
чуде — груди, люди
чудес — лес, небес
чудесен — песен
чудесней — песне, песней, песня
чудесно — прелестной
чудесный — древесной, небесной
чудится — сбудется
чудной — непробудной, трудно
чудном — скудном
чудны — многотрудной
чудный — непробудный, скудный,
трудный
чудо — Иуда, откуда, повсюду
чудовищ — сокровищ
чудовище — сокровище
чудодей — страшней
чудотворный — покорный
чуду — всюду, забуду, пробуду
чужим — твоим
чужими — земными, имя
чужих — других, твоих
чужое — двое
чужой — душой, живой, зной, красотой,
чертой
чужому — дрему
чулкам — мосткам
чулке — кабаке
чутки — шутки (III, 369)
чуткость — жуткость
чуя — поцелуя

III

шаг — влаг, враг, знак, мрак, наг,
никак, флаг
шага — вьюга
шагами — глазами, огнями, плечами,
струями, холмами, цепями
шаги — круги, ни зги, слуги
шагов — вечеров, зов, погребов

шагом — оврагам, флагом
шагу — снегу
шали — дали, ждали
шаловливый — стыдливой
шалунишкам — ребятишкам
шаль — печаль
шалят — ребят
шантрапу — кикапу
шапке — прятки, Святки
шапки — лопатки, ребятки
шапку — в охапку
шарить — жарить
шарманку — наизнанку, осанку
шатается — улыбается
шатался — шептался (I, 210)
шататься — казаться, отражаться
шатер — взор, убор
шаткий — прятки
шатры — дары
шевелились — спустились
шевелиться — блудница
шевельнет — ледоход
шевельнулась — обманулась
шевелюсь — утомюсь
шее — быстрее
шелест — прелесть
шелестил — отступил
шелестом — присвистом
шелестя — дитя
шелестят — хотят
шелк — умолк
шелка — легка, рука
шелками — бубенцами, крылами
шелохнется — смеется
шелудивый — паршивый
шепнет — придет
шептал — догорал, порхал, стоял
шептали — целовали
шептали — шатался
шептание — свидание
шептаны — дыханы
шепчет — крепче, покрепче
шепчется — теплится
шепчу — улечу
шиповник — любовник
шире — четыре
широк — привлек
широка — река
широкой — далеко
широком — истокам, намеком, оком
ширь — Псалтирь
шла — плыла, прошла
шламбаумами — дамами
шлеи — колени
шлем — зачем

шлема — немо
шлемы — мы
шли — вдали, дали, земли, подошли
шляпу — лапу, папу
шнур — Амур
шопот — топот
шорох — взорах
шоссе — овсе
шпал — догорал, отдыхал
шпор — ковер
штор — узор
шторой — взоры
штору — пору
шторы — взоры, разговоры, споры
штрихи — стихи
штрюком — темляком
штыки — зрачки
штыком — дождем, платком
шубке — губки
шубки — губки
шум — дум, ум
шума — дума, думы
шумами — думами
шуме — думе
шумел — каменел
шумна — оглушена, она
шумней — бровей
шумный — безраздумной, безумно
шумом — думам
шумы — думы
шурша — душа, камыша
шуршит — запорошит
шута-Арлекина — Коломбина
шутки — жуткий, чутки
шуткой — жутко
шутов — бубенцов
шутя — дитя, крутя
шхун — вьюн
шьют — зовут

Щ

щадит — щит (III, 82)
Щедрина — жирна
щедро — кедра
щей — детей
щекам — там
щеках — глазах
щеке — руке
щекотал — отвечал
щели — мели
щелку — елку
щель — свирель
щербатый — мяты, ты

щит — догорит, кипит, лежит, скит,
стремит, щадит
щита — мечта
щите — черте
щитом — голубом, конем, столом

Э

Эдгара — жара
Эдип — погиб
экипажей — пражей
экипажи — даже
экстаз — раз
Эреба — небо
Эскамильо — сегидилья
Эско — глубоко, далеко
эстет — жилет, поэт
эстраде — взгляде
эта — поэта
этажах — кружевах
этапах — лапах
эти — дети, свете, столетий
это — поэта, рассвета, света
этой — света
этом — обетом, светом
эфир — мир
эфире — мире
эфиру — миру
эх — грех
эхо — проехал, смеха, смехом

Ю

юг — друг
юга — вьюга, друга, подруга
юге — кольчуги
югу — вьюгу
юдоли — боле, боли, воли, неволи
южный — нужно
юный — лагуны, струны
юным — струны

Я

я — безверия, белянская, бытия, виденья,
дождя, друзья, житья, забытья, затая,
земля, копыя, края, ладыя, ликуя,
молодую, моя, объятя, перепутья,

платья, полынья, скорые, строгая,
твоя, тоскуя, я (I, 372, 515)
я ли — дали
яви — любви
явился — молился
явлен — сдавлен
явь — вплавь, оставь
яд — ад, взгляд, наряд
ядовитая — скрытая
ядовитой — омытый
ядовиты — открыто
ядом — взглядом
ядра — костра
язык — вмиг, зык, лик, миг, постиг,
привык, приник
языка — высоко, лепестка
языками — вами, змеями
языке — вдальеке, песке
языки — мотыльки
якорей — нерей
якоря — пестря
ямщика — легка, платка
января — заря
ярка — звонка
ярко — жарко
ярко-красной — страстный
яркой — жаркой
ярок — арок, подарок
ярость — старость
ярче — жарче
ярый — старый
ясен — прекрасен
ясна — жена, она, седина
ясно — бесстрастно, камня, напрасно,
прекрасной
ясной — неясной
ясны — весны, красный, старины,
страстный
ясный — несогласен, прекрасно,
прекрасной
ясным — прекрасным
ясных — прекрасных
ястреба — судьба

cinema — сама (III, 115)
Ecce homo — знакомо (III, 30)
est — крест (III, 119)
ite — скрытый (III, 119)
kodak'a — продавщика (II, 312)
lawn-tennis — повлеклись (II, 311)
Ponte dei Sospiri — мире (III, 371)
sentimentale — жаль (III, 337)
Venena — колена (III, 38)

Указатель рифмических гнезд

Составление Н.Л.Груздевой

Мужские рифмы

БА: борьба, гольгтыба, гроба, мольба, мольба, погребя, раба, слаба, столба, судьба, труба, ястреба

ВА: божества, волхва, голова, два, дерева, едва, естества, кружева, жернова, жива, мертва, молва, Москва, Нева, острова, плакун-трава, права, рукава, синева, слова, торжества, трава

ГА: бега, берега, долга, дуга, врага, вьюга, дорога, жемчуга, луга, пурга, рога, рычага, сапога, слуга, снега, стога, строга, цветка, шага

ДА: беда, вода, всегда, года, горда, города, грядя, да, езда, звезда, иногда, когда, куда, навсегда, никогда, орда, провода, пруда, поезда, руда, седа, следа, стада, стыда, суда, сюда, тогда, труда, туда, холода, череда, чужда

ЗА: бирюза, глаза, голоса, гроза, коса, небеса, образа, слеза, уста

ЖА/ША: дрожя, душа, дыша, камыша, межа, мятежа, ножа, пажа, свежа, хороша, шуриша

ЖА/ЖДЯ: визжа, дождя

КА: близка, века, высокая, глубока, далека, доска, дружка, Ермака, звонка, зрачка, издалека, кабака, кирка, клубука, кротка, легка, лепестка, маяка, нелегка, низка, ночника, облака, платка, пока, пятака, река, рука, светляка, свысока, старина, тоска, тростника, шелка, широка, цветка, языка, ярка, ямщица, Kodak'a

ЛА: бела, брала, брела, была, вела, весела, весла, ветла, взошла, взяла, влекла, возжгла, вознесла, вошла. всплыла, вросла, дала, дела, донесла. дошла, дошла, жгла, ждала, жила, жрала, заводокла, зажгла, залегла, залила, замерла, звала, зеркала, зла, игла, извела, изнемогла, изошла, крыла, колокола, купола, крыла, лгала, легла, лила, мала, мгла, могла, начала, наш

ла, несла, низвела, обвела, обдала, обняла, ошла, отдала, отняла, отошла, отперла, перенесла, пыла, подняла, подошла, подползла, полчала, поняла, потекла, поросла, пошла, превознемогла, предала, привела, приняла, пришла, пронесла, прочла, прошла, пряла, разорвала, расцвела, родила, росла, свела, светла, святя, села, скала, слыла, снизошла, совлекла, создала, сошла, спала, сплела, сползла, стекла, стерегла, стола, сторона, стройно-бела, текла, тела, тепла, убрала, увела, увлекла, угла, удила, умерла, уста, ушла, хвала, цвела, чела, числа, шла

МА: дома, зима, кайма, корма, сама, терема, тюрьма, тьма, ума, cinema

НА: бледна, больна, быстрина, веретена, верна, весна, видна, вина, влюблена, война, волна, волокна, волна, времена, глубина, гневна, грустна, дана, дна, зажжена, затаена, знамена, зурна, жена, жирна, изнурена, имена, истомлена, колдуна, крещена, Купина, луна, мутна, научена, нежна, нужна, облечена, обручена, оглушена, озарена, окружена, одна, окна, она, отражена, распалена, письменна, погружена, молна, предана, пьяна, седина, семена, скакуна, сильна, слышна, сна, смущена, смягчена, стена, сторона, страна, странна, страшна, стремена, стройна, струна, суждена, темна, тишина, томна, убелена, упразднена, хмельна, холодна, чугуна, шумна, Щедрина, ясна

ПА: слепа, толпа

РА: бедра, ведра, буфера, вечера, вчера, двора, добра, гора, игра, костра, остра, пера, Петра, пора, профессора, сестра, сыра, ура, утра, ядра

СА: волоса, глаза, голоса, колеса, коса, леса, небеса, паруса, полоса, роса

ТА: винта, ворота, врата, высота, занятя, заперта, кнута, красота, креста,

крута, куста, лепта, листа, мечта, нишета, немота, не та, перста, повита, проста, простота, пуста, пустота, свята, следа, суета, уста, фата, Христа. цвета, чернота, черта, чиста, щита

ХА: глуха, греха, жениха, меха, петуха, стиха, тиха

ЦА: венца, дворца, жреца, кольца, конца, крыльца, лица, мертвеца, мудреца, отца, певца, пришлеца, ружьеца, сердца, слепца, творца, тельца

ЧА: бренча, врача, горяча, ключа, лихача, луча, меча, палача, плеча, свеча, сгоряча, топча, уча

ША: см. ЖА/ША

Я: былья, бытия, воронья, друзья, жилья, житья, забыгья, затая, змея, копыя, края, ладья, моя, польныя, ручья, семья, соловья, тая, твоя, я

БЯ: губья, дождя, любя, не любя, полюбя, разлюбя, себя, скорбя, тебя, те-ребя

ДЯ: будя, дитя, дождя, обходя, сой-дя, твердя, холодя, уходя

ЗЯ: нельзя, сквозя, скользя, стезя

ЛЯ: дела, журавля, земля, корабля, кляня, Кремля, матушка-земля, ми-ндаля, моя, поля, руля, соболя, тебя, тра-ля-ля, удела, утоля

НЯ: дня, дразня, заменя, звеня, казня, кляня, коня, маня, меня, огня, пленя, плетня, храня

РЯ: алгаря, горя, заря, зря, мона-стыря, моря, пестря, сентября, фонаря, царя, якоря, января

СЯ: завился, поднялся

ТЯ: дитя, крутя, локтя, чертя, ше-лестя, шутя

БЕ: борьбе, ворожке, гульбе, избе, мольбе, резьбе, столбе, судьбе, тебе, толпе, трубе

ВЕ: божестве, голове, две, змее, листе, Неве, рождестве, синеве, суще-стве, траве

ДЕ: везде, воде, где, нигде, пруде

ЖЕ: меже, рубеже, уже, чертеже

ЗЕ: грозе, стезе

КЕ: армяке, вдалеке, кабаке, ка-мельке, колпаке, огоньке, осеке, пла-тке, песке, реке, руке, роднике, тоске, чулке, щеке, языке

ЛЕ: эле, земле, крыле, матушке-земле, мгле, скале, сне, стекле, столе, тепле, хрустале, челе

МЕ: полутьме, тьме, уме, холме

НЕ: быстрине, весне, вине, волне, войне, вполне, вышине, глубине, дне, жене, земле, камне, коне, луне, мне, пелене, пне, полотне, простыне, скаку-не, сне, сосне, спине, старине, стене, стороне, стране, струне, тишине, чугу-не

РЕ: алтаре, горе, дворе, заре, ковре, норе, октябре, поре, сентябре, сестре, серебре, фонаре

СЕ: все, косе, красе, овсе, полосе, росе, се, шоссе

ТЕ: высоте, красоте, кресте, мечте, наготе, суете, те, темноте, тесноте, Христе, черте, чистоте, щите

ЦЕ: венце, дворце, конце, лице

ЧЕ: луче, парче, плаще, плече

ШЕ: барыше, душе

ЩЕ: еше, логовище, плаще

И: аи, ектьени, змеи, колеи, ладьи, любви, мои, напои, ничьи, ручьи, свои, скамьи, семьи, соловьи, струи, таи, твои, толчеи, шлеи, чешуи

ВИ: аи, благослови, живи, зови, крови, лови, любви, мои, оборви,плы-ви, соловьи, твои, яви

ГИ: беги, враги, дуги, жги, зги, круги, лги, мозги, ни зги, подожги, слуги, стереги, цветки, шаги

ДИ: буди, вожди, впереди, выходи, гляди, груди, дожди, жди, иди, найди, найти, освободи, отойди, поблуди, по-блуди, погоди, подходи, позади, пой-ди, подойди, подходи, походи, приди, припади, проходи, разбуди, снести, со-йди, уходи

ЖИ: грабежи, госпожи, етажи, межи, мятежи, освежи, положи, ржи, рубежи, скажи, укажи

ЗИ: скользи, стези

КИ: бунчуки, велики, виски, гудки, далеки, дурачки, дымки, жги, зрачки, звонки, клюки, колпачки, котелки, крепки, кулаки, курки, лепестки, мая-ки, мотыльки, огоньки, остряки, плат-ки, реки, руки, смычки, старики, тоски, угольки, цветки, штьки, языки

ЛИ: вдали, дали, дремли, журав-ли, зажгли, замели, запыли, земли, издали, ковыли, корабли, короли, ку-

ли, легли, могли, мели, мои, несли, обрели, **огни**, отвели, отошли, повели, подошли, ползли, поползли, пошли, принесли, пришли, провали, провели, прочли, прошли, пыли, расцвели, рули, свели, стерегли, сули, текли, увели, увлекли, устели, ушли, цвели, шли

МИ: возьми, дверьми, людьми, томи, уйми

НИ: взгляни, дни, головни, гони, догони, кляни, клешни, мани, мои, огни, одни, они, отдохни, пни, полосни, помани, ремни, склони, соедини, тени, усни, **стрелы**, схорони, тени, усни

ПИ: спи, терпи

РИ: алтари, внутри, говори, гори, зари, замри, оботри, отвори, подари, пустыри, смири, смотри, твори, уко-ри, умри, упыри, фонари

СИ: неси, приноси, согласи, соси, спроси

ТИ: блости, вести, взаперти, войти, вплести, закрути, занести, дойти, донести, идти, изойти, лети, найти, нести, обрати, обойти, опусты, отпусти, перейти, перенести, плести, **приди**, придти, провести, пройти, прости, **просто**, процвести, пути, развести, снести, сойти, спасти, страсти, уйти, укроти, унести, цвести

ХИ: грехи, духи, ольхи, стихи, штрихи

ЧИ: горячи, замолчи, замчи, ключи, лучи, мечи, молчи, научи, ночи, приучи, расточи, свечи, скачи, труба-чи, умчи, **хлещи**

ШИ: глуши, души, заглуши, задуши, запороши, камыши, оглуши, пляши, попляши, потуши, притуши, согрешы, тиши, утиши, хороши

ЩИ: ищи, ропщи

БЫ: гербы, гробы, рабы, столбы, судьбы, толпы, трубы, чубы

ВЫ: вы, головы, львы, синевы, со-вы, травы

ДЫ: беды, бороды, воды, вражды, звезды, льды, нужды, плоды, пруды, сады, следы, труды, **ты**, ряды, чужды

ЛЫ: белы, мглы, орлы, пилы, скалы, смолы, стволы, стрелы, хвалы, хулы

МЫ: зимы, мы, псалмы, тюрьмы, тьмы, умы, шлемы

НЫ: белизны, бледны, больны, буруны, быстрины, весны, видны, влюблены, вознесены, войны, волны, вышины, глубины, даны, жены, зурны, измождены, Купины, луны, нежны, ножны, нужны, обведены, обречены, опущены, оскорблены, отражены, покорены, полны, поражены, преклонены, равны, сатаны, седины, смены, смущены, сны, соединены, сосны, сочтены, спасены, сплетены, старины, стены, стороны, страны, струны, суждены, табуны, тишины, темны, тишины, умны, хмельны, холодны, цены, челны, ясны

ПЫ: попы, толпы, тропы

РЫ: бугры, горы, дары, игры, костры, миры, пиры, поры, сестры, топоры, чадры, шатры

СЫ: красы, косы, псы, росы, часы

ТЫ: болты, винты, высоты, дремоты, заперты, клеветы, красоты, кресты, кусты, листы, лоскуты, мечты, мосты, повиты, персты, пласты, пустоты, следы, сестра, суеты, темноты, ты, фаты, цветы, черты, четы, чистоты, чисты, **щербаты**

ЦЫ: венцы, гонцы, дворцы, жрецы, концы, крестцы, птенцы, уздцы

ГО/ВО: божество, его, мертво, моего, него, никого, ничего, отчего, самого, своего, Твоего, того, торжество, чего

ЛО: бело, весло, залегло, занесло, зло, доцвело, крыло, легло, отлегло, отошло, пошло, прошло, разнесло, рассвело, расцвело, ремесло, русло, свело, светло, сплело, стекло, тепло, унесло, ушло, цвело, чело

КО: глубоко, далеко, Эско

НО: вино, воскрешено, вручено, гумно, давно, дано, должно, дно, заодно, звено, зерно, но, одно, окно, оно, опалено, освещено, отделено, полно, пятно, равно, смешно, смятено, снесено, суждено, сукно, темно, унесено, утомлено

РО: перо, пестро, Пьеро, серебро

ТО: залито, никто, пальто

ЦО: лицо, кольцо, крыльцо, лицо, словцо

ЧО: горячо, плечо, ни о чем

Ё: воронье, её, забытьё, жильё, житьё, лезвие, мое, острие, ружьё, своё, твоё

БУ: борьбу, гробу, дубу, лбу, судьбу, трубу

ВУ: божеству, внизу, всплыву, главу, естеству, живу, зову, канву, листву, молву, наяву, Неву, позову, проживу, своему, синеву, слыву, сову, сорву, терему, торжеству, траву, уплыву

ГУ: бегу, берегу, дугу, зажгу, кругу, лгу, дугу, могу, мозгу, обожгу, сберегу, снегу, солгу, шагу

ДУ: блоду, бреду, войду, жду, звезду, льду, найду, отойду, подожду, пойду, приду, проведу, руду, саду, трубу, череду

ЖУ: бужу, ворожу, всхожу, вывожу, гляжу, задушу, закружу, межу, оглушу, освобожу, отслужу, отхожу, приведу, погляжу, прохожу, прихожу, расскажу, скажу, служу, сторожу, укажу, услежу, хожу

ЗУ: бирюзу, внизу, наяву

ЛУ: иглу, мглу, полу, полумглу, столу, стрелу, углу

МУ: дыму, ему, кому, корму, нему, обниму, одному, пойму, подутьму, своему, сниму, сожму, твоему, терему, тесьму, тому, тьму, тюрьму, уйму, уму

НУ: блесну, весну, взгляну, волну, глубину, жену, загляну, крутизну, одну, окну, плесну, полосну, протяну, сну, сосну, страну, струну, тишину, усну, хлестну

ПУ: кикапу, толпу, тропу, шантропу

РУ: ввечеру, ветру, в миру, добру, замру, игру, костру, на юру, нутру, перу, поутру, отопру, серебру, сестру, умру

СУ: красу, лесу, несу

ТУ: высоту, Калиту, красоту, мечту, на лету, плету, пустоту, скиту, суету, темноту, хребту, черту, цвету

ХУ: вверху, мху, наверху, петуху

ЦУ: венцу, жильцу, кольцу, крыльцу, лицу

ЧУ: влачу, вручу, зазвучу, захвачу, клочу, кричу, лечу, мечу, молчу, отплачу, поколочу, полечу, постучу, пощекочу, свечу, улечу, хочу, шепчу

ШУ: гашу, задушу, закружу, оглушу, окружу, приношу, почешу

ЩУ: впушу, грушу, оглушу, пушу, полушу, ропшу, спушу, трепешу

ЛЮ: гублю, дремлю, истреблю, кораблю, ловлю, люблю, оскорблю, опаляю, погублю, полюблю, порублю, поступлю, пошлю, скорблю, сплю, терплю, *убью*, усыплю, хмелю

НЮ: броню, охраню, уроню, хорошо, храню

РЮ: говорю, догорю, зарю, сгорю, серебряю, сотворю, царю

Ю: бою, змею, колею, краю, ладью, напою, мою, обовью, оглушу, отдаю, пою, свою, семью, твою, чешую, узнаю

АБ: раб, слаб

АВ: дубрав, не прав, обвязав, отрав, прав, привязав, приправ, пропав, послав, рукав, связав, собрав, трав, узнав, устав

АВЬ: вплавь, оставь, явь

АВР: лавр, литавр

АГ/АК: благ, влаг, враг, Дубняк, дурак, зевак, злак, знак, зрак, иссяк, кабак, как, колпак, кушак, маг, маяк, мрак, наг, никак, овраг, очак, призрак, рысак, табак, так, флаг, фрак, червяк, чердак, чудаки, шаг

АД/АТ: ад, аромат, аэростат, баллострат, баррикад, блестят, богат, брат, брэнчат, взгляд, внучат, водопад, возврат, врат, глядят, говорят, горят, гранат, град, громад, гудят, дрожат, закат, задрожат, зашевелят, звучат, канат, котят, кричат, лампад, лежат, маскарад, млад, набат, награды, наезд, наряд, обряд, объят, оград, оклад, плакат, плат, подряд, пылят, рад, разврат, распят, ребят, ряд, сад, сенат, скрипят, следят, смрад, смят, солдат, спят, стады, стоят, сулят, твердят, торчат, улетят, утрат, халат, хотят, цитат, чад, шестяты, яд

АДЬ/АТЬ: бежать, благодать, болтать, брать, вздыхать, видать, вникать, внимать, воскресать, воспламенить, впивать, враждовать, вспоминать, вставать, встать, встречать, вытирать, выражать, гадать, гать, гладь, горевать, гулять, давать, дать, девать, держать, доскакать, дрожать, дышать, ждать, желать, замечать, звать, звать, играть, измять, искать, исчезать, карать, колдовать, критиковать, кри-

чать, кровать, летать, ликовать, мать, мечтать, молчать, наблюдать, назвать, напевать, нарушать, низать, обнимать, обожать, опынять, опять, освежать, отвечать, отдать, отогнать, охранять, пленять, плясать, передать, перервать, печатать, поверять, повторять, погибать, поднять, подражать, подремать, поймать, покарать, понимать, понять, порхать, посещать, постигать, постоять, почивать, предать, пренять, прервать, прилетать, принять, прогнать, проклинать, просиять, простирать, прядь, пускать, пылать, пьять, разгадать, разгибать, различать, разрушать, рассказать, расстерзать, расстреливать, рать, ревновать, рождать, ронять, роптать, рыдать, сгорать, сдержать, сказать, сковать, скрывать, слагать, сменять, снять, созерцать, спать, срезать, страдать, ступать, считать, терять, толковать, торжествовать, тосковать, трепетать, увидеть, угадать, узнавать, узнать, укорять, украшать, укрощать, умирать, уповать, услышать, уставать, хлестать, хохотать, целовать, читать, час

АЖ(Ш)Ь: блажь, та ж

АЗ(С): алмаз, вас, газ, гас, глаз, глас, иконостас, напоказ, нас, пляс, погас, понеслась, раз, рас, рассказ, сейчас, стремясь, угас, упас, час, экстаз

А(Я)З(С)Ь: взвилась, взялась, вилась, виясь, вязь, держась, забралась, завилась, заждалась, занялась, злясь, клонясь, князь, крестьян, началась, облеклась, обраться, отперлась, перелилась, поднялась, понеслась, предалась, притаясь, рас, распалась, рашалась, родилась, связь, смеясь, сорвалась, сплелась, страшась, стремясь, стучась, удалясь, улеглась, утомясь, шевелясь.

АЙ: ай, бросай, вспоминай, давай, забегай, забывай, закрывай, знай, край, май, подымай, помогай, рай, распухай, снимай, стай

АК: см. АГ/АК

АЛ: бал, бежал, бокал, бросал, вал, вызывал, внимал, воздыхал, вокзал, вонзал, вставал, восстал, встал, встречал, гадал, давал, держал, догнал, догорал, дрожал, дышал, ждал, забывал, завывал, зал, зазвучал, зазывал,

задрожал, задувал, замигал, замирал, затихал, заржал, звучал, зеркал, знал, играл, идеал, интеграл, ин-тернационал, искал, квартал, кинжал, ковал, кричал, лежал, либерал, ликовал, мал, мечтал, миновал, мигал, молчал, наблюдал, называл, наплевал, начал, оставлял, отвечал, отдыхал, отзвучал, отравлял, отрицал, отстрадал, очаровал, перестрадал, поверял, подо-сла, пожимал, познал, покидал, помогал, понимал, порхал, посвящал, потерял, похвал, прервал, прибежал, провал, провожал, прозвучал, променял, пронзал, пронизал, проскакал, простонал, протоптал, прочитал, прошептал, пускал, пылал, различал, раскрывал, распевал, роптал, сверкал, сигнал, сиял, сказал, скакал, скал, слышал, снял, соблюдал, сорвал, сохранил, сочелся, спал, стал, стоял, тосковал, терзал, увидал, угадал, узнавал, узнал, указал, услышал, упал, Урал, хорал, хохотал, целовал, шептал, шпал, щекотал

АЛЬ: вдаль, вуаль, даль, едва ль, жаль, миндаля, печаль, рояль, сталь, таль, шаль, sentimental

АМ: берегам, богам, вам, векам, вечерам, воздам, волнам, воротам, временам, высотам, глазам, глубинам, голубям, годам, городам, громам, громам, губам, дам, дням, домам, друзьям, зарям, звездам, ключам, корням, краям, кругам, куполам, лесам, листам, мечтам, местам, мосткам, нам, небесам, ногам, ночам, отдам, отцам, передам, плечам, площадям, пополам, предам, прудам, прям, пятам, рабам, сам, седидам, словам, смычкам, снам, старикам, стихам, страстям, там, хам, храм, часам, чулкам, цветам, щекам

АН: аэроплан, балаган, буран, бурьян, декан, диван, Дон-Жуан, кафтан, кран, обман, океан, прихожан, пьян, ран, ресторан, румян, сарафан, стан, стран, тимпан, туман, ураган, цыган

АНЬ: встань, дань, лань, ткань

АНТ: бриллиант, фант

АР: дар, жар, загар, кошмар, пар, пожар, самовар, стар, татар, троттуар, угар, удар, чар

АРЬ: встарь, гарь, звонарь, фонарь, царь

АС: см. АЗ(С)

А/ЯСЬ: см. А(Я)З(С)Ь

АТ: см. АД/АТ

АТЬ: см. АДЬ/АТЬ

АСТЬ: власть, пасть, попасть, прясть, страсть, украсть, упасть

АХ: ах, богатырях, бурунах, веках, взмах, волосах, впопыхах, впотымах, волнах, временах, глазах, годах, головах, горах, городах, гробах, губах, днях, домах, досках, звездах, запахах, зачах, камышах, клоках, краях, кружевах, крылах, кудрях, куполах, кустах, лаптях, лепестках, лесах, листах, лугах, лучах, мелочах, мечах, монах, морях, небесах, ночах, облаках, огнях, отцах, очах, папах, парусах, пеленах, плащах, плеча, плечах, полях, прах, простынях, путях, размаха, руках, сердцах, слезах, словах, снах, снегах, стенах, стихах, столбах, страстях, страх, струнах, струях, тайниках, тенях, тах-тах, трах-тара-рах, углах, устах, ушах, ходах, цветах, цепях, церквах, чепраках, чертах, четвертаках, щеках, этажах

АЧ: вскачь, дач, лихач, *мачт*, палач, плач, плачь, трубач

АЩ: плащ, хрящ, чаш

Я: бытия, воронья, друзья, жилья, змея, края, ладья, моя, небытия, струя, тая, твоя, я

ЕБ/ЕП: ослеп, свиреп, склеп, слеп, судеб, хлеб

ЕВ: гнев, дев, древ, зев, напев, облетев, овладев, презрев, прозрев, узрев, хлев, чрев

ЕД/ЕТ: бед, берет, бесед, бред, букет, вослед, вслед, дед, жилет, завет, карет, кастаньет, комет, лет, монет, обет, нет, одет, ответ, пистолет, планет, побед, портрет, поэт, привет, рассвет, расцвет, свет, сед, силуэт, скелет, след, срод, сует, цвет, **человек**, эстет

ЕДЬ/ЕТЬ: болеть, глядеть, гореть, догореть, жалеть, кипеть, медь, петь, пожалеть, преодолеть, сгореть, сеть, сметь, созреть, терпеть, тлеть, улететь, умереть

ЕГ/ЕК: бег, брег, век, вовек, калек, набег, навек, нег, ночлег, *рассвет*, рек, сиег, телег, человек

ЕЖ: мятеж, те ж

ЕЖД: вежд, надежд, одежд

ЕЗ/ЕС: завес, занавес, исчез, лес, навес, небес, чудес

ЕЗД/ЕСТ: звезд, крест, мест, наезд, окрест, оркестр, поезд, торжество, est

ЕЙ: алей, аллей, белей, бровей, вестей, ветвей, горячий, гостей, грозней, грудей, дверей, детей, дней, дочерей, еврей, ей, жалей, живеи, зверей, змей, иерей, камней, коней, кораблей, костей, кудрей, лебедей, лучей, людей, милей, моей, морей, ней, немей, ничей, ночей, огней, очей, пей, площадей, пней, побыстрей, пожалей, полей, попестрей, прочней, пустырей, развей, рей, речей, розовой, ручей, саней, светлей, свечей, своей, серей, смелей, сильней, синей, скорей, скорбей, соловей, стеблей, странней, страстей, страшной, твоей, темней, теней, тяжелой, углей, фей, фонарей, царей, чертей, чудодей, шумней, щей, якорей

ЕК: см. ЕГ/ЕК

ЕЛ: блестел, глядел, гремел, дел, долетел, запел, звенел, каменел, обезумел, оторопел, пел, пожалел, покраснел, поредел, предел, разглядел, слетел, смотрел, стрел, тел, удел, умел, хотел, шумел

ЕЛЬ: апрель, земель, ель, капель, качель, колыбель, кудель, Лель, метель, недель, постель, свирель, трель, хмель, щель

ЕМ: зачем, нем, шлем

ЕН: вербен, измен, Кармен, пен, перемен, плен, сирен, стен

ЕНЬ: день, деревень, лень, одень, сень, сирень, ступень, тень

ЕП: см. ЕБ/ЕП

ЕПЬ: крепь, степь, цепь

ЕР: вер, офицер, пантер, портьер, сфер

ЕРБ/ЕРП: серп, ущерб

ЕРДЬ/ЕРТЬ: смерть, **смерч**, твердь

ЕРЬ: верь, дверь, зверь, поверь, потерь, **тень**, теперь

ЕС: см. ЕЗ/ЕС

ЕСЬ: весь, здесь, смесь

ЕСК: блеск, треск

ЕСТ: см. ЕЗД/ЕСТ

ЕСТ(Ь): весть, есть, месть, пере-
несть, прелесть, присесть, прочесть, счесть, шелест

ЕТ: см. ЕД/ЕТ

ЕТЬ: см. ЕДЬ/ЕТЬ

ЕЦ: венец, дворец, конец, мертвец, мудрец, наконец, отец, певец, пришлец, творец

ЕЧ: беречь, встреч, жечь, зажечь, лечь, меч, печь, плеч, подстеречь, рас-сечь, речь, свеч, сжечь, стеречь

ЕХ: всех, грех, мех, смех, эх

ИБ/ИП: погиб, скрип, Эдип

ИВ/ЫВ: взрыв, забыв, залив, ив, извив, красив, нимф, обнажив, открыв, перерыв, погрузив, позабыв, покрыв, порыв, прилив, призыв, пробудив, проводив, разлюбив, **святых**, уронив

ИГ(К)(Х): базилик, велик, вмиг, воздвиг, возник, воротник, двойник, дик, жених, змеёвик, зык, клык, клык, книг, крик, лик, миг, мозаик, невелик, ночник, постиг, привык, приник, род-ник, светолик, старик, тайник, тупик, язык

ИД/ИТ: бежит, блещит, велит, вид, **винт**, глядит, говорит, горит, гранит, гремит, грустит, динамит, догорит, дрожит, забегит, забит, заболит, за-быт, задрожит, зазвучит, закрыт, заме-нит, замолчит, заporошит, звенит, зву-чит, зенит, кипит, когтит, копыт, кри-чит, кружит, крутит, манит, ланит, ле-денит, лежит, летит, молчит, мчит, навзрыд, налетит, налит, обратит, обид, озарит, окружит, орбит, осенит, ослепит, оснежит, открыт, отлетит, па-лит, панихид, парит, плит, побежит, поглядит, погрузит, позабыт, покрыв, поит, породит, предстоит, прозвучит, просквозит, пылит, **раба**, разлит, скво-зит, скользит, скрипит, следит, слетит, сидит, скит, слетит, скрыт, сокрыт, спешит, спит, стоит, сторожит, стремится, сулит, стыд, стучит, таит, твердит, трубит, убит, царит, шуршит, щадит, щит

ИЖЬ/ИШЬ: велишь, возвратишь, глядишь, горишь, даришь, камыш, крыш, луцишь, манишь, матчиш, молчишь, наградишь, ниш, оживишь, окрылишь, Париж, поглядишь, пре-льстишь, простишь, сидишь, спишь, сулишь, тишь, томишь

ИЗ(СЬ): берегись, ввысь, вились, вниз, влеклись, воротись, впеллись, высь, глядись, гонись, дивись, зави-лись, заглядись, зажглись, запеклись,

запершись, исцелись, карниз, клялись. **лиц**, Массис, молись, неслись, обви-лись, обнялись, оглянись, отзовись, очнись, повис, повлеклись, подни-мись, покоришь, понеслись, постучись, пробудись, пронеслись, разошлись, разразись, расплелись, родились, сбы-лись, склонись, слились, собрались, сплелись, сторонишь, риз, рис, улыб-нись, унеслись, lawn-tennis

ИЗГ/ИСК: визг, диск

ИЛ: Азраил, Ахилл, боготворил, бродил, был, вбил, всходил, выд, говорил, голосил, дразнил, дробил, дружил, жил, забыл, закрутил, застыл, затаил, золотил, изменил, кадил, кам-панил, крыл, любил, могил, надавил, наделил, наступил, обратил, озарил, окатил, оледенил, опалил, опочил, ослепил, остановил, отвалил, отворил, открыл, отступил, очертил, пе-режил, перил, пил, пыл, погасил, покрыв, положил, полонил, полубил, посвятил, попросил, поработил, посетил, пото-пил, походил, предложил, прикатил, приплыл, прислонил, приходил, про-водил, пронзил, просил, проходил, пыл, разбудил, разделил, распустил, сил, скользил, светил, серебрил, слепил, сложил, служил, совершил, спешил, спросил, сторожил, трубил, убил, укрепил, укрыв, учил, ходил, шелестил

ИК: см. ИГ(К)(Х)

ИЛь: бьль, гниль, ковьль, костыль, пыль, ты ль

ИМ: боевым, былым, взлетим, воз-летим, ворожим, голубым, гоним, гро-мовым, догорим, другим, дым, зем-ным, зим, злым, золотым, им, иным, лесовым, любим, мировым, моим, не-видим, невредим, недвижим, нелюдим, ненарушим, неповторим, ним, ночным, одним, огневым, отлетим, палим, повторим, помолчим, прожитым, Рим, самим, своим, святым, сгорим, сера-фим, следим, стальным, таим, твоим, томим, улетим, цветным, чужим

ИН: Арлекин, балдахин, вершин, витрин, господин, доктрин, картин, Кашин, льдин, мужчин, один, пала-дин, сплин, сын

ИНь: аминь, богинь, закинь, от-ринь, полынь, пустынь, святынь, твер-дынь

ИП: см. ИБ/ИП

ИС/ИСЬ: см. ИЗ/ИСЬ

ИСК: см. ИЗГ/ИСК

ИСЛ: смысл, числ

ИСТ: аметист, горнист, лист, мг-лист, плечист, речист, свист, смолист, чист

ИТ: см. ИД/ИТ

ИТВ: битв, молитв

ИТЬ: быть, воплотить, впустить, выносить, говорить, громоздить, жить, забыть, золотить, избыть, кадить, клубить, кружить, крушить, лить, лобить, налить, нить, может быть, оградить, озарить, окружить, окрылить, оскорбить, отворить, открыть, отравить, палить, пить, плодить, пыль, погрозить, подходить, поступить, пригрозить, приклонить, простить, различить, раскрыть, следить, сплосить, служить, спросить, сохранить, спосить, тужить, убить, укротить, уследить, усыпить, хранить

ИР: вампир, квартир, кумир, мир, пир, эфир

ИРЬ: Псалтирь, ширь

ЫРЬ: монастырь, пустырь

И(Ь)Х: больных, вековых, верстовых, глухих, голубых, городских, грозных, для них, дневных, других, жёных, живых, затих, золотых, иных, их, лесных, мерно-тих, миг, мировых, мирских, моих, мостовых, неземных, них, остальных, передовых, речных, родных, своих, святых, седых, сороковых, стих, строевых, таких, твоих, тих, тугих, удалых, чужих

ИХРЬ/ИСКР: **вихрь**, искр

ИЦ: багряниц, бледнолиц, вечерниц, **вниз**, гробниц, жриц, зарниц, лиц, ниц, птиц, ресниц, теплиц, цариц, царицу

ИЧ: бич, кирпич, клич

ИШЬ: см. ИЖ/ИШЬ

ОБ(П): гроб, лоб, поп, **слов**, сугроб, топ

ОВ: бубенцов, богов, валов, веков, вечеров, волхвов, врагов, глупцов, годов, голосов, городов, готов, **гребешок**, гроб, громов, даров, домов, духов, зов, кабаков, костров, листов, лов, лугов, **любовь**, маяков, мертвецов, миров, мхов, облаков, образов, островов, отцов, паров, пиров, поджов, погребов, покров, полуснов, поляков,

посошок, пошляков, прудов, рабов, рыбаков, садов, слов, снегов, снов, соловьев, стихов, столов, суров, сынов, теремов, трудов, умов, холмов, цветов, часов, чердаков, шагов, шутов

ОВЬ: бровь, вновь, кровь, **любовь**, новь, прекословь, слов

ОГ(К)(Х): Бог, бок, василек, вбок, венюк, ветерок, вечерок, вздох, волчок, восток, высок, глубокий, голосок, гребешок, далек, детски-высок, дорог, дружок, дымок, зажег, замок, зверок, звонок, изнемог, клинок, клочок, клубок, кулек, курок, лег, ледок, листок, мог, намек, наутек, невдомек, ног, огонек, одинокий, пастушок, песок, петушок, петушок, повлек, порог, посошок, прожег, пузырек, разок, рожок, рок, свисток, сжег, снежок, срок, стебелек, строг, строк, сучок, теремок, тох, толчок, тревог, уголек, упрек, урок, ходок, холодок, царек, цветок, челнок, чертог, широк

ОД(Т): анекдот, берет, блеснет, болот, ведет, вернет, вздохнет, взмахнет, взойдет, вод, водоворот, вопиет, ворот, восход, вот, вперед, ведет, встает, высот, гнет, гнетет, год, гудет, дает, ждет, живет, забот, зовет, зажжет, замрет, запоет, звездочет, зовет, идет, комод, кот, крот, круговорот, ледоход, лед, лет, мед, мелькнет, метет, налет, наперед, напролет, народ, настаёт, небосвод, невзгод, несет, обдаёт, орет, отстаёт, падет, переход, пилот, плод, плывет, поворот, подает, поет, подойдет, пойдет, поймет, полет, ползет, поползет, порастет, потечет, почует, пошлет, прервет, привлечет, придет, пройдет, пропадет, проплывет, проплет, прядет, разберет, разнесет, расцветет, растет, рвет, род, рот, сверкнет, свод, сожмет, создаёт, сознаёт, сойдет, сольет, споет, спугнет, счет, **твое**, течет, уйдет, умрет, унесет, упадет, урод, уснет, флот, ход, хоровод, цветет, шевельнет, шепнет

ОДР: одр, **смотр**

ОЖ(Ш)Ь: **взмахнешь**, **вернешь**, гнешь, галдежь, **дойдешь**, **дрожь**, **зовешь**, **ждешь**, **жмешь**, **ложь**, **множь**, **молодежь**, **найдешь**, **нож**, **обдаешь**, **обретешь**, **отдаешь**, **плывешь**, **поведешь**, **похож**, **придешь**, **пройдешь**, **поймешь**, **придешь**, **процветешь**.

рвешь, сойдешь, сомкнешь, сомнешь, схож, то ж, узнаешь, уплывешь, умрешь, что ж

ОЗ(С): вознес, возрос, волос, вопрос, голос, грез, гроз, донес, донос, занес, колес, колосс, кос, матрос, мороз, нес, неслошь, нос, обоз, папирос, пес, повелось, понеслось, принес, пришлось, пронес, психоз, развилось, разнес, роз, рос, слез, сплелось, стрекоз, трость, угроз, унес, унеслось, утес, хаос, хвост, Христос

ОЗД(СТ)Ь: гвоздь, гость, гроздь, злость, трость

ОЙ: бедой, белизной, береговой, боевой, бой, больной, большой, былой, вековой, весной, водой, ворожбой, волной, главой, глубиной, грозовой, грозой, главой, глухой, головой, голубой, городской, горой, гробовой, грозовой, громовой, грудной, детей, дневной, домой, другой, душой, дымно-голубой, желтизной, землей, женой, живой, запой, звездой, землей, земной, зимой, злой, зной, золой, золотой, избой, иной, клеветой, косой, кочевой, красой, красотой, клюкой, лесной, листвою, луной, мечтой, мглой, мной, мой, молочной, молодой, мостовой, мукой, мутно-голубой, нагой, Невой, неземной, немой, ногой, ночной, нуждой, огневой, одной, ольхой, открой, пивной, площадной, пой, седина, седой, семьей, скалой, слепой, смолой, снеговой, собой, сороковой, спиной, спой, стезей, стеной, судьбой, суею, сухой, такой, твоей, темнотой, тишиной, тобой, той, толпой, тоской, травой, трубой, тугой, упокой, фатой, хмельной, цветной, чередой, чертой, чужой

ОК: см. ОГ(К)(Х)

ОЛ: дол, зол, мол, нашел, обрел, орел, осел, отошел, пчел, раскол, сел, смол, сошел, тяжел

ОЛГ(К): долг, толк, умолк, шелк

ОЛН: волн, полн, челн

ОЛЬ: боль, воль, изволь, контроль, позволь, покой, что ль

ОМ: алтарем, бедняком, бочком, бубенцом, былом, вдвоем, в златом,

ведом, венком, венцом, ветерком, вечерком, вздохнем, влеком, вином, волчком, воротником, врагом, всем, гвоздем, глазом, голубом, горбом, гумном, двором, дневном, днем, добром, дождем, дом, дружкой, Дубняком, ждем, женихом, живем, жемчугом, живьем, зарем, заревом, златом, знаком, зовем, идем, ином, клеймом, клинком, кнутом, ковылем, козырьком, кождуном, конем, крестом, кругом, крылом, крыльцом, кушаком, лбом, ледком, лицом, лом, лучом, мчом, мировом, моем, на нем, начнем, несем, незнаком, нем, ни о чем, ни о чем, ни при чем, ничком, ночном, огоньком, огнем, одним, окном, ораем, остряком, отцом, о чем, пажом, пером, перстом, песком, платком, плащом, плечо, плечом, подлецом, поем, пойдем, понесем, потолком, потом, проведем, псалмом, пустом, пустырем, путем, пучком, рабом, разгром, ртом, рулем, ручьем, рядком, своим, серебром, серпом, следом, сном, стеклом, столом, тайком, таким, твоим, темляком, том, топором, трубачом, трудом, углом, умом, умрем, холмом, царем, цветком, чудачком, штрюком, штыком, шитом

ОН: Байрон, вагон, вдохновлен, веретен, влюблен, ворон, времен, Гарпагон, Дон, дракон, заморожен, заглушон, закон, заклеимен, закон, затемнен, затон, заточен, звон, жетон, знамен, изнурен, имен, истомлен, клен, напоен, небосклон, неосвещен, обрамлен, обречен, обручен, оглушен, озарен, окон, окружен, окрылен, он, освобожден, отвален, отварен, отражен, племен, погружен, поклон, покороен, полон, поражен, похорон, похоронен, приглашен, проведен, разлучен, рожден, салон, Самсон, силен, смущен, сожжен, сон, сравнен, стон, стон, трезвон, умен, усыплен, утомлен, хитон, эшелон

ОНЬ: конь, огонь, сонь

ОР: актер, бор, вздор, взор, вор, в упор, гор, двор, забор, запор, ковер, Командор, костер, мотор, озер, остер, отпор, позор, пор, приговор, простер, простор, разговор, сор, таксомотор, топор, узор, хор, шатер, шпор

ОРГ: восторг, исторг

ОРД: аккорд, горд, порт, рекорд
ОС: см. ОЗ(С)
ОСЬ: занялось, понеслось, разли-
лось, спалось
ОСТ: мост, прост, рост
ОСТЬ: см. ОЗД(СТ)Ь
ОТ: см. ОД(Т)
ОЧЬ: дочь, заморочь, изнемочь,
мочь, не в мочь, ночь, **очи**, помочь,
превозмочь, пророчь, прочь, служан-
ка-ночь
ОШЬ: см. ОЖЬ/ОШЬ
ОЩ: мощь, тощ

УБ/УП: глуп, груб, губ, труб, труп,
туп

УГ(К)(Х): вдруг, вокруг, вьюг,
друг, дух, звук, излук, испуг, каблук,
круг, лачуг, луг, лок, мук, наук, недуг,
паук, петух, подруг, полукруг, потуг,
потух, пух, разлук, рук, слуг, слух,
стук, супруг, юг

УД/УТ: бегут, бредут, взойдут,
возьмут, войдут, встают, ждут, живут,
жмут, замрут, заплетут, зовут, идут,
крут, лоскут, минут, несут, обольют,
отдадут, падут, плывут, поймут, покоют,
прильнут, припадут, причуд, приют,
пруд, разут, расгут, сгниют, сойдут,
сотрут, стерегут, суд, текут, труд, тут,
чтут, умрут, уют, шьют

УДЬ/УТЬ: вернуть, взглянуть,
взмахнуть, вздохнуть, вспугнуть,
грудь, дотянуть, забудь, заглянуть,
когда-нибудь, кого-нибудь, кто-ни-
будь, мусть, обмануть, отдохнуть, от-
пихнуть, повернуть, позабудь, пото-
нуть, путь, развернуть, разомкнуть,
упрекнуть, скакнуть, сомкнуть, уснуть,
что-нибудь

УЗ: картуз, союз, туз, уз

УЙ: буржуй, негодуй, поцелуй,
струй, тоскуй

УК: см. УГ(К)(Х)

УЛ: блеснул, взглянул, вздохнул,
гул, дул, натянул, обманул, повернул,
потянул, размахнул, прыгнул

УМ: дум, ум, шум

УН: вьюн, болтун, струн, чугун,
шхун

УР: Амур, шнур

УРЬ: бурь, лазурь

УС(Т)Ь: боюсь, бьюсь, гляжусь,
грусть, завернусь, залебнусь, качусь,
коснусь, молось, наизусть, обновлось,
416

оглянусь, опьянюсь, понесусь, прекло-
нусь, пусть, рвусь, Русь, сажусь,
сольюсь, страшусь, стремлюсь,
томлюсь, трусь, улыбнусь, унесусь
УСТ: куст, пусть, уста
УСТЬ: грусть, наизусть, пусть
УТ: см. УД/УТ
УТЬ: см. УДЬ/УТЬ
УЧ: луч, туч
УХ: глух, дух, пастух, петух, потух,
пух, слух, старух, сух

Женские рифмы

АБЫ(й): взойшла бы, могла бы, сла-
бий

АВА(О)(Ы)(й): Варшава, Варша-
вой, величава, величаво, величавой,
величавый, вправо, заставой, здраво,
златоголавой, костлявой, кровавой,
кудрявой, кудрявый, лукавый, лукавя,
нрава, орава, отраве, отравой, отра-
вы, права, право, ржавой, слава, сла-
вой, славы, травы

АВА(Ы)Х: кровавых, правых, сла-
вах

АВЕ: Варшаве, оправе, праве, славе

АВЕН: бесславен, равен

АВИТ: давит, лукавит

АВИТЬ: заправить, лукавить

АВКИ/АДКИ: давки, заставки, ла-
мпадки, лавки

АВЛЕН: направлен, прославлен

АВНА(О): издавна, православной

АВНЕЙ: давней, ставней

АВНОЙ: равной, своенравной

АВКИ: давки, лавки

АВКОЙ: давкой, травкой

АВКУ: давку, лавку

АВЛЕН: направлен, прославлен,
сдавлен, явлен

АВНЕ(И)(Й): давней, давний,
ставней, ставни

АВНО(Ы)М: исправным, славном

АВО: см. АВА(О)(Ы)(й)

АВУ: забаву, нраву, праву, славу

АВЫ: см. АВА(О)(Ы)(й)

АВЫХ: кровавых, правых

АВШЕЙ: вставшей, пролетавшей

АГА: бедняга, бродяга, варяга, вла-
га, оврага, стяга

АГЕ: влаге, враге, овраге

АГИ: влаги, овраги, саркофаги, флаги

АГОЙ: влагой, оврагу
см. также АГУ

АГОМ: магом, оврагам, саркофагом, шагом, флагом

АГУ: лягу, отвагу, сагу, стягу

АДА(О)(Ы)(И): ада, взгляда, взгляду, взгляды, водопады, гаду, града, громада, громады, досады, клады, лампаду, лампы, млада, надо, награда, награды, наядой, наяды, ограда, оградой, ограды, оградю, отрада, отрадой, отраду, парада, преграды, прохладой, прохладу, прохлады, рада, радо, рады, сада, стадом, уклада, услада, усладой, услады, хлада, Царьграда, чада

АДЕ(И): взгляде, наряде, отраде, пощаде, пряди, ради, тетради, эстраде

АД(Т)КА(О): лампадка, загадка, загадку, разгадка, сладко, сладкой, сладком, солдатка, украдкой

АД(Т)КЕ(И): загадки, заставки, кадки, кратки, кроватке, лампадке, лампадки, лопатки, прятки, Святки, складки, сладки, ребятки, рогатки, шапки, шаткий

см. также АВКИ

АДКИ: загадки, заставки, кратки, складки, сладки

АДКО: см. АД(Т)КА(О)

АД(Т)КОЙ: девяткой, загадкой, сладкой, украдкой

АДНА(О)(И): безотрадной, беспощадно, беспощадной, жадно, жадной, нарядна, нещадно, отрадно, прохладный, хладной

АДНЬИ: беспощадный, жадный, полустрадный, прохладный

АДОВ: взглядов, обрядов

АДОК: ребяток, складок, сладок, тетрадок

АДОМ: адом, взглядом, докладом, задом, рядом, садом, ядом

АДОСТЬ: младость, радость, сладость, тягость

АДУ: см. АДА(О)(Ы)

АДШИЙ: падший, полуувядший

АДЫ: см. АДА(О)(Ы)(И)

АЕМ: пребываем, раем, расплетаем

АЕТ: болтает, вздыхает, вонзает, вопрошает, вскидывает, догорает, достигают, замедляет, засыпает, знает, играет, ласкает, мешает, начинает,

огнбает, отступает, отлетает, повторяет, покидает, подползает, прельщает, принимает, пугает, расстилает, растает, ровняет, роняет, рыдает, сжимает, сияет, склоняет, таёт, толкает, угасает, узнает, умирает, уступает

АЕШЬ: вдыхаешь, истаешь, мнгаешь, отступаешь, растаешь, узнаешь

АЖДОЙ: жаждой, каждой

АЖДУ: жажду, стражду

АЖДЫ(И): дважды, каждый, однажды

АЖЕ(И): даже, экипажи

АЖЕЙ: пряжей, экипажей

АЖЕМ: ляжем, скажем, корсажем, пересажем

АЖЕ(И)Н: важной, влажен, глаже, скважины, та же

АЖЕТ: вяжет, развяжет, скажет, укажет

АЖИ(Й): вражий, стражи

АЖКА(О): бедняжка, тяжко

АЖКИ(И): бумажки, пряжки, рубашки, тяжкий

АЖНО(Ы)(И): важной, важный, вкрадчиво-протяжный, влажной, многоэтажный, отважный, продажной, продажный, протяжный, скважины

АЖУ: пряжу, стражу

АЗАН: заказан, обязан, связан

АЗ(С)КА(О)(И): ласка, лаской, маска, маской, пляска, ряска, сказка, сказкой, тряска, тряской

АЗ(С)КИ(Е): каски, коляски, краски, ласке, ласки, маски, пляски, сказке, сказки, сказкой

АЗНИ: дразнишь, казни

АЗНЬИ: безобразный, винтообразный, неотвязный, однообразный, праздный

АЗОМ: глазом, черномазым

АЗЬЮ: безобразью, грязью

АЙКИ: утайки, хозяйки

АЙНА(О)(Ы)(И): необычайный, случайно, случайны, случайный, тайна, тайнах, тайно, тайной, тайны, тайный, тайных

АКА: брака, знака, мрака, фрака

АКА(О)ТЬ: плакать, слякоть

АКЕ(И): браке, злаки, знаки, зраке, маки, мраке, мракп, раке, фраке

АКНУТ: звякнул, крякнул

АКОВ: злаков, знаков, гайдамаков, мракoв

АКОМ: злаком, мракoм

АКОТЬ: см. АКА(О)ТЬ

АЛА(О)(Ы)(Й): алой, алый, бала, бежала, благословляла, бокала, бросала, бывало, бывалой, витала, вставала, встала, втоптала, гуляла, диктовала, догорала, дорисовала, дрожала, дышала, жала, желало, журната, забрала, забрало, завещала, задрожала, зазвучала, заколдовала, зала, залой, залы, засияла, запоздала, запоздало, запоздалой, запоздалый, запоздалым, запятнала, зарыдала, затесало, звучало, знала, малый, идеала, искала, испугала, канала, капитала, качала, кинжала, кричала, либералы, мало, мелькала, мерцала, мешала, миновала, молчала, нажимала, напитала, начала, начало, нашептало, нимало, обласкала, обнимала, обстала, одичалой, одичалый, опускала, отвечала, отдыкала, отзвучала, плясала, побежала, побежало, повторяла, погибала, поднимала, познала, покрывала, покрывало, попала, порывала, послала, потеряла, преграждала, предвещало, презирала, пристало, прозвучала, проплывало, разгадала, расстрепала, расцветала, рукоплескала, сгорала, сияла, сияло, сказала, скалы, сначала, сплетала, стала, стало, стояла, стучала, стучало, талый, трепетала, угадала, узнала, укачала, украшало, уличала, умчала, упадала, упала, управляла, ускользала, уставало, устала, усталое, усталой, усталый, усталых, хохотала, целовала

АЛА(О)СЬ: застучалась, казалось, металась, наслаждалась, оборвалась, отзывалась, воссталась, осталось, поднималась, прижалось, раздавалась, разрывалась, разрывалось, рассталась, сжалось, сжималось

АЛ(А)ОС(Т)Ь: алость, врывалось, жалость, застучалось, малость, менялось, металась, миновалось, облекалось, оборвалась, осталась, отзывалась, прижалось, разрывалась, разрывалась, рассталась, сжалось, сжималась, усталость. Хаос

АЛАХ: бокалах, залах

АЛ(И)Е: бале, блуждали, бокале, бросали, выдали, вначале, возвращали, восстали, всплывали, встречали, вуали, дале, дали, дремали, дрожали, ждали, желали, зале, закрывали, за-жигали.

замечали, замирали, заплясали, звали, знавали, знали, замечали, *Италии*, качали, колдовали, кричали, к стали, лежали, мерцали, мигали, миновали, молчали, нависали, обрамляли, огибали, перевале, печали, перестали, поднимали, покрывале, понимали, привечали, приглашали, пробжали, провожали, проклинали, прощали, роптала, сверкали, сгибали, скрижали, стали, танцевали, танцовали, тосковали, трепетали, угасали, узнавали, узнали, укрывали, улетали, услышали, уставали, целовали, читали, шали, шептали, я ли

АЛЕ(И)Н: печален, причален, прогалин, ужален

АЛИЛ: жалил, оставил

АЛИСЬ: венчались, встречались, замесались, казались, клялись, остались, примечались, приобщались, *сжалься*, собирались

АЛКА(О): гадалка, жалко, катафалка, качалка, прялка, фиалка

АЛКЕ(И): балки, гадалки, галки, палке

АЛКИ(О)Й: жалкий, русалкой

АЛЕ(И)(Й): далей, вакханалий, печалей, сандалий, трепетали

АЛОК: жалок, русалок

АЛО(Ы)М: алым, балом, залом, жалом, покрывалом, *прижала*, *сжала*, *стала*, *усталом*, *усталым*

АЛСЯ: боялся, *государство*, качался, надрывался, повстречался, поднимался, приподнялся, сбивался, смеялся, спотыкался, старался, шатался, шептался

АЛЪДА: скальда, Уайльда

АЛЪНЕ(И)(О)(Ы)(Й): банальной, безначальной, беспечальной, беспечальный. вечальный, дальней, дальний, дальней. дальний, гениальной, зеркальной, зеркальный, идеальной, либеральный, музыкальной, нахально, нахальной. нахальный, недальный, овальный. опочивальне, пасхальной, пасхальный. первоначальной, первоначальный. печальной, печально. печальной. печальный, погребальной. прощальной. прощальный, принципиально. принципиальной. радикальный. случайной. спальне. спальной. хрустальной. хрустальный

АЛЪНИ(Ы)Х: дальних, дальных, печальных

АЛЪ(Й)СА(Я): вальса. *остались*, жалься, скитайся

АЛЪНИЦ: купальниц. молчальницы

АЛЪСТВО: нахальство, начальство
АЛЪЮ: вуалью, далью, печалью, спиралью, сталью, *талию*

АЛЪЦЕВ: пальцев, скитальцев

АЛЪЦЫ: пальцы, скитальцу, скитальцы

АЛЪ(Й)(Н)ЧИК: балаганчик, жальче, зайчик, мальчик

АЛЫ(Й): алый, вассалы, Галлы, залы, задрожало, запоздалый, кинжалы, либералы, малый, побежало, покрывало, скалы, талый, умчало, ускользала, усталой, усталый

АЛЫХ: запоздалых, малых, небывалых, увялых, усталых

АМА(Ы)(Й): дама, дамы, мамы, самый, упрямый, храмы

АМЕ(И): богами, брегами, бубенцами, буранами, вами, веками, ветвями, винтами, волнами, ворожеями, врагами, *вспоминали*, вымпелами, вьюгами, вьюнами, глазами, глубинами, годами, голосами, горами, горстями, дарами, делами, днями, домами, жемчугами, журавлями, за нами, звездами, землями, зная, зубами, камышами, клоками, клочками, конями, кормами, корнями, корстами, крестами, кругами, кружками, крылами, лесами, лугами, лучами, маме, мечами, мечтами, мирами, мольбами, морями, мужиками, нами, небесами, ногами, ночами, образами, огнями, очами, пажами, песками, пирами, *пламень*, *пламя*, плечами, плугами, полями, прудами, путями, rame, реками, речами, руками, рядами, садами, сами, санями, скалами, слезами, словами, слоями, снами, снегами, снопами, стихами, столбами, странами, струями, сынами, тенями, теремами, тропами, трудами, усамн, хвалами, холмами, храме, цветами, цепями, часами, чертями, шагами, шелками, языками

АМЕНЬ: камень. пламень. *полками*

АМНИ: камни. *пламени*

АМНЯ: камня, *ясно*

АМОЙ: мамой, рамой

АМПЫ: лампы, рампы

АН(Н)А(О): Анна, аэроплана, бездыханна, безжелданно, бурана, Иоанна. Корана, Несказанны, обмана, океана. Осанна, пряно, пьяно, рано, ресторана. романа, рьяно, стакана, стана, стану. странно, странной, *странный*, тумана. туманно, туманной, туманный, туманы
АНА(О)М: бурьянам, мирьянам, океаном, ранам, Светланы, туманам, туманом, *туманы*

АНАХ: Балканах, океанах, туманах

АНГЕЛ: ангел, фланги

АНДА: команда, Роланда

АНЕ(И)(Й): брани, бурьяне, воспоминаний, *встанет*, *втайне*, гаданий. герани, грани, диване, длани, желаний, желанье, заране, зданий, лобзаний, *манит*, метаний, мечтаний, мещане, *няня*, ожиданий, океане, очертаний, поляне, ранний, рукоплесканий, сани, свиданий, сгораний, сияньи, сказаний, содраганий, стане, ткани, тканей, тумане, туманит, урагане, цыгане

АНЕН: ранен, странен

АНЕ(И)(Т): взглянет, встанет, взглянет, затуманит, затянет, канет, *няня*, обманет, отуманит, ранит, тумане, устанет

АНЕЦ: глянец, иностранец, испанец, посланец, румянец, танец

АНЕШЬ: взглянешь, встанешь, канешь, манишь, обманешь, устанешь

АНИЙ: блужданий, воздыханий, воспоминаний, гаданий, зданий, метаний, мечтаний, несмыканий, очертаний, содраганий, страданий, терзаний, тканей, *ткани*

АННИК: изгнанник, странник

АНКУ: наизнанку, осанку, шарманку

АНОВ: диванов, *несказанным*, стаканов, туманов

АН(Н)О(Ы)(Й): багряный, благоуханный, венчанной, венчаный. долгожданный, желанный, желанны, званный, нерасказанной, несвязанной, несказанной, неустанно, обуянный, оловянный, пьяный, румяный, стеклянный, *стекляном*, странной, странной, туманной, туманный, туманы

АН(Н)О(Ы)М: багряным, благоуханным, благоуханным, бездыханным. Дон-Жуаном, желанным, кар-

манном, нежданн^{ый}, несказанным, неустанным, обманом, окаянн^{ом}, океаном, оловянным, станом, странным, туманом, туманы

АН(Н)ЫХ: благоуханных, нежданных, обетованных, странных, туманных

АНСТВО: пространство, убранство

АНТОМ: бантом, кантом

АНТЫ: куранты, франты

АНУ: восстану, рану, стакану, стану

АНУЛ: глянул, грянул, канул, прынул

АНУТ: вянут, завянут, затянут, обманут, растянут, станут, стянут

АНУТЬ: воспрянуть, увянуть

АНЦА: румянца, танца

АНЦЫ: глянце, танцы

АНЦЕ: глянце, танце

АНЬЕ(И)(Ю)(Я): благоуханье,

благоухани, благоуханью, богопознания, вниманья, воздаянья, воззванье, воспоминанье, воспоминанья, восстанья, всепознания, вниманья, гаданья, дланью, до свиданья, дрожанье, дыханье, дыханьи, дыханью, желанье, желанья, журчанье, званья, завыванье, зданье, зданья, знанье, знанья, избранья, изгнанья, издыханья, издыхания, исканий, названья, негодования, незнание, незнания, мерцанье, мерцанья, метанья, мечтанье, мечтания, мирозданье, молчанье, молчаньи, молчанью, молчания, обаянья, обещанье, обещанья, одеянья, ожиданье, ожиданьи, ожиданья, оправданья, очарование, очарованья, очертанье, очертаньем, очертанья, пальмой, познание, познанию, покаянья, посланья, преданья, призванье, приказанья, прощанье, ржанье, рокотанье, роптанье, свиданья, сиянье, сиянья, сказанья, скитанья, слияния, содроганьи, содроганья, созданья, сознанья, сострадания, страданье, страдания, существование, трепетанье, тканью, тумане, указанья, шептанья

АНЬЕ(Я)М: вниманьем, воспоминаньем, дыханьем, напоминаям, мерцаньем, молчаньем, обаянием, ожиданием, оправданья, отрицанием, очарованьям, писаньям, признанья, сверканьем, сиянием, созданием, содроганье, содроганьем, созданием, соз-

дания, сострадания, страданьем, тоскованьем

АНЬКА: глян-ка, нянька

АННЫМ: деревянным, странным

АН(Н)ЫХ: благоуханных, нежданн^{ый}, пьяных, румяных, странных, туманных

АНЫ: Балканы, караваны, обманы, океаны, поляны, раны, рестораны, Светланы, страны, тумана, туманы, ураганы

АПА(О)Й: закапай, папой

АПАХ: запах, лапах, этапах

АПЕРТЬ: паперть, скатерть

АПКУ: в охапку, шапку

АПЛЕ(И): капле, цапли

АПУ: лапу, папу, шляпу

АРА: дара, жара, кара, пара, пожара, удара, троттуара, удара, чары, Эдгара

АРАМ: ударам, чарам

АРЕ: паре, троттуаре

АРИЙ(Ю): карий, ударю

АРИ(К): гвари, фонарик

АРИТЬ: жарить, шляпю

АРИЩ: пожарищ, товарищ

АРКИ: жарки, флогарки

АРКО: жарко, ярко

АРКОЙ: жаркой, яркой

АРНОМ: благодарном, фонарном

АРОК: арок, подарок, ярок

АРОМ: даром, жаром, недаром,

паром, пожаром, самоваром, ударом

АРОСТЬ: старость, ярость

АРУ: базару, пару

АРУС: стеклярус, парус

АРТА(Ы): азарта, карта, карты, марта, Моцарта

АРЧЕ: жарче, ярче

АРЫ: бары, кары, пары, пожары, троттуары, удары

АРЫЙ: старый, ярый

АРЫХ: поджарых, старых

АСА(О)М: атласам, гласом, часом

АСЕН: красен, прекрасен, ясен

АСИЛ: обезопасил, окрасил

АСНО: гасну, напрасно

АСОЙ: гримасой, темновласой

АСОМ: атласом, гласом, часом

АССЕ: кассе, массе

АСТИ(Й): власти, запястий, отчасти, ненастий, снасти, страсти, счастье, счастья, счастью, счастья, части

АС(Т)НА(О)(Ы)(Й): безмятежно-ясный, безучастно, безучастный, бес-

страстна. бесстрастно. бесстрастный. властно, властной. *гасму*, красной. красный, молитвенно-бесстрастный. опасной, напрасно. напрасный. напрасны, ненастной. несогласны, несчастно. несчастный, неясной, подвластна, прекрасна. прекрасно, прекрасной, прекрасный, прекрасным. причастна, причастны, согласна. согласно, согласный, страстно, страстной, страстный, ужасна, ужасный, ярко-красной, ясно, ясной, ясны, ясный

АСТНЕЙ: бесстрастней, прекрасней

АС(Т)НО(Ы)М: атласным, безучастным, красным, несчастным, опасном, прекрасном, прекрасным, страстным, ужасным, червленно-красным. ясным

АС(Т)НЫХ: напрасных, неясных, прекрасных, страстных, ужасных, ясных

АСТЬЕ(И)(Я): запястье, Лиллас-Пастья, *ценастье*, ненастья, ненастья, сладострастье, сладострастья, *страсти*, счастье, счастья, счастья, участья

АСТЬЕМ: ненастьем, счастьем

АСТЬЮ: властью, несчастью, страстью, счастью

АТА(О)(Ы)(И): Беато, брата, вату, возврата, *глашатай*, горбатый, заката, закату, злата, злато, зубчатой, когда-то, *красноватый*, крылатый, куда-то, *латах*, латы, лопаты, набата, объята, палаты, пернатый, примята, разврата, раската, раскаты, рогатый, свято, Сената, сжатый, солдатта, *трикраты*, утрата, утраты, *хвостатый*, хрипловатый, чиста ты, чревата

АТВОЙ: жатвой, клятвой

АТЕ(И)(И): закате. объятий, *платье*. халате

АТЕЛЬ(И): ваятель, мечтатель, онователь, писатель, предатели, *фрегаме*

АТЕН: внятен, понятен, пятен

АТЕ(И)(И): закате, заклятий, занятий, объятий, понятый, проклятий. распятей, ратей, рати

АТНА(Е)(О)(Ы)(И)(М): беззакатный. благодатна. благодатный. внятной. внятный. внятным. возвратный. закатный, златодатный. невнятно. невнятны, невнятный. невозратным. не-объятней. необъятный. непонятна. непонятной. непонятным. понятна. по-

нятны, понятный. пятна, ратной. ратный

АТНИК: латник. развратник

АТНЫМ: ароматный, благодатным, внятным. невозратным. непонятным

АТНЫХ: необъятных, статных

АТОЙ: лопатой, желтоватой. ломатой, покато

АТОК: краток, остаток

АТОМ: ароматом, зубчатым. крылатом, платом, подъятым, раскатом

АТСТВО: богатства, богатство. братства, братство

АТ(Ц)СКОЙ: братской, дурацкой. солдатской

АТУ: вату, закату

АТЬЕ(Я): братья, заклятья, изьятья. кровать *ей*, объятья, платье, платья. *предприятых*, проклятье, проклятья, *распятем*, *ренегате*, *рукопожатем*. *рукопожатья*, узнать я

АТ(Б)СЯ: бояться, встречаться. втираться, дожидаться, забываться, заступаться, издеваться, казаться. любоваться, называться, обнажаться. отражаться, подняться, показаться. притворяться, притворяться, разгораться, раздаваться, разорваться, разрешаться, *сказаться*, смеяться, терзаться. удивляться, целоваться, шататься

АТЫ(Й): голубоватый, закаты. крылатый, *крылатым*, латы, лопаты. мяты. палаты, пернатый, примятой. примятый, *проклятым*, раскаты. сжатый, смятый, хрипловатый, шербаты

АТЫХ: бесноватых, красноватых

АТЬЯ: см. АТЬЕ(Я)

АТЯТ: прикатят, растрятят

АХА: Андромаха, праха, страха

АХИ: монахи. пряхи

АХОМ: прахом, страхом

АЦИЙ: облигаций, федераций

АЧА: задача, неудача, плача

АЧЕН: назначен, схвачен

АЧЕ(И)Г: доскачет, значит. плачет. прискачет

АЧЕ(И)ШЬ: значишь, плачешь

АЧИ: клячи, *ходячей*

АЧ(Б)ТЫ: мачты, плачь ты

АЧУ: задачу. заплачу. наудачу. плачу. удачу

АША(Е): краше. наше. чаша

АШЕН: башен. нестрашен. пашен. страшен. украшен

АШЕТ: запляшет, машет, опояшет, пляшет, промашет, пропляшет

АШИ: наши, чаши

АШНЕ(И)(й): башни, бесстрашной, всегдашний, вчерашней, пашни

АШНИХ: вчерашних, страшных

АШУ: вашу, чашу

АЩЕ(И)Й: блестящей, глядящей, грозящей, звенящей, звенящий, леденящий, летящей, настоящей, непреходящей, палящей, скользкий, смотрящей, спящей, струящей, хрустящей

АЩИЙ: леденящий, непреходящий, скользкий, смотрящий

АЩИХ: давящих, настоящих

АЮ: бросаю, вплетаю, выпускаю, забываю, заклочаю, знаю, играю, измеряю, краю, ласкаю, повторяю, погибаю, позволяю, посылаю, принимаю, различаю, рассталаю, остерегаю, раю, слагаю, узнаю, чаю

АЮ(Я)СЬ: вдохновляясь, задыхаясь, извиваясь, испугаюсь, качаясь, ласкаясь, поклоняюсь, признаваясь, пускаюсь, пытаюсь, расплываясь, склоняюсь, улыбаюсь

АЮТ: достигают, знают, мешают, покрывают, проникают, разрывают, сжимают, сжимают, убегают, умирает

АЯ: большая, былая, внимая, возрастающая, воскресая, вступающая, выражая, глухая, грозовая, доверяя, догорая, другая, живая, задевая, зажигая, закрывающая, залетая, залитая, замирающая, замыкая, запевающая, заревающая, засыпающая, земная, злая, зная, знаю, золотая, играющая, изжитая, изнемогающая, изнывающая, иная, края, кружевная, мая, меньшая, мерцающая, младая, молодая, насыпающая, немая, ночная, огибающая, оплетающая, остерегающая, открывающая, отлетая, отступающая, отряцая, передавая, площадная, покидая, прерывающая, припоминающая, простая, прощая, пустая, разделяющая, разрывающая, растаяющая, рая, родная, свершающая, сгорая, Сенная, случая, снеговая, сплетающая, стая, тая, угасая, узнавая, улетающая, умирающая, управляющая, уступающая, цветная, чужая

АЯСЬ: см. АЮ(Я)СЬ

ЕБА: неба, небо, не был, хлеба, Эреба

ЕБЕ: гибель, изгибе, небе, хлебе

ЕБИ: жребий, небе, хлебе

ЕБЛЮ: колеблю, стеблю

ЕБУ: на потребу, небу, небом, требу

ЕВА: гнева, дева, девы, королева, напева, напевы, слева, Хранительница-Дева

ЕВЕ: гнев, деве

ЕВЫ: девы, напевы, Хранительницы-Девы

ЕВНА(О): **внемлют, дремлют**, королевна, напевно, царевна

ЕВНЕ(И)(Й): деревни, древний, царевне

ЕВНИ(Й): деревни, древней

ЕВНО(Ь)Й: гневный, царевой

ЕВНОСТЬ: гневность, ревность

ЕВОМ: гневом, девам

ЕВНЫ: безгневны, царевны

ЕВНЫХ: **вседневных, душевных, повседневных**

ЕВСКИ(О)Й: Вревской, Достоевский

ЕВШИМ: опустевшим, сидевшим

ЕГА: бега, Вега, омега, снега

ЕГЕ(И): бега, неги

ЕГО: него, ничего, отчего

ЕГОМ: бегом, ночлегом

ЕДА: деда, победа

ЕДА(О)Й: беседой, исповедающей, обедом, победой

ЕДА(О)М: дедам, неведом, **неведомо**, обедом, победам, седом, следом

ЕДЕН: беден, обеден

ЕД(Т)КА(Е)(И)(й): ветка, ветки, ветку, дедка, детки, редкий, **смерти**, соседке

ЕДНЕ(И)(й): бредни, обедни, обедней, последней, последний

ЕДНИХ: последних, соседних

ЕДНО(Ь)Й: бедной, бедный, бесследно, бледной, бледный, заповедной, медной, медный, победный, покорно-бедный

ЕДНОСТЬ: бедность, бледность

ЕДОМ: дедом, неведом, **неведомо**, обедом, победам, следом

ЕДРА: кедра, шедро

ЕД(Т)СТВА(О): детства, наследство

ЕДЫ: велосипеды, ведал, изведал, победы

ЕЕ(И)(Ю)(Я): белее, белея, быстрее, вею, виднее, владею, звончее, колее, нею, музею, немея, пламенея, Саломею, сильнее, скорее, слабее, смею, солее, сробею, умею, чернее, шее

ЕИ(Я): аллеи, галлерей, реи, рея, Саломея, феи

ЕЕМ: веем, деем

ЕЕ(Ю)Т: алют, вечерет, веет, греет, зреет, лелют, пламенеют, рассеет, редет, реет, смеет, сожалеет, тяжелеет

ЕЖДА: надежда, одежда

ЕЖДАМ: надеждам, одеждам

ЕЖДАХ: надеждах, одеждах

ЕЖДЕ: надежде, одежде, прежде

ЕЖДЫ: вежды, надежды, невежды, одежды

ЕЖЕН: белоснежен, нежен

ЕЖЕТ: разнежит, режет, скрежет

ЕЖИЙ: прибрежий, свежий

ЕЖНЕ(И)Й: безнадежной, мятежной, прежней, прежний

ЕЖНО(Ы)Й: безбрежной, безбрежны, безбрежный, безмятежной, белоснежной, безнадежной, зарубежной, мятежной, мятежный, нежно, нежной, нежный, неизбежный, оснеженный, прибрежный, снежной, снежный, среброснежной

ЕЖНО(Ы)М: нежным, снежном

ЕЖНОСТЬ: безбрежность, безмятежность, безнадежность, мятежность, нежность, неизбежность

ЕЖНЫХ: нежных, снежных

ЕЗВОЙ: резвой, трезвой

ЕЗДА(Ы): звезды, наезды, подъезда

ЕЗДНА(Ы)М: безднам, железным, звездным

ЕЗДНА(Ы)Х: безднах, среброзвездных

ЕЗДНЕ: бездне, болезни

ЕЗ(Д)НО(Ы)Й: бездни, бездной, бездни, беззвездный, бесполезной, бесполезный, железной, железный, звездно, звездной, звездный, звездным, над бездной, надзвездной, надзвездный

ЕЗ(С)КА(О): блеска, дерзко, резко

Е(Р)З(СК)И(Й): занавески, дерзкий, упорно-дерзкий

ЕЗОК: отрезок, резок

ЕЙНОЙ: легковойной, светлосмешной, чародейной

ЕКА: аптека, века, отвика, человека

ЕКЕ(И): веке, веки, навеки, реки

ЕЛА(О)(Ы)(Й): алела, белой, белый, бледнела, бодела, глазела, глазело, горело, гремела, гудела, дела, дело, догорела, догорело, завечерело, запе-

ла, зардела, захотела, звенела, леденела, оледенела, отлетела, отлетело, отшумела, отшумело, отяжелой, оцепенело, оцепенелой, пела, пело, побелело, поглядела, помолодело, потемнело, предела, пределы, сидела, сгорела, смело, тела, тело, холодело, хорошела, хотела

ЕЛА(О)(Ы)М: белом, белым, делом, оцепенело, оцепенелой, смело, смелом, тела, телом, уделом

ЕЛАСЬ: забелелась, загорелась

ЕЛЕ(И): Бореля, газели, горели, деле, догорели, дозвенели, доселе, ели, жалели, заалели, звенели, келий, колыбели, кудели, купели, мели, метелей, метели, мятели, надоели, неделе, недели, неделю, отзвенели, отлетели, панели, пели, пламенели, приделе, прозвенели, пролетели, радели, рдели, свирели, скрипели, слетели, смели, спели, смотрели, трели, улетели, успели, форели, хмель, цели, чернели, щели

ЕЛЕ(И)Й: веселий, зелий, каруселей, карусели, келий, кудели, метелей, новоселий, хмель

ЕЛЕ(Я)М: метелям, неделям, хмелем

ЕЛОЙ: белой, оторопелой, отяжелелой, стрелы

ЕЛО(Ы)М: белом, белым, делом, смелым, телом

ЕЛБЕ(Ю)(Я): веселье, веселью, веселья, келье, келью, метелью, новеселье, постелью, похмелья, трелью, ущелье, ущелья

ЕЛБЕ(Я)М: весельем, похмельем, похмельям, ущельям

ЕЛБНО: бесцельно, беспредельно, смертельно

ЕЛБНОМ: запредельно, хмельном
-ЕЛБНЫ: единоцельны, нераздельны

ЕЛБНЫХ: бесцельных, запредельных

ЕЛЫ: несмелы, ресницы-стрелы, оторопелый, стрелы

ЕЛЫХ: белых, пожелтлых

ЕЛЯХ: метелях, постелях

ЕМА(О): Вифлеема, немо, шлема

ЕМИ(Я): бремя, время, всеми, семя, тми

ЕМЕЛ: онемел, пролетел

ЕМЛЕМ: задремлем, землям

ЕМЛЕТ: дремлет, подъемлет

ЕМЛИ: земли, приемли
ЕМЛЮ: землю, объемлю
ЕМЛЮТ: внесмлют, дремлют, ко-

ролевна

ЕМОН: демон, нем он

ЕН(Н)А: бренно, геенна, измена, колена, мгновенна, пена, *пену*. плена, Равенна, Сисна, *смену*, *стену*, тлена, Venena

ЕНЕН: откровенен, смиренен

ЕН(Н)Е(И)(Й): брений, вдохновенный, весенний, видений, вожделий, волнений, гений, движений, забвений, исступлений, колени, кружений, курений, лени, мгновений, мнений, молений, мучений, осенний, откровений, поклонений, поколений, полутени, преображений, привидений, растений, селений, сени, смене, сомнений, тени, сновидений, стремлений, ступений, ступени, сцене, творений, тени, тлений, хулений, *ценим*

ЕННОЙ: священной, сокровенной

ЕН(Н)О(Ы)(Й): бесценно, бесценный, блаженный, блаженный, вдохновенной, вселенной, дерзновенной, колена, мгновены, многопенный, надменный, неизреченной, нетленной, пенный, переменный, пленный, презренно, почтенный, проникновенный, смиренно, совершенной, сокровенной, стену, стены, сцены, тленный

ЕННОМ: смиренном, тленном

ЕННЫМ: блаженным, колено-преклоненным

ЕННЫХ: вдохновенных, сокровенных

ЕНОЙ: пеной, сиреной

ЕНСКОЙ: вселенской, женской

ЕНСТВО: блаженство, совершенство

ЕНТАХ: лентах, позументах

ЕНЬЕ(И)(Ю)(Я): бденья, биенье, вдохновенье, вдохновенью, вдохновенья, вдохновеньям, виденье, виденья, возвращенья, воззренья, воззреньях, возрожденье, возрожденью, волненье, волненья, воображенья, воскресенье, Воскресенья, восхищенья, восхищенья, впечатленья, выраженьем, горенье, движенье, движенья, дерзновенья, забвенья, забвенья, забвенью. забвенья, заточенье, заточенья. звенья, значенья, значенье, зренья, изображенья, изумленья, искупленья, ускуше-

ньем, искушенья, истленья, истребленья, исступленья, исцеленье, исцеленья, каменья, крещенья, круженья, круженья, курения, *ленью*, мировоззренья, мгновенье, мгновенья, моленье, моленья, мученье, мученья, наслажденья, обновленья, общенье, опыаненья, отдаленья, отделенье, отдохновенья, откровенье, откровенья, отраженье, отраженья, отраженьем, паденье, паденья, паренья, пенье, пенья, пенью, повторенье, повторенья, повторенья, подозренья, появленье, поклоненье, поколенья, презренья, презренья, Преображенья, приближенье, приближенья, прикосновенье, прикосновенья, примиренья, пробужденье, промедленья, поколенья, просвещенья, рожденья, самозабвенья, селенье, селенья, смиренье, смиренья, смущенья, смятенья, сновиденье, сновиденья, сновиденьем, сновиденью, сновиденья, сновиденьях, сожаленья, сомненье, сомненья, сомненья, спасенье, спасенья, стремленье, стремленья, стремленья, строенье, ступенью, творенья, тенью, теченье, теченья, теченью, тленья, томленье, томленья, уверенья, угнетенья, угнетенья, удивленья, умиленья, униженье, униженья, упоенье, упоенья, упоенье, успокоенье, утешенья, цепенья

ЕНЬЕ(Я)М: забвеньям, мгновеньем, унижотженьем, упоеньем

ЕНЬЮ: пенью, ленью, сновиденью, ступенью, тенью

ЕНЫ: вены, измены, колено, пены, перемены, сирены, стены

ЕПЕ(И)(Й): великопей, нелепей, склепе, степи, цепи

ЕПЕТ: лепет, трепет

ЕПЛА: ослепла, пепла

ЕПЫ: склепы, слепы

ЕПЬЮ: великопелью, степью, цепью

ЕПЧЕ: крепче, легче, покрепче, шепчет

ЕРА(Ы)(Й): Венера, Венеры, вера, веры, гренадеры, кавалера, меру, меры, офицера, пещеры, портьера, примера, серы, серый, сферы, холера, химеры

ЕРЕ(Й)(И)(Ю)(Я): берег, близких, вере, верю, веря. двери, дщери, звери, зверю, зверя. измерю, Мэри, меря, навечерий, обмерить, перий. пещере,

поверим, потере, потери, потерю, сквере, сфере, уверен

ЕРЕ(И)М: верим, измерим, мерим, терем

ЕРИ(И)(Й): верит, двери, дщери, звери, колени, материй, Мэри, обмерить, перий, перья, пещере, поверили, поверим, поверит, повечерий, потере, потери, сквере, сфере, уверен

ЕРИ(Ю) (Я): двери, верю, веря, зверя, зверю, измерю, мера, потерю

ЕРИЛ: верил, измерил, лицемерил, поверил

ЕРИТ: верит, двери, поверит

ЕРИТЬ: верить, двери, измерить

ЕРЛА: жерла, перлы

ЕРНЕ(И)(Й): безмерней, безмерный, верный, вечерне, вечерней, вечерни, вечерней, вечерний, лицемерный, свергни, суеверней, терний, черни

ЕРНИК: Коперник, соперник

ЕРНО(Ы)(Й): безмерно, безмерной, верно, верны, верный, мерно, лицемерный, непомерно, непомерны, примерной, примерный, суеверной

ЕРНОСТЬ: безмерность, неверность

ЕРО(Ы)(Й): верой, веруй, железно-серый, красно-серый, пурпурово-серый, мерой, серой, серый, сферой, химерой

ЕРОМ: примером, Флобером

ЕРЬЕ: недоверье, перья

ЕРЬЕМ: двоеверьем, неверьем

ЕРЬЮ: дверью, перья

ЕСКА(О)М: блескам, плеском

ЕСКЕ: блеске, треске

ЕРТВЫ: жертвы, мертвым, мертвых, светы

ЕРТИ: ветви, смерти, чертит

ЕРЦЕ: дверце, дверцу, дверцы, единовеццев, иновецца, сердца, сердце, сердцу, солнца, солнце

ЕРЫ: манеры, меры, сферы, химеры

ЕСА: занавеса, леса

ЕСОВ: навесов, отвесов

ЕСА(О)М: бесам, лесом, навесом

ЕСЕЛ: весел, кресел, повесил

ЕСЕН: песен, плесень, тесен, чудесен

ЕСИ(Й): веси, поднебесий, поднебесный

ЕСКА(О)М: блескам, плеском

ЕСКЕ: блеске, треске

ЕСЛА: весла, несла

ЕСНИ: воскресни, песни

ЕС(Т)НЕ(Я)(Й): песне, песней, песня, прелестней, чудесней

ЕС(Т)НО(Ы)(Й): безвестной, бессловесной, бестелесной, бестелесный, древесной, веси, известно, известной, известны, небесной, небесный, неизвестно, неизвестной, неизвестны, неизвестный, неизвестным, окрестной, окрестный, поднебесной, поднебесный, прелестной, тесно, тесной, тесный, чудесно, чудесной, чудесный

ЕС(Т)НЫМ: бестелесным, неизвестным

ЕСТА(О)(У): невеста, невесту, место

ЕСТВА: детства, наследства

ЕСТЕ(И): вести, вместе, месте, мести, невесте, персти, предместье, честен, чести

ЕСТНИЦ: вестниц, лестниц

ЕСТОМ: жестом, местом

ЕСТНОСТЬ: неизвестность, окрестность

ЕСТЬЮ: вестью, ветвью, лестью, мостью

ЕТА(У)(У)(Ы)(Я): Бекетов, Гамлета, где-то, где ты, веер, ветер, вечер, встреча, завета, заветы, комета, кометы, лета, лето, недопета, недопето, обеты, одета, ответа, ответы, планета, планеты, поэта, поэты, привета, приметы, просвета, ракета, рассвета, рассвете, рассветом, расцвета, расцвете, расцвету, света, свете, светом, свету, светы, север, согрета, согреты, сонета, университета, цвета, эта, это, этой

ЕТЕЛ: встретил, гневно-светел, заметил, ответил, рассвете, свете, светел, светил, пепел, петель

ЕТЕЛЬ: добродетель, свидетель

ЕТИ(Й): дети, заметил, планете, плети, рассвете, расцвете, сети, соцветий, столетий, эти

ЕТИТ: встретит, ответит, светит

ЕТИТЬ: встретить, заметить, обесцветить, ответить, отметить, приметить

ЕТКУ: клетку, сетку

ЕТНО(Ы)Й: безответной, безответном, заветной, заветный, многоцветной, многоцветном, незаметно, несметной, ответный, предрасветной, приветно, приветной, приветный, семицветной, семицветный, смертной, смертный

ЕТО(Ы)М: воздетым, обетам, поэтом, рассветом, светом, силуэтом, согретом, цветом, этом

ЕТРА: ветра, геометра

ЕТРОМ: ветром, поэту, свету

ЕТСКОЙ: детской, немецкий

ЕТЫ: см. ЕТА(У)(Ы)

ЕТАЯТ: встретят, заметят

ЕХА(О)(М): мехом, смеха, смехом, поеха, проехал, эхо, эхом

ЕЦКИЙ: половецкий, турецкий

ЕЧЕН: встречен, замечен

ЕЧЕТ: лепечет, мечет

ЕЧЕ(И)(Й): встречи, встрече, встречей, встречи, встречу, далеке, навстречу, наречий, плечи, речи, свечи, сече, сечи, человечей

ЕЧИТЬ: вочеловечить, увековечить

ЕЧКИ: колечки, крылечке, овечки, печки, речки, свечки

ЕЧКО: колечко, сердечко

ЕЧНО(Ы)(Й): бесконечно, бесконечной, бесконечном, быстротечный, вечно, вечной, встречный, меч мой, млечной, остроконечной, сердечной, сердечный

ЕЧНО(Ы)М: бесчеловечным, вечном, встречным, млечным

ЕЧНОСТЬ: бесконечность, беспечность, вечность

ЕЧУ: встречу, замечу, изувечу, навстречу, намечу, отвечу, предгечу, речи, свечи, сеча

ЕШЕ(И)М: потешим, почешем

ЕШКОЙ: насмешкой, пешкой

ЕШНА(О): безгрешна, грешно, неспешно, неутешно

ЕШНЕЙ: вешней, нездешней

ЕШНЫЙ: грешный, неспешный

ЕЩЕТ: блещет, рукоплещет, скрежещет, трепещет

ЕЩИЙ: вешей, зловеще, зловещей

ЕЩИМ: вешим, зловещим

ЕЩУТ: расплещут, трепещут

ЕЮ: вею, владею, нею, пламеняю, смею, умею

ЕЮТ: алеют, лелеют

ЕЯ: алея, аллея, аллеи, белея, бледнея, владея, Галилея, жалея, слабяя, рея

ЕЯЛ: веял, реял

ЕЯН: оваян, осмаян

ЕЯТЬ: веять, реять

ИБЕ(И)(ЛЬ): гибель, зыби, изгибе

ИБ(П)ЖЕ(И): гибки, ошибке, скрипки, улыбки

ИБКИ(О)Й: гибкий, зыбкий, зыбкой, скрипкой, улыбкой

И(Ы)БКА(О)М: зыбком, улыбка

ИБОК: скрипок, улыбок

ИБЫ: глыбы, могли бы

ИВА(О)(Ы)(Й): визгливый, говорливый, грива, гривы, дива, диво, живо, живы, залива, ивы, красивой, лениво, ленивой, ленивый, лжива, лживо, лживой, локомотива, льстивый, многогоречиво, молчаливо, молчаливой, молчаливый, некрасиво, некрасивой, нелживый, неторопливо, нивы, обворожительно-красивой, обрыва, оливей, паршивый, переливы, порывы, похотливой, призыва, прилива, прихотливой, прихотливо, разлива, ревниво, самолюбивый, сиротливо, стыдливой, счастливой, счастливый, торопливой, тоскливо, тоскливой, трудолюбивой, шаловливой, шелудивый

ИВА(Ы)Х: извилах, красивых, нивах, ретивых, строптивых, счастливых

ИВНО(Й): дивно, гимна, заунывной, разливной

ИВНЫХ: призывных, разливных

ИВОМ: переливом, порывом

ИВ(Б)ШЕ(И)М: дарившим, жившим, непогибшим, победившем, погибшем, погибшим, разбившем

ИГА: книга, птица

ИГАМ: книга, мигам

ИГАХ: книга, мигах

ИГИ: книги, миги, Цуниги

ИГЛА(Ы): застигла, иглы, настигла

ИГУ: книгу, мигу

ИДЕЛ: обидел, провидел

ИДЕТЬ: видеть, возненавидеть, ненавидеть, увидеть

ИДЕ(И)ШЬ: видишь, ненавидишь, слышишь, снидешь, увидишь

ИДНО: бесстыдно, завидно, обидно, стыдно

ИДЫ: обиды, панихиды, плакиды

ИДЯ: видя, ненавидя

ИЕ(Ы)(Я): былые, большие, вековые, ветровые, вития, *взоры я*, впервые, глухие, голубые, розовые, другие, живые, заревые, земные, злые, золотые, иные, какие, лесные, Мария, мессия, младые, молодые, неземные, немые, ночные, огневые, пустые, пуховые, родные, роковые, росписные,

Россией, России, Россия, седые, стальные, стихия, хмельные, чужие

ИЖЕТ: движет, лижет

ИЖЕ: ближе, вижу, завижу, ниже, Париже

ИЖНО(Ы)(Й): книжной, недвижны, непостижной

ИЗАМ: карнизам, ризам

ИЗАХ: карнизах, ризах, **розах**

ИЗ(С)КИ: близки, обелиски

ИЗ(С)КИЙ: близкий, низкий

ИЗКИХ: близких, *берег*, низких

ИЗКО(Й): близко, близкой, низко, **низком**

ИЗНА: *жизнью*, отчизна, *тризной*

ИЗНЕ(И): жизни, отчизне, *тризне*

ИЗ(Г)НУЛ: брызнул, взвизгнул

ИЗОВ: вызов, карнизов

ИЗОК: близок, низок

ИЗОЙ: ризой, сизой

ИЗОСТЬ: близость, низость

ИЗЫ: карнизы, ризы

ИКА(О)М: владыкам, вскриком, гиком, двуликом, крикам, криком, ликом

ИКИ(О)(Й): безбожно-дикой, безликий, бледноликий, великий, великих, великой, двуликий, двуликой, дики, дикий, дикой, крики, лики

ИКНЕТ: возникнет, никнет, проникнет

ИКОВ: криков, ликов

ИКОМ: двуликом, дико, гиком, дико, ликом, крикам, криком, крику, ликом

ИЛА(О)(Ы)(Й): белокрылый, блудила, бродила, будила, было, вилла, виллы, вилы, вдохновила, ветрило, водила, воскресила, вступила, всходила, всходило, входила, входило, выносила, выходила, говорила, говорило, грустила, дарила, делала, жилы, жило, забыла, заполонила, заслонила, застыло, затмило, изменила, изменило, исказила, иссушила, кадила, кадило, кормила, кормило, кривила, любила, любило, манила, манило, мило, милой, милый, могила, могилой, могилы, научила, немиллой, низводила, Нила, нисходила, носила, облачила, оглушила, озарила, освятила, ослепила, оставила, отворила, оттенила, паникадила, победила, повторила, позабыло, полбила, помилуй, постылый, преобразила, пробудила, простила, про-

ходило, разбудила, разъединило, распустила, *рылом*, роднила, светила, светило, сибилла, сила, силой, силы, сманила, смугило, соединила, сохранила, сохранило, сулила, темнокрылой, томила, торопила, убелила, уныла, уныло, унылый, уходила, уходило, хватило, хильый, ходила, хоронила, царила, чадила

ИЛА(О)СЬ: билась, возносилась, длилось, завалилась, закатилось, катилась, курилась, мнилась, молилась, молилось, озарилась, открылась, остановилось, приключилась, поклонилось, разрешилось, растворилась, родилась, свершилось, скатилась, склонилась, случилась, снилась, спустилась, укрылась

ИЛА(Ы)Х: милых, могилах, светилах, силах

ИЛИ: автомобили, были, вонзили, говорили, грозили, жили, застыли, изменили, идилий, кадили, крестили, крылый, лилий, могиле, обратили, обсеудили, оглушили, обратили, озарили, окрутили, осенили, плыли, подхватили, покатили, постановили, потомили, проводили, проплыли, пронесли, проходили, потомили, пошутили, пыли, пылили, разбудили, светили, сделали, следили, слепили, сохранили, сходили, томили, ты ли, уложили, уплыли, *усильем*, хранили, хоронили

ИЛИСЬ: веселились, двоились, дробились, забылись, ломились, молились, носились, открылись, определились, расходились, свершились, сменились, спустились, сходились, толпились, уносились, участились, шевелились

ИЛЫ(Й): виллы, жилы, могилы, помилуй, силы, унылый

ИЛЫМ: былым, **прожитым**

ИЛКИ: жилки, опилки

ИЛОЙ: белокрылой, милой, многокрылой, немиллой, силой

ИЛСЯ: бился, клонился, молился, притаился, скрылся, явился

ИЛЬНЫЙ: бессильный, замогильный, могильный, пыльный

ИЛЫ(Я): бессилья, бессилья, крылья, насилья, сегидилья, усилья, Эскамильо

ИЛЬЮ: гнилью, пылью, усилья

ИМА(О)(Ы)(Й): гонима, дробимы, дыма, *дымом*, дымы, зимы, зрима, зримо, зримы, зримый, измеримо, злима, злимой, злюбимый, *злюбимых*, мимо, невредимый, незрима, незримый, неизгладима, неизгладимо, неисцелима, нелюдимой, непобедимый, непостижимой, непостижимый, неразделимы, несмутима, неотвратимо, непобедимой, непобедимый, неразделимы, нестерпимой, неужержимо, неукротимо, неумолимо, неуследимый, неутимы, неутимимый, нестижимый, палима, пантомимы, родимый, родимым, серафима, серафимы, сравнимой, томима, херувима, херувимы, Цусимой

ИМЕ: дыме, *стимер*

ИМЕЙ: зримей, неукротимей

ИМЕШЬ: обнимешь, опрокинешь

ИМИ: другими, *имя*, ими, моими, *ночными*, твоими, чужими

ИМКА: дымка, невидимка

ИМНА: гимна, *дивно*

ИМНЫ(Й): гимны, дымный, зимний, *схимник*

ИМЫ: см. ИМА(О)(Ы)(Й)

ИМЫМ: любимым, неумолимым

ИНА(Ы): Арлекина, вершины, долина, долины, камина, картина, Коломбина, Коломбины, кручину, кувшины, лавины, ложбины, льдины, Магдалина, машины, Мессины, морщины, мужчины, наполовину, половина, половицу, половины, причины, пучины, равнина, равнины, совиный, спину, спины, сына, теснины, *шута-Арлекина*, чину

ИНА(О)(Ы)М: долинам, Единым, журавлиным, камином, овином, орлиным, паладином, сыном, тыном, христианином

ИНАХ: витринах, долинах

ИНЕ(И)(Я)(Й): бледно-синий, богине, богиней, богини, богиня, гордыне, долине, жгуче-синий, зимний, *инее*, иней, кончине, латыни, линий, нежно-синей, нежно-синий, ныне, отныне, павлиний, поныне, пустыне, пустыней, пустыни, пустыня, равнине, святыне, святыни, святыня, синей, *синею*, сини, синий, сыне, *схимник*, темносиней, темносиний

ИНЕ(И)М: закинем, синим

ИНЕН: невинен, пустынен

ИНЕТ: вынет, застынет, минет, опрокинет, остынет, отринет, покинет

ИНЕШЬ: кинешь, обнимешь, опрокинешь, раздвинешь

ИНКАМ: былинкам, тропинкам

ИНКЕ(Й): ботинки, былинке, былинки, ложбинке, поединке, тропинке

ИНКОЙ: былинкой, тропинкой

ИННА(О)(Ы)(Й): винной, глубоинной, голубиной, длинной, длинный, долинный, долиной, длинно, длинной, длинны, длинный, журавлиный, невинна, невинно, невинны, невинной, невинный, недлинный, пустынна, пустынный, старинный, *соловьинный*, чинный

ИН(Н)О(Ы)М: длинно, длинным, невинным, старинном

ИННЫХ: гостинных, невинных, половинных, чинных

ИНО(Ы)(Й): годовщиной, долиной, журавлиный, Коломбиной, лебединой, лебединый, миной, орлиный, причинной, равниной, совиный

ИНОК: инок, снежник

ИНТА: гиацинта, лабиринта

ИНУ: вершину, корзину, кручину, отодвину, Перуджино, половину, покину, равнину, раздвину, раскину, сына, чину

см. также ИНА(Ы)

ИНУЛ: закинул, разинул, раскинул, сдвинул

ИНУТ: вскинут, кинут, минут, опрокинут, отодвинут, раскинут

ИНУТЬ: кинуть, отодвинуть, сгнуть, стынуть

ИНЫ: см. ИНА(Ы)

ИПЕТ: Египет, осыпет

ИПТЕ: Египте, осыпьте

ИРА: вампира, квартира, кумира, лира, мира, пира, *секира*

ИРА(О)М: кумирам, миром, *сырым*

ИРЕ: *ирис*, квартире, лире, мире, пире, порфире, четыре, шире, эфире, *Ponte dei Sospiri*

ИРЕН: градирен, кумирен, мирен

ИРНО(Ы)(Й): безмирный, лирной

ИРНО(Ы)М: всемирным, лирном

ИРОВ: командиров, мундиров

ИРУ: миру, стихире, эфире

ИСКА: записка, Франциска

ИСЛА: смысла, числа

ИСЛИ: мысли, числа, *числю*

ИС(Т)НЕТ: виснет, свистнет

ИСТИ: кисти, **убийстве**

ИСТО(Ы)(й): водянистый, голосистый, каменистый, кремнистой, лучистой, лучистый, лучистых, Пречистой, серебристый, скалистый, тенной, чистый, **чистым**

ИСТО(Ы)М: бледно-чистом, золотистым, каменистом, серебристом, чистом

ИСТРЫ(й): быстры, **быстрый**, **искры**

ИСЫ: кулисы, нарциссы

ИТА(О)(Ы)(й): забыто, **забытой**, закрыто, копыта, **копытом**, корыто, Маргарита, неумыта, перевита, повито, **свита**, сердито, сокрыто, сыто, **убитый**

ИТАХ: ланитах, орбитах

ИТВЕ(Ы): битве, битвы, молитве

ИТВОЙ: битвой, молитвой

ИТЕ(И)(й): взгляните, вздохните, зените, наитий, нити, открытий, плывите, посмотрите, **прибгтий**, сгорите, **собыгтий**, томите, умрите, усните

ИТЕЛЬ: властитель, мститель, небожитель, обитель, победитель, смири-
тель

ИТВОЙ: битвой, молитвой

ИТОК: избыток, кредиток, пыток, свиток

ИТО(Ы)М: забитым, забытом, **забытых**, зарытым, пролиты, смгыты

ИТО(Ы)(й): забыты, изрытый, Кармеситы, ланиты, омытый, **открыто**, **открытое**, открыгы, открытый, перебитых, плиты, прибиты, развито, ракиты, размытый, расшитый, сердитый, скрытый, скрытых, слиты, смгыты, убитый, ядовитой, ядовиты, *ite*

ИТЫХ: овитых, разбитых

см. также ИТО(Ы)(й)

ИТ(Ь)СЯ(ЦА)(Ь): **больнице**, биться, блудница, веселится, вереница, возвратиться, возносится, вонзится, голубицы, девицы, денница, десница, десницу, длится, зарница, зарнице, зарницы, зеница, зеницы, золотится, **книга**, клубится, кобылица, кружится, кружиться, лица, ложится, мириться, мнится, молиться, молодца, мутится, мчится, насладиться, научиться, небылицы, носиться, обратиться, отроковица, ошибиться, погрузиться, покориться, поработиться, пошевелиться, присниться, прицепиться, пришлицы,

птица, птицу, птицы, **разлучится**, **разлучиться**, ресницы, **рыцарь**, свершится, светиться, светлицы, ситца, слиться, сниться, спится, спится, сребрится, столица, **столицы**, страница, струится, таится, **темнице**, темницы, томится, томиться, углубиться, уно-
ситься, учиться, шевелиться, **царица**

ИХО: лихо, тихо

ИЦАХ: лицах, птицах, страницах, **страницы**

ИЦЕ(Ы)(й): багрянницей, багрян-
цы, больнице, божницы, вереницей, вереницы, власянице, власяницы, водицы, границе, границы, гробницей, девицы, деннице, денницы, жницы, зарнице, зарницей, зарницы, зеницы, колесницей, красавице-царице, колесницы, **лицах**, небылицы, огневницей, пришлицы, птицей, птицы, ресницы, **рыцарь**, светлице, светлицы, **стрица**, спицы, станицей, столицей, **столицы**, страницы, темнице, темни-
цы, темнолицый, **толнится**, царницей, **царицы**

ИЦУ: вереницу, денницу, **лица**, **страницу**

ИЦЫ: см. ИЦЕ(Ы)(й)

ИЧЕ(И)(й): Беатриче, **девичьей**, обличий, **обычай**, птичий

ИЧЕТ: кличет, тычет

ИЧКИ: кавычки, привычки

ИЧНО(Ы)(й): необычны, непри-
лично, непривычным, привычно

ИЧЬЕ: величье, безразличье, обличье

ИЧЬЕМ: девичьем, птичьем

ИЧЕТ: кличет, тычет

ИШАХ: крышах, нишах

ИШЕН: слышен, пышен

ИШЕ(И): выше, **вышел**, **крышей**,

крыши, мыши, ниши, повыше, тише

ИШЕ(И)Т: дышит, колышет, слы-
шит

ИШИШЬ: дышишь, слышишь

ИШКАМ: внукам-шалунишкам, ребятишкам, мальчишкам, слишком, шалунишкам

ИШКУ: мальчишку, манишку

ИШЛИ: вышли, простишь ли

ИШНО: слышно, **пышный**

ИЩЕ(И)(Й): жилище, кладбище, нише, нищи, нищий

ИЩЕТ: ищет, свищет

ИЩУТ: ищут, рыщут

ИЯ: см. ИЕ(Ы)(Я)

ОБА: гроба, злоба, оба, сугробы
ОБЕ: гробе, обе, сугробе
ОБЕН: беззлобен, подобен
ОБУ: гробу, злобу
ОВА(ГО): алькова, благого, былого, воскового, голубого, городского, городского, готова, *готовы*, готовый, дымно-голубого, земного, зова, крова, молодого, нездоровая, неземного, ново, *новый*, ночного, основа, пустого, святого, слова, слово, слухового, снова, сурова, сырого, холодно-сурова
ОВАН: взволнован, очарован, прикован, скован
ОВЕ(И): алькове, брови, *верховий*, крове, крови, любви, *славословий*, слове
ОВЕСТЬ: повесть, совесть
ОВИТ: готовит, ловит
ОВИЩ: сокровищ, чудовищ
ОВЛИ: кровли, торговли
ОВНИК: любовник, чиновник
ОВНИКОМ: любовником, чиновником
ОВНА(О)(Ы)(Й): греховный, духовно, любовно, любовный, хладнокровно, церковной, *чиновный*
ОВНЫХ: невинных, чиновных
ОВОМ: громовом, лиловом, новом, новым, словом, суровом
ОВОД(Т): повод, провод
ОВО(Ь)(Й): багровый, бедовой, бестолковый, вишневый, готовый, засовы, здоровой, здоровый, новый, оковы, парчевый, пунцовой, покровы, свинцовой, слово, снеговой, совы, *сурова*, суровой, суровый
ОВЫМ: Куликовым, суровым
ОВЫХ: многовековых, суровых
ОВЬЮ: изголовью, кровью, любовью, новью
ОВЯТ: ловят, славословят
ОГА(О)(У)(Й): берлога, Бога, Богу, двурогой, дорога, дорогой, дорогу, лога, недотрогой, немного, понемногу, много, порога, путем-дорогой, порогу, строго, строгой, строгих, *тобой*, тревога, тревогой, тревогу, трогай, убогой, чертога, чертогу
ОГА(О)М: богом, залогом, дорогам, чертогом
ОГЕ(И): боге, боги, двурогий, двурогой, дороге, дороги, дорогой, дроги, кроторогий, ноги, пологий, пороге,

430

слоге, строгих, тревоге, тревоги, чертоги

ОДА(Ы): бурей-непогодой, воду, воды, восхода, входа, годы, завода, исхода, ледохода, народа, народы, непогуду, непогоды, парохода, природы, природой, природу, природы, похода, рода, свобода, *свободу*, свободы, свободны, свода, своду, своды, холодно, хороводы

ОДЕ: народе, природе, свободе, своде

ОДИТ: бродит, входит, заводит, колобродит, пароходу, приходит, проводит, происходит

ОДИШЬ: нисходишь, уводишь

ОД(Т)КИ: водки, косоворотки

ОД(Т)КОЙ: бородкой, *кроткий*, сурово-кроткий

ОДНА(О)(Ы)(Й): безродный, бесплодна, бесплодно, водной, годной, голодный, многоводный, модный, народной, народный, несвободный, *огородами*, отходной, полноводной, природной, путеводной, свободно, свободный, сродной, холодно, холодный

ОДНЕЙ(Я): безысходней, сегодня

ОДНЫХ: бесплодных, холодных

ОДО(Ь)(Й): бурей-непогодой, воды, годы, непогодой, непогоды, *природа*, природой, природы, проходу, свободой, свободу, свободы, своды, хороводы

ОДУ: воду, свободу

ОДЯТ: водят, находят, походят, приводят, ходит

ОЕ(И)(Я): былое, благое, вдвое, вихревое, героя, голубое, двое, другое, зарево, земное, зное, зноя, молодое, неземное, огневое, покое, покая, *прибоя*, родное, святое, *смет*, строе, строем, строя, тропюю, чужое

ОЕВ: героев, покоев

ОЕМ: аналоем, боем, героем, *горем*, зароем, *морем*, покоем, *прибоем*, роем, скроем, строем

ОЕ(И)Н: воин, покоен

ОЕТ: завоет, откроет, роет, *покоит*, укроет

ОЖА: ложа, тревожа, лежа

ОЖЕ(И)(Й): Боже, дрожи, ложе, *ложем*, ложи, молодежи, моложе, несхожий, ничтожен, похожий, прохожий, рожи, схожи, то же

ОЖЕЙ: дождей, непохожей, пригожей, рожей

ОЖЕН: встревожен, *ложси*, невозможен, ничтожен

ОЖИМ: прохожим, *того же*

ОЖЕ(И)Т: встревожит, заложит, множит, может, положит, поможет, потревожит, тревожит, уничтожит

ОЖЕ(И)ШЬ: можешь, тревожишь

ОЖИХ: пригожих, прохожих

ОЖ(Ш)КА(О): дорожка, кошка, лукошко, немножко, окошко

ОЖ(Ш)КИ: крошки, ножки, окошке, *окошко*

ОЖНО(Ы)(Й): безбожно, возможно, дорожной, ложно, ложной, ложным, невозможно, невозможно, невозможно, невозможный, невозможно, неложно, непреложно, ничтожно, острожной, придорожной, придорожный, тревожно, тревожной, тревожный

ОЖНЫМ: дорожным, невозможным, неосторожным, тревожно, тревожным

ОЖНЫХ: невозможных, придорожных, тревожных

ОЖ(Ш)ЬСЯ: вернешься, тревожься

ОЖУ: ложу, тревожу

ОЖЬЮ: бездорожью, дрожью, ложью

ОЖЬЯ: бездорожья, Божья

ОЗА(Ы): березы, грезы, грозы, розы, роза, розу, розы, слезы

ОЗАХ: грезях, розах

ОЗДУХ: воздух, *отдых*

ОЗ(СТ)КЕ(И)(Й): березки, жесткий, жесткой, перекрестке, хлесткий

ОЗНИ: козны, розны

ОЗНО: грозно, бесслезно, поздно, розно

ОЙЛ: построил, удвоил

ОЙКЕ: стойке, стройке, тройке

ОЙНА(О)(Ы)(Й): беспокойно, беспокойной, беспокойный, достойна, знойной, знойном, знойной, знойных, нестройно, нестройный, нестройных, спокойна, спокойно, спокойны, стройно, стройной

ОЙНИК: покойник, разбойник

ОКА(И)(О)(Й): востока, востоку, высоко, высокий, высокой, глубокий, глубоко, глубокой, далека, далеко, далекий, далекой, жестокий, издалика, одинокий, одиноко, одинокой, ока,

око, пророка, рока, снежнооки, срока, темноокая, черноокий

ОКА(О)М: боком, глубококом, далекоком, докам, истокам, ока, оком, одиноко, море, намеком, потоком, скоком, широкой, ширококом

ОКИ: глубоки, далеких, жестоких, сроки, строки, темнооких

ОКОВ: истоков, намеков

ОКОН: локон, окон

ОЛА: глагола, долу

ОЛАМ: глаголам, долам

ОЛАХ: долах, селлах

ОЛ(В)НА(Е)(Ы)(Й): безмолвна, безмолвней, безмолвны, безмолвный, волны, молний, полно, полный, челны

ОЛЕ(И): боли, боле, воле, воли, воля, давно ли, доле, доли, неволе, неволи, поле, полем, поля, поневоле, роли, что ли, юдоли

ОЛЕН: безволен, болен, волен, доволен, колоколен

ОЛИСЬ: боролись, *полос*

ОЛКИ: осколки, толки

ОЛКУ: втихомолку, елку, колкой, толку, шелку

ОЛНЫ(Й): волны, полный

ОЛОГ(К): долог, елок, колок, недолог, осколок, полог

ОЛОД(Т): голод, заколот, молод, молот, расколот, холод

ОЛОЙ: веселой, тяжелой

ОЛОН: вошел он, полон

ОЛОСЬ: боролось, волос, голос, колос

ОЛТОМ: болгом, желтом

ОЛТЫ: болты, желты

ОЛУ: долу, глагола, полу

ОЛЫ(Й): долгопольный, веселый, глаголы, долы, невеселый, подолы, престолы, пчелы, тяжелой, тяжелый

ОЛЬКА(О): нисколько, полька

ОЛЫ: подпольи, раздолы, своеволья

ОЛЬНА(О)(Ы)(Й): безбольно, безвольно, богомольно, богомольной, больно, вольной, вольный, довольна, довольно, колокольной, колокольный, невольно, невольной, невольны, привольно, раздолно, раздолный, *сольный*

ОЛЬНЫМ: вольным, колокольным

ОЛЬЦЫ: колокольцы, кольца

ОЛЬЮ: болью, приволью, своеволья

ОМА(О): влекома, дома, знакома, знакомо, знакомой, истома, по-другому, Ессе homo

ОМЕ: водоеме, доме, дреме, корме, соломе

ОМКИ: громким, обломки, потемки, потомки

ОМНАТ: вспомнит, комнат, обломки, помят

ОМНЕЙ: бездомней, огромней

ОМНА(О)(Ы)(И): вероломна, заемной, заемный, нескромный, огромный, скромной, скромный, темной, темный, томны

ОМНЫМ: бездомным, огромным

ОМНЫХ: огромных, скромных, темных

ОМО(Ы)Й: дремой, влекомый, знакомый, незнакомой, незнакомый, омут

ОМО(Ы)М: громом, знакомом, знакомым, ломом

ОМЫ: истома, хоромы

ОМЫСЛ: промысл, помысл

ОМСТВО: вероломство, потомство

ОМУ: дому, дрему, другому, незнакомы, незнакомый, чужому

ОНА: балкона, звона, корона, трона

ОНА(О)М: амвоном, иконам, женам, законом, законом, звоном, зеленым, перезвоном, поклоном, стонам, стоном, троном

ОНЕ(И)(Т): амвоне, брони, звоне, гонит, иконе, кони, лоне, отгонит, погону, просклонит, простонет, стане, стонет, тонет, уронит

ОНКА(И)(О)(Й): богом-ребенком, звонко, звонкой, звонкий, ребенка, сторонкой, тонко, тонкой

ОН(Н)А(О)(Ы)(И): бездонна, бездонно, бездонный, беззаконный, бессонной, бессонный, благовоный, благосклонно, благосклонной, благосклонный, влюбленно, влюбленной, влюбленный, замороженный, замшевой, зеленой, зеленый, изумленный, иконой, канцонной, колонной, колонны, мадонны, многоколонный, неугомонный, неуклонно, обнаженный, однотононо, озаренный, оконный, окрыленный, определенный, осеребренный, отдаленный, полусонный, революционный, свершенный, серебристо-утомленный, склоненной, смущенный, сонной, сонный, уничиженный, упо-

енный, утомленной, утолненный, утомленный

ОННОМ: бездонном, обнаженном

ОННОСТЬ: бессонность, влюбленность

ОННЫХ: бессонных, влюбленных, наклоненных, невозмущенных, обнаженных, опьяненных, осужденных, отдаленных

ОНОВ: вагонов, поклонов

ОНОК: звонок, ребенок, тонок

ОНУ: мадонну, небосклону

ОНУТ: стонут, тонут

ОНЫ: батальоны, вороны, законы, звоны, зеленной, знамена, иконы, короны, купоны, поклоны, стоны, трону, троны

ОНЦЕ: оконце, солнце

ОНЧЕ: громче, звонче

ОПИТ: копит, торопит

ОПОТ: ропот, топот, шопот

ОПЫ: Европы, холопы

ОРА(О): взора, взоры, дирижера, забора, коридоров, легкоперый, скоро, собора, скорой, споров, хора

ОРА(О)М: взорам, дозором, косогорам, разговором, приговором, укуром, хором

ОРАХ: взорах, шорох

ОРДОСТЬ: гордость, твердость

ОРДЫ: аккорды, герольды, гордый, тверды, фьорды

ОРЕ(И)(Я): взоре, вскорее, горе, зори, море, моря, просторе, споре

ОРЕ(Я): взоре, вторя, горе, горя, далеко, затворе, зори, море, притворе, просторе, семафоре, споря, Теодорих, хоре

ОРЕМ: горем, закроем, зорям, морем, мысом, приборем, спорим

ОРКИ: Горки, зоркий

ОРЛА(О): горла, простерла, стерла

ОРНА(О)(Ы)(И): беспспорной, зерна, непритворной, нерукотворный, позорный, покорно, покорной, покорный, торный, упорный, черной, черной, чудотворный

ОРНО(Ы)М: позорным, покорным, черном, черным

ОРОВ: взоров, коридоров, разговоров, споров

ОРОД(Т): город, распорот

ОРОМ: см. ОРА(О)М

ОРСТВО: покорствам, притворство

ОРУ: гору, пору, собору, штору

ОРЫ(й): взоры, горы, легкоперый, метеоры, разговоры, сеньора, сеньоры, скоро, скоры, скорый, соборы, споры, укоры, хоры, шторой, шторы

ОРЮ: горю, морю

ОСА(Ы): вопросы, доносы, косы, полосы, скосы, матросы, росы

ОСАХ: косах, откосах, посах, росах

ОСЕ(И)Л: бросил, весел

ОСЕН(Ь): осень, сосен, **просим**

ОСИТ: возносит, выносит, доносит, косит, носит, приносит, просит

ОСКОЙ: папирской, прической

ОС(Т)НЫЙ: постный, росный

ОСТА(О): просто, роста

ОСТИ: злости, кости

ОСТРО(Ы)Й: острый, пестрой

ОСЫ: папиросы, подносы

ОСЫМ: безносым, белесым

ОТА(О)(Ы): болота, болото, ворота, дремота, забота, заботы, Искарюта, кюты, **кроткой**, кто-то, ноты, отчеты, пехота, позолота, позолоты, поворота, работа, работы, счета, чего-то, что-то

ОТА(О)Й: заботой, работай, работой

ОТА(О)М: болотом, работам

ОТАХ: воротах, высотах

ОТЕ: дремоте, лохмотий, отлете, повороте, полете, работе

ОТЕН: плотен, полотен

ОТКИ(й): решотки, четкий

ОТНИ(Я): оборотня, подворотни

ОТНО: безотчетно, бесповоротно, мимолетно, мимолетны, плотно

ОТНЫХ: дремотных, мимолетных

ОТОК: кроток, пролеток

ОТУ: дремоту, полету

ОТСЯ: бьется, взгрустнется, вернется, вколыхнется, встрепенется, коснется, несется, оборвется, поется, прервется, прольется, прорвется, проснется, раздается, расплеснется, рвется, сдается, смеется, суется, шелохнется

ОХЛА: заглохла, засохла, иссохла, оглохла

ОХОТ: грохот, хохот

ОЧЕ(И)(Т): короче, мочи, мочит, ночи, очи, полночи, пророчат, прочит, хохочет, хочет, **хочешь**

ОЧЕН: отточен, упрочен

ОЧЕШЬ: хохочешь, хочешь

ОЧКА(О)(й): дочкой, кочкой, ночка, точкой

ОЧКИ: листочки, почки, цветочки,

форточки

ОЧКОМ: комочком, платочком

ОЧНО(й): полуночной, точно

ОЧЬЮ: воочью, ночью

ОШЬ ЛИ: найдешь ли, придешь ли

ОШЛОМ: пошлом, прошлом

ОШНОЙ: всенощной, мощной

ОЮ: бороздою, водою, волною, вожбою, герою, головою, голубою, горою, гробовою, грозкою, грозовою, доскою, душою, закрою, заревою, зарею, звездкою, землею, зною, золотою, киркою, клякою, косою, красотою, луною, мглою, меховою, мечтою, мною, мольбою, Невою, неживою, ногою, одною, ордою, пеленою, покою, полосою, порою, рекою, речною, рукою, скалою, скрою, смою, снеговою, собою, спиною, стеною, стопою, судьбою, татарвою, тобою, толпою, тоскою, тропою, тяготою, успокою, фатою, ценою, чепухою, чертою, чистотою

ОЮТ: откроют, укроют

ОЯ: см. ОЕ(И)(Я)

ОЯС(Ь): кроясь, пояс, **прорезь**

ОЯХ: аналях, покаях

УБИ(О)(Ы)(й): беззубый, глуби, грубой, грубы, грубый, губы, дуба, зубы, **любим**, **плуги**, срубы, трубы

УБИТ: губит, любит, **поцелует**

УБК(Е)И: губки, шубке, шубки

УГА(О)(М): вьюга, вьюгам, досуга, друга, другом, круга, кругом, луга, лугом, недуга, недугом, плугом, подруга, подругам, полукругом, туга, юга

УГИ(Е): вьюге, вьюги, досуги, дуги, заслуги, кольчуге, кольчуги, круге, плуги, подруги, прислуги, супруге, юге
УГУ: вьюгу, другу, лугу, подругу, югу

УДА(О): груда, добуду, отсюда, повсюду, пруда, худо, чуда, чуде, чудо
УДАХ: запрудах, изумрудах

УДЕ(И)М: безлюдий, блюде, **будет**, груди, **забудем**, люди, **пребудет**, судьи, чуде

УДЕ(И)(М)(Й): безлюдий, блюде, **будем**, **будет**, груди, **забудем**, люди, **пребудет**, судьи, чуде

УДЕН: буден, скуден

УДЕТ: будет, забудет, застудят, люди

УДЕ(И)ШЬ: будешь, забудешь, избудешь, любишь, разлюбишь
УДНЕЙ: будней, непробудней
УДНО(Ы)(Й): изумрудный, много-трудной, непробудно, непробудной, скудно, скудны, скудный, трудно, трудной, чудной, чудны, чудный
УДНОМ: скудным, чудном
УДНЫЙ: изумрудный, непробуд-ный, скудный, трудный, чудный
УДРИ(Й): кудри, мудрый
УДРО(Й): златокудрой, мудро, мудрой, премудрый, темнокудрый
УДРЫХ: златокудрых, мудрых
УДУ: буду, всюду, груду, добуду, забуду, *Иуда*, *Иуды*, пробуду, повсюду, *чудо*, *чуду*
УДЬИ(Ю): безлюдья, грудья
УДЯТ: осудят, пробудят
УЕ(Я): поцелуе, ревнуя
УЕ(Я)М: буржум, волнуем, но-чуем, поцелуем, раздуем
УЕТ: дует, *любит*, поцелует, то-скает, чует
УЕШЬ: взволнуешь, колдуешь
УЖА: стужа, *ужас*
УЖБЫ: дружбы, службы
УЖЕ(И): *кружесев*, лужи, потуже, стуже, *хуже*
УЖЕ(И)Н: жемчужин, нужен
УЖЕ(И)Т: кружит, похуже, тужит
УЖ(Ш)КИ: игрушки, стружки, хлопущки
УЖНО(Ы)(Й): дружно, жемчужной, жемчужный, надвьюжной, ненужный, нужно, южный
УЖУ: наружу, стужу
УЗ(СС)КИ(Й): по-русски, русский, *тусклой*, *узкой*, французский
УИ: поцелуи, струи
УКА(У): мука, руку
УКЕ(И): звуки, луки, муже, муки, разлуке, разлуки, руки, скуке, скуки, стуки
УКОЙ: мукой, порукой
УКУ: внуку, звуку, *мука*, муку, разлуку, руку, скуку, стучу
УЛА: блеснула, вздохнула, загля-нула, обманула, потонула, стегнула
УЛАСЬ: вернулась, завернулась, колыхнулась, обернулась, обманулась, оглянулась, повернулась, подверну-лась, поскользнулась, раскачнулась, растянулась, улыбнулась, шевельну-лась

УЛЕ(И): ауле, блеснули, взглянули, гуле
УЛКА(О): гулко, переулка
УЛК(Е)И(Й): гулкий, переулке
УЛО(Ы): блеснуло, гулы, затянуло, захлестнуло, обмануло, потонуло
УЛОК: гулок, переулоч
УЛСЯ: запнулся, метнулся, отвер-нулся, рванулся
УМА(О)(Ы)(Й): дума, думой, думы, угрюмо, угрюмый, шума, шумы
УМА(О)М: думам, угрюмом, шу-мом
УМЕ: думе, шуме
УМЕН: безумен, игумен
УМИЙ: безумий, раздумий
УМНО(Ы)Й: безраздумной, безум-но, безумной, бесшумно, бесшумной, шумный
УМНОМ: бездумном, бесшумном
УМО(Й): см. УМА(О)(Ы)(Й)
УМЫ: см. УМА(О)(Ы)(Й)
УНЕ: втуне, коммуне
УННО(Ы)Й: безлунный, лунной, многострунной, подлунной, царствен-но-чугунный, чугунной, чугунный
УННЫХ: лунных, струнных
УНЫ(Й): лагуны, луны, струны, *трибуной*, юный, *юным*
УПНО: неприступно, преступно
УПА(О): глупо, скупо, трупа, тру-пы, тупо
УПОЛ: купол, *слушал*
УПОСТЬ: глупость, тупость
УРЕ(И)(Я): буре, буря, лазури, на-хмурия, сощурия, фурий, хмурия
УРКИ: жмурки, фигурки
УРНЕ(Й): лазурней, урне
УРНОЙ: бурной, лазурной
УРНО(Ы)М: лазурном, пурпурном, пурпурным
УРНЫЙ: бурный, лазурный
УРЫЙ: понурый, хмурый
УС(С)КИЙ: см. УЗ(СС)КИ(Й)
УСТА(О): пусто, хруста
УСТАВА(О): искусства, искусство, чувства
УС(Т)НЬИЙ: грустный, капустный
УСТЬЮ: грустью, сочувствий
УТА(О): кому-то, минута, уюта
УТАЛ: окутал, спутал
УТКИ(Й): жуткий, чутки
УТКО(Й): жутко, шуткой
УТКОСТЬ: жуткость, чуткость

УТНО(Й): минутной, попутной, путной, смутной, уютно. уютной
 УТНЫХ: мутных, попутных
 УТО(Ь)(Й): вполонутый, вполонутый, замкнуты, круты, лютот, минуты, спруты, уюты, чему-то
 УТСЯ: блюдец, займутся, засмеются, пронесутся, разбредутся, раздаются, смеются, сольются, улыбнутся
 УТЫ(Й): см. УТО(Ь)(Й)
 УТЬ(И)Я: лоскутья, отдохнуть я, перепуты, прутьях, распуты, распутя, распутях
 УТЬЯХ: лоскутьях, распутях
 УХА(О): глухо, слуха, старуха, ухо
 УЦИ(О)Й: конституций, куцой
 УЧА(Е)(И)(Й): бел-горючий, горючий, жгучий, замучай, круче, кручи, летучей, летучий, могучи, могучий, могучим, неминучий, падучей, пахучий, певуче, певучей, певучий, плакучий, ползучей, сверкучий, скрипучий, случай, созвучий, туче, тучей, тучи
 УЧА(И)Х: певучих, кручах, тучах
 УЧЕ(И)К: клочик, лучик, тучек
 УЧЕ(И)М: колчим, ползучем
 УЧЕ(И)Н: излучин, однозвучен
 УЧИМ: колчим, певучим, ползучем, тучам
 УЧНО(Ь)(Й): докучно, докучной, звучно, неразлучны, однозвучно, скучный
 УЧНЫМ: докучным, однозвучным
 УЧНЫХ: звучных, тучных
 УЧЬЯ: созвучья, сучья
 УШАТЬ: кушать, слушать
 УШЕ(И): глуше, души, посуше, уши
 УШЕК: игрушек, пушек
 УШИМ: нарушим, потушим
 УШИТ: нарушит, обрушит
 УШКА: бабушка-старушка, избушка, клетушка, старушка
 УШКИ: см. УЖ(Ш)КИ
 УШНА(О): душно, послушна, равнодушно
 УШНО(Ь)(Й): воздушной, воздушный, душевой, душевой, послушной, послушный, равнодушно
 УШНЫМ: душевым, послушным
 УШНЫХ: душевых, послушных
 УШУ: душу, нарушу, разрушу, слушать, сушу
 УЩЕЙ: всемогущей, идущей
 УЩИЙ: ползущий, цветущий

УЩЕ(И)М: гнетущим, грядущем, зовущем, опущен, сущим
 УЩИХ: гнетущих, грядущих
 УЮ: безумно-молодую, большую, былую, восторжествую, восьмую, врассыпную, глухую, голубую, жду я, живую, злую, избяную, иную, кондовую, молодую, ночную, плохую, святую, седую, сырую, торгуют, торжествую, тоскую
 УЮТ: волнуют, колдуют, ликуют, торжествуют
 УЯ: ликую, отхожу я, поцелуя, при-му я, торжествуя, тоскуя, чуя
 УЯСЬ: волнуясь, любуясь
 УЯХ: поцелуях, струях

Дактилическая рифма

АВАНЕ(И): гавани, плаванье, саване
 АВАЯ(ОЮ): лукавая, отравочу
 АВИЛИ: кровавили, оставили
 АВИЛСЯ: избавился, преставился
 АВЛЕННО(Ь)Й: окровавленный, оставленной, прославленной
 АГОСТИ: благодати, старости
 АДАЛИ: падали, прядали
 АДАНА: ладана, разгадана
 АДАНА(О)М: ладаном, рада нам
 АДОСТНЫЙ: радостный, сладостный
 АЕТСЯ: качается, означается, по-является, совершается, узнается, улыбається, шатається
 АЖЕТСЯ: скажется, развяжется
 АЗАНА(О): недосказано, перевязана, развязана, рассказано, указано
 АЗ(С)КОЮ: ласкою, сказкою
 АКАЛЕ(И): каракуле, плакали
 АЛА(Ь)МИ: альми, вокзалами
 АЛА(Ь)Е(Я): запоздалые, линиялая, малые, небывалая, небывалые
 АЛЕНЬКЕ(И)(Й): маленький, про-талинке, спаленке, удаленький
 АЛЕНА: свалена, не моя вина
 АЛЕ(И)НЫ: завалены, проталины, развалины
 АЛОБЫ: дрожало бы, жалобы
 АЛОМУ: бывалому, малому

АЛЬНУЮ: печальную, прощальную

АЛЫЕ: малые, небывалые

АМАМИ: дамами, шлагбаумами

АНА(Ы)МИ: пьяными, ресторанами, туманами

АНИЕ(И)(Ю)(Я): воспоминание, дыхание, дыхания, желания, здания, зданию, мечтания, обетования, познание, познанию, прощание, пылания, свидание, свидания, сиянии, сияния, собрание, собранию, содрагания, стенания, шептание

АНИЕМ: вниманием, воспоминанием, ожиданием

АНЕТСЯ: расстанется, туманится

АННАЯ(ОЕ)(ОЮ)(ЫЕ): безграничная, желанная, желанною, странная, странные, туманная, туманное, туманною, туманные

АННОСТИ: странности, туманности

АНУЛА: воспрянула, канула

АРАМИ: пожарами, чарами

АРЕВО: зарево, марево

АРЛИКИ: карлики, сухарики

АСТИЮ: страстию, счастию

АС(Т)НАЯ(ОЕ)(ЫЕ): бесстрастные, красная, красные, напрасная, напрасные, прекрасные, страстное

АТАЯ(ЫЕ): косматая, крылатые, проклятая, сжатая

АТИЕ(Я): зачатия, проклятия

АТЕЛЬНО(Й): гадательной, внимательно

АТЕРЕ(И): кратере, матери

АТНАЯ(ЫЕ): невозвратные, предзакатная

АЧЕННЫЙ: назначенный, схваченный

АЧНЫМИ: злачными, мрачными

АШНЕ(ОЕ): вчерашнее, страшное

АЩАЯ: восходящая, манящая, настоящая, струящая

АЮТСЯ: вскрываются, встречаются, каются, кувываются

АЮЩЕ(И)Е: вздыхающее, застывающие, знающее, опустошающие

АЮЩЕ(И)Й: изламывающий, исцеляющий, ковыляющий, падающей, пугающий, умирающий

АЮЩЕ(И)М: вздыхающем, убегающим

АЮЩИХ: набегающих, проезжающих

АЯТЬСЯ: каяться, лаяться

ЕВЕРА: клевера, севера

ЕВИЦА: девица, медведица, метелцу

ЕДА(О)Ю: ведаю, победою

ЕДНЫЕ: бедные, бледные, медные, победные

ЕЕТСЯ: виднеется, чернеется

ЕЗДНАМИ: безднами, звездными

ЕЗНАЯ: бесполезная, железная

ЕЖНА(Е)(И)(О)(Ы)Е(Ю)(Я): безмятежнее, белоснежную, мятежные, небрежною, нежное, нежною, нежные, прежние, снежная, снежные

ЕЖНЫМИ: белоснежными, снежными

ЕЛА(О)(Ы)Е(Я): белая, белое, белые, несмелая, несмелые, онемелое, сонно-белая

ЕЛЕНО: взлелеяны, повелено

ЕЛЬНУЮ: метельную, смертельную

ЕМЕНИ: времени, племени, семени

ЕМЯКИ(О): времячко, семячки, темячко

ЕНИЕ(И)(Я): веления, дуновение, забвении, забвения, зренья, курения, мгновения, осеннее, пение, приближение, сновидения, сомнения, строение, томление, томлении, томлению

ЕНИТСЯ/ЦА: изменица, пенится, пленица

ЕННОГО: блаженного, божественной, мудро-блаженного

ЕНЦЕ(И)НА: женщина, обеспечена

ЕПЕТЕ: лепете, трепете

ЕПЛЕ(И)ТСЯ: теплится, треплется, шепчется

ЕРБНОЕ: вербное, первая

ЕРБОЧКИ: вербочки, девочки, звездочки

ЕРЕНО(Ы): затеряны, измерено, измерены, потеряно

ЕРИЯ: безверия, двери я

ЕРКАЛА: зеркала, коверкала

ЕРНЕЕ: вечерние, сувернее

ЕРНОСТИ: безмерности, верности

ЕРЬЯМИ: перьями, поверьями

ЕТИМСЯ: встретимся, засветимся

ЕРИТСЯ: верится, измерится

ЕСЕ(И)ЛА(О): занавесила, весело

ЕСТНАЯ: Невестная, привнес-тилась

ЕСТНИЦУ: вестницу, лестницу

ЕТНАЯ: безрассветная, заметная
ЕЧНАЯ: бесконечная, быстротечная, вечная

ЕШНИ(Е)Е: *вешнею, нездешнею*,
вешние, нездешние

ИБЕЛИ: гибели, **вывели, обители**

ИБЕЕ: молчаливее, тоскливее

ИБЫЕ: красивые, лживые

ИЗДАЛИ: издали, **пристани**

УЗИКА: музыка, карапузика

ИКАЯ: безлика, великое

ИКАМИ: великими, криками

ИЛИИ: бессилии, обилии

ИЛОЕ(Ю): милое, милую, могилою,
силоу

ИЛЬНЫМИ: могильными, пыльными

ИМЕТСЯ: обнимется, поднимется

ИМЕШЬ: обнимешь, опрокинешь

ИНАМИ: луговинами, совиными

ИНЕТСЯ: опрокинется, придвинется

ИНЕШЬ: кинешь, раздвинешь

ИНЕЮ: богинею, **родители**

ИНИЕ(И)(Й): линией, линии, синие,
синии, скиния

ИНКОЮ: вершинкою, пушинкою

ИННОСТЬЮ: глубинностью, невинностью

ИННУЮ: длинную, пустынную,
равнинную, чинную

ИНОЕ: лебединое, паутиною

ИНУЛИСЬ: опрокинулись, придвинулись

ИНУТО: вынуто, кинуто

ИПИТО: выпито, **принятый**

ИСВИСТОМ: присвистом, **шелестом**

ИСТВЕННО(Ы)Й: безлиственный,
единственной, единственный, таинственной, таинственный

ИСТОВО(Ы)Й: неистойой, перелистывай

ИСТЫЕ: золотистые, мглистые

ИТЕЛЯМ: небожителям, **ослепительно**

ИТЕЛЬНО(Ы)(Й): губительный, **небожителям**, медлительно, мучительно, ослепительном, очистительный, упонительна

ИТЫВА(Ы)Й: испытывай, раковоый

ИТЯТКО: дитяtko, **комнатка**

ИТАЯ: скрытая, ядовитая

ИТОЕ: забытое, закрытое

ОБ(В)Ы(У)КОМ: воробышком, **занобушку**, кровушку, черноробушку

ОВАННЫЙ: закованный, очарованный

ОВИЩЕ: сокровище, чудовище

ОВОДОВ: доводов, поводов

ОВНИКОМ: любовником, терновником, чиновником

ОВНИЦА(Ы): **горница, горницы**, любовница, любовницы

ОВНО(Ы)Е: духовное, любовные, **рожденное**, церковные

ОГАМИ: дорогами, тревогами

ОГАЯ: дорогу я, строгая

ОДАМИ: модами, огородами

ОДНЕЕ: Господнее, полноводнее

ОДНУЮ: свободную, холодную

ОДНЫЕ: народные, несвободная

ОЖИЕ(Я): Божия, подножия, **пригожие**

ОЗНОЕ: бесслезное, грозное

ОЙНУЮ: спокойную, стройную

ОКАЯ(И)Е: далекая, далекие, одинокая, одинокие

ОКЛЫМИ: блеклыми, стеклами

ОКНАМИ: волокнами, окнами

ОЛЯЯ(Ы)Е: веселая, веселые, тяжелая, тяжелые

ОЛЕЕ: более, волею

ОЛЕ(И)ШЬСЯ: молишься, **уколешься**

ОЛИКОВ: кроликов, столиков

ОЛИТСЯ: молится, **клонится**

О(Л)ИЦЫ: околицы, Троицы

ОЛОСА(Ы): волосы, вполголоса, **голоая, полосы**

ОЛОТО: **за столом**, золото

ОЛЬНОГО: вольного, окольного

ОЛЮСОМ: полусом, **поясом**

ОН(Н)АЯ(ОЕ)(ЫЕ): бездонные, бессонные, бледно-зеленая, вдохновенно-духовное, влюбленное, влюбленные, **духовное**, зеленые, неизреченная, облеченная, облеченное, опьяненная, освобожденная, пораженная, потаенные, пронзенная, рожденная, склоненные, сонная, сонное, сонные, угнетенная

ОН(Н)ЫМИ: зелеными, **отдаленными**

ОНЕНЫ: похоронены, уронены

ОНИКА: гармоника, **лютики**

ОНИТСЯ: клонится, **молится**
ОНЕНЬКОЙ: сонненькой, тоненькой
ОНЫМИ: зелеными, отдаленными
ОРАМИ: взорами, косогорами, призорами
ОРНИЦА(Ы)/ОВНИЦА(Ы): горница, горницы, любовница, любовницы
ОРНЫЕ: горные, **упорною**
ОРНЫМИ: узорными, иссиня-черными, черными
ОРЫЕ(Я): взоры я, скорые
ОСАМИ: вопросами, колесами, косами, росами
ОСИТСЯ: возносится, бросится, запросится, носится, проносится, уносится
ОТИШЬСЯ: воротисься, хочешь **все**
ОЧЕ(И)Н(Н)Ы(Х): всклокоченных, позолоченных, приученный, уключины
ОШЕННОМ: брошенном, некошенном

УДНУЮ: непробудную, скудную
УДРИЯ: смиренномудрия, целомудрия
УДЕ(И)ТСЯ: сбудется, чудится
УДЯТСЯ: пробудится, почувдятся
УЕМСЯ: поцелуемся, **сутулится**, **улица**
УЕТСЯ: любится, чуется
УЖИМСЯ: кружимся, **тешимся**
УЖ(Ш)КАМИ: кружками, мушками
ми
УЗИКА: карапузика, музыка
УКА(О)Ю: близорукая, скукою
УЛОЧНОЙ: булочной, переулочной
УМАМИ: думами, шумами
УМАЛАСЬ: задумалась, задумалась
ур
УРАЯ: бурая, хмурая
УРНАЯ(ОЕ)(УЮ): **безбурное**, бурную, бурные, лазурная, лузурное, лазурную
УТРЕНЕ: заутрене, утренних
УЧАЯ: мучая, случая
УЧЕГО: жгучего, летучего
УЧЕ(И)Н(Н)Ы(Й): заучены, измученный, излучины, поручены, приученный, уключины

УЧИКА(И): лучика, лучики, **мученика**, **рученьки**
УЩЕ(И)Е: грядущее, несущие
УЩЕНЫ: опушены, распушены
УЩЕСТВО: имущество, могущество

Гипердактилическая рифма

УЧИВАЕТ: покручивает, пошучивает

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	3
-----------------------	---

СТАТЬИ

Быстров В. Н. Раннее творчество А. Блока и античная философия	5
<u>Ясенский С. Ю.</u> Поэтика реминисценций в ранней лирике А. Блока	40
Обатнина Е. Р. Пометы А. Блока на "Письме" Белинского к Гоголю	55
Любимова О. Е. Блок и сектантство: "Песня Судьбы", "Роза и Крест"	69
Фетисенко О. Л. А. Блок и Г. Адамович (О возможном прочтении одного стихотворения Г. Адамовича)	90
Грякалова Н. Ю. Травестия и трагедия. Метафизическая проблематика символизма в романах Бориса Поплавского	102

СООБЩЕНИЯ. ЗАМЕТКИ

Быстров В. Н. История формирования цикла стихотворений А. Блока "Ante Lucem"	125
Грачева А. М. О невоплощенном драматургическом замысле А. Ремизова и А. Блока ("Соломон и Китоврас")	138
Заблоцкая А. Е. "Автобиографический документ" в творчестве А. Блока 1918—1921 годов	179
Алексеева Л. Ф. Блоковские традиции и "Беженская поэма" Вс. Н. Иванова	188

ПУБЛИКАЦИИ

Неизданная переписка А. Блока и Э. К. Метнера (Публикация, предисловие и комментарии А. В. Лаврова)	195
Михаил Пантюхов — корреспондент А. Блока (Публикация, предисловие и комментарии А. В. Лаврова)	224
А. Блок в 13-й инженерно-строительной дружине: служебные бумаги, собранные поэтом (Публикация, предисловие и комментарии А. Е. Заблоцкой)	248
Первая попытка кинопрочтения поэмы А. Блока "Двенадцать" ("Видение поэта" И. А. Новикова) (Публикация и предисловие А. М. Грачевой)	264
Словарь рифм А. Блока (Предисловие академика М. Л. Гаспарова. Составление Т. Ю. Максимовой. Указатель Н. Л. Груздевой)	288

Александр Блок

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

Утверждено к печати
Институтом русского литературы
(Пушкинский Дом) РАН

Редактор издательства *Е. А. Гольдич*
Художник *О. М. Разуевич*
Корректор *Е. А. Гольдич*
Компьютерная верстка *Л. В. Соловьевой*

ЛР № 061824 от 11.03.98
Сдано в набор 12.03.98. Подписано к печати 10.04.98
Формат 60 × 90 /16. Гарнитура Таймс.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Печ. л. 27,5. Усл.-печ. л. 29
Тираж 1000. Заказ 3669

Издательство “Дмитрий Буланин”

Санкт-Петербургская типография “Наука” РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Заказы присылать по адресу:

“Дмитрий Буланин”
199034, С.-Петербург, наб. Макарова, 4
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
Телефон: (812)235-15-86
Телефакс: (812)346-16-33